Россия и мир: итоги XX века

Русский Национальный Фонд

Культурно-просветительский Русский Национальный Фонд приглашает к творческому и деловому сотрудничеству всех, кого заинтересовали идеи, высказанные на страницах этой книги.

Информацию о Фонде можно найти в конце этой книги.

Россия и мир: итоги XX века

Уткин А.И.

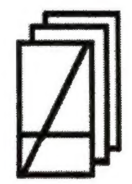
МИРОВОЙ ПОРЯДОК XXI ВЕКА

Русский Национальный Фонд

Уткин А.И.

МИРОВОЙ ПОРЯДОК XXI ВЕКА

МОСКВА — АЛГОРИТМ — 2001

ББК 66.2 (08)
У 84

Издатель: Соловьев А.В. (ИД N 02098)
Россия, 123100, Москва, Студенецкий пер., 3, www. russiannationalfond. ru
(095) 205-63-02, 205-74-42, 205-74-28, e-mail: russlaw@sonnet. ru

Издательство «Алгоритм»
Россия, 123308, Москва, ул. Демьяна Бедного, дом 16
(095) 946-36-67, e-mail: algoritm-kniga@mail.ru

Уткин А. И.
У84 Мировой порядок XXI века. — М.: Издатель Соловьев; Алгоритм, 2001.— 480с. — (Россия и мир: итоги XX века, вып.3).

В каком мире в недалеком будущем мы будем жить? В этой книге нет однозначных ответов. Автор рассматривает основные концепции современных футурологов: гегемония одной страны, биполярный мир, многополярный мир, господство семи цивилизаций.

Автор анализирует события недавнего прошлого, используя впечатляющее количество фактического материала и привлекая большой объем современной политологической литературы.

ББК 66.2 (08)
У 84

ISBN 5-9265-0024-9
ISBN 5-94191-003-0

ВВЕДЕНИЕ

О будущем можно не думать, в представлении о будущем можно ошибаться, будущее может смешать любые карты, заставить колебаться любой компас — оно неотвратимо и властно придет само. Прошлое никогда не превращалось в будущее плавным течением — будущее, как и все живое, рождается в муках. Самым жестоким способом оно застанет врасплох того, кто в политической злобе дня ограничивает кругозор проблемами прошлого. Погруженность в споры о былом является своего рода анестезией, миражом, отвлекающим от умственной работы над подлинно значимыми процессами, определяющими будущее.

Это будущее скрывается за горизонтом грядущих дней и не стоит полагаться на прорицателей. Но мыслительная работа — изучение статистики, учет новых факторов, анализ проявляющих себя тенденций, экстраполяция проявивших себя сил, знакомство с прогнозами футурологов в других странах — позволяет составить карту процессов, увлекающих мировое сообщество в неизбежное будущее и обеспечить рациональное обсуждение того, что ждет человечество.

Особенностью переживаемого ныне периода является константа флюидности — стабильность повсюду уступает место нескончаемым переменам. Трудность отныне составляет не дефицит сведений, а напротив, их стремительно растущий поток. Встает вопрос не нахождения фактов и статистики, а отбора *значимых* явлений и цифр, определения важного, преобладающего, выходящего на первый план. Мы вступили в неведомый прежде великий

век информатики. Прежняя эра газет и радио начинает испытывать качественный подъем на фоне формирующейся буквально на глазах многомиллионной глобальной аудитории Интернета. Перед нами век фантастически растущего обмена идеями, концепциями, критикой и апологетикой различных явлений. Оценка будущего требует тщательного отбора реально значимой информации от заведомой апологетики, пропаганды, просто шумового фона.

В новом мире определенно ясно лишь одно: самодовольство и успокоенность будут наказываться немедленно недремлющими конкурентами. Попытка изолироваться от перемен окажется самоубийственной. Тотальная изоляция будет равнозначна тотальному поражению. Постоянный анализ, поиск новых, более эффективных путей становится попросту очевидной предпосылкой выживания, движения вперед, преодоления трудностей, процветания, сохранения земных ресурсов, избежания смертоносных конфликтов, собственно выживания на нашей планете.

Уже в изначальном подходе две точки зрения интеллектуально и эмоционально разделяют футурологов.

Оптимисты верят в преодолимость грядущих неизбежных испытаний, в спасительную силу накопленного исторического опыта, в способность человечества и человека преодолеть все мыслимые преграды, базируясь на здравом смысле человека и на благожелательности к нему мировой эволюции. Их вера покоится на каталоге уже преодоленных испытаний, на спасительности рационализма, на бесценных основаниях науки, на вере в сдерживающие начала человеческой натуры. Если две мировые войны, венчающие человеческое безумие, не погубили род людской, то и предстоящие испытания найдут свое разрешение. Впереди — провоцируемое «эффектом CNN», реактивной авиацией и Интернетом сближение народов. Люди, как и организации, становятся похожими друг на друга не только по признаку схожести одежды, наличия lingua franca — общепонятного языка, космополитической культуры, пищи, манер, пристрастий, развлечений, трудовых процессов, но и ментального и психологического кода. И, разделяя общие ценности, они сближаются, превращаясь в единую планетарную деревню.

Некогда в будущем исчезнут разделительные линии между «мы» и «они» — той губительной черты взаимонеприятия, которая, увы, пока составляла смысл мировой истории. А тем временем скажет свое спасительное слово наука: генная инженерия и клонирование, роботостроение и информатика радикально изме-

нят привычный нам мир, обеспечивая и выживание, и прогресс. Всеобщая доступность информации ослабит роль государства и таких его органов, как центральные банки и секретные службы. Подобно тому, как изобретение печатного станка фактически упразднило надобность в церкви для протестантов, коммуникационные технологии ослабят необходимость государства как посредника между индивидуумом и внешним миром. В страхе перед терроризмом (включая ядерный) нации сдадут свои суверенные права международным организациям, которые наведут жесткий и стабильный порядок. Возникнет транснациональное гражданское общество. Глобальный бизнес возьмет на себя ряд функций правительств. А на внутренней политической сцене исчезнет различие между левой и правой частями политического спектра, поскольку исчезнет не только классовое деление, но и классовое сознание. Главным будет различие между сведущими, готовыми к переменам, *мыслящими глобально,* и теми, кто стал жертвой традиций, предубеждений, косности, ненависти к переменам.

Для футурологических изысканий этого толка характерна безусловная вера в *глобализацию,* в ее несказанно благодатные плоды для человечества. Певцы глобализации увлечены успехами коммуникационной технологии, делающей национальные границы прозрачными на пути глобального потока капитала, идей, культуры, популярных образов. Этот процесс решит проблему модернизации — это основное. Скажем, уже сейчас производственные мощности человечества позволяют выпускать 70 млн. автомобилей в год, и этот процесс сдерживается только потребностями рынка, нуждающегося лишь в 50 млн. машин. Как утверждают апологеты глобализации, «мировая политика будет вращаться вокруг глобальной экономики. А главные международные разграничительные линии будут проходить не между цивилизациями, а теми, кто либо отверг ее (как Афганистан или Северная Корея), либо по той или иной причине оказался неспособным играть по ее правилам (как Россия или Эквадор)»[1].

Миру предлагается согласиться на слом старых государственных границ, на предоставление права национального самоопределения практически всем желающим. Американский исследователь Р. Райт утверждает, что длительность переходного периода *к будущему* будет зависеть от того, насколько скоро «американские и европейские политические деятели поймут, что часто наиболее верным путем к стабильному миру является создание новых, небольших и гомогенных наций. Ведь войскам ООН гораздо легче охранять *границы, чем общины*»[2].

Но не все сообщество футурологов любит розовый цвет бестеневых явлений. Большинство не столь наивны. Реалистическое начало заставляет усомниться в близости нового золотого века. *Реалисты* призывают отставить абстрактные грезы: на протяжении минувших тысячелетий природа человека не сформировала иммунитета в отношении безграничных по форме проявлений озлобления и насилия — свидетельством чему вся Голгофа истории, летопись злого насилия, не утихающего в веках, не воспринимающего в должном объеме мучительный (и ставший после 1945 г. самоубийственным) опыт человеческого выживания. Более пристальный взгляд в будущее заставляет усомниться в релевантности простых, механических рецептов разрешения человеческих проблем. И оказывается, что оснований для *пессимистического взгляда* на будущее отнюдь не меньше: человеческий разум может быть направлен на разрушение с такой же силой, как и на созидание. Сам гигантский объем перемен и их феноменальная скорость заведомо предполагают «восстание» обществ, тяготеющих к традиционным основам, этническим и религиозным началам. Что бы ни говорили певцы естественного прогресса, перемены всегда воспринимаются человеком и человечеством жестоко болезненно. Культура отдельных стран противостоит быстрым переменам, а это означает, что людская память и традиции встанут в оппозицию к «расколдованной» стерильной жизни космополитов.

Даже самые удачливые деятели прошедшего века (такие, скажем, как финансист и филантроп Дж. Сорос) видят в будущем кризис рыночных механизмов, как не удовлетворяющих нуждам человеческого сообщества. В частности, Сорос сожалеет об излишней вере в «естественный прогресс», в «магию рынка». А не менее удачливый дипломат Г. Киссинджер видит угрозу в том, что государства будущего будут иметь *интересы, но не принципы*. А это мало чем отличается от традиционного постулата «войны всех против всех» англичанина Гоббса. Отсутствие человеческой солидарности, гедонистическая самоуспокоенность одних и жестокие страдания других создадут нетерпимую ситуацию, когда кризис межчеловеческих и международных отношений наложится на легкую достижимость овладения средствами катастрофического массового поражения.

А благотворен ли мировой рынок, исключающий из процесса международного экономического сотрудничества половину населения Земли? Последний (1999) доклад ООН об экономическом

состоянии мира может поразить жестокостью оценок самое уравновешенное сознание. На фоне обозначившейся возможности экономической катастрофы сложившийся в англосаксонском мире своеобразный «рыночный фундаментализм» (основанный на «вашингтонском консенсусе» министерства финансов США, Международного валютного фонда и Мирового банка, направленный на всемерное понижение препятствий мировой торговле) представляет для будущего исключительную опасность. Словами президента Бразилии Ф. Кардозо, «рынок важен для производства товаров, достижения эффективности, но он не предлагает решений для всех проблем. Рынок подвержен маниям, панике и кризисам. Рынок не является решением там, где проблемы завязаны на фундаментальные этические ценности, такие как мысль о том, что все люди рождены равными»[3].

Всякий, кто смотрит в будущее, просто обязан исходить из того, что на беднейшие 20% мирового населения приходится лишь 1% внутреннего валового продукта мира, что соотношение между богатой $^1/_5$ мирового населения и $^1/_5$ беднейшего населения Земли достигло 1:75. Честный наблюдатель не может впасть в ослепление новой технологией и раздвинувшимися рамками информационно-технологического обмена. Критическая степень неравенства в мире не может обещать ничего другого, как массовое стремление изменить *статус-кво*, то положение, которое ведет к глобальным катаклизмам.

Еще одним источником катастроф может стать прогрессирующий хаос в сообществе суверенных государств. Может ли безболезненно рушиться ткань традиционных социальных организмов — то, что происходит ныне повсюду? «От Индонезии до Шотландии, от прежнего Советского Союза до Южной Африки,— пишет профессор истории М. ван Кревельд,— наиболее характерным процессом нашего времени является политическое расщепление, децентрализация и даже дезинтеграция современных государств. Едва ли месяц проходит без того, чтобы новое государство не появилось на карте. И политические трансформации происходят помимо воли государств: каждый раз, когда новый пользователь покупает телевизионную тарелку или подключается к Интернету, природа политики подвергается изменению. Каждый раз, когда возникает новая международная организация, все большее число государств чувствуют себя попавшими в тенета этих организаций. Процесс расщепления идет в ущерб государственным структурам, способствуя огромному росту значимости этих организа-

ций — многонациональных корпораций, неправительственных организаций и средств массовых коммуникаций... Этот процесс отбрасывает нас в Средние века. Место императора начинает занимать президент США, а место римского папы — Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций. Как и в Средние века, президент владеет военной силой, а секретарь желает властвовать над общественным мнением. Возможно, самым важным является то, что президент испрашивает у секретаря право вести войну в Косово, Сомали и Кувейте... Впереди, как в Средние века, массовые перемещения населения»[4].

Суровые суждения слышны отнюдь не только из мира академической науки. Общемировые интересы вовсе не равны интересам верхушки меньшинства — благополучной части человечества. Часть представителей западного бизнеса видят в происходящем не модернизацию, а попадание в орбиту влияния США. Не будем заблуждаться, говорит президент одной из крупнейших коммуникационных компаний мира англичанин М. Соррел, «мир не глобализируется, он американизируется. Во многих отраслях индустрии на Соединенные Штаты приходится почти 50% мирового рынка. Что еще более важно, более половины всей деловой активности контролируется (или находится под влиянием) Соединенных Штатов. В области рекламы и маркетинга эта доля доходит до $^2/_3$. И посмотрите на сферу инвестиций. В ней доминируют огромные американские компании: Меррил Линч, Морган Стенли Дин Уиттер, Голдмен Сакс, Соломон Смит Барни и Дж.-П. Морган»[5]. Все остальные американские и европейские фирмы поглощены этими гигантами американского делового мира.

Но эти феноменальные по силе стороны американского могущества, увы, не гарантируют позитивных черт лидерства-гегемонии. Как раз напротив. Даже те на Западе, кто полагается на «просвещенное руководство» Соединенных Штатов, начинают терять уверенность: «Соединенные Штаты оказались увлеченными собственным успехом, они не могут усмотреть надобности в подчинении своих интересов неким абстрактным общим принципам. Соединенные Штаты ревностно охраняют свой суверенитет и поведут себя как единственный арбитр, отделяющий правое от неправого. Для того чтобы вести за собой открытое общество наций, Вашингтон должен претерпеть подлинный внутренний переворот»[6]. Признаков такого поворота пока не наблюдается. Соединенные Штаты еще способны вмешаться в дела будущих Косова и Сомали, но они не смогут произвести глубоких структурных

перемен, отчуждая Организацию Объединенных Наций. В будущем все более сложно будет отделить центр от периферии — столь усложненной будет глобальная конфигурация мощи и влияния.

Футурологи критического направления отмечают «измельчание личностей». Ф. Фукуяма не верит, что великое будущее могут создать люди типа Блэра, Жоспена и Миядзавы, а деятелей ранга Рузвельта, Сталина и Черчилля, по его словам, на горизонте не видно. Гегелевская «сова Минервы», т. е. *мудрость,* навестит человечество только тогда, когда мир перестанет быть разделенным между странами, включившимися в *глобализацию* и отторгнутыми от нее.

Пессимисты требуют обратить первостепенное внимание на глобальные процессы, столь опасные по своим последствиям. Экологические катастрофы не менее опасны. Восемь миллиардов землян (минимум демографического роста к 2050 году) просто не смогут существовать, если уровень потребления земных ресурсов у бедных и модернизирующихся стран приблизится к современному уровню США. Ныне площадь и объем используемых земли и воды, приходящиеся на одного американца, равняются 10 гектарам, а в беднейших странах — одному гектару. Для того чтобы бедным достичь американского уровня, необходимы еще *четыре* планеты Земля. Одно из двух: либо богатые поймут опасность расточительства, либо богатые и бедные в своей модернизации быстро истощат богатства планеты.

Не лучше обстоят дела и в политической сфере. Представляется, что лежащие впереди десятилетия заставят нас думать о 90-х годах как об относительно спокойном десятилетии — несмотря на жестокие трагедии Югославии, Руанды, Таджикистана. В недалеком будущем мир должен будет решить гораздо более масштабные, роковые вопросы: как ему быть с непрошеной гегемонией Америки, как обеспечить региональный баланс сил в Азии и Европе, как удержать ядерное нераспространение, как остановить нерегулируемые силы глобализации, чтобы позволить целым регионам избежать судьбы Индонезии?

Спокойствия впереди не будет хотя бы потому, что единственная общемировая лига — Организация Объединенных Наций — безусловно теряет силу, престиж и влияние. Попытки превратить в глобального полисмена военную организацию богатых североатлантических стран неизбежно встретят сопротивление. Отстраненные от участия в ней страны неизбежно будут искать альтернативу и, как показывает мировой опыт, найдут ее.

Грядущий мир еще будет содрогаться в конвульсиях от всех попыток единственной сверхдержавы закрепить то положение, когда на ее неполные пять процентов населения приходится до трети мировых ресурсов и богатств. Речь идет прежде всего не о силовом противостоянии, а о солидарности менее счастливо наделенных народов и тех, от кого история явно отвернулась. В ходе всей мировой истории лидер всегда встречал все более согласованное сопротивление остального мира, и история едва ли сделает исключение на этот раз. Такова логика истории, и этой логике будет трудно противиться стране, провозгласившей, что «все люди рождены равными». Все виды национальной противоракетной обороны и тому подобные проекты будут восприниматься как реализация особого статуса, как неравенство. При этом любая — самая благожелательная политика потребует от Соединенных Штатов той степени жертвенности (на которую они, похоже, уже не способны), для мобилизации которой американцы должны будут изменить систему ценностей. Раньше такую мобилизацию облегчал пафос борьбы против кайзера и Гитлера. Историческая самооборона как таковая, если американцы на нее еще способны, может означать лишь односторонность действий, что так или иначе ведет к новой форме изоляционизма.

Сразу же встает вопрос: возможен ли американский изоляционизм в условиях глобализации мировой экономики? Громадная технологическая мощь дает Америке все шансы извлечь максимум из снижения таможенных барьеров между странами, но перемещенные в зоны более дешевой рабочей силы предприятия неизбежно нанесут удар по квалифицированным рабочим Америки.

Европейский союз и Китай предстают первостепенными претендентами на трансформирование однополюсного мира в более сложную галактику. ЕС уже примерно равен гегемону в торговой и валютной сфере. Ему предстоит проявить себя и в геополитике. Европейский союз посредством Финляндии уже имеет тысячекилометровую границу с Россией; членство Кипра вовлечет его в ближневосточные проблемы, а вхождение Турции создаст общие границы с Ираном и Ираком. И нет сомнений, полагает многолетний прежний директор лондонского Международного института стратегических исследований К. Бертрам, что европейская стратегия будет «очень отличной от американской». Нынешнюю констелляцию сил Бертрам считает очень краткосрочной: «Американская однополярность дышит самодовольством и в этом таится зарок ее временности»[7].

Китай мыслит в рамках столетий. По китайским прогнозам, к 2050 году страна будет, как минимум, «средних размеров державой», но во второй половине века она раскроет свой глобальный потенциал. Действия Пекина в своем регионе будут зависеть от отношений с Соединенными Штатами в первую очередь, но также от политики Японии и партнерства с Россией.

Разворачивающейся мировой истории придется дать ответ по трем пунктам: последует ли вслед за смещением производительных сил смещение в юго-восточном направлении центра всемирного идейного творчества, осуществится ли самоценное политическое самоутверждение на новой индустриальной основе, не отпрянет ли мир к традиционным культурно-религиозным основам? Ответ на эти три вопроса составит суть грандиозных процессов двадцать первого века.

* * *

Итак, между двумя крайностями — верой в спасительность разума и опыта и скепсисом в отношении грядущего развития стремительно меняющегося мира — ищет путь в будущее современная футурология. Она не может не оборачиваться на опыт предшественников.

В январе первого года двадцатого века английский журнал «Двадцатый век и после» опубликовал «Наметки Бога на грядущий век». Одной из первых задач было отложить устаревшие *военные игрушки* всем — начиная с кайзера, поскольку война в век железных кораблей немыслима. Редакторы не могли помыслить о мировых войнах, столь скоро поглотивших британскую морскую гегемонию, богатство и империю. Зигмунд Фрейд писал о «постоянно увеличивающейся взаимозависимости, создаваемой коммерцией и производством, которые неизбежно влекут к моральности». Увы, такие футурологические просчеты, такие ошибки могут показаться малозначительными в век распространяющегося по всему миру ядерного оружия.

Многовекторность ускоряющегося мирового развития способна поставить в тупик. Но современные футурологи склонны верить в свою способность очертить основные контуры будущего, увидеть возможности гипотетического будущего. «Эти возможности,— размышляет один из ведущих социологов нашего времени И. Валлерстайн,— многообразны. Самые различные силы воздействуют на траекторию разворачивающихся процессов. И *все же мы можем* определить наиболее реальный ход событий»[8]. Поверим высказанной надежде, присоединимся к этому выводу.

Ключей от будущего нет ни у кого. Но мы можем мобилизовать наши знания и воображение, представить себе несколько возможных дорог. Вместе с нами о будущем думают сотни и тысячи людей, их мыслительная работа состоит в том, чтобы обнажить главные факторы перемен, экстраполировать эти факторы на грядущее и обозначить контуры на горизонте. Мы отправляемся в путь, где нашими попутчиками будут те, кто с самых различных позиций вглядывается вместе с нами в скрытую от всех взоров подлинную дорогу стремительной мировой эволюции наступившего века.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ныне, в начале третьего тысячелетия *семь мощных сил* меняют прежнюю картину мира и уверенно подводят мировое сообщество к новому состоянию. *Первая* из этих сил — реализация геополитической мощи главным победителем в холодной войне — Соединенными Штатами, экстраполяция американской мощи на глобальное окружение, создающая однополярную структуру мира. *Вторая* сила — бурный рост экономики в индустриальном треугольнике мира — Северной Америке, Западной Европе и Восточной Азии, в результате которого развитое меньшинство (страны — члены Организации экономического сотрудничества и развития — ОЭСР) подчиняют своей власти огромное большинство мирового населения. *Третий* могучий преобразователь — разрушительный *хаос,* наступающий на мировое сообщество вследствие ослабления государств-наций (на фоне укрепления влияния транснациональных корпораций и негосударственных организаций, создающих нерегулируемые процессы). *Четвертая* историческая волна — обращение государств (после окончания века идеологий и битв за природные ресурсы) к новой идентичности, базирующейся на возврате к традициям, устоям, исконной религии, историческим святыням. *Пятая* сила — грозящая глобальным взрывом поляризация бедного и страждущего большинства населения планеты и материально благоденствующего меньшинства. *Шестая* из меняющих мир сил — феноменальный демографический рост населения Земли, преимущественно его бедной части. *Седьмая* огромная сила — наука, давшая в наши дни огромный толчок развитию производительных сил и в то же время оснастившая страшными орудиями глобального разрушения.

Таким образом, на мир воздействуют семь неистребимых по своей природе факторов — *сила, богатство, хаос, идентичность, справедливость, увеличение человеческой семьи, господство над природой.* Результатом взаимостолкновения этих волн будет новая конфигурация миропорядка, новое соотношение сил, новая геополитическая, экономическая, цивилизационная картина мира. Обратимся же к этим факторам.

Глава 1

ГЕГЕМОНИЯ ВМЕСТО БАЛАНСА СИЛ

В 1989—1991 годах, когда вторая сверхдержава, находясь в руках советских борцов за благополучие «у нас и во всем мире», начала рушиться на глазах у изумленного мира, Вашингтон увидел невероятные, немыслимые прежде внешнеполитические возможности. С крушением Востока окончился полувековой период баланса сил на мировой арене. У оставшейся в «одиночестве» главной победительницы в холодной войне Америки появились беспрецедентные возможности воздействовать на мир, в котором ей уже не противостоял коммунистический блок.

Стабильность однополюсному миру может обеспечить лишь наличие «трех китов» — экономического доминирования; военной силы; культурной привлекательности. Немногие страны в мировой истории удовлетворяли этим условиям. В Европе Нового времени около 1500 г. трем этим условиям в некоторой степени удовлетворяла Португалия, полустолетием позже — Испания, примерно в 1620 г.— Нидерланды, Франция в 1690 и 1810 гг., Британия в 1815—1890 гг. Германия дважды пыталась пробиться к лидерству в двадцатом веке, но безуспешно. *После двух мировых и холодной войны этого положения уверенно достигли Соединенные Штаты Америки* благодаря гигантским размерам их экономики, эффективности их рынков капитала, преобладанию в информационной сфере.

Экономика. У США в начале третьего тысячелетия не только самая мощная, но и самая эффективная экономика мира. Начавшийся в 1992 году безостановочный подъем закрепил лидирующее положение американской экономики в мировом взаимообмене, в мировых финансовых учреждениях, в осуществлении международной экономической помощи. Между 1990 и 2000 годами

американская экономика выросла на 27%, тогда как западноевропейская — на 15%, а японская — лишь на 9%[9]. Доля США в мировом валовом продукте увеличилась между 1996 и 2000 годами с 25,9 до 30,4%[10]. На пороге нового века рост ВНП США продолжал оставаться высоким — 4%, уровень безработицы упал до фантастически низких 4%. Абсолютная и относительная мощь Америки достигла невиданных высот, о чем свидетельствует таблица 1.

Таблица 1. *ВВП ведущих стран мира в 2000 г. в млрд. долл. (прогноз).*

США	Япония	Германия	Франция	Британия	Италия	РФ
9,3	3,9	2,2	1,5	1,4	1,2	0,2

Источник: The World in 2000. London. The Economist Publications, p.89.

Еще в 1990 году опасения в отношении зарубежной конкуренции испытывали 41% американских производителей, а к концу десятилетия страх почти исчез — лишь 10% опрошенных выразили свои тревоги. Страх в отношении объединенной Европы и неудержимой Японии ослаб. Теперь 85% лидеров американского бизнеса приветствуют европейскую конкуренцию[11]. Годовой доход в расчете на каждого американца составил 34 тыс. долл. Американский бюджетный профицит в 1999 фин. г. составил 124 млрд. долл.

Экономика Соединенных Штатов оставила далеко позади потенциальных соперников и ныне, спустя более полувека после окончания второй мировой войны, ее превосходство над поверженными тогда Германией и Японией убедительнее, чем когда бы то ни было. Восстановившие свою мощь страны не смогли приблизиться к показателям Америки, о чем свидетельствует таблица 2.

Таблица № 2. *Доля ВНП прочих стран по отношению к гегемону (в %).*

Год	США	Британия	Россия	Япония	Германия
1950	100	24	35	11	15
1985	100	17	39	38	21
1997	100	15	9	38	22

Источник: «International Security», Summer 1999, p. 12

И американский гигант не останавливает своего движения. В 1980 году на научные исследования и разработки на Западе в

целом расходовались 240 млрд. долл., из которых на долю министерства обороны США приходилось 40 млрд. долл. В 2000 финансовом году расходы на исследования и разработки стран Запада составили 360 млрд. долл. и доля США в них составила 180 млрд. долл.[12]. Величайшая экономика мира является основным источником мирового технического прогресса — на США приходится 35,8% мировых расходов на производство новых технологий. Америка инвестирует в высокотехнологичные области больше, чем вся Европа, взятая вместе. Общие американские расходы на исследования и внедрение равны совокупным расходам богатейших стран мира — остальных стран «большой семерки». (А «семерка» расходует на эти цели 90% общемировых расходов на исследования и разработки. На занимающую второе место Японию приходится — 17,6%, на Германию — 6,6%, Британию — 5,7%, Францию — 5,1%, Китай — 1,6%)[13]. И эти расходы дают весомые результаты: не менее половины новых технологий мира создается на пороге XXI века в Америке (что детально показывает Совет по конкурентоспособности — аналитический центр американской индустрии, расположенный в Вашингтоне[14]).

Более 40% мировых инвестиций в компьютерную технологию приходится на американские компании — более 220 млрд. долл. Соотношение числа компьютеров к работающим в США в пять раз выше, чем в Европе и Японии. Это дает американскому бизнесу внушительное превосходство над конкурентами. Компании «Интел», IBM и «Моторола» производят существенно важные компоненты собственно компьютерной техники. В то же время «Майкрософт», «Оракл» и «Нетскейп» обеспечивают главные мировые программы, и все они основаны в Америке, где располагаются их штаб-квартиры. Экспорт «Виндоуз» и «Лотус 1, 2, 3» постоянно растет. Основанный министерством обороны США Интернет стал глобальным феноменом, но большинство включенных в Интернет 15 000 телевизионных сетей базируются в Соединенных Штатах[15].

США расходуют вдвое больше средств на душу населения на информационно-технологические нужды, чем западноевропейские фирмы. Более 90 процентов сайтов в Интернете являются американскими. Американские компании являются главными поставщиками «кремниевых мозгов». В стране находятся 40% общего числа компьютеров в мире.

Наличие наиболее эффективного экономического организма; организационные, технические и идеологические инновации (более трети мировых патентов), совершенство индустриальной

организации, доминирование в мировой валютной системе, главенствующие позиции в мировой торговле, обладание самыми мощными ТНК, возможность оказывать массированную экономическую и гуманитарную помощь внешнему миру — все это позволило Америке установить первенство в основных отраслях современной экономики. Университеты США и американский бизнес легко абсорбируют в американскую экономику талантливых иностранцев — как когда-то Римская империя.

Военный аспект. Мощь Америки покоится на колоссальном военном основании. Окончание холодной войны и разговоры о «мирном дивиденде» не ослабили этого основания. Вашингтон продолжает расходовать пропорционально столько средств на военные нужды, сколько он расходовал в 1980 году — в пике холодной войны. Американская экономика осуществила в 80—90-х гг. широкомасштабную модернизацию, сделавшую бремя военных расходов менее ощутимым. Как отмечает профессор Бостонского университета Э. Басевич, «для американских мужчин и женщин в военной униформе десять лет, которые прошли со времени падения Берлинской стены, были временем *интенсивной занятости*». На фоне сокращения военных расходов другими странами военные усилия США видны особенно рельефно. Обоснование весьма просто: «Сильный имеет гораздо больше способов справиться с противниками, чем слабый, при этом сильный независим. Соединенные Штаты являются единственной страной, способной создать глобальную военную коалицию, как это было в случае с Ираком и на Балканах»[16].

Сформировались силовые возможности глобального масштаба на основе многочисленных и квалифицированных вооруженных сил, на основе широких и мощных союзов, разветвленной разведывательной сети, эффективной индустрии производства вооружений и воли использовать свои силовые возможности. Американская военная промышленность, поддерживавшаяся десятилетиями щедрых военных бюджетов, безусловно превосходит любые страны, стремящиеся сохранить свое военное производство, по способности быстро мобилизовать, привести в боевую готовность и переместить на огромные пространства значительные воинские контингенты.

На любом историческом фоне Соединенные Штаты выглядят самым впечатляющим образом. Мощь глобального масштаба включает в себя стратегическое и тактическое ядерное оружие, атакующие подводные лодки наряду со спутниками в космосе, флот двенадцати тяжелых авианосцев и несравненные силы бы-

строго развертывания. Революция в военной технологии дала Соединенным Штатам несравненную военную мощь, основанную на спутниковом и прочем слежении за миром, новом поколении средств доставки, точечном использовании ударной силы. Технологии C3I (информационные системы поддерживания командования, контроль, коммуникации, разведка) держат безусловное первенство в мире.

Разумеется, содержание первоклассных вооруженных сил обходится американской казне в значительную сумму. В мире нет ныне страны, которая расходовала бы в военной сфере средства, сопоставимые с американскими, о чем говорит таблица 3.

Таблица 3. *Доля военных расходов от расходов США (в %).*

Год	США	Британия	Россия	Япония	Германия	Китай
1950	100	16	107	—	—	—
1985	100	10	109	5	8	10
1996	100	13	26	17	14	13

Источник: «International Security», Summer 1999, p.12.

Несмотря на увеличение доли американских военных бюджетов в общемировых расходах, в США популярно мнение, что глобальное силовое превосходство обходится могучим Соединенным Штатам не так уж и дорого. Постоянно задается вопрос: «Неужели поддержание американского первенства не стоит оборонных затрат где-то на уровне 3-3,5% ВНП?»[17].

Эти военные расходы тем легче переносятся экономикой США, чем шире объем американского военного экспорта — превышающего военный экспорт всех остальных продающих оружие держав, вместе взятых. В новый век Америка выходит как величайший производитель и торговец оружием — среднегодовые продажи американского оружия превышают 15 млрд. долл. (50% всей мировой торговли оружием — по сравнению с 26,7% десятилетием ранее)[18]. Стимулирующим фактором является государственная программа Иностранной военной помощи (FMA). За вторую половину двадцатого века по настоящее время внешний мир получил американского оружия примерно на 0,5 трлн. долл.[19]. Получатели американского оружия так или иначе становятся клиентами США не только в военной области, это мощный рычаг воздействия на экономику и внешнюю политику получателя военной помощи или ее импортера.

Контроль в ключевых регионах. Главный союз — с примерно равной по мощи зоной — с Западной Европой пережил осуществление своей миссии. НАТО достаточно крепка в качестве инструмента американского контроля над западноевропейским центром. В начале XXI века Соединенные Штаты владеют 395 крупными военными базами и большим числом мелких баз в 35 иностранных государствах. Распространение американских военных баз стало элементом глобализации горизонтов американских государственных интересов, ибо, по оценке американского политолога, «как только американские войска располагаются на иностранной территории, эта территория немедленно включалась в список американских жизненных интересов»[20]. Исключительно благоприятствующим для распространения влияния США являются контрольные позиции их вооруженных сил в двух экономически могущественных регионах, способных бросить Америке вызов: *Японии и Германии*. На территории этих стран находятся американские войска, эти государства связаны с Вашингтоном обязывающими отношениями и не могут сейчас и в ближайшие десятилетия оказать реальное противодействие.

При этом трудно не согласиться с американскими исследователями Р. Каганом и У. Кристолом, которые подчеркивают, что «международные финансовые институты были созданы американцами и служат американским интересам. Международная структура безопасности представляет собой совокупность руководимых Америкой союзов»[21]. Полагаясь на эту мощь и наличие союзников, американские политологи делают однозначный вывод: «Соединенные Штаты являются единственным в мире государством с потенциалом глобальной проекции мощи; они способны осуществлять базирующееся на наземных плацдармах доминирование на ключевых театрах; они обладают единственным в мире всеокеанским военно-морским флотом; они доминируют в воздухе; они сохраняют способность первого ядерного удара, продолжают инвестировать в системы контроля, коммуникаций и разведки... Следует признать, что *любая попытка непосредственно соперничать с Соединенными Штатами безнадежна. Никто и не пытается»*[22].

Наличие силовых возможностей открыло, по словам американского эксперта Басевича, «перспективу чистого, быстрого и приемлемого решения насущных проблем, вооруженные силы стали предпочтительным инструментом американского государственного искусства. Результатом стала обновленная, интенсифицированная —

и, возможно, необратимая — милитаризация американской внешней политики»[23]. Как характеризует сложившееся положение американский политолог Т. Фридмен, мир поддерживается «присутствием американской мощи и американским желанием использовать эту военную мощь против тех, кто угрожает их глобальной системе... Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем»[24].

Условия, сложившиеся в мире в 90-е годы, позволили Соединенным Штатам использовать свои вооруженные силы для целей принуждения практически без риска возмездия. Используя превосходную технологию ударов по наземным целям издалека, Соединенные Штаты свели до минимума риск ответного удара по своим вооруженным силам. Соответствующую трансформацию претерпела и разработка американской военной доктрины.

Министр обороны в администрации Дж. Буша У. Перри предложил концепцию *«превентивной обороны»*, которая предполагает «обеспечение безопасности посредством диалога с региональными лидерами и реализации более жесткой оборонительной программы»[25]. Но наиболее выпукло силовую основу внешней политики США осветил неожиданно рассекреченный в 1992 году плановый документ Пентагона: *«Нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял собой Советский Союз... Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального будущего глобального соперника»*[26].

Согласно определению, данному президентом Б. Клинтоном в январе 1998 года в Национальном оборонном университете, *«дипломатия и сила являются двумя сторонами одной и той же монеты»*[27]. Государственный секретарь США М. Олбрайт обратилась к американским военным со словами, которые трудно трактовать двояко: *«Какой резон иметь эту превосходную военную машину, о которой постоянно говорят военные, если мы не можем ее использовать?»*

Культурный аспект. «Культура,— как формулирует один из ведущих социологов нашего времени И. Валлерстайн,— всегда была орудием сильнейшего»[28]. Как и информация в целом. Базирование CNN в г. Атланта, штат Джорджия обеспечивает Соединенным Штатам благоприятное для них освещение основных мировых событий. Сами американские специалисты указывают, что, владей

арабы в начале 90-х годов каналом CNN, события вокруг Кувейта и Ирака (как и многое другое) получили бы иной мировой резонанс[29].

Хотя английский язык является родным языком лишь 380 миллионов жителей планеты, на нем выходит львиная доля книг, исследований, газет и журналов. Это является практическим отражением того, что страны, говорящие на английском языке, производят 40% мирового валового продукта. Более 80% материалов в Интернете созданы на английском языке, который является средством международного общения в большинстве сфер от мировой дипломатии до воздушного сообщения. Знание английского языка стало условием службы в крупнейших корпорациях и банках мира. Соединенные Штаты безусловно лидируют в критически важных секторах информационной индустрии[30]. Электронная почта и всемирная паутина позволяют Соединенным Штатам доминировать в глобальном перемещении информации и идей. Спутники переносят американские телевизионные программы на все широты. Информационное Агентство США использует эти технологии подобно тому как прежде использовало «Голос Америки». Получая доступ к Интернету, мир получает доступ к американским идеям.

Соединенные Штаты закрепили господство в мировой науке. Мировая элита воспитывается в американских университетах, где многие тысячи иностранцев получают образование. В США учатся примерно 450 тысяч иностранных студентов. Возвратившись в будущем домой, многие из них займут влиятельные позиции в своих политических системах, облегчая возможности для распространения американского влияния. Одно из определений американского «культурного империализма» дал известный американский исследователь Р. Стил: «Не Советский Союз, а Соединенные Штаты всегда были революционной державой... Мы построили культуру, базирующуюся на массовых развлечениях и массовом самоудовлетворении... Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру — и они подрывают основы других обществ... в отличие от обычных завоевателей, мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали»[31].

Культурное влияние Голливуда повсеместно. В 22 наиболее развитых странах более 85% наиболее посещаемых фильмов являются американскими (а в таких странах как Британия, Бразилия, Египет, Аргентина — 100%)[32]. «Родители всего мира без всякого шанса на успех борются с волной T-shirt и джинсовой одежды, музыки и фильмов, видео и компьютерных дисков,

идущих из Америки и желанных для их детей. Такова массовая культура. Она рождается сейчас и она определенно рождена в Америке. Даже интеллектуальная и коммерческая дорога будущего — Интернет основана на нашем языке и наших идиомах. Все говорят по-американски. Дипломатия? Ничего значительного в мире не может быть создано без нас»[33]. Американская пищевая фирма «Макдоналдс» дает работу 15 тысячам ресторанов в более чем семидесяти странах. Значительная часть мира читает американские книги, смотрит американское телевидение, носит американскую одежду, ест гамбургеры — это явление американский политолог С. Хантингтон назвал «кока-колонизацией»[34].

Благоприятное окружение. Благоприятствующим сохранению преобладания США обстоятельством является заинтересованность практически всех претендентов на лидерские позиции — Китая, России, Британии, Франции — в дружественности Соединенных Штатов, лидирующих в финансах, торговле, технологии. Эти страны в той или иной степени фактически *зависят* от Соединенных Штатов.

Особенная удача Вашингтона заключается в трудности западноевропейского наднационального строительства и том, что Европейский союз ценит свои отношения с США и не намерен с легкостью оборвать их. У ЕС пока нет явно выраженной геополитической цели, нет жертвенной устремленности, нет желания отодвинуть на второй план социальные чаяния своего электората ради нового глобального могущества, нет единой европейской военной системы. Вожди Западной Европы не готовы к своего рода общественной мобилизации, необходимой для выхода в «свободное плавание» на капризных волнах мировой политики. Не существует ясно выраженной подлинно обще- или западноевропейской психологической идентичности. Правящие в западноевропейских странах либерал-социалисты испытывают в текущее время своего рода аллергию к геополитическому могуществу, к глобальному возвышению. Явления типа голлизма угасли. Ни Британия, ни Франция не хотят в результате интеграции становиться провинциями Большой Европы. В целом, ориентированные на потребление и рост жизненного уровня европейцы пока не являют собой *геополитического* конкурента Соединенным Штатам. Американский аналитик Д. Рием полагает, что «перспективы превращения единой Европы в серьезного соперника Соединенных Штатов весьма спорны... Руки Западной Европы еще долго будут связаны новыми проблемами — ее будущее связано с не-

обласканными историей странами Восточной и Юго-Восточной Европы, западными республиками бывшего Советского Союза и собственно Российской Федерацией... где даже такие считающиеся «благополучными» страны, как Польша, еще очень долго не смогут встать на дорогу процветания»[35].

У *Китая* большое будущее, но «следующий период экономического развития,— пишет англичанин Хэмиш Макрэй,— не будет прямолинейным. Китай показал свои способности допускать ошибки, и велика вероятность того, что он будет продолжать их делать»[36]. Китай нуждается в рынке Америки, в американских инвестициях, в американской технологии. Вследствие уязвимости в отношении соблюдения гражданских прав, принятие КНР в элитные мировые организации в значительной мере зависит от благожелательности Америки. Даже наиболее энергичные китайские сторонники самоутверждения сомневаются в возможности взойти на экономико-политический Олимп, действуя против лидера. В Вашингтоне рассчитывают и на то, что к власти в Пекине может прийти более прозападная (скажем, «шанхайская») группа политиков, принципиально отрицающих путь конфронтации.

Россия нуждается в помощи международных финансовых организаций, в западных инвестициях, в допуске своих производителей на американский рынок, в технологическом обновлении, в соблюдении стратегического баланса, в поддержке на отдельных региональных направлениях (сдерживание расширения НАТО и т.п.). На данном этапе Россия не может не ценить благожелательности США, она не желает портить отношения с лидером Запада (за возможность улучшения связей с которым она так много отдала).

Величайший страж мирового равновесия, многовековой борец против любой гегемонии во внешнем для нее мире — *Британия* молча восприняла американское возвышение в ходе и после второй мировой войны. Лондон едва ли готов вернуться к традиционной многовековой роли в новом столетии. Британия опасается растворения в Европейском союзе и в этом плане ценит «особые отношения» с Вашингтоном, верит в американские сдерживающие Германию механизмы. Лондон нуждается и в содействии в решении североирландской проблемы. *Франция* видит в опоре на США крайнее средство на случай рецидива германского самоутверждения: французы не могут не опасаться остаться тет-а-тет с рейнским соседом в случае активизации германского утверждения. Франция не желает отстать от высот современного технологического развития, боится потери региональной роли в франкофонной Африке. *Япония* выдохлась на пороге 90-х годов. Обсуж-

давшаяся прежде перспектива появления азиатского гиганта «с японской головой на китайском теле» ныне неуместна.

Но даже если Европа, Япония, Китай и поднимутся в геополитическом смысле, в их интересах еще долго будет сохранять дружественность Соединенных Штатов. По мнению австралийца К. Белла, «и европейцы и японцы, скорее всего, в обозримом будущем останутся на стороне американцев, ценя позитивные стороны союза с Америкой больше, чем любые другие международные преимущества, которые они могли бы получить, проводя независимую внешнюю политику, имея свободными руки в мировой дипломатии»[37]. Судя по всему, значительный по силе антиамериканский альянс в начале XXI века едва ли может материализоваться. Этому содействует то, что Соединенные Штаты стремятся более внимательно (чем их предшественники на мировом Олимпе) исходить из исторического опыта и не уподобляться прежним претендентам на гегемонию (наполеоновской Франции, кайзеровской Германии и др.).

В целом именно эта своеобразная *нейтрализация* противодействующих сил позволяет утверждать, что мир ближайших десятилетий дает США особые возможности. В будущем от дипломатического мастерства Вашингтона и его союзников будет зависеть многое, но на настоящее время ограничимся констатацией того, что большинство исследователей в США убеждены, что геополитическое окружение позволяет Америке надеяться на долгий период главенства в XXI веке[38].

Гегемония. Эта возможность будоражит даже самых хладнокровных среди американских идеологов, исходящих из того, что «Соединенные Штаты занимают позицию превосходства — первые среди *неравных* — практически во всех сферах, включая военную, экономическую и дипломатическую. Ни одна страна не может сравниться с США во всех сферах могущества, и лишь некоторые страны могут конкурировать хотя бы в одной сфере»[39]. «Очевидной реальностью,— пишет вице-президент Брукингского института Р. Хаас,— является то, что Соединенные Штаты — самая могущественная страна в неравном себе окружении»[40]. Американский политолог Ч. Краутхаммер предлагает зафиксировать исключительность момента: «Никогда еще за последнюю тысячу лет в военной области не было столь огромного разрыва между державой № 1 и державой № 2... Экономика? Американская экономика вдвое больше экономики своего ближайшего конкурента»[41].

Уже создается блистательная проекция: «Франция владела семнадцатым столетием, Британия — девятнадцатым, а Америка,— пишет главный редактор журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» М. Закерман,— двадцатым. И будет владеть и двадцать первым веком»[42]. Ведущие американские политологи триумфально констатируют, что «Соединенные Штаты вступают в XXI век величайшей благотворно воздействующей на глобальную систему силой, как страна несравненной мощи и процветания, как опора безопасности. Именно она будет руководить эволюцией мировой системы в эпоху огромных перемен»[43]. В наши дни складывается идеология благоприятного для мира американского всемогущества. Ведь «Соединенные Штаты,— по определению советницы Дж. Буша-мл. К. Райс,— оказались на *правильно* избранной стороне Истории»[44].

История при анализе данного явления едва ли может быть хорошей советчицей — такой степени преобладания одной страны над окружающим миром не существовало со времен античного Рима. Параллели с подъемом Франции в конце семнадцатого и начале девятнадцатого веков и Британии в девятнадцатом веке «хромают» в том плане, что обе эти страны были все же частью единого европейского — общего сочетания сил. Они были *первыми среди равных*. Чего о современных Соединенных Штатах не скажешь — даже совокупная мощь потенциальных конкурентов *не дает им шансов равного противостояния*. Ч. Краутхаммер имеет все основания утверждать, что «в грядущие поколения возможно и появятся великие державы, равные Соединенным Штатам. Но не сейчас. Не в эти десятилетия. Мы переживаем момент однополярности»[45].

Может ли мир сделать что-либо существенное без (даже не *вопреки)* страны-гегемона? Государственный секретарь США ответила на этот вопрос своим определением Америки: «*Нация, без которой невозможно обойтись*. Она остается богатейшим, сильнейшим, наиболее открытым обществом на Земле. Это пример экономической эффективности и технологического новаторства, икона популярной культуры во всех концах мира и признанный честный брокер в решении международных проблем»[46]. «*Место Америки,*— объяснила американскому сенату государственный секретарь Олбрайт,— *находится в центре всей мировой системы... Соединенные Штаты являются организующим старейшиной всей международной системы*». Ее заместитель Строуб Тэлбот: «Если мы не обеспечим мирового лидерства, никто не сможет вместо нас повести мир в конструктивном, позитивном направлении». Министр обороны Коэн объяснил ситуа-

цию следующим образом. «Когда у вас есть стабильность, у вас есть, по меньшей мере, возможность надеяться на процветание вследствие потока инвестиций. Бизнес следует за флагом. Когда бизнес находит безопасное окружение, он приступает к инвестированию». Уберите безопасность и немедленно возникнут барьеры, граница окажется закрытой и свобода инвестиций исчезнет. Гарантом выступает лишь американская мощь.

Гегемония представляется многим представителям страны-гегемона лучшей из возможных систем мирового общежития. Американцы Р. Каган и У. Кристол убеждают читателя, что «гегемония — вовсе не проявление «высокомерия» по отношению к остальному миру — это просто неизбежное воплощение американской мощи»[47]. Соединенным Штатам, подчеркивает профессор Техасского университета Г. Брендс, «присуще особое представление об своем предназначении улучшить долю человечества»[48].

Миф об американской исключительности, как известно, восходит еще ко временам пилигримов, считавших себя избранными людьми Бога, чьей миссией в этом мире является построение нового общества, служащего моделью для всего человечества. Банкротство коммунизма, коллапс ряда азиатских стран (претендовавших на роль конкурента либеральной идейной модели) в конце 90-х годов, усилил тягу к «американскому фундаментализму». Бывший конгрессмен Джек Кемп провозгласил «наступление 1776 года для всего мира». Потомки пилигримов восприняли миссию: «Представление об американской исключительности вдохновляет современный американский подход к внешней политике, который направлен на всемирное распространение американского либерально-демократического опыта посредством морального убеждения и политической кооптации — когда это возможно, или посредством насилия, если это необходимо»[49].

Идея однополюсности «стала лейтмотивом редакционных статей и общим мнением специалистов на страницах американских газет»[50]. Главный редактор журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» М. Закерман с великой гордостью объявил не только о пришествии второго американского века, но и о том, что человечество стоит на пороге *новой американской империи — novus imperio americanum*[51]. Особенно активно развивают идеи подобного рода неоконсерваторы, такие как Уильям Кристол и Джошуа Муравчик, как один из ведущих деятелей фонда Карнеги Роберт Каган, говорящие о традиции либерального лидерства Америки со времен отцов-основателей и особенно после интернационализма Вудро Вильсона. Более критичный де Сантис полагает, что Со-

единенные Штаты «принимают на себя роль мирового паладина частично поскольку верят в сохранение их политическим руководством мира от падения в хаос, частично потому, что это соответствует национальному тщеславию»[52].

Идеологи гегемонии органически не выносят критики «единоначалия»: со времен Геродота однополярность в мире приносила не только печали, но и порядок, своего рода справедливость, сдерживание разрушительных сил. Однополярность гарантирует мир от неожиданных взрывов насилия, регламентирует прогресс, обеспечивает стабильность. В самой Америке понимание уникальности момента и несказанных американских возможностей стало всеобщим. Вашингтон ощутил себя подлинной столицей мира, имеющей свое видение оптимальной структуры мира и свое предназначение осуществлять эту миссию.

Они призывают помнить печальный конец альтернатив — попыток упорядоченного развития на основе стабильного баланса сил. Патриарх американской дипломатической теории и практики Г. Киссинджер указывает, что «системы баланса сил существовали очень редко в истории человечества. Такой системы никогда не было в Западном полушарии — равно как и на территории современного Китая — уже две тысячи лет. Для огромного большинства человечества и в наиболее продолжительные периоды истории империя была самой типичной формой правления. У империй нет необходимости в сохранении баланса сил. Они не нуждаются в системе международного сотрудничества. Именно так Соединенные Штаты осуществляли свою политику в Западном полушарии, а Китай во всей истории Азии»[53].

Мир не сможет более вынести еще одной мировой войны — этот базовый элемент государственной памяти сторонников однополярности требует: мир нуждается в сплоченности, в ключевом государстве, которое обеспечило бы мировой порядок. Стабильна ли многополярная система? Сомнения на этот счет базируются на опыте многополярного мира без доминирующего лидера между первой и второй мировыми войнами. «Коммунистическая Россия, фашистская Германия, Япония и Италия и демократическо-капиталистические Великобритания, Франция и Соединенные Штаты столкнулись в мире, который был лишен центра тяжести, и это столкновение привело к трагическим результатам»[54]. Лучшим будет мир, в котором сила, мудрость и благожелательность Соединенных Штатов Америки обеспечат заслон глобальным и региональным конфликтам, давая простор глобализации, прогрессу, мирной эволюции большинства.

Как пишут американские политологи Дж. Чейз и Н. Ризопулос, «имперская модель — будь то Римская, Византийская, Габсбургская, Оттоманская или Британская империя — идеально обеспечивали не только безопасность для своих собственных граждан, но гарантировали и осуществляли упорядоченный мир, в котором живущие за пределами собственно империи также пользовались благом существующего порядка — политического, законодательного, экономического,— навязанного имперским гегемоном»[55].

Американский историк П. Кеннеди указывает на исключительно благоприятное сочетание условий: «Глобализация американских коммерческих потоков продолжается, американская культура распространяет свое влияние, демократизация входит в новые мировые регионы... Националисты от Канады до Малайзии устрашены. Огромное число людей предвкушают распространение американского влияния»[56].

Весь ход дебатов о месте и стратегии США в XXI веке базируется на почти априорном и достаточно популярном в Америке представлении, что «двадцать первый век будет более американским, чем двадцатый, а Вашингтон будет осуществлять благожелательную глобальную гегемонию, базирующуюся на всеобщем признании американских ценностей, признании американской мощи и экономического преобладания»[57].

В ходе дебатов о степени готовности Америки «воспринять свою судьбу» неизменно выражается мысль, что США не должны уклоняться от принятого курса, не должны бояться вызова своей мощи и положению в мире. Впрочем, пока никто еще — несмотря на все предпринятые усилия, отраженные в алармистской литературе,— не смог доказать основательность и реалистичность противостояния американской гегемонии. И такой мир лучше любого, где Америка не располагалась бы на вершине. Словами авторитетного американского политолога, «ведомый Америкой мир — такой, каким он возник после окончания холодной войны,— более справедлив, чем любая из воображаемых альтернатив. Многополюсный мир, в котором мощь распределяется более равномерно между великими державами — включая Китай и Россию — будет несравненно более опасным и более отдаленным от демократии и индивидуальной свободы»[58].

Унаследовав от холодной войны масштабные союзы, военную мощь и несравненную экономику, Америка имеют все основания верить в *однополярный* мир. «Создавая сеть послевоенных институтов, Соединенные Штаты сумели вплести другие страны в американский глобальный порядок... Глубокая стабильность по-

слевоенного порядка,— резюмирует известный социолог Дж. Айкенбери,— объясняется либеральным характером американской гегемонии и сонмом международных учреждений, ослабивших воздействие силовой асимметрии... Государство-гегемон дает подопечным другим странам определенную долю свободы пользоваться национальной мощью в обмен на прочный и предсказуемый порядок»[59].

Американское лидерство, с точки зрения идеологов гегемонии, существенно для разработки и сохранения процедур, обеспечивающих многостороннее международное сотрудничество, без которого едва ли можно говорить о продолжении экономического прогресса. Так полагают идеологи обеих ведущих политических партий США — республиканцев и демократов[60].

Американским идеологам трудно представить себе, что своими неприкрыто односторонними и агрессивными действиями Соединенные Штаты спровоцируют создание противостоящих союзов. Они напоминают (в данном случае мы приводим слова американского политолога Ч. Капчена), что «даже на пике воздушной кампании НАТО против Югославии американские вооруженные силы по большей части приветствовались в большинстве стран Европы и Восточной Азии. Несмотря на спорадические критические комментарии французских, российских и китайских официальных лиц, Соединенные Штаты в общем и целом рассматривались как благожелательная держава, а не как хищный гегемон»[61].

Как пишет германский исследователь Й. Йоффе, «мировой осью является Вашингтон, спицами — Западная Европа, Япония, Китай, Россия и Ближний Восток. При всем их антагонизме в отношении Соединенных Штатов, их взаимодействие с ними является более важным, чем их взаимодействие друг с другом»[62]. В подобном же духе выражается ведущий американский комментатор Ф. Льюис: «Геометрия, связывающая три западных центра мощи, представляет собой скорее прямую линию с Соединенными Штатами в центре и с Европой и Японией по обе стороны»[63]. Американцы Ч. Кегли и Г. Реймонд определили складывающуюся структуру как атом с США в центре и другими державами, вращающимися вокруг[64]. В результате в настоящий момент Америка более гарантирована с точки зрения безопасности, экономических перспектив и будущего в целом, чем кто-либо и когда-либо с 1941 года. И ее преобладание устремлено к гегемонии.

Слагаемые успеха. Как пишет американский исследователь Р. Эшли, «с восемнадцатого века героизируется фигура размыш-

ляющего человека, который является творцом своей истории и который знает, что мировой порядок не определен свыше, а является делом его ответственности, что ему подвластно определить мировой порядок, достичь полного знания, полной независимости в действиях и сфокусировать тотальную мощь»[65]. Идея уверенности в подвластности будущего позитивному американскому строительству является исторически центральным элементом «американской мечты» и полностью соответствует национальному видению исторического процесса. «Соединенные Штаты,— пишет У. Пфафф из «Интернешнл геральд трибюн»,— воспринимают себя как ведущую историческую силу в период, когда другие теряют силу в турбулентной атмосфере переходного периода»[66]. Но для достижения успеха на пути лидерства требуется выполнение нескольких базовых условий. Главные среди них — наличие необходимых *ресурсов,* присутствие общенациональной *воли*, адекватная международная *стратегия*, восприятие общества государства-лидера как достойной имитации *модели.*

Ресурсы (прежде всего военные) имеются на значительное время. За 90-е годы численность войск для специальных операций увеличилась с 38 тысяч в 92 странах (стоимость 2,4 млрд. долл.) до 47 тысяч в 143 странах (стоимость 3,4 млрд. долл.)[67]. Правда, нужно отметить, что, исходя из соображений внутренней политики (сбалансированный бюджет) правительство США под давлением конгресса сократило за это же время число своих заграничных консулатов и миссий, уменьшило численность посольств. По относительному показателю внешней помощи США стоят в конце списка стран — членов ОЭСР в расчете на душу населения. Внешняя помощь США сейчас меньше одной двадцатой их военного бюджета. Но не следует забывать о невероятном росте последнего десятилетия, когда экономическая машина США перевалила за девять триллионов долларов.

Воля вести за собой у США, несомненно, значительно более отчетливо выражена, чем у Западной Европы или Японии. Но, если анализировать позиции американской элиты и в целом американского общества, мы увидим значительные колебания, столкновение едва ли не противоположных позиций. Вьетнамский синдром преодолен, но решимость жертвовать прослеживается отнюдь не явственно. В результате, «хотя президент кажется готовым пообещать использовать силы НАТО повсюду в мире для предотвращения злоупотреблений в отношении гражданских прав, есть основания сомневаться в том, что шансы провести операцию НАТО в Судане, чтобы покончить с ведущейся здесь гражданской вой-

ной, или на Кавказе, чтобы решить проблему взаимоотношений армян и азербайджанцев, равны нулю»[68]. Вопрос силовых действий не прост для американцев, но главное — не существует массовой настроенности «мирового крестового похода». Это делает мощь Америки, вопрос ее применения подверженным острым дебатам в каждом конкретном случае применения американской силы. Ажиотаж холодной войны ушел, пафос строительства империи зависит от предполагаемых жертв — острый вопрос для в целом удовлетворенного общества.

Стратегия. Нет оснований говорить о наличии долговременной американской стратегии в мире. Предполагается усиленное военное строительство, активная деятельность разведывательного сообщества, но нет планов, зачатками которых были лозунги типа «нового мирового порядка», многосторонности, увеличения зоны демократии и свободного рынка, гуманитарных интервенций. Ни одна из этих протодоктрин не получила видимой, зримой общественной поддержки. Американский электорат, считает Ч.-М. Мейнс, «не желает платить долларами и кровью за установление Нового мирового порядка или за внедрение норм демократии в странах, о которых американцы ничего не знают. Они не против более тесных отношений с другими крупными странами, но они не поддерживают даже умеренную критику таких ключевых держав, как Китай. Они устрашены варварством многих конфликтов в мире, но наивно думают, что ООН должна остановить эти конфликты без поддержки Вашингтона»[69].

Модель для внешнего мира не совсем получается в свете исключительных условий, уникального опыта США и реальных на сегодня проблем страны. В свое время наполеоновская Франция и викторианская Британия вызывали, без преувеличения, массовое восхищение и желание имитировать. Многие восхищаются и современной Америкой, ее мощной экономикой, системой образования, ее уровнем жизни, издательствами, фильмами, музыкой и т.п. В то же время американское давление на другие страны с целью создания всемирной открытой экономики вызывает явственное противодействие. Требования Вашингтона в отношении политических перемен создают Америке немало врагов. Культурное воздействие часто называют культурным империализмом.

В целом, обладая феноменальной мощью, Соединенные Штаты не имеют достаточной жертвенной воли и не владеют долгосрочным планированием.

3—1101

Цель и средства. Официальная цель доминирования США, разумеется,— всеобщее благо. Ниже официальной риторики указывается на, во-первых, непредсказуемость российского развития; во-вторых, на таящее неожиданности китайское самоутверждение; в третьих, на опасное для всех распространение ядерного оружия. Помимо главных проблем, существует бесконечная череда малых конфликтов, требующая американского внимания и, возможно, военного вмешательства[70].

Индикаторами будущего поведения гегемона являются решимость Вашингтона применить силу в Ираке и в Югославии, демонстрация силы в Тайваньском проливе, расширение Североатлантического союза, свержение прежних и водворение желательных США правительств на Гаити и в Панаме, вмешательство в Сомали и Руанде, навязанное решение боснийской проблемы, активизация посредничества в арабо-израильском и североирландском споре, проектирование своих интересов на основные мировые регионы, выделение враждебных государств с их последующим преследованием вплоть до постоянного силового наказания (Ирак), экономического эмбарго (Куба), открытого давления (Иран, Северная Корея, Ливия), формулирование новой стратегической концепции НАТО, предполагающей «военные операции в нестабильных регионах» за пределами прежней зоны ответственности. США намерены и в будущем осуществлять контроль над Персидским заливом, обеспечивать свое лидерство в мировой финансовой политике, крепить свое главенство в самом большом в мире — Североатлантическом военном союзе, удержать лидирующее положение в производстве и экспорте вооружений.

Гегемония постулирует новые правила. Америка после победы в холодной войне решительно стала полагаться не на демократию мирового сообщества, не на «устаревшие» статуты и «отринутые временем» международные организации, а на свое лидерство, на свою мощь, на своих ближайших и доказавших свою лояльность союзников. «Соединенные Штаты,— пишет близкая к Дж. Бушу-мл. исследовательница Кондолецца Райс,— играют особую роль в современном мире и не должны ставить себя в зависимость от всяких международных конвенций и от соглашений, выдвигаемых извне». Это означает, что в США возник двухпартийный консенсус относительно нежелательности полагаться на многосторонние коллективные организации, подобные ООН. Показательным является то, что Америка постаралась подчинить механизм ООН своим стратегическим интересам, используя в качестве рычага свой финансовый взнос в эту организацию — она оказалась должной Организации Объединенных Наций более *триллиона* долларов.

США предпочитают опираться на отдельных союзников. Их список — в таблице 4.

Таблица 4. *Симпатии американцев (в %).*

Страна	Симпатии в США
Канада	72
Британия	69
Италия	62
Мексика	57
Германия	56
Бразилия	56
Япония	55
Израиль	55
Франция	55
Южная Африка	54
Тайвань	51
Южная Корея	50
Польша	50
Россия	49
Аргентина	49
Китай	47
Индия	46
Саудовская Аравия	46
Нигерия	46
Турция	45
Пакистан	42

Источник: «Foreign Policy», Spring 1999, p. 109.

Но отказ от коллективной ответственности Ф. Рузвельта (опора на ООН) и переход к курсу, напоминающему Т. Рузвельта и Р. Рейгана, вызвали спор об оптимальном подходе к гегемонии.

Жестко одностороннюю позицию занял американский конгресс. Он ослабил тенденцию к международной многосторонности действий отказом подписать договор, запрещающий использование наземных мин, формирование Международного суда. Как говорит Б. Урквbooарт, бывший заместитель Генерального секретаря ООН, «американская сторона выдвинула крайне избирательные критерии согласно директиве министра обороны Каспара Уайнбергера и председателя объединенного комитета начальников штабов Колина Пауэла, из которой следует, что американское участие в международных операциях возможно только тогда, когда США *осуществляют контроль,* когда американское общество полностью разделяет поставленные цели, когда победо-

носное завершение операции гарантировано»[71]. Сделка между Клинтоном и конгрессом о финансировании ООН была обусловлена компромиссом между Белым домом и конгрессом, который запрещает использование ооновских денег на программы регулирования семьи.

Ограничители гегемонии. В США в общенациональном масштабе растет понимание того, что *гегемония* — огромная цель. Она требует исключительной концентрации мощи и энергии. Владение ею дает невероятные возможности, но путь безусловного овладения ею чреват опасностями, ее поддержание накладно, ее реализация способна антагонизировать колоссальные силы. Цена гегемонии может стать непомерной. В свете этих обозначившихся уже в начале 90-х годов факторов в США начался общенациональный «спор» об оптимальном поведении страны в условиях обнажившихся новых благоприятных обстоятельств.

Несмотря на всемогущество после 1991 г., США отнюдь не овладели всеми контрольными рычагами мирового развития. Они не сумели, скажем, восстановить порядок в таких странах, как Сомали и Колумбия, не смогли предотвратить распространение ядерного оружия в Южной Азии. Им не удалось предотвратить цивилизационный коллапс в Руанде и Конго, создать антииракскую коалицию после 1992 г., свергнуть нежелательные для себя режимы на Кубе, в Ливии, Ираке, Северной Корее, Конго, Малайзии, решающим образом повлиять на экономическую политику Европейского союза и Японии, эффективно вмешаться во внутренние процессы КНР, получить в свои руки ведущих террористов (начиная с Бен Ладена), разрешить противоречия между Израилем и Палестиной, остановить поток движущихся в Америку наркотиков, реально закрепить внесевероатлантические функции НАТО.

Более того, американские действия насторожили многих. Как отмечает сотрудник Института мировой политики (Вашингтон) И. Катбертсон, «кампания возмущения по поводу китайского шпионажа, возмущение китайского правительства и общества по поводу бомбардировки посольства КНР в Белграде, резкая реакция России на акцию НАТО в Югославии ускорили процесс понимания как элиты, так и общественного мнения в Соединенных Штатах, что не все довольны видеть Америку единственным мировым гегемоном... Односторонние американские действия быстро мобилизуют возмущение, переходящее в противодействие и ярость, о чем говорят тысячи антиамериканских демонстраций и

беспорядков... И это не лучшая реклама западных и особенно американских принципов, когда становится ясно, что мы готовы жертвовать кровью и богатством только тогда, когда возникает опасность неполучения естественных ресурсов, каковым в частности является нефть, от поставок которой зависит Запад»[72].

В результате американское преобладание в мире, столь очевидно открывшееся десятилетие назад, нуждается в структуризации, в создании новых институтов, в формировании соответствующей идеологии, в проявлении того пафоса, который держал страну в напряжении все долгие десятилетия холодной войны. Нуждается в поколении «имперских стратегов» типа Д. Ачесона и Дж.-Ф. Даллеса. Готово ли американское общество выдвинуть подобных лидеров, освятить «праведным гневом» свой идеал и курс в бурном мире, претерпевающем конвульсии модернизации, рекультуризации, нахождения собственной идентичности?

Глава 2

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Над миром вздыбилась *вторая* (после силовой монополярности) мощная волна, радикально меняющая мировое сообщество,— *глобализация* — слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на новой легкости перемещения капитала, на новой информационной открытости мира, на технологической революции, на приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, на основе коммуникационного сближения, планетарной научной революции, межнациональных социальных движений, новых видов транспорта, реализации телекоммуникационных технологий, интернационального образования.

Глобализация, как считают специалисты, предполагает существование обязательств, которым должны подчиниться другие страны. Уже сам этот термин — «мощный инструмент убеждения, риторический прием, которому — в отличие от различных явлений внутренней политики — не существует противодействия»[73].

Две фазы. Разумеется, постепенное сближение стран и континентов покрывает всю историю человечества и в этом плане вся мировая история — это своего рода совокупность медленных и быстрых шагов государств и народов в направлении глобального

сближения. Но *революционно быстро* темпы этого сближения осуществлялись лишь дважды.

1. В первом случае — на рубеже XIX и XX вв. мир вступил в фазу активного взаимосближения на основе того, что торговля и инвестиции распространились в глобальном масштабе благодаря пароходу, телефону и конвейеру. Такие теоретики первой волны глобализации, как Р. Кобден и Дж. Брайт, убедительно для многих экономистов и промышленников обосновали то положение, что свободная торговля необратимо подстегнет всемирный экономический рост и на основе невиданного процветания, основанного на взаимозависимости, народы позабудут о распрях. Британия со всем своим морским, индустриальным и финансовым могуществом стояла гарантом этой первой волны глобализации, осуществляя контроль над главными артериями перевозок товаров — морями и океанами, обеспечивая при помощи фунта стерлингов и Английского банка стабильность международных финансовых расчетов.

Идея благотворного воздействия глобализации на склонную к конфликтам мировую среду получила наиболее убедительное воплощение в книге Нормана Эйнджела «Великая иллюзия» (1909). В ней — за пять лет до начала первой мировой войны — автор аргументировал невозможность глобальных конфликтов вследствие сложившейся экономической взаимозависимости мира: перед 1914 годом Британия и Германия (основные внешнеполитические антагонисты) являлись вторыми по значимости торговыми партнерами друг друга — и это при том, что на внешнюю торговлю Британии и Германии приходилось 52% и 38% их валового национального продукта соответственно. Но в августе 1914 года предсказание необратимости глобального сближения наций показало всю свою несостоятельность. Первая мировая война остановила процесс экономически-информационно-коммуникационного сближения наций самым страшным образом. Выгоды глобализации уступили место геополитике, стратегическим расчетам, историческим счетам, уязвленной гордости, страху перед зависимостью. Скажем, российское правительство посчитало нужным специально указать на губительность исключительной зависимости России от торговли с монополистом в ее внешней торговле — Германией (на которую приходилось 50% российской торговли).

Для реанимации процесса глобального сближения понадобилось немало времени после страшного озлобления и фактической автаркии, сопутствовавшей мировым и холодной войнам. Лишь в последние десятилетия XX в., после двух мировых войн, Великой

депрессии и многочисленных социальных экспериментов, способствовавших противостоянию социальных систем, либеральный экономический порядок, созданный в XIX в., стал возвращаться в мировую практику. В соревновании с плановой экономикой западная — рыночная система экономической организации победила, превращая мир в единую рыночную экономику.

2. Второе рождение (или возрождение) глобализации началось в конце 70-х годов на основе невероятной революции в совершенствовании средств доставки глобального радиуса действия, в информатике, телекоммуникациях и дигитализации. За последние тридцать лет реактивная авиация сблизила все континенты, а мощь общего числа компьютеров *удваивалась* в среднем в течение восемнадцати месяцев. Объем информации на каждом квадратном сантиметре дисков увеличивался в среднем на 60% в год начиная с 1991 года. В результате всех этих изобретений и усовершенствований стоимость переноса информации сократилась драматически и ныне огромные объемы информации могут быть перенесены посредством телефона, оптического кабеля и радиосигналов в любую точку земного шара, что революционным образом действует на экономический рост.

Стал очевидным новый характер глобализационных процессов. Скажем, британский концерн «Юнилевер», имеющий 500 подчиненных компаний в 75 странах, или базирующийся в США «Эксон», 75% доходов которого получаются не в США, могут быть названы национальными компаниями лишь условно. Транснациональные корпорации и неправительственные организации стали с невиданной прежде легкостью пересекать национальные границы и осуществлять власть над населением менее развитых стран, поскольку «ни национальные правительства, ни локальные власти не смогут собственными силами справиться с проблемами, порожденными растущей взаимозависимостью»[74]. Капитал как бы «позабыл» о своей национальной принадлежности, в массовых объемах бросаясь туда, где благодаря стабильности и высокой эффективности труда достигается максимальная степень прибыли. Банки, трастовые фирмы, промышленные компании как бы вышли из-под опеки национальных правительств, и в результате их новоприобретенной самостоятельности переток капитала стал своего рода самодовлеющим процессом. Согласно данным, оглашенным на Конференции ООН по торговле и развитию (май 2000 г.), в 1999 году общая сумма слияний между фирмами различных стран и поглощений местных фирм иностранными составила 720 млрд. долл.[75]. Связки типа «Крайслер-Бенц» или «Рено-Вольво» стали своего

рода знамением времени. На заграничных филиалах на рубеже тысячелетий производится товаров стоимостью в 5 трлн. долл.[76]

Наступил второй, современный этап глобализации. К началу XXI в. выработано Соглашение об информационной технологии, заключены многочисленные соглашения о телекоммуникациях и финансовых услугах, достигнуты соглашения, послужившие основой для создания Всемирной торговой организации (и о принятии таких, прежде отстоявших от регламентированного взаимообмена стран, как Китай). Главное: стратегией многих стран — начиная с гиганта США — стало снятие барьеров на пути перемещения капитала и торговых потоков. Целый ряд стран («азиатские тигры» и др.) показали неожиданную способность удивительно эффективного совмещения, взаимодействия высокой технологии с относительно дешевой рабочей силой, ведущую к быстрому экономическому росту в условиях облегченного взаимообмена. Кратко говоря, в экономическом смысле рядом с Северной Атлантикой встала Восточная Азия.

Если на первом (столетней давности) этапе глобализации опорой ее служила глобальная Британская империя — ее промышленная база, финансы и военно-морской флот,— то ныне за процессом резко ускорившейся глобализации стоят Соединенные Штаты. В американской столице сформировался «вашингтонский консенсус» — соглашение между министерством финансов, Международным валютным фондом и Мировым банком о совместной борьбе против всех видов препятствий на пути мировой торговли. США бросили свой несравненный военный и экономический вес, свою фактическую гегемонию ради открытия мировой экономики, ради создания многосторонних международных институтов, активно участвуя в многосторонних раундах торговых переговоров, открывая собственный рынок для импорта, предпринимая действенные шаги по реализации торгового либерализма.

В практическом мире глобализация означает, прежде всего, уменьшение барьеров между различными экономиками. Еще три десятилетия назад торговля давала Соединенным Штатам примерно 4% их валового национального продукта, а к новому тысячелетию эта цифра перевалила за десять процентов. Интеграция Европы в свою очередь дала стимул созданию Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и организации Азиатско-Тихоокеанской экономической кооперации (АСТЕС). В Богоре в 1994 г. США договорились о создании между странами-членами Азиатско-Тихоокеанской Экономической Ассоциации зоны свободной торговли к 2010 году, а к 2020 — между всеми странами

региона. При этом азиатский кризис 1998 г. не повел к изменению поставленной в Осаке в 1995 году цели перед восточноазиатскими странами снять все барьеры между собой к 2020 году. В 1993 году подписано соглашение о НАФТА. В Майами в декабре 1994 года американское руководство наметило создать зону свободной торговли к 2005 году в Западном полушарии. Американские геостратеги и геоэкономисты приступили к задаче экономического сближения с Западной Европой (американские специалисты утверждают, что создание свободной зоны между США и ЕС увеличит ВНП обоих регионов как минимум на 0,5%[77]).

Глобализация — это процесс, определяемый рыночными, а не государственными силами. Чтобы привлечь желанный капитал и надеяться на блага, на плоды приложения к своей экономике современной и будущей технологии, государства должны заковать себя в «золотой корсет» сбалансированного бюджета, приватизации экономики, открытости инвестициям и рыночным потокам, стабильной валюты. Глобализация означает гомогенизацию жизни: цены, продукты, уровень и качество здравоохранения, уровень доходов, процентные банковские ставки приобретают тенденцию к выравниванию на мировом уровне. Глобализация изменяет не только процессы мировой экономики, но и ее структуру. Набирает силу невероятный по мощи воздействия на человечество процесс, генерирующий трансконтинентальные и межрегиональные потоки, создающий глобальную по своему масштабу взаимозависимость.

Мировая экономика не просто становится взаимозависимой, она интегрируется в практически единое целое. Различие между взаимозависимой экономикой и экономикой глобализированной — *качественное*. Речь идет не только о значительно возросших объемах торговых потоков, но и о таком мировом рынке, который выглядит как рынок единого государства. Понижая барьеры между суверенными государствами, глобализация трансформирует внутренние социальные отношения, жестко дисциплинирует все «особенное», требующее «снисходительного» отношения и общественной опеки, она разрушает культурные табу, жестоко отсекает всякий партикуляризм, безжалостно наказывает неэффективность и поощряет международных чемпионов эффективности.

Инвестиции ТНК увеличатся к 2020 г. не менее чем в четыре раза и достигнут уровня в 800 млрд. долл. Не меньшими темпами увеличится стоимость товаров, произведенных на заграничных филиалах транснациональных корпораций (примерно двадцать триллионов долл.). Возникнет подлинно единая международная система, ценящая прежде всего технологические новшества, по-

зитивные перемены[78]. Центром усилий в XXI веке станет образование, развитие инфраструктуры, занятие конкурентоспособных позиций на мировом рынке информатики, микроэлектроники, биотехнологии, телекоммуникаций, космической техники, компьютеров — привнесение новаций, модернизация как константа национальной жизни.

Глобализация заставляет правительства гармонизировать национальную экономическую политику с потребностями и пожеланиями соседей и потенциальных конкурентов. В обстановке интенсивной конкуренции, когда ускоряется движение потоков капиталов, лишь немногие страны могут позволить себе до определенной степени независимую валютную политику и поддерживать определенную экономическую самодостаточность. Создание европейского Экономического и валютного союза в мае 1998 года отражает усилия Европейского союза наладить большее взаимопонимание и взаимность интересов. «Было бы близоруким,— считает американский исследователь де Сантис,— отрицать то, что глобализация придает Европе новый динамизм. Она не только порождает энтузиазм среди кругов бизнеса и консервативного политического сообщества, но она заставляет левых пересматривать свою социальную политику, подобно тому, как это делает британская лейбористская партия»[79].

Возможно, самым важным является то, что прежняя система международного разделения труда, основанная на взаимоотношениях между «развитой индустриальной основой мира», полупериферией индустриализирующихся экономик и периферией неразвитых стран изменяется в сторону создания единой глобальной экономики, в которой доминирует «глобальная триада» Северной Америки, ЕС, и Восточной/Западной Азии. Здесь размещены главные производительные силы мира и «мегарынки» мировой глобальной экономики, в которой центральную роль играют глобализированные транснациональные корпорации[80].

В связи с этим важно отметить заинтересованность в глобализации прежде всего лидеров мировой экономической эффективности — тридцати государств — членов организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которых живет чуть больше десятой доли человечества, но которые владеют двумя третями мировой экономики, международной банковской системой, доминируют на рынке капиталов и в наиболее технически изощренном производстве. Они обладают возможностью вмешательства в практически любой точке земного шара, контролируют международные коммуникации, производят наиболее сложные

технологические разработки, определяют процесс технического образования.

Взгляд из Вашингтона. Главной чертой глобализации, согласно оценке идеологов администрации Клинтона, является *открытость,* характеризующая новое состояние мирового сообщества, нового порядка в мире. Администрация демократов открыто декларировала, что «рост на внутреннем рынке зависит от роста за рубежом». Президент Клинтон изложил свое кредо выступая в 1996 году в университете Джорджа Вашингтона: «Блоки, барьеры, границы, которые определяли мир для наших родителей и их родителей, уходят под воздействием удивительной технологии. Каждый день миллионы людей используют портативные компьютеры, модемы, компакт-диски и спутники для того, чтобы посылать идеи, товары и деньги в самые дальние углы планеты за считанные секунды». Советник президента по вопросам национальной безопасности Сэнди Бергер отметил «возникновение глобальной экономики, формирование культурной и интеллектуальной глобальной деревни... У нас зрелый рынок — мы должны расширять объемы производства, мы должны расти... Мы не можем повернуть процесс глобализации вспять». Рассекреченный в 1998 году проект документа «Стратегия национальной безопасности для нового столетия» категорически утверждал: «Мы должны расширять нашу внешнюю торговлю для поддержания экономического роста дома». Мир должен, словами М. Олбрайт, ради собственного процветания «открыться нашему экспорту, инвестициям и идеям».

Администрация президента Клинтона приложила значительные усилия по глобальному сближению посредством расширения торговли, увеличения инвестиций в глобальном масштабе и коммерческих сделок на всех континентах. По словам замминистра торговли Дж. Гартена, «администрация использовала все внешнеполитические рычаги ради достижения коммерческих целей»[81]. Именно исходя из этого кредо демократическая администрация отказалась реагировать на нарушения гражданских прав в странах, где американские корпорации активно участвуют в экономической жизни. Санкции вводились исключительно против стран, имевших минимальное значение для общего процесса глобализации.

Осмысление. Заменившая систему холодной войны *глобализация* — это новая система мирового экономического хозяйствования. Идеологи глобализации отнюдь не утверждают, что процесс глобализации завершен — они определенно утверждают, что

процесс глобализации *неостановим*. Они указывают на крах прежних социалистических экономик; на то, что в Китае процветает сектор свободного рынка; что даже прежняя шведская *социал-демократическая* модель находится в кризисе. Из этого делается вывод, что «Америка нашла, вернее, натолкнулась на лучший способ решения проблем современной технологической эпохи»[82]. Этот способ — открытие национальных рынков частным компаниям — международным чемпионам эффективности производства, уступка государством своих регулирующих функций частному капиталу.

«Среди элиты и связанных с научными знаниями рабочих новой глобальной экономики, — пишет группа американских политологов, — происходит цементирование идеологической приверженностью к неолиберальной экономической ортодоксии... Всемирная диффузия консьюмеристской идеологии создаст новое чувство идентичности, заменяющее традиционные основы и прежний образ жизни. Глобальное распространение либеральной демократии еще более укрепляет чувство возникающей глобальной цивилизации, определяемой универсальными стандартами экономической и политической организации. Эта «глобальная цивилизация» создает свой собственный механизм глобального управления, будь это МВФ или законы мирового рынка, которым подчинятся государства и народы»[83].

Идеологи *глобализации безотносительно к западной модели общества* указывают на два непреложных правила: совмещение в едином рынке чаще всего приносит пользу каждой стране; в результате подъема производительных сил, роста доходов и обострившейся конкуренции победители и побежденные есть *в каждой стране*.

Возможно, самая большая мировая проблема — *соотношение глобализации с вестернизацией*. Строго говоря, вопрос встает о более широкой проблеме — сущности модернизации. По этому вопросу сформировались два подхода.

Первый исходит из того, что глобализация — процесс более широкий, чем вестернизация и во всех практических смыслах равна процессу модернизации. Такой точки зрения придерживаются А. Гидденс, Р. Робертсон, М. Олброу, У. Конноли[84]. Восточноазиатские страны достаточно убедительно показали модернизационные возможности даже тех обществ, где вестернизация не коснулась основополагающих оснований общества, его устоев. Пример Восточной Азии показывает, что индустриализация *во многом* возможна без вестернизации.

Второй подход: глобализация представляет собой просто-напросто глобальную диффузию западного модернизма, то есть расширенную вестернизацию, распространение западного капитализма и западных институтов — теории, прежде всего, С. Амина и Л. Бентона[85]. Гилпин, скажем, считает мировую интернационализацию просто побочным продуктом расширяющегося американского мирового порядка. А. Каллиникос и ряд других исследователей видят в современных процессах новую фазу западного империализма, на которой национальные правительства явились агентами монополистического капитала[86]. По мнению американского теоретика Н. Глейзера, глобализация — это «распространение во всемирном масштабе регулируемой Западом информации и средств развлечения, которые оказывают соответствующий эффект на ценности тех мест, куда эта информация проникает. Чешский президент Вацлав Гавел предложил образ бедуина, сидящего на верблюде и носящего под традиционной одеждой джинсы, с транзистором в руке и с банками кока-колы, притороченными к верблюду. Возможно джинсы и кока-кола малозначительны, но транзисторное радио, телевизор и Голливуд подрывают первоначальные ценности бедуина, какими бы они ни были... Когда мы говорим о «глобализации культуры», мы имеем в виду влияние культуры западной цивилизации, в особенности Америки, на все прочие цивилизации мира»[87].

Между двумя этими школами ведется весьма ожесточенная полемика. Главная проблема заключается вовсе не в том или ином определении, а в грандиозном вопросе: может ли незападный мир вступить в фазу глобализации не претерпев предварительно вестернизации, отказа от своей культуры ради эффективных цивилизационных основ вестернизма?

Кто прав в споре о модернизации? Фактом является, что г*лобализация* приведет к консолидации мира на условиях наиболее развитой его части. После 2000 г. произойдет (утверждают американские теоретики Дж. Модельски и У. Томпсон) «реконфигурация союза демократий вокруг твердого ядра — Соединенных Штатов и Европейского союза. Это ядро будет расширено посредством увеличения членства в НАТО и роста численности Европейского союза, принятия России в «семерку», включения в Организацию экономического сотрудничества и развития Мексики, Польши и Южной Кореи... Другие регионы, прежде, чем присоединиться, должны будут пройти определенный путь... Партнерство США — ЕС будет главным основанием глобализированного мирового порядка в XXI в.»[88].

Анализ глобализации требует ответа на вопрос: в какой степени революционным, рвущим связи с прежними традициями является текущее переустройство мира. Среди апологетов глобализации выделились два подхода: *революционный и эволюционный.* Им противостоит — в пику розовой картине будущего, рисуемой идеологами глобализма обеих названных ветвей — группа *скептически* настроенных в отношении глобализации теоретиков. Проследим отличие друг от друга этих *трех школ* на основе сопоставления их взглядов по основным оценочным моментам в таблице 5.

Таблица 5. *Три взгляда на глобализацию.*

	Революционный подход	Эволюционный подход	Скептический подход
Новое	Наступление глобальной эры	Беспрецедентный уровень глобализации	Формирование торговых блоков, более слабое глобальное управление, чем в предшествующее время.
Главные черты	Глобальный капитализм, управление в глобальных масштабах	Интенсивная и экстенсивная глобализация	Менее взаимозависимый, чем в 1890-х годах, мир
Мощь национальных правительств	Ослабевающая и распадающаяся	Пересмотренная, реконструированная	Укрепившаяся и преумноженная
Движущие силы глобализации	Свободный капитал и новая технология	Движение к модернизации своего общества	Государственные механизмы и рыночные структуры.
Вид стратификации	Эрозия старых иерархий	Новая архитектура мирового порядка	Усилившаяся маргинализация Юга
Доминирующий мотив	Стандартизация: «Макдоналдс», Мадонна и др.	Трансформация политического сообщества	Реализация национальных интересов
Концептуализация глобализации	Пересмотр природы человеческих действий	Пересмотр межрегиональных отношений	Интернационализация и регионализация
Историческая траектория	Глобальная цивилизация	Глобальная интеграция и одновременная фрагментация	Региональные блоки, столкновение цивилизаций
Суммарный тезис	Окончание исторической релевантности нации-государства	Осуществляется трансформация государственной мощи и мировой политики.	Интернационализация вступает в зависимость от согласия государств и от мирового соотношения сил

Источник: Held D. a. o. Global Transformations.Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999, p. 10.

1. Сторонники *революционных перемен* — американские политологи Р. Кеохане и Дж. Най в книге «Мощь и взаимозависимость» (1977) обосновали то положение, что *простая взаимозависимость стала сложной взаимозависимостью,* связывающей экономические и политические интересы настолько плотно, что конфликт крупных держав теперь уже действительно исключен[89]. Теоретический прорыв в этом направлении совершил в 1990 году японец Кеничи Омае в работе «Мир без границ»: люди, фирмы, рынки увеличивают свое значение, а прерогативы государств ослабевают — в новой эре глобализации все народы и все основные процессы оказываются подчиненными глобальному рыночному пространству. Это новая эпоха в истории человечества в которой «традиционные нации государства теряют свою естественность, становятся непригодными в качестве партнера в бизнесе»[90]. В *глобализации* видится источник грядущего процветания, умиротворения, единых для всех правил, путь выживания, поднятия жизненного уровня, социальной стабильности, политической значимости, ликвидация стимула в подчинении соседних государств. Глобализационная *волна* пройдет по раундам мировых торговых переговоров, она обусловит выработку нового отношения к введению торговых ограничений, квот, тарифов, субсидий для своей промышленности.

Певцами *революционных* перемен стали такие авторы, как Т. Фридмен, несколько экзальтированно подающие блага рыночного капитализма и либеральной демократии, позволяющие капиталу молниеносно перемещаться в страны, где стабильно политическое устройство, где эффективна экономика, где прибыли наиболее многообещающи. Сторонники ускоренной и освобожденной от сдерживающих начал глобализации видят только в ней способ сблизить богатую (западную) часть мира с бедной[91]. Имеется в виду, что бедные страны сумеют изыскать свою нишу в мировом производстве опираясь не на косные правительства, а на чувствительные к переменам и нововведениям частные компании.

Экономическая логика в ее неолиберальном варианте требует денационализации экономики посредством создания транснациональных сетей производства, торговли и финансов. В этой экономике «без границ» национальные правительства становятся простой прокладкой между постоянно растущими отраслями индустрии. С ультраглобалистической точки зрения прежнее противопоставление Севера Югу теряет всяческий смысл по мере того как новое глобальное разделение труда заменяет прежнюю — центр-периферия — структуру с более сложной архитектурой

экономической мощи. Двумя новыми полюсами станут «победители» и «побежденные» в мировом экономическом процессе. И при этом почти все страны получат благоприятную возможность производить товары длительного пользования.

Гиперглобализм представляет глобализацию будущего как фундаментальную реконфигурацию «всей системы человеческих действий»[92]. Подлинно важные решения «будут приниматься транснациональными компаниями в союзе с региональными правительствами... Это будет своего рода высокотехнологичный архипелаг посреди моря нищего человечества»[93]. Как и столетием ранее в случае с Норманом Эйнджелом возникли цивилизационные оптимисты: экономический взаимообмен столь важен и ценен для отдельных стран, что о военном конфликте с их участием нельзя и помыслить. Если не сразу, то по мере роста глобализационного процесса. Так, скажем, американец М. Дойл полагает, что необратимая взаимозависимость, а с нею и абсолютное господство либеральной демократии, исключающей войны, наступят несколько позже — между 2050 и 2100 годами[94].

2. Сторонники *эволюционного подхода,* возглавляемые теоретическими светилами первой величины Дж. Розенау и А. Гидденсом, считают современную форму глобализации исторически беспрецедентной, относясь как к иррелевантному к сравнению с периодом до первой мировой войны. Это направление требует от государств и обществ *постепенной* адаптации к более взаимозависимому, и в то же время в высшей степени нестабильному миру[95], характерному неизбежными социальными и политическими переменами, совокупность которых составит суть развития современных обществ и мирового порядка[96]. Глобализация — мощная, трансформирующая мир сила, ответственная за массовую эволюцию обществ и экономик, за изменение форм правления и всего мирового порядка[97]. Она постепенно разрушает различия между отечественным и иностранным, между внутренними и внешними проблемами[98]. Дж. Розенау указывает на создание в традиционном обществе нового политического, экономического и социального пространства, к которому должны на макроуровне приспосабливаться государства, а на местном уровне — локальные общины[99].

Но сторонники эволюционного подхода (в отличие от радикалов) отказываются определять направление охватившего мир процесса, самой сутью которого являются непредсказуемые изменения и чьей главной характеристикой является возникновение новых противоречий[100]. Они видят в глобализации долговременный процесс, исполненный противоречий, подверженный всевоз-

можным конъюнктурным изменениям, и не претендуют на знание траектории мирового развития, считая пустым делом предсказание параметров грядущего мира, четкое определение потребностей мирового рынка или исчерпывающую характеристику возникающей мировой цивилизации. *Эволюционисты* проявляют осторожность и «научную скромность» и осмотрительность, не желая создавать ясно очерченные картины меняющегося калейдоскопа мира. Они не предсказывают создания единого мирового сообщества — не говоря уже о некоем едином мировом государстве.

Глобализация ассоциируется у них с формированием новой мировой стратификации, когда некоторые страны постепенно, но прочно войдут в «око тайфуна» — в центр мирового развития, в то время как другие страны безнадежно маргинализируются. Но и при явном разрыве одних стран от других не будет деления на «первый» и «третий» мир, оно будет более сложным. По существу все три мира будут присутствовать в почти каждом большом городе в качестве «трех окружностей» — богатые, согласные с существующим порядком и те из них, кто оказался выброшенным на обочину[101].

Произойдет радикальное изменение самого понятия мощи и могущества. Суверенные государства сохранят власть над собственной территорией, но параллельно национальному суверенитету будет расширяться зона влияния международных организаций. «Сложные глобальные системы — от финансовых до экологических — соединят судьбу различных общин в отдаленных регионах мира... Носители мощи и подчиненные в системе этой мощи будут явственно отделены друг от друга едва ли не океанами. Современный институт территориально ограниченного правления окажется аномалией по сравнению с силами транснациональных организаций»[102]. При этом эволюционисты отрицают революционную, гиперглобалистскую риторику наступления исторического конца государства-нации как института. Их кредо: традиционные концепции государственности изменяются медленно, но постоянно. Суверенность сегодня — «есть нечто меньшее, чем территориально обозначенный барьер, это скорее источник и ресурс отстаивания прав и привилегий в пределах общей политической системы, характеризуемой комплексными транснациональными сетями»[103]. Мировой порядок уже не вращается вокруг оси суверенного государства. Это принуждает правительства суверенных государств вырабатывать новую стратегию в мире, где завершились два с половиной века независимых суверенных государств вестфальской системы.

Основная часть теоретиков обоих апологетических направлений полагают, что глобализация нанесет смертельный удар суверенным государствам. «Очевидно, что растущая глобальная экономическая взаимосвязь,— полагает американский теоретик Р. Фолк,— совмещенная с влиянием Интернета и мировых средств связи (особенно телевидения), воспевающих консьюмеризм и создающих общее и одновременное восприятие новостей, изменит наше представление о мировом порядке фундаментальным образом. Государство не будет более доминирующей силой на мировой арене. Глобальные рыночные силы в лице многонациональных корпораций и банков излучают сильное и независимое влияние. Они действуют на международной арене с минимальными ограничениями. Усиливается воздействие локальных и транснациональных инициатив отдельных групп граждан по всевозможным вопросам местного значения — от строительства дамб до противодействия правительственным репрессиям. Международный порядок, определяемый этими силами, представляет собой переход от мира суверенных территориальных государств к возникающей мировой деревне... В значительной мере социал-демократическая версия *сочувствующего гражданам* государства заменяется неолиберальным жестоким государством»[104].

Мнение американского политолога С. Стрейнджа: «Силы деперсонализированного мирового рынка становятся более влиятельными, чем мощь государств, чьи ослабевающие возможности отражают растущую диффузию государственных институтов и ассоциаций, переход власти к локальным и региональным органам»[105]. Создаются новые формы социальной организации, заменяющие нации-государства. В новом, разворачивающемся в XXI веке мире «глобальный рынок подтачивает основы суверенности. Рынок медленно сужает сферу деятельности национальных правительств, оставляя им все меньше пространства для маневра. В то же время глобализация подтачивает демократический контроль. Начинают действовать законы свободного рынка, а не национальных парламентов»[106].

За утрату суверенитета своих правительств определенные сегменты общества получат материальный бросок вперед. Вследствие глобализации в 2000—2026 гг. наступит фаза ускоренного экономического роста. Наряду с общим улучшением образовательной системы этот рост убедит большинство стран, что их национальным интересам лучше будет служить сотрудничество с глобализирующейся международной системой, а не изоляция от нее или попытка сокрушить эту систему. После завершения эпо-

хи турбулентности, в 2050—2080 гг. *глобализация* доведет общемировую консолидацию до уровня мировой федерализации, которая захватит и XXII в.

Журнал «Нью Рипаблик» предсказывает, что за экономической глобализацией последует *политическая* глобализация, которая доведет дело до создания мирового правительства[107]. Это отражение точки зрения той группы аналитиков, которые восторженно относятся к глобализации, видя в ней продукт новой технологии, порождающей *принудительное следование экономическим интересам с одновременным подавлением национальных страстей:* общества должны сделать выбор между модернизацией, открытием экономики и политических систем и старыми битвами по поводу территорий и национальной славы[108].

Глобалисты, при всех их оттенках, свято убеждены, что, несмотря на все противоречия, историческая тенденция повернула в сторону глобализации. И следует вместо ностальгических воспоминаний о теряемом мире ясно очерченных национальных границ и национальных прерогатив обратиться к строительству новой мировой структуры, погребающей под собой национальные границы. При этом глобализация не всегда «провоцируется сверху», она открывает своего рода простор самым разнообразным оппозиционным силам — защитникам окружающей среды, профсоюзам, фермерским организациям, женскому движению и прочим «малым интернационалам», все меньше обращающим внимание на национальные границы.

Идеологи глобализации представляют государственное планирование, помощь и содействие актами экономического обскурантизма и ретроградства. Даже для терпящих явный экономический крах государств кейнсианство и «Новый курс» президента Рузвельта сегодня табу. «Вашингтонский консенсус» нетерпим относительно даже умеренной степени государственного планирования, дирижизма, защиты собственной промышленности, не говоря уже о социализме даже в самом бледнорозовом его варианте.

3. Направление *скептиков*. Не все специалисты согласны с советником президента страны по национальной безопасности С. Бергером в том, что «президентская стратегия овладения силами глобализации благоприятна для американского народа и для всего мира»[109]. Более того, именно в развитых странах, таких как США, начала расти организованная оппозиция — значительные силы не только не все признали благотворность, но не признали и неизбежности реализации этого процесса. Особенно остро это ощущают профсоюзы. По мнению председателя международного

отдела крупнейшего американского профсоюзного объединения АФТ-КПП Дж. Мазура, «будущее явится полем битвы тех общественных интересов, которые определят структуру мировой экономики двадцать первого века. Силы, стоящие за глобальными экономическими переменами — силы, выступающие против регулирования, помогающие корпорациям, подрывающие социальные структуры и игнорирующие общественные нужды,— неудержимы»[110].

Скептики указывают на то, что интегрированный мир подвергает себя новой опасности попасть в зависимость от основанных на насилии режимов, от преступников, от исступленных жертв собственной идеологии или религии. (Даже президент Клинтон вынужден был признать, что отдельные группы и отдельные государства «могут отныне вторгаться в жизнь соседей и могут парализовать их жизненно важные системы, разрушить торговлю, поставить под вопрос благополучие и благосостояние народов, ослабить их возможности функционировать»[111]. Отсюда и реакция силовых структур США, которые снисходительно молчат по поводу *саморегулирующегося* мира и процветания глобализации.)

Наиболее выдающимися критиками глобализации в США являются Б. Барбер, Д. Кортен, Г. Дейли, П. Бьюкенен. В Европе наиболее выдающимся теоретиком контр-глобализма стал Дж. Голдсмит[112]. Против «вашингтонского консенсуса» (сформировавшегося, как уже было сказано, еще в начале 80-х взаимопонимания и союза расположенных в американской столице министерства финансов США, Международного валютного фонда и Всемирного банка) выступили представители *семи* критических направлений, негативно характеризующих различные аспекты глобализации.

Первое направление исходит из того, что мощные современные государства вопреки любой степени глобализации сумеют сохранить собственный силовой и экономический потенциал, не раствориться в аморфном глобальном конгломерате. При всей важности глобализировавшегося рынка, *национальная политика*, а не «невидимая рука рынка» будет определять *экономическое* развитие мира. Мы считаем справедливым утверждение американского исследователя К. Уолтса о том, что «правительства и народы готовы пожертвовать своим благополучием, если речь идет о преследовании *национальных, этнических и религиозных целей*»[113]. Правительства и народы не готовы сдаться на милость компаний-чемпионов производительности в своей сфере.

На протяжении долгой истории человечества не некие абстрактные экономико-политические интересы, а целенаправленные действия правительств формировали (и формируют) экономико-

политические блоки, союзы, ассоциации. Без политической воли, без решения соответствующих правительств не были бы созданы Объединение угля и стали (1951), Европейский союз, НАФТА, ОПЕК, АСТЕС и прочие интеграционные предтечи глобального рынка. В то же время продолжавшаяся долгие годы интеграция Восточной Европы не предотвратила дезинтеграции Советского Союза и Югославии. И в будущем интеграция Северной Атлантики, Западного полушария, Восточной Азии будет реализована лишь в случае, если «менее значимые» страны откажутся от самоутверждения и собственных национальных амбиций. Рассчитывать на это нереалистично.

В плане критики объединительного потенциала не следует также забывать, что лишь сравнительно небольшие страны импортируют и экспортируют значительную долю своего национального продукта. А крупные страны с большим ВНП производят основную его долю на собственном рынке. Именно поэтому такие страны, как США, Япония, Германия, меньше, точнее сказать, *сравнительно незначительно* зависят от других стран. Они могут позволить себе роскошь самостоятельных действий, имеют несравненно более широкий спектр возможностей и вовсе не обязательно зададутся целью привязать свою экономику к геоэкономическим комплексам, чьи интересы могут вовсе не совпадать с их собственными. То есть потенциал независимых национальных стратегий и действий никоим образом не погашен. В этом глобалисты, говорящие о нераздельной общности мира, опережают события.

И не следует преувеличивать самостоятельную сущность транснациональных корпораций. При всей их космополитичности практически о каждой из ТНК можно твердо сказать, где ее подлинная штаб-квартира, кому она платит налоги, чей флаг приветствует, какое правительство считает своим. Критики глобалистических теорий указывают, что столь громко декларируемая интернациональность, *космополитизм* крупных компаний — определение, не соответствующее действительности. Среди ста крупнейших корпораций мира нет ни одной, национальная принадлежность которой была бы не ясна, которая являлась бы просто *глобальной*. По всем параметрам — размещение инвестиций, месторасположение исследовательских центров, национальность владельцев, держателей акций, менеджеров и дистрибьютеров — четкая национальная ориентация прорисовывается немедленно. Даже технологический уровень корпорации полностью отражает уровень страны принадлежности.

Таково противостояние глобализму на макроуровне, на уровне межгосударственных отношений и по вопросу о мнимой наднациональности международных корпораций. Но критика глобализации все более активно спускается и на микроуровень, на уровень отдельных соседских общин, городских и пригородных сообществ. Коммунитаристы видят в глобализации антитезу небольшим комьюнити, соседским общинам, которые, с их точки зрения, являются основой подлинной демократии и охраны прав граждан. Мировые рынки ввиду их колоссальной отдаленности, подрывают ответственность граждан — базис, на котором зиждется современная демократия. Никакая система трудовой мотивации не в состоянии заменить здравые соседские общины. Выступающий с подобными идеями американский политолог Р. Барбер называет мир глобализации виртуальным миром *Мак-Уорлд*, который пытается заменить реальный мир фикциями консьюмеристской культуры. Пока аннигиляция национального и непосредственного окружения неубедительна. Силы глобализации еще не обесценили мощь государств, чьи лидеры еще в состоянии действенно воспользоваться своим политическим контролем.

Второе направление считает, что скоротечное, непродуманное занижение и даже уничтожение национальной идентичности чревато колоссальной дестабилизацией отдельных стран и мировой системы в целом. Своим требованием свободного рынка Соединенные Штаты уже привели к социальным взрывам в неведомых им странах. Недавний пример дестабилизации огромной Индонезии, покорно подчинявшейся глобалистским требованиям МВФ, впечатляет.

Представители этого направления считают, что в целом идея автоматически достигаемой свободнорыночной экономикой самостабилизации — «архаична как курьезное наследие рационализма эпохи Просвещения, который уцелел только в Соединенных Штатах»[114]. Как пишет американец Дж. Грей, «глобальное laissez faire является национальным американским проектом». Как полагает американский аналитик Д. Каллео, «стилизованный по-американски глобализм означает однополярный *Pax Americana,* а не диверсифицированный плюралистический мир, где властью нужно делиться. Разрыв между фиксированным однополярным воображением и растущими плюралистическими тенденциями в реальном мире представляет собой постоянно усугубляющуюся опасность. Эта опасность проявляет себя в политической линии, которая противопоставляет Америку одновременно интересам России, Китая и даже Европы»[115].

Фактически США осуществляют «революционный захват» мировой экономики, и любая другая «экономическая цивилизация» подвергается угрозе уничтожения. Восхождение на престол идеологии, которую Грей называет «фундаментализмом свободного рынка», полностью соответствует интересам лишь одной страны и одного общества — американского. Лишь исходя из собственных интересов, американцы убеждены в универсальном характере достоинств свободного рынка, что ведет к жестокому давлению с целью навязывания рыночных реформ незрелым обществам, неподготовленным государствам. Этим глобалистским фундаменталистам все особенности исторического развития кажутся просто препятствием к реализации свободной торговли — близорукая оценка процесса модернизации, столь неоднородного и несводимого к единому (глобалистическому) знаменателю.

В качестве *третьего* направления в ходе осмысления огромного социально-экономического явления, которым является глобализация, выделились такого рода *скептики,* как американцы П. Хирст и У.Томпсон, которые в общем и целом считают *глобализацию мифом, направленным на сокрытие конфронтационной реальности развития международной экономики,* все более представляющей собой жестко сдерживаемый баланс сил трех региональных блоков — Северной Америки, Европы и Восточной Азии (в ареале которых национальные правительства сохраняют всю прежнюю мощь)[116]. Силы рынка отнюдь не вырвались из-под контроля, они зависят от регулирующих правил национальных правительств. Где этот новый, меньше ориентирующийся на государственную мощь мир? Его можно найти лишь в воображении некритичных глобалистов. В реальной же жизни правительства вовсе не являются покорными жертвами интернационализации, они являются первостепенными по значимости ее творцами.

Глобализация не смягчает, а усиливает мировое неравенство. Как пишут американцы Р. Кеохане и Дж. Най, «вопреки ожиданиям теоретиков, информационная революция не децентрализовала мировую мощь и не уравняла государства между собой. Она оказала как раз противоположное воздействие»[117]. Процесс глобализации отнюдь не разрешает проблему существующего разительного глобального неравенства, он не размывает сложившейся к третьему тысячелетию иерархии богатства и бедности. Глобализация создает дополнительные возможности крупным производителям (чаще всего транснациональным корпорациям, которые, пользуясь феноменально разверзшимся рынком, укрепляют свои позиции) за счет менее крупных и менее приобщенных

к современной науке и технологиям производственных коллективов во всех странах Земли. Этим менее эффективным производителям грозит исчезновение с лица планеты. Не составляет большого труда уже сейчас назвать всемогущих чемпионов глобализации XXI века и ее деморализованных жертв.

По мнению американца Дж. Грея, «глобализация является ошибочным и вредным политическим проектом, оказывающим непомерное влияние на глобальные экономические и финансовые институты. Он отражает предпочтение творцов американской внешней политики»[118]. Слабые государства становятся жертвами — попадая под пресс глобализации, «национальные правительства начинают делить власть — политическую, социальную, военную — с кругами бизнеса, международными организациями, множеством групп граждан»[119]. И в результате они подрывают свои позиции в мировом сообществе, отдавая господство индустриальному Северу.

Скептики данного направления категорически отрицают производимую якобы глобализацией эрозию разделительных линий между Севером и Югом. Происходит очевидная маргинализация развивающихся стран — богатый Север по существу исключает из прогресса огромное большинство человечества. Факт перевода транснациональными корпорациями своих рабочих мест в районы более дешевой рабочей силы Юга преувеличен[120]. Эти критики глобализации подвергают сомнению *многонациональность* ТНК, они показывают, что всегда можно с легкостью определить национальную принадлежность и лояльность транснациональных корпораций[121]. В мире существует и закрепляется мировая иерархия, разительное неравенство, а не некая система всеобщего равенства доступа к информации, технологии и эффективности. Все чаще звучит мысль, что «будущее глобальной экономики, в которой только Соединенные Штаты и небольшая группа богатых получают преимущества, является внутренне нестабильным и с экономической, и с политической точек зрения»[122].

Четвертое направление критиков глобализации обращает внимание на внутренние проблемы самих лидеров глобализации, на то, что в странах-чемпионах возникают обширные зоны производства, которые самым непосредственным образом *страдают от открытия границ конкурентам,* способным производить сходные товары с меньшими издержками. В развитых странах уже размышляют над судьбой текстильной промышленности, «дымных» отраслей промышленности, на наших глазах перемещающихся в зоны, где защита окружающей среды уступает инстинкту первичного выживания, уже создается организованное

сопротивление. В таких странах, как Соединенные Штаты, становится очевидным, что игра по правилам глобализации окупаема далеко не для всех производителей, не для всех членов общества.

Американец Р. Гилпин: «Как убеждаются лидеры всех индустриальных стран, заручиться поддержкой глобализации будет трудно, если мировая экономика будет выглядеть как система привилегий владельцев капитала за счет рабочих, общин и окружающей среды»[123]. В новой — глобальной экономике миллионы *эффективно* работающих опускаются на дно общества из-за распада традиционных экономических систем и уменьшения возможностей правительств их государств помочь им. Они остаются один на один с социальными пертурбациями, несущими несчастья вплоть до голода и болезней. Эти лишившиеся работы парии глобализированного мира будут вынуждены мигрировать, предлагать свою работу на любых условиях, приносить в жертву будущее своих детей, опускаясь в страшный мир отчаянного самовыживания. Речь в данном случае идет и о развивающихся, и о развитых странах.

Как явление, вызывающее коренные изменения, глобализация встречает отчаянное сопротивление самых разных сил — религиозных фундаменталистов, профессиональных союзов, культурных традиционалистов. Глобализации, строго говоря, безразличен политический строй данной страны, лишь бы стабильность, предсказуемость, транспарентность помогали видеть возможности и опасности массового приложения капитала. «Сигнал, получаемый всеми правительствами, ясен: подчинитесь или страдайте», — приходит к выводу К. Уолтс[124]. В Сиэтле в 1999 году, на Окинаве в 2000 году тысячи протестующих стремились выразить свое несогласие с тем, что им видится тупиком общественно-политической мысли, отходом от цивилизации и гуманизма в джунгли первоначального накопления.

Пятое критическое направление возглавляется Ягдишем Багвати из Колумбийского университета (Нью-Йорк), Полом Крюгманом из Массачусетского технологического института и главным экономистом Мирового банка Джозефом Стиглицем (в эту группу входит и Г. Киссинджер), которые считают, что следует стремиться к системе свободного рынка *для товаров, но не капиталов*. (В эту группу входит и прежний идеолог «шоковой терапии» в России — Джеффри Сакс из Гарвардского университета. Теперь он наряду с другими решительно критикует МВФ за предписание рецессионной политики, которая вызвала коллапс реальной экономики[125].) Рынки капиталов нестабильны по своей

природе и требуют государственного контроля как минимум над обменными курсами. Некоторые критики из этой плеяды заходят так далеко, что выступают за закрытие МВФ, который, с их точки зрения, своей импровизацией и незнанием местных условий способен потворствовать возникновению кризисных ситуаций.

Сейчас примерно такую точку зрения занимает бывший госсекретарь Дж. Шульц, бывший министр финансов У. Саймон, такие исследовательские центры, как Фонд наследия. Даже президент Мирового банка Дж. Волфенсон предпринял шаги, чтобы дистанцироваться от «ортодоксальной» политики Международного валютного фонда, скомпрометированной в ходе азиатско-российского кризиса 1997—1998 годов. Все более громко задается вопрос, могут ли встать на ноги потрясенные экономики России, Индонезии, Бразилии. В определенной степени возвращается кейнсианская вера в государство как легитимного участника процесса развития, что подрывающе действует на сами основы глобализационных теорий.

Особую *(шестую)* позицию занимают американские изоляционисты, красноречиво представляемые, в частности, П. Бьюкененом. Они воспринимают глобализацию как систему допуска на богатый и справедливый американский рынок демпинговых товаров из стран с почти рабским трудом, как уход свободного американского капитала (очень необходимого своей стране) в зоны дешевой рабочей силы, что лишает работы большие массы собственно американцев, разрушает американскую экономику, ослабляет в конечном счете международные позиции Америки. В этом смысле П. Бьюкенен назвал глобализацию «заменой коммунизма» в качестве главного противника Америки.

Эти враги глобализации *справа* более всего боятся утраты ясно выраженного национального суверенитета. Культурные и национальные цели самой Америки, по их мнению, требуют поддержания сильного государственного механизма. Глобализация в этом плане видится здесь едва ли не главным противником религиозных и семейных ценностей, общественной солидарности. Религиозное рвение отличает неоконсерваторов от либералов, и оно не позволяет им принять глобализацию — для них это вид нежелательного космополитизма. Проклятием для правых было бы петь глобализации гимны как среде, которая в конечном счете породит некое мировое правительство, отнимающее у заокеанской республики атрибуты суверенности.

Неоконсерваторы непреложно подчеркивают, что США — страна *с идеалами,* что вера Америки в демократию является

наследием американской традиции, которую Г. Моргентау назвал «общенациональным универсализмом»[126]. Неоконсерваторам не нравится метафора с США как «шерифом» хаотического мира вокруг. По этому поводу один из идеологов правых — Дж. Муравчик замечает, что «полицейский получает приказы от стоящих над ним авторитетов, но в сообществе наций нет власти более высокой, чем Америка». Как это сопоставить с понятием экономического порядка, основанного на идеях бессмысленности национального суверенитета и национальных интересов в мире, где господствующую роль играют лишенные национальной принадлежности многонациональные корпорации, не имеющие границ экономические системы и никем не регулируемые глобальные потоки капитала?

Правых в США беспокоит возможность обесценения вооруженных сил, которые в глобализационном космополитизме теряют смысл своего существования. «В чем миссия вооруженных сил,— спрашивает американский исследователь Уильям Грейдер,— в защите суверенной нации или в охране безликой глобальной экономической системы? Американские войска размещаются за рубежом от лица базирующихся в США многонациональных компаний или американских граждан? Является ли их главной целью защита американских ценностей или аморальности рынка?»[127]

Седьмое направление. Противники глобализации *слева* принципиально выступают против давящей гражданина эксплуататорской сути частного капитала. Они со всей страстью выступают против гигантов мирового бизнеса, сделавших весь мир ареной эксплуатации труда капиталом. Вырвавшийся на глобальные просторы капитал кровно заинтересован в том, чтобы создать такую мировую систему, которая гарантировала бы враждебное противостояние рабочих разных стран, возможности для транснациональных монополий искать и находить те места и страны, где заработная плата была бы минимальной, налоги незначительны, государственное вмешательство неощутимо, субсидии создаваемым предприятиям максимальны. Для этих критиков глобализация представляет собой проявление *корпоративной силы* мирового капитализма.

С точки зрения левых, Всемирная торговая организация (ВТО) представляет собой самое последнее по времени олицетворение всей системы глобального корпоративного управления. Необходимо остановить эскалацию этого явления и ограничить деятельность таких инструментов корпоративного правления, как МВФ и

Мировой банк. В журнале «Диссент» американец С. Джордж настаивает на необходимости сокрушить «антидемократические институты подобные ВТО, провозгласить начало эпической битвы за цивилизацию и свободу против варварства и тирании»[128]. Борьба почти отодвинутых, маргинализированных левых идеологов с глобализмом возвратила на политическую поверхность полузабытые термины типа «корпоративного правления». Скептики среди левых (в данном случае Р. Фолк) считают необходимым обнажить «подрывную суть ориентированного на рынок глобализма, который осуществляется сейчас транснациональными корпорациями и банками». В значительной мере вторит этим идеям и И. Валлерстайн: «Выражение «гражданин мира» является глубоко двусмысленным. Оно используется для сохранения особых привилегий»[129].

Один из ведущих деятелей крупнейшего профсоюзного объединения АФТ-КПП Дж. Мазур указывает на то, что «глобализация создает опасную нестабильность и усугубляет неравенство. Она приносит несчастья слишком многим и помогает слишком немногим... Глобализация объединяет против себя сторонников охраны окружающей среды, адвокатов движения потребителей, активистов движения за гражданские права... Глобализация стала сочетанием все более очевидного неравенства, медленного роста, уменьшающейся заработной платы, которые увеличивают эксцессы в одной отрасли за другой по всему миру. Работающие получают недостаточно для того, чтобы купить продукты своего труда... Эти проблемы исходят с самого верха. Представитель Мирового банка Штиглиц заметил, что консенсус в Вашингтоне по поводу глобализации базируется на полном игнорировании неравенства и «побочных явлений», таких как ущерб окружающей среде, применение детского труда и опасные виды производства. На раундах переговоров по мировой торговле, проводимых преимущественно в интересах многонациональных корпораций, к странам предъявляются требования изменить торговое законодательство, отказаться от традиционных способов ведения сельского хозяйства и защитить лицензионные права. Но эта система не берет на себя ответственности за человеческие страдания в проведении этой политики»[130].

Такие теоретики, как Дж. Грей, полагают, что идеология свободнорыночного фундаментализма не может продержаться долго — она противоречит высшим идеалам да и интересам большинства государств. Но она будет диктовать свои правила достаточно долго, чтобы привести в беспорядок весь мир. США ни при каких об-

стоятельствах не променяют свое глобальное всемогущество на подчинение некоему глобальному (скажем, ооновскому) правительству. Мы находимся в начале трагической гоббсианской эры, на протяжении которой анархия рынка и истощение естественных ресурсов приведет к крупным геополитическим конфликтам. Только создание сильных институтов глобального управления, которые регулировали бы соотношение валют и защищали бы окружающую среду, могло бы предотвратить столь мрачное будущее. Это глобальное правительство относилось бы со всем уважением к различию режимов, особенностям культуры, сложившимся местным экономическим укладам. Огромная сила мировой экономики была бы направлена на службу основным потребностям человека, а не достижению сверхдоходов нескольких монополий[131].

Глобализацию подвергают критическому анализу прежде всего те, кто призывает реалистически ответить на два вопроса: *не страдает ли от нее большинство мирового населения (1) и кому прежде всего выгодна глобализация (2)?* В общем и целом глобализация — не более чем политически востребованная рационализация применения непопулярной ортодоксии неолиберальных экономических стратегов.

Противодействие глобализации. Едва ли можно сомневаться в том, что практически ни одна сфера человеческой деятельности не избежит той или иной степени влияния глобализации. Глобальный охват конкуренции подстегнет производительность труда, поощрит научные разработки, привлечет капитал к зонам социальной стабильности. Но, как у каждого подлинно значимого явления, у глобализации, помимо позитивной, есть огромная негативная сторона — стоит лишь обратиться к примерам Мексики, Таиланда, Индонезии.

Глобализация *весьма специфически* интегрирует мир. Одни интеграционные усилия ведут к искомому объединительному результату, другие обнажают непримиримые противоречия. Есть все признаки того, что дифференциация мирового сообщества не только сохранится, но получит новые измерения — возможно, с элементами ожесточения. Фиксация неравенства (и, еще важнее, отсутствие обнадеживающей альтернативы) в век массовых коммуникаций может очень быстро разжечь пожар несогласия и противостояния.

Самым важным с политической точки зрения является то, что система международного разделения труда, основанная на выде-

лении между развитой индустриальной «основой мира», полупериферией индустриализирующихся экономик и периферией неразвитых стран в условиях глобализации, попадает в ситуацию абсолютного доминирования «глобальной триады» Северной Америки, ЕС и Восточной Азии. Здесь размещены главные производительные силы мира и «мегарынки» мировой глобальной экономики, в которой центральную роль играют глобализированные транснациональные корпорации[132]. Значительно более двух третей торговых и валютных потоков осуществляются между этими тремя центрами, удаляющимися от мировой периферии. Тот, кто не попал в новую систему разделения труда, оказался попросту за пределами мирового развития. «Политический и экономический выбор большинства правительств,— пишет американец Т. Фридмен,— резко ограничен тем, что в мире существует одна сверхдержава и правит в мире капитализм»[133]. Эта новая — жесткая постановка вопроса является важнейшей отличительной чертой глобализации нашего времени. Лишь примерно десяти развивающимся странам (среди них Турция, Китай, Индия, Таиланд, Индонезия — и нет России, большинства Восточной Европы, Латинской Америки, Африки) удалось внедриться в единый глобализированный рынок XXI века.

Не забудем при этом, что глобализация, формируя острова зажиточности даже в Индии, Китае, Мексике, создает покинутый всеми огромный «четвертый мир». И финал драмы не предрешен. Он зависит от человечества в его стремлении не только к эффективности, но и к состраданию, мировой солидарности, традиции гуманизма.

Суммируем основные характеристики глобализирующегося мира.

1. Вопреки понижению барьеров на пути торговых потоков, *лишь рынок капиталов* является подлинно глобальным. Лишь капитал безо всяких препятствий мигрирует в места наиболее выгодного своего приложения. А капитал исходит не из бедных стран Юга, он плывет из сейфов богатых стран Севера. Карты находятся в руках банков, трастовых фирм, консультативных компаний, корпораций северного индустриального полюса.

Завися от прямого портфельного инвестирования, глобализация затронула лишь часть мирового сообщества, пройдя мимо огромных регионов, оставляя их на обочине мирового развития. Строго говоря, глобализация — при всем своем всеобъемлющем названии — затронула лишь северную часть полосы развитых стран: 81% прямых капиталов приходится на северные страны

высокого жизненного уровня — Соединенные Штаты, Британию, Германию, Канаду. И концентрация в этих странах капитала увеличилась за четверть века на 12%[134].

2. Увы, *не каждой* стране дается шанс быть частью привилегированной системы. Но практически все государства ставятся под пресс — они должны адаптироваться к вызову глобализации, к уровню наиболее успешных производителей среди частных компаний мира. Глобализацией практически не затронуты Африка, почти вся Латинская Америка, весь Ближний Восток (за исключением Израиля), огромные просторы Азии. (Даже в отдельно взятых странах зона действия сил глобализации ограничена. Например, в Италии в сферу ее действия входит северная часть страны, а Меццоджорно — на юге — не подвластен ей.)

Глобализация может быть причиной быстрого разорения и ухода на мировую обочину развития вследствие всесокрушающей конкуренции. Под ее влиянием государства становятся объектами резких и быстрых экономических перемен, которые способны в короткие сроки девальвировать легитимность правительств. Подданные своих стран оказываются незащищенными перед набором новых идей, противоположных по значимости главным догмам национальных правительств. Богатство у владельцев технологии и ресурсов возникает буквально на глазах — но столь же быстро опускаются по шкале благосостояния и могущества те, кто «замешкался», кто не посмел пожертвовать собственной идентичностью.

«Свобода и ярость,— пишут американцы Менон и Вимбуш,— с которой правительства — по меньшей мере те, которые выразили свое желание участвовать в глобальной экономике,— могут обратиться к репрессиям, уменьшается драматически. Это увеличивает свободу маневра и самоизъявления прежде молчавших национальных меньшинств. Государства, в которых этнические меньшинства размещаются географически концентрированно, теряют рычаги воздействия — их противодействие меньшинствам становится все более дорогостоящим, потому что данное государство теперь уже хорошо просматривается всем внешним миром»[135].

«Исключение целых обществ из процесса глобальной модернизации увеличивает риск этно-национальных конфликтов, терроризма, вооруженных конфликтов»[136].

3. Между развитыми странами — странами Организации экономического сотрудничества и развития экспорт растет вдвое быстрее, чем в соседних странах. Доля экспорта в 1960 году составляла в ВНП этих стран в среднем 9,5%, а в 2000 году —

20%.[137] Американские профсоюзы напоминают, что глобализация вовсе не означает *повсеместное* расширение торговли. К примеру, доля демократических развивающихся стран упала в общем американском импорте с 53,4% в 1989 году до 34,9% в 1998 году. В этом потоке доля промышленных товаров уменьшилась за указанный период на 21,6%[138].

4. По-видимому, у развивающихся стран появляется шанс. Скажем, между 1990 и 1997 годами финансовый поток частных средств из развитых стран в развивающиеся увеличился драматически — с 44 млрд. долл. до 244 млрд.[139]. Примерно половину этих средств составили прямые инвестиции, что, казалось бы, давало странам-получателям шанс. Но вскоре обнаружилось, что грандиозные суммы уходят так же быстро, как и приходят (одним нажатием клавиши на компьютере), как только экономическая ситуация в данной стране начинает терять свою привлекательность (исчезает потенциальная сверхприбыль). В кратчайшее время западные частные деньги покинули в середине 1997 года Таиланд, затем Южную Корею, затем Индонезию, вызвав в каждой из стран шок национального масштаба. Надо ли говорить, что терпение жестоко эксплуатируемого — и столь легко становящегося жертвой — незападного мира небеспредельно?

В случае с обращенными к глобализации правительствами, основная масса населения может, так сказать, воспротивиться жестокому открытию, безжалостной конкурентной борьбе и двинуться в противоположную — обращенную в прошлое сторону. Вспыхивает традиционалистское восстание против чуждых ценностей (подаваемых как универсальные), против страшного разрыва богатства и бедности, против осквернения традиционных святынь и безразличия к потерпевшим. Уже сейчас жертвами подобной глобализации стали осколки Советского Союза и, во многом, азиатские государства — Китай, Пакистан, Афганистан, Индонезия. «Идентичность, основанная на мифе, языке, религии и культуре может оказаться недостаточно крепкой для сохранения целостности этих государств перед лицом глобализации»,— приходят к заключению американские исследователи Р. Менон и У. Вимбуш[140].

5. Глобализация требует фактической унификации условий. Но в реальной жизни такого не происходит. Скажем, в период азиатского экономического кризиса 1998—1999 годов западноевропейские страны страдали прежде всего от высокого уровня безработицы; Китай шел своим путем, а США били рекорды промышленного роста. Что общего между фантастически быстро растущими сборочными линиями и заводами на мексиканской стороне грани-

цы с США и теряющими работу голубыми воротничками Детройта? Можно смело сказать, что американский конгресс — как и американские профсоюзы — *никогда* не смирится с переводом американских капиталов в зоны дешевой рабочей силы таким образом, что это, во-первых, заденет стратегические позиции США, во-вторых, негативно коснется прямых интересов американских производителей, рабочих их компаний — тех избирателей, которые раз в четыре года видят в президентских выборах альтернативу покорному сползанию к высокой безработице (когда рабочие места в массовом порядке начнут «эмигрировать»).

В наиболее индустриально развитом американском обществе к 2020 г. в производительной сфере будет занято значительно меньше 10% общего населения. Эта высокооплачиваемая рабочая сила Америки категорически не заинтересована: а) в переводе американских средств и технологий в страны с дешевой рабочей силой; б) в допуске на богатый американский рынок конкурентоспособной продукции из стран, где государство помогает экспортерам и где издержки на производство значительно меньше американских.

6. Идеологи глобализации утверждают, что рынок ныне становится глобальным. В строгом смысле это не подтверждается фактами. Страны крупных экономических параметров остаются на удивление ориентированными на внутренние рынки. Скажем, невовлеченные во *внешнюю* торговлю и обмен отрасли и сектора американской промышленности охватывают 82% работающих американцев[141]. В Соединенных Штатах «почти 90% работающих заняты в экономике и в сфере услуг, которые предназначены для собственного потребления». В трех важнейших экономиках современности — США, ЕС и Японии на экспорт идет лишь 12% ВВП[142]. Страны Бенилюкса могут чрезвычайно критически зависеть от импорта и экспорта, но не гигантские экономические комплексы ведущих промышленных держав. Может ли хвост вилять собакой, может ли мощная — но не преобладающая — сфера ориентированного на экспорт производства навязывать свою волю всему обществу?

7. В политическом плане фактом является то, что торжество глобализма означает прежде всего историческое поражение левой части политического спектра практически в каждой стране. Левые политические партии еще могут побеждать на выборах и делегировать своих представителей в правительства. Но они *уже не могут реализовывать левую политико-экономическую программу*. В результате они попросту председательствуют при рас-

продаже своих левых ценностей. И этот кризис левых взглядов и сил, судя по всему, надолго.

И это при радикализации их традиционного электората. Сотни миллионов трудящихся оказались жертвами глобальных финансовых шоков, непосредственными жертвами современных информационных технологий. Часто попросту жертвами проходящих весьма далеко экономических процессов. При этом зримо видны очевидно отрицательные по значению плоды ускоренной глобализации: растущее неравенство в доходах, отсутствие гарантии долговременной занятости, резко возросшая острота конкурентной борьбы — теперь уже в глобальных масштабах. Чувство беззащитности, ощущение себя жертвами громадных неподконтрольных процессов, озлобление слепой несправедливостью жизни, ощущение сверхэксплуатации — все это делает глобализацию ареной все более ожесточенной борьбы.

Массовой радикализации может содействовать многомиллионное перемещение сельскохозяйственного населения в мегаполисы двадцать первого века. «Оскорбленное чувство самоуважения, озлобление, ощущение превращения в жертву складывающихся обстоятельств могут в значительной мере укрепить силы, выступающие против глобализации, которая все больше будет восприниматься как благотворная лишь для США,— пишет бывший директор Международного института международных отношений (Лондон) Ф. Хейзберг.— Фашизм и милитаризм Германии, Италии и Японии, самопровозгласивших себя «нациями-пролетариями», были во многом отражением популярных и широко распространенных в этих странах чувств, что они (эти страны) не получили всех выгод от экономического развития своего времени — тех выгод, которые поделили между собой другие страны»[143]. Семьдесят лет спустя подобные же чувства снова выходят вперед в весьма мощных странах.

8. Как признают западные исследователи, всемирное открытие барьеров выгодно, прежде всего, сильнейшему. Страной, более других получившей от мировой глобализации, являются Соединенные Штаты. На протяжении 1990-х годов США получили от роста экспорта около трети прироста своего ВНП[144]. Даже когда кризис поразил часть азиатских стран, потоки капитала неустанно стремились на американский финансовый рынок, давая бесценную энергию буму американской индустрии и сельского хозяйства. «Эта экспансия, — пишут идеологи демократической партии, — ныне самая долгая в истории американской нации, низвела уровень безработицы до нижайшего за последние 30 лет,

она подняла жизненный уровень всех групп американского общества, включая сюда наиболее квалифицированных специалистов»[145]. Неудивительно, что США намерены выступать наиболее упорным и убежденным сторонником мировой глобализации. «Получая наибольшие блага от глобализации,— указывает американский политолог Э. Басевич,— Соединенные Штаты используют благоприятное стечение обстоятельств, их главная задача — выработка стратегии продления на будущее американской гегемонии»[146].

9. Недооценивается фактор государственности. Государства не могут позволить, чтобы жизни их граждан попали в огромную и почти необратимую зависимость от глобальных экономических процессов, над которыми у них нет контроля. Эти государства либо возведут барьеры, чтобы защитить себя, либо государства начнут тесно сотрудничать между собой, чтобы не упустить остатки прежнего контроля, видя, что, скажем, финансовый кризис в Восточной Азии в конце XX века был вызван во многом открытием восточноазиатскими странами своих финансовых рынков.

Расходы на образование и медицинское обслуживание в развивающихся странах, которые решат подчиниться глобализационной идеологии, будут вынужденно прекращены, что еще более увеличит рост безработицы в мире высокой технологии. Мексиканские рабочие, скажем, входя в огромную Североамериканскую зону свободной торговли, потеряли после 1994 года более 25% своей покупательной способности[147]. Удержалось ли допустившее это правительство?

В Европе своеобразными противниками глобализационных процессов стали (после краха левых) правые партии — германская Народная партия, австрийская партия Народной свободы. Их радикальными антиподами в среде развивающихся государств выступают такие партии как Джаната парти в Индии. А союзниками — профсоюзы развитых стран, теряющие рабочие места.

Будущее. Протесты против итогов и дальнейшей глобализации в Сиэтле (на форуме ВТО в ноябре 1999 года) были довольно широко интерпретированы как начало могучего потока противодействия процессу глобализации. «Крах встречи в рамках Всемирной торговой организации в Сиэтле,— пишут американцы Ф. Рандж и Б. Сенауэр,— показало, как много неверного происходит в мировой торговле — и насколько уязвимым стало будущее общей торговой либерализации. Воинственная американская односто-

ронность оскорбила делегации со всего света и подорвала многокультурный характер встречи»[148]. В то же время представители банковской, торговой, распределительной сфер больше связаны с глобализацией действиями транснациональных монополий, для них сугубо американские интересы начинают растворяться в межнациональных процессах.

«Мир вовсе не вступает,— пишет редактор журнала «Нэшнл интерест» М. Линд,— в эру гармоничной глобальной взаимозависимости и подлинной либеральной демократии. Глобальная конкуренция подстегнет геоэкономическое соревнование, включающее в себя менее богатые, но значительные в военном смысле страны, такие как Россия, Китай и Индия»[149]. Вопреки всем глобалистским лозунгам, огромная часть населения нашей планеты фактически отрезана от возможностей современной технологической революции.

Не будем впадать в крайность. Более внушительным, чем плакаты жертв глобализации, аргументом в пользу продолжения этого процесса, является тот факт, что, вопреки финансовому кризису 1997—1998 годов, государства мира не повернулись «внутрь», к частным строго национальным проблемам, а продолжили движение к некоей *мировой* экономике, к интеграции в максимально широкий рынок.

Но неизбежно возникнет вопрос другой стороны: согласится ли мировое большинство в обмен на обещанную стабильность и долю участия в мировом прогрессе отдать ключи от национальной судьбы лидерам — это самый большой вопрос будущего. Встает кардинальный по важности вопрос: удовлетворится ли преобладающая часть мирового населения ролью объекта мировой геоэкономики, ролью бессильного потребителя товаров, создаваемых другими, ролью деградирующего свидетеля подъема немногочисленных чемпионов экономического роста? Мировая история знает случаи пассивного смирения, но она же дает образцы активного несогласия с уготованной другими судьбой, образцы восстания против несправедливостей системы, где «победитель получает все», а не занявший призового места лишается геополитической значимости.

Глобализация будет осуществлена лишь в том случае, если, *во-первых,* мировое сообщество согласится пожертвовать своими отраслями производства в пользу более эффективных производителей из стран-чемпионов; *во-вторых,* если высокооплачиваемые трудящиеся в развитых странах согласятся допустить на свои рынки товары из стран, где рабочая сила гораздо дешевле и где экспортерам помогают местные государственные структуры. В пер-

вом случае «неготовность» к глобализации выражается в возводимых для защиты национальных экономик тарифах на импорт. Во втором — в протесте профсоюзов богатых стран, не готовых отдать рабочие места своим менее оплачиваемым коллегам из менее богатых стран, а также недовольстве транснациональными корпорациями, переводящими свои капиталы в зону более дешевого труда (проявления такого протеста были особенно отчетливы в Сиэтле на сессии Всемирной торговой организации в 1999 г. и на Экономическом форуме в Давосе в 2000 г.).

Согласится ли мир на господство союза чемпионов эффективности из индустриальных зон развитых стран и космополитического капитала их финансовых столиц? Как пишут американские исследователи Дж. Модельски и У. Томпсон, «возможность создания глобальной организации вокруг ядра США — ЕС имеет черты реальности, но проявляет себя и возможность ожесточения в грядущем столетии интенсивной борьбы за лидерство»[150].

В конце концов, в век демократий «легитимность любой современной экономической системы должна измеряться качеством жизни, достижимым многими, а не привилегиями меньшинства. Повсюду среди рабочей силы эти обстоятельства вызывают растущую реакцию против условий глобального порядка»[151]. Если раньше такие профсоюзы, как АФТ-КПП, мыслили «геополитически», поддерживая антикоммунизм на глобальной арене, то с глобализацией в начале XXI века проблемы глобализации стали самоценными. «Коллапс Советского Союза изменил отношение правительств к рабочему вопросу. Широкое идеологическое наступление корпораций представило профсоюзы как устаревшие остатки ушедшей в прошлое эры. Но по мере того, как большой бизнес принимал глобальные размеры, борясь при этом с профессиональными союзами, рабочее движение становится все более, а не менее международным»[152].

Глобализация наиболее разрушительна там, где не существует независимых профсоюзов, где преследуется их организация. Во многих развивающихся странах существуют секторы экономики, направленные на производство экспортных товаров и на привлечение инвестиций. Не имеют профессиональных союзов трудящиеся — это плата за участие в глобализации. И это неизбежно вызовет взрыв. Поскольку трудящимся в этом «южном» поясе систематически отказывается в праве на организацию и заключение коллективных договоров с работодателями, их заработная плата искусственно сдерживается на уровне одной десятой организованного рабочего сектора индустриального Севéра. Неудиви-

тельно, что большинство этих трудящихся живет ниже официальной черты бедности в своих собственных странах.

С другой стороны, менее оплачиваемые рабочие наносят удар по более обеспеченным (и, соответственно, более дорогим) коллегам. Историк П. Кеннеди предупредил, что рыночно ориентированная промышленность Латинской Америки, Индонезии, Индии, части Китая и остальной Юго-Восточной Азии способна вовлечь в следующем поколении в глобальный рынок примерно 1,2 млрд. рабочих. Результат этого немедленно скажется на рабочих развитых стран. Заработная плата в традиционно развитых странах упадет не менее чем на 50 процентов[153]. Пострадают рабочие Севера.

А на Юге? Здесь тоже увеличится ярость протеста. «Чем дальше,— пишет П. Кеннеди,— заходит процесс глобализации — американизации, тем больше вероятность ответного наступления, что мы и наблюдаем сейчас в России и Индонезии — и во многих прочих местах, где население чувствует себя брошенным, оставленным, уязвимым по отношению к творческому потоку международного капитализма»[154].

По мнению американского исследователя Р. Гилпина, политические основания экономической открытости драматически ослабли за последнее десятилетие, а фактически «взрывное» развитие торговли и инвестиций создало невиданное напряжение у глобальных институтов. После всемирно освещенных средствами массовой информации протестов против глобализации в ходе заседания Всемирной торговой организации в Сиэтле в 1999 году, в Вашингтоне и Сиэтле в 2000 году, требования противников глобализации в ее антигуманном аспекте не могут более откровенно игнорироваться. Попытки подобного игнорирования могут привести лишь к новому подъему изоляционизма в глобальных масштабах. Это означает, что огромная волна глобализации не сопровождается абсолютно необходимой сменой политических институтов.

Глава 3

ВВЕРЖЕНИЕ В ХАОС

Третья волна перемен обрушивается на человечество вследствие ослабления внутренних структур у самых дисциплинированных общественных механизмов последних столетий — суверенных государств. Хотя государство-нация — сравнительно не-

давняя форма человеческого общежития (государство-нация было продуктом индустриальной революции XVIII века, результатом уникальных сочетаний исторических условий), гражданская дисциплина подданных государств все Новое время была наиболее обязующим и обеспечивающим порядок фактором. Важнейшим обстоятельством, влияющим на современность (и решающим образом воздействующим на будущее), является явственное ослабление государства по мере вхождения человечества в современную — третью научно-техническую революцию.

Уникальные условия доминирования *государственной* формы исчезают. Мощь и возможности государств-наций контролировать свою судьбу уменьшаются. Современные тенденции подрывают государство и систему государств. Процесс ослабления государственного организма касается даже самых могущественных государств. «Сама концепция нации,— пишет американец Д. Рието,— находится под ударом с множества сторон... Возможно и даже вероятно, что первые десятилетия нового века будут эрой ускорения эрозии мирового порядка, построенного на системе государств»[155]. Как без обиняков пишет американец В. Райнеке, государство «потеряло монополию на внутренний суверенитет, оно стало принадлежностью прошлого»[156].

Государства теряют свою национальную идентичность по нескольким причинам.

Во-первых — и прежде всего, гражданское общество престает видеть в государстве главную и незаменимую форму общественной организации. Кризис государства сказывается, в частности, в том, что ослабляется гражданская лояльность, «приверженность флагу» — всем государственным атрибутам. 34% американцев не доверяют своему правительству. Согласно опросам общественного мнения, падение доверия к правительству зафиксировано в 11 европейских странах[157].

Во-вторых, растет давление негосударственных организаций. В 1909 году в мире было 37 межгосударственных международных организаций и 176 негосударственных международных организаций, а в конце века межгосударственных международных организаций стало уже 260, а негосударственных международных организаций — 5472[158]. Если в середине девятнадцатого века в мире созывались две или три международные конференции, то ныне в год созывается более 4000 международных конференций[159]. Такие организации, как Г-7, ЕС, МВФ, ОПЕК, МЕРКОСУР и пр., принимают на себя ряд функций международных субъектов, попирающих самостоятельность суверенных держав.

В-третьих, интересы их экономической экспансии начинают вступать в противодействие с прежним «священным» желанием четко фиксировать свои национальные границы. Их банки не контролируют более национальную валюту. Они подвергаются нашествию потоков иностранной валюты, приступам террористов, потоку наркотиков, радиоволнам самой различной информации, приходу разнообразных религиозных сект. На государственный суверенитет воздействует хотя бы тот факт, что полмиллиарда туристов посещают ежегодно самые отдаленные уголки планеты. По мнению одного из наиболее видных пророков упадка государств-наций в XXI веке — японца Кеничи Омае, потребности экономического роста не сочетаются со святынями национальной суверенности, национальные границы препятствуют экономическому росту и в целом общественной эволюции. Он предсказывает создание «естественных экономических зон» или «региональных государств», которые сметут мощь прежних национальных столиц[160].

В-четвертых, такие социоэкономические факторы, как новые условия мировой торговли или один лишь возросший поток бедняков из бедных стран в богатые, изменят характер суверенного государства. Как может быть сохранен суверенитет государства в условиях, когда «многонациональные корпорации настаивают на том, что фундаментальной реальностью Интернета является отсутствие каких-либо ответственных за поток информации? И как сплетение государственной власти с националистической мифологией будет возможно в эпоху массовой миграции?»[161]

«Децентрализация знаний,— пишет историк П. Кеннеди,— работает в пользу индивидуумов и компаний, а не в пользу наций. Мировые финансы в их свободном разливе неостановимы и трудно представить, как их можно контролировать. Огромные многонациональные корпорации, способные перемещать ресурсы из одного конца планеты в другой, являются подлинно суверенными игроками мировой сцены. Перемещение наркотиков и международных террористов также являет собой угрозу традиционным государствам. (Напомним, что торговля наркотиками дошла до 300 млрд. долл., а организованная преступность стала наиболее острой мировой проблемой[162].— *А. У.*). Кризис окружающей среды, рост мирового населения, неконтролируемая переливаемость нашей финансовой системы ведут к тому, что государства попросту входят в состояние коллапса»[163].

Подрыву авторитета государств (на что все активнее указывают алармисты) способствует быстро растущая опасность со сто-

роны международного терроризма. Доступ к самой передовой технологии, к прежде недоступной современной технике, оказавшийся возможным благодаря распространению технологии, в огромной мере облегчает вооружение даже небольшой группе фанатиков, террористов, приверженцев любой экстремальной идеи — деструктивным общественным силам.

Этот процесс крайне болезнен и таит в себе опасности. Видя отступающее государство, гражданин теряет четкое представление о лояльности. Как пишет американский специалист С. Стрейндж, «в мире многосторонней, претерпевшей диффузию власти наше собственное сознание становится нашим единственным компасом»[164]. Это сознание ищет солидарное культурное окружение, а не старинную лояльность к узко-чиновничьим структурам.

Суверенитет. *Но еще более грозная сила* наносит государственным системам удар с другой стороны — со стороны вышедшего на историческую арену в качестве основополагающего этнического самоутверждения всех возможных видов. Словно проснулись демоны, спавшие историческим сном.

Принцип национального самоопределения был отчетливо выражен президентом Вудро Вильсоном восемьдесят лет назад: «Каждый народ имеет право избирать ту форму суверенности, которая для него предпочтительна». Предтечи предупреждали. Размышляя о самоопределении на финальной стадии первой мировой войны, государственный секретарь США Р. Лансинг записал в дневнике: «Эта фраза начинена динамитом. Она возбуждает надежды, которые никогда не будут реализованы. Я боюсь, что эта фраза будет стоить многих тысяч жизней»[165]. Но главенствовать этот принцип стал тогда, когда историческая память о нем (рассчитанном на конкретную цель — развал противостоящей Австро-Венгрии) стала почти забываться. При этом историческая память народов начала как бы ослабевать, и уже не все помнят, что случилось с распавшимся Китаем в 1920-х годах и во время культурной революции, «с многими африканскими государствами после получения ими независимости, с современной постсоветской Россией»[166].

Да, на флаге Соединенных Штатов первоначально было 13 звезд, означающих численность вступивших в союз штатов. Сейчас их пятьдесят и образовались они из территорий, принадлежавших прежде Британии, Франции, Испании, России, Канаде, Дании, Японии, Мексике, Гавайям, Германии. В последний раз граница

между Мексикой и Соединенными Штатами изменялась в 1963 году, а морская граница между ними была одобрена конгрессом США только в 1997 году. Но президент Линкольн нанес незабываемый удар по принципу *сецессии,* по любым попыткам подорвать единство своей страны. Увы, другие государства не имели его решимости. И ныне большинство американских лидеров, по словам гарвардского исследователя Х. Энрикеса, «едва ли всерьез рассматривает возможность того, что нынешние американские границы могут сократиться или исчезнуть. Но менталитет «этого случиться здесь не может» покоится на становящемся все менее прочным основании. В пику популярному восприятию приливная волна сецессионизма, обрушившаяся на весь мир сегодня, является не только продуктом древних националистических импульсов и катастрофических социальных волнений. Она движима и глобализацией, которая не оставляет нетронутой ни одну страну мира»[167].

Полагаем, дело скорее не в глобализации, а в примере и поощряющей силе, продемонстрированных двумя крупнейшими европейскими государствами. Этническое самоутверждение всех видов наций и национальностей последовало за феноменальным проявлением этнического самоутверждения Германией и Российской Федерацией в 1989 году. Порожденная объединением Германии и провозглашением суверенности России цепь этнических выделений создала поток, способный привести к распаду даже самые устоявшиеся общества. Если в 1914 году в Европе было 17 государств, в 1922 году — 24, в 2000 году — 44 государства (22 из них возникли после провозглашения суверенитета России).

К XXI веку международная система пришла с возникшей Эритреей. Шотландия и Уэльс проголосовали за создание собственных парламентов, снова взорвался Ольстер, идет война с курдами, в огне Кашмир, на виду у всех Косово. Почти всем стало ясно, что этнические конфликты решительно заменили один большой — противостояние Востока и Запада. Вместе с Херстом Ханнумом из Тафтского университета мы можем смело сделать вывод: *«Словесная дань уважения еще отдается принципу территориальной целостности, но распад в течение десятилетия Советского Союза, Югославии, Чехословакии и Эфиопии видится многими протонациями, претендующими на национальное самоопределение как самый важный прецедент»*[168].

Какими же будут выводы на XXI век? Все большее число специалистов на Западе признают, что *«столетний опыт взаимоотношения движений националистического самоопределения*

и демократии остается все более проблематичным»[169]. И в этом смысле, по меньшей мере, *«дипломатия Бонна создала чрезвычайно настораживающий прецедент... Послание, полученное Любляной, Загребом и всеми, кто того желал, значило, что принцип самоопределения может легитимно крушить многонациональные государства»*[170]. А наилучший способ добиться помощи — *«вызвать оборонительную войну, а с нею и международную симпатию, за которой следует дипломатическое признание»*[171]. По крайней мере, в начале XXI века остается еще неясным, будет ли коллективная политическая воля цивилизованных государств *«благосклонно относиться к стандартам гражданских прав, которые несет с собой самоопределение, требующее легитимизации суверенной государственности»*[172]. И ни международные юристы, ни историки не видят возможности выработки надежно проверяемых критериев, «оправдывающих» сецессию. Общая линия рассуждения специалистов идет по следующему руслу: *«Необходим континуум компенсационных мер, начинающихся с защиты прав личности, переходящих в защиту прав меньшинств и оканчивающихся сецессией исключительно в крайнем случае»*[173]. Стоит ли в таком случае обращаться к революционному насилию?

Великий Карл Поппер, идеолог философского рационализма, не знал на этот счет сомнений: *«Национализм взывает к нашим племенным инстинктам, к страстям и предрассудкам, к нашему ностальгическому желанию освободить себя от груза индивидуальной ответственности»*[174]. А ведущий английский авторитет в данном вопросе Альфред Коббен и вовсе не допускал двусмысленности: *«Самоопределение потеряло свою историческую релевантность»*[175]. Один из ведущих экспертов по данному вопросу — Энтони Смит подчеркивает, что возникновение новых и новых малых государств *«имеет тенденцию производить широкий поток беженцев, эмигрантов, потерявших ориентацию в жизни людей»*[176].

Даже «апостол» самоопределения Вудро Вильсон полагал, что в случае наличия у данной группы населения полных политических прав на личное избирательное волеизъявление, «внутреннего» самоопределения уже достаточно для защиты групповой идентичности. Американские авторитеты с уверенностью указывают на каталонцев, шотландцев, уэльсцев, индийских тамилов, квебекцев. Но, если оставить «национальное самоопределение» тем, чем оно является сейчас — самозванным надгосу-

дарственным приоритетом 90-х годов, то самоуспокоение безусловно является преждевременным. Первый же поход оранжистов по католическим кварталам пробудит старых демонов.

Когда интеллектуальное бессилие достигает апогея, жрецы мира и благополучия прибегают к референдумам и плебисцитам, как бы совершенно не ощущая, что носитель данного культурного кода дает на референдуме ответ вовсе не на «тот» вопрос. Он отвечает своим эмоциям — любит ли он свою общину, язык, традиции. И еще до проведения любого референдума ясно, что любит. Гражданин выступает уже не как гражданин данной страны, а как сын своего этноса — и отказать ему в сыновней любви просто невообразимо. Но он не опускает свой голос за фанатика, который завтра воспользуется его кроткой или не кроткой любовью и превратит привязанность к своему в ненависть к чужому.

Мир просто обязан думать о мире, в котором растет всесокрушающая сила. Опыт человеческого общежития вопиет против благодушия в деле, которое повсеместно оказывается кровавым, которое на наших глазах унесло больше жизней, чем вся холодная война. Исторический учебник любого народа скажет читателю, что едва ли не каждое государство на Земле было основано в результате завоевания. Значит ли это, что человечество ничему не научилось, что понятие «цивилизация» существует для энциклопедий, что кровь прошлых столетий должна звать к новым кровопролитиям? Никто и никогда не мог (и никогда не сможет) определить объем той дани, которую якобы должны заплатить завоеватели за несправедливость прошедших веков. Подлинной «расплатой» является гражданское равенство, а отнюдь не право крушить эмоциональный, интеллектуальный, культурный и экономический мир, созданный потом и кровью строителей, защитников, а не исторических злодеев. *«Если мы будем сражаться с прошлым,— говорил Черчилль,— мы потеряем будущее»*.

Будущее: священность границ или самоопределение. Главные действующие лица на мировой арене и мировые организации начиная с ООН будут в XXI веке стоять перед необходимостью выработки отношения к центробежным силам современного мира. И если сейчас не будут найдены базовые правила, то термоядерной реакции этнического распада нет предела. Согласно мнению X. Ханума, *«важно отвергнуть утверждения, что каждый этнически или культурно отличный от других народ, нация или этническая группа имеет автоматическое право на свое собственное государство или что*

этнически гомогенные государства желательны сами по себе. Даже в тех условиях, где гражданские права соблюдаются, глобальная система государств, основанных преимущественно на этническом принципе или на исторических претензиях, определенно недостижима»[177]. В любом случае обособление одной национальности будет означать попадание в якобы гомогенное окружение новых этнических меньшинств. История всегда будет делать полный круг — пусть на меньшем, но столь же значимом — витке исторической спирали. Снова определится этническое большинство и сработает прежний стереотип: добиваться прав не за счет равенства, а за счет сецессии.

Все так называемые «права» на сецессию *никогда* не признавались международным сообществом как некая норма. Международное право не признает права на сецессию и не идентифицирует (даже в самых осторожных выражениях) условий, при которых такое право могло бы быть отстаиваемо в будущем. К примеру, Северный Кипр в своем новом качестве существует значительно дольше, чем совместное проживание турецкой и греческой общин, но мировое сообщество так и не признало северокипрского государства, равно как инкорпорации Индонезией Восточного Тимора или претензий Марокко на Западную Сахару.

Наивными теперь видятся все те, кто десятилетие назад провозглашал «конец истории», кто воспевал общемировую взаимозависимость, глобализацию международного развития, Интернет и CNN, экономическое и информационное единство мира. Оказывается, что преждевременная модернизация сознания отрывает от реальной почвы. А реальность — это то, что встав на дорогу главенства принципа национального самоопределения, мир делает двадцать первый век временем, когда на карте мира возникнут еще двести государств и процесс их образования (а отнюдь не Интернет) будет смыслом существования нашего поколения и следующего, и еще одного.

Определенная часть американского истэблишмента уже ведет серьезную подготовку к такому повороту мировой истории, к *приятию* «самоопределительной» фазы как неизбежной. Бывший председатель Национального совета по разведке Центрального разведывательного управления США Г. Фуллер даже не питает сомнения в будущем: «*Современный мировой порядок существующих государственных границ, проведенных с минимальным учетом этнических и культурных пожеланий живущего в пределах этих границ населения, ныне в своей основе устарел. Поднимающиеся силы национализма и культурного самоут-*

верждения уже изготовились, чтобы утвердить себя. Государства, неспособные удовлетворить компенсацию прошлых обид и будущих ожиданий, обречены на разрушение. Не современное государство-нация, а определяющая себя сама этническая группа станет основным строительным материалом грядущего международного порядка». В течение века, полагает Фуллер, произойдет утроение числа государств — членов ООН. И остановить этот поток невозможно. «*Хотя националистическое государство представляет собой менее просвещенную форму социальной организации — с политической, культурной, социальной и экономической точек зрения,— чем мультиэтническое государство, его приход и господство попросту неизбежны*»[178].

Те, кто думает о будущем, не могут не понимать, что смещение мирового восприятия к главенству этноцентризма не пощадит никого. Скажем, преобладающей становится точка зрения, что после неизбежного коллапса коммунистической системы в Китае Пекин не сумеет удержать в рамках единого государства исход жителей Тибета, уйгуров и монголов, Индия — Кашмир. И это только верхушка айсберга, поскольку практически все современные государственные границы являются искусственными в том смысле, что все они (включая, скажем, кажущиеся после Линкольна прочными, американские — по признанию самих американцев) — искусственны. И, если не остановить гегемонизацию принципа национального самоопределения, более того, придать ему характер главного демократического завоевания, то можно с легкостью предсказать судьбу тамилов, майя, палестинцев — и так до конца списка.

Главная жертва происходящего глобального переворота — суверенное государство. Недавно получившие независимость государства обречены распасться уже актом их собственного обращения к принципу главенства национального самоопределения. И сколько бы ни кивали на спасительную глобализацию, неизбежно будут приобретшие и потерявшие, а при господстве идеи самоопределения это только ускорит распад как образ жизни человечества в двадцать первом веке.

Не счесть сопровождающих торжество принципа самоопределения потерь. Сразу же идет рост безработицы, развал городского хозяйства, забытье экологии, примитивизация жизни, несоответствие нового государственного языка нормам современной технической цивилизации, крах социальной взаимопомощи. Может быть, самое печальное в том, что процессу нет даже приблизительного конца. Американский специалист спрашивает:

«Небольшая Грузия получила независимость от Москвы, но сразу же ее северо-западная часть — Абхазия потребовала независимости. Кто может гарантировать, что северная мусульманская Абхазия не потребует независимости от южной христианской Абхазии?»[179] А северяне-эскимосы Квебека? Если принцип самоопределения взят за основу, не может быть никакого консенсуса по вопросу *«кому давать, а кому не давать»* атрибуты государственности. Американцы сами говорят, что президент Клинтон теперь уже не пошлет войска в Калифорнию, пожелай она государственной обособленности. Линкольн жил во времена господства другого принципа в качестве главенствующего. Помимо прочего, государство ныне очень уязвимо — в условиях наличия столь мощной и софистичной технологии, если решимость воинственного меньшинства превышает «гуманную норму». Если само центральное правительство признало главенство принципа национального самоопределения, то ему весьма трудно найти нового генерала Шермана — он не пойдет жечь Атланту, поскольку дискредитирован с самого начала.

Но часть американских специалистов призывают «главные державы, включая Соединенные Штаты (склонные искать стабильности в любой форме, поскольку это защищает полезный статус-кво), прийти к осознанию того факта, что *мировые границы неизбежно будут перекроены*»[180].

Необратим ли процесс? Мир должен принять трудное, но обязательное решение: территориальная целостность государства или, опираясь на Организацию Объединенных Наций, солидарность пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН; сила, которую черпал А. Линкольн, противостоявший даже демократически выраженной южными штатами сецессии, или национальное самоопределение. В XXI веке должен быть сделан выбор. Пока же мир, по определению профессора Колледжа армии США Стефена Бланка, «делает попытки вытеснить на обочину ужасную дилемму выбора между территориальной целостностью государств и национальным самоопределением»[181].

Грядущее. Принципом самоопределения руководствуются косовары в Косове, курды на Среднем Востоке, жители Восточного Тимора, сторонники шотландского парламента, жители Ириана, Квебека, Северной Ирландии и прочие борцы за национальное самоопределение. Молчаливое поощрение — или непротивление мирового сообщества привело к тому, что «мир стал полон диссидентствующих провинций, желающих автономии и суверенитета»[182].

Пробудившаяся колоссальная тяга к национальному самоопределению начинает раздирать на части даже самые стойкие исторически сложившиеся государства, даже те из них, которые всегда воспринимались как символы национального единства (такие как Британия и Франция). Волна национального, националистического самоутверждения, поднявшаяся в 1989 году и создавшая 22 новых государства только в Восточной Европе и на территории прежнего Советского Союза, катится вперед, в будущее, захватывая все новые страны и континенты. Перед глазами пример суверенной республики Югославии, чья судьба была проигнорирована даже оплотом независимых государств — Организацией Объединенных Наций.

За последнее десятилетие XX века суверенность самостоятельных стран подверглась воздействию революционного самоопределения, хотя в XXI веке нет и определенно не будет общего для всех определения нации. Что связывает нацию более всего? Язык? Но у сербов и хорватов он единый. А Индия с ее семнадцатью языками — без единого преобладающего — сохраняет единство. Религия? Протестанты и католики являются лояльными гражданами одной Германии. В то же время общий ислам не предотвратил отход Бангладеш от Пакистана.

Крушению принципа священности границ суверенных стран стало способствовать ослабление значимости Организации Объединенных Наций. Наступление на ООН началось уже в начале 90-х годов, когда Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр зафиксировал «возможно необратимый поворот в отношении публики (западной.— *А.У.*), касающийся защиты угнетенных, их новое убеждение в том, что *во имя морали следует границы и легальные документы поставить ниже заботы о терпящих лишения*»[183]. Это был грозный знак в отношении регулирующих возможностей ООН как единственного прототипа всемирного правительства. Тем самым ООН как бы готовили к тому, что защита ею суверенных границ стран — участниц мировой организации менее значима, чем проблемы гуманитарного свойства внутри отдельных стран. Такие деятельные борцы за вмешательство во внутренние дела как франко-итальянский теоретик Марио Беттати и французский врач и гуманитарный активист Бернар Кушнер даже сформулировали своего рода доктрину, базирующуюся на *праве интервенции* во внутренние дела стран нарушителей. И Куэльяр, как бы подыгрывая западным странам, поспешил с заявлением о *необратимом* характере сдвига в сторону вмешательства во внутренние дела суверенных стран. Попусти-

тельство такого рода ударило по самой Организации Объединенных Наций.

Ударом по ООН (как регулирующей и предотвращающей хаос организации) является игнорирование Вашингтоном Хартии ООН, исключающей вмешательство во внутренние дела других государств без согласия Совета Безопасности ООН. Зависимость финансирования Организации Объединенных Наций от Комитета по выделению финансовых средств американского сената, с каждым годом все выше поднимающего свой «топор» над суммой предлагаемого вклада в ООН, оказалась убийственной.

Представляется, что чем дальше идет продвижение интеграционных, глобализационных процессов, тем успешнее кажется реализация замыслов сепаратистов по отделению от основной части государства. Скажем, для Квебека канадский национальный рынок, не говоря уже о законах, культуре, правилах, не является жизненно существенным для выживания провинции Квебек. Западноевропейская интеграция не осложняет, а облегчает борьбу каталонских и баскских сепаратистов. Двадцать лет назад баски имели испанские паспорта и могли работать лишь в Испании. Теперь у них европейские паспорта и они могут работать повсюду в Европейском союзе. Теперь провозглашение независимости Басконии не ведет к установлению протяженных таможенных линий, введению новой валюты, массовой потере работы, сокращению возможностей путешествий. Вирус сецессионизма поражает не только (отнюдь не только) бедные уголки Земли. Напротив, относительно процветающие Западная Канада, Южная Бразилия, Северная Мексика, побережье Эквадора, Северная Италия порождают сецессионистские движения. Две наиболее агрессивные сецессионистские группы в Испании — каталонцы и басконцы — принадлежат к наиболее процветающим.

Долгое время Соединенные Штаты были сильнейшим защитником священности государственных границ повсюду в мире. Даже когда они боролись с Багдадом, то не поддержали сепаратистов курдов и шиитов на юге Ирака. Они пока молчат о суверенности Косова. Несмотря на поток наркотиков, Колумбия является третьим (после Израиля и Египта) получателем американской военной помощи — несмотря на всю борьбу местных сепаратистов. Но подспудно развиваются процессы противоположной направленности.

На Аляске, столь богатой минералами, нефтью и газом, в 1990 году был избран губернатор, «базирующийся» на сецессионистской платформе. Теперь некоторые из представителей 550 групп пер-

воначального населения Соединенных Штатов требуют почти суверенных прав. И нельзя сказать, что их давление беспомощно и не приносит результатов. Скажем, в 1993 году американский конгресс и президент Клинтон признали «столетнюю годовщину незаконного свержения гаитянской монархии... приведшую к подавлению внутренних прав на суверенность исконного гаитянского народа»[184]. Пятью годами позже губернатор Гавайев призвал гаитянцев и других жителей островов «выдвинуть план достижения Гавайями суверенности». По мере того, как официальный Вашингтон признает права меньшинств по всему миру на национальное самоопределение, ему становится все труднее игнорировать требования собственных меньшинств. При этом нужно помнить, что из официальных 309 границ 52 (17%) являются спорными. Из 425 морских границ 160 (38%) являются предметом спора. 39 стран оспаривают 33 острова[185].

Даже крупные современные государства отнюдь не застрахованы от распада. В Сингапуре, скажем, видят Китай состоящим из сотен государств масштаба Сингапура. Все чаще национальные рынки становятся менее важными, чем локальные, региональные рынки или глобальная рыночная среда в целом. Руководитель научных прогнозов ЕС Р. Петрелла полагает, что «к середине следующего столетия такие нации-государства, как Германия, Италия, Соединенные Штаты, Япония, не будут более цельными социоэкономическими структурами и конечными политическими конфигурациями. Вместо них такие регионы, как графство Орандж в Калифорнии, Осака в Японии, район Лиона во Франции, Рур в Германии, приобретут главенствующий социоэкономический статус»[186].

Национальное самоутверждение нашло свою легитимацию в мире, где более ста государств имеют этнические меньшинства, превышающие миллион человек. Не менее трети современных суверенных государств находится под жестоким давлением повстанческих движений, диссидентских групп, правительств в изгнании. Современным политологам (таким как, скажем, американец Фарид Закариа) остается лишь констатировать, что суверенность и невмешательство в начале XXI века стали «менее священными» международными правами[187]. А консультировавший Б. Клинтона М. Мандельбаум приходит к выводу, что «священность существующих суверенных границ уже не принимается мировым сообществом полностью»[188].

Косово. Организаторы акции весной 1999 года, резко понизив уровень суверенитета отдельно взятой европейской страны, и не задумывались над самым важным — *следующим шагом.* Это

знаменует разительный отход от созданной еще в 1648 году Вестфальской системы независимых суверенных стран, переход к новой системе, где суверенные страны становятся объектом политики более мощных соседей и международных объединений. При этом наблюдатели — скажем, американец Д. Роде приходит к выводу: «Хотя Запад пытается приуменьшить остроту проблемы, Косово никоим образом не готово стать независимым»[189].

На рубеже столетий на Западе возобладала точка зрения, что элементарный гуманизм требует пренебрежения правами суверенных правительств, проводящих жестокую политику, и вмешательства Запада на стороне тех, кто терпит гуманитарную катастрофу. Увы, правота такой стратегии не подтверждается непосредственной исторической практикой. Как пишет заместитель издателя «Уорлд полиси джорнел» Д. Рюэфф, «от Сомали до Руанды, от Камбоджи до Гаити, от Конго до Боснии *плохой новостью* является то, что все это вмешательство на стороне гражданских прав и гуманитарных ценностей почти на 100 процентов оказалось безуспешным»[190]. Хаос порождает еще больший хаос. Никто из сторонников вмешательства во внутренние дела не имеет *определенной* идеи, что же делать на следующий день после силового вмешательства.

Насилие над суверенитетом в одном месте немедленно породило продолжение процесса, породило как минимум вопрос: «Если возможно вторжение в Косово, то почему оно невозможно в Сьерра-Леоне?»[191] И Нигерия быстро ответила на него, введя в Сьерра-Леоне свой воинский контингент. Вслед за нею в 2000 году то же сделала Британия. Что, собственно, никак не решило вопрос и не дало стабильных результатов.

Следует либо подчиниться новой жесткой западной схеме, либо противопоставить ей нечто, что хотя бы отчасти восстановило баланс сил в мире. Что же ждет человечество на пути отхода от святости государственных границ? Здесь прячутся самые большие опасности для мирной прогрессивной эволюции. «Возникнет,— пишет американский политолог Дж. Розенау,— *новая форма анархии* ввиду ослабления прежней центральной власти, интенсификации транснациональных отношений, уменьшения значимости межнациональных барьеров и укрепления всего, что гибко минует государственные границы»[192].

В целом приходится делать вывод, что хаосу будут содействовать религиозный фундаментализм, национализм и расизм, подрыв авторитета международных организаций, приоритет местного самоуправления, религиозное самоутверждение, этническая нетерпимость, распространение оружия массового поражения и

обычных вооружений, расширение военных блоков, формирование центров международного терроризма и организованной преступности, насильственная реализация принципа самоопределения меньшинств, экономическое неравенство, неуправляемый рост населения, миграционные процессы, крах экологических систем, истощение природных ресурсов. Городские банды и криминальные структуры могут заместить сугубо национально-государственные структуры. При этом фактом является, что информационная и коммуникационная технологии служат эффективнее индивидууму, чем государству.

Даже мощные военные блоки слабеют в битве с энтропией этноутверждений. Препятствие на пути этнически мотивированного хаоса здесь создает (а в XXI веке это будет еще более ощутимо) даже в блоковой политике проблема растущей цены сдерживания сепаратизма разного рода. На пути самого значимого процесса будущего — *подчинения неэффективной ООН эффективной НАТО* стоит несогласие не-членов НАТО считать главным инструментом безопасности в Европе этот военный союз. Препятствием глобальной мировой переориентации на Северо-Атлантический союз является неготовность западных обществ нести тяжелое бремя — платить цену за евразийское всемогущество кровью своих солдат. Хотя руководство ведущих стран НАТО периодически выражает готовность вмешаться во внутренние дела отдельных стран, оно в то же время показывает крайнюю степень неготовности нести людские потери. Но главное — военное вмешательство на стороне инсургентов *заставляет* создавать для них (и часто за них) собственное государство, что уже само по себе насилие над историей, меньшинствами, естественным ходом гражданского устройства.

Ускорители хаоса. На горизонте появляются новые ускорители хаоса — опасности, связанные с кибернетической войной. Важнейшие системы электронного управления подвергаются атакам хакеров, которые могут действовать по своей воле, а могут и пользоваться поддержкой своих государственных структур. Кибер-нападениям могут подвергнуться контрольные системы современного индустриального общества, его жизненные центры — электростанции, системы воздушного транспорта, финансовые институты, вплоть до всего, что связано с биологическим и ядерным оружием. Напомним, что уже во время натовской операции против Югославии структуры НАТО и Пентагон подверглись нападениям югославских и китайских хакеров. И чем больше зависимость индустриальных государств от компьютера, тем больше шанс дестабилизации именно в этом направлении. Как определя-

ет эту опасность представитель вашингтонского Института мировой политики Иен Киберсон, «кибернетическая война в будущем может оказаться атомной бомбой бедных»[193].

Хаосу содействует распространение в мире автоматического стрелкового оружия, ручных ракетных комплексов типа «Стингер» и САМ-7, невиданных объемов взрывчатых веществ, более ста миллионов наземных мин. Еще более опасно распространение средств массового поражения — химического, биологического, ядерного. 21 января 1999 года президент Клинтон указал в интервью, что «велика вероятность» того, что группа террористов в ближайшие годы может угрожать Соединенным Штатам биологическим или химическим оружием. Об угрозе биологического оружия он сказал, что она «заставляет его вскакивать ночью». Позднее он объявил, что запросит у конгресса 2,8 млрд. долл. для будущей борьбы с биологическим, химическим и электронным терроризмом[194].

Как вершина всесокрушающего хаоса — ядерный терроризм. В недавних публикациях американских разведывательных организаций указывается, что по меньшей мере 20 стран, половина которых находится на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива и в Южной Азии, уже имеют (или имеют возможность создать) оружие массового поражения и средства ракетной доставки этого оружия[195]. Попадание его в руки террористических групп, «государств-париев», сепаратистских движений чревато дестабилизацией международного сообщества до состояния необратимого хаоса.

Кто же выигрывает от подрыва самих основ международного порядка? «На протяжении нескольких последних десятилетий,— пишет Т. Герр,— антрепренеры, стоящие за этническими политическими движениями, черпали из резервуара недовольства материальным неравенством, политической отстраненности, правительственных злоупотреблений и пускали эти эмоции по необходимым для себя каналам. Оттуда же в свое время черпали революционные движения. Фактически некоторые конфликты стали своего рода гибридами: одновременно и этнические и революционные войны. Левые в Гватемале рекрутировали местных индейцев майя в свое революционное движение, Йонас Савимби построил свое движение на поддержке народа мбунду, Лоран Кабила ввел революционную армию в Киншасу, состоящую из тутси, люба и других недовольных народностей Восточного Конго»[196].

Вера в форме воинствующего ислама, христианства или буддизма может с легкостью мотивировать массовые движения. Ки-

тайское движение фалунгонг имеет практическую возможность политизировать свою структуру и политизировать свои требования. Сегодня класс, этническая принадлежность и вера являются тремя главными источниками массовых движений, классовой борьбы и религиозного подъема[197].

Все громче высказываются мнения о вероятности в будущем «классических» образцов конфликтов. По мнению американца Р. Хааса, «легко представить себе схватку Соединенных Штатов и Китая из-за Тайваня, Соединенных Штатов и России по поводу Украины, Китая и России из-за Монголии или Сибири, Японии и Китая по региональным вопросам. Еще более вероятны конфликты, в которые вовлечена одна из великих держав и средней величины противник»[198].

Разумеется, играет роль и обычная человеческая косность в отношении революционных прорывов науки. Мощные новые технологии провоцируют отчаянное сопротивление. (Напомним, что создание двигателей внутреннего сгорания вызвало небывалое сопротивление уязвленных поклонников лошадиной тяги. Мирное использование атомной энергии вызвало к жизни не менее упорное сопротивление.) Клонирование и создание систем управления генными процессами порождает небывалый протест. Потребители и сторонники охраны окружающей среды в Европе напрочь отвергли подвергшиеся генетическому воздействию виды растений, исходящие в основном из США, как опасные для человеческого здоровья и благополучия окружающей среды.

Критики вторжения в тайную мастерскую живой природы требуют жесткого обозначения тех товаров и продуктов, которые подверглись указанному воздействию. В 1999 году 72% всей земли, засаженной семенами подвергшихся генетической обработке растений, находятся в США, 17% в Аргентине и 10% в Канаде. На девять других стран, чьи ученые так или иначе имели дело с современной генной инженерией,— Китай, Австралия, Южная Африка, Мексика, Испания, Франция, Португалия, Румыния, Украина,— приходится только один процент. Лишь несколько ферм во Франции, Испании и Португалии сеют генетически обработанные семена[199].

«Гринпис» использует термин «дьявольские химикаты». В Британии принц Чарлз и певец Пол Маккартни выразили возмущение насилием над природой. Во Франции коалиция фермеров, профсоюзов, защитников окружающей среды и левых сил борется не только с GM (генетически измененными) продуктами, но и с сетью «Макдоналдса», «Кока-Колой» и другими «потенциально

опасными» учреждениями. В результате отступления теоретических социальных мечтаний и восстания «зеленых» с их критикой некритического приложения науки произошел кризис модернизма, что имеет — и будет иметь невероятные по важности последствия.

Понимание опасности. Идеологи нового национализма часто готовы заплатить едва ли не любую цену ради реализации своих мечтаний. «В дальнейшем процессы станут неуправляемыми... Тогда следует ожидать воцарения хаоса на протяжении нескольких десятилетий»[200]. «Очевидно, что удовлетворение этнических требований,— полагает американский исследователь Т. Герр,— только воодушевит новые группы и новых политических претендентов выдвинуть подобные же требования в надежде добиться уступок и прийти к власти. Запоздалыми пришельцами в этом деле являются представители Корнуолла в Британии, племя реанг в Индии, монголы в Китае — все они ныне представляют организации, борющиеся за автономию и большую долю общественных ресурсов»[201].

По мнению советника американского сената М. Гленнона, «замена прежней легальной системы набором расплывчатых, нечетливо выраженных, спонтанных мер представляет значительную опасность... Не принимая решения, предлагаемые НАТО и Соединенными Штатами, критическая масса наций может начать противодействие»[202]. Существующие институты в XXI в. могут не выдержать революционных перемен[203], создавая предпосылки глобального хаоса.

При всей расплывчатости процесса массового национального самоопределения ярость его ревнителей неустанно несет в наш мир смертоносный хаос. Украшение мира — его многоликость — становится смертельно опасной. Напомним, что в начале третьего тысячелетия в мире насчитывалось 185 независимых стран, но при этом более 600 говорящих на одном языке общностей, 5000 этнических групп[204].

«Аграрные общества,— пишут Алвин и Хайди Тофлер,— стараются завершить свою индустриализацию, попадая в тенета национального строительства. Бывшие советские республики, такие как Украина, Эстония или Грузия, отчаянно настаивают на самоопределении и требуют исторически вчерашних атрибутов современности — флагов, армий, денежных единиц, которые характерны для прошедшей индустриальной эры. Многим в высокотехнологичном мире трудно понять мотивацию ультранационалистов...

Для националистов немыслимо, что другие страны позволяют субъектам извне вторгаться в сферу их предположительно священной независимости. Но этого требует глобализация бизнеса и финансов... В то время когда поэты и интеллектуалы отсталых регионов пишут национальные гимны, поэты и интеллектуалы современности воспевают достоинства мира без границ. В результате коллизии, отражающие резко отличающиеся по потребностям нужды двух радикально противоположных цивилизаций могут спровоцировать самое страшное кровопролитие в будущем»[205].

На государства воздействует донациональный трайбализм, часто рядящийся в национальные движения. Американский исследователь М. Каплан предсказывает мир, состоящим из множества сомали, руанд, либерий и босний, мир, в котором правительства часто отданы на милость картелям наркоторговцев, криминальным организациям, террористическим кланам. Мир XXI века Каплан представляет «большой Африкой»[206]. От академических ученых чувство опасности передается политикам. Госсекретарь США У. Кристофер предупредил комитет по международным отношениям: «Если мы не найдем способа заставить различные этнические группы жить в одной стране... то вместо нынешних сотни с лишним государств мы будем иметь 5000 стран»[207].

Реализация их права на самоопределение грозит поставить мир на порог грандиозного катаклизма, о котором весьма авторитетные специалисты уже сейчас говорят, что его не избежать: «В двадцатом веке спокойствие в международных отношениях зависело от мирного сосуществования суверенных государств, каждое из которых по своему оправдывало свою легитимность. В двадцать первом веке речь пойдет о мирном сосуществовании между нациями *внутри* одного и того же государства, которые обосновывают *различные принципы* определения суверенитета. В некоторых местах — Боснии или Косове — это может оказаться невозможным... Главной практической проблемой двадцать первого века будет обеспечение мирного сосуществования этих частей»[208].

Пока же в Косове и на Восточном Тиморе вместо разрешения конфликтов посредством достижения компромисса были предприняты интервенции международных сил. Соединенные Штаты, НАТО, Организация Объединенных Наций и Австралия вмешались в этнический и социокультурный конфликт, убедив сами себя, что все прочие методы исчерпаны, игнорируя ООН, мнение большинства мирового населения.

Движение вспять (в 1500 году в Европе было 500 политических организмов) уже порождает невероятные катаклизмы. На кону суверенитет отдельных стран. Волна национализма несет не плодотворную самоидентификацию, а жесткое столкновение анахронических и эгоистически понимаемых интересов. Воинственное групповое самоутверждение на националистической основе грозит погрузить мир в хаос, невиданный со времен Средневековья. Складывается впечатление, что в результате суверенитет национальных государств в грядущие десятилетия будет *ослаблен* сверху надгосударственными организациями, а снизу *подорван* довольно неожиданно окрепшим в последнее десятилетие двадцатого века националистическим самоутверждением самоорганизующихся этнических групп, сепаратизмом регионов.

Ослабление роли и потенциала государства приведет в новом веке к этническим конфликтам нового качества и размаха. Прежние крупномасштабные войны того типа, что велись многочисленными и заранее экипированными армиями, которые могли создавать лишь мощные государства, уходят с исторического поля действия. Ныне ведение таких войн менее реально, чем когда бы то ни было за последние два столетия[209]. Но «мало признаков того, что мощные государства-члены проявят хоть какое-то намерение изменить иерархическую структуру, на которой традиционно базируется международный порядок, даже если эта иерархия не сможет послужить разрешением все более сложных вызовов порядку в «глобализирующемся мире»[210]. Все более очевидным становится факт перехода войны в ее партизанскую форму, в форму жестокого тлеющего конфликта, где восставшая сторона успешно уходит от генерального сражения.

Противостояние мировому хаосу. Исторической предопределенности *хаоса* в международных и внутригосударственных отношениях не существует. Несмотря на бурный поток конфликтов на протяжении завершающегося века, мир все же не погрузился в хаотическое безвременье, в безусловное отрицание всех правил на международной арене, в гоббсовскую войну всех против всех. К тому же исторический пессимизм бесплоден по определению. Трудно анализировать наиболее вероятное развитие событий и возможные пути впереди, если исходить лишь из неизбежности неукротимой мировой враждебности. Помимо опасных поворотов событий существуют иные, более оптимистические глобальные тенденции.

Обнадеживающим является то, что своего рода пик этнического и социального безумия пришелся на мировые войны 1914—1945 годов, на первую половину 1990-х годов. С тех пор мир подспудно не рискует идти на крайние меры. Жестокость конфликтов в Косове, Восточном Тиморе и Руанде несомненна, но налицо и тенденция перехода от неумолимой международной конфронтации к политике взаимных уступок.

Без установления международного порядка хаос в среде ослабевших стран будет лишь усиливаться. Разрушительному *хаосу* в международных делах противостоят четыре силы: суверенные государства; военно-политические блоки; международные организации; могущественный лидер современного мира.

1. *Щит государств*. Ведь все же *только государства* имеют право вести войну, только внутренняя легитимность государств позволяет призывать молодых солдат — вести их в смертельные схватки и умирать, а всем остальным гражданам в тылу поддерживать функционирование экономической машины, позволяющей вести войну. Говоря словами американского политолога К. Уолтса, «суверенные государства со строго очерченными границами доказали, что они являются наилучшими инструментами поддержания внутреннего мира и обеспечения условий для экономического благосостояния»[211]. При всей серьезности антиэтатистского наступления, преувеличением было бы считать мощь государства явлением лишь уходящего прошлого. Напротив, есть немало оснований признать удивительную способность государственных механизмов трансформироваться в соответствии с новыми обстоятельствами, с потребностями новой эпохи. Значительное число специалистов признают, что, вопреки «быстрым технологическим инновациям, разительным изменениям на внутренней и внешнеполитической арене, государства демонстрируют потенциал приспособления, более того, получения дополнительных преимуществ. Национальные системы продемонстрировали высокую степень гибкости»[212].

Более того, уровень контроля государств над жизнью обществ и функционированием экономик никогда не был более мощным, чем к началу XXI века. За последние сорок лет государственная машина не только *не покинула* национальную арену большинства государств, но, напротив, нашла способы укрепления своих позиций, самозащиты, о чем свидетельствует, по меньшей мере, статистика современных государственных расходов.

Таблица 6. *Доля государственных расходов в валовом национальном продукте (в %).*

	1960	1998
Австралия	21.2	32.9
Британия	32.2	40.2
Канада	28.6	42.1
Франция	34.6	54.3
Германия	32.4	49.6
Италия	30.1	49.1
Япония	17.5	36.9
Испания	нет данных	41.8
Швеция	31.0	60.8
Соединенные Штаты	26.8	32.8
Средняя величина	28.3	43.8

Источник: «Economist», July 31, 1999 (The Road to 2050)

С этой (государственной) стороны приходу хаотической вакханалии ставится серьезный заслон. О возврате к ситуации до 30-х годов, когда расходы государств на общественные нужды и прежде всего на социальную сферу были мизерными, не может быть и речи. Можно твердо предположить, что в XXI веке силами государственных структур будут созданы гораздо более жесткие правила, направленные на решение главных общественных задач, на стабильный экономический рост, на блокирование передачи разрушительных технологий в сомнительные руки, для «предотвращения вооружения и для обороны от носителей насилия»[213]. С большой долей уверенности можно предполагать выработку соответствующей стратегии, создание соответствующих контрольных органов.

По очень распространенному мнению, «демократии редко сражаются друг с другом и смягчают давление на внутренних оппонентов. Обычно в новых демократиях статус меньшинств улучшается»[214]. Если принять это положение за аксиому, то есть все основания для оптимизма в борьбе с агрессивным насилием и утратой общественной упорядоченности. Количество государств, приобретших демократические формы волеизъявления населения и системы управления, впечатляет. (К примеру, Латинская Америка перестала быть заповедным полем диктатур и пр.) Соответственно, есть основания надеяться, что процесс демократизации ослабит поток насилия.

Целый ряд государств более целеустремленно и эффективно, чем прежде, решает задачу признания групповых прав и интере-

сов и стремится направить этнические конфликты в русло более искусной компромиссной политики (стремясь предотвратить конфликты, а не только сражаться с их последствиями). Видны признаки некоторого прогресса. Вьетнам и Индонезия ослабили репрессивные меры, направленные против китайских меньшинств. Права малых групп стали в Европе, Азии и Латинской Америке предметом более внимательного общественного отношения, что облегчает решение некоторых проблем еще до стадии необратимого ожесточения сторон. Но и самодовлеющие движения видят сейчас перед собой страшный опыт своих более нетерпеливых коллег, пренебрегших цивилизованными нормами решения социально-этнических вопросов, обратившихся к мерам фактической гражданской войны и в результате заплативших за свою нетерпимость страшную цену.

При этом следует указать на то, что большинство недавних этнических конфликтов начиналось с крайних позиций — с требования полной независимости, а завершать свою борьбу было вынуждено тем, что довольствовалось удовлетворением гораздо более усеченных прав на автономию (разительное исключение представляют собой поведение лидеров повстанцев в Чечне и на Восточном Тиморе).

В конечном счете, как оказалось, главному источнику мирового хаоса — ослаблению государственного механизма, влекущему интенсификацию трайбалистских, религиозных и этнических конфликтов, криминализацию жизни, увеличение потока беженцев, крушение основ цивилизованной жизни, может быть противопоставлено, с одной стороны, укрепление значимости мирового общественного мнения, требующего сохранения цивилизованных норм жизни, а с другой — согласованные полицейские операции.

2. *Военно-политические блоки.* Военные союзы в общем и целом не заинтересованы в расколе, ослаблении и распаде своего состава. Главный мировой военный блок нынешнего и будущего времени (7 млн. военнослужащих, две трети мировых военных расходов) — Североатлантический союз в общем и целом подчиняет любую форму местного сепаратизма общеблоковым интересам. Приглушена критика Турции в Курдистане — Североатлантический блок закрывает глаза на действия турецкой армии в отношении курдов. Никто не собирается отстаивать права басконцев или корсиканцев. Фактически существует молчаливое согласие НАТО на любые жесткие меры национальных правительств (в данном случае Испании и Франции) по отношению к сепаратистам в Басконии или на Корсике. В то же время действия НАТО весной 1999 года послужили своеобразным сигналом

желательности компромисса со своими этническими меньшинствами; в противном случае последователи этнического самоутверждения будут кивать на помощь НАТО самоутверждению косоваров-албанцев в соседней европейской стране.

В целом в военных блоках существуют как бы два уровня отношений. На *первом* уровне звучит нечто близкое словам Н. Чемберлена о Чехословакии во время Мюнхена: «Речь идет о споре в далекой стране между народами, о которых мы ничего не знаем». Или госсекретаря Дж. Бейкера, сказавшего в начале процесса распада Югославии: «В этой схватке наши собаки не замешаны».

На *втором* уровне военная организация Запада, ведомая Соединенными Штатами, продемонстрировала способность идти на силовые действия, чтобы заменить хаотический мир, возникший после краха коммунизма в Восточной Европе, новым порядком, не крушащим окончательно суверенитет отдельных стран — трехсотлетнюю основу прежней относительной мировой стабильности.

При этом нужно отметить, что силы возмездия, хотя они и показали свою решимость, едва ли будут действовать более энергично. Пафос наведения порядка не пользуется той всепоглощающей поддержкой, которая была характерна, скажем, для периода холодной войны. Изменились общественные координаты, иссякает жертвенная решимость. Как пишет американский исследователь, вера в то, что население Америки, «питающее отвращение к риску, поглощенное проблемами собственного здоровья, испорченное величайшим экономическим ростом в истории, может поддержать реальную войну, просто ни на чем не основана»[215].

3. *Международные организации*. На интернациональном уровне в XXI в. Организация Объединенных Наций и ее специализированные ответвления: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет Европы, Организация Африканского единства, Организация исламской конференции и др. будут осуществлять функцию поддержания процесса мирного разрешения конфликтов. Есть все основания надеяться, что они предпримут координированные коллективные усилия, стремясь повысить эффективность своей борьбы с хаосом, ведущим мировое сообщество к деградации. Ооновское агентство по обычным вооружениям ужесточит контроль за перемещением потоков оружия. Особое внимание будет обращено к информационному полю с целью блокировать откровенную заангажированность могущественных средств массовой информации: будет более полно учтен опыт Югославии — ее дезинтеграция «началась с войны

средств массовой информации, оркестрованных заинтересованными сторонами»[216].

Не будем списывать со счетов ослабленную Организацию Объединенных Наций. Там, где интересы великих держав не затронуты напрямую, Совет Безопасности ООН способен периодически выдавать Генеральному секретарю мандат на защиту прав суверенных государств — жертв интервенции. (В конце 1980-х годов казалось, что миротворческие силы ООН становятся подлинно стабилизирующей силой в мире. Не лишено черт реальности предположение, что продленный в Камбодже мандат на пребывание сил ООН мог бы стабилизировать ситуацию в этой стране.) В 1990-е годы эта тенденция ооновского активизма проявила себя несмотря на все трудности: если за годы холодной войны в год принимались в среднем 14 резолюций, а в 1990-е годы — по 80 резолюций в год. Наибольший эффект имели специализированные форумы Севера-Юга под эгидой ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992); по населенности и развитию (Каир, 1994); по проблемам женщин (Пекин, 1995); по глобальным климатическим изменениям (Киото, 1997).

Задача укрепления международных регулирующих функций ООН вызывает дебаты прежде всего в направлении расширения числа постоянных членов Совета Безопасности. Из подобных предложений наиболее общие — введение в Совет Безопасности в качестве постоянных членов Германии, Японии и представителя развивающихся стран[217]. (Среди развивающихся стран борьба идет между следующими претендентами: Индия — Пакистан — Индонезия, Бразилия — Мексика — Аргентина, Нигерия — ЮАР — Египет.) Очевидно стремление нынешних постоянных членов СБ прямо или косвенно препятствовать понижению своего мирового статуса. «Главную оппозицию реформам осуществляют,— констатирует американец Б. Ривлин,— Соединенные Штаты»[218].

Среди международных организаций, на которые в наибольшей степени падает борьба с *торговым* хаосом в XXI веке особенно выделяется Всемирная торговая организация (ВТО). По своей структуре и механизму контроля над реализацией своих решений ВТО представляет собой шаг вперед по сравнению с предшествующим ей ГАТТ (Генеральные соглашения по тарифам и торговле). ВТО руководит многосторонними торговыми соглашениями, она владеет долей контроля над торговой политикой отдельных национальных государств, ею выработана система разрешения торговых споров. В отличие от ГАТТ, ВТО обладает правом принятия решений, которые обязательны к исполнению (если только против этих решений не собран консенсус *всех* заинтересованных

стран). ВТО имеет возможность стать краеугольным камнем мировой торговли. «Хотя поддержание экономического режима в мировой экономике соответствует интересам США, только будущее покажет, готовы ли США пожертвовать своими особыми позициями *первого среди равных* ради установления более уравновешенного многостороннего режима»,— заключает американец Н. Вудс[219].

Финансовую стабильность мира регулирует Международный валютный фонд (МВФ), в котором более пятидесяти с лишним лет заглавную роль играют Соединенные Штаты. Некоторые перемены в процедурах и правилах МВФ произошли в 1990-е годы, но лишь США как и прежде могут заблокировать любой курс МВФ: иерархия, созданная более полувека назад, продолжает действовать. Международный опыт подводит к выводу, что для эффективного управления глобализирующейся мировой экономикой требуется укрепление международной легитимности МВФ, большей степени привлечения представительств заинтересованных стран. Требуется перемена фундаментального характера[220]. По мнению американского автора предложений о модернизации МВФ Дж. Голда, «необходим смелый шаг, комбинирующий вес отдельных стран с традиционным равенством стран в международном праве. Следует придать новую силу доктрине равенства государств»[221]. Пойдет ли единственная сверхдержава на сознательную демократизацию организации, где она сейчас пользуется огромным весом и непререкаемым влиянием?

4. *США: отношение к хаосу*. Фактом является, что Соединенные Штаты сохранили все инструменты холодной войны на прежнем уровне (министерство обороны, Центральное разведывательное управление, Североатлантический союз). Но эти органы насилия созданы и приспособлены для борьбы с противником класса Советского Союза и Варшавского договора, но не с более дробными и ярко выраженными конфликтами грядущего периода. В то же время Вашингтон ослабил значимость таких организаций, как ООН, уменьшил объем внешней помощи.

В наиболее влиятельной стране предстоящих десятилетий нового века будет идти противоборство двух точек зрения.

Первая (*пессимистическая*) идейная позиция базируется на том, что уже никто не способен гарантированно *контролировать* растущий мировой беспорядок, что международное сообщество в любом случае воспротивится попыткам привнести упорядоченность: мир более не потерпит существования империй и имперского порядка. И в этом плане США не всемогущи. Сказывается несовершенная структура вооруженных сил Соединенных

Штатов, «мобилизованных для мировой войны, а не конфликтов нового периода»[222]. Пример наказания Ирака за аннексию Кувейта не обладает необходимой убедительностью: будущего нарушителя международных законов только поощрит замедленная реакция и нерасторопность потенциальных противников. Вряд ли он будет спокойно смотреть на то, как армада сил возмездия методично (и уязвимо на этом этапе) в течение долгих недель и месяцев безмятежно высаживается на свой плацдарм (берег Персидского залива в случае с Ираком). Потенциальный агрессор не будет слепо и фаталистически игнорировать полное воздушное превосходство противостоящих сил. Он будет более энергичен, исходя хотя бы из соображений отчаяния и риска.

Пессимисты не верят в способность США вершить мировой порядок по простой причине: сепаратные связи на региональном уровне делают их плохим полицейским. К примеру, стратегический союз США с Израилем делает Вашингтон безразличным к бездонно богатыми нефтью арабам, прежде всего к планам палестинцев. В то же время союзные отношения Америки с такими странами, как Пакистан, делают американскую политику в данном регионе противостоящей фактическому региональному гегемону — Индии. Но еще более огорчает пессимистов растущее небрежение Вашингтона к главному международному инструменту стабильности, к Организации Объединенных Наций (и к другим международным организациям). В начале второй половины XX века США аккуратнее других платили взносы в бюджет Организации Объединенных Наций, они полностью поддерживали Мировой банк, Международный валютный фонд и прочие организации глобального охвата деятельности. До 1990-х годов США были главным адвокатом и защитником созданных в ходе второй мировой войны (и сразу после нее) международных институтов. В той поддержке мировых дисциплинирующих институтов был свой очевидный резон — статус-кво помогал лидеру удерживать свои позиции. Но к рубежу XXI века в Вашингтоне возобладала суровая критика международных институтов.

В результате в начале нового столетия — впервые после окончания второй мировой войны — можно представить себе отход американцев от наследства либерального интернационализма Рузвельта-Трумэна-Эйзенхауэра. В ходе второго срока пребывания у власти администрации Клинтона Соединенные Штаты фактически приостановили свое членство во всех основных международных организациях за исключением организации Североатлантического договора (НАТО). Конгресс выступил с угрозой прекратить финансовые вклады, если международные организа-

ции не согласятся на ряд существенных реформ. Опросы общественного мнения показали, что американская общественность не выразила возмущения тактикой конгресса, не выплачивающего задолженность этим институтам[223]. Вашингтон *никогда* не передавал в ооновское командование свои войска, номинально все же как бы подчинявшиеся не Пентагону, а этой главной международной организации. Если подобная тенденция возобладает, нечего надеяться на стабилизирующую активность США.

Американские солдаты вовсе не хотели бы гибнуть в ситуации, когда их жертвы воспринимаются двусмысленно. Скажем, сомалийского генерала Айдида американское правительство назвало преступником, но боевые действия против него официально декларированной войной не назвало. Американская общественность увидела в действиях против Айдида некую полицейскую операцию, а не начало войны. В войне жертвы воспринимаются как суровая необходимость. Но жертвы в полицейской операции воспринимаются определенно иначе. В ней должны гибнуть преступники, а не полицейские. В этой обстановке правительство США встает перед кризисом в случае смерти добрых полицейских. И правительство Клинтона постаралось как можно быстрее вывести свои войска из несчастного Сомали.

Вторая (*оптимистическая*) точка зрения исходит из того, что поставленная на грань выживания, извлекшая опыт из трагедий, подобных югославской, международная система неизбежно вручит бразды правления наиболее мощной и организованной международной силе — Америке. Как полагает американский исследователь, «современный мировой беспорядок, крушение большого числа государств, эволюция характера боевых действий, которые приобрели дикие признаки гражданских войн и колониальных репрессий (в которых различие между военными и гражданскими жертвами исчезает), могут породить нужду в главенствующей имперской державе. Это может произойти несмотря на предостережения защитников гражданских прав относительно того, что такая держава будет действовать исходя лишь из собственных интересов»[224].

Такая логика базируется на том, что сползание к хаосу способен приостановить лишь Запад, ведомый своим лидером. Американский исследователь Д. Риефф: «В настоящее время только Соединенные Штаты способны (и имеют на то волю) навязать порядок в турбулентных районах мира»[225]. Но США не должны пытаться передоверять «штабную работу» явно неэффективным партнерам — именно это губит на корню всякую эффективность в деле противостояния нарушителям мирового спокойствия. Пря-

мо и без экивоков Вашингтон должен выразить свое предпочтение односторонним действиям перед многосторонними. С точки зрения, скажем, авторитетного исследователя Ч.-У. Мейнса, «наступил коллапс многосторонности, что принуждает Америку идти своим собственным путем»[226]. Опираясь на свою мощь, Соединенные Штаты наведут должный порядок.

Какая из двух точек зрения — *неверие в возможность обуздать хаос или вера в американское дисциплинирующее могущество* — возобладает в наступившем веке?

Официальная позиция. В ходе предвыборной президентской борьбы 2000 года звучали призывы с обеих сторон. *Оптимисты* энергично призвали возглавить мировое сообщество, прозвучало напоминание о том, что США являются «величайшим получателем благ от глобальной системы, которую они создали после второй мировой войны. Как держава несравненной мощи, процветания и безопасности, США должны и сейчас возглавить эту систему, претерпевающую время разительных перемен»[227].

А *пессимисты* возлагают свои надежды на то, что поддержание порядка, активная борьба с хаосом слишком дорогостояща. Часть американского общества стала отрицать саму возможность жертв ради борьбы с мировым хаосом. Америка будет еще долго сильнейшей державой мира, но ее центурионами все меньше владеет *имперская миссия,* как это было на протяжении пяти веков господства Рима.

В конечном счете возобладает срединный, компромиссный курс. По словам Дж.-У. Мейнса, «Соединенные Штаты будут продолжать распространять идеологию электоральной демократии. Но Америка останется в подходе к внешней политике скорее вильсоновской (т.е. доктринерской.— *А. У.*), а не следующей за Теодором Рузвельтом (т.е. силовой.— *А. У.*); это будет не очень органичная смесь вильсоновского триумфализма и реализма в духе теории баланса сил... Соединенные Штаты будут оказывать давление на малые страны, не имеющие ресурсов сопротивляться демократизации и открытию своих рынков. Они будут более скромны в своих требованиях по отношению к таким большим странам, как Китай»[228]. На подиуме ООН США требуют прав вторжения в другие страны с целью надзора за соблюдением гражданских прав. Но категорически отказываются обсуждать практику смертной казни в самих США, проблемы расовой дискриминации в американском обществе.

Представляется, что немало в будущей стратегии борьбы США с хаосом определил сомалийский опыт. Словесно Белый дом будет следовать многостороннему подходу когда сможет, но одно-

значному — когда посчитает это для себя необходимым. Почти определенно можно сказать, что Америка *никогда* не передаст право важнейших решений международным организациям. В плане борьбы с хаосом на международной арене это означает, что в мире ослабевают действенные правила и это никак не предвещает упорядоченного будущего.

Глава 4

ФАКТОР НЕРАВЕНСТВА

Четвертая сокрушительная сила, выходящая в XXI век — реакция на материальное неравенство в мире, прежде характеризовавшееся как противостояние Север-Юг. Разрыв между доходами на душу населения в развитых и развивающихся странах интенсифицировался. Согласно данным ООН, всемирный валовой продукт вырос за последние полстолетия с 3 триллионов долларов до 30 триллионов. Но распределение созданных богатств крайне неравномерно. За исключением примерно десяти стран (т.н. стран больших возникающих рынков: Бразилии, Индии, ЮАР, Турции, Польши, Южной Кореи, Китая, Аргентины, Мексики, Индонезии[229]), население большинства стран Африки, Южной Азии и Латинской Америки испытало за последние тридцать лет понижение жизненного уровня. Да и вышеназванные страны жестоко перенесли кризисы, подобные разразившемуся в 1997—1998 годах, унесшие с собой средний класс в Южной Корее, Таиланде и Индонезии.

Значительно выросло социальное неравенство. Представляющие развитый Север страны — члены ОЭСР (менее десятой части населения Земли) ориентируются на доход в 30 тыс. долл. на душу населения в год, в то время, как жизненный уровень 85% населения земли не достигает 3 тыс. долл. в год. Специализированные агентства ООН рассчитали, что богатство 20% наиболее богатой части мирового населения в 30 раз превосходило имущество 20% наиболее бедных землян в 1960 году. К концу же XX века это соотношение дошло до критического — 78:1[230]. В 1999 году состояние 475 миллиардеров превосходило доход половины мирового населения[231].

Доклад ООН «О развитии» за 1999 год специально отмечает, что «несмотря на присоединение к мировому рынку, такие страны, как Мадагаскар, Нигер, Российская Федерация, Таджикистан, Венесуэла, не получили экономического выигрыша. Эти страны

увеличили свою мировую маргинальность»[232]. В то время как примерно 40 стран добились ежегодного роста в 3% и более, 55 стран — преимущественно в странах южнее Сахары, в Восточной Европе и в Содружестве Независимых Государств демонстрируют падение доходов на душу населения. Эта пропасть не уменьшается, а увеличивается. Мир в начале двадцать первого века значительно беднее и более несправедлив, чем, скажем, полстолетия назад[233].

Стандартными показателями распределения богатств являются: доля в мировом валовом продукте; участие в мировой торговле; прямые инвестиции многонациональных корпораций; доля в мировых валютных потоках.

1. «Мировая экономика концентрируется всего лишь в нескольких ключевых странах»[234]. В 1990-е годы доля развивающихся стран в мировом ВНП составила 15,8 процента[235]. За последние пятнадцать лет доход на душу населения понизился в более чем 100 странах. Потребление на душу населения сократилось в более чем 60 странах.

2. Доля развивающихся стран в мировой торговле составляла в 1962 году 24,1 процента против 63,6 процента в индустриальных странах. В 1990 году соотношение было 20,0 процента против 71,9 процента. На страны ОЭСР (19% мирового населения) приходится 71 процент мировой торговли. Примерно 150 миллионов человек — население, равное совокупному населению Франции, Британии, Нидерландов и скандинавских стран,— опустились в нищету с распадом Советского Союза[236]. («Некогда индустриальная страна Россия обратилась к бартеру»[237].)

3. Складывается парадоксальная ситуация: в колониальный период, до 1960 года, страны третьего мира получали половину прямых иностранных инвестиций. Эта доля упала до одной трети к 1966 году и до одной четверти к 1974 году. В 1990 году она составила лишь 16,9%. Картину сегодняшнего дня несколько «искажает» Китай, огромное население которого получает значительные инвестиции из-за рубежа (собственно, лишь восемь приморских провинций из двадцати девяти и Пекин). Если же исключить облагодетельствованный Китай, то картина инвестирования в развивающиеся страны будет выглядеть совсем печальной. В это же время 28% развитых стран Земли получили 91 процент прямых иностранных инвестиций.

4. В банках третьего мира лежат лишь примерно 11 процентов всемирного банковского капитала (512 млрд. долл.). Между тем за одно лишь десятилетие (1975—1985) инвесторы из развивающихся стран поместили в банки развитых государств не менее

200 млрд. долл. В 1990-е годы к этим инвесторам присоединились богатые люди из России и соседних стран. Поток выплат развивающихся стран по процентам прежних долгов втрое превышает поток экономической помощи из развитых стан в развивающиеся. Даже организованная на Всемирном экономическом форуме ассоциация 900 крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) признала экстренную необходимость «продемонстрировать то, что новый глобальный капитализм может функционировать в интересах большинства, а не только в интересах менеджеров компаний и инвесторов»[238] .

Согласно оценкам Мирового банка, экономический кризис, начавшийся в Азии в конце 90-х гг., усилил эту тенденцию. За период 1997—1999 гг. число абсолютно бедных в Восточной Азии увеличилось с 40 до 100 млн. человек. Численность, к примеру, индонезийцев, живущих на менее чем 1 долл. в день, увеличилась за это время с 12 до 34 млн. человек[239].

На рубеже столетий пятая (богатая) часть населения планеты имела:

— 86 процентов мирового внутреннего продукта — на нижние двадцать процентов приходился 1 процент.

— 82 процента мирового экспортного рынка (нижние двадцать процентов владели одним процентом), 68 процентов иностранных прямых инвестиций (на нижние двадцать процентов приходится один процент), 74 процента мировых телефонных линий — главного средства современных коммуникаций (на нижние двадцать процентов приходятся полтора процента).

Две тысячи богатейших людей планеты удвоили свое богатство за период 1995—1998 годов, доведя общую сумму до одного триллиона долларов. Богатство трех наиболее богатых людей превышает совокупный ВНП всех наименее развитых стран, оно больше, чем доход 600 млн. человек, живущих в 36 самых бедных странах.

Надежды на сближение полюсов богатства и бедности в мире в целом и в отдельных странах в отдельности видятся в начале XXI века тщетными. Скажем, в Бразилии богатые 10% населения получают 48% всех доходов нации[240]. Рубеж столетий только расширил имеющуюся пропасть.

— Всего лишь десять телекоммуникационных компаний владеют 86% всего рынка телекоммуникаций на сумму в 262 млрд. долл. 91% пользователей Интернета приходится на развитые страны (чтобы приобрести компьютер, житель Бангладеш должен суммировать свою зарплату более чем за восемь лет, жителю развитого пояса достаточно одной месячной зарплаты). Английский являет-

ся языком 80% веб-сайтов, хотя этот язык не понимают девять из десяти жителей планеты.

— На первые 10 компаний приходится 84% мировых исследований и разработок. Более 80% патентов, выданных в развивающихся странах, принадлежат резидентам индустриальных стран[241]. 97% всех изобретений приходится на развитые индустриальные страны. Дигитальная технология прочно закрепила два пояса технологического развития.

Как подчеркивает один из руководителей американской программы помощи Л. Гаррисон, «лишения и отчаяние доминируют в национальной жизни развивающихся стран после десятилетия, прошедшего со времени идеологического триумфа капитализма над социализмом»[242]. Все это создает «два параллельных мира. Те, у кого высокий доход, образование и — буквально — связи, получают свободный и молниеносный доступ к информации. Доступ остальных труден, медлен, дорогостоящ. Когда люди из этих двух миров живут и конкурируют рядом, отсутствие или недостаток доступа к информации лишает бедных всякого шанса»[243].

Жизненные условия. Первое условие выживания — питание. 1,2 млрд. людей, живущих на Западе, потребляют пищи значительно больше, чем требует их организм. В США, к примеру, ежегодно расходуется более 100 млрд. долл. для борьбы с последствиями переедания. Пища является самым рекламируемым товаром в США, Франции, Бельгии, Австрии. Каждый второй американец страдает от избыточного веса (55% населения), а каждый пятый — от тучности. Тучность американцев стоит национальной экономике 118 млрд. долл. ежегодно (не считая 33 млрд. долл., идущих на программы диет и пр.). Избыточный вес населения Британии наблюдается у 51% — численность тучных людей за последние десять лет удвоилась. В Германии избыточный вес имеют 50% населения[244]. Как отмечает американский профессор Э. Кепстайн, «в то время как большинство американцев и европейцев имеют практически неограниченные потребительские возможности, повседневная жизнь миллионов людей в Африке, Азии, Латинской Америке и в странах бывшего советского блока лишена достатка в продовольствии, медицинском обслуживании, образовании и работе»[245].

Более половины земного населения — более 3 млрд. людей — страдают от недоедания. Анализ, осуществленный экспертами ООН показал, что 1,2 млрд. человек страдают тем или иным видом болезни от недоедания — они просто голодают,— а *втрое* большее число людей недоедает. В Индии от голода страдают 53% насе-

ления, в Бангладеш — 56%, в Эфиопии — 48%[246]. Средний индус сегодня потребляет пищи в 5 раз меньше уровня жителя Северной Америки и Западной Европы (мировая средняя величина — 6 тыс. калорий). Средний африканец получает меньше калорий, чем сорок лет назад. В пяти африканских странах — Кении, Малави, Сьерра Леоне, Замбии и Зимбабве хронически голодают 40% населения. Пять миллионов детей умирает ежегодно от недоедания, а многие миллионы не способны учиться и овладевать профессиями, ощущая постоянный голод. По оценкам Всемирного банка голод лишает Индию примерно 28 млрд. долл. только в свете своего воздействия на производительность труда индийских рабочих. Проведенное в 1999 году Международным институтом питания исследование показывает, что абсолютная численность и доля голодных в крупных урбанистических конгломерациях постоянно растет[247].

Среди 4,4 млрд. человек, живущих в развивающихся странах, три пятых живут в условиях не соответствующих минимальным санитарным требованиям: одна треть лишена нормальной питьевой воды, одна четверть не имеет адекватных жилищных условий, одна пятая недоедает. Почти одна треть жителей беднейших стран не доживает до 40 лет. 8 миллионов человек умирают ежегодно от загрязненности воды и атмосферы. Более 150 млн. человек никогда не посещали школу.

Более 1,3 млрд. живут менее чем на 1 доллар в день (между 1987 и 1999 годами их численность, согласно данным Мирового банка увеличилась на 200 миллионов[248]). В большинстве стран Латинской Америки «потерянное» десятилетие 1980-х годов сменилось стагнацией 1990-х годов. В большинстве стран Африки долги, болезни и вражда жестко встали на пути экономического и социального развития. При этом развивающиеся страны могут позволить выделить на сельское хозяйство только 7,5% процента своих государственных бюджетов. В результате в Африке южнее Сахары на миллион экономически активного в сельском хозяйстве населения приходится 42 научных сотрудника (занятых исследованиями сельскохозяйственных проблем), а в развитых странах — 2458 исследователей[249].

Добавим еще несколько штрихов в складывающуюся весьма прискорбную картину, фактов, которые неизбежно скажутся на нашем будущем.

• Более половины взрослого населения 23 стран неграмотны. Речь идет прежде всего об африканских странах, но также об Афганистане, Бангладеш, Непале, Пакистане, Гаити.

• Более половины женщин в 35 странах неграмотны. Помимо вышеперечисленных речь идет об Алжире, Египте, Индии, Гватемале, Марокко, Лаосе, Нигерии, Саудовской Аравии. Полмиллиона женщин ежегодно прибывают в Западную Европу для сексуальной эксплуатации.

• Продолжительность жизни опустилась ниже 60 лет в 45 странах, преимущественно африканских, но также в Афганистане, Камбодже, Гаити, Лаосе, Папуа-Новой Гвинее. Продолжительность жизни ниже 50 лет определена в 18 странах. В Сьерра-Леоне она составляет 37 лет. В девяти странах Африки прогнозируется сокращение к 2010 году продолжительности жизни на 17 лет.

• Уровень детской смертности ранее 5 лет превышает 10% в 35 странах, отмечен в 35 странах — африканских, а также в Бангладеш, Боливии, Гаити, Лаосе, Непале, Пакистане, Йемене[250].

• Общая сумма, находящаяся в распоряжении организованной преступности, достигла к новому веку 1,5 трлн. долл. (все это официальные данные ООН).

А что же перепроизводящий продовольствие мир? «Фактом является: в то время как знания Запада о том, как избавиться от бедности, достигли новых высот, помощь бедной части человечества сведена до тривиальных сумм»[251].

Пик помощи Запада бедным странам был достигнут в 1991 году — 70 млрд. долларов. Эта цифра стала впоследствии уменьшаться прежде всего из-за того, что уменьшили размеры помощи Соединенные Штаты, на которые приходится 17% помощи индустриального Севера страдающему Югу. Даже официальные представители Комитета по помощи Организации по безопасности и сотрудничеству (ОЭСР) упрекнули США в «неадекватности» помощи развивающимся странам. Международная помощь сельскому хозяйству в голодающих странах уменьшилась между 1986 и 1996 годами на 50%, а общая помощь наиболее богатых стран бедным опустилась до невиданно низкого уровня в 0,22 % от их коллективного валового продукта. Она (эта доля) становится все ниже и все более удаляется от цели, поставленной Организацией Объединенных Наций — 0, 7% от ВНП[252].

Помощь Севера Югу составляет в начале нового тысячелетия 0,25% северного ВНП — что на 50% меньше рекордного уровня 1991 года. Уровень предоставляемой помощи по странам является таковым: Франция — 0,48% ВНП, Германия — 0,33%, Япония — 0,20%, Британия — 0,27%, США — 0,12-0,08% от ВНП[253]. Американское правительство успокоили своих налогоплательщиков: 80% от всех сумм помощи фактически расходуется на нужды американских корпораций и американских консультантов[254].

Попытка мобилизовать международные финансы — сложное дело. «Призывы к богатым странам увеличить пожертвования на помощь международному сотрудничеству,— пишет американец С. Швенингер,— в течение многих лет не находили отклика, за исключением наиболее интернационально мыслящих стран среднего размера, таких как скандинавские страны — но даже они сокращают объем своей помощи... Мы должны двигаться в направлении некой системы глобального налогообложения, которая не зависит от хрупкого благорасположения национальных правительств — хотя и контролируется ими»[255].

Фантомом оказались надежды на рост частных инвестиций. За последние годы века финансовый поток из богатых стран сократился на 80 млрд. долларов. При этом нужно иметь в виду, что 95% частных инвестиций охватывают узкий круг — 30 государств. Фактом является, что технологический обмен, культурное сотрудничество и военная взаимопомощь осуществляются преимущественно внутри довольно узкой сферы Северной Атлантики и Восточной Азии — более 90% прямых иностранных инвестиций не покидают круг развитых стран.

Перспективы. Перспектива на ближайшие 30-50 лет не позволяет надеяться на приближение уровня бедных стран к уровню богатых[256]. Богатые страны консолидируются — «богатые индустриальные страны сближаются друг с другом, а менее развитые страны обнаруживают, что разрыв между ними и богатыми странами увеличивается»[257].

Запад полон готовности не отдать своих привилегированных позиций. Наряду с многими апокалиптическими пророчествами французский дипломат Жан-Мари Гуэнно предвидит наступление «нового имперского века, где сила и влияние будут принадлежать обществам и организациям с развитыми технологическими и информационными возможностями»[258].

Для бедных стран практически главным условием выхода из состояния безнадежной отсталости является увеличение потребления энергии. В начале третьего тысячелетия более всего энергии миру дает нефть (39,5%); за нею следует уголь — 24,3%, природный газ — 22,1%, гидростанции — 6,9%, атомные станции — 6,3%.[259] Чтобы поддержать мировое потребление на уровне *одной трети* американского (на душу населения), мир должен к 2050 году утроить производство энергии. У развитых стран все более значимое место занимает атомная энергия: 79% во Франции, 60% в Бельгии, 39% в Швейцарии, 37% в Испании, 34% в Японии, 21% в Британии, 20% в США. В мире действуют

434 атомных реактора, вырабатывающих электричество. ОЭСР предполагает, что к 2025 году две трети новообразованной энергии должны приходиться на развивающиеся страны. Откуда же может прийти энергия к беднейшим двум миллиардам мирового населения, которые сегодня *абсолютно* не пользуются электричеством?

Такие растущие страны, как Китай, и в ближайшие десятилетия будут извлекать основную массу необходимой энергии из нефти (после 1995 года и Индия и Китай превзошли возможности использования собственных нефтяных месторождений и все более обращаются к Персидскому заливу). Но беднейшим странам здесь места нет, что не может не привести к взаимному ожесточению.

Глобальное значение имеет реакция богатого мирового сообщества на гуманитарные катастрофы более бедных стран. Из уже имеющегося весьма горького опыта можно сделать вывод, что события в таких странах, как Сомали, Руанда, Босния, Сьерра-Леоне, показали, что спонтанная реакция, реакция *ad hoc* отнюдь не предотвращает гуманитарную катастрофу.

Циклические кризисы больше всего скажутся на поставщиках сырья и дешевой рабочей силы. В условиях истощения природных ресурсов развитые страны постараются овладеть контролем над стратегически важным сырьем, что неизбежно обострит противоречия богатых и бедных. Регионы последних будут находиться в зоне спорадической опеки либо тотального забвения. Но бедный мир не смирится с постулатом заведомого неравенства, результатом которого, по мнению И. Валлерстайна, может быть глобальный экономический коллапс[260]. Равенства «половин» не предвидится — слишком могуч Запад, слишком разъединены бедные страны, хуже вооружены, экономически слабы, политически не солидарны, здесь отсутствуют воля и организация. При этом линия водораздела между богатыми и бедными в Латинской Америке и в Восточной Азии местами весьма размыта. Незападный мир (куда входит и Россия) слишком сложен, чтобы быть введенным — хотя бы для теоретической ясности — в одни скобки.

Такие исследователи, как американец У. Грейдер, полагают, что необходим «новый Бреттон Вудс, новое соглашение, восстанавливающее равенство между богатыми и бедными, для развитых и развивающихся стран»[261]. Должно возникнуть нечто вроде легально оформленного мирового сообщества. Это предложение, судя по всему, будет воспринято без всякого энтузиазма питающими отвращение к налогам нациями, жестко стерегущими свой финансовый суверенитет. «Но для американского политического класса, включающего в себя новую экономическую элиту, которая обогатилась на *мировом* рынке, преждевременно превозно-

сить достоинства нового — глобального, безграничного рынка и в то же время категорически отказываться от финансирования политической инфраструктуры, необходимой для обеспечения ее жизнедеятельности»[262]. Весьма скромный налог в 0,1% на нынешние мировые трансакции в 500 триллионов долларов дали бы солидную сумму в 500 миллиардов долларов — весьма значимую сумму для организационной реформы мировых валютных потоков. Ежедневно в мировых трансакциях проходят примерно 1,5 трлн. долл. Компьютерная система могла бы фиксировать этот поток и налагать справедливый (относительно малочувствительный для облагаемых) налог. Но пока это лишь *проекты* будущего примирения двух частей человечества.

Противостояние богатых и бедных стран, возможно, превысит по интенсивности противостояние времен деколонизации. Индусы пишут о возможности «новой экономической холодной войны между индустриальным Севером, руководимым США, и развивающимися странами Юга»[263]. Заведующий программой помощи ООН развивающимся странам Дж. Спет предупреждает: «Риск подрыва огромным глобальным андерклассом мировой стабильности очень реален»[264]. Речь идет о явлении, превосходящем масштабы прежней холодной войны. «Одним из вероятных сценариев,— пишет С. Кауфман из Совета национальной безопасности США,— может быть инициируемая экономическим неравенства Севера и Юга война с массовыми потерями»[265]. Распространение оружия массового уничтожения делает ситуацию взрывоопасной. К месту отметить, что у стран Юга в 1999 г. появилось ядерное оружие и число ядерных держав среди мировых стран-бедняков, которым мало что терять, может увеличиться. Особенно острый период, по ряду прогнозов, начнется после 2015—2020 гг.

Миграция населения. В этих условиях неизбежна миграция бедного населения. «Зоны демографически высокого давления в Азии,— отмечает индийский специалист Гурмит Канвал,— будут порождать движение в зоны низкого демографического давления в Америке и Австралии; даже самые суровые иммиграционные законы не остановят это движение, что неизбежно вызовет применение силы»[266]. Среди трех наиболее развитых капиталистических регионов Япония категорически и абсолютно закрыла себя от въезда иммигрантов. Две другие зоны — Европа и Америка — руководствуются другой политикой. Наиболее открыты США и Канада. Соединенные штаты принимают в год около миллиона иммигрантов — больше чем все другие развитые страны, взятые вместе (увы, предпочтение дается не максимально нуждающимся, а молодым и образованным специалистам).

Рядом с Европой (самое старое и богатое в мире население) находится Африка с самым молодым и самым бедным населением. Приглашая дешевую рабочую силу во время бума 50-70-х годов, западноевропейцы способствовали созданию значительных анклавов африканского, азиатского, мусульманского населения. Но позднее свобода приема сменилась на ужесточение во всех основных странах Западной Европы. Практически неизбежно, что и в ближайшие десятилетия Европа устрожит иммиграционный контроль. (Международная миграционная служба ООН полагает, что на незаконном ввозе иммигрантов преступные организации зарабатывают до 7 млрд. долл. ежегодно. Исследователи доводят эту цифру до 12 млрд.[267].)

Эмиграция из бедных стран изменит лицо мира. Обездоленные нашего мира все больше устремляются в регионы с более высоким жизненным уровнем. Так за 80-90-е гг. в США легально и нелегально въехали 15 млн. иммигрантов. И этот поток по направлению Юг-Север будет шириться. Да и как может быть иначе, если, скажем, фирма «Асеа Браун Бовери» за одну и ту же работу платит в Германии 30,33 доллара в час, а в соседней Польше — 2,58 доллара. Можно ли остановить алжирцев, имеющих доход в 700 долларов в год, от попыток прорваться во Францию, где уже обосновалась многомиллионная арабская община и где рабочий получает в среднем примерно 30 тысяч долларов в год? В Гонконге президент Ассоциации судовладельцев А. Боуринг предупреждает: «Если вы получаете двадцать долларов в месяц и смотрите по телевидению американские мыльные оперы, искушение отправиться в путь неукротимо»[268].

Даже самые лучшие умы Запада не видят способа остановить миграцию бедных, кроме создания в качестве границ богатого мира «проволочных оград с током высокого напряжения. Без такой политики мигрантов остановить нельзя»[269]. Хороший вывод из уст тех, кто славословил крушение берлинской стены. Прежде благожелательная к черным иммигрантам Британия практически закрыла въезд иммигрантов. Мир 2020 г. для Британии в этом смысле — если некоторая готовность лейбористов к приоткрытию острова не будет поддержана населением — будет сильно отличаться от мира 1990 г.). Трагедия в Дуврском порту, где по пути в благополучную Британию погибли в июне 2000 года 58 нелегальных китайских иммигрантов, подчеркнула глубину проблемы. Но не возможности ее решения. Судя по росту правого экстремизма в данном вопросе более чем вероятно, что небелые, живущие в Европе, будут подвергаться той или иной форме дискриминации. Этническая неприязнь и дискриминация вероятно станут общим феноменом всех частей Европы.

В США, полагает американский исследователь Х. Макрэй, к старой вражде между белыми и черными присовокупится новая вражда между новыми иммигрантами (скажем, корейцами) и афроамериканцами[270]. В Италии бывший премьер и лидер «Форца Италия» Сильвио Берлускони выступает за контролирование побережья страны военными судами, начинающими огонь по прибывающим незаконно судам без предупреждения. Швейцария готовится к референдуму, который сократит число иностранцев в стране с 20 до 18% от общего населения. Ведущий деятель ХДС в ФРГ Ю. Рутгерс ведет борьбу против иммиграции под лозунгом «Дети — не индейцы», имея в виду, что приезд представителей других культур создаст опасность для молодого поколения Германии. Среди главных угроз международной безопасности американские исследователи выдвигают на первый план «революцию или широко распространившееся гражданское недовольство в Мексике, которое неизбежно вызовет резкое увеличение потока беженцев в направлении границы США»[271].

Иммигранты помогут продлить бум в экономике (скажем, американской), но они создадут опасные культурные противоречия между собой и — что не менее важно — между «новыми» США и остальным миром. В США будут существовать более заметные, чем в Западной Европе или Японии анклавы очень бедного населения — острова третьего мира посреди в высшей степени индустриализованного общества. Это скажется на образовательных стандартах, уровне занятости, способе участия в политической жизни. В Западной Европе тоже сформируются впечатляющие анклавы культуры, отличной от главенствующей,— но не в масштабах, сравнимых с Соединенными Штатами, где, к примеру, испанский язык будет языком народных масс Калифорнии, а английский — языком сужающейся элиты (в результате чего граница США с Мексикой будет практически стерта).

Выступающая против прилива иммиграции оппозиция на Западе в наступившем веке укрепит свои позиции. Американская элита (прежде всего, в республиканской партии) усилит призывы прекратить помощь и легальным, и нелегальным иммигрантам пенсионного возраста[272]. Пообещавший выселить из Франции три миллиона иммигрантов Ж.-М. Ле Пэн уже получил 15% голосов избирателей на национальном уровне, и эта тенденция в стране сохранится. В будущем, предсказывает англичанин С. Пирсон, «в условиях постоянной большой безработицы французский народ поставит вопрос о дополнительном бремени и социальном хаосе, создаваемых наличием больших меньшинств — иммигрантов из Северной Африки. В это же время меньшинства (прежде всего,

арабские), сами страдающие от высокого уровня безработицы — почти в 50%, выйдут на улицы с требованием равенства всех граждан Франции»[273]. Теневой кабинет консерваторов в Британии выступает за ужесточение иммиграционных законов и в случае возвращения консерваторов к власти Британия станет еще менее «проницаемой», несмотря на трагедии, подобные дуврской в июне 2000 года. Антииммиграционные тенденции партии Хайдера в Австрии, видимо, лишь окрепнут.

Все это не обещает безоблачных времен для мирового сообщества, ожесточение богатых и бедных может принять любые формы вплоть до силовых.

Противоречия внутри. Резко обострится противостояние богатства и бедности *внутри* самих государств Юга и Севера — «между городскими элитами и бедняками из гетто, фавел и развалин. Высокообразованные (нувориши из иммигрантов.— *А. У.)*, связанные в гиперпространстве, говорящие на одном языке о технологии, торговле, профессиях, разделяющие примерно одинаковый стиль жизни, они будут иметь гораздо больше общего между собой, чем с бедняками собственной страны, бесконечно иными по психологии, навыкам и материальному благосостоянию»[274].

Вопреки десятилетиям господства социал-демократии, в западном мире довольно неожиданным образом обостряются классовые противоречия. Речь идет о самых богатых странах, где в определенной мере повторяется едва ли не ситуация «позолоченных» 1890-х годов — когда не было подоходного налога и требующих своей доли профсоюзов — с их исключительным социальным неравенством. И сейчас не может быть речи о социальной гармонии в развитых странах: представители верхнего класса, согласно западной статистике, в целом зарабатывают в 416 раз больше, чем средний рабочий[275].

Ведущий американский историк Дж. Шлесинджер признает, что «экономическое неравенство дошло в Соединенных Штатах до той черты, когда оно в эгалитарной Америке больше, чем в странах более определенно очерченной классовой структуры — в странах Европы. Банкир-инвестор, спасший от банкротства город Нью-Йорк, Феликс Рогатин говорит о колоссальном переходе богатства от рабочих из среднего класса к владельцам капитала и новой технологической аристократии. Отодвинутый на дно классовой лестницы пролетариат превращается в воинственный андеркласс»[276]. Даже удачливый банкир и филантроп Дж. Сорос говорит о своем страхе перед «интенсификацией дикого свободного капитализма и распространением рыночных ценностей на

все сферы жизни, что представляет собой угрозу нашему открытому и демократическому обществу. Неограниченное преследование собственного интереса явит своим результатом нетерпимое неравенство и нестабильность»[277].

Возможности смягчения противостояния. Неизбежность *противостояния бедных и богатых* «смягчается» несколькими обстоятельствами.

Во-первых, богатый Север настолько сильнее бедного Юга, что силовое противостояние планомерного и рассчитанного на серьезные силовые сдвиги характера практически исключено на многие десятилетия. Хотя две страны Юга (Индия и Пакистан) уже имеют ядерный потенциал, им еще очень далеко до уровня развитых стран Севера.

Во-вторых, нации бедного Юга не обладают искомой солидарностью, не могут найти даже отдаленного эквивалента канувшего в историческую Лету «движения неприсоединения» 50-х годов, солидарности ОПЕК 70-х годов, организационного взаимопонимания южных развивающихся стран в ходе сравнительно краткого диалога Север-Юг (завершившегося в 1984 году в мексиканском Канкуне).

В-третьих, в среде развивающихся стран уже выделились всевозможные «тигры», успешно использовавшие современную технологию государства типа Южной Кореи и Сингапура. Помимо всемирно признанных «тигров» к категории *участников* мирового развития присоединились такие страны, как Чили, Доминиканская Республика, Индия, Маврикий, Польша, Турция. В менее удачливых странах укрепились острова современной технологии — скажем, Сан-Паулу в Бразилии или приграничная полоса сборочных заводов на севере Мексики.

В-четвертых, обозначилось осознание грозности проблемы несколькими важными странами. Скажем, Лондон несколько увеличил внешнюю помощь развивающимся странам. Британское правительство официально напомнило о существовании общечеловеческих проблем: «Глобальное потепление, деградация плодородных земель, уничтожение лесов, утрата биологических различий, загрязнение и неограниченная ловля рыбы в океанах, нехватка пресной воды, рост населения и уменьшение плодородной земли угрожают жизни каждого — богатого и бедного, развитого и развивающегося». Как свидетельствуют опросы общественного мнения, проведенные Департаментом международного развития, большинство англичан стало считать, что «деньги редко доходят до нуждающихся». При этом большинство оказало поддержку

выдвинутой правительством цели «уменьшить вдвое к 2015 году численность живущих в абсолютной бедности»[278].

В-пятых, несколько меняется курс важных международных организаций. Последние доклады Всемирного банка также говорят о некоторых шагах в правильном направлении. В докладе «Оценивая помощь» делаются признания в неэффективности прежнего курса, что само по себе позитивно. В докладе напоминается, что «передача развивающимся странам одного процента ВНП привела бы к более чем проценту уменьшения уровня бедности и детской смертности». И доклад признает, что «не существует доказательств того, что частный сектор может быть надежным инвестором бедных»[279].

А Север «соблазняет» возможностями глобализации, скоростью инвестиционных потоков в «дисциплинированные» страны, подобные Таиланду. Ныне уже большое число западных политологов (Т. Фридмен, например) видят надежду для «брутализированных и оставленных позади народов в глобализации, позволяющей индивидуумам, корпорациям и нациям-государствам настигать быстрее те группы населения, где производство экономичнее»[280].

Явится ли это в двадцать первом веке простой «риторикой надежды», оторванной от земной реальности? Если не отрываться от реальной почвы, надежды бедных стран могут покоиться на возможности выхода их товаров (произведенных дешевой рабочей силой) на богатые западные рынки, на привлечении иностранных инвестиций, на формировании крупных региональных рынков, на повышении квалификации производительной силы своих стран.

Надежда покоится на том, что трудно отрицать общий подъем жизненного уровня. Большая часть мирового населения имеет сегодня более высокие жизненные стандарты, чем пятьдесят или сто лет назад. «Что касается достоверной статистики второй половины двадцатого века, то почти нет сомнений в том,— указывает Д. Филдхауз,— что почти все страны третьего мира, не ставшие жертвой войн, гражданских конфликтов и некомпетентности правителей, стали согласно реальным показателям богаче... В их среде заметно увеличение продолжительности жизни, общего уровня обеспеченности и уровня образования... Нет оснований утверждать, что результатом инкорпорации третьего мира в мировое разделение труда станет неизбежное обнищание»[281].

В определенной мере можно положиться на следующие выводы:

— Весьма сложно доказать, что образование единой мировой экономики сделало развивающиеся страны беднее.

— Развивающиеся страны безусловно стали зависимыми в процессе международного разделения труда, но значительную степень зависимости от других испытывают и все прочие страны.

— Индустриализация в любом случае ведет (часто медленно) к устойчивому типу развития по мере того, как производительный сектор каждой страны начинает в нарастающей степени встречать международную конкуренцию.

— Торговля, специализация и использование уникальных особенностей каждой страны всегда вели к позитивным результатам; дальнейшее зависит от стратегии развития и уровня компетентности правящей элиты бедных стран.

Если же эти мирные способы повышения жизненного уровня окажутся тщетными, может наступить массовое разочарование не только в глобализации, но и в самом несправедливом к мировому большинству порядке. Это ожесточение может создать тягу к милитаризации вплоть до обретения бедными странами средств массового поражения. Переход к насилию тех, кому нечего терять, может быть самой большой угрозой не только удовлетворенной части человечества, глобальному статус-кво, но и собственно выживанию человечества.

Глава 5

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

Пятый фактор, резко меняющий лицо мира — исключительно быстрый рост населения на нашей планете. *Демографический взрыв* изменяет картину мира весьма радикально. Между 1950 и 2000 гг. население Земли увеличилось с 2,5 до 6 млрд. человек. Проекции на будущее разняться довольно радикально, хотя едины в главном — население Земли будет расти быстрыми темпами. По прогнозам ООН это население составит в 2030 г. 8,5 млрд. человек, а в 2100 г. — до 14,4 млрд. человек[282]. По оценке Международного института исследований проблем продовольствия прирост мирового населения между 1995 и 2020 годами составит 73 миллиона в год — до 7,5 млрд. человек[283].

Несмотря на ряд широкомасштабных кампаний по снижению темпа рождаемости, рассчитывать на замедление этого роста нереально. Футурологи приходят к выводу, что «никакая внутренняя организация, никакая внешняя помощь не может преодолеть высокий процент роста населения... Большие разрывы в доходах возникнут не только между третьим и первым миром, но и между теми частями третьего мира, которые сумеют контролировать свое население, и теми, которые не сумеют»[284].

Изменяется и демографическая география. Основной прирост придется на бедные страны, где дневной заработок составляет менее 2 долл. в день на человека. В 1950 г. в развитых индустриальных странах проживала треть человечества, в 2000 г.— меньше четверти, а в 2020 г.— будет менее одной пятой. В Азии в 2020 г. будет проживать более половины (значительно увеличившегося) человечества. Быстрее всего вырастет доля Африки в мировом населении — с 12% в 2000 г. до 15% в 2020 г. Позитивных (в смысле сдерживания рождаемости) факторов не так много. Позитивным в зоне максимального прироста видится пока лишь опыт Китая, стимулирующего ситуацию «один ребенок в семье». Но и здесь в самое последнее время обнаруживается ограниченность целенаправленной политики сдержанности.

В развитом западном мире демографическая ситуация будет очень неоднозначной. Напомним, что в последние десятилетия среди развитых стран быстрее всего росли Соединенные Штаты (140 млн. человек в 1950 году, более 270 млн. в 2000 году). Население Соединенных Штатов будет относительно молодым, а в Японии, Германии, Франции и Италии оно будет весьма пожилым. «Германия и Япония,— пишет X. Макрэй,— не будут бедными странами, стоящими на грани катаклизмов, они будут богатыми странами, но начинающими глобальное отступление»[285]. Во всех развитых странах увеличится численность работающих женщин. (Заметим, что самой крупной сферой экономики станет туризм.)

Но во всех развитых странах — в отличие от развивающихся — численность пожилых людей вырастет в двадцать первом веке очень значительно. Большинство живущих сегодня в этих странах будут активными участниками событий двадцать первого века. Половина женщин, рождающихся сегодня в этих странах, встретит двадцать второй век; половина мужчин доживет до 95 лет. Половина населения Японии, Германии, Италии будет в 2050 году старше 50 лет.

Разумеется, демографические процессы повлияют на политику в сфере иммиграции. Напомним, что за два последних десятилетия XX в. в США въехало больше иммигрантов, чем когда-либо за американскую историю. 90% всех иммигрантов из развивающихся стран прибыли именно в Америку. США останутся единственной среди развитых государств страной, которая в XXI в. не перекроет (сознательно, определенно и однозначно) каналы въезда на постоянное проживание. (Хотя будут действовать введенные исполнительной и законодательной властью квоты для иммиграции в США для всех стран, дающие преимущества определенным группам населения). Это скажется на демографическом

составе страны. В 2050 г. белое население еще будет большинством, но уже весьма шатким. Между 2000 и 2050 годами доля испаноязычного населения вырастет с 10 до 21% (по некоторым прогнозам до 25% всего населения —100 млн. человек[286]), азиатское население составит 11%, чернокожее — до 16%, краснокожие американцы — до 1,5%. Доля белого населения уменьшится с 75 до 53%[287]. Американский мир уже не сможет управляться не только взятыми отдельно англосаксами, но и белой расой в целом.

Канада и Мексика будут значительно интегрированы в Североамериканское общество (с известной потерей прежней американской идентичности). Миграция квалифицированных канадцев и малоквалифицированных мексиканцев будет массовой. К 2020 г. уровень жизни в приграничных с США районах Мексики достигнет такого уровня, что пресс иммиграции через реку Рио-Гранде, отделяющую Мексику от США, ослабнет. Ближе к США станет и остальная Латинская Америка, а в США будет все больше «маленьких Доминиканских республик».

Этот мир будет весьма отличаться от западноевропейского (да и от современного американского). Большинство его жителей уже не будут ощущать европейского родства. Рост американского населения совпал с его перемещением с Северо-Востока на Юг и к Тихоокеанскому побережью. Помимо прочего, одно лишь подобное демографическое смещение предполагает ослабление связей Америки с Европой.

Социально-экономическое измерение демографии. Быстрое увеличение населения нашей планеты обостряет проблему массовой бедности. Чтобы прокормить увеличивающееся население планеты, необходимо к 2020 году увеличить производство зерна на 40%. Однако современные темпы прироста позволяют рассчитывать лишь на одну пятую необходимого прироста. Если развивающиеся страны не смогут сами произвести необходимое зерно, тогда их импорт из развитой части мира должен к 2020 году удвоиться (до минимума в 200 млн. тонн), а импорт мяса должен увеличиться в шесть раз[288]. Практически определенно можно сказать, что 135 млн. детей до 5 лет станут в 2020 жертвами голода. Африка встретит первой проблему массового голода — ресурсы продовольствия здесь более всего отстают от роста рождаемости, а численность голодных детей к 2020 году увеличится на 30%. «Возникнет мальтузианская угроза совмещения быстрого роста населения и резко сокращающихся запасов продуктов питания»[289]. (Америка в 2020 году будет продолжать оставаться главной кладовой пищевых запасов мира — 60% зерна будет поступать из США.)

Самым важным демографическим обстоятельством, которое в решающей степени повлияет на мир XXI века, будет противостояние умиротворенного и постаревшего мира развитых стран бушующему океану молодого, возмущенного бедного развивающегося мира. На границах богатого западного мира будут стоять огромные мегаполисы, населенные неудовлетворенной молодежью, одним из главных раздражителей которой будет глобализация коммуникаций. Телевизионный мир богатых стран будет генерировать острое классовое чутье обездоленной части мирового населения. И анклавы процветания посреди бедных стран в этом случае не помогут. Эта дорога, предполагающая сосуществование богатых и бедных, поведет систему международных отношений к хаосу.

На что можно надеяться. Какие факторы можно считать обещающими для мирового противостояния богатых и бедных? Есть некоторый сдвиг в отношении к иммигрантам. В 1999 году 16 миллионов легальных иммигрантов в Западной Европе заработали 460 млрд. долларов. Численность самообеспечивающих себя иностранцев в Европейском союзе увеличилась за последние семь лет на 20%. Китайские иммигранты в Британии предпочтительнее местных жителей при приеме на работу (благодаря дешевизне их труда) и каждый из них, согласно западной статистике, зарабатывает в среднем более 40 тысяч долларов в год. Почти миллион индийцев в Британии получает доход выше среднего[290].

Трагедия в Дувре в июне 2000 года заставила руководство ЕС начать процесс пересмотра прежних иммиграционных правил, что обещает понижение барьера въезжающим в Европейский союз иммигрантам. Дело здесь не только в гуманитарном аспекте. Согласно докладу ООН 1999 года, стареющее население ЕС так или иначе затребует к 2035 году привлечения в западноевропейскую экономику не менее 35 миллионов новых работников — без этого невозможно поддержать современную пенсионную систему Союза и его передовые экономические позиции. Иммигранты могут привнести новые экспертные знания, они часто занимают рабочие места, непрестижные с точки зрения местного населения. Часто это очень грязная и тяжелая работа.

Германское правительство готово принять на работу 20 тысяч специалистов в электронике и информатике, ирландское правительство рассматривает возможность впустить в страну 200 тысяч квалифицированных работников. В Британию в 1999 году въехало 70 тысяч иммигрантов (46 тысяч в 1998 году), в Германии запросили убежища 100 тысяч беженцев из прежней Югославии.

В Голландии ожидают гражданства 10 тысяч иммигрантов. 13% населения Вены — иммигранты. Китайская община в Британии достигла 250 тысяч человек, во Франции — 200 тысяч. Америка, принимая по миллиону иммигрантов в год, сохраняет самый низкий уровень безработицы.

Позитивное — в отношении иммиграции — изменение отношения начинает проявляться в ряде развитых стран, прежде всего в Британии. В отличие от жесткой антииммиграционной политики консерваторов Тэтчер-Мейджора, которая базировалась на гневном отрицании «политики подаяний», лейбористское правительство Т. Блэра производит некоторую переоценку ценностей, стремясь и здесь найти «третий путь» между жестокостью капитализма и прекраснодушием государств социальной взаимопомощи.

Вопрос остается открытым. Эгоизм наций, отсутствие планетарного гуманистического видения, узкокорыстные предвыборные интересы, игнорирование подлинной демографической революции способны уничтожить элементы позитивного, наблюдающиеся в свете нужды «золотого миллиарда» в умеренном иммиграционном потоке, в приливе квалифицированной рабочей силы и в понимании опасности ожесточения остальных пяти миллиардов бедной части планеты.

Глава 6

ПОИСК НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Шестой сокрушитель современной мировой системы — массовое, в глобальном масштабе изменение прежнего мировидения в свете крутых культурно-цивилизационных перемен. В последние десятилетия двадцатого века, в условиях ускорившейся модернизации предполагалось, что этническая и религиозная идентичность уступит место «модернизации», в рамках которой найдется место каждому из членов мирового сообщества. Но под давление очевидных новых фактов и факторов прежняя система лояльности в западноцентричном мире, основанная на оптимистической вере в мировую модернизацию, потеряла свою убедительность для огромных масс мирового населения. При этом не произошло замены ее новой системой восприятия мира*. Претен-

* Подробнее о возникающем «столкновении цивилизаций» мы говорим в третьей части книги.

зии *глобализационного* мирообъяснения не обрели желаемого ее авторам тотального идейного господства — слишком очевиден раскол между владеющими технологией и капиталами лидерами глобализации и ее фактическими жертвами.

Понимание этого фактора пришло с трудом. Весьма долгое время господствовал своего рода культурный релятивизм (особенно непререкаемый в академическом мире), практически делавший табу придание критической важности культурным ценностям других народов и цивилизаций, особенностям их менталитета. Все культуры подчеркнуто подавались *равными* (словно фиксация культурной пестроты мира автоматически ведет к расизму, надменности, принижению и т.п.). Те, кто думал отлично от академического канона, получали клеймо сторонников этноцентричности, нетерпимости или даже расистов. Подобная же проблема встречала тех экономистов, которые полагали, что люди повсюду *отвечают на экономические сигналы однообразным способом безотносительно к их культуре*. К примеру, глава Федеральной резервной системы США А. Гринспен (говоря, кстати, о России) жестко утверждал, что капитализм «является частью человеческой природы».

Лишь очевидный рост значимости самоидентификации, оказавшийся критически важным в 90-е годы, привел к перевороту в сознании многих, к выделению цивилизационно-ментальных основ. Гарвардский профессор Д. Ландес в монументальном исследовании «О богатстве и бедности народов» (1998) приходит к важнейшему выводу: если история экономического развития чему либо учит, то «прежде всего тому, что культура является виднейшим компонентом. Она и создает различие в степени развитости»[291]. Зафиксированная и подчеркнутая мировым неравенством грядущая стадия развития человечества оказалась способствующей выходу вперед фундаментализма самого разного характера, жесткого национализма, обращения к родовым ценностям. Мир фрагментаризируется на гигантские цивилизационные блоки. «Культурная глобализация, гомогенизация, которые предсказывают в будущем интерпретаторы глобального сближения и единства мира, являются не более чем мифами»[292].

Однако реалии жизни *заставили* сделать существенные поправки, приведя в конечном счете к выводу, что культура является *критическим фактором общественного развития*. И тот же Гринспен на пороге нового века, после десятилетия неудач в России, сделал весьма примечательное признание, по существу противоположное прежнему своему мнению: «Дело вовсе не в человеческой природе, дело в культуре». Нужно думать, что у М. Вебера

это вызвало бы улыбку понимания. Требовалось претерпеть столь многое, чтобы прийти к выводу, о котором, собственно, только и говорит мировая история.

Для многих критически важным стало рассмотрение опыта Юго-Восточной Азии. Заново были пересмотрены конфуцианские ценности — упор на будущее, работу, образование, уважение к достоинству, призыв к плодотворности. Появились исследования цивилизационных особенностей латиноамериканского мира, индуизма, православного ареала влияния, мусульманского цивилизационного кода.

Латиноамериканские интеллектуалы (рассматривающие вопрос о том, какие факторы, кроме империализма, являются виновниками неразвитости региона и его авторитарных традиций и ужасающего социального неравенства) указали на отличие этих ценностей от латиноамериканских. Пришлось вспомнить слова Боливара, сказанные в 1815 году: «До тех пор, пока наши соотечественники не воспримут талантов и политических достоинств наших северных братьев, политической системы, основанной на общественном участии в управлении, нас ждет крах. Нами владеют грехи Испании — насилие, неуемные амбиции, мстительность и жадность»[293].

Перуанский писатель Марио Льоса: «Культура, в которой мы живем сегодня в Латинской Америке, не является ни либеральной, ни демократической. У нас есть демократические правительства, но наши институты, *наши рефлексы и наш менталитет очень отличны.* Они остаются популистскими и олигархическими, абсолютистскими, коллективистскими, догматичными, преисполненными социальными и расовыми предрассудками, в огромной степени нетерпимыми по отношению к нашим противникам, преданными худшей из всех монополий — правде»[294]. К подобному самобичеванию присоединились представители и других культур.

Разрушительность модернизации. Модернистская вера оказалась отражением иллюзий, заключавшихся в демонизации социализма. Крушение левой идеологии (обещавшей модернизацию через социализм) это только подчеркнуло. Наконец-то подлинная суть социализма как насильственной модернизации оказалась понятой и на Западе, и на Востоке. «Холодная война была конфликтом двух версий прогрессивизма — социализма и неоклассического капитализма,— пишет японец Сакакибара.— Крах социализма и окончание холодной войны избавили мир от гражданской войны между двумя вариантами прогрессивизма, но поставили подлинно фундаментальный вопрос о сосуществовании различных цивилизаций»[295].

Можно ли (и нужно ли) воспринять модернизационные ценности безболезненно? По словам американского исследователя Э. Эбрамса, «модернизация может оказаться разрушительной для стиля жизни и морали, вызывая противонаправленную реакцию: поиск более притягательной традиционной идентичности, поиск устойчивости и безопасности группового членства и удобное обоснование неприятия всех, кто несет черты отличия. Этот феномен можно наблюдать в своей наиболее благопристойной форме, когда британское правительство дарует часть своего суверенитета «вверх» — в Брюссель, и «вниз» — шотландской и уэльской ассамблеям. Но в других частях мира на это явление смотрят менее благосклонно»[296].

Мы находимся в начале процесса огромной исторической важности. Окончание идеологического противостояния привело «в начале третьего тысячелетия к кризису идентичности огромных масс. Во все возрастающей степени наша психика и даже материальное потребности начинают требовать усложненной самоидентификации»[297]. В условиях социально-политического краха социализма как практики и теории, старые боги (существовавшие задолго до социальных доктрин двадцатого века) как бы молча всплыли в сознании миллионов людей — и не только в Югославии и Восточной Африке (где поток крови был особенно обильным), но и повсюду в мире. Словами А. Аппадюраи, «центральной проблемой современного глобального противодействия является столкновение культурной гомогенизации и культурной гетерогенизации... Взаимная каннибализация показывает свое отвратительное лицо в мятежах, в потоках беженцев, в этноциде»[298].

На рубеже третьего тысячелетия обозначился массовый поворот к старым ценностям вплоть до этнически-трайбалистского начала, к религиозно-цивилизационному единству отдельных частей мирового населения как к своему новому универсуму. Стало казаться возможным, что в XXI в. массовая переориентация групповой лояльности и массовой идентичности закрепится.

Э. Смит называет этот процесс «культурной политизацией»: «Чем более полно документирована этно-история, чем распространеннее данный язык, чем строже соблюдаются местные обычаи и обряды, тем сильнее стремление убедить друзей и врагов в возможности рождения новой «нации»... Чтобы создать нацию, недостаточно просто мобилизовать сограждан. Они должны быть убеждены в том, кем они являются, откуда они пришли и куда идут. Они превращаются в нацию посредством процесса мобилизации местной культуры... Старые религиозные саги и святые превращаются в национальных героев, древние хроники и эпос

становятся примерами проявления национального гения, возникают истории о прошлом «золотом веке» чистоты и благородства. Прежняя культура некоей коммуны, которая прежде не имела целей за своими пределами, становится талисманом и обретает легитимность... Наступает период интенсификации культурных войн... Заново открытая этноистория начинает разделять наш мир на дискретные культурные блоки, которые не дают никаких надежд сближению и гармонизации этих блоков... С точки зрения глобальной безопасности и космополитической культуры это мрачное заключение»[299].

Вырвавшиеся демоны собственного исторического опыта, традиционных религиозных воззрений, исконных ментальных кодов, собственных языков, аутентичного морально-психологического основания, воспоминаний об униженной гордости — с огромной силой бросают тень на благодушие глобалистов, делая ожидание мира и спокойствия вершиной наивности. Обращение вспять несет в себе невиданный потенциал насилия. Даже весьма умеренно-оптимистические американские футурологи А. и X. Тофлер[300], призывающие современное государство трансформировать процессы демократизации в политику самоидентификации, видят в качестве главной угрозы трансформацию ограниченных межгосударственных войн в ничем не ограниченные этнические конфликты: «Уже сейчас не так много стран, чьи граждане готовы отдать жизни за свое государство, но, увы, растет готовность жертвовать жизнью за этнически-религиозную идентичность. Мы пробили стену нерушимости государственных границ и назад дороги нет»[301].

Мир как бы отпрянул к своим основам. И это могло бы породить новую гармонию (как отвлечение от международных трений), но вопрос-то как раз в том, что исконные основы у каждого субъекта мирового сообщества очень разные. Прежде это различие камуфлировалось идеологическими одеждами, ныне камуфляж отброшен и культурное, традиционное – т.е. цивилизационное отличие целых регионов друг от друга обнажилось во всей очевидности.

Время определить первые результаты этого «отлива истории», обнажившего не пестроту мира (что было очевидно всегда), а фундаментальную противоположность нескольких основных цивилизационных парадигм. Семь таких парадигм – западная, латиноамериканская, восточноевропейская, исламская, индуистская, китайская и японская как бы забывают о «предписанной» им историко-экономическими законами прошлого интеграции мирового хозяйства и культуры, упорно сохраняя цивилизационную дистанцию и образовывая почти непроходимые рубежи между столь

сблизившимися благодаря телефону и самолету пространствами. На этих-то рубежах и вспыхивают основные конфликты современного мира.

Вперед выходит призрак предсказанного превосходным западным политологом-еретиком С. Хантингтоном столкновения цивилизаций: «Фундаментальным источником конфликтов в возникающем новом мире будет не идеология и не экономика. Величайшей разделяющей человечество основой будет культура. Нации-государства останутся наиболее мощными действующими лицами в мировых делах, но основные конфликты в мировой политике будут происходить между нациями и группами наций, представляющих различные цивилизации. Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике. Культурные разделительные линии цивилизаций станут линиями фронтов будущего»[302]. По мере вхождения в третье тысячелетие «культура разделит страны. Культурные табу сделают, скажем, невозможной покупку чужими покупателями предприятий в Японии и во всей Юго-Восточной Азии»[303].

Война за югославское наследство показала, что может произойти в случае ускоренной и одобряемой извне перемены идентичности (поскольку гражданская война здесь быстро выдвинула вперед религиозные, исторические, цивилизационные факторы). Нечто еще более значимое может произойти в случае утверждения цивилизационной идентичности у населения огромного Китая. Обозначилось движение по этому пути ядерной Индии и миллиардного мусульманского мира. Последний в ряде случаев пошел на противостояние с Западом (которое американский исследователь Б. Барбер назвал «противостоянием Джихада и Мак-Уорлда»[304]).

Исторический опыт показывает, что отстаивание национально-культурной идентичности порождает невиданное насилие. Обращенные к новой идентификации «продолжительные этнические конфликты практически не поддаются региональному и международному воздействию»,— приходит к справедливому выводу американский исследователь Т. Керр[305]. Война в Афганистане и Судане скорее всего продлится до тех пор, пока одна из сторон конфликта не победит решающим образом. Нет реалистических оснований предполагать разрешение курдского конфликта в Ираке и в Турции, сдерживание убийственного конфликта хуту и тутси в Руанде, компромиссное решение в Грузии, Азербайджане, Бугенвиле, Северной Ирландии. Весьма реалистично предположить начало нескольких конфликтов в Южной Азии. Индия стоит перед вызовом нескольких сепаратистских групп. Равно как и

Индонезия: Атсе и Ирианская Ява. Конфликты зреют в Бирме (провинции Карен и Шан) и в Китае (Тибет).

И все же, видимо, самые страшные конфликты уготованы Африке — некогда вотчине западных метрополий, посылавших детей местной элиты в Оксфорд и Сорбонну, надеясь на последующую массовую рекультуризацию населения. Надежды оказались напрасными, и европейски образованные лидеры деколонизованных стран к третьему тысячелетию сменили европейские костюмы на традиционные местные (часто экзотические) одежды. Оболочка в данном случае отразила суть. В огромной зоне от Судана и Эфиопии через район Великих озер к ангольским высокогорьям и Конго лежит сплетение готовых вспыхнуть конфликтов. А рядом, в Западной Африке, революционные и этнические войны зреют в Нигере, Мали, Либерии, Сьерра-Леоне и Чаде. Возможно, самый страшный конфликт готов вспыхнуть в Нигерии (мусульмане на севере страны и христиане на юге). Все здесь складывается трагически — наследие прежних репрессий, возникновение воинственных националистических групп, отсутствие международного внимания. В целом «Косово, Восточный Тимор и Чечня иллюстрируют то положение, что стратегия разрешения этнических конфликтов зависит от того, принимаются ли повстанцами предлагаемые компромиссные идеи»[306], или их новая самоидентификация представляет собой ценность, обесценивающую саму жизнь в старых культурно-цивилизационных рамках.

Современная, отчетливо выразившая себя тенденция говорит о том, что возрождение старой этнической и трайбалистской памяти изменит убеждения огромных масс и, соответственно, направленность их интернационально значимой деятельности. На международной арене возможно появление множества новых этнически-цивилизационно особых государств — до нескольких тысяч в новом столетии. И этот процесс «породит насильственные беспорядки и человеческие страдания в беспрецедентном масштабе»[307]. В результате произойдет полная реструктуризация системы международных отношений.

Итак, оптимистически воспринимаемая модернизация посредством накопления в основном западного опыта зашла в своего рода тупик. И большей ценностью в новом веке замаячил призрак возврата к домодернизационным идолам, где кровь, обычай и символ веры одерживают верх над обещаемым гедонистическим благодушием авангарда глобализированного мира.

Ограничители. Что можно противопоставить этим аргументам? Обеспокоенных перспективой *межцивилизационных*

столкновений успокаивает японский исследователь Сакакибара: «Цивилизации действительно поднимаются вверх, а потом начинают терять влияние. Они часто сталкиваются друг с другом; но, что более важно, они *взаимодействуют и сосуществуют* между собой на протяжении почти всей истории»[308].

Невозможно отрицать факт частичного смешения различных культур, особую — объединяющую роль английского языка, своего рода *lingua franca* нового времени, появление «космополитических» средств массовой информации, что оставляет шанс не только размежеванию основных цивилизаций, но и их взаимообогащающему сближению. Создается определенная возможность формирования целых областей, где не будет доминирующего цивилизационного кода, где смешение рас, языков, обычаев и традиций взойдет на более высокий уровень, характеризуемый неприятием цивилизационного самоутверждения. Окрашенные культурной терпимостью области, по мнению культуролога Э. Смита, «могут служить в качестве моделей в долговременной перспективе для все более широкого межконтинентального сближения»[309].

Глобальная культура будет оказывать свое воздействие на нескольких уровнях одновременно — как высококачественный культурный продукт, как пользователь денационализированных этнических и народных мотивов, как серия генерализированных гуманитарных ценностей и интересов, как унифицированный научный дискурс. Феноменальный рост коммуникационных возможностей создает предпосылки широчайшего воздействия «лучшего против своего».

Глобальная культура будет неизбежно походить на доминирующие культуры прошлого. Нет ничего нового в распространении чужих культурных ценностей в гордящихся своим своеобразием ареалах. Греко-македонская культура была чрезвычайно успешно распространена на весь Древний Ближний Восток. Культура Древнего Рима столь же успешно и надолго распространилась по всему Средиземноморью.

Восприимчивости нового сегодняшнего *космополитического* кода может способствовать то обстоятельство, что «сегодняшняя возникающая глобальная культура не привязана ни к определенному месту, ни к четко ограниченному историческому периоду. Создается подлинная смесь идущего отовсюду и ниоткуда, рожденная на современных колесницах глобальных телекоммуникационных систем... Эклектическая, универсальная, безвременная и техническая, глобальная культура будет преимущественно «сконструированной» культурой, окончательным и наиболее распространяемым из человеческих конструктов эры освобождения

человека и его возобладания над природой, и не следует забывать, что «нация» это тоже всего лишь конструкт»[310].

Если существует общечеловеческое воображение, если проявляют себя общечеловеческие ценности, то почему должен быть бессильным перед потоком культурного цивилизационного самоутверждения человек, могущий иметь самые различные кровно-культурное наследие и привязанности? Почему голос одной цивилизации должен нейтрализовать общечеловеческое?

Есть надежда и на то, что межцивилизационным столкновениям воспрепятствует взаимная вражда стран одной и той же цивилизации. На протяжении многих столетий международная система держится на суверенности отдельных государств, почему же эта суверенность должна в определении своей судьбы в будущем уступить место цивилизационной дисциплине, встать на путь внутрицивилизационного сближения? Так ли легко государства расстаются со своим суверенитетом? Сейчас и в будущем критически важна национальная (в пику цивилизационной) самоидентификация — надежный внутренний цемент государств как подлинных субъектов международных отношений. Именно национальная идентичность способна затормозить силовое цивилизационное самоутверждение. Главным аргументом против первенства цивилизационного фактора является указание на то, что суверенная нация способна ненавидеть цивилизационного соседа не меньше, чем представителя далекой иной цивилизации.

Наиболее устойчивыми перед ударами истории и соблазнами цивилизации оказались не глобально-цивилизационные явления культуры, а ценности, основанные на трех компонентах единого опыта:

— ощущение продолжения опыта наследующими друг друга поколениями;

— общая память об особых событиях и исторических персонажах, знаменующих собой поворотные пункты коллективной истории;

— чувство общей судьбы у тех, кто разделяет единый опыт.

На нынешнем этапе наиболее мощно эти три элемента проявляются у наций. Как пишет Э. Смит, «упрямым фактом является то, что национальные культуры являются *особенными, привязанными ко времени и экспрессивными*... Можно, конечно, «изобрести», даже произвести традиции как готовый продукт, служащий интересам особого класса или этноса. Но все это может выжить и процвести только лишь как часть репертуара национальной культуры»[311]. С точки зрения большого числа культурологов национальная объединительная сила может стать самым

серьезным препятствием на пути колоссальных центростремительных сдвигов внутри огромных цивилизаций.

Так было на протяжении всей истории: конфликты внутри цивилизаций не менее яростны и часты, чем столкновения межцивилизационного характера.

Итак, окончание битвы идеологий открыло базовые разногласия, производные от различных традиций, прошлого, культуры, языка, религии, этических норм, обратило к исходным ценностям, к родовым обычаям, к религиозным устоям, к патетике прежних ценностей, поколебленных могучим ростом Запада в XVI—XX вв. Впервые в Новое время мир стал отчетливо многоцивилизационным, западные ценности перестали видеться универсальными, а модернизация перестала быть синонимом вестернизации. Сразу же встал вопрос о степени обязательности вестернизации в процессе модернизации. И ответ на него перестал быть однозначным.

Сами западные исследователи приходят к выводу, что, «если на ранней стадии перемен вестернизация способствует модернизации, то на последующих фазах модернизация вызывает девестернизацию и подъем автохтонной культуры — увеличивает общую экономическую, военную и политическую мощь и способствует усилению веры данного народа в свою культуру, укрепляет его культурное самоутверждение»[312]. «Отлив истории» обнажил фундаментальную противоположность основных цивилизационных парадигм – *западной, латиноамериканской, восточноевропейской, исламской, индуистской, китайской и японской*. «Забывается» интеграция мирового хозяйства и культуры, упорно сохраняется межцивилизационная дистанция, образовывая непроходимые рубежи между столь сблизившимися благодаря телефону и самолету пространствами. На этих-то рубежах и будут протекать основные процессы XXI в.

Глава 7

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Седьмой великий фактор перемен — ускорившийся научный поиск человека. Стремительно набирая обороты, научно-техническая революция меняет лицо Земли и судьбы человечества. Строго говоря, человечество в принципе уже решило проблему своего выживания тем, что создало в наше время генетически модифицированные продукты питания.

Биотехнологии. Третья часть производимой в США кукурузы, более половины соевых бобов и хлопка уже производятся по законам биотехнологии — 26 миллионов гектаров генетически модифицированных (ГМ) сельскохозяйственных продуктов. Наука позволяет планировать вид продукта, задавать ему необходимые свойства. Но главное ГМ-продукты дают твердую надежду, что 9 миллиардов землян в 2050 году могут получить достаточно пищи для выживания и воспроизводства — и это несмотря на то, что площади обрабатываемых земель значительно (вдвое) сократятся.

Генетически модифицированный рис, «укрепленный» бета-каротином, может спасти 100 миллионов детей, страдающих сегодня от недостатка витамина А. Биотехнология поможет преодолеть болезни растений, засуху, оскудение почвы, поражение бактериями и вирусами. Генетически модифицированные виды растений могут преодолеть любую насылаемую природой напасть. Уже через несколько лет ГМ продукты могут предотвратить потерю 25% зерна, собранного на полях. Бедным странам уже обещан «золотой рис», обогащенный витаминами, спасающими миллионы жизней.

Информатика. Одновременно набирает темп подлинная революция в информатике. Компоненты транзисторов стремительно приближаются к опасному минимуму, к длине в несколько атомов. В недалеком будущем в оптических компьютерах электрические провода заменят легкие лазерные лучи — оптический полупроводник уже изобретен. Пока он величиной с автомобиль, но все говорит о том, что вскоре, построенный на микропроцессорах в три измерения, он станет напоминать по величине стандартный кремниевый компьютер. И уже разрабатывается идея создания процессоров на принципе молекулы ДНК — молекулярных и квантовых компьютеров.

Пока же мы считаем число транзисторов на чипе. В 1970 году это был один транзистор, в 1975 году — 10, в 1983-м (286-й) — более ста, 1990-м (486-й) — около тысячи. Пентиум приблизил число к тысячам, Пентиум-III — к 10000. К 2015 году при такой скорости на чипе будет миллиард транзисторов, что даст компьютеру необозримые возможности. Подлинным рубежом, намечаемым примерно на 2020 год, явится создание электронно-вычислительной машины, приближающейся по числу операций к мозгу человека. По усредненному подсчету мозг человека имеет десять миллиардов нейронов, каждый из которых имеет примерно 1000 связок с другими нейронами, каждая из которых способно осуществить примерно 200 операций в секунду. Обычные крем-

ниевые полупроводники не способны угнаться за человеческим мозгом, но на горизонте обозначились возможности (уже полученные в лабораториях) создания трехуровневых цепей, созданных на основе восьмиугольных лучей атомов углерода. Несколько сантиметров такого чипа будет в миллион раз мощнее обрабатывающей возможности человеческого мозга.

Возникает, по меньшей мере, теоретическая возможность имитации человеческого мозга, копирования схемы его работы. Возможно, к 2030 году новые электронные роботы научатся сканировать работу человеческого мозга. Заменяющие роботы, «нанороботы», будут столь малы, что смогут путешествовать по капиллярам мозга и сканировать его работу, сообщая данные в объединенный компьютер. Поняв алгоритмы его действия, мы сможем передать его синтетическим нейтральным эквивалентам. И принципиально возможно создать компьютерную систему, работающую в 10 миллионов раз быстрее электрохимических процессов, происходящих в мозгу. Где-то уже в первой половине XXI века встанет вопрос о создании адекватных моделей отдельных нейронов. Уже в третьем десятилетии этого века будет создана детализированная карта всех основных функций нейронов, их связей в человеческом мозгу и возникнет возможность воссоздать эту картину на мощном компьютере. Эти имитаторы человеческого мозга соединят сложность работы человеческого мозга с огромной — превышающей человеческую многократно — скоростью компьютеров будущего. Возникнет нечто «умнее» человека.

Микроскопические наноботы, машины величиной с молекулу превзойдут способность человеческого мозга, видимо, около 2030 года — они будут производить 100 триллионов операций в секунду. Человек получит помощников, имеющих многократно лучшую память, активнее использующих все пять чувств, способных постигать и анализировать. Ко второй половине века связь между человеческой мыслью и технологическим воплощением ее будет практически стерта. Наш опыт, наше сознание, наш интеллект будут усилены колоссальным образом. У человека появятся невероятные по стойкости помощники, которые будут бороться с болезнями, очищать природу, кормить, строить дома и дороги. Бродя по кровеносным сосудам человека, они будут убирать холестерин. Они научатся переделывать атомы угля в алмазы, создавать сплавы в сотни раз крепче стали. Конструируя ДНК, они смогут отдавать приказы самой природе.

Если нынешняя скорость увеличения быстродействия компьютеров сохранится, то к 2050 году она достигнет 500 триллионов байтов в секунду, что значительно быстрее мыслительных способностей человека. Есть смысл остановиться на этой грани.

Интернет. В двадцать первом веке способы сообщения между странами и людьми получат колоссальные возможности. Как известно, Интернет существовал с шестидесятых годов XX века, но только в середине 90-х годов обнаружился его огромный общественно-политический потенциал. Между 1994 и 2000 годами численность пользователей Интернета увеличилась с 13 миллионов до более чем 300 миллионов. В настоящее время 50% пользователей Интернета живут в США, 40% — в Европе, 5% — в Японии и Корее и 5% — в остальном мире.

Проекция на будущее выглядит революционно: в течение ближайшего десятилетия более половины пользователей Интернета сместится в развивающиеся страны и главным используемым языком вместо английского станет *китайский*. Бедный мир получит практически неограниченный доступ к библиотекам, книгам — к знаниям Запада. Одно лишь это даст им шанс конкурировать там, где вчера на то не было никаких шансов.

Интернет 2020 года станет разветвленнейшей сетью. Подключенными к Интернету будут самолеты и автомобили, а также многие дома — их содержание будет определяться Интернетом. В конечном счете программирующие устройства будут так дешевы, что станут частью повседневного обихода. Интернет через два десятилетия будет доступен преимущественно посредством мобильных телефонов. Связанный с Интернетом небольшой мобильный телефон будет кошельком следующего поколения пользователей, записной книжкой, идентификационным удостоверением, пунктом отправки сообщений по электронной почте, листом чистой бумаги, кинокамерой. На заводах будет царить автоматическое производство, контроль над качеством и над распределением возьмут на себя диспетчеры, находящиеся на противоположном конце земного шара.

Интернет станет *другим* с переходом на оптические технологии, позволяющие прохождение многих триллионов битов информации в секунду. Оптические волокна, видимо, надолго останутся основой сети, но к ним присоединятся самые разные аксессуары. Интернет выйдет в межпланетное пространство. Для жителей планеты значимость Интернета будет сводиться прежде всего к тому, что мировая информация станет доступной человеку, находящемуся буквально повсюду. Издалека последуют необходимые медицинские консультации. Автомобили будут управляться согласно рекомендациям, полученным по Интернету. Но уже сейчас возникает тревожный вопрос: не опасны ли знания всех заинтересованных о нашем физическом и, скажем, финансовом здоровье? Как облагать налогами корпорации, знающие технику укло-

нения от них? Возможны и глобальные атаки вирусов. Если человечество заранее не застрахует себя от этих и подобных опасностей, то будущее может окраситься в мрачные тона.

В целом воздействие науки на мир будет двояким. С одной стороны, она даст убедительные средства борьбы с голодом, болезнями, прихотями природы. С другой стороны, она безжалостно обнажит неравенство пользующихся ее плодами представителей развитого мира и отрешенных от ее живительных источников миллиардов, населяющих остальной огромный мир. Но ясно одно: мы живем во время невероятно возросших скоростей и на пути человека его ошибки становятся все дороже. В мире двадцать первого века эмоциональные бури современности будут предельно опасны. Уже сейчас 44 страны владеют технологией производства ядерного оружия[313] и, понимая фактическую неприменимость этого оружия (гарантирующего лишь одно — самоубийство), тем не менее продолжают гонку с неприемлемым исходом. В этом смысле случившееся после окончания холодной войны подлинно удручает: прежние противники не сложили свое самоубийственное оружие, а действуют так, словно враг готовит решающую битву. Расширение НАТО и все подобное позволяет лишь усомниться в рациональности человечества, готового закрыть глаза на растущую вероятность глобальной катастрофы.

ИСТОЧНИКИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

[1] Fukuyama F. The Troubles with Names («Foreign Policy». Summer 2000. P. 60).
[2] Wright R. Pax Kapital («Foreign Policy». Summer 2000. P. 67).
[3] Cardoso F. An Age of Citizenship («Foreign Policy». Summer 2000. P. 42).
[4] Creveld van M. The New Middle Ages («Foreign Policy». Summer 2000. P. 39).
[5] Sorrel M. Branding the New Era («Foreign Policy». Summer 2000. P. 61-61).
[6] Soros G. The Age of Open Society («Foreign Policy». Summer 2000. P. 53).
[7] Bertram Ch. Interregnum («Foreign Policy». Summer 2000. P. 45).
[8] Цит. по: International Studies Review. Summer 1999. P. 115.
[9] Heisburg F. American Hegemony? Perceptions of the US Abroad («Survival», Winter 1999-2000, p. 16).
[10] The World in 2000. The Economist Publications. London, 2000, p. 86.
[11] Rielly J. (ed.) American Public Opinion and U.S. Foreign Policy, 1995, Chicago: Council on Foreign Relations, 1995, p. 24-25.
[12] «Survival», Winter 1999-2000, p. 112.
[13] OECD, Science, Technology, and Industry: Scoreboard of Indicators 1997. Paris, OECD, 1997; «New York Times», May 11, 1999, p.C1.
[14] «International Security», Summer 1999, p. 17 (note).
[15] Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 13).
[16] Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).
[17] Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 63).
[18] Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 96.
[19] Kegley Ch., Wittkopf E. American Foreign Policy. New York, 1996, p. 146.
[20] Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 96.
[21] Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 63).
[22] Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p. 18).
[23] Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 5).

[24] «The National Interest», Spring 2000, p. 53.
[25] Perry W. and Carter A. Preventive Defense: A New Security Strategy for America. Washington: Brookings Institution Press, 1999, p. 9-11.
[26] «New York Times», March 8, 1992, p. A14.
[27] «The National Interest», Spring 1999, p. 5.
[28] Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, 193.
[29] Baruah S. Globalization — Facing the Inevitable? («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 108).
[30] Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p.137).
[31] «Foreign Affairs», May/June 2000, p. 121.
[32] Barber B. Jihad vs Mc World: How the Planet is both Falling Apart and Coming together and What this Means for Democracy. N.Y., 1995, p. 299-301.
[33] Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 64.
[34] Huntington S. The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», Sept.-Oct. 1997).
[35] Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7).
[36] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston, 1994, p. 268.
[37] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 59).
[38] U.S. Department of Commerce, Office of Technology Policy. The New Innovators: Global Patenting Trends in Five Sectors. Washington, 1998.
[39] Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 2.
[40] Haas R. What to Do With American Primacy («Foreign Affairs», September/October 1999, p. 37).
[41] Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 64.
[42] Zuckerman M. A Second American Century («Foreign Affairs», May/June 1998, p. 31).
[43] Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/april 2000, p. 80).
[44] Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 46).
[45] Krauthammer Ch. The Unipolar Moment. («Foreign Affairs», Summer 1991, p.23-24).
[46] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 42).
[47] Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 67).
[48] Brands H. W. What America Owes the World: The Struggle for the Soul of Foreign Policy. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1998, p. VII.
[49] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 43).
[50] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 42).

[51] Zuckerman M. A Second American Century («Foreign Affairs», May-June 1998, p. 18-31).
[52] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 42).
[53] Kissinger H. Diplomacy. New York: Touchstone, 1994, p. 21.
[54] Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 195.
[55] Chace J. and Rizopulos N. Toward a New Concert of Nations. An American Perspective («World Policy Journal», Fall 1999, p. 2).
[56] Kennedy P. The Next American Century ? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).
[57] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 6).
[58] Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 69).
[59] Ikenberry J. America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).
[60] Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/april 2000, p. 81).
[61] Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 21).
[62] Joffe J. How America Does It («Foreign Affairs», 1997, N 5, p. 13-27).
[63] Lewis F. The 7 1/2 Directorate («Foreign Policy», 1991, N 2, p. 34-35).
[64] Kegley C. And Raymond G. A Multipolar Peace? Great Powers Politics in the 21st Century. N.Y., 1994, p. 195-196.
[65] Ashley R. Living on Border Lines. (In: Der Derian J., Shapiro M. — eds. International/Intertextual Relations. Lexington: Lexington Books, 1989, p. 264-265).
[66] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 5).
[67] «Foreign Service Journal», March 2000, p. 22.
[68] Maynes Ch. Pax Americana: The Impossible Dream («Foreign Service Journal», March 2000, p. 23).
[69] Maynes Ch. Pax Americana: The Impossible Dream («Foreign Service Journal», March 2000, p. 24).
[70] Parker J. Two new presidents (In: The World in 2000. The Economist Publication. London, 1999, p. 14).
[71] «World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 113.
[72] Cuthbertson I. Chaising the Chimera. Securing the Peace. («World Policy Journal», Summer 1999, p. 74).
[73] «The National Interest», Spring 1999, p. 9.
[74] Rosenau J. Along the Domestic-Foreign Frontier:Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997, p. 115.
[75] «Economist», May 13, 2000, p. 5.
[76] DeAnne J. Liberalisation, Foreign Investment and Economic Growth. Shell Selected Papers, 1993.
[77] Steinberg R. Reconciling Transatlanticism and Multilateralism (In: Burwell F., Daalder I. -eds. The United States and Europe in the Global Arena. London: Macmillan Press, 1999, p. 224).
[78] Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y., 1992.
[79] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 45).

[80] Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 82.
[81] Kaplan L. Meanwhile on the Left («The National Interest», Spring 2000, p. 154).
[82] Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 49).
[83] Held D. e.a. Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 4.
[84] Giddens A. Modernity and Self-identity. Cambridge: Polity Press, 1991; Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage; Albrow M. The Global Age. 1996, Cambridge: Polity Press; Connoly W. E. The Ethos of Pluralization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
[85] Amin S. Capitalism in the Age of Globalization. London: Zed Press, 1997; Benton L. From the world systems perspective to institutional world history:culture and economy in global theory («Journal of World History», N 7, 1996.
[86] Callinicos A. e. a. Marxism and the New Imperialism. London: Bookmarks, 1994.
[87] Glazer N. Two Cheers for «Asian Values» («The National Interest», Fall 1999, p. 27).
[88] Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review. Summer 1999, N 1, p.131).
[89] Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. N. Y., 1977.
[90] Ohmae K. The Borderless World. London: Collins, 1990; Ohmae K. The End of the Nation State. New York: Free Press, 1995, p. 5.
[91] World Bank. World Development Report 1995.
[92] Albrow M. The Global Age. Cambridge: Polity Press, 1996, p. 85.
[93] Ibid., p. 243-244.
[94] Doyle M. Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism. New York: W.W.Norton, 1997, p. 480-481.
[95] Rosenau J. Turbulence in World politics. Brighton: Harvester Wheatsheaf, 1990; Rosenau J. Along the Domestic-Foreign Frontier. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990; Giddens A. Beyond Left and Right. Cambridge, 1995.
[96] Castells M. The End of Millennium. Oxford: Blackwell, 1998.
[97] Giddens A. Globalization: a keynote address. UNRISD News, 1996, p. 15.
[98] Sassen S. Loosing Control? Sovereignty in an Age of Globalization. New York: Columbia University Press, 1996.
[99] Rosenau J. Along the Domestic-Foreign Frontier. Cambridge: Cambridge University Press. 1997, p. 4-5.
[100] Mann M. Has globalization ended the rise and rise of the nation-state («Review of International Political economy», 1997, N 4).
[101] Hoogvelt A. Globalisation and the Postcolonial World: The New Political Economy of Development. London: Macmillan, 1997.
[102] Sandel M. Democracy's Discontent. Cambridge: Harvard University Press. 1996.
[103] Keohane R. O. Hobbes' dilemma and institutional change in world politics: sovereignty in international society (Holm H. and Sorensen G.-

eds. Whose World Order? Boulder: Westview Press).
[104] Falk R. World Orders, Old and New («Current History», January 1999, p. 31-33.
[105] Strange S. The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, p. 4).
[106] Maynes Ch. W. America's Fading Commitments («World Policy Journal», Summer 1999, p. 18).
[107] Kaplan L. Meanwhile on the Left («The National Interest», Spring 2000, p. 153).
[108] Friedman Th. The Lexus and the Olive Tree. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1999, p. 46.
[109] Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 10).
[110] Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/Februaty 2000, p. 79).
[111] Clinton Bill. Remarks by the President at the United States Naval Academy Commencement, Annapolis, MD, May 22, 1998.
[112] Barber D. Jihad vs McWorld. New York: Times Books, 1995; Korton D. When Coporations Rule the World. West Hartford: Kumarian Press, 1995; Daly H. and Cobb J. For the Common Good: Redirecting the Economy toward Community, the Environment, and a Sustainable Future. Boston: Beacon Press, 1089; Buchanan P. The Great Betrayal: How American Sovereignty and Social Justice Are Being Sacrificed to the Gods of the Global Economy. New York: Little, Brown, 1998; Sir James Goldsmith. The Trap. New York: Caroll and Graf, 1994.
[113] Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 52.
[114] Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. New York, 1998, p. 16.
[115] Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 12).
[116] Hirst P. The Global Economy: Myths and Realities («International Affairs», N 73, 1997; Hirst P. and Thompson G. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity Press, 1996.
[117] Keohane R. And Nye J. Power and Interdependence in the Information Age. («Foreign Affairs», September/October 1998, p. 89).
[118] Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. New York: New Press, 1998, p. 4.
[119] Mathews J. Power Shift («Foreign Affairs', 1997, N 76, p. 50).
[120] *Krugman P. Pop Internationalism. Boston: MIT Press, 1996.*
[121] Tнompson G. and Allen J. Think global, then think again: economic globalization in context («Area», N 3, 1997).
[122] Broad R. and Cavanagh J. The Death of Washington Consensus? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 86).
[123] Ikenberry J. Don't Panic. How Secure Is Globalization's Future? («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 150).
[124] Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 47).
[125] Broad R. and Cavanagh J. The Death of the Washington Consensus? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 83).
[126] Kaplan L. Meanwhile on the Left («The National Interest», Spring 2000, p. 155).
[127] «World Policy Journal», Spring 1999, p. 96.

[128] «The National Interest», Spring 2000, p. 152.
[129] «The National Interest», Spring 2000, p. 152 — 153.
[130] Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/Februaty 2000, p. 79).
[131] Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. New York, 1998.
[132] Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 82.
[133] Friedman Th. The Lexus and the Olive Tree. New York: Farrar, Straus and Giroux,1999.
[134] Weiss L. The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era. Cambridge: Polity Press, 1998, p. 186.
[135] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 84-85).
[136] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 47).
[137] Wade R. Globalization and its Limits: Reports of the Death of the National Economy are Grossly Exaggeration (Berger S., Dore R. eds. National Diversity and Global Capitalism. Ithaca: Cornell University Press, 1996, p. 62).
[138] «Foreign Affairs», May/June 2000, p. 184.
[139] «World Policy Journal», Fall 1999, p. 82.
[140] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 85).
[141] Lawrence R. Workers and Economists II: Resist the Binge («Foreign Affairs», March/April 1994).
[142] Weiss L. The Myth of the Powerless State: Governing the Economy in a Global Era. Cambridge: Polity Press, 1998, p. 176.
[143] Heisburg F. American Hegemony? Perceptions of the US Abroad («Survival», Winter 1999-2000, p. 17).
[144] Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 97).
[145] Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 97).
[146] Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 9).
[147] Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/Februaty 2000, p. 83).
[148] Runge F. and Senauer B. A Removable Feast («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 39).
[149] «Strategic Analysis», June 1999, p. 366.
[150] Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p.109).
[151] Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/Februaty 2000, p. 84).
[152] Mazur J. Labor's New Internationalism («Foreign Affairs», January/Februaty 2000, p. 86).
[153] Kennedy P. The Global gales ahead. («New Statesman and Society», May 3, 1996, p. 28-29.
[154] Kennedy P. The Next American Century? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).
[155] Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World

Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 11).
156 Reinecke W. Global Public Policy («Foreign Affairs», Nov./Dec. 1997, p. 137).
157 «Foreign Policy», Fall 1999, p. 46.
158 Held D. e.a. Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999, p. 53.
159 Zacher M. International organizations (In: Krieger J. — ed. The Oxford Companion to Politics of the World. Oxford: Oxford University Press, 1993.
160 Kenichi Omae. The End of the Nation State. New York: Free Press, 1995.
161 Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 12).
162 Castells M. The End of Millennium. Oxford: Blackwell, 1998.
163 Kennedy P. The Next American Century? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).
164 Strange S. The Retreat of the State. Cambridge, 1996, p. 199.
165 Moynihan D. P. Pandemonium: Ethnicity in International Politics. New York: Oxford University Press, 1993, p. 83.
166 Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 51).
167 Enriques J. Too Many Flags? «Foreign Policy», Fall 1999, p. 31).
168 Hannum H. The Specter of Secession. Responding to Claims for Ethnic Self-Determination («Foreign Affairs», March-April 1998, p.13)
169 Hodge C. Op. cit., p.13
170 Buchheit L. Secession: The Legitimacy of Self-Determination. New Hawen, 1978, p.222
171 Crawford B. Explaining Defection from International Cooperation: Germany's Unilateral Recognition of Croatia («World Politics», July 1996, p. 482-521).
172 Fuller G. Redrowing the World Borders («World Policy Journal», Spring 1997, p.11).
173 «World Policy Journal», Spring 1997, p.16
174 Popper K. The Open Society and Its Enemies. Vol.2.Princeton, 1963, p. 49
175 Cobban A. The Nation State and National Self-Determination. New York, 1970, p.280
176 Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986, p.219
177 Ibid.,p.16
178 «World Policy Journal», Summer 1998, p. 30
179 Fuller G. Op. cit., p.17
180 Ibid., p.19
181 Blank S. Drift and Mastery. («European Security», Autumn 1997, p. 3).
182 Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p.61)
183 «World Policy Journal», Summer 1999, p. 1.
184 «Foreign Policy», Fall 1999, p. 42.
185 «Foreign Policy», Fall 1999, p. 44.
186 Ibid., p. 243-244.
187 Zakaria F. The challenges of American hegemony. («International Journal», Winter 1998-9, p. 24).
188 Mandelbaum M. The Future of Nationalism («The National Interest», Fall 1999, p. 19).
189 Rohde D. Kosovo Seething («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 77)/
190 Rieff D. A New Age of Liberal Imperialism? («World Policy Journal»,

Summer 1999, p. 3).
191 Rieff D. A New Age of Liberal Imperialism? («World Policy Journal», Summer 1999, p. 8).
192 Rosenau J. Along the Domestic-Foreign Frontier:Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997, p. 151-152.
193 Cuthberson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 79).
194 Miller J. and Broad W. Clinton Sees Threat of Germ Terrorism («International Herald Tribune», Jan. 23-24, 1999, p. 1).
195 The Weapons Proliferation Threat. Washington: Central Inteligence Agency, March 1995.
196 Gurr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p.64).
197 См. : Gurr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 64).
198 Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 41.
199 Paarlberg R. The Global Food Fight («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 26).
200 См.: Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, N 1, p.116).
201 Gurr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p.63).
202 Glennon M. The New Interventionism. The Search for a Just International Law («Foreign Affairs», May/June 1999, p. 3-7).
203 Kennedy P. Preparing for the Twenty-First Century. N.Y., 1993.
204 Kymlicka W. (ed). Introduction to: The Rights of Minority Cultures. New York: Oxford Press, 1995, p. 5.
205 Toffler A. and H. War and Anti-War. Survival at the Dawn of the 21st Century. Boston, 1993, p. 23.
206 Kaplan R. The Coming Anarchy («Atlantic», February 1994, p. 44-76; Kaplan M. The Ends of the Earth: A Journey at the Dawn of the Twenty-First Century. New York: Random House, 1996.
207 Toffler A. and H. War and Anti-War. Survival at the Dawn of the 21st Century. Boston, 1993, p. 242.
208 Mandelbaum M. The Future of Nationalism («The National Interest», Fall 1999, p. 22).
209 Mandelbaum M. Is Major War Obsolete? ('Survival», Fall 1998).
210 Woods N. Order, Globalization and Inequality in World Politics (In: Held D. and McGrew A. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 396).
211 Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 51).
212 Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 50).
213 Toffler Alvin and Heidi. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. London, 1994, p.299.
214 Curr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 59).
215 «World Policy Journal», Spring 1999, p. 98.
216 «Strategic Analysis», July 1999, p. 555.
217 Russet B., O'Neill and Sutterlin J. Breaking the Security Council restructuring logjam («Global Governance», N 2, 1996, p. 65-80).
218 Rivlin B. UN reform from the standpoint of the United States (In: «UN

University Lectures: 11. Tokio, 1996).

[219] Woods N. Order, Globalization and Inequality in World Politics (In: Held D. and McGrew A. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 393).

[220] Woods N. Order, Globalization and Inequality in World Politics (In: Held D. and McGrew A. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 394).

[221] Gold J. Voting and Decisions in the International Mohetary Fund. Washington, 1972, p. 18.

[222] Greider W. The American Military and the Consequences of Peace. N.Y.: Public Affairs, 1998.

[223] Maynes Ch. W. America's Fading Commitments («World Policy Journal», Summer 1999, p. 11).

[224] Rieff D. Sustaining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 97).

[225] Rieff D. Sustaining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 96).

[226] Maynes Ch. W. America's Fading Commitments («World Policy Journal», Summer 1999, p. 12).

[227] Cutter B., Spero J., Tyson L. A Democratic Approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 80).

[228] Maynes Ch. W. America's Fading Commitments («World Policy Journal», Summer 1999, p. 13).

[229] Garten G. The Big Ten: The Big Emerging Markets and How They Will Change Our Lives. New York: Basic Books, 1997.

[230] Scholte J. Can Globality Bring a Good Society? (Aulakh P. And Schechter M. (eds). Rethinking Globalization(s). London: Macmillan Press, 2000, p. 22).

[231] «Forbes», July 5, 1999.

[232] UNDP Report 1999, N. Y., 1999, p.3./

[233] «The National Interest», Summer 2000, p. 57.

[234] См.: Hirst P. The Global Economy — Myths and Realities («International Affairs», 1997, N73, p. 425).

[235] Hoogvelt A. Globalization and the Postcolonial World (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 355-356).

[236] Speth J.G. The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreigh Affairs», May/June 1999, p. 13-14).

[237] «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 83.

[238] Scholte J. Can Globality Bring a Good Society? (Aulakh P. And Schechter M. (eds). Rethinking Globalization(s). London: Macmillan Press, 2000, p. 23).

[239] Ibid., p. 14.

[240] «The National Interest», Summer 2000, p. 57.

[241] Globalization with a Human Face. UNDR Report 1999, N. Y., 1999, p. 4.

[242] Harrison L. Culture Matters («The National Interest», Summer 2000, p. 55).

[243] Globalization with a Human Face. UNDR Report 1999, N. Y., 1999, p. 5-6.

[244] Gardner G., Halweil B. Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. Worldwatch paper, N 150, W., March 2000, p. 7.

[245] Kapstein E. Reviving Aid. Or Does Charity Begin at Home? («World

Policy Journal», Fall 1999, p. 35).
[246] Gardner G., Halweil B. Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. Worldwatch paper, N 150, W., March 2000, p. 11.
[247] Haddad L., Ruel M., Garrett J. Are Urban Poverty and Undernutrition Growing? Discussion Paper N 63, Washington, IFPRI, April 1999.
[248] «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 83.
[249] Paarlberg R. The Global Food Fight («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 36).
[250] «The National Interest», Summer 2000, p. 56.
[251] Kapstein E. Reviving Aid. Or Does Charity Begin at Home? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 35).
[252] Gardner G., Halweil B. Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. Worldwatch paper, N 150, W., March 2000, p. 49.
[253] Development Assistance Committee, OECD, 1999.
[254] Kapstein E. Reviving Aid. Or Does Charity Begin at Home? («World Policy Journal», Fall 1999, p. 39).
[255] Schwenninger S. American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 69).
[256] Speth J.G. The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreigh Affairs», May/June 1999, p. 122.
[257] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston, 1994, p. 5.
[258] «Strategic Analysis», June 1999, p. 362.
[259] «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 31.
[260] Wallerstein I. Peace, Stability, and Legitimacy, 1990 -2025/2050.- In: Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy. Oslo.1996.
[261] Greider W. The American Military and the Consequences of Peace. N.Y.: Public Affairs, 1998.
[262] Ibidem.
[263] Gurmeet Kanval. The New World Order: An Appraisal-1.(«Strategic Analysis», June 1999, p. 352).
[264] Speth J.G. The Plight of the Poor. The United States Must Increase Development Aid («Foreigh Affairs», May/June 1999, p. 13).
[265] Kaufman S/ Approaches to Global Politics in the Twenty-first Century. A Review Essay// International Studies Review, p.201.
[266] Gurmeet Kanval. The New World Order: An Apprisal-1.(«Strategic Analysis», June 1999, p. 365).
[267] «Time», June 2000, p. 26.
[268] «Time», June 2000, p. 28.
[269] Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 117.
[270] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 271-271.
[271] Jervis R. The Future of World Politics (In: Lynn-Jones S. And Miller S.- eds. America's Strategy in a Changing World. Cambridge, 1993, p. 28).
[272] Borjas G. Immigration and Welfare. NBER Working Paper N 4872, September 1994, p.22.
[273] Pearson S. Total War 2006. The Future history of global conflict. London: Hodder and Stoughton, 1999, p. 8.
[274] Strange S. The Retreat of State. Cambridge, 1996, p. 102; Ferguson Y., Mansbach R. Global Politics at the Turn of the Millenium: Changing Bases of «US» and «Them» (« International Studies Review», p. 86).
[275] «Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 83.
[276] Schlesinger A. Has Democracy a Future? («Foreign Affairs», Sept./Oct.

1997, p. 6).
[277] «Foreign Affairs», Sept./Oct. 1997, p. 8.
[278] Kapstein E. Reviving Aid Or Does Charity Begin at Home?(«World Policy Journal», Fall 1999, p. 4).
[279] World Bank. Assessing Aid. New York: Oxford University Press, 1998, p.2-4, 27.
[280] Friedman Th. Globalisation is Here, Like it or Not. («Times of India», April 5, 1999).
[281] Fieldhouse D. The West and the Third World (In: Held D. and McGrew A. eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 362).
[282] World Population Prospects: 1999 Revision; UN, 1999, Demographic Yearbook; Council of Europe. Recent Demographic Developments in the Member States in OECD Long-term Prospects for the World Economy, 1992.
[283] Runge F. and Senauer B. A Removable Feast («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 40).
[284] Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 111.
[285] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 102.
[286] Franklin D. The conquistadors return (The World in 2000. London, The Economist Publications, 1999, p. 22).
[287] Population Projections of the United States, by Age, Sex, Race, and Hispanic Origin: 1991 to 2050. Wash., 1992.
[288] Runge F. and Senauer B. A Removable Feast («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 40).
[289] Runge F. and Senauer B. A Removable Feast («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 41).
[290] «Time», July 3, 2000, p. 22.
[291] Landes D. On Wealth and Powerty of Nations. N.Y., 1999, p. 530
[292] Held D. t. a. Global Transformations. Cambridge: Polity Press, 1999, p. 6.
[293] Harrison L. Culture Matters («The National Interest», Summer 2000, p.59).
[294] Harrison L. Culture Matters («The National Interest», Summer 2000, p.59).
[295] Sakakibara Eisuke. The End of Progressivism — A Search for New Goals. («Foreign Affairs», September/Oktober 1995, p. 8-14).
[296] Abrams E. To Fight the Good Fight («The National Interst», Spring 2000, p. 74).
[297] Franck Th. Tribe, Nation, World: Self-Identification in the Evolving International System// Ethics and International Affairs. 1997, N 11, p. 151.
[298] Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy (In: Held D. and McGrew A. -eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 230).
[299] Smith A. Toward a Global Culture? (In: Held D. and McGrew A. -eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 244-245).
[300] Toffler A. and H. War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century. London, 1994, p. 338-339.
[301] «The National Interst», Spring 2000, p. 74.
[302] Huntington S. The Clash of Civilization? («Foreign Affairs», Summer 1993, p. 22).
[303] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston, 1994, p. 154.
[304] Barber B. Jihad vs McWorld: How the Planet is Both Falling Apart and Coming Together and What This Means for Democracy. N.Y.1995.
[305] Curr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 61).
[306] Curr T. Ethnic Warfare on the Wane («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 63).

[307] «Strategic Analysis», June 1999, p. 364.
[308] Sakakibara Eisuke. The End of Progressivism — A Search for New Goals. («Foreign Affairs», September/Oktober 1995, p. 12-13).
[309] Smith A. Towards a Global Culture? (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 245).
[310] Smith A. Towards a Global Culture? (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 240).
[311] Smith A. Towards a Global Culture? (Held D. and McGrew A. — eds. The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity Press, 2000, p. 240-241).
[312] Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.,1996, p. 76.
[313] Schell J. The Folly of Arms Control («Foreign Affirs», September/October 2000, p. 28).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 8

ОДНОПОЛЮСНЫЙ МИР

Экстраполяция обозначенных в предшествующих главах факторов и тенденций создает *четыре* основных сценария будущего.

Первый определяется всемогуществом Соединенных Штатов, имеющим шансы продлиться на десятилетия. Почти ничто на горизонте не предполагает немотивированного и внезапного ослабления Америки, и немалое число наблюдателей склонны согласиться с предсказанием английского футуролога X. Макрэя: «Американская военная мощь, единство нации, ее размеры и показатели, по-видимому, еще на одно поколение обеспечат Соединенным Штатам политическое лидерство в мире. Ни один из двух других развитых регионов — Европа или Восточная Азия — не имеет такой комбинации элементов могущества»[1]. Пределы этому периоду американской гегемонии могут положить лишь объединение конкурентов или зарождение национальной апатии.

Второй сценарий, предполагающий переход однополюсного мира в *биполярный,* исходит из появления у Соединенных Штатов глобально значимых конкурентов, прежде всего в лице поднимающегося Китая или (и) Европейского союза, складывания ожидаемых и неожиданных коалиций, чье самоутверждение сразу же вернет из прошлого картину дипломатического баланса сил. Гегемония не может быть приемлемой схемой, на нее соглашаются по принуждению или из страха перед хаосом. При малейшей же возможности гордые своим прошлым (что закрепляет устойчивые черты самосознания) державы воспользуются шансом для выхода из-под самой благожелательной опеки. Такова психика человека и такова история мира. Биполярность же обычно вызывает устойчивую поляризацию международного сообщества, ок-

ружение державы-полюса кругом союзников, подопечных, клиентов. Противостояние может длиться долгие годы.

В качестве *третьего* сценария предстает схема *многополярного* мира, в котором прежний гегемон совместными действиями соперников теряет главенствующие позиции. В этом случае собственной зоной влияния окружен уже значительный ряд государств, таких как КНР, Германия, Россия, Индия, Бразилия. И эта схема хорошо знакома мировой истории, в данном случае происходит сложное взаимодействие самых разнородных сил, мировая история представит собой сочетание мирных периодов и конфликтных ситуаций, постоянные поиски более удобных партнеров, конкуренцию за зоны влияния и стремление расширить круг клиентов.

Четвертый сценарий мирового развития предполагает параллельное сосуществование шести или семи цивилизаций, утверждающих себя в качестве самодостаточных и самостоятельных центров мирового развития. По этому пути человечество пойдет, скорее всего, лишь в случае краха модернизационной идеологии, крупных общенациональных разочарований мнимым прогрессом со стороны ряда ключевых стран, неожиданного подъема автохтонных начал — таких как подъем основных мировых религий (среди разочарованного бездуховным материализмом и тщетой пробиться в авангард развития населения).

Пятый сценарий дает примеры апокалиптического видения мира. Приведены несколько вариантов крупнейших международных катаклизмов, перехода от мирного развития к спазмам силовых решений, к силовому разрешению назревающих геополитических, экономических, культурно-цивилизационных противоречий. Упор сделан не на том, как конкретно будет протекать очередной многоплановый международный кризис, а на том, что практически все отдельно взятые ходы этого кризиса *возможны и вероятны*. В политологическом сообществе не должно быть места самоуспокоению. К сожалению, апокалипсис возможен. Человечество проделало огромный путь от колеса и лучины, но оно сохранило потенциал агрессивности, непомерной гордыни и презрения к компромиссам.

Попытаемся непредвзято взглянуть на наше возможное будущее.

Возможность гегемонии. Прогноз большинства футурологов в отношении возможности продления на будущее превосходных современных показателей Америки, в отношении сохранения ею исключительных мировых позиций, обретенных между 1942—

1992 годами, сводится к тому, что заокеанская республика имеет все возможности в течение нескольких десятилетий владеть ключевыми мировыми позициями в Северной Америке, в Западном полушарии, в Западной Европе и Восточной Азии, во всех четырех океанах и космосе, в военной мощи и военных исследованиях, на основных мировых рынках, в науке и практических разработках, в информационной революции, в производительности труда, в привлечении наиболее талантливых иммигрантов, в мировом университетском образовании, в ведущих средствах масс-медиа, в популярной культуре, в привлечении молодежных симпатий и в международной помощи. Практически Америке обеспечены десятилетия сильнейшего воздействия на мир и на ход мировой эволюции.

Действуя в качестве прототипа экономики нового образца, США увеличивают мощь своей индустриальной поступи и военного могущества, что позволяет им сохранять глобальное влияние. Складывается впечатление, что умелая мобилизация американских ресурсов и ослабление потенциальных противников может обеспечить Соединенным Штатам положение лидирующей державы мира как минимум на 20 лет в будущем. Даже самые критичные аналитики (в данном случае Д. Риеф из Института мировой политики, Вашингтон) приходят к выводу о прочности обретенных Америкой позиций. Незачем ломать копья: «В начале нового тысячелетия кажется очевидным, что ни одно государство и никакой союз государств не сможет в обозримом будущем посягать на гегемонию Соединенных Штатов — в традиционном понимании этого термина»[2]. Такие исследовательские центры, как аналитическая служба влиятельнейшего британского журнала «Экономист», тиражируют свой вывод о безосновательности сомнений в дальнейшем бурном росте экономики США и соответствующего роста их могущества[3].

Итак, возможности налицо. Соответствуют ли им воля, национальная устремленность, чувство миссии в этом мире, массовое жертвенное восприятие этой особой ситуации не только элитой, но и собственно американским народом? Возникает вопрос об американских национальных приоритетах. Может ли единственная сверхдержава, обладающая феноменальными материальными возможностями, способная обойтись без помощи других стран, не воспользоваться предоставленной ей историей возможностью?

Едва ли. Сторонники, апологеты и вожди однополюсной гегемонии призывают американскую элиту воспользоваться редчайшим и бесценным историческим шансом. «Соединенные Штаты совершенно явственно предпочли бы однополюсную систему, в которой они были бы гегемоном»[4].

Мировая история подсказывает футурологии: Соединенные Штаты не преминут воспользоваться редчайшей исторической возможностью. В этом случае главной геополитической чертой мировой эволюции станет формирование *однополярной мировой структуры*. Америка прилагает (и будет в обозримом будущем прилагать) огромные усилия по консолидации своего главенствующего положения. С этим выводом согласны наблюдатели за пределами страны-гегемона, да и сами американские прогнозисты: «Соединенные Штаты сознательно встанут на путь империалистической политики, направленной на глобальную гегемонию. Они (США) умножат усилия, выделяя все более растущую долю ресурсов на амбициозные интервенции в мировом масштабе»[5]. Свернуть с этой дороги пока не сможет ни один ответственный американский политический деятель, любой президент должен будет опираться на массовое приятие страной своего положения и миссии. Уже сейчас высказывается твердое убеждение, что «еще не одно поколение американцев будет готово идти этой дорогой: тяжело отказываться от всемогущества»[6].

Будет ли безусловный лидер стремиться к отчетливо заявленной *гегемонии?* Причиной *неприкрытого самоутверждения* мог бы быть некий внешний вызов (скажем, массовый всплеск международного терроризма). Катализатором демонстративного гегемонизма могли бы стать несколько интервенций типа косовской — если они будут краткосрочными, малокровными и успешными. В пользу своего рода институционализации гегемонизации могло бы действовать давление американских и транснациональных корпораций, банков и фондов на правительство США с целью получения доступа к новым инвестиционным рынкам, рынкам сбыта, источникам сырья; эти организации по своей природе стремятся расширить зону предсказуемости, зону упорядоченности прав собственности, стандартов оценки банкротства, разрешения конфликтов, унификации гражданских и профсоюзных прав, женского равноправия, демократии и защиты окружающей среды — готовя тем самым благоприятную для контрольных позиций США почву.

Существуют внутри- и внегосударственные группы, выступающие против распространения наркотиков, терроризма, геноцида, преступлений против человечности и так далее. Эти группы оказывают давление на правительство США с целью активизации внешней политики, расширения зоны воздействия на законодательство иных стран с целью изменения их, законов, конституций, правил поведения в соответствии с американскими стандартами[7].

Учитывая все вышесказанное, мало оснований для сомнений в том, что США постараются воспользоваться исключительно благоприятными обстоятельствами для своеобразной формы контроля над труднопредсказуемым мировым развитием, который обеспечит Соединенным Штатам многие годы исключительных возможностей и прав — речь идет о 20-30 годах своего рода Pax Americana. Если США сохранят Организацию Североатлантического договора до 2050 г. (то есть блокируют военную самостоятельность Западной Европы), они останутся главной военной силой мира.

Продолжительность. В случае с американской гегемонией четыре фактора сыграют решающую роль: наличие ресурсов, твердость национальной воли, успешная стратегия и дипломатия, привлекательность своего общества.

Насколько долго продлится наступающий «американский век»? История говорит, что доминирование может быть продолжительным, гегемония может оказаться долговременной — о чем говорит история, скажем, Рима или Византии. Столетие длилось преобладание Британии. Причина исторической устойчивости «пирамид доминирования», полагает американец Д. Уилкинсон, в том, что «однополярность является внутренне стабильной и может длиться десятилетия. Однополюсная конфигурация обладает внутренними саморегулирующими факторами»[8]. Дисциплина, пусть даже навязанная, лучше хаоса. В однополюсном мире быстрее разрешаются возникающие конфликты, он внутренне эффективнее менее централизованных систем.

Австралийский политолог К. Белл предполагает, что гегемония Америки будет длиться как минимум еще сорок лет, а может быть, и значительно дольше — многое будет зависеть от американской стратегии. Долговременная гегемония принесет революционные перемены в окружающий мир, она «внесет серьезные изменения в самые старые — в самые базовые нормы и соглашения, которыми долгое время руководствовалось сообщество государств»[9].

Раз установившуюся, американскую гегемонию будет чрезвычайно трудно низвести с пьедестала в свете приверженности всего мирового авангарда — западных демократий общим принципам открытости, взаимности, многосторонности, общим экономическим и политическим основам, общим институтам развитого индустриального мира. Для потенциального государства-противника становится все более сложным ввести в мировой обиход новую совокупность принципов. По мнению американского исследовате-

ля Р. Фалька, американская гегемония «становится в высшей степени институционализированной. Лишь крупномасштабная война или мировой экономический кризис могут нанести удар по американской гегемонии. Если даже большая коалиция государств выдвинет альтернативный тип порядка, для того, чтобы быть принятым, благо перемен должно быть слишком очевидным, а это трудно себе представить. Пока на горизонте нет достойных претендентов»[10].

И они не скоро появятся — столь велико американское могущество. Реальностью современного мира является то, что лишь несколько крупных держав способны в будущем радикально воздействовать на международный мир, стабильность и процветание. Большинство из них пока либо дружественны Соединенным Штатам, либо испытывают ту или иную форму зависимости. Поразительным образом потенциальные противники крайне осторожны и не рискуют противопоставить себя американской мощи. Дж. Айкенбери: «Не видно признаков того, что некие страны приступают к фазе создания контрбаланса американской мощи»[11].

В ходе дебатов в американской политологии выделились *четыре* подхода к реализации американской гегемонии в двадцать первом веке.

1. Гегемонистский реализм. Если искать исторические истоки этого направления, то на ум приходит именно указанный столетней давности «универсализм» президента Теодора Рузвельта, давшего немеркнущую метафору о необходимости говорить мягко, неся большую дубину (1), и ожесточенный рейганизм 1980-х годов (2). Такие идеологи консерватизма, как Р. Каган, считают, что *реализм мирового гегемона* должен идти не от идеалиста Вудро Вильсона, а от Теодора Рузвельта с его «практичным идеализмом, идеализмом без утопий, национализмом интернационального толка, вооруженным либерализмом»[12]. Главное свойство современного варианта этой философии заключается в том, что «американские националисты предпочитают махать большой дубиной и делают это сами, не прячась за спины коалиции, действуют односторонне. Они полагают, что Соединенные Штаты несут особые обязательства по сохранению мирового геополитического и морального международного порядка, который они смело называют *просвещенной империей*»[13].

Консервативные политологи, в частности, группирующиеся вокруг журнала «Уикли стандарт», такие как У. Кристол и Р. Каган (занимавшие видные места в администрации Буша), напомнили читающей публике слова патриарха американского политического

реализма Г. Моргентау о том, что «человеческая природа, из которой черпаются законы политики, не изменилась со времен классической философии Древних Китая, Индии и Греции, где были сформулированы эти законы». А если это утверждение справедливо, от современных государств не следует ожидать более разумного поведения, чем у их древних предшественников. У Америки не должно быть иллюзий относительно того, что борьба за влияние в мире перманентна и будет продолжаться. Сильнейшая держава современного мира должна постоянно думать о перспективах своей исторической эволюции, исходя из того, что международная политика всегда будет безжалостной битвой за доминирование.

А если мир всегда будет джунглями, где правила диктует сильнейший, то не следует предаваться розовым иллюзиям — напротив, необходимо крепить силовую базу могущества и, в условиях временного ослабления *всех* потенциальных конкурентов, определить правила международного порядка, благоприятные для гегемона. Исходя их этого постулата весьма влиятельная группа американских теоретиков, для которых достижение мировой гегемонии стало легитимной и вдохновляющей национальной целью, приняли вариант *гегемонистского реализма*. Суть этого подхода американских неоконсерваторов заключается в том, что «благожелательная глобальная гегемония» Соединенных Штатов должна основываться на растущем военном бюджете, на очищении внешней политики страны от беспочвенных иллюзий, на целенаправленной дипломатической деятельности, поддерживающей союзников и наказывающей (потенциальных) противников.

Согласно известному американскому специалисту Р. Такеру, «гегемонистическая мощь Америки определяет ее особую ответственность за мировой порядок, который может быть установлен только посредством инструментов американской мощи»[14]. Вышеупомянутый «Уикли стандарт» декретирует, что внешняя политика должна иметь «три основы — военную мощь, высокую мораль и господство... Соединенные Штаты достигли нынешнего силового могущества не посредством принципа «живи сам и давай жить другим», не пассивным ожиданием возникающих вдали угроз, а именно активным утверждением в мире американских принципов управления — демократии, свободного рынка, уважения к свободе». Энергичная внешняя политика, не исключающая вторжений за пределами страны и интервенции «породит,— утверждают сторонники этой школы,— уверенность в силе нашей воли, будет способствовать поддержке наших усилий внутри страны и за ее пределами»[15].

В свете этого:

— США должны открыто стремиться к гегемонии — природа не терпит пустоты и, если миром будет управлять не Вашингтон, то центр мирового могущества просто сместится в другую столицу. Пусть лучше Америка управляет миром, чем некто другой в этом мире будет управлять Америкой.

— Внутренне склонная к анархии, международная система нуждается в разумном контроле; США ныне — единственная страна, способная осуществлять этот контроль, альтернатива — хаос.

— США просто обязаны перед своим народом и историей преградить путь любому претенденту на мировое лидерство, лишить этих претендентов средств достижения гегемонии, ослабить их силовой потенциал.

— Возможно, никто не любит гегемона, но США будут более терпимым и гуманным гегемоном, чем кто-либо другой, более сдержанным, менее агрессивным, более склонным осуществлять гуманитарную опеку.

— Возникает шанс создания лучшего мира — на основе демократических ценностей и преимуществ рыночной экономики. Этот исторический шанс не должен быть упущен[16].

Можно утверждать, что эти упорные интеллектуальные усилия с наибольшей силой сказались на воззрениях военного и разведывательного сообществ в США. В результате, возможно, наилучшим образом *гегемонистский реализм* характеризует увидевший свет в конце 1992 года меморандум Пентагона, который поставил задачу *«всеми силами противостоять стране или группе стран, препятствующих реализации американских интересов»*. Этот документ со всей прямотой призвал *«не только воспрепятствовать возникновению еще одной угрозы из Москвы, но сделать так, чтобы американские союзники, особенно Германия и Япония, остались в зависимом состоянии»*[17].

Нужно оговориться, что, смущенная откровенностью постановки вопроса, ушедшая с национальной арены в 1992 году администрация Буша постаралась представить меморандум американских военных как проходной рабочий документ. Возможно, это и так. Но идеи *воспользоваться историческим шансом* имеют не только отвлеченно-теоретическую, но и практическую сторону, говорящую о реальной значимости идей. А в этом — практическом отношении релевантность меморандума 1992 года очевидна. Официальный Вашингтон продолжает сохранять военные базы в 35 странах — прежде всего в Германии и Японии — а с 1997 года

начал увеличивать американский военный бюджет с низшей точки в 270 млрд. долл. до 310 млрд. долл. в завершающем век финансовом году.

Развивая прежние постулаты, стратегическая мысль руководства вооруженных сил США продолжила движение в уже обозначенном направлении. К концу десятилетия в Пентагоне был создан базирующийся на прежних идеях документ под названием «Совместное видение мира 2000», который ставит перед Соединенными Штатами грандиозную цель: *«Сохранить способность победить быстро и самым убедительным образом в ряде происходящих синхронно операций, или другими словами, Сохранить Доминирование по Всему Спектру»*[18].

На рубеже третьего тысячелетия американская военная и политическая элита ставят перед собой задачу «достичь такого уровня абсолютного доминирования, когда Соединенные Штаты превзойдут всех противников уже одним лишь внушением *ужаса* перед американской мощью, делая тем самым непосредственное ведение войны ненужным. Доминирование, предусматриваемое «Совместным видением 2010», предполагает овладение могуществом, невиданным еще в истории человечества»[19]. Особое внимание в указанном документе сконцентрировано на угрозах, создаваемых глобализацией (американские военные говорят о них как об «асимметричных угрозах»),— терроризм, преступность, религиозный фанатизм, амбициозные политики тиранического типа, вожди анархии, возжелавшие власти и влияния ученые. Достижение доминирования в американском планировании не исключает даже угрозу использования оружия массового поражения.

В аналитической мысли *гегемонистских реалистов* указанные пентагоновские документы рассматриваются как программная ориентация курса США.

Вот как формулирует цели США в мире один из ведущих «практикующих» американских политологов, советница обоих Бушей (и специалист по России) К. Райс:

— обеспечить Америке способность военными средствами предотвратить любой силовой конфликт, сделать американскую мощь готовой сражаться за свои интересы в том случае, если сдерживание не сработает;

— расширить возможности экономического роста посредством снятия тарифных барьеров, распространения свободной торговли и стабилизации международной валютной системы;

— гарантировать прочные и тесные взаимоотношения с союзниками, которые разделяют американские ценности и готовы разделить экономическое бремя в достижении этих ценностей;

— сфокусировать американскую энергию на достижении выгодных всеобъемлющих отношений с крупными мировыми силами, особенно с Россией и Китаем, которые могут участвовать в определении характера будущего мирового политического расклада;

— решительно противодействовать государствам-париям и враждебным странам, представляющим растущую угрозу с точки зрения терроризма и вооружения средствами массового поражения[20].

К. Райс полагает, что «военная готовность займет в будущем центральное место. Американские технологические преимущества должны быть использованы для построения сил, более легких в перемещениях и более смертоносных по своей огневой мощи, более мобильных и гибких, способных наносить удары точно и с большого расстояния»[21].

Приверженцы *гегемонистического реализма* вынуждены признать, что в конечном счете многочисленные недовольные в мировом сообществе могут восстать против гегемона и — как учит история — лишить их мирового пьедестала. Но этот тяжелый миг следует отнести как можно далее в будущее, сколь бы дорогой ни была цена этого. Несколько десятков миллиардов долларов увеличенного военного бюджета — относительно малая цена за безопасность и преобладание.

Никто в администрации президента Клинтона не дезавуировал столь грандиозные цели. В то же время конкурирующая республиканская партия в этом отношении разделяет убеждения демократических соперников. Республиканцы Р. Каган и У. Кристол: «Целью американской внешней политики является сохранение гегемонии так долго в будущем, насколько это возможно». Устремившиеся в 2000 году к Белому дому республиканцы сделали своим *кредо* схожие идейные постулаты.

2. *Умеренный реализм*. Немалое число тех, кто в американской политической элите причисляет себя к реалистам, смущены прямым фактическим призывом править миром в условиях единовластной мировой гегемонии. Их не устраивает излишняя прямолинейность, их шокирует беспардонное самоутверждение, их пугает реакция других стран на неприкрытую мировую претензию. Подобная неосмотрительность, полагают реалисты-критики открытого гегемонизма, ослабит позиции США скорее всего. Реализм вовсе не равен прямолинейному движению собственным курсом. Требуется более тонкий подход.

Прежде всего такие представители клинтоновского министерства обороны, как У. Перри, Дж. Най, А. Картер, призывают не забывать сути оборонных усилий Соединенных Штатов — защита

Североамериканского континента (1) и Североатлантического региона (2). Уход с центра на периферию, перенесение центра приложения усилий на дальние страны — в ущерб подлинно значимым — отвлечет критически важные ресурсы, завяжет Америку на решение второстепенных задач, подорвет моральные и физические ресурсы. Поэтому при выработке стратегии очень важно отделить первостепенные угрозы (и задачи) от второстепенных — действуя лишь таким образом, США могут сохранить необходимые им жизненные силы. Группа теоретиков и политиков, которых мы называем *умеренные реалисты,* выделяют три категории угроз:

— непосредственно угрозы американскому будущему. В указанном смысле речь может идти о грядущем вызове Китая, о «веймарском» синдроме России, о распространении оружия массового поражения в направлении «государств-париев»;

— региональные войны, прежде всего в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии — от Ирака до Северной Кореи;

— важные международные проблемы, не затрагивающие собственно американских интересов (конфликты типа косовского, Босния, Руанда, Сомали, Гаити, Сьерра-Леоне).

Умеренные реалисты не верят в то, что в будущем рациональный и приемлемый для большинства мир возникнет благодаря распространению гуманитарных идеалов, принятию мировым сообществом общих ценностей, общего символа веры. В мире будущего по-прежнему будут править интересы, стремление к безопасности, правильная или ложная оценка ситуации. Мир будет оставаться местом разрешения споров, столкновения взаимоисключающих курсов, стремления вынести на внешнюю арену внутренние конфликты. В этой ситуации с точки зрения национальных интересов Америки было бы глубоко ошибочно становиться защитником мирового *статус-кво,* было бы неверно концентрироваться на конфликтах *третьей* категории — бесконечных локальных спорах с одновременным ослаблением интереса к проблемам *первой* группы. *Умеренные реалисты* указывают на строгую необходимость:

— обращения к внешнему миру исходя из очередности приоритетов. В качестве иллюстрации можно указать, что представители этой школы поддерживали применение американской военной силы в Персидском заливе (ведь речь шла о стратегическом сырье), но не в Косове или забытой Богом Сьерра-Леоне;

— необходимой видится им выработка шкалы мер невоенного характера в разрешении неизбежных международных проблем. Экономическая помощь, вовлечение в торговый оборот, предос-

тавление части американского рынка видятся ими столь же эффективными средствами манипуляции потенциальными партнерами, как и прямое силовое воздействие;

— очень важное положение этой школы заключается в признании ошибочности сугубо односторонней политики — в этом случае потенциал США подвергнется ненужному напряжению. Американский шериф не должен быть одиночкой. Вместо проповедей среди неверующих, утверждает Р. Хаас из Брукингского института, Соединенные Штаты должны привлекать для поддержки своей политики союзников и нейтралов, создавать широкую коалицию своих помощников во всем мире, схожую с альянсом времен холодной войны[22].

Умеренные реалисты призывают отставить безоглядность и действовать исходя из шкалы собственных ценностей. У Соединенных Штатов в этом случае есть все шансы сохранить и внутренние силы и главенствующее положение в мире. «Если оставаться в пределах взглядов школы реальполитик,— пишет Э. Эбрамс,— просто невероятно представить себе будущее, в котором своими мощными дипломатическими усилиями Америка не смогла бы собрать силы в поддержку действий, которые она считает необходимыми для себя. Более того, наше военное доминирование делает любую международную интервенцию, осуществляемую вопреки нам, очень трудной и даже практически невозможной»[23].

Это влиятельная школа со старой традицией, и ее влияние в будущем скорее всего будет весьма ощутимым.

3. *Гегемонистский либерализм.* Это направление включает в себя либералов, которые не хотели бы ассоциироваться с теориями жесткого реализма и силового удержания мирового баланса. Холодная, строго себялюбивая отстраненность во внешней политике для них неприемлема. Откровенная битва за эгоистически определенные национальные интересы им претит, равно как и циничный выбор важных и неважных регионов. Но *гегемонистские либералы* признают, что мир несовершенен, что на пути США могут встретиться опасные угрозы и, владея непревзойденной американской мощью, следует высоко держать знамя либеральных принципов и воспротивиться посягательствам на них преступных, безответственных режимов.

Америка могуча как никогда, она расходует на военные нужды на 20% больше всех своих европейских и азиатских партнеров и союзников вместе взятых. Если Соединенные Штаты не будут дисциплинировать мир, тогда зачем они расходуют так много средств на военные нужды? И нетрудно представить, как быстро упадет авторитет Америки, если она не будет наказывать буянов.

При этом не следует преувеличивать тягот лидерства. Либералы этого направления признают сложные реалии современной жизни, но верят в способность Америки справиться с этими проблемами без *одиозного* насилия. В конечном счете, кто может бросить вызов Америке? Китай с его 149 стратегическими ядерными боеголовками и техникой уровня 50-х годов? Теряющая свою мощь Россия, чье военное производство ныне составляет менее 15% от уровня 1991 года? КНДР, Иран, Ирак, Сирия, Куба, чей совокупный военный бюджет не составляет и 2% американского, чья экономика в руинах, чей жизненный уровень падает?

Издатель журнала «Ньюсуик» М. Элиот отмечает: «Прежнее определение национального интереса не указывает на то, за что стоило бы сражаться сейчас по той причине, что в современном мире *не существует* подлинной угрозы развитым демократиям. Какие бы войны ни вела Америка в XXI веке, можно с определенностью сказать, что ни одна из них не будет напоминать вторую мировую войну. Но многие грядущие войны будут напоминать косовский конфликт»[24]. Поэтому не следует драматизировать события и воспринимать каждое несогласное с американским выступление за угрозу национальному существованию страны. А следует градуировать угрозы демократии и свободному рынку, следует помимо страшного ядерного меча иметь достаточно гибкие конвенциональные рычаги, с тем чтобы не завышать планку очередного конфликта.

Рассуждая в том же духе, заместитель главного редактора журнала «Уорлд полиси джорнэл» Д. Риефф предлагает использовать военное превосходство Америки не для жесткого утверждения гегемонии (так остро воспринимаемой Китаем, Россией, Японией, Германией), а для наведения порядка в нецивилизованных углах, вроде Руанды и Сьерра-Леоне. Америка должна помогать там, где менее мощные державы отстают, где она может показать пример гуманного поведения, более цивилизованного морального стандарта. «Америка — это взрослый, оказавшийся на школьной игровой площадке, где жестокие подростки избивают беззащитных детей. Не имеет ли взрослый морального обязательства остановить злоупотребление силой?»[25]

Сторонники этой точки зрения уверены, что устаревшие ооновские запреты можно нарушать ради торжества действенного гуманизма и мирового порядка. И Америка наступившего века будет проводником этих принципов. Силой, если понадобится.

Данное направление обрело значительный вес среди американских либералов, среди влиятельных политиков, связанных с международным бизнесом классом менеджеров, среди влиятель-

ных журналистов, в среде политологов, стремящихся избежать выхода Америки на ненужную прямолинейность и агрессивность.

4. *Новые либеральные интернационалисты*. Они более осторожны в отношении способов реализации либерального гегемонизма. Их теоретические построения базируются на тезисе, что демократические государства значительно реже вступают в конфликты между собой, чем автократические и нелиберальные государства (особенно активен в отстаивании этого тезиса американец М. Дойл). Отсюда задача Соединенных Штатов: посредством свободной торговли и открытого рынка способствовать формированию среднего класса, который является движущей силой демократических преобразований. США должны не озираться в поисках возможного соперника, а укреплять в мире идеологию, автоматически делающую Америку лидером.

Как пишет Фред Бергстен, *«Соединенные Штаты должны либо приспособиться к новым условиям, либо вести длительные арьергардные действия, все более дорогостоящие и бессмысленные — подобные тем, которые осуществляла Британия на протяжении десятилетий после того, как их лидерство было поколеблено»*[26].

В воззрениях сторонников этого подхода слышны отголоски движения за вильсоновскую Лигу Наций и рузвельтовских мечтаний об ООН как ответе на насилие в мире, которое, с точки зрения *либеральных националистов*, уже не может никому принести позитивных результатов. Процесс глобализации делает войны бессмысленными и уж никак не прибыльными для все большего числа стран. «В начавшийся после окончания холодной войны период,— пишет Ч.-У. Мейнс,— завоевания не могут принести с собой обогащения; напротив, они влекут за собой лишь огромные расходы. И нельзя заставить завоеванные народы согласиться со своей участью — они будут сражаться вплоть до своего освобождения... Германия, например, не стала бы богаче и влиятельнее, если бы снова попыталась захватить часть территории своих соседей»[27].

Сторонники либерального мирового порядка полагают, что новые угрозы безопасности в мире являются общими для всего земного населения. Свободная мировая торговля будет благом для всех. И напротив: загрязнение атмосферы или всеобщее потепление климата будут общей бедой.

Обращаясь к проблеме гегемонии, сторонники *либерального мирового порядка* предпочли бы, чтобы США увеличивали не свой военный бюджет, а помощь нуждающимся, финансирование

международного сотрудничества и охраны окружающей среды, увеличивали бы помощь входящим в мировой рынок странам. Либеральные интернационалисты считают, что Америка *морально* обязана взять на себя ответственность за мировой порядок. В США это видится многими как осуществление национальной судьбы, как продолжение моральных обязательств нации. Как страна, более других заинтересованная в сохранении статус кво, Америка всегда выиграет от введения и укрепления общих правил игры, общих сдерживающих механизмов. Успешное международное сотрудничество *по правилам*, а не самостоятельное плавание в бурном море меняющейся мировой политики, могло бы обеспечить долговременность особого положения Америки в мире.

Такие теоретики, как Ч. Капчен из Совета по международным отношениям, утверждают, что в высших интересах Америки было бы *заранее* приготовиться к спуску с вершины. Было бы гораздо мудрее и безопаснее идти впереди «кривой линии истории», заранее создавая более безопасную комбинацию международных сил, чем однажды найти себя неспособным ответить на новые вызовы мировой эволюции. «Возникающая новая система потребует для своего создания еще одно или два десятилетия. Но курс Вашингтона может уже сейчас стать определяющим обстоятельством — возникнет ли многополярная система мирно, или ворвется с соперничеством, которое так часто приводило в прошлом к войнам великих держав»[28].

Обобщая рассмотрение четырех вышеуказанных направлений, следует отметить, что, во всем спектре американских идеологических направлений происходит заметный отход от символа веры предшествующего поколения — безусловного уважения международных установлений и законов. Еще совсем недавно — в 1986 году совершенно революционно и почти маргинально звучали мысли Ч. Краутхаммера о том, что «уважение суверенитета не является моральным императивом» и что «существуют ценности, ради достижения которых возможно ограничение суверенитета отдельных стран»[29]. После Косова и натовских доктринальных изменений эти мысли уже не смотрятся еретически-революционными. «Сегодня мысли Краутхаммера,— пишет американский исследователь Фарид Закария,— кажутся самоочевидными, почти банальными»[30]. Такая «революция в мышлении» не может не породить внешний отклик.

То, к какому выводу придет Америка в результате этих дебатов, будет одним из самых важных обстоятельств, определяющих наступающий век. Скорее всего, на вопрос о форме, пределах и

функциях *гегемонии* не будет дан кристально ясный ответ. Но большинство человечества на себе ощутит этот ответ. И трудно представить себе, что по зрелому размышлению Америка отвернется от мира. Реалистичнее предположить противоположное. Большинство американских идеологов соглашаются в том, что «в грядущие десятилетия соблазн и видимая полезность американского вмешательства в международные дела окажутся неукротимыми... Если теория гуманитарного вмешательства является продуктом двадцатого века, то уникальные обстоятельства начала двадцать первого века дадут многочисленные основания для практического приложения этих теорий»[31].

В общем и целом идеологи дипломатического курса Клинтона-Олбрайт вырабатывали его в русле скорее *либерально-интервенционистского подхода*, хотя и со значительными оговорками. Выступая перед Советом по международным отношениям (Нью-Йорк) в 1998 году, президент Клинтон заявил о необходимости выработки нового курса на глобальной арене с целью закрепления глобальных американских позиций, основываясь при этом на либеральных ценностях и приверженности Америки интернационализму.

В ходе слушаний в сенатском комитете по международным делам тогдашний кандидат в государственные секретари М. Олбрайт так определила свое видение американской стратегии в мире: «Мы должны быть больше, чем просто мировая аудитория, больше, чем просто действующие лица, мы должны быть творцами мировой истории нашего времени. Американская мощь будет задействована для того, чтобы решающим образом воздействовать на пятьдесят процентов истории и законов нашего времени»[32]. Американскому избирателю дали понять, что уход коммунизма в историю, всеобщее торжество рыночных отношений и идей демократического устройства вовсе не означают окончание глобальной вахты США — напротив, новое время знаменует собой фантастические возможности для единственной сверхдержавы, обещает ей исторический бросок в будущее.

Почему согласится мир. По мнению идеологов *гипердержавы* (термин, применяемый французами), мир согласится на американскую гегемонию по нескольким причинам.

Во-первых, потому что ей нет альтернативы. Как формулирует американский исследователь Ч. Краутхаммер, «альтернативой однополярности является вовсе не стабильный, статичный многополярный мир. Мы живем не в восемнадцатом веке, где зрелые

державы, такие как Европа, Россия, Китай, Америка и Япония, играют в великую игру наций. Альтернативой однополярности является хаос»[33]. Идейные адепты гегемонии США уверены в том, что внешний мир будет вынужден признать благо централизованной мировой структуры поскольку, как формулируют американцы Р. Каган и У. Кристол, «американская гегемония является единственной надежной защитой против краха мира и международного порядка»[34].

Так думают и некоторые американские союзники. Австралиец К. Белл указывает, что «главным достоинством однополярности является предотвращение ведения войны сразу на нескольких уровнях. На широчайшем уровне (война за гегемонию, война как Армагеддон или то, что Сэм Хантингтон называет «войны цивилизаций») огромное преобладание мощи на стороне держав статус-кво эффективно предотвращает вызов любого рационально настроенного политика. На локальном уровне то же колоссальное преобладание будет удерживать готовую к насилию сторону — как лидеров этих стран, так и общественность. Конечно, всегда останутся вожди типа Саддама Хусейна, готовые «попробовать» свою силу на локальном уровне, останутся страны, подобные Индии и Пакистану — слишком большие, чтобы подвергать их давлению. Тем не менее, реальность начала войны в однополярном мире меньше, чем в биполярном и многополярном»[35]. Однополярность, с точки зрения ее апологетов, способствует выработке общепонятных норм и правил.

Во-вторых, мир согласится на американское всемогущество и гегемонию не только в свете их неимитируемой мощи, но и ввиду относительной *сдержанности* Соединенных Штатов, стремящихся в общем и целом не злоупотреблять своим могуществом. Америка как бы следует совету К. Уолтса: «Умелая внешняя политика передовой страны требует достижения успехов без провоцирования ожесточения других государств, без запугивания их»[36]. Сила Америки помимо прочего в том, что она сумела *не антагонизировать* главных потенциальных соперников, проявить благожелательность, продемонстрировать открытый характер американских политических институтов, чувствительность к интересам других государств. В Вашингтоне как бы осознали, что неограниченная настойчивость может заставить потенциальных противников США объединить усилия: не коварный внешний мир, а ошибки самой Америки, если она ожесточится, могут подорвать основания американского главенства.

В-третьих, противостояние с Америкой попросту опасно и пока малоперспективно. «Ни одна из крупных держав не берется

сегодня расходовать средства с целью противопоставления себя Соединенным Штатам. Более того, большинство среди них стремится присоединиться к лидеру. Даже если это ограничивает их возможности... Один лишь взгляд на современное распределение мощи в мире не оставляет им реалистических надежд на противостояние Соединенным Штатам»[37].

В-четвертых, на геополитическом горизонте не видно непосредственной угрозы уникальному положению США. В теории существуют три пути «низвержения» гегемонии: *возникновение контрбаланса в лице коалиции конкурирующих государств; региональная интеграция; резкий рост мощи одного из противостоящих центров.* Но на ближайшее будущее чрезвычайно малореалистично предположить, что хотя бы один из этих способов обретет черты актуальности. Рассмотрим эти угрозы однополярному миру.

1. Создание противостоящей доминирующему центру коалиции — довольно сложный процесс. Сплотить коалицию, способную сконцентрировать силовые возможности, равные, как минимум, 50% мощи гегемона, весьма непросто. Исторически союзы консолидируют совокупную мощь за счет отказа от части собственных суверенных прав, а это всегда болезненно и на ближайшие годы малоактуально. «История международных отношений показывает, как сложно координировать союзы, направленные против гегемонии. Государства склонны к сохранению свободы своего поведения, к распоряжения своими ресурсами... Государства боятся быть покинутыми своими партнерами, боятся быть вовлеченными в конфликт своими партнерами... Государства неэффективны в слиянии своих сил и это более всего сохраняет однополюсную систему»[38].

Все прежние коалиции — против Франции в XVII—XVIII вв., против Германии в XX в. и др.— создавались против очевидной угрозы соседям, в условиях локальной ограниченности этой угрозы, путем нахождения обеспокоенных соседей, расположенных в уязвимой близости к нарушающей баланс державе. Гораздо труднее создать союз против омываемых (и охраняемых) океанами Соединенных Штатов, отдаленных, имеющих военные анклавы повсюду в мире и мощных союзников. США готовы расколоть любую складывающуюся коалицию, они всегда постараются поддержать противостоящие складывающемуся союзу страны (как, скажем, они поддержали КНР против СССР в годы холодной войны).

2. Противостояние Соединенным Штатам могло бы осуществиться на основе сближения конкурентов в экономической и,

особенно, в военной сфере в случае подлинной интеграции Европы, Центральной Евразии или сближения двух восточноазиатских гигантов — трех регионов, где интеграционный процесс наиболее многообещающ (ЕС), либо имеет шанс для своего воплощения в реальность (наследие России), либо его можно представить умозрительно (сближение Китая с Японией). Но на пути этого превращения стоят труднопреодолимые национальные эгоизмы. Представить себе отказ Франции и Британии от собственного владения ядерным арсеналом и предоставление ими доли контроля над ним Германии — весьма трудно. Еще более трудно представить себе восстановление центральноевразийского полюса. «Россия продолжает падение. Государства не поднимаются быстро после такого падения, которое случилось с Россией. Для восстановления статуса международного полюса притяжения России понадобится еще одно поколение — даже если ей повезет. Для быстрого создания азиатского полюса необходимо слияние возможностей Японии и Китая. Как и в случае с Европой и Центральной Евразией, очень многое должно случиться, чтобы Токио и Пекин оказались готовыми поделиться суверенитетом друг с другом»[39]. Итак, представить себе быстрое создание центров-противовесов ныне весьма сложно.

3. *Возвышение над соседями Германии, России, Китая и Японии* так или иначе тоже означало бы собирание сил Европы, Центральной Евразии или Восточной Азии. Но прежде всего это означало бы контролирующее возвышение главенствующей в своем регионе державы. Выше мы уже касались сложностей на пути возвышения каждого из этих претендентов, если они поставят цель ограничить всевластие США. Напомним еще раз, что Япония остановила свой экономический быстрый бег довольно неожиданно в 1990 г. Германия окружена настороженными соседями, а на ее территории базируется американский воинский контингент — все это препятствует неожиданному броску.

Китаю еще предстоит осуществить огромный военный и экономический рост и реализовать качественное возвышение *преодолевая огромные трудности* и множество барьеров. Речь идет как минимум о трех десятилетиях. Многие специалисты разделяют мнение Зб. Бжезинского: «Нет никакой уверенности в том, что взрывной рост Китая продержится в следующие два десятилетия. Продолжение современного темпа развития потребовало бы невероятно благоприятного стечения обстоятельств — успешного политического руководства, политического спокойствия, социальной дисциплины, высокого уровня сбережений, обильных зарубежных инвестиций и региональной стабильности. Долго-

срочное наличие всех этих компонентов маловероятно»[40]. Следует учитывать при этом, что и США не будут стоять на месте.

Таким образом, уникальное стечение обстоятельств налицо. Противостояние Соединенным Штатам в ближайшие годы могло бы осуществиться лишь в случае фантастически безответственного поведения Вашингтона, неожиданного ослабления американской мощи или паралича национальной воли.

Американская гегемония извне. И все же, при любой степени благожелательности лидирующей страны само понятие гегемонизм порождает у внешнего мира протест. Как формулируют политологи, «для того чтобы быть успешной, любая политическая доктрина должна быть привлекательной для самых различных аудиторий — не только внутри страны. Гегемония не выдерживает этого теста»[41]. Даже сами американцы, отдавая дань реализму, признают, что «момент однополюсности, который так восхищает американцев, кажется, вызывает радость далеко не всюду. Большинство главных стран мира — даже наши друзья — сделали главной темой своей внешней политики создание противовеса американскому могуществу»[42]. А если так, то важно определить характер восприятия страны во внешнем мире. Напомним, что доля американского населения — меньше пяти процентов в общемировом населении. Для укрепления уникального положения США необходима та или иная степень молчаливого согласия окружающего мира. Как этот мир смотрит на фантастический подъем Америки? Окружающий мир на природу американского первенства смотрит с четырех точек зрения.

1. *США как краеугольный камень мирового порядка*. Что бы там ни говорили, Америка остается единственным подлинным основанием пусть несовершенного, но все же функционирующего мирового порядка. Только США могут гарантировать сохранение основных параметров статус кво, могут решающим образом влиять на организации типа Международного валютного фонда. Только США могут осуществлять маневры своих вооруженных сил в глобальном масштабе. Вашингтон не нуждается в неком зафиксированном кодексе поведения типа Стратегической концепции, принятой странами НАТО. «Европейцы достаточно хорошо знают, что мир будет гораздо более опасным местом, если у США не будет двусторонних и многосторонних союзнических обязательств, а также военных средств для поддержания этого порядка»[43]. Меньше, чем западноевропейцы, верят во всемогущую стабилизирующую руку Америки азиатские союзники Соединен-

ных Штатов. И все же многие из них полагают, что США могут и в дальнейшем играть свою роль колоссального буфера, разделяющего между собой Китай, Тайвань, Японию и Корею.

2. *Благожелательный лидер*. Возможно, убедительнее многих представил такое видение Америки политолог М. Мандельбаум: «Вообразите себе 400-килограммовую гориллу, думающую лишь о своих бананах, а все вокруг смотрят на нее»[44]. США — единственная сверхдержава мира, у нее нет настоящего соперника. Она обладает бесподобной военной мощью, главенствует в самых мощных военных союзах, доминирует в информации. Мир не может игнорировать ее, но США фокусируют свое внимание на собственных внутренних делах. Скорее сильная, чем брутальная; скорее простодушная и, возможно, наивная, чем злостная или злонамеренная — таковы грани подобной оценки. Даже оценка Соединенных Штатов Америки французским министром иностранных дел Ведрином как «гипердержавы» не содержит уничижительного оттенка, не предполагает неких злобных мотивов в их поведении. В его оценке только намек: «Разве США не слишком велики для того, чтобы быть справедливыми и не следовать только собственным интересам?»

3. *Счастливый своими полномочиями шериф*. США откровенно указывают на свою превосходящую военную силу как на инструмент своей внешней политики, во многом игнорируя веками выработанные методы дипломатии[45]. Обращение к вооруженной силе в странах, столь различных, как Панама, Сомали, Гаити, Босния, Сербия, Иран, позволяет говорить о новой «дипломатии канонерок». Очевидна при этом тяга к односторонности в принятии практических решений. Такие регионы, как, скажем, арабский мир, без всякого энтузиазма восприняли полицейские меры против Югославии. Они почувствовали, что происходящее на Балканах может оказаться и их судьбой.

Все это объективно подстегивает тягу ряда режимов к обретению оружия, которое исключило бы югославский вариант. «Косово на протяжении двух месяцев бомбардировок демонстрировало, до каких пределов могут дойти Соединенные Штаты в некоторых типах кризисов,— пишет бывший директор лондонского Международного института стратегических исследований.— Наблюдая за превосходящей все возможное американской военно-воздушной силой, страны типа Ирана приходят к выводу о необходимости избежать ошибки Ирака — действовать агрессивно, имея при этом в своем распоряжении надежные ядерные силы, которые сдерживали бы Соединенные Штаты... При этом США

могут уничтожить фармацевтическую фабрику в Хартуме и китайское посольство в Белграде — ощутима удивительная легкость ошибочной калькуляции. В нейтральных странах испытывают страх в отношении того, что Вашингтон может допустить непоправимую ошибку, действуя против Северной Кореи или — что гораздо более значимо — против Китая. Никто не знает, как далеко могут зайти США в своей защите Тайваня.

Критики Соединенных Штатов указывают на то, что Вашингтон все реже употребляет экономический рычаг, полагаясь в возрастающей степени на голую силу. Американская внешнеэкономическая помощь с годами постоянно уменьшается, составляя в начале XXI века лишь *четверть* внешней помощи, предоставляемой внешнему миру Европейским союзом. В Вашингтоне постоянно говорят о непопулярности в американском обществе оказания помощи другим странам. Но в американской столице никто, собственно, не приложил сил, чтобы сделать эту помощь популярной среди американцев. Мировой шериф оказался очень скупым. После бомбардировки Косова группа югославских экономистов задала вопрос: «Имела бы место дезинтеграция прежней Югославии и ужасные межэтнические войны, если бы последний премьер-министр единой Югославии Анте Маркович (в 1991 году.— *А. У.*) получил от Запада запрашиваемый кредит в 4 млрд. долл.?»[46]

4. *Грубое, идущее своим собственным путем государство.* Представление о том, что Соединенные Штаты грубо ломают более или менее установившийся порядок и поэтому являются противниками *статус-кво,* имеет немало приверженцев. Ясно, что Вашингтон никогда не подчинится Совету Безопасности ООН. Это особенно ощущают боящиеся американского всемогущества государства, прежде всего Россия и Китай. То, как все более проявляющий свою исключительность лидер ломает статус-кво, впечатляет многих:

— экспансия НАТО без обозначения ее крайних возможных пределов содержит намек на то, что в конечном счете в блок войдут прибалтийские государства;

— противопоставление Японии Китаю в качестве противовеса;

— принятие на вооружение такой стратегии военного сдерживания на Ближнем и Среднем Востоке, которая предопределяет враждебность двух наиболее мощных арабских стран региона при одновременной поддержке ряда слабых государств-клиентов, чье внутреннее состояние близится к революционному взрыву;

— активное соперничество с Россией в Средней Азии и в Закавказье;

— продолжение укрепления американских вооруженных сил с особым акцентом на воинских частях, способных быть использованными в отдельных районах;

— воинственная риторика в отношении режима нераспространения оружия массового поражения — отказ американского сената ратифицировать договор о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия,

— применение бомбардировок против суверенных государств без мандата ООН;

— нападение на страну, которая сама не совершила агрессии в отношении соседей (Югославия), что подрывает саму идею суверенности государств,— революционная мера в отношении сложившейся мировой системы;

— «даже благожелательный в отношении США российский наблюдатель не сможет найти успокаивающей рациональности в американской политике в каспийском регионе, арене легитимных территориальных, экономических интересов, интересов безопасности региона, включая Россию. Более подозрительно настроенные русские могут найти такую политику недопустимой»[47];

— американцы не желают поставить себя в положение хотя бы частично ущемленной суверенности — американцы категорически противятся созданию Международного уголовного суда, под чью юрисдикцию они бы подпадали; одновременно, проводя политику глобализации, США принуждают другие страны крушить основные традиции своего существования;

— в отношении проблемы гражданских прав США как бы создали две зоны. В пределах первой (большинство мирового населения) они выступают жесткими судьями. В пределах второй (от Турции до Индии) они не придают подобным нарушениям абсолютного, категорического значения — вполне очевидная политика двойных стандартов.

Ощущающие опасения стрáны видят не «невольное» вмешательство США, а сознательное и целенаправленное вмешательство, дерзкую целенаправленную политику.

Вышеуказанные типы восприятия Америки (прежде всего в ракурсе ее роли в международном сообществе) не могут быть статичными в век постоянных динамичных перемен. Они могут угаснуть в случае проявлений американской дружественности. Но они могут стать растущим феноменом, если, скажем, сенат США по-прежнему будет отвергать Договор о всеобщем запрете на испытания ядерного оружия во всех средах, стараясь одновре-

менно, грубо нарушая прежние договоренности, реализовать национальную систему противоракетной обороны.

Отношение к внешнему миру. Американская *самоцентричность* отмечалась (справедливо) многократно. Но примитивным было бы утверждение об абсолютной потере американцами интереса к миру за пределами их границ. Помимо прочего, американцы желают знать, откуда следует ожидать опасности. Характерно, что в этом плане американцы начинают перемещать фокус своего внимания все более на Восток, о чем свидетельствует следующий опрос населения.

Таблица 6. *Ответ на вопрос «какие страны наиболее важны для США?».*

В 1999 году	%	В 2010 году	%
Восточная Азия	35,4	Восточная Азия	48,8
Западная Европа	25,0	Западная Европа	14,6
Латинская Америка	9,8	Латинская Америка	10,4
Северная Америка	8,5	Вост. Европа/Центр. Азия	8,5
Северная Африка/Бл. Восток	7,3	Северная Америка	7,9
Центральная Европа	6,1	Сев. Африка/Бл. Восток	4,3
Вост. Европа/Центр. Европа	6,1	Южная Азия	4,3
Южная Азия	1,8	Центральная Европа	1,2
Африка южнее Сахары	0,0	Африка южнее Сахары	0,0

Источник: «Orbis», Fall 1999, p. 628.

Мы видим, что волнующая сегодня американцев Восточная Европа уйдет на абсолютно задний план, что сократится доля внимания к Западной Европе. Но возрастет внимание к происходящему в Восточной и Южной Азии, к непосредственному североамериканскому окружению. И все же окружающему миру будет трудно противостоять феноменальной силе Америки.

Однако самоуспокоению нет места. Мировая история учит, что любой вакуум немедленно заполняется, любая гегемония вызовет противодействия. В США не закрывают на это глаза, идет постоянное обсуждение очередных вызовов: Японии, которая может сказать «нет», китайского восхождения, российского потенциала, западноевропейского интеграционного строительства. Постоянно проводятся опросы общественного мнения на эту тему. Какие же угрозы видят американцы на своем историческом горизонте?

Таблица 7. Уровень угроз безопасности США сейчас и в будущем (в % от общего числа опрошенных).

В 1999 г.		В 2010 г.	
Распространение оружия масс. поражения	18,6	Распространение оружия масс. поражения	16,3
Негативно настроенные гос-ва	12,8	Гегемония КНР	14,1
Международный терроризм	11,3	Негативные гос-ва	10,6
Гегемония КНР	9,7	Межд. терроризм	10,0
Уход США с позиций лидера	9,5	Уход США с поз. лидера	9,0
Мировая экономика	7,7	Мировая экономика	8,9
Исламский фундаментализм	6,4	Восставшая Россия	7,0
Восставшая Россия	6,4	Исламский фундаментализм	6,3
Торговля наркотиками	5,7	Торговля наркотиками	4,6
Этнические конфликты	3,8	Этнические конфликты	3,7
Организованная преступность	3,4	Организованная преступность	3,4
Информационная война	1,7	Информационная война	2,5
Окружающая среда	1,6	Окружающая среда	2,0

Источник: «Orbis», Fall 1999, p. 632.

Как видим, растущую озабоченность вызывает усиление Китая, оружие массового поражения будет казаться менее страшным — как и международный терроризм, как и ухудшение окружающей среды. Эволюция России ставится на один уровень с исламским фундаментализмом.

Основные опросы показывают, что в американском обществе главенствуют консервативные настроения. Большинство американцев считает, что США *должны* оставаться мировым лидером, что они должны прибегать, в случае необходимости к односторонним действиям, что мировая торговля должна расти открывая новые возможности для американского бизнеса, что на военные нужды следует расходовать *больше,* что США должны создать систему национальной противоракетной обороны. Рассмотрим детальнее, как сами американцы воспринимают удивительный оборот истории, давший им такое невероятное могущество.

Противостояние гегемонии. Перед строителями однополярного мира сразу же встают два вопроса. *Во-первых,* может ли страна с населением в 280 млн. человек, представляющая менее 5% всего мирового населения, диктовать свою волю шести с лишним миллиардам, достаточны ли физические ресурсы и политическая воля Америки в деле руководства пестрым мировым сообществом? *Во-вторых,* согласятся ли могущественные гордые

страны (наследники непримиримой многовековой борьбы против всех, кто покушался на гегемонию в Европе и мире в целом) на добровольное подчинение «благожелательной» гегемонии Америки? Смыслом мировой истории является восстановление мирового баланса после его нарушения — т.е. отвергнутые и ослабевшие неизбежно объединятся против сильного. Реализации *однополярности, американской гегемонии* препятствуют обстоятельства *внутреннего* характера — отказ американского народа платить цену за имперское всесилие *и* обстоятельства *внешнего характера* (отсутствие гарантированной солидарности союзников, организованное противостояние потенциальных жертв).

Обстоятельства внутреннего характера. Чрезвычайно важна в этот момент всемогущества поддержка активной внешней политики преобладающей частью американского общества. Без этой поддержки ни о каком однополярном мире в будущем говорить не приходится. Именно отсутствие этой поддержки погребло под собой планы президента Вудро Вильсона по глобализации американской внешней политики после первой мировой войны. Именно эта поддержка позволила президентам Франклину Рузвельту и Гарри Трумэну осуществить мировой охват в защите интересов США после второй мировой войны. Эта поддержка — основа, ее наличие сегодня — предпосылка любых глобальных планов Америки. Опросы среди экспертов по внешнеполитическим проблемам и проблемам безопасности, журналистов, ученых, религиозных лидеров, политических деятелей, губернаторов, мэров, бизнесменов, конгрессменов и их аппарата, профсоюзных деятелей показывают, что более двух третей этих влиятельных в США сил не только удовлетворены тем как «идут дела в мире», но и хотели бы видеть продолжение этого, благоприятствующего Соединенным Штатам положения в будущем[48].

Претензии к союзникам. Есть основания предположить, что к 2020 году «внутренняя поддержка международного лидерства может значительно ослабеть. Если США перестанут быть богатейшей страной в мире, почему они должны будут платить за безопасность стран, способных обеспечить эту безопасность?... США оставят в Европе лишь символические силы. И в Азии останется лишь небольшая часть контингента 1990-х годов. Америка придет к выводу, что Европа способна защитить себя сама, равно как и Япония. США сохранят особый интерес к таким регионам, как Ближний Восток и Латинская Америка... Но прямые угрозы Соединенным Штатам потеряют свою убедительность и

население страны будет все более выказывать нежелание вмешиваться во все спорные мировые вопросы, если только на кону не будут прямые американские интересы. *США не вернутся к изоляционизму, но они придут к выводу, что не в состоянии решить все мировые проблемы лишь собственными силами»*[49].

Ослабление жертвенности. Важнейший вопрос: готовы ли они на жертвы ради сохранения статус-кво, готовы ли они на материальные и даже людские жертвы ради постоянного и жесткого контроля над внешней средой? Интервенционистский опыт Америки (от Вьетнама до Косова) породил противодействие внутри США в свете неубедительности для многих необходимости подвергать себя риску и преодолевать непредвиденные сложности. «Примерно 15-20 лет будет длиться война между двумя капитальными американскими традициями: грубый индивидуалистический расчет лишь на самих себя, создавший американский капитализм и сделавший США богатейшей страной мира,— и более новая тенденция отказываться от излишней ответственности за последствия своих действий»[50]. И возобладает вторая традиция. Американцев покидает жертвенность в достижении далеких целей при растущей обращенности к внутренним проблемам. В бюджете страны внутренние расходы ежегодно несопоставимо масштабнее трат на внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность. Это устойчивая тенденция.

На национальном уровне в США возврата к самоуверенности 50-х годов не произойдет, роль международных проблем ослабевает. В 1998 г. лишь 13% американского населения высказывались за активное лидерство США в мировых вопросах, а 74% хотели бы видеть свою страну действующей в этих акциях не в одиночестве[51]. Большинство (55%-66%) высказывают ту точку зрения, что «происходящее в Западной Европе, Азии, Мексике и даже Канаде не оказывает воздействия (или оказывает малое воздействие) на их жизни. Среди американцев будет сказываться недовольство «бременем» организации международных сил в самом широком спектре — от Ирака до Югославии (где США используют силу), угрожая экономическими санкциями 35 странам. Как бы ни оплакивала внешнеполитическая элита этот факт, Соединенные Штаты лишаются внутренней политической базы, необходимой для создания и поддержания однополярного мира»[52].

Неоизоляционизм. Снова обозначился потенциал изоляционизма, вернее, новой его модификации. Истоки его из попытки ответить на вопрос, а может ли в принципе Америка думать о долговременном *непосредственном* главенстве? Две крайние

точки обозначились уже относительно давно. С одной стороны, многие американские традиции восстают против силового господства, против откровенного диктата в бушующем неблагодарном и ожесточенном мире. Еще в 1939 году историк Ч. Бирд яростно утверждал, что «Америка — это не Рим».

Знамя *неоизоляционизма* несут два лагеря — неоконсерваторы и реалисты.

1. Такие *неоконсервативные* идеологи, как П. Бьюкенен, полагают, что Соединенные Штаты должны дистанцироваться от турбулентного внешнего мира: «С исчезновением советской угрозы Америка не будет более зависеть от того, что происходит за ее пределами»[53]. Благоденствующая Америка (пресловутый «средний класс») середины наступившего века будет жить в закрываемых на ночь общинах, окруженная персональными телохранителями, оплачивая гигантские страховочные счета. (В условиях не спадающей преступности 1,3% ВНП идет в США на поддержание закона и порядка; помимо полумиллиона официальных полицейских в стране существует целая армия в 800 тысяч частных охранников; в США работают около миллиона юристов).

13% ВНП США идет на медицинское обслуживание — доля в два раза большая, чем в Западной Европе или Японии. Средняя семья, страхующаяся и ловящая свой гедонистический шанс, не сможет аккумулировать значительный капитал. Эта семья будет жить ненамного лучше (материально), чем их предки в 1970 г., особенно, если в семье будет один работающий. Средняя семья в Западной Европе и Японии догонит американскую семью по доходам — а это даст «решающий» аргумент в пользу отказа от «мировой опеки».

Признаки этого уже налицо. Между 1988 и 1996 годами ежегодная американская помощь сельскому хозяйству бедных стран сократилась на 57% (с 9,24 млрд. долл. до 4,0 млрд.). Между 1986 и 1996 годами сократились займы, даваемые бедным странам на развитие своего сельского хозяйства (с 6 млрд. долл. до 3,2 млрд. долл.)[54].

Изоляционисты, близкие к взглядам П. Бьюкенена, открыто выступают за уход вооруженных сил США на свою собственную территорию (будучи при этом готовыми нанести удар по потенциальному противнику). Гарантии американской помощи следует дать лишь очень узкому кругу стран. Изоляционисты (при всей пестроте этого идейно-политического явления) считают ошибкой не только высадку американских войск на Гаити, бомбардировку Югославии, но и высадку в Персидском заливе, и войну против

Ирака. С точки зрения американских изоляционистов, в интересах соединенных Штатов было бы:

— выйти из Пакта Рио-де-Жанейро, обязывающего США отвечать за безопасность всего Западного полушария;

— отказаться от всех военных договоров и соглашений, которые автоматически вводили бы США в состояние войны;

— вывести американские вооруженные силы из Западной Европы и Южной Кореи. Америка должна быть одинокой и хорошо вооруженной, а не хорошо вооруженной и связанной по рукам;

— пересмотреть членство США в международных организациях, таких как НАТО и ООН, отвергнуть все концепции международных законов, которые могут оказать сдерживающее, «связывающее» воздействие на Соединенные Штаты.

2. *Реалисты* усматривают в международных отношениях прежде всего борьбу за могущество между суверенными государствами, в которой национальные интересы полностью преобладают над идеологическими пристрастиями и модами повседневности. Реалисты не желают платить цену за идейную чистоту консервативной политики, за крестоносный поход идеалистов в поисках земли обетованной.

Реалисты замечают, что страсти, терзавшие американских консерваторов в 30-е годы в отношении троцкистов, в 50-е годы по поводу холодной войны, распространения демократии сегодня — все это преходящие эмоции, за которыми консерваторы не видят суть явлений. Реалисты считают оптимизм прямолинейных консерваторов смехотворным. В их мире все воюют против всех, «неоконсервативный империализм не только обречен на поражение, но и на рождение яростной реакции внешнего мира, стремящегося сократить американское правление»[55].

Консерваторы более популярны — они обращены к популярным ценностям. Американцев не зря называют нацией, «приверженной принципам», и они всегда верили, что их принципы всемирно универсальны. От основания республики и до наших дней американское внимание сконцентрировано на события внутренней жизни (которые большинство из них считает всемирно значимыми). Это заранее обуславливает неизбежности столкновения консерваторов и реалистов. Мнение таких реалистов, как Дж. Кеннан, о том, что зарубежный опыт также имеет значение и должен быть принят во внимание, воспринимается многими американцами как весьма оригинальное.

Мультикультурализм. Двести с лишним лет *кредо* американского общества являлась вера в то, что *права личности, от-*

дельного индивидуума безусловно важнее *прав групп,* построенных на этнических, религиозных или прочих основаниях. Национальным лозунгом был: *e pluribus unum — едины в многообразии.* Президент Т. Рузвельт предупреждал, что «единственным абсолютно верным способом погубить нацию целиком было бы позволить ей превратиться в клубок ссорящихся между собой национальностей»[56]. Такие историки и политологи, как А.-М. Шлезингер и С. Хантингтон, предупреждали и предупреждают сейчас, что необходимо *перестать воспевать превосходство группы над индивидуумом,* отдельного сообщества — над гражданином.

На рубеже третьего тысячелетия произошло качественное изменение. Национально главенствующей стала точка зрения *отдельных этнических общин.* Пресловутый плавильный тигель наций практически перестал работать. Более того. С 1970 года число американцев, имеющих многорасовые корни, увеличилось в четыре раза. После трех лет ожесточенных эмоциональных дебатов между традиционалистами и активистами многорасовости в самоидентификации американцев произошли существенные перемены. В национальном цензе (проводимом каждые десять лет) 2000 года респондентам впервые было дано право идентифицировать себя *по расовому признаку.* Теперь американцы впервые подчеркнуто открыто указали на свою принадлежность к одной (или нескольким) из четырех мировых рас — белая, афроамериканская, азиатско-тихоокеанская, индейско-эскимосская (испаноязычные остаются в особой этнической группе).

«Ассимиляция американских этнических меньшинств во враждебное принявшее их общество стала *не соответствующей духу времени* среди как уже утвердившихся, так и недавно организованных, ориентирующихся на свои национальные государства диаспор... Многие диаспоры, обосновавшиеся в Соединенных Штатах, не ощущают давления американского государства в пользу ассимиляции, они не видят особой привлекательности в ассимиляции в американское общество и даже не стремятся получить здесь гражданство»[57]. Происходит нечто весьма важное: главная эмигрантская страна в мире меняет ориентиры, переходит от практики ассимиляции в одну большую американскую нацию к торжеству «множественных» лояльностей. Главенствующим для многих американцев становится проявление воли диаспор, проявляющих больше лояльности к покинутой, чем к приобретенной родине.

Произведенная реформа будет иметь долговременные последствия. Совсем не ясно, как будут использоваться новые демогра-

фические данные. «Будет ли,— спрашивает журнал «Экономист»,— дочь афроамериканского отца и белой матери считать себя черной женщиной в случае, если легислатура штата постарается создать округ с преобладающим черным населением? А как быть с гражданином, утверждающим себя в качестве потомка белых, черных и азиатов? Будет ли правительство считать его одним из них?»[58]

Итак, в то время как богатство Америки и ее мощь занимают высшую ступень в мировом табеле о рангах, национальное единство американского народа начинает испытывать на себе давление отдельных этнических общин. Экономическое равенство и культурная цельность начинают терять свою значимость и в будущем станут находиться на значительно менее высокой отметке, чем на протяжении прежних двух с лишним веков американской истории. Складывается ситуация, когда главными противниками Соединенных Штатов в будущем явятся не Китай, Россия, ислам или некая враждебная коалиция, а нечто более приближенное к центру американской мощи: подлинная угроза американскому единству, культуре и мощи окажется размещенной значительно ближе — и имя ей мультикультурализм.

Происходит своеобразное *дробление* внешнеполитической стратегии как между элитой и обществом, так и между потомками различных меньшинств. Американцы польского происхождения приложили максимальные усилия, чтобы увидеть Польшу в НАТО. Выходцы из Кубы формируют антикастровскую политику Вашингтона, китайское лобби прессирует в пользу благожелательности к КНР, армянские сообщества заняты выработкой армянской политики США и т.п. Диаспоры предоставляют наиболее квалифицированные и софистичные аргументы, аналитические материалы, выдвигают кандидатов для дипломатических миссий и даже рекрутов в добровольческие силы. Диаспоры оказывают огромное воздействие на американскую политику в отношении Греции и Турции, закавказских стран, в дипломатическом признании Македонии, поддержке Хорватии, введении санкций в отношении Южной Африки, помощи черной Африке, интервенции на Гаити, расширении НАТО, введении санкций против Кубы, решении конфликта в Северной Ирландии, установлении отношений между Израилем и его соседями. *Основанная на диаспорах политика может иногда совпадать с общими национальными интересами США, но может проводиться и за счет американских интересов и американских отношений с давними союзниками.*

Как сказал известный историк А. Шлесинджер на лекции в Центре стратегических и международных исследований (Вашингтон), Соединенные Штаты начинают проводить внешнюю политику «скорее не в духе традиционной политики сверхдержавы, как серию усилий, предпринимаемых под давлением отдельных групп избирателей... Результатом является потеря связности, цельности американской внешней политики. Такое едва ли ожидается от ведущей мировой державы»[59]. Все это позволило сделать вывод (С. Хангингтон), что «внешняя политика как совокупность действий, предназначенных защищать и реализовывать интересы Соединенных Штатов как единой общности, противостоящей другим коллективным общностям, будет медленно, но постоянно исчезать»[60].

Без помпы и громких деклараций в Америке периода ее геополитического триумфа произошла своего рода революция — замена базовых ценностей, низвержение общеобъединяющих ориентиров. Для многих стран, возможно, такая «смена вех» не столь и существенна. Китай с пятитысячелетней историей и 92%-ным этническим преобладанием в собственной стране был и останется Китаем вне зависимости от господствующих идей и политической философии. Британия, Франция, Япония, Германия и немалое число других стран были и останутся собой вне зависимости от очередного идеологического поветрия.

Но не мультикультурная Америка. Считать триумфом Америки не формирование единого сплава в тигле многих национальностей, а радость пестрого *многоцветья мультикультурализма*, привела к логическим результатам. Гарвардский профессор С. Хантингтон задает вопрос: «Смогут ли Соединенные Штаты пережить конец своей политической идеологии? Соединенные Штаты и Советский Союз напоминают друг друга в том, что не являются нацией-государством в классическом смысле этого слова. Обе страны в значительной мере определяли себя в терминах идеологии, которая, как показывает советский пример, является более хрупким основанием единства, чем единая национальная культура, базирующаяся на общей истории. *Если мультикультурализм возобладает и если консенсус в отношении либеральной демократии ослабнет, Соединенные Штаты присоединятся к Советскому Союзу в груде исторического пепла*»[61].

Речь идет, прежде всего, о процессе формирования национальной стратегии. Никогда господствовавшие между 1776—1865 гг. англосаксы и преобладавшие в период 1865—1991 гг. американо-европейцы не строили свою внешнюю политику на неких *кров-*

ных преференциях. Но ситуация изменилась после краха коммунистического Востока. Комиссия по Американским национальным интересам пришла к выводу: «После десятилетий необычной сосредоточенности на сдерживании советской коммунистической экспансии, мы являемся свидетелями проводимой Вашингтоном политики спонтанных действий и шагов. Если дело будет продолжаться подобным образом, это плавание по течению представит угрозу нашим ценностям, нашей собственности и даже нашим жизням»[62].

Конгресс американцев польского происхождения заполонил Белый дом и Капитолий в 1994 году телеграммами, требующими включения Польши в НАТО[63]. Кубинское лобби определяет политику США в отношении Кастро, а еврейское — в отношении Ближнего Востока. Армянское лобби влияет на политику Вашингтона в Закавказье, греческое — в отношении Турции (оно сумело даже блокировать отправку в Турцию американских вертолетов и фрегатов). Вторжение на Таити диктовалось давлением черных американцев. В результате, как выражается бывший министр обороны Дж. Шлесинджер, Соединенные Штаты «менее, чем какая-либо другая великая держава, проводят внешнюю политику в традиционном значении этого слова... Это скорее аккумуляция отдельных целей, к которым стремятся различные коллективы избирателей»[64].

Влияние глобализации. Но угроза со стороны мультикультурализма не является единственной. Американская национальная идентичность в XXI веке будет находиться под угрозой *мультикультурализма,* наносящего удар *снизу,* и *космополитизма* (порожденного глобализмом) — *сверху.* Эта *верхняя* линия водораздела в американском обществе будет пролегать между «денационализированной элитой и националистическим обществом. Обращенный к международным связям класс бизнесменов, официальных лиц, академических ученых и журналистов возник вследствие их постоянных путешествий, взаимодействия друг с другом, защиты политики расширения внешней торговли, инвестиций за пределы страны и получения именно там доходов, продвижения по всему миру либеральной демократии и рыночной экономики. Эти цели противодействуют экономическим интересам и культурным привязанностям основной массы американского общества. В результате, как и предупреждал Кофи Анан, возникла националистическая, антилиберальная и популистская реакция на глобализацию»[65]. Учитывая, что «патриотизм и религия являются центральными элементами американской идентичности»[66],

возникает *вторая* (после мультикультурализма) сила, противодействующая национальному единству американского народа.

Но есть и *третья* сила. Возникает очень существенное различие во взглядах американской элиты и основной массы населения. Согласно опросу Совета по международным отношениям (Чикаго), лидеров интересует распространение ядерного оружия, а общество — распространение наркотиков, наплыв иммигрантов, дешевый импорт, потеря работы американскими рабочими. 60% общества считают необходимым повышение (сохранение) тарифных барьеров против импорта. А среди элиты такой позиции не наблюдается. Общественность выступает против программ экономической помощи и внешнеполитических авантюр, в чем ей противостоит американская элита. (Отсюда битва против ВТО в Сиэтле, массовые демонстрации против МВФ в 1999—2000 годах).

Вначале элита реагирует на пассивность массы избирателей высокомерно. «Когда массы населения,— пишет американский исследователь Г. Уиллс,— теряют интерес к внешней политике, внешнеполитическая элита приходит к заключению, что этот предмет находится за пределами понимания большинства. Эта тенденция быстро усиливается ростом секретности в вопросах национальной безопасности»[67]. Но потерю заинтересованности избирателей трудно компенсировать. Отстояние большинства населения лишит проведение американской внешней политики необходимой электоральной, финансовой, моральной поддержки. Единственный способ преодолеть эту апатию среднего американца — указать ему на страшные ракеты Северной Кореи сегодня и китайские ракеты завтра.

Само понятие «однополярность», полагают многие, все больше будет вызывать массовое противодействие и в этом смысле был, возможно, прав С. Хантингтон, предложивший свой эвфемизм — «одно-многополярность», как бы намекая на то, что главенство США *не будет* жестокой гегемонией. Не будет тотальной и всепроникающей, иначе цена главенства во всем мире становится слишком высокой. Как выразился государственный секретарь США У. Кристофер, «любой кризис неизбежно становится нашим кризисом»[68]. И Вашингтон в этом случае должен превратиться во всемирное министерство по чрезвычайным ситуациям, число которых в мире, судя по всему, будет постоянно увеличиваться.

Обстоятельства внешнего характера. Еще десятилетие назад, в условиях борьбы с коммунизмом США могли твердо рассчитывать на солидарность западноевропейских стран и Японии.

Добившись своих официальных целей (сокрушив коммунизм) американцы продемонстрировали миру, что их подлинной целью является глобальный контроль. Они продолжают «патрулировать» мир и строят свою стратегию на долговременном присутствии своих войск в зарубежных странах точно так, словно холодная война не закончилась. Британский дипломат замечает, что «только в Соединенных Штатах складывается впечатление, что весь мир желает американского лидерства. В реальности же речь идет об американском высокомерии и односторонности»[69]. Для реалистов всех оттенков однополярность — наименее стабильная из конфигураций, потому что огромная концентрация мощи на одном полюсе угрожает другим государствам и заставляет их предпринимать усилия по восстановлению баланса[70]. В прошлом «доминирование одной державы,— пишет К. Уолтс,— неизбежно вызывало реакцию других держав, стремящихся создать противовес»[71].

Не нужно быть Кассандрой, чтобы предсказать следующее развитие событий: вовне Соединенных Штатов случится исторически обычное — в дальнейшем требования дисциплины и солидарности неизбежно ослабеют, произойдет восстановление баланса в мире. Так было всегда. Антинаполеоновский союз, победоносный в 1815 г., развалился в 1822 г. Победоносная в 1918 г. Антанта распалась в начале 20-х годов. Антигитлеровская коалиция 1945 г. к 1948 г. превратилась в противостояние антагонистов. До сих пор ни один союз в истории никогда не переживал своей победы. Судьба лидера практически всегда одинакова: уступающие ей по мощи государства смыкают свои силы, противодействуя лидеру. И нынешний случай не будет исключением — природа человека и обществ в этом демонстрирует историческую неизменность. Или, как пишет К Уолтс: «Облагодетельствованные чувствуют раздражение против своего благодетеля, что ведет их к мысли об исправлении нарушенного баланса силы... Особенно громкие жалобы слышны со стороны французских лидеров, страдающих из-за отсутствия многополярности и призывающих к росту мощи Европы»[72].

Согласятся ли гордые державы на диктат сильнейшего? Будущее может быть для США более суровым. Уже сейчас, пишет Р. Хаас, «американское первенство, не говоря уже о гегемонии, далеко не всеми странами приветствуется — и среди противников столь разные государства, как Китай, Россия, Франция, Иран»[73].

Однополюсная гегемония практически неизбежно ведет к имперскому всевластию одной страны, ее обращению к силовому диктату, доминированию меньшинства над большинством. Такая

ситуация — если мировая история хоть чему-то учит — вызывает у большинства ощущение безальтернативности будущего, чувство исторической обреченности, ожесточение в отношении новых форм эксплуатации, активное противодействие компрадорским кругам. Огромный внешний мир — даже при изначальной симпатии к Америке — не может восхищаться такой структурой мирового сообщества, когда функцию принуждения осуществляют владельцы технологии и распорядители финансов. Одна из немногих подлинных истин: лидера и распорядителя никто не любит. Ему могут подчиниться, но всегда не без задней мысли, не без желания сломать диктатуру, изменить отношения «лидер — ведомый» на более равные.

Предупреждения звучат постоянно. «Америке со все возрастающей силой будет противостоять недовольная их действиями коалиция... После пика напряжения Соединенные Штаты и их главные оппоненты возвратятся к более традиционной системе баланса сил»[74]. Такие мастера геополитики, как Г. Киссинджер, призывают заранее готовиться к многополярности как к естественному состоянию[75]. Складывается впечатление, что перенапряжение экономики, ослабление внутреннего лидерства, негативный эффект авантюр на международной арене возвратят многополюсный мир[76]. «Можно представить себе несколько вариантов будущего,— пишет профессор Йельского университета М. Райзман,— когда мощь Америки будет нейтрализована. Такое будущее могло бы возникнуть в случае более тесной организации Европы, имеющей собственную внешнюю политику и адекватно финансирующую эффективный военный механизм; либо речь может идти о сближении России и Китая, которые бросят вызов США»[77].

Самый свежий исторический опыт, подобный полученному Америкой в Югославии (стране, чей ВНП не достигает и одной шестнадцатой доли того, что США расходуют лишь на военные нужды) показывает, сколь удобны могут быть калькуляции на бумаге и как сложна реализация гегемонии в реальном мире. Внешний мир попросту неуправляем из одного центра — вероятно, что однажды этот вывод станет для американцев убедительным.

Сомнения испытывают сами американцы. Нельзя сказать, что американские политики и их советники, софистичная и изощренная среда заокеанской политологии не ощущают хрупкости любого владычества, опасности подняться над другими. Здесь меньше чем могло бы быть иллюзий относительно союзнической верности и лояльности. Напротив, немалое число американских политологов весьма критично оценивают теряющих критическое чутье идеологов имперской системы.

Внушительное число аналитиков утверждают, что «однополярность — это иллюзия, это краткий момент, который не может длиться долго»[78]. «Почему,— пишет американский исследователь Г. Уиллс,— другие нации обязаны следовать за руководством США, а не за национальным руководством?»[79] Ф. Закария предсказывает, что «подъем антиамериканских настроений будет ощутим во всем мире — от коридоров Кэ д'Орсэ до улочек Южной Кореи дипломаты будут высказывать свое недовольство американской демонстрацией силы»[80]. Благожелательная гегемония — этот американский словесный оборот воспринимается в остальном мире как нарушение логики. Британский дипломат пишет: «О желании мира иметь американскую гегемонию можно услышать только в Соединенных Штатах. Повсеместно в других местах говорят об американском высокомерии и односторонности»[81]. Америка не всегда права, более того, она часто не права и сомнамбулически не ощущает этого, находя новый Вьетнам, новое Сомали, новое Косово. «А если наши ракеты,— пишет американец Э. Басевич,— сокрушат пассажирский поезд, убьют незадачливых беженцев или поразят зарубежное дипломатическое представительство, мы выражаем соболезнование в ожидании, что наши жертвы поймут нас»[82].

Однополярный мир — просто нестабильная система. Опека одной страны вызывает немедленное противодействие, итогом чего является создание новых центров силы. Немецкий политолог Й. Иоффе отражает мнение многих, когда напоминает, что «история и теория учат неприятию международной системы превосходства одной страны. Следуя за международным опытом, необходимо предвидеть превращение Соединенных Штатов в объект недоверия, вызывающий страх и стремления сдерживать эту державу. После краха альянса периода холодной войны, члены этого альянса (по логике истории) объединить свою мощь против Соединенных Штатов. От держав № 2, 3, 4 и др. должен поступить сигнал: мы проводим линию на песке; вы не должны владеть всеми плодами, используя вашу невероятно благоприятную для вас позицию»[83].

Независимые государства при малейшей возможности отвергают посягательства на свой суверенитет. Международное сообщество интуитивно противостоит гегемону. Униженность в иерархии не может приветствоваться гордыми странами, чей генетический код исторического самосознания не позволяет опуститься до уровня *управляемой* геополитической величины. Не столь просто Вашингтону полностью перевести в русло же-

лаемой для себя политики Китай, Россию, Британию, Францию, чье прошлое и национальное самосознание препятствуют унизительной зависимости от любой державы.

Не связанные же с США государства, в которых проживают две трети мирового населения — Китай, Россия, Индия, арабские страны, мусульманский мир, большинство африканских стран пойдут еще дальше, они неизбежно будут воспринимать Соединенные Штаты как внешнюю угрозу своим обществам. Эти государства видят в США страну, склонную к «вмешательству, интервенции, эксплуатации, односторонним действиям, гегемонизму, лицемерию, двойным стандартам, финансовому империализму и интеллектуальному колониализму, с внешней политикой формируемой преимущественно собственной внутренней политикой»[84].

Индийский исследователь утверждает, что США противостоят Индии почти по всем существенным для нее вопросам. Китайский специалист указывает, что руководство его страны видит в политике Вашингтона главную угрозу миру и стабильности: «Новоприобретенная склонность НАТО к интервенционизму за пределами прежней сферы действия вызывает опасения не только в России, но также в Индии и Китае, она оказывает очевидный дестабилизирующий эффект на возникающий Новый мировой порядок. Односторонние действия США и их союзников в Ираке и Югославии могут ускорить формирование невоенного треугольника Индия-Китай-Россия и даже «стратегического треугольника» как своего рода залога уменьшения зависимости от США»[85].

Арабская пресса называет США «злой силой» на международной арене. Общественный опрос в Японии в 1997 г. показал, что США видятся второй после Северной Кореи угрозой стране. Исключена ли договоренность за спиной США? На Западе признают, что «наиболее жесткой формой реакции было бы формирование антигегемонистической коалиции, включающей в себя несколько крупных держав... Встречи при отсутствии США лидеров Германии, Франции и России,... двусторонние встречи представителей КНР, России, Индии стали международной реальностью»[86].

Объективные препятствия. Важны объективные обстоятельства. Для создания мира, фактически контролируемого из одного центра, необходимы, как минимум, две предпосылки: *языковое сближение и религиозная совместимость.*

Lingua franca. Гегемония или просто главенство США требует утверждения всемирной роли английского языка. В современном мире признанными являются примерно 1200 языков. Но сре-

ди них, разумеется, есть гиганты. Первое место занимает китайский язык, на котором говорят 890 миллионов человек. На английском разговаривают 310 млн., по-испански 280 миллионов, по-арабски — 200, на бенгали — 195 миллионов, на хинди — 190 миллионов, по-португальски и по-русски — по 180 миллионов, по-японски — 130 миллионов, по-немецки — 100 миллионов[87].

Между 1950 и 1990 годами из 100 освободившихся колоний 56 были британскими и одна — американской. Английский язык был государственным языком во многих странах, но так не могло продолжаться вечно. В освободившихся странах начали набирать вес суахили, хауса, хинди, урду и другие местные языки. Одновременно происходит процесс расширения ареала испанского языка в обеих Америках, французского в некоторых прежних колониях. Арабский распространяется в Северной Африке и на Ближнем Востоке, китайский в собственно Китае и на прилегающих территориях, хинди — в многоязычной Индии. Французы тратят миллиарды марок на распространение зоны употребления французского языка. Германское правительство финансирует работу 78 Институтов Гёте, поглощается арабским язык берберов в Северной Африке и жителей Южного Судана. В Сингапуре проходит двадцатилетняя программа «Говори по-китайски». Важность местных языков будет возрастать по мере того, как популярные писатели, влиятельные торговцы, создатели фильмов, миссионеры, различные отряды местной интеллигенции будут активно стремиться к расширению зоны действия своего языка. Все борцы за местную идентичность будут волей или неволей выступать против мирового *lingua franca*.

Реальностью является уменьшение во второй половине XX в. числа говорящих по-английски с 9,8 % земного населения до 7,6%, и эта тенденция продлится в XXI в. Английский язык не становится стержнем мирового общения — если говорить о всемирном масштабе. Может ли быть управляем мир страной, чей язык непонятен 92% мирового населения? (Напомним, что доля земного населения, говорящего на всех диалектах китайского языка равна 18,8%)[88].

Что ни говори, «профессиональные лингвисты колеблются предсказать, говоря об отдаленном будущем, дальнейшую глобализацию английского языка. Исторически языки поднимаюся и падают вместе с военными, экономическими, культурными и религиозными силами, поддерживающими их. Есть основания полагать, что влияние английского языка в конечном счете ослабнет. Прежде всего потому, что на нем говорит лишь незначительное и

нетипично удачливое меньшинство. По мере глобализации всего — от торговли до коммуникаций — произойдет регионализация и усиление значимости региональных языков. Арабский, китайский, хинди, испанский и несколько других региональных языков уже начинают расширять зону своего влияния — и период их бурного роста еще впереди»[89].

Да, до 90 процентов сайтов в Интернете созданы по-английски. Но число пользователей Интернета в США выросло в последний год века на 40%, а в Китае — на 500%, в Индии — на 300%. «От Астурии до Зулу,— пишет лингвист Дж. Фишман,— практическая зависимость мира от местных языков растет в той мере, в какой эти языки способствуют формированию местной идентичности. А это означает, что на пути главенства одной страны, говорящей не на самом распространенном языке, встает весомое препятствие.

Религия. Что касается религиозной совместимости, то за XX в. две главные прозелитические религии — западное христианство и ислам — не добились решающего перевеса в свою сторону. Но в сопоставлении численности своих приверженцев наметилась неблагоприятная для Запада в целом и для США в частности тенденция. Численность западных христиан увеличилась с 26,9% мирового населения до 29,9% в 2000 г. и понизится до 25% в 2025 г. В то же время численность мусульман поднимется с 12,4% в 1900 г. до 30% мирового населения в 2025 г. Для апологетов однополярного мира это создает весомое препятствие[90].

Требование равенства в торговле и финансах. Заглядывая в будущее, многие футурологи полагают, что «любая система торговли, по самой своей природе неизбежно уменьшит роль США в мировой экономике, поскольку многие господствующие позиции Америки в организациях вроде Всемирного банка или МВФ, полученные после второй мировой войны, подвергнутся сомнению и протесту. В любой новой системе Соединенные Штаты будут иметь меньше прав голоса и меньше влияния. Как только начнутся переговоры о новой системе торговли и американской публике станет ясной потеря Америкой былого могущества, эта публика не поддержит новые соглашения... в таких бумажных организациях, как Всемирная торговая организация (где каждая страна имеет один голос)... В отличие от периода Бреттон-Вудса (1944) США не могут посадить всех за стол переговоров и принудить принять созданную американцами торговую систему»[91]. Отныне США не могут безоглядно следовать только собственным интересам.

Угрозы, которые Америка встретит в будущем, будут мало похожи на угрозы десятилетней давности. Америка должна быть

готовой к отражению атак террористов, а не к запуску боевых ракет. Вопреки фундаментально изменившейся реальности, стратегия и тактика вооруженных сил США не изменилась принципиально со времен холодной войны. Воздушные силы требуют создания новых типов бомбардировщиков; наземные силы хотят разработки новых танков и бронетранспортеров; ВМС — 14 авианосных соединений. Но кто будет сражаться с партизанами на улицах Могадишо или Митровицы? Это означает, что американские вооруженные силы в XXI веке встретят свои задачи неадекватно. Вооруженные силы США, при всем их феноменальном могуществе, будут становиться все менее эффективным инструментом в силовых конфликтах, которые обещает нам XXI век.

Смириться? «Американцам неизбежно придется примириться,— приходит к заключению экономист Л. Туроу,— с потерей своего положения господствующей в мире экономической, политической и военной державы. Рациональный подход требует, чтобы американцы играли активную, но меньшую роль на мировой сцене»[92]. Ему вторит известный политолог Р. Хаас: «Способность Соединенных Штатов быть постоянно впереди со временем, конечно же, ослабнет. Существуют частичные исключения, но общая долгосрочная тенденция подвергнет Соединенные Штаты эрозии»[93].

Самодовольство, столкнувшееся с суровой реальностью в Персидском заливе, Сомали, Боснии, Косове, породило критику триумфализма, требующую выработки декларируемой стратегии, постановки конкретных задач, критику демократов Клинтона за невнятность курса, за «стратегию лозунгов». Главными угрозами Соединенным Штатам называют прежде всего ядерное оружие в руках Советского Союза и других стран, истощение экономических ресурсов, нетрадиционные угрозы в виде миграции населения и загрязнения окружающей среды[94].

Официальный Вашингтон. Все эти перемены отразились на позиции Белого дома, ощутившего на себе силу этнического давления внутри страны и упорство неподатливого мира вовне. На внутренней арене переход к «многорасовости» стал для президента Клинтона своего рода «переходом Рубикона». Он оказался первым американским президентом, который поставил «разнообразие выше единством той страны, которой он управляет. Поддержка реализации собственной этнической и расовой идентичности означает, что недавние эмигранты более не являются объектом того давления, которое испытали на себе прежние

эмигранты, стремившиеся интегрироваться в американскую культуру. В результате этническая идентичность стала более важной и увеличивает свою значимость в сравнении с национальной идентичностью... Не имея общей культуры, основа национального единства становится хрупкой»[95].

Едва ли проводимая в таком ключе политика способна укрепить «монолит США». Под новый мировой порядок гегемонии США подкладывается заряд огромной разрушительной силы. Увеличиваются основания для сомнений в том, что американский народ пойдет на большие материальные жертвы, на жертвы жизнями своих сограждан ради достижения целей, преследование которых — дело рук лишь одного и этнических меньшинств.

Конгресс на тропе изоляционизма.. В апреле 1999 года палата представителей конгресса США отвергла предложение послать наземные войска США в Косово. А в октябре американские законодатели отвергли предложение ратифицировать Договор о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Председатель подкомитета по боевой готовности комитета по вооруженным силам палаты представителей США Г. Бейтмен признал, что «очень хорошо осведомлен о бытующей в рамках республиканской партии точке зрения относительно того, что Америке не стоит стараться быть мировым полисменом, что она слишком часто берет на себя миссии, не представляющие собой жизненной важности с точки зрения национальной безопасности США... Значительную часть республиканцев в конгрессе можно определить как группу, объединенную лозунгом «Прочь из Организации Объединенных Наций»[96]. В проект военного бюджета на 2000 финансовый год сенатор К. Хатчисон внес поправку, призывающую сократить глобальные обязательства США и вывести американцев из тех мест, где их обязательства уже выполнены,— прежде всего из Южной Кореи и Саудовской Аравии.

С другой стороны, уникальный шанс манит, и многие не желают разменять возможность господства на некие абстрактные ценности. Как пишет современный американский историк Э. Басевич, господство диктует слишком соблазнительные условия. «По всей очевидности американцы проснутся в реальном мире, где Соединенные Штаты должны будут принять на себя суровое бремя — частично они уже это бремя чувствуют,— ибо имперское правление налагает такую большую ответственность, что это скажется не только на нашем благосостоянии, но и на нашей идентичности. Даже отрицая то, что это было нашей целью, *Америка может стать Римом*»[97].

Шансы гегемонии. Физические обстоятельства могущества позволяют утверждать, что США фактически являются и еще долгое время будут преобладающей мировой силой. Но природа доминирующей роли США будет меняться. На *первой* фазе своего возвышения (1945—2000) источником американской мощи были огромные ресурсы. В дальнейшем США становятся крупнейшим в мире должником. Они начинают принимать на свою территорию больше иммигрантов, чем все остальные страны мира, вместе взятые. На *второй* фазе (начинающейся в новом веке) увеличивается значимость того, что Дж. Най назвал «мягкой силой» — способность достичь большего не подталкиванием, а привлекательностью американского общества, выгодностью не противостоять Соединенным Штатам, а пользоваться плодами дружбы с ними.

Сторонники закрепления американской гегемонии — утверждают, что самая опасная система — биполярная: «Жесткая биполярная система обычно возникает на закате исторического цикла и в любом случае она ведет к конфликту, изменяющему саму систему. Биполярность — не единственная причина конфликта, но она создает такую совокупность обстоятельств, которые почти неизбежно ведут к конфликту»[98]. Из этого следует, что движение к восстановлению биполярности (с любыми действующими лицами в качестве соперника США) следует остановить и заблокировать.

Обречено ли мировое сообщество в грядущие десятилетия на американское лидерство вплоть до гегемонии? Такой обреченности, исторической заданности не существует. Контроль США над внешней сферой не абсолютен. И ничто не вечно, любой процесс имеет как начало, так и конец.

«В ближайшем будущем — от пяти до десяти лет — американское вмешательство в заграничных делах,— пишет американский исследователь Фарид Закария,— будет происходить благодаря стимулам внешнего мира — вакуум власти, гражданские войны, проявления жестокости, голод; но характер вмешательства будет определяться внутренними обстоятельствами — прежде всего внутренними приоритетами, боязнью крупных потерь и стратегического перенапряжения, гибели американцев. Американцы будут стремиться достичь обе цели, вооружившись риторикой интервенционизма — делая вид активной задействованности — и в то же время в действительности отстоя от реального участия в том, что касается траты времени, денег и энергии. В результате Вашингтон во все большей степени будет превращаться в пустого по своей сути гегемона»[99].

Даже апологеты возвышения США определяют образовавшийся к третьему тысячелетию мир как испытывающий на себе несравненное американское могущество и в то же время не контролируемый полностью инструментами этого могущества. Реализм требует характеризовать существующий мир как такой, в котором есть *«единственная сверхдержава, но не сформировался однозначно однополюсный мир»* или как *«однополюсный мир без гегемонии»*. Тем самым подчеркивается «неабсолютный» характер американского преобладания в мире, где США, являясь единственной сверхдержавой, «периодически проявляют себя как гегемон в двусторонних, региональных и функциональных отношениях, но не могут позволить себе самоутверждения *всегда и везде,* что не позволяет считать Америку в полном смысле *системным гегемоном»*[100].

Когда идеологи, подобные Роберту Кагану и Уильяму Кристолу, утверждают, что «мир во всем мире и безопасность Америки зависят от американской мощи и воли использовать эту мощь» и говорят о необходимости поддерживать «стратегическое и идеологическое превосходство»[101], они, собственно, говорят о мире где была жесткая дисциплина, о мире, который более не существует, который ушел невозвратно вместе с Берлинской стеной. «Творцы американской политики уже не смогут создать парадигму, которая была бы поддержана американским обществом... Энергичное использование мощи зависит от наличия ощущения исполняемой миссии, а его, увы, нет. Последние рейганисты плетут соломенных чудовищ, пользуются алхимией слов, стараясь возбудить хорду иррациональности в американцах, пытаясь превратить побочные конфликты в центральные, но время крестовых походов ушло, нечего призывать туда, где нет цели»[102].

Глава 9

ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЮСНОГО МИРА

Естественная диффузия мощи предопределяет шаткость положения лидера. Отсутствие непосредственных соперников, забвение прямых (и даже косвенных) угроз неизбежно порождает коварную самоуверенность, чувство самодовольства, чреватое невниманием к проблемам других, что стимулирует их объединение, ведущее к конечной потере лидером своего могущества. В то же время «фактом является, что остальной мир реагирует на амери-

канскую мощь в классической манере поиска противовеса, ведь не мотивы и намерения важны, а относительная мощь государств»[103].

Нестабильность гегемонии. История учит, что гегемония — с трудом удерживаемая позиция. Особенно, если речь идет о десятилетиях нашего бурного времени. Гегемон не может не совершать ошибки. Его внутреннее психологическое поле не может быть постоянно настроено на жертвенность. Внутренние проблемы статистически чаще преобладают над потребностями контроля в отдаленных пределах. В большом историческом смысле Америка не может рассчитывать на феноменальную историческую исключительность. Конечность ее лидерской миссии определена природой человеческих и межгосударственных отношений. Гегемония, полагает живущий в Париже американский обозреватель У. Пфафф, «является внутренне нестабильной, поскольку международная система естественным образом стремится к балансу и противится гегемонизму. Гегемон постоянно находится в опасности»[104]. В то же время «гегемон обуреваем гордыней и эксцессами изнутри, и угрозами извне»[105].

Односторонность американского внешнеполитического поведения подвергается сомнению и критике еще и потому, что она не является уже ответом на некую (прежде советскую) угрозу, а проявляется как *качество само по себе* — как неукротимое стремление к лидерству. Это не первый в истории случай, когда лидерство, параллельно с огромными возможностями, несет с собой опасность противостояния с недовольным внешним миром.

Два столетия назад в положении современных Соединенных Штатов находилась Великобритания — она тоже испытывала страх перед потерей глобального могущества. Один из ее великих мыслителей и ораторов Эдмунд Берк выразил свои сомнения так: «Я боюсь нашей мощи и наших амбиций; я испытываю опасения в отношении того, что нас слишком сильно боятся... Мы можем обещать, что мы не злоупотребим своей удивительной, неслыханной доселе мощью, но все страны, увы, уверены в противоположном, в том, что мы в конечном счете своекорыстно воспользуемся своим могуществом. Раньше или позже такое состояние дел обязательно произведет на свет комбинацию держав, направленную против нас, и это противостояние закончится нашим поражением»[106]. Пессимизм Берка на новом этапе англосаксонского могущества разделяется немалым числом специалистов как внутри США, так и в огромном внешнем мире.

Логику Берка хорошо понимают (и солидарно разделяют) те, кого называют *неоизоляционистами* — наследники движения «Америка превыше всего», либертарианцы, убежденные пацифисты, все те, кто отвергает миссионерский пыл гегемонистов.

Объективные факторы. Фаза почти неестественного по мощи подъема одного из субъектов мировой политики не может длиться бесконечно. *Американский век* может *не* наступить по объективным причинам.

Во-первых, Соединенным Штатам, даже будучи близким к *гегемонии,* будет чрезвычайно трудно контролировать *все основные* мировые процессы. Мир значительно более сложен, чем его подают безоглядные сторонники «воспользоваться уникальным шансом»; мир практически непредсказуем, в своей эволюции он опасен и даже малая тучка на горизонте способна принести разрушительную бурю. Предотвратить *все* проявления мировой анархии не может никакая сила, будь она даже преисполнена невероятной жертвенности; но даже малую жертвенность возродить весьма сложно, поскольку любые сегодняшние подрывные процессы не способны угрожать жизненным устоям США, а значит бесконечная жертвенность неоправданна.

Даже если учитывать только материальные обстоятельства. Полвека назад США производили половину мирового валового продукта, в своей торговле имели колоссальное положительное сальдо, хранили у себя две трети мирового запаса золота, кредитовали едва ли не все развитие мира. В начале XXI века на США, в которых живут менее пяти процентов мирового населения, приходится примерно 20% мирового валового продукта. У них хронический торговый дефицит, золотые запасы Америки вдвое меньше европейских. Америка превратилась в крупнейшего мирового должника.

Для поддержания гегемонии США, по оценке экспертов, должны увеличивать в год военный бюджет на 60-80 млрд. долл.[107]. Это минимальные цифры. Сторонники укрепления американской гегемонии в конгрессе США предлагают расходование дополнительно 60-100 млрд. долл. в год на протяжении ближайших двадцати лет. Поддержание благоприятного для себя соотношения сил требует от США расходов на военные нужды не менее 3,5% своего ВНП. Законодатели и население не всегда видят в этих расходах резон. Неизбежные новые экономические проблемы наложат ограничения на внешнеполитические возможности Не забудем, что уже наказание Саддама Хусейна за захват

Кувейта было осуществлено за счет экономической помощи Германии, Японии и Саудовской Аравии. Одна лишь операция в Боснии, оцениваемая примерно в 10 млрд. долл. в год, никак не может осуществляться за счет только американских средств, основываться на возможности США «проецировать мощь», служить полицейским мира. Соединенным Штатам при определенном стечении обстоятельств может оказаться сложно сохранить обязательное условие американской гегемонии — «сохранение более эффективного контроля над европейскими военными возможностями в рамках и контексте НАТО»[108].

Во-вторых, будущее уже не может предоставить Америке прежних, невероятно благоприятных условий. В начале XXI века долг США перевалил за 1 трлн. долл., увеличиваясь ежегодно на 15-20% (одна лишь Япония владеет американскими облигациями на 300 млрд. долл., а Китай — на 50 млрд. долл.). В будущем инвестиции иностранцев в США значительно превзойдут американские инвестиции за рубежом, знаменуя собой окончание великого наплыва американских инвестиций во внешний мир. Теперь этот мир сам пришел в Америку.

Присоединение к агрессивному экспорту Японии и «тигров»: Китая, Индонезии, Малайзии и Мексики привело к напряжению в американской экономике, к потере целых отраслей, к безработице и падению жизненного уровня даже квалифицированных рабочих. Дополнительные (колоссальные) мощности, созданные новыми индустриальными странами в производстве полупроводников, выплавке стали, текстильной — ориентированной на экспорт мировой промышленности (в Китае например, на уже перегруженный экспорт ориентируется примерно 70% промышленности), сделали ясным, что в новом веке экспортные отрасли производителей будут работать быстрее, чем способна потребить их продукцию Америка. В то же время, в стране с многотриллионным долгом нельзя потреблять выше некоей планки — дальнейшее растущее потребление поведет к опасному долгу страны.

К тому же стареющее население Америки явится менее перспективным массовым покупателем будущего. Сохранение баланса национальной экономики США потребует от американского правительства ограничить допуск на национальный рынок иностранных экспортеров. Все большее число развитых и развивающихся стран встретит горькое разочарование на прежде казавшемся бездонным рынке Америки. Привязанность тех, кто построил свою экономику (а, соответственно, и политику) на использовании сегмента богатейшего американского рынка, неизбежно ослабнет.

В-третьих, Соединенным Штатам, поднявшимся на необычайную вершину, все труднее рассчитывать на *солидарность* союзников. Действует неистребимое правило: отчуждение лидера, почти автоматическое формирование контрбаланса. Скажем, европейские союзники выступают против излишнего рвения Вашингтона в вопросе о наказании Ирака. Ощутимо было сопротивление политике в Косове. Вашингтону не удалось принудить Россию отказаться от строительства атомного реактора в Иране, военного сотрудничества с Китаем и Индией. Канада вопреки американскому сопротивлению налаживает контакты с Кубой. В мире нарастает критическое отношение к отказу США ограничить процессы, загрязняющие окружающую среду.

Многократно повторяемое положение: в условиях паранойи холодной войны солидарность союзников проявлялась почти автоматически. Но исчезновение «общей миссии» неизбежно поведет дело союзнических отношений по руслу экономической конкуренции, а на этом пути солидарность уступает место жестоким законам рынка и потенциальные (прежние) союзники могут весьма быстро ожесточиться — что мы уже многократно видели в ходе восьми послевоенных раундов торговых переговоров в рамках ГАТТ и теперь уже ВТО. Соединенные Штаты могут усугубить ситуацию, дав выход «праведному гневу» в отношении ненадежных союзников, неблагодарности клиентов, жесткости несправедливой конкуренции, тяготы решения «неразрешимых» проблем — общей цены лидерства, переходящего в гегемонию.

В-четвертых, периферия всегда объединяется против центра. Остальные страны начинают ощущать, что они не могут более доверять, сотрудничать, получать нечто позитивное от гегемона, они начинают предпринимать действия по созданию контрбаланса. Диффузия капитала, технологии и информации трансформирует внутреннюю жизнь огромного числа стран, порождает неожиданную жизненную силу, трансформирует прежний образ жизни; это делает ее более пестрой, многосторонней и непредсказуемой — в любом случае это развитие подрывает статус-кво, столь благоприятный для Соединенных Штатов.

В то же время колоссальная военная мощь никогда не будет достаточной для контроля по всем азимутам. «Американские вооруженные силы показывали себя непобедимыми до тех пор, пока конфликт мог быть сдержан в пределах определенных географических и технических границ. Любая выступившая против США держава примерно размеров Кувейта или Кореи использует только обычное оружие, она не нападает на базовые структуры, которые

позволяются превосходной американской мощи, и уже поэтому такая держава обречена. Но держава, которая осуществляет свою военную программу как раз с намерением нейтрализовать эти главные американские преимущества, имеет лучшие шансы — как в ходе ведения военных действий, так и в том, чтобы (это более важно) сдержать само американское выступление... Вместо того чтобы конкурировать в производстве более совершенных танков и самолетов, отдавая сферу технологического совершенства Западу, Азия сдвигается в сторону средств массового поражения и баллистических ракет, средств доставки боеголовок. Разрушительные технологии Азии разворачиваются прямо перед глазами Запада, но остаются едва ли не незамеченными, поскольку Запад концентрируется на проблеме своего общего лидерства... Это не вопрос о двух «нациях-изгоях», идущих всем вопреки. Если создание баллистических ракет и средств массового поражения делает государство «парией», то в Азии существует уже как минимум восемь таких государств. Израиль, Сирия, Ирак (если он избежит санкций ООН), Иран, Пакистан, Индия, Китай и Северная Корея — все реориентируют свои военные системы с пехотных войск на сокрушительные технологии. Некоторые страны стремятся к обретению химического и биологического оружия; некоторые создают атомное оружие; некоторые строят все эти виды вооружений. Но общим является направленность на баллистические ракеты»[109].

Субъективные факторы. Не гранитной является и *воля* гегемона. Образ глобального шерифа в общем и целом, вопреки пропаганде и жесткому прессу десятилетий холодной войны, не импонирует большинству американцев. Более того, значительно изменился фокус их непосредственного внимания. Американскую общественность ныне больше беспокоят внутренние проблемы — ухудшение окружающей среды, распространение наркотиков, криминал, терроризм. «Общественный интерес к политико-военным проблемам, который определял международные дела во время холодной войны, упал даже среди тех, кто характеризует себя интернационалистами... Общественность в общем и целом протестует против одностороннего вмешательства Соединенных Штатов в разрешение споров в отдаленных местах — в Банье Луке, Тимишоаре, Центральной Африке — особенно, если это представляет угрозу военному персоналу американских вооруженных сил. Поддержка американского участия в миротворческих операциях ослабла. Отказ конгресса вносить взнос в ООН

не вызвала общественного возмущения»[110]. Американские законодатели отказались дать президенту особые полномочия для заключения торговых соглашений с внешними партнерами страны.

Проблема заключается в том, что «американцы любят считать себя первой мировой державой, но они не имеют глубоких исторических обид или страстей, необходимых для того, чтобы доминировать над другими или реформировать других; они не склонны наделять свое слабеющее правительство необходимыми полномочиями, а себя заковывать в дисциплину, требуемую для осуществления глобальной гегемонии»[111]. Как пишет У. Пфафф, противостоящий изоляционизму «интернационализм является более теорией, чем практикой, и основывается на значительном невежестве относительно происходящего за рубежом. Конгресс не всегда отражает общественное отношение, но в той мере в какой он это мнение отражает, американский ответ на угрозы национальным интересам — даже коммерческим интересам чаще всего является односторонним и несущим черты ксенофобии. Это шаткое основание для проведения политики глобальной гегемонии»[112].

Расширяется пропасть между *продолжением оснащения* таких вооруженных сил, которые выиграли две мировые войны, готовых вести одновременно две войны типа тех, что имели место в первой половине XX века, и неготовностью общества и элиты платить кровью, убивать и жертвовать собой в этих конфликтах. На пути силовой политики встает новое фундаментальное правило (мы цитируем в данном случае американца Д. Риэфа): «Население Соединенных Штатов не потерпит ни длительной войны (подобной вьетнамской), ни ощутимых, значительных потерь»[113]. Если эта пропасть будет расширяться, то центральная роль Америки в мире подвергнется изменениям довольно быстро. «Вот почему,— пишет Д. Риеф,— факт отсутствия у США соперника где-нибудь на горизонте делает современную ситуацию такой настораживающей»[114].

Несколько субъективных факторов, ощутимых и в США и за их пределами, следует выделить особо.

Во-первых, происходит дегероизация американского политического Олимпа, а собственно, и самой американской политической системы. Между Уотергейтом и скандалами периода Клинтона исчезла аура, которую мир видел над воином-политиком Эйзенхауэром и «юным цезарем» Джоном Кеннеди. «Потрясенная неурядицами внутренняя сцена Америки,— пишет историк П. Кеннеди,— внутренняя направленность ее культурных войн предопределяют растущую сложность нахождения лидеров, кото-

рые фокусировали бы свое внимание на международных проблемах... Все это ослабит способность Америки к мировому лидерству»[115].

Во-вторых, как бы завершился своего рода «крестовый поход» американцев во внешнем мире. Они одержали все возможные победы. Не пора ли почить на лаврах? Возникает картина, когда основная масса американского населения все еще поддерживает идею мирового лидерства, но, повторяем, весьма нерасположена «платить» за него — она явно не готова к самоотверженности, она против американских жертв. Американцы не расположены видеть свою страну глубоко вовлеченной в долгосрочные внешнеполитические кризисы. Речь не идет о неком возврате американского изоляционизма, но явно иссякает энтузиазм следовать клятве президента Дж. Кеннеди «заплатить любую цену» за свое лидерство в мире.

Об ослаблении интереса простых американцев к прежде привлекательному миру можно судить хотя бы по туристическим потокам. В XX веке число американцев, выезжавших за границу, значительно превышало численность иностранцев, посещавших Соединенные Штаты. На рубеже XX—XXI вв. эти цифры почти сравнялись (по 45 млн. человек выезжали из США и приезжали в них). Численность иностранцев, навещающих Америку, в XXI в. будет значительно больше массы американцев, выезжающих за границу.

В-третьих, во внешнем мире растет убежденность в том, что американский опыт практически неимитируем, что повторить американский путь не сможет никто. Хотя бы потому, что недостаточно земных ресурсов и уровень американского потребления, воспроизведенный в массовых масштабах, просто опустошит планету — основных ископаемых при американском темпе потребления хватит лишь на несколько десятилетий.

Соответственно, нетрудно предположить, что будут расти сомнения в воспроизводимости, имитируемости столь пропагандируемой системы ценностей, в либерально экономической модели Америки, подаваемой как неизбежное будущее человечества («конец истории» и т.п.). Как приходит к выводу американский исследователь де Сантис, «либерально-демократическая идеология, может быть, и одержала триумф над государственнической коммунистической альтернативой и над азиатской моделью индустриального планирования и политической опеки. Но это не означает, что другие нации торопятся повторить американский путь, еще менее готовы они последовать путем, который считают противоречащим их интересам. И чем больше необходима будет

помощь других стран для реализации американских инициатив, тем больше те будут настаивать на собственном пути»[116].

В-четвертых, ослабевает магнетическая притягательность массовой культуры США. Даже средний американец не будет доволен жизнью в стране, где «половина браков завершаются разводом, где в двухчасовом фильме сотня сцен насилия. Уже есть признаки изменения системы ценностей — призыв к контролю над оружием, реформация системы общественного здравоохранения»[117]. Скепсис набирает сторонников. «С распадом Советского Союза никакая сила уже не угрожает существованию Америки и никакая внешнеполитическая идея не возбуждает общественного интереса. Конгресс во все большей степени «балканизирован» — многие демократы не убеждены в достоинствах свободной торговли, а республиканцы питают слабый интерес к международным проблемам, у них нет желания посвящать время международным делам. Президент должен учитывать эти тенденции»[118].

В-пятых, неясен ответ на вопрос, как совместить прием огромного числа иммигрантов (столько же, сколько принимает у себя весь остальной мир) с центральной ролью Интернета и построенной на нем экономики со всеми новыми присущими ему (Интернету) ценностями? Как сочетаются между собой национализм и космополитизм, мир клятвы новой родине и анонимный мир современных массовых коммуникаций?

В-шестых, критически важным обстоятельством является разлад в отношениях между внешнеполитической элитой США и основной массой американского населения. Обратимся к социологической статистике. Согласно опросам чикагского Совета по международным отношениям, 98 процентов американской элиты категорически выступают за мировое лидерство. Гораздо сложнее отношение к этому вопросу основной массы американцев. Американская общественность не выразила никакого энтузиазма по поводу новой предполагаемой атаки против Ирака в феврале 1998 года, не выказала энтузиазма в случае с балканской военной интервенцией весной 1999 года. Расширение НАТО на Восток получило весьма сдержанное одобрение незначительного большинства американцев.

Элита уже не может преподносить своему народу нечто «логически безукоризненное» типа стратегии «сдерживания». (Сдерживать СССР уже поздно, а КНР еще рано.) В то же время 72% американцев полагают, что Соединенные Штаты не должны слишком вовлекаться в международные дела, а должны концентрироваться на внутренних национальных процессах — этого

мнения элита явно не разделяет. По умозаключению Ф. Закариа, «общественность более не верит, что элита идет правильным путем. Общественность полагает, что элита слишком интернационально настроена, слишком концентрируется на грандиозных проектах — таких как поддержание стабильного мирового порядка или расширение зоны свободной торговли, а не на интересующем американский народ улучшении внутриамериканской жизни»[119].

Обратимся хотя бы к мировой торговле. 79% представителей элиты выступают за ликвидацию таможенных барьеров и расширение мировой торговли, среди широкой общественности такую идею поддерживают лишь 40% населения[120]. Только 51% представителей элиты считают защиту американских рабочих мест «очень важной целью» — каковой ее считают 84% общественности. Такого водораздела между широкой публикой и элитой не существовало в годы холодной войны, но он обрел очевидную зримость в начале третьего тысячелетия. И если настроенные на долгосрочную гегемонию политики не сумеют создать массовую поддержку жесткому международному курсу страны, внутреннее основание гегемонии прогнется несмотря на все физическое могущество.

Как резюмирует де Сантис: в конечном счете «Соединенные Штаты не владеют достаточными ресурсами и необходимой волей, чтобы осуществлять свою (контрольную) работу бесконечно»[121]. Более углубленные в себя, менее прозелитирующие как носители новых ценностей американцы встретят жесткое конкурентное давление менее избалованных исторической судьбой соперников-конкурентов. И судьба Америки может оказаться стандартной для мирового центра: цена «имперской вахты» окажется для более самососредоточенного общества все менее и менее приемлемой.

Лидерство в неудовлетворенном мире. Как оценивает ситуацию С. Хантингтон, *«однополюсная система предполагает наличие одной сверхдержавы, отсутствие крупных держав, множество мелких стран»*[122]. Только в такой обстановке сверхдержава могла бы эффективно решать основные международные вопросы и никакая комбинация, никакой союз других держав не мог бы противостоять единственному силовому полюсу. На протяжении многих столетий такой державой был античный Рим, а в своем дальневосточном регионе — Китай.

«Нечасто,— отмечает У. Пфафф,— американцы задаются вопросом, имеют ли они достаточные моральные и интеллектуальные ресурсы для осуществления роли гегемона... Но реальность,

сила вещей, эвентуально поставят во всю ширь этот вопрос, даже если сейчас он и непопулярен»[123]. Некоторые умудренные американцы задают роковой вопрос уже сейчас: «Великий вопрос американской внешней политики уже сейчас заключается в противоречии между настойчивым желанием оставаться главной глобальной силой и постоянно растущим нежеланием платить цену за такую позицию»[124].

Отмечая свое девяностолетие, патриарх американской политологии Дж. Кеннан дал весьма критический анализ возможности для Соединенных Штатов осуществлять мировую гегемонию: «Перед нами в высшей степени нестабильный и неудовлетворенный мир — преисполненный противоречий, конфликтов и насилия. Все это бросает нам такой вызов, к которому мы не готовы. В течение 60 лет внимание наших руководителей и общественного мнения было монополизировано *совсем другими угрозами*... Наши государственные деятели и общественность не приспособлены реагировать на такую мировую ситуацию, в которой нет четко выраженного фокуса для проведения национальной политики»[125]. Кеннан не утверждал, что Америка нуждается в четко прописанной великой стратегии (имитирующей стратегию сдерживания), но он констатировал факт, что Вашингтон едва ли готов к решению проблем нового мира XXI века. Он указал и на внутреннее разъединение, и на противостояние несклонного быть управляемым внешнего мира.

Иные приоритеты. Кеннан прав, говоря об изменении фокуса национального интереса. Опросы общественного мнения подтверждают этот факт. Американцы воспринимают внешние угрозы следующим образом (в процентах, начиная от наиболее значимых): международный терроризм (80%); применение химического и биологического оружия (75%); возникновение новых ядерных держав (73%); эпидемии (71%); превращение Китая в мировую державу (57%); поток иммигрантов в США (55%); конкуренция Японии (45%); экономическое соперничество со странами с низким жизненным уровнем (40%); исламский фундаментализм (38%); военная мощь России (35%); региональные этнические конфликты (34%); экономическое соревнование с Западной Европой (24%) (*Источник: «Foreign Policy», Spring 1999, p. 104.)*

Большинство американцев в общем и целом, повторяем, предпочитают интернационализм изоляционизму, но при этом не склонны к жесткой вовлеченности и сопутствующим издержкам. (В этом отношении американская империя повторяет эволюцию британской империи. Британские генералы второй мировой войны Монтгомери и Александер в качестве молодых офицеров видели

страшные потери первой мировой войны, обескровившие целое поколение. Став старшими военачальниками, они прежде всего думали о минимизации людских потерь. Такую же эволюцию претерпевают американские младшие офицеры периода вьетнамской войны — теперь четырехзвездные генералы более всего боятся массовых людских потерь*.)

Мир не окрашен для американцев одной краской, они выделяют более важные для себя страны, за чьей политикой следует следить в первую очередь. Шкала жизненных интересов размещает такие страны (по степени уменьшения значимости для США в % населения и политических лидеров):

Таблица 9.

Страна	Общественность США	Лидеры США
Япония	87	94
Россия	77	93
Саудовская Аравия	77	88
Китай	74	95
Израиль	69	86
Канада	69	89
Кувейт	68	89
Мексика	66	93
Британия	66	84
Иран	61	72
Германия	60	83
Южная Корея	54	82
Южная Африка	52	52
Тайвань	52	52
Босния	51	48
Куба	50	48
Египет	46	66
Афганистан	45	45
Франция	37	57
Индия	36	36
Индонезия	33	50
Бразилия	33	75
Турция	33	33
Гаити	31	33
Польша	31	42
Эстония, Латвия, Литва	27	30

Источник: «Foreign Policy», Spring 1999, p. 103.

---

* Значительно менее мощная французская армия — в стране со стойкой военной культурой нашла более адекватное сочетание консьюмеризма и человеческих жертв. В ходе полицейских операций в Боснии французы потеряли примерно сто военнослужащих, что однако не вызвало общественного кризиса.

В опросах американского общественного мнения только в одном случае американцы выражают готовность применить американские вооруженные силы за пределами США — в случае вторжения Ирака в Саудовскую Аравию.

В результате внешняя политика США находится под влиянием интересов отдельных групп, влиятельных частных, а не общенациональных интересов, не общенациональной стратегии. Некоторых американских политологов это раздражает: «Если современная эра американского превосходства подойдет к преждевременному окончанию, а за ней последует период повышенного насилия и окончания процветания, то объяснением этому будет американская глупость, а не внезапный подъем противника»[126].

Неприемлемые материальные расходы. Такие американские исследователи, как У. Грейдер (посетивший немалое число заграничных баз — места дислокации американских войск на самых разных широтах), приходят к выводу, что на определенном этапе чисто материальная цена поддержания огромной зоны влияния окажется неприемлемой для большинства американцев. Грейдер пишет: «Даже если современный консенсус по поводу поддержания текущих уровней вооруженных сил сохранится, бюджетное напряжение, уже видимое и ощутимое, станет в конечном счете непереносимым. Цена еще более дорогостоящих исследований и разворачивание новых систем вооружений, необходимых для обеспечения минимального уровня американских потерь, значительное повышение зарплат и пенсий военнослужащим, рассчитанное на предотвращение их ухода в гражданские области, на поддержание нынешнего масштаба воинского контингента и индустриальной инфраструктуры, создаст бремя, которое, попросту говоря, станет невыносимым для американцев даже в период экономического процветания»[127].

С одной стороны, ослабление желания выполнять внешнеполитические обязательства и предпринимать инициативы за пределами границ США произойдет еще более естественным образом в случае замедления роста американской экономики, когда расходы на социальные нужды выйдут на первый план и нанесут удар по бюджету вооруженных сил США. При этом создание высокотехнологичных видов вооружений может *очень быстро* стать настолько дорогостоящим (учитывая безусловный настрой американского населения на предотвращение *всех* возможных потерь), что начнут поглощать основную массу ассигнований на военные нужды, создавая объективно нужду в его увеличении.

С другой стороны, усилия по сохранению в армии «лучших и самых ярких» станут бессмысленными в случае продолжения

экономического бума в экономике страны. Американская армия начнет терять самый квалифицированный персонал. Скажем, гражданские авиакомпании будут сманивать лучших военных пилотов. Способность содержать армию, годную к глобальной миссии, станет все более трудной. Эти взгляды наиболее убедительным образом выразил бывший пилот ВМС сенатор Маккейн, весьма ярко проявивший себя на начальной стадии избирательной кампании республиканцев в 2000 году.

С третьей стороны настроения молодого поколения американцев едва ли окрашены в героический дух жертвенной обороны трансконтинениальных границ — вех всемирной зоны влияния. Американское общество эволюционировало в направлении не тяги к имперской славе, а в направлении ценностей комфорта, долголетия, индивидуального самоутверждения. «Наше общество,— подчеркивает Д. Риефф,— сделало *здоровье* общепризнанно наиболее важной социальной ценностью... В Америке индивидуумы, попавшие в катастрофу или ущемленные неудачным поворотом событий, немедленно принимаются искать, кого можно в этих несчастьях обвинить. В таком культурном контексте старые доблести жертвенности, подчинения, дисциплины и риска теряют свой смысл и неудивительно, что армия США должна приспособиться к этим реалиям»[128].

В течение уже долгого времени американцы полагают, что проблема может быть решена за счет революции в передовой военной технологии, позволяющей наносить сверхточные удары, сохраняя при этом людскую силу. Отсюда огромные усилия по созданию целого потока направляемых лазерным лучом ракет, управляемых снарядов и бомб, которые должны минимизировать людские потери. Подлинная проблема заключается в том, что, не желающее ничего слышать о людских потерях, американское население в то же время выросло в твердой вере в буквально безграничную американскую военную мощь.

Для лидерства в мире США нуждаются в самом образованном населении. В то же время серьезные исследователи отмечают, что американская система образования дает сбои, что американские дети учатся меньше на 40-80 дней в год, чем их сверстники в Европе и Японии; качество образования также оставляет желать лучшего. Инвестиции в образование, инфраструктуру и исследования сократились. Американцев будет заботить, что их правительство «ничего не сделало для повышения уровня образования тех, кто не учится в университетах. Для экономики первого мира массивная рабочая сила третьего мира — не самый прочный экономический фундамент»[129].

Мир не разделяет многие из американских ценностей. Мы видим как возглавляемая канадцами группа из 20 стран отвергла «американский культурный экспорт», целые коалиции фактически препятствуют Соединенным Штатам снова осуществить меры военного воздействия на Ирак. Собственно, остается загадкой не это противодействие, а удивительное *непротивление* европейских и азиатских стран диктуемому Америкой порядку, их прямая и косвенная поддержка.

«Другие нации,— размышляет У. Пфафф,— имеют собственные мифы национального происхождения, своей уникальности и судьбы. Американский опыт представляет для других народов некоторый исторический интерес, но особого политического значения он не имеет. Другие общества могут восхищаться Соединенными Штатами, эти общества могут завидовать американцам по-хорошему и по-плохому. В Соединенные Штаты продолжается иммиграция тех, кто жаждет того, что воспринимается как свобода и приобщенность к материальным богатствам. Но огромное большинство человечества *индифферентно к американским порывам,* если вовсе не враждебно к ним; элита прочих наций мира не готова воспринимать такую иерархию политических обществ и культур, в которой Соединенные Штаты всегда находятся на вершине»[130].

Как удержать доминирующие позиции. Американская элита, лидеры обеих политических партий верят в возможность удержания главенствующих позиций в мире. Примером могут служить сказанные в американском сенате слова государственного секретаря Мадлен Олбрайт: мы (американцы) должны сохранить за собой функции «авторов истории своего времени»[131]. А если так, то дело в правильной стратегии, в разумном расходовании сил, в нахождении оптимальной схемы преобладания. Предполагается, что выбор адекватной стратегии продлит пребывание США на мировой вершине в функции «авторов» истории двадцать первого века.

По существу же, США будут вынуждены — это будет их исторической судьбой в XXI веке — решать задачу предотвращения *объединения* потенциальных конкурентов и соперников. Прежде всего, важна форма, стиль, верное обращение с переменчивым миром. Американский исследователь Г. Биннендийк призывает вспомнить старую мудрость президента Теодора Рузвельта: «Говори вежливо, но неси большую дубину»[132]. Но за счет стилевых особенностей не решишь роковую задачу преобладания и кон-

троля. Дебаты в США как и в остальном мире дают основания для размышлений по этому поводу. Выделим *десять способов* решения этой задачи, вытекающих из интенсивной мозговой атаки, которую проводят сторонники закрепления американских позиций в мире на максимально долгое время в двадцать первом веке.

1. Первый способ представляет собой *имитацию поведения Британии*, когда та в XIX веке добилась доминирующей мировой позиции, но тоже не могла рассчитывать на повсеместный контроль в свете демографических, экономических, транспортных, социальных и прочих ограничений. Такая имитация диктует отстояние от мелочной опеки и контроля, равно как и отказа от автоматически обязывающих союзов на дальней периферии и предполагает энергичное вмешательство в заморские дела лишь в случае открытого заявлении о себе претендента (или группы претендентов) в качестве противников благоприятного для гегемона статус-кво. Английский король Генрих VIII первым выдвинул принцип *Cui adhaero praeest (Тот, кого я поддерживаю, возобладает)*. И британский лев сражался на стороне противников испанской гегемонии в Европе, против французов во времена Людовика-Солнца и Наполеона, против немцев кайзера Вильгельма Второго и Гитлера. То есть, Вашингтону предлагается выбор стратегии *борьбы с возникающим претендентом на мировое могущество по мере возникновения угрозы* и посредством поддержания сил, выступающих против очередного претендента.

Можно согласиться, что Америка в некоторых отношениях напоминает Британию. В 1881 году на Британию приходилось 25% мирового ВНП — столько же, сколько приходится сегодня на Соединенные Штаты. США сегодня (как Британия тогда) являются финансовым центром мира. Британия 1880 года являлась — как и США сегодня — единственной сверхдержавой мира. Сходно и практически «островное», охраняемое двумя океанами положение, обладание неоспоримо преобладающей военно-морской мощью и другими элементами «проекции мощи» в практически любые земные регионы (непререкаемая военно-воздушная мощь и космические средства слежения).

Британский способ сохранять свое лидерство посредством «бросания своей мощи» на весы в решающий момент может в двадцать первом веке оказаться привлекательным для Вашингтона. Даже если бы, скажем, Россия и Китай совместили свои потенциалы, «Соединенные Штаты могли бы сдерживать их настолько долго, что смогли бы нанести неприемлемый ущерб каждой из этих стран»[133]. Для США в данном случае было бы важным до-

биться противостояния такому союзу ЕС и Японии; бросая свой вес на чашу исторических весов, Америка гарантировала бы преобладание *своей* коалиции.

И все же, сколь ни выигрышным смотрится такой вид поведения, такая стратегия, США XXI в. очень отличаются от Британии XIX в. *Во-первых,* Лондон не был, по существу, интегральной частью мировой системы. Он отстоял от основных заморских процессов, лишь периодически в них вмешиваясь. Вашингтон же самым непосредственным и существенным образом *является* звеном мировой системы — он непосредственно вовлечен в региональные балансы, он содержит войска в ключевых регионах, он присутствует явственно и зримо почти повсюду. Ухудшение положения в любом из важных регионов практически немедленно сказывается на США. *Второе* отличие — Америка не может рассчитывать на то, что региональные конкуренты просто своим соперничеством нейтрализуют друг друга. Трудно представить, скажем, как Европейский союз может нейтрализовать Китай. *В-третьих,* хотя Соединенные Штаты и могут периодически высаживать десант (как это было в Персидском заливе в 1991 г. и в Косове в 1999 г.), но полагаться лишь на «точечные удары» Вашингтон не сможет. Геополитический бум XXI в. не будет похож на плавное течение XIX столетия.

И главное. Как ясно теперь, три миллиона квадратных миль колоний не укрепили Британию, а напротив, рассредоточили ее ресурсы. Ясное видение центральной проблемы безопасности оказалось замутненным вниманием к кризисам в самых отдаленных районах Азии и Африки. Увлекшись наведением порядка на Занзибаре, в Судане и Уганде, Лондон «просмотрел» бросок вперед своего подлинного противника — кайзеровской Германии, сконцентрировавшей свою мощь в решающем регионе, Европе, и изменившей соотношение сил здесь кардинально. Британский лев развернулся к Европе тогда, когда стало практически поздно, а исправлять сложившуюся ситуацию стало весьма накладно. Почему подобной участи должен избежать американский орел?

Имитировать «блестящую изоляцию» Британии может оказаться для лидерских притязаний США *контрпродуктивно.* В этом случае следует вспомнить «правило Уолтера Липпмана», сформулированное им в 1941 году: не связывай себя обязательствами, которые превосходят твои возможности, постоянно думай о балансе обязательств и мощи, оставляй часть мощи в резерве. В противном случае недалеко и до банкротства. «Соединенные Штаты должны обеспечить свои планы ресурсами, когда и — что еще

более важно — наличествует национальное намерение выполнить взятые обязательства, когда есть возможность выполнить взятые обещания, когда политика осуществляется в реальной жизни, а не в риторике»[134]. Перекос вызовет кризис.

2. Если учитывать геополитический опыт, то Соединенные Штаты должны следить прежде всего за *центральным* балансом сил. Тогда вперед выйдет *бисмарковская* модель поведения. После объединения Германии канцлер Бисмарк, руководя рейхом в условиях превращения его в ведущую силу Европы, заботился прежде всего об избежании изоляции страны в Европе и мире. (К современной — как и к тогдашней ситуации можно применить слова британского премьера Дизраэли: «Перед нами новый мир. Прежний баланс сил полностью разрушен».) Именно по причине разрушения прежнего баланса бисмарковская Германия (как и США сегодня) была самым уязвимым участником нового уравнивания мощи в мире. Подобным же образом Америка XXI века будет стоять перед задачей, в некоторых отношениях подобной — перед избежанием изоляции. США в будущем (как и Германия на рубеже XIX—XX вв.) могла бы *сокрушить каждую из стран, взятых в отдельности, но не может* возобладать *над всеми соперниками, взятыми вместе)*.

Основное правило Бисмарка было высказано им русскому послу Сабурову: «Вся политика может быть сведена к формуле — постарайся быть среди *троих* в мире, где правит хрупкий баланс *пяти* великих держав. Это единственная подлинная защита против формирования враждебных коалиций». Подобным же образом стратегией Соединенных Штатов в грядущем могло бы стать тщательно отслеживаемое и скрупулезно осуществляемое противодействие попыткам создания (потенциально) враждебных коалиций на основе присоединения к сильному большинству. Согласно этой схеме поддержание баланса как защиту статус-кво Америке следует осуществлять не *извне* (подобно Англии Пальмерстона и Гладстона), а *будучи в центре системы* — как бисмарковская Германия. Популярной метафорой при данном подходе является сравнение Соединенных Штатов с *осью*, а Западной Европы, Японии, Китая, России, Ближнего Востока со *спицами* этой оси.

3. Третий способ удержать глобальное доминирование в XXI веке заключается в том, чтобы в каждом из мировых регионов поддерживать *вторую* по значимости державу, тормозя тем самым выделение региональных лидеров, ставя на их пути к возвышению могучее препятствие в виде (квази)союза с *противником* претендента на местный контроль. Это означает, что в Западной Европе следует поддерживать Британию против лидера Европей-

ского Союза Германии. В Восточной Азии следует поддерживать военный и экономический союз с Японией как страховку на случай проявления претензий Китая на региональное лидерство. Следует поддерживать в Восточной Европе Украину, страхуясь тем самым от курса России на региональное лидерство. В Латинской Америке США должны поддерживать Аргентину в пику явственно выделяющейся Бразилии. В регионе Персидского залива оптимальный курс Вашингтона заключается в поддержке Саудовской Аравии как противовеса 70-миллионному Ирану. В Южной Азии логический выбор — ориентация на Пакистан как фактически единственное препятствие региональной гегемонии Индии.

Следует воспользоваться тем обстоятельством, что большинство значимых стран так или иначе нуждаются в США — для страховки против влиятельных соседей, если те выйдут на дорогу самоутверждения. Фактом реальной жизни является то, что в Евразии США имеют лучшие отношения с Россией, Китаем, Японией, Южной Кореей, чем они сами между собой. В будущем стратегия США должна заключаться в том, чтобы основные мировые силы нуждались в Америке в качестве противовеса соседям (предлагая свой самый прибыльный рынок, являясь поставщиком технологии и т. п.). Скажем, на Ближнем Востоке США, полвека назад заменив после Суэца Англию и Францию, стали посредником между арабами и Израилем, в отношениях между умеренными и радикальными арабскими режимами.

Сила этого подхода в том, что региональная держава № 2 весьма часто с охотой соглашается опереться на помощь величайшей мировой державы, способной, во-первых, оказать экономическую, военную и политическую поддержку; во-вторых, помочь реализации «заветных чаяний» страны, желающей нейтрализовать регионального координатора. Это весьма эффективный способ быстро «войти» в местный расклад сил, оставляя «жертвенную часть усилий» самой державе № 2 в регионе. Негативной стороной этого подхода является сравнительно быстрое отчуждение региональных лидеров. Никто еще не доказал, что поддерживать местный № 2 против местного № 1 беспроигрышно. Здесь таится опасность просчета, антагонизации наиболее важных лидеров второго мирового звена.

4. Выбор среди всего мирового расклада сил *нескольких преференциальных партнеров*. Утверждение, что Соединенные Штаты могут все на мировой арене делать собственными силами и поддерживать свое первенство без союзнической помощи, является стратегической ошибкой. При таком сочетании психологических и материальных факторов все большую привлекательность

обретут схемы раздела глобальных прерогатив с избранными союзниками, с потенциальными соперниками. По опросам общественного мнения, осуществленным чикагским Советом по международным отношениям, 72% американцев считают необходимым в случае кризисной ситуации не предпринимать односторонние действия и заручиться поддержкой союзников[135]. «Что будет означать американское лидерство в отсутствие демократических союзников? Какого типа нацией станут Соединенные Штаты, если они позволят Великобритании, Германии, Японии, Израилю, Польше и другим демократическим странам отгородиться от мировых вызовов, выдвигаемых внешним миром? США должны быть не «прибрежным балансиром», не спасителем других в экстремальных условиях. Они должны находиться в постоянном контакте со своими союзниками и активно этих союзников использовать»[136].

Америке нужны союзники — но не декоративные сателлиты, а организованные и эффективные партнеры. Правильное видение будущего мира, утверждает Ч. Капчен, «требует от США создания директората, состоящего из главных держав Северной Америки, Европы и Восточной Азии»[137]. Логично предположить членство в таком директорате «первых» стран своих регионов — Японии, Германии, России, Индии, Бразилии. В интересах Соединенных Штатов было бы «привлечь Россию, Китай и Индию на *правильную* сторону глобализации и демократизации... Россию следует привязать к Западу... Китай включить в ВТО... Изменением позиции по Кашмиру улучшить отношения с Индией»[138].

Логично предположить сближение «группы семи» — наиболее развитых стран западного мира. Такие экономисты, как Л. Туроу и Г. Кауфман, как финансист Дж. Сорос, выступили адвокатами более регламентированного регулирования внутри «большой семерки», создания эффективных многонациональных заемных организаций, координации стратегии ведущих банков, регламентации правил и стандартов инвестирования и отношений между заимодателями и должниками.

Предлагается не замыкаться в рамках уже обозначившейся «семерки» и расширить ее состав с тем, чтобы не антагонизировать лидеров отдельных регионов. Считается логичным, оправданным и выигрышным для Соединенных Штатов закрепление полного членства России, а также приглашение на форумы и дискуссии — вплоть до предоставления полного членства — Бразилии, Китая, Индии. Имеются и более широкие идеи. Скажем, предложения о создании мирового директората в составе десяти членов, пять из которых были бы постоянными: «Соединенные

Штаты сосредотачиваются на Западном полушарии; Россия и, возможно, Германия, наряду с ротирующимися представителями новообразованного Западноевропейского союза безопасности, отвечают за европейский регион; Китай и Япония плюс ротирующийся член из Юго-Восточной или Восточной Азии курируют дальневосточный регион; одно или два государства от ближневосточного региона плюс альтернативный представитель средиземноморских стран и стран Персидского залива полномочны на Ближнем Востоке; одно или два африканских государства — в Африке. В оперативном плане региональные организации безопасности будут обращаться с петициями к Организации Объединенных Наций, которая создаст международный Директорат Безопасности для поддержания мира»[139].

Наиболее логичным и привлекательным видится сплочение «большой восьмерки» плюс такие важные страны, как Китай, Индия, Бразилия. Подобная «группа одиннадцати» могла бы установить минимальные нормы и правила ради выгоды всех участников, США в первую очередь.

Соединенные Штаты должны энергично руководить этим процессом, выступая в роли честного международного шерифа. Именно «*шерифа*, а не *полисмена*. Последний должен демонстрировать большую степень власти, большую способность действовать в одиночестве, большую последовательность в *собственных* действиях. По контрасту шериф должен осознавать недостаточность своих прерогатив во многих отношениях, он обязан работать вместе с другими и он обязан решать, где ему следует проявлять власть, а где воздержаться от ее проявления»[140].

В этом подходе есть *за* и *против*. Позитив — в возможности опоры на подлинно мощные и растущие страны, способные оказать поддержку мировому лидеру. Негатив в том, что однозначная поддержка регионального лидера способна превратить его внешнеполитические замыслы в реальность — в итоге чего степень воздействия на него Соединенных Штатов в искомом регионе в дальнейшем сокращается. С другой стороны, получая немедленную поддержку, выигрывая на короткой временной дистанции, Соединенные Штаты рискуют в этом случае проиграть в отдаленной исторической перспективе. Лояльность и союзническая готовность подлинно крупных стран не может быть гарантированной *всегда и повсюду*.

5. *Пятый* способ американский идеолог де Сантис называет стратегией *координированных действий*. Даже не организуя союзников, можно добиться взаимопонимания с ними и на этой основе создать безусловно преобладающую силу в мире. Эта док-

трина ориентируется скорее на интересы, чем на некие (общие) ценности в системе международных отношений. Она предполагает скорее региональную, чем глобальную координацию действий. При этом координация не будет посягать на прерогативы национальных органов — напротив, будет поддерживать собственную мощь союзных государств-наций, учитывать их интересы.

Разумеется, учитывая лидерство Соединенных Штатов, *взаимокоординация* будет прежде всего означать «штабное планирование» Америки и периодическое делегирование полномочий региональным партнерам. Региональными «шерифами» в различных ситуациях могут быть разные союзные страны. Конкретные задачи потребуют конкретных действий — *взаимокоординация* будет приспособлена к потребностям реального мира, к меняющимся обстоятельствам, а не к догмам. В этом случае политический и экономический ландшафт двадцать первого века будет сформирован не хаотическим потоком событий, а корреляцией потребностей стран, входящих в авангардную группу. *Взаимокоординация* будет отличаться тем, что особые, наиболее насущные интересы политически и экономически значимых сил не будут игнорироваться, будут учитываться посредством сотрудничества и взаимодействия, а стало быть и не будут чреваты взрывом или созданием узлов противоречий[141].

В этом есть нечто сходное с поведением крупных корпораций, осуществляющих слияния не только внутри национальных границ, но и с компаниями других стран. К примеру, «Бритиш Петролеум» объединилась с американской «Амоко Ойл», германский «Даймлер-Бенц» — с американским «Крайслером» — так создаются стратегические союзы, что укрепляет мощь лидеров, и вместо смертельных ссор происходит совмещение мощностей, умножающих общую силу, осуществляется полюбовный раздел зон влияния. Чем не пример для США в региональном и глобальном плане?

Наиболее эффективным воплощением данной стратегии было бы расширение полномочий Североатлантического союза. Это знакомая тропа. Лишь НАТО, пишет американский исследователь И. Катбертсон, могла бы обеспечить «необходимое планирование и кризисное регулирование, реализующее глобальную проекцию мощи; в противном случае приходилось бы полагаться только на американскую вовлеченность»[142]. Проблема в данном случае заключается в отсутствии энтузиазма у европейских членов НАТО в отношении глобального расширения функций блока.

6. *Шестой* способ заключается в повороте США к странам своего — Западного полушария. Североамериканская зона свобод-

ной торговли (НАФТА) уже привела к удвоению объема торговли США с непосредственными соседями, укреплению соседских отношений. В этом направлении сделаны и другие шаги. В апреле 1998 года на «саммите двух Америк» 34 государства Западного полушария провозгласили в качестве цели формирование «зоны свободной торговли двух Америк». У США есть возможность создать зону свободной торговли для обеих Америк (ФТАА), которая не замыкалась бы сугубо на торговле, а определила бы сотрудничество в военно-политической сфере, равно как и в совместной охране окружающей среды, борьбе с преступностью, обеспечении гражданских прав и свобод.

7. Некоторые теоретики усматривают выход в *изоляционизме*. Эта традиция идет от Дж. Вашингтона (призывавшего остерегаться внешних конфликтов) и от сенаторов периода эпилога первой мировой войны (отказавшихся связать судьбу США с Лигой Наций). *Не стоит преувеличивать готовности США на привлечение других суверенных стран к решению глобальных проблем.* «Почему,— спрашивает известный американский социолог Дж. Айкенбери,— государство-гегемон, находясь в зените своей мощи, должно прилагать силы для институционализации порядка, который неизбежно ограничивает его автономию?»[143]

Изоляционизм начала XXI века покоится на трех основаниях:

А. Непосредственной опасности стране не существует, преувеличенное внимание к странам, находящимся на периферии мирового развития,— Сомали, Боснии, Косову, Сьерра-Леоне способно лишь ослабить первую страну мира, дело которой — передовая технология, мировой университет, преобладающие вооруженные силы.

Б. Америке не следует демонстрировать излишние амбиции: все мировые проблемы все равно не решишь (зачем пахать море?), участие США лишь обостряет конфронтационный элемент в них. Ангажированность в очередном принципиально неразрешимом кризисе вызовет новый «синдром Вьетнама», раскол американского общества, утрату морального лидерства.

В. США *не могут позволить себе* сверхактивность во внешнем мире, Соединенным Штатам *не нужна* пустая активность за далекими морями, поскольку внутренние американские проблемы не терпят отлагательства и потому что ресурсы даже самой богатой страны ограничены. Сохраненная внутри страны энергия — лучшая гарантия внешней мощи государства. Внешнее перенапряжение опасно — оно затрагивает основы американской мощи.

Последний пункт занимает в изоляционизме центральное место. Даже находясь в апогее своего влияния в мире, Америка

должна прежде всего думать о сохранении ресурсов; не обращаться с людскими и природными ресурсами как с восстановимыми. Вся совокупность внешних усилий США — оборонные расходы, разведка в глобальных масштабах, помощь зарубежным странам, широкие дипломатические усилия — медленно, но верно подтачивают мощь нации. Историк П. Кеннеди упорно отстаивает все более популярные идеи — тезис об опасности *перенапряжения* в мире — от него погибли все мировые империи. Новый изоляционизм весьма влиятелен в конгрессе (более половины которого хвалятся отсутствием заграничных паспортов), он находит своих выразителей среди таких претендентов на высший пост в стране, как Пэт Бьюкенен и Росс Перо.

8. Группа американских политологов разочарована перспективами единения всего Запада. Слишком пестрая картина, слишком необязательный и аморфный получается (если получается) союз. Следует сузить круг подлинных союзников до тех из западных стран, которые разделяют американские ценности. Предлагается искать помощь в осуществлении глобальных функций у социально-идейно-цивилизационно родственных стран — Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии, а также Ирландии и ряда островных стран Карибского и Тихоокеанского бассейнов. Ибо «только на Западе, и прежде всего среди сообщества англоязычных стран, был найден и осуществлен средний путь между анархией и деспотизмом»[144]. Именно среди этих стран возможен союз единомышленников, подлинно понимающих друг друга народов. Главное общее достояние — единый язык (чего нет, скажем, в объединяющейся Европе) — сильнейшее средство сближения, взаимопонимания, единства. И неважно, что население США более пестро, чем население Соединенного Королевства. Фактом является, что даже тридцать миллионов американских выходцев из Африки при помощи языка Шекспира создали общую культурно-политическую традицию; даже те, кто населяет Карибский бассейн (бывшие английские колонии), имеют благодаря общему историческому опыту и привнесенному Англией наследию предпосылки взаимопонимания.

Американский исследователь Р. Конквест, придерживаясь указанной позиции, обосновывает органичность всемирного союза англосаксов, взаимодополняемость предлагаемого альянса. «Такие страны, как Объединенное Королевство, Канада и Австралия имеют навыки и способности, но не имеют средств действовать автономно, их активность может иметь лишь локальный эффект. Но и их интересы глубоко вовлечены в события мировой сцены, и

они могут внести свой немалый вклад... Такие страны, как Объединенное Королевство, могут разделить с Америкой не только политическую, но и военную ответственность»[145].

Лондон — логичный и привлекательный союзник. Британия экономически более связана с США и Канадой, чем с Европейским союзом — ее торговля с Северной Америкой вдвое превосходит торговлю со всеми странами ЕС вместе взятыми (и доля ЕС уменьшается, а торговый поток из США в Британию растет). За последние десять лет прямые инвестиции США и Канады в Британию в полтора раза превзошли инвестиции в британскую экономику Европейского Союза. В то же время британские инвестиции в Северную Америку вдвое превышают инвестиции прочих стран ЕС. Не лишне упомянуть, что США и Канада за последние пятнадцать лет создали на два миллиона больше новых рабочих мест, чем все страны Европейского Союза. США и Канада при вступлении Британии в НАФТА не потребовали бы от нее некоей жертвы суверенитета (чего нельзя сказать о членстве в ЕС). В НАФТА нет аналога Единой сельскохозяйственной политики, против которой всегда выступал Лондон. В ней нет строгой социальной политики, подобной проводимой Германией и Францией — никогда не вызывавшей симпатии Лондона. Главное: Британия не отдала бы Соединенным Штатам долю своего суверенитета, как это предвидится в случае с ЕС. Громадность США? Если Канада, 40% ВНП которой приходится на США, не теряет свой суверенитет, то почему это должно случиться с Британией?

Именно сейчас многие решения, касающиеся Британии, принимаются в ее отсутствие. Став же членом НАФТА, Британия могла бы более определенно защищать свои интересы. (Не следует, скажем, забывать, что конфронтацией с Ираком Британия, Канада и Австралия «подтолкнули» Соединенные Штаты к силовым мерам. В этом случае взаимозависимость возникла не вследствие жесткого напора Вашингтона, а из-за собственного желания англосаксонских стран — американских союзников.) Все это делает логичным, привлекательным и предпочтительным для Британии выбор ассоциации с Североамериканской зоной свободной торговли (НАФТА) как альтернативы углублению связей с ЕС. Подобный выбор базировался бы на предпочтении англо-американской модели свободного рынка, характеризующегося умеренным налоговым обложением и ограниченными социальными расходами. Со временем будут опровергнуты и аргументы тех, кто считает, что в таком союзе Британия потеряет свою историческую оригинальность, попадет под жесткий американский контроль.

Канада уже пригласила в 1998 году Британию в НАФТА. Прежде главенствовавшая «тирания расстояний» при помощи реактивной авиации, спутниковой связи и пр. преодолена. Подобная ассоциация была бы определяющей силовой структурой в дальносрочной перспективе. «Если Соединенные Штаты и остальной англоязычный мир смогут совместить свою мощь, они обеспечат создание силового центра, вокруг которого будет создано новое мировое сообщество»[146]. Этот союз для США гораздо более благоприятен, чем словесно поощряемый Вашингтоном Европейский союз, который на самом деле раскалывает Запад. В отличие от Брюсселя англоязычный союз не будет никого отталкивать или игнорировать. В конечном счете и западноевропейцы будут благодарны за действенный союз мирового охвата, выигрышно «не напоминающий» их немощный интеграционный результат.

Тенденция предпочтительного сближения трех англоговорящих стран — США, Британии и Канады — усиливается[147]. Примечательно, что в Лондоне заговорили о необходимости не ограничивать себя европейскими рамками, желательности определить трансатлантические перспективы[148]. Идею эту поддерживают такие аналитические центры как Институт предпринимательства (Вашингтон), у нее появились сторонники по обе стороны Атлантики. Уже зашла речь о созыве Межконтинентального конгресса, формировании аппарата, процессе координации внешней политики, оборонительной системы, экономического пространства. Это будет подлинный центр и пример для прочих стран.

Трудности реализации такого союза очевидны. Ряд стран третьего мира видит в ней возрождение колониализма. В Британии против идеи объединения стран английского языка выступают левые лейбористы, не желающие содействовать укреплению «цитадели мирового капитализма». В Соединенных Штатах идее противятся ультрапатриоты, не желающие видеть мировой курс США определяемым кем-либо помимо американского правительства и конгресса. И все же идея союза англо-говорящих стран может иметь будущее.

9. *Неолиберальная модель торгово-экономической активизации.* На рубеже тысячелетий часть американского истеблишмента, как кажется, увидела магическую формулу сохранения гегемонии в экономическом развитии на основе финансовой либерализации, направленном на экспорт промышленном росте. У этой модели три основания:

— «высвобождение» мировой финансовой системы способно либерализовать потоки капитала, бросающегося туда, где техно-

логии и квалифицированная рабочая сила создают наиболее эффективное производство. Рыночные силы формируют «твердую основу» открытой системы, создающей (де-юре или де-факто) ведомую Америкой политико-экономическую коалицию, включающую в себя помимо США Западную Европу. Рыночное сближение, создающее политическую и экономическую конструкции, породит и общую военную систему;

— ориентация на экспорт (столь блистательно прежде продемонстрированная Японией, Тайванем, Южной Кореей) мобилизует мировую конкуренцию, не позволит американской экономике впасть в эгоистическое самолюбование, предотвратит технологическое отставание;

— сохранение за Соединенными Штатами роли первого в мире потребителя, наиболее выгодного рынка и главного «стабилизатора» мирового экономического роста обеспечит массовый приток в американскую экономику международного капитала.

Такая схема предполагает увеличение значимости международных финансовых институтов, обеспечивающих долговременное движение капитала между развитыми и развивающимися странами. США увеличат финансирование важных проектов в развивающихся странах. Глобальная «сеть финансовой безопасности» уменьшит риск, связанный с интеграцией мирового рынка, с глобализацией. В будущем Соединенные Штаты осуществят реформирование МВФ, стремясь реализовать две цели: создание гигантской трансатлантической зоны свободной торговли (1); эффективную либерализацию важных развивающихся стран (2).

Условием в данном случае является отказ Соединенных Штатов от практики санкций по отношению к отдельным странам. (За последнее время США вводили санкции в отношении 26 отдельных стран, в которых проживает половина человечества. Эти санкции стоили Америке более 20 млрд. долларов (потерянный экспорт), 200 тысяч рабочих мест и никаких практических выгод[149].) Соединенные Штаты — крупнейший экспортер мира и страна с одними из наиболее низких таможенных тарифов — могут получить самые большие выгоды именно благодаря либерализации мировой торговли.

10. *Оборонительный щит над Америкой.* Если дипломатические усилия по удержанию гегемонии не дадут результата, то, по мнению жестких сторонником гегемонии, «следует взять увесистую дубину,— полагает американский аналитик Г. Биннендийк.— Требуется усилить готовность вооруженных сил к непредвиденным

случайностям, следует избежать старения вооружений. Предложение администрации израсходовать дополнительные 112 млрд. долл. в предстоящие пять лет дают необходимые ресурсы»[150].

По мнению давних сторонников рейгановской СОИ и клинтоновской Противоракетной системы национального масштаба, условием *sine qua non* американской стратегии глобального доминирования становится создание ПРО стратегического масштаба (которая могла бы прикрыть не только территорию США, но и три критически важных для США региона — Западную Европу, Восточную Азию и Персидский залив). «Только хорошо защищенная Америка будет способна сдержать — и, если нужно, отбросить — агрессивные режимы, бросающие вызов региональной стабильности. Только в том случае, если Соединенные Штаты закроют себя от угрозы шантажа ядерным, биологическим и химическим оружием, они смогут эффективно влиять на формирование желательного им международного окружения, соответствующего их интересам и принципам»[151].

Contra в данном случае — позиция ближайших союзников — Западной Европы, противодействие России, недовольство Китая.

Глава 10

АМЕРИКА РЕФОРМИРУЕТ НАТО

Но существует самый надежный для США способ сохранить свои преобладающие позиции — для этого Америке следует найти способ своего рода контроля над вторым по значению регионом земли — Западной Европой. (На европейские страны — члены НАТО приходится 60% населения всего Североатлантического союза и более 60% общей численности вооруженных сил союза. Европейский страны НАТО расходуют на оборону примерно две трети суммы американского военного бюджета. На Европу приходится свыше 60% американских инвестиций за рубежом.) *«Взаимоотношения с Европой являются центральными для успеха американской внешней политики... Здравые отношения с Европой являются главным антидотом одиночества Америки как сверхдержавы»*[152]. Те, кто разделяет точку зрения, что *«американское военное вмешательство в европейские дела служит продвижению национальных интересов США»*[153], стремятся максимизировать функции Организации Североатлантического союза (НАТО), хранить и укреплять свой главный военный союз.

Это не так просто. С окончанием холодной войны *«НАТО, как казалось, пережила свою полезность... Устаревший союз начал искать новую миссию»*[154].

Американская сторона обосновывает западноевропейцам смысл своего дальнейшего пребывания в Европе прежде всего следующим образом: хотя могущество России в обычных вооружениях практически исчезло, Россия остается (и, как минимум, еще несколько десятилетий будет оставаться) ядерной сверхдержавой - *«латентной угрозой европейской безопасности... Соединенные Штаты необходимы в качестве противовеса возможному восстановлению России под более агрессивным руководством, которое однажды сможет представить собой угрозу своим западным соседям. Тем, кто утверждает, что Россия не сможет восстановить свои силы еще в течение десятилетий, следует вспомнить, что Германия в январе 1933 года была в еще более жестких условиях. Другой причиной вовлечения США является американская политика безопасности в отношении Германии... Это блокирует германское желание овладеть ядерным оружием... Американское вовлечение препятствует ренационализации военной политики западноевропейских стран и возрождению политики баланса властей в Европе»*[155].

Аксиома, которой руководствуется американская проатлантическая элита, звучит так: если свести функцию НАТО к стратегическому сдерживанию, НАТО в быстро возрастающей степени окажется иррелевантной по отношению к основным проблемам европейской безопасности. Содержать сонм натовских сил, возглавляемых американским авангардом в условиях очевидного отсутствия российского пугала — бессмысленно. Североатлантический союз будет реформирован, либо его ждет то же, что и другие военные союзы, уже достигшие своей цели,— угасание. История в данном случае не дает вариаций. Не желая лишаться глобального помощника, американцы будут реформировать союз, исходя из того, что для сохранения ценности альянса для Америки его миссия должна быть изменена, а функции должны быть расширены. Североатлантическим блоком была принята новая стратегическая концепция, базирующаяся на четырех положениях:

1. *«Обеспечить необходимые основания для стабильного и безопасного развития Европы, когда ни одна страна не могла бы запугивать или принуждать силой ни одну из европейских наций»*. 2. НАТО будет служить форумом обсуждения проблем общеевропейской безопасности. 3. Альянс будет *«сдерживать и защищать от любой угрозы агрессии против территории*

каждого государства-члена». 4. Задачей НАТО будет *«сохранение стратегического баланса»* в Европе.

В документе, принятом на сессии Совета НАТО под давлением американцев, было сказано, что, если НАТО не возьмет на себя эти функции, *«ослабнет вся система европейской безопасности и конечный развал блока будет неизбежен»*[156].

По словам профессора М. Брауна из Джорджтаунского университета, *«это драматический разрыв с прошлым. Прежде всего, лидеры НАТО расширили зону географической ответственности: они продекларировали, что отныне будут ощущать ее не только за прежнюю сферу влияния — территорию стран-участников, но и за весь континент... НАТО будет также разрешать территориальные споры, этнические конфликты, политические и экономические проблемы»*[157]. Новой задачей блока стало: контролировать Центральную и Восточную Европу и быть готовым к любому повороту событий в России. Вашингтон получил возможность настаивать на том, что европейская военная идентичность будет формироваться в рамках НАТО, а не за ее пределами, что западноевропейский военный компонент будет *«отделяемым, но не отделенным»* компонентом Североатлантического союза, что западноевропейцы вынуждены будут *«спрашивать вначале Америку»* по поводу любых групповых военных акций.

Сторонники укрепления позиций США в альянсе в этой ситуации предлагают сделать шаги навстречу европейским союзникам. Прежде всего предоставить им часть огромного и высокоприбыльного американского рынка вооружений, чтобы привязать их ударные отрасли к американским импортерам. Но главная предлагаемая «скрепа» заключается в передаче западноевропейским военным более совершенного, чем они имеют, военного оборудования. Пусть это увеличит мощь партнеров, важнее то, что лаборатории, полигоны и министерства союзников будут жаждать продолжения сотрудничества, тем самым увеличивая степень вольной или невольной зависимости. Делая эти уступки, Вашингтон к концу десятилетия приступил к модернизации блока.

Американский вариант реформы. Значительная перемена в отношениях США с западноевропейскими союзниками произошла между октябрем 1998 года и мартом 1999 года. Тогда, в октябре Соединенные Штаты призвали нанести удар по Югославии, не имея формального поручения (или согласия) Совета Безопасности ООН. Европейская половина НАТО воспротивилась столь явному

самоутверждению блока. Но в марте 1999 года западноевропейская часть НАТО уже не смогла устоять перед американским напором. Речь шла прежде всего о том, чтобы выйти за пределы параграфа 5 Вашингтонского договора о создании Североатлантического союза (говорящего, что *«вооруженное нападение на одну державу будет означать нападение на всех»*). Американские дипломаты стали настаивать на том, что в будущем *«НАТО придется иметь дело в основном с проблемами, выходящими за рамки параграфа 5»*[158]. И они сумели убедить партнеров. Им помогли довольно неожиданный проамериканский крен премьер-министра Британии Блэра, неразбериха, связанная со сменой караула в Бонне — приходом к власти канцлера Шредера, неготовность Франции в одиночестве противостоять лидеру блока.

Главные признаки реформы НАТО таковы.

Во-первых, Североатлантический союз должен в Европе держать свои двери открытыми и расширять свои ряды. Администрация Клинтона не намерена ограничивать географические рамки Североатлантического союза. Мотивация здесь была выработана во время интенсивного обмена мнениями в ходе Мадридского (1997) саммита союза: *«Европейская безопасность не основывается более на определении четкой угрозы или на геополитических калькуляциях, предлагающих ясно выраженную линию потенциальной конфронтации. Целью НАТО становится создание институтов, не имеющих заранее очерченных границ, условием вступления является соответствие определенному набору требований, чтобы союз мог сохранить свою силу и целенаправленность»*[159]. К апрельскому саммиту 1999 года американские официальные лица *«стали утверждать, что экспансионистская повестка дня НАТО должна быть расширена и что новые, дополнительные миссии должны быть добавлены к уже имеющемуся репертуару альянса»*[160].

После принятия троих новых членов в 1999 году *«пауза не должна быть бесконечной. Соединенные Штаты должны руководствоваться политикой открытых дверей. Американское влияние продолжает оставаться не имеющим равных, их стратегические планы преобладают безраздельно. Они должны нести бремя лидерства, помогая странам Центральной Европы приготовиться к членству в НАТО»*[161]. Выступая в Институте Брукингса 6 апреля 1999 года М. Олбрайт официально подтвердила, что *«дверь альянса остается открытой. Будет осуществлено оказание помощи в подготовке потенциальных новых членов к тому, чтобы соответствовать высоким стандартам НАТО»*.

Девять претендентов стучатся в двери НАТО. Нынешний состав из 19 членов НАТО готовится пополниться новой волной, в которой различаются Словения, Румыния, Болгария, Словакия, Македония, Албания, Эстония, Литва, Латвия. (Румыния, Словакия и Словения рассматриваются как первостепенные кандидаты.) Но не исключены и новые претенденты. Единственными двумя критериями является расположение страны в Европе и провозглашение себя кандидатом. Никакой «конечной» границы не предвидится и Североатлантический союз готов поглощать новых и новых членов, дисциплинируя их, увеличивая глобальную мощь союза, расширяя просторы западной цивилизации.

Во-вторых, расширение географической зоны альянса как помощь Вашингтону в его глобальной вахте (выход за пределы Европы, глобализация функций НАТО). Только тогда США — «шериф» — получат достаточную помощь для строительства однополюсного мира. *«Соединенные Штаты выражают свою глобальную обеспокоенность: либо НАТО выйдет за пределы Европы, либо она потеряет всякую ценность»*[162]. Наиболее «революционным» в создаваемой новой стратегии Североатлантического союза является рассмотрение возможностей выхода НАТО за рубежи Европы.

Это главный элемент реформации союза — отказ от фиксации географических пределов сферы действия Североатлантического союза. Возобладавшим постулатом является открытие для действий альянса восточного и южного направлений. Вашингтон добился того, что НАТО в Декларации о новой доктрине официально признала свою ответственность за безопасность и стабильность на Балканах и во всей Юго-Восточной Европе на года и десятилетия вперед[163]. Этот перенос стратегического центра тяжести с Севера на Юг несомненно увеличил американский вес в союзе. Ведь крупные западноевропейские страны завязаны на северном направлении и лишь авианосцы США позволяют с легкостью переносить ударную силу союза на юг.

Представлявший долгие годы США в НАТО Р. Хантер обращается к ключевому элементу: *«Союзники по НАТО должны решить вопрос расширения своей деятельности за пределами Европы — потенциально в Северной Африке, за Кавказским хребтом, на Ближнем Востоке и в Персидском заливе»*[164]. На всех этих географических направлениях уже ведется работа, страны НАТО уже определяют свои возможности.

1. Балканы в экономическом отношении все более становятся зоной германского преобладания, с элементами итальянского влияния в Словении, а французского в Румынии. При этом Ва-

шингтон, послав свой воинский контингент в Косово, надеется несколько упрочить свои позиции в критически важном регионе.

2. Проводятся консультации с рядом североафриканских стран — в данном случае активность проявляют не США, а такие западноевропейские страны, как Франция. На этом направлении западноевропейские компании пользуются очевидным экономическим приоритетом.

3. В Закавказье и Центральной Азии роль США более видна в свете того, что страны данного региона (за исключением Таджикистана) уже подверглись воздействию Североатлантического союза, заключив соглашение о «Партнерстве ради мира», программе, непосредственно интересующей американцев. Экономическая активность США здесь, связанная с источниками энергии, фиксируется наличием крупнейших американских фирм.

4. По поводу Ближнего Востока натовские союзники ведут переговоры начиная с октября 1993 года. Эти дебаты, сугубо теоретические вначале, приобретают сейчас все более конкретную окраску. Соединенные Штаты оказали решительное давление на своих европейских союзников на саммите НАТО в 1999 году. Пока между США и Европой в НАТО достигнуто согласие об обмене информацией, результатами наблюдения за регионом. Очевидно, что НАТО еще предстоит выработать основы совместной стратегии здесь. Соединенные Штаты безусловно лидируют в плане влияния в регионе, в плане уже имеющихся союзнических уз, в плане безусловной лояльности Израиля. Следует добавить и особую геополитическую заинтересованность Вашингтона: контролируя поток нефти из Персидского залива, американцы объективно владеют долей контроля над экономическим существованием и развитием Европы — важнейший геополитический фактор. (Если европейцы сумеют найти новые энергетические пути — Россия, Закавказье,— то ближневосточный фактор зависимости ослабнет. Пока же американские нефтяные компании лидируют в разработке богатств главной нефтяной кладовой мира.)

Подчеркнем: пока по Ближнему Востоку нет согласованной натовской политики, но после Югославии именно этот регион (начиная с Ирака) может оказаться в фокусе распространительной стратегии США. Но не лишена значимости и оговорка, что американцам может не понравиться передача здесь доли влияния западноевропейским союзникам. Более того, сами американцы признают, что западноевропейцы постараются предварительно выработать единую политику Европейского союза, а уже затем начать активизацию политики альянса на Ближнем Востоке.

В-третьих, изменение глобальной значимости ООН, изменение соотношения системы ответственности между НАТО и ООН в пользу первой. Как фиксируют знаменательную тенденцию британские законодатели, Соединенные Штаты *«разочарованы ограниченной операционной компетенцией и политической компромиссностью Организации Объединенных Наций, ее колебаниями в решении таких международных проблем, как блокирование распространения оружия массового поражения Ирака и Северной Кореи. Это, по американскому мнению, меняет стратегическое окружение НАТО и будет определяющим обстоятельством при выработке нового трансатлантического разделения бремени»*[165]. Отныне, настаивают сторонники повышения легального статуса НАТО, *«не каждый вид военных действий должен осуществляться в соответствии с прямым мандатом Совета Безопасности ООН»*[166].

Перелом имел место в декабре 1998 года, когда министр иностранных дел Франции последним среди ведущих союзников США *«настаивал на том, что во всех случаях обращения НАТО к силовым методам необходима санкция ООН; его же американский коллега утверждал, что альянс имеет собственные права предпринимать действия без авторизации Совета Безопасности ООН»*[167]. Оговорки французов были преодолены, и в результате воздушные удары по Югославии начались 24 марта 1999 года *без* мандата Совета Безопасности ООН. *«Соединенные Штаты хотели бы видеть в этом легальный прецедент будущих действий НАТО»*[168].

Американские критики. Американский истэблишмент в общем и целом убежден в необходимости контрольных рычагов в Европе как абсолютно необходимой предпосылке американского преобладания в мире. Эта точка зрения безусловно победила в США к началу нового века. Спор возникает по поводу цены, методов достижения этой цели и о степени поощрения западноевропейского центра силы.

Американские идейные противники курса на безусловную помощь Западной Европе в процессе реформирования НАТО полагают, что Америка на этом пути просто взрастит своих будущих соперников. В столкновении этих двух точек зрения и формируется новая американская концепция НАТО, весьма отличная от концепции периода холодной войны. Для ряда американских специалистов опытным полигоном интенсификации американо-западноевропейского сотрудничества явились Босния и Косово,

продемонстрировавшие *«трудности расширения зоны ответственности»*. Обнаружился достаточно широкий круг разногласий, что привело ряд исследователей к выводу: *«Давление в направлении коллективных действий НАТО таит в себе риск подрыва эффективности НАТО в прежней зоне ее ответственности»*[169].

Интегрируя дипломатию с военной стратегией, НАТО должна создать специальный механизм по урегулированию отношений между самими союзниками. Речь идет прежде всего о противостоящих друг другу Турции и Греции. Если позволить этим конфликтам развиваться бесконтрольно, то США будут постепенно вытеснены из сферы решения внутриевропейских проблем, что в конечном счете может сделать европейскую роль Америки иррелевантной.

Приобретенный опыт приводит критичных американцев к выводу, что новая американская активизация в Европе может оказаться ошибочной. *«Новая миссия обеспечения стабильности по всей Европе в высшей степени проблематична. Члены НАТО лишь в очень редком случае будут готовы вмешаться в этнические конфликты и в другие гражданские противоречия даже в самом сердце Европы, не говоря уже об отдаленных углах континента. Если даже они согласятся действовать, им будет непросто ясно определить свои политические цели и эффективную военную стратегию. Собрать вместе страны коалиции, согласные с американской стратегией, будет всегда тяжело... Печальная сага об американской и западноевропейской политике в отношении Югославии и Боснии будет всегда служить грозным предупреждением»*[170].

Потенциальные точки новых возможных конфликтов достаточно хорошо известны. И так же хорошо известно, что они отстоят от Запада дальше, чем столь близкая Югославия. Неизбежен вывод, что новая мобилизация, подобная той, которую Вашингтон осуществил против Белграда, будет обходиться американцам еще дороже. Шериф все чаще будет ощущать себя в одиночестве. Американским и западноевропейским политическим лидерам будет все более сложно *«определять свои политические цели и параметры своих военных миссий в новых конфликтах. Американцы и западноевропейцы всегда будут разделены между собой вследствие различия взглядов на конфликты, различия ставок в этих конфликтах. Они всегда будут с величайшей неохотой — по причинам внутренней политики — посылать свои вооруженные силы в места возможного ущерба. И пер-*

спективы успешного разрешения конфликтов всегда будут весьма неопределенными: этнические конфликты всегда отличаются жестокостью, они брутальны и продолжительны»[171]. Если США и ЕС не смогли предотвратить геноцид в Боснии и открытую войну в Косово, то нет никаких иллюзий относительно еще дальше отстоящих от Запада конфликтов.

В Соединенных Штатах сознают, что *«западноевропейским лидерам не нравится признавать зависимость их безопасности от Соединенных Штатов, они отказываются соглашаться с тем, что конфликт в Европе имеет хотя бы малейшие шансы стать реальным»*[172].

Критики активизации Соединенных Штатов на европейском направлении стоят на том, что *«для лидеров стран НАТО было очень большой ошибкой связывать смысл существования альянса со стабильностью в Центральной и Восточной Европе, потому что НАТО едва ли ждет успех в отправлении ее новых функций. Демократия может процветать или нет в этом регионе, но НАТО может оказать на процесс демократизации лишь самое небольшое воздействие, поскольку она не имеет необходимых инструментов, ее функции — другого сорта»*[173]. Репутация Североатлантического союза будет страдать особенно сильно в случае катаклизмов в новых странах — членах НАТО. Созданные ныне нереалистичные сверхожидания неизбежно обернутся в этих странах массовым разочарованием, что отразится на репутации союза. В такой ситуации останется лишь ждать, как долго американский конгресс согласится использовать американские жизни и средства в интересах организации, не дающей ощутимой геополитической поддержки. Неизбежно возникнет вопрос: как долго сможет выстоять сам блок НАТО?

Такие цели, как *«обеспечение демократического развития» и стабильности в новых странах-членах НАТО, обеспечение стабильности в Европе за пределами НАТО, не могут,* по словам М. Брауна, *«быть долговременными факторами, потому что они не служат коренным американским и западноевропейским интересам в области безопасности. Поддержка американской общественности увянет, если raison d'etre Североатлантического союза будет укрепление демократии в Словакии или вмешательство в албанские дела. Большинство американцев придет к выводу, что важность таких процессов недостаточна, чтобы оправдать расходы, связанные с продолжением американского военного присутствия в Европе»*[174]. Самые уважаемые американские издания публикуют пред-

ложения о сокращении американского контингента в Европе с нынешних 120 тысяч до 50-70 тысяч[175].

Ситуация на европейском направлении будет осложнена тем, что НАТО по своей сути (как военная организация) не приспособлена осуществлять функции, для реализации которых она не приспособлена. НАТО не является инструментом демократизации. Военные операции за пределами старой зоны ответственности НАТО не всегда — это очевидно — будут успешными; при этом первый же неуспех поставит страшный вопрос доверия к Североатлантическому союзу. Любая постановка нереалистических целей создаст нереалистические ожидания. Их выполнение подорвет доверие к блоку. Нет сомнения, что Североатлантический союз нуждается в более стабильном основании.

Критики расширения функций НАТО в США полагают, что *«новые добавления к списку обязанностей НАТО не сделают альянс более крепким. Напротив, продвижение по этому пути сделает американское отчуждение от проблем европейской безопасности и конечный роспуск НАТО более вероятным: союз окажется связанным с вопросами, решение которых не имеет касательства к его жизненным интересам; политическая и экономическая стоимость таких операций будет очень высокой; возможность поражения очень высокой; ожидаемое не будет соответствовать результатам; надежность союза в конечном счете понесет невосполнимый ущерб»*[176].

Проблемы. В глобальном аспекте более основательная опоры США на НАТО ради контроля над критически важным регионом грозит выходом наружу нескольких проблем.

Во-первых, то, что важно и представляет интерес для США (желательная стабильность в Европе и помощь на глобальном уровне) может вовсе не стать предметом обеспокоенности и заинтересованности западноевропейских столиц. И наоборот. Там, где западноевропейцы, видимо, столкнутся с самыми острыми для себя проблемами, США могут оказаться индифферентными. (Так, скажем, они не питают особого интереса к диалогу ЕС со средиземноморскими странами; Вашингтон в самой малой степени волнует западноевропейская безработица и общее отставание ЕС от американских темпов в 90-е годы.)

Гранды Западной Европы могут избрать линию противодействия Америке в вопросе о расширении рядов НАТО. Германия уже получила трех союзников — соседей, находящихся под ее безусловным влиянием, и она не спешит расширить членство еще бо-

лее, пока не освоилась полностью с новым восточным окружением. Британия была бы довольна, если бы пауза после принятия Польши, Чехии и Венгрии длилась достаточно долго — она не видит особого выигрыша для себя в натовском членстве, скажем, Словении, Румынии, Болгарии и балтийских стран. Британское влияние здесь едва ли может соперничать с австрийско-итальянским в Словении и французским в Румынии.

Во-вторых, глобализация функций НАТО страшит западноевропейцев. Западноевроейскими лидерами НАТО владеют глубокие сомнения в отношении вовлечения в этнические конфликты, происходящие за пределами зоны действия НАТО, и они могут оказаться не готовыми вступить в действия, если их не подтолкнут экстраординарные политические императивы[177]. Аналитики отмечают, к примеру, что «Европа строит сепаратную «европейскую» оборонную индустрию... американская и европейские оборонительные системы все более отдаляются друг от друга, что может подорвать политическую основу общего союза»[178].

В-третьих, американцам и западноевропейцам, в случае различия взаимовосприятия, чрезвычайно непросто будет договариваться друг с другом — нет ни устоявшейся практики, ни необходимых механизмов компромиссного сближения взглядов. (Возможно, наиболее убедительным примером такого рода является урегулирование отношений с Ираком, когда тот в 1997—1998 годах фактически изгнал из страны международных инспекторов. Несмотря на исключительное по интенсивности давление американской стороны, европейцы не изменили своих позиций желаемым в Вашингтоне образом, что не позволило Соединенным Штатам выступить против Ирака так, как они хотели.)

НАТО может оказаться отнюдь не тем форумом, на котором союзники стремились бы к консенсусу. 19 членам союза трудно достичь его. Еще сложнее будет ситуация после второй волны принятия новых членов. Как создать механизм достижения этого консенсуса? На ближайшие годы, когда впереди маячит переход западноевропейской интеграции в политическую область, податливость европейцев не видится чем-то легко достижимым. Особенно если учитывать интересы новых членов (скажем, судьба 3,5 млн. венгров, живущих за пределами Венгрии, будет волновать Будапешт более, чем что бы то ни было другое).

В-четвертых, западноевропейцы не окончательно смирились с постулатом о главенстве решений НАТО над ООН, Даже американское предложение начать бомбардировку Югославии в мар-

те 1999 года было скрепя сердце принято западноевропейцами только тогда, когда на карту было поставлено само существование Североатлантического союза. Напомним слова наиболее близкого американцам британского премьера Тони Блэра, сказанные накануне рокового 24 марта: *«Уйти сейчас от решения означало бы разрушить способность доверять НАТО»*. В словах британского премьера звучит не убежденность, а своего рода обреченность. Более жестко высказался германский канцлер Шредер на конференции в Мюнхене в марте 1999 года, убеждая слушателей, что игнорирование СБ ООН в случае с Югославией было исключением и не должно становиться правилом[179]. Строго говоря, Франция и Германия хотели бы, чтобы натовские действия за пределами зоны ответственности НАТО осуществлялись лишь *«в случае ясно выраженного мандата ООН, но американская администрация и конгресс выразили недовольство такими ограничениями на свободу действий НАТО»*[180].

В-пятых. Объективные обстоятельства — соотношение вооруженных сил. Их качественные характеристики в США и в западноевропейских странах говорят о решающей диспропорции, препятствующей адекватной союзнической взаимопомощи. Европейцы не слепы в отношении современных реальностей: *«В то время как оборонная промышленность США подверглась значительной реструктуризации, Европа не предприняла должных усилий»*[181]. Двенадцать авианосных групп, стратегическая авиация, современные средства доставки, наличие баз в 35 странах позволят Соединенным Штатам действовать достаточно уверенно во всех регионах мира.

Чего никак нельзя сказать даже о самых крупных западноевропейских странах, имеющих впечатляющее колониальное прошлое. Ограниченные рамки военной деятельности Франции, Англии и других западноевропейских стран будут сужаться еще более в свете того, что относительно низкий уровень капиталовложений в военную сферу не позволяет им надеяться на некое сближение уровней в будущем. Напротив, наблюдается стойкая тенденция отрыва США от их ближайших союзников в области сверхточного оружия, слежения из космоса, противоракетной обороны, авиационной техники и пр. В этом смысле даже если европейцы пожелают оказать полномасштабную помощь патрону блока, их военных ресурсов будет явно недостаточно, у них не хватит средств существенно помочь Соединенным Штатам на далеких широтах.

НАТО — ЕС. Сторонников укрепления роли Североатлантического союза устраивает складывающаяся «трехступенчатая» военная структура: на вершине — военная мощь США, качественные параметры которой поднялись за последнее десятилетие над западноевропейскими стандартами еще выше; посредине — средние по военной мощи западноевропейские страны — Франция, Британия, ФРГ, которые только лишь начинают сотрудничество в военной области и осуществляют модернизацию лишь в отдельных видах вооружений; на низшей, третьей ступени находятся малые европейские страны, фактически не участвующие в интеграционных усилиях и довольствующиеся фактически устаревшим вооружением. Но такое положение не устраивает Западную Европу, находящуюся в процессе становления, как одного из мировых центров. Поиск взаимоприемлемого пути становится экстренной задачей западной дипломатии.

Английский журнал «Экономист» определил проблему так: *«Американский интерес к трансатлантическому сотрудничеству будет пропорционален готовности Европы встретить вызовы будущего: отравляющие газы, бактериологическое оружие, неподконтрольные ракеты, этнические войны на периферии НАТО и далее... Альянс не выживет ни в каком виде, если европейцы и американцы не договорятся о разделении труда»*[182].

Но где то «золотое сечение», то сочетание интересов отдельных стран, регионов, двух половин союза, сочетание несомненного американского лидерства и западноевропейской готовности смириться с этим лидерством? Проблема возникла не сегодня. История как всегда проявляет здесь свою пресловутую иронию. На грядущем этапе западноевропейского самоутверждения, с укреплением так называемой *«европейской идентичности в области безопасности и обороны»*, базирующейся на созданном еще в 1948 году Западноевропейском союзе (ЗЕС), на противоположном берегу Атлантики будут расти сомнения относительно оправданности курса на поощрение западноевропейской военной мощи.

Главный факт, определяющий будущее, заключается в независимости Европейского союза и отсутствии формализованных связей между НАТО и ЕС. Американские специалисты отмечают не только факт принципиальной самостоятельности западноевропейского объединения, но и *«отсутствие координации по линии НАТО — ЕС в отношении выработки политики на российском направлении, отсутствие непосредственных двусторонних*

консультаций даже по вопросу расширения. Это отчуждение отражает органическое стремление каждого из институтов ЕС и НАТО сохранить право на суверенное, независимое решение»[183].

В прошлом реализация «плана Маршалла» и процесс создания НАТО, обеспечившие экономическое и военное сближение двух берегов Атлантики, виделись синхронными и взаимодополняющими. Ныне, на рубеже веков, ЕС и НАТО могут пойти раздельными сепаратными путями. Большинство западноевропейских стран направит свою внешнеполитическую энергию на укрепление регионального объединения, а не на выработку межатлантического единства. Речь идет о единой валютной и экономической политике и пр.

Формируя желательный себе однополюсный мир, США начинают оказывать давление в направлении сближения ЕС и НАТО, в направлении прямой и косвенной координации деятельности двух этих межгосударственных механизмов. Уже выдвигаются предложения о проведении совместных встреч на высшем уровне глав государств и правительств Североатлантического союза и Европейского союза, обосновывается необходимость выработки единой повестки дня, совместного макропланирования двух организаций. Это главное видимое направление будущей политики США на западноевропейском направлении.

Может оказаться препятствием, *во-первых,* зреющий в США вопрос, почему деньги и усилия американских налогоплательщиков должны использоваться при решении восточноевропейских конфликтов, в то время как богатые западноевропейцы отказываются нести свое бремя. *«Когда понимание этого утвердится, многие американцы начнут жаловаться на то, что Соединенные Штаты несут непропорционально большую долю бремени в Европе. Это в свою очередь поведет к призывам полностью вывести американские войска из Европы»*[184].

Во-вторых, европейская сосредоточенность на процессах внутрирегиональной интеграции, явное предпочтение укрепления ЕС перед консолидацией всей североатлантической зоны может в будущем дискредитировать американскую активность в Европе. По существу, американцы и западноевропейцы в основной своей массе идут параллельно — поворачивая фокус своего электорального внимания к внутренним проблемам. *«Память о холодной войне постепенно ослабевает, а вместе с нею и желание поддерживать модернизацию вооруженных сил, необходимость чего никак не диктуется первостепенными приоритетами»*[185].

Это отсутствие духа экстренности (столь умело разыгранного на рубеже 40-50-х годов) и является основным препятствием сближения двух регионов, чьи социальные структуры разнятся, а экономические интересы по многим параметрам расходятся. В этом случае пафос предложений по расширению союза неизбежно увянет, и на поверхность выйдет факт бессмысленности для ЕС отдать свою судьбу в руки далекой заокеанской сверхдержавы.

Такое дрейфование может становиться все более опасным — «будет увеличиваться разрыв между словесными обещаниями государств сохранить мировой порядок и реальностью, главным смыслом которой будет то, что *глобализация создает чрезвычайно неблагоприятные условия для исполнения великой державой своих обязанностей, для реализации своих прерогатив. Именно в такой обстановке завершится второе американское столетие*»[186].

Так или иначе, но поведение США в значительной мере будет напоминать поведение Британии в конце девятнадцатого века. Америке нужно будет либо доказывать потенциальным соперникам свою полезность, делать уступки, либо вставать в оппозицию к этим соперникам. Америка будет вынуждена либо делиться властью над миром, создавать системы взаимных региональных интересов, уступать на региональном уровне, либо готовиться к суровым временам.

Признаки отхода. И все же, *тактика и стратегия не всегда могут решить судьбу великой страны* и ее сферы влияния, если ветер истории перестает дуть в ее паруса. П. Кеннеди (ведущий авторитет в исторических аналогиях «взлета и падения великих держав») напоминает вопрос Вольтера: «Если Рим и Карфаген пали, то какая же держава может оказаться неуязвимой для превратностей судьбы?» И отвечает убежденно: *«Никакая»*[187].

Политолог Ч. Капчен из Совета по международным отношениям приходит к подобному же заключению: хотя в грядущие годы Америка еще некоторое время будут оставаться на вершине мировой иерархии, впереди уже видится глобальный ландшафт, чертами которого будет более ровное распределение могущества и влияния. С более ровным распределением мощи придет и традиционная геополитика, возвратится конкурирующее балансирование. «История дает в этом отношении отрезвляющий урок. Снова и снова послевоенное затишье в международном соперничестве и провозглашение ухода войн в прошлое сменится возвратом баланса сил и в конечном счете конфликтом великих держав»[188].

Американская политика будет продолжать перемежение периодов лихорадочной активности с периодами отступления, поиска «новых окопов», новой линии обороны. Проявившееся уже в американской элите своеобразное «отсутствие дисциплины», довольно энергичное отрицание внутренней дисциплины основным американским политическим массивом может способствовать подрыву возможностей гегемонии. Складывается впечатление, что на внутренней американской арене конгресс, суды и губернаторы действуют под влиянием проявившего себя еще в годы холодной войны инстинкта ослабить президентские полномочия. И, как полагают многие, «без присущего периоду холодной войны чувства опасности и наличия у президента всех необходимых полномочий американская внешняя политика станет заложницей частных интересов и бюрократии, каждый из которых будет выступать выдвигать собственную повестку дня»[189].

Первый признак — отсутствие последовательного стратегического планирования. Президент Клинтон любил говорить о «строительстве мостов в двадцать первый век», но даже не сформировал команду мостостроителей, не говоря уже об основных направлениях этого строительства. «Правдой является,— пишет прежний сотрудник госдепартамента Х. де Сантис,— что Соединенные Штаты не создали маршрута движения в будущее». Каждый новый кризис разрешается фактически *ad hoc,* очевидным образом отсутствует единство замысла, цели и методов ее достижения. Можно ли исключить вероятность того, что следующий кризис поставит Америку в тупик?

Вторым признаком «глобального отступления» является ослабление американской поддержки созданных ими же международных организаций, таких как Международный валютный фонд, Мировой банк и, особенно, Организация Объединенных Наций. США фактически поощряют частный сектор заменить МВФ и МБ; американская доля в финансировании ООН уменьшается, и этот процесс, видимо, будет продолжаться. Америка задолжала ООН огромные суммы, она вышла из состава ЮНЕСКО. За последние шесть лет правительство США закрыло сорок американских посольств и консульств за пределами страны. На Соединенные Штаты сейчас приходится лишь 13 % помощи, идущей от развитых стран развивающимся, и эта доля постоянно уменьшается, достигая нижайшей в истории США точки.

Если эти тенденции получит дальнейшее продолжение, американское влияние во внешнем мире неизбежно будет ослабевать. Уже обсуждают возможные последствия такого глобального эс-

кейпизма. По мнению англичанина Х. Макрэя, примерно около 2020 г. дни Америки как единственной сверхдержавы будут сочтены — слишком высок уровень расходов внутри и уровень неприемлемого риска вовне; американцы не желают копить; США начнут ощущать давление внешнего долга; произойдет ухудшение качества американского образования и вероятным станет радикальное смещение американских национальных приоритетов на внутреннюю арену[190].

Третьим признаком, своего рода лакмусовой бумагой, является позиция американского конгресса, который без особого энтузиазма одобрил в 1993 году создание Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), еще меньший энтузиазм проявил при ратификации в 1994 году соглашения «раунда Монтевидео» по либерализации мировой торговли в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Далее конгресс отказал президенту Клинтону в предоставлении особых полномочий при расширении рамок торговли с латиноамериканскими странами, проявил скептицизм в процессе американского вовлечения в Боснию и Косово. После месяца воздушной кампании против Югославии в 1999 году 249 членов палаты представителей (против 180) отказались оплачивать посылку американских наземных войск в Югославию без специального разрешения конгресса. Даже резолюция, одобряющая бомбардировки не была поддержана большинством (213 против 219 голосов). Конгресс склонен в будущем заставить союзников больше расходовать на военные нужды. (Как уже говорилось, едва ли не половина американских конгрессменов хвалится тем, что не имеет иностранных паспортов, т.е. *не выезжает за границу*).

Четвертым важнейшим признаком является растущее нежелание американцев — простых налогоплательщиков и элиты — нести материальные расходы и прежде всего жертвовать американскими жизнями. Вера же в обеспеченность *спокойного* лидерства способна породить разочарование. Ч. Капчен пишет: «Иллюзия относительно того, что можно поддерживать интернационализм посредством минимальных потерь — или вовсе обходясь без них — будет преследовать Соединенные Штаты в грядущие годы, ограничивая их способность использовать силу, когда это окажется необходимым»[191]. При этом все больше растет число американцев, не имеющих международного опыта, такого как участие во второй мировой войне или присутствие при создании НАТО, при битвах холодной войны. Эти молодые американцы не обязательно будут изоляционистами, но они определенно меньше

заинтересованы в международных делах. Не имея мобилизующей угрозы, они все больше будут индифферентны к развитию международной ситуации, что недостаточно для «несения глобального бремени».

Уже сейчас даже наиболее интернационалистическая элита согласна (при определенных обстоятельствах) пойти на использование американских войск лишь в Израиле, Косове, Саудовской Аравии, Южной Корее и на Тайване. Широкая же публика согласна на использование американских войск только в случае нападения Ирака на Саудовскую Аравию (опросы общественного мнения Чикагским Советом по международным отношениям)[192].

Согласно опросам общественного мнения, цели американского общества таковы (по убывающей доли интереса):

— предотвращение распространения ядерного оружия (85%);

— предотвращение распространения наркотиков в США (83%);

— защита рабочих мест американских рабочих (78%);

— борьба с международным терроризмом (77%);

— обеспечение поступления в США необходимого объема энергии (70%);

— борьба с голодом в мире (65%);

— поддержание военного превосходства (60%);

— контроль над незаконной иммиграцией (55%);

— решение экологических проблем (54%);

— уменьшение торгового дефицита США (52%);

— укрепление ООН (47%);

— обеспечение гражданских прав в других странах (40%);

— расширение зоны рыночной экономики (35%);

— поддержание жертв агрессии (33%);

— реализация демократических форм правления в других странах (29%);

— улучшение условий жизни в менее развитых странах (28%).

Не видно особой решимости увеличивать значительно военные расходы (30% за увеличение военных расходов, 28% за сокращение, 38% за поддержание на современном уровне)[193]

Есть и косвенные доказательства утраты «вкуса к самоутверждению». Отметим, что из 300 субботних утренних радиообращений президента Клинтона лишь 35 (менее 12%) были посвящены проблемам внешней политики. Особенно заметен был слабый интерес к внешней сфере в ежегодных Посланиях о положении в стране[194].

Указанные сложности порождают сомнения в *релевантности гегемонии,* в ее оправданности в большом историческом контексте. Какова альтернатива? Исторически гегемония чаще всего

сменялась «концертом держав»- балансом нескольких центров силы. В среднесрочной и даже краткосрочной перспективе наиболее многообещающим и реалистичным решением был бы возврат к системе традиционного баланса сил под эгидой глобального концерта великих держав, предусматривающий регулярные консультации на высоком уровне, с коллективными действиями по реализации политических решений. «В этом можно обнаружить черты «элитизма» или (что еще хуже) высокомерия великих держав. Возможно, это так. Но альтернатива — посмотрите только на десятилетний югославский кризис — кажется еще хуже»[195]. Идея Франклина Делано Рузвельта о «постоянно действующей системе общей безопасности» в свободно торгующем внутри себя мире может оказаться наиболее реалистичным предсказанием для XXI века.

Ч. Капчен приходит к выводу, что «увядание однополярности произойдет ввиду двух причин: региональной амальгаме в Европе и ослабления интернационализма в Соединенных Штатах»[196]. Проблема с Америкой в том, что она никогда не была «игроком команды», равным другим членам коалиции. Она всегда была либо в стороне, либо на вершине. Этот устойчивый стереотип явственно проявит себя в мире будущего. Американские исследователи Дж. Чейз и Н. Ризопулос уже сейчас приходят к выводу, что «на границе тысячелетия существует явственная возможность создания системы глобального баланса, который *более адекватно* приспособлен для мирного сдерживания двойного удара сил фрагментации и глобализации, которые подрывают стабильность мира, сложившегося после окончания холодной войны»[197]. 54% американцев считают глобализацию позитивным явлением для США, но уже 20% видят в ней угрозу стране[198].

Смятение многих наблюдателей можно понять — спустя более десятилетия после окончания холодной войны природа нового мира еще не определилась окончательно. Для успеха блокирования пути других претендентов на политический Олимп необходимы мощь и национальная воля. Современный лидер — США — наделен огромной мощью. С окончанием холодной войны Соединенные Штаты остаются и долго будут оставаться доминирующей державой, настолько мощной, что, по мнению американского исследователя Р. Гилпина, «они более не нуждаются в глобальных союзах». Что же касается второго компонента — национальной воли, то представляются убедительными признаки ослабления такой воли.

Глава 11

БИПОЛЯРНЫЙ МИР

Исторический опыт. Представляется, что в будущем государства и граждане будут встречать опасности прежде всего *внутреннего* характера: этнические войны, терроризм, наркотики, гангстеризм — проблемы скорее для полиции, чем для армии. Это новая постановка вопроса для государств, долгие годы пребывавших в условиях холодной войны с ее ярко выраженной *внешней* угрозой. Решать *чужие* проблемы, вмешиваться в конфликты соседней страны, сколь бы дружественной она ни была, будет все более дискомфортно, для американцев в первую очередь. Это и подтолкнет реализацию многополярности. Что говорит нам опыт нового времени?

1. Впервые став многополярной (именно системой), конструкция международных отношений в восемнадцатом веке в конечном счете эволюционировала в биполярное соперничество Британии и Франции. На несколько лет Наполеон сумел заручиться поддержкой России, завоевать континентальную Европу, чем практически нейтрализовал Британию, потерявшую к тому же североамериканские колонии. Стремление к абсолютному господству бросило французского императора на Москву, но завоевание *всего* мира оказалось невозможным. Французская гегемония была сломлена под Бородино, Лейпцигом и Ватерлоо.

2. Между Ватерлоо и Садовой (где Пруссия разбила Австрию и стала лидирующим германским государством) Россия и Британия полвека сохраняли биполярную систему, нарушенную ослаблением России (Крымская война) и триумфом национализма в Италии и Германии. Первая индустриальная революция укрепила германские государства, Францию и Италию, в результате чего снова восторжествовала многополярная система. Германия, сокрушив Австрию и Францию в 1866—1870 годах, после Бисмарка стала нарушать многополярную систему своей претензией на континентальное (читай глобальное) первенство, чем вызвала формирование противостоящей *Entente cordiale.*

3. Приложив колоссальные усилия, внешний мир между 1914 и 1945 годами отверг германские посягательства. Одновременно он покончил с династической дипломатией. Из антигитлеровской коалиции очень быстро выделился американо-советский дуэт и система снова стала на сорок лет биполярной (Америка заручилась поддержкой Западной Европы, а СССР заключил союз с

Китаем). С отчуждением Москвы и Пекина, внутренним раздором в СССР биполярность снова канула в историю и выделился американский лидер.

Американские политологи не скрывают, что «Соединенные Штаты, конечно же, предпочли бы находиться в однополюсной системе, где они владели бы положением гегемона... С другой стороны, крупные державы предпочли бы многополярную систему, в которой они могли бы преследовать свои интересы собственными силами и коллективно, избегая при этом ограничения, принуждения и давления единственной сверхдержавы. Они ощущают угрозу в стремлении Америки к глобальной гегемонии»[199].

Обозначились некоторые устойчивые черты. Во-первых, та или иная система сохраняется примерно одно-два поколения. Во-вторых, финалом дипломатически-социального конструкта является конфликт. В-третьих, движение идет от хаоса к формированию многополярной системы, в которой выделяются два лидера (биполярная система), один из которых после (продолжительного) соперничества становится гегемоном. Соперники объединяются, выступают против своеволия лидера — общие интересы и общие страхи сближают — и мир снова погружается в некое подобие хаоса.

Итак, обычным является следующий цикл: из свободной игры независимых центров, где господствует переменчивость и гибкость дипломатии нескольких центров, вызревает тенденция большей жесткости, формируется обычно *биполярный мир*. Биполярность обычно ведет к продолжительному конфликту (холодная война). Затем побеждает один из центров и возникает лидер, чье своеволие неизбежно вызывает оппозицию и объединение потенциальных противников. Монополярный мир неизбежно раскалывается и весь процесс восходит на новый круг. Такова мировая история.

Занимая влиятельные позиции в глобализирующемся мире, используя американское недовольство трудностями имперского всевластия, ряд суверенных стран получит реальный шанс вырваться из орбиты единственной сверхдержавы. Первым этапом трансформации однополюсной системы будет *биполярный мир. Он* придет в ходе противостояния, выработки позиции в ходе спора о региональной гегемонии между ЕС и Россией, между Китаем, Индией и Японией»[200].

Противостояние коалиций. Существуют различные варианты возвышения новых центров. Их сил на этапе становления нового мирового центра скорее всего окажется недостаточно для вызова

Америке, для реального противостояния мировому гегемону. Первым шагом на пути реформирования международной системы, переходной фазой на пути межгосударственной биполярности может стать сближение ряда американских конкурентов между собой. Исторический опыт говорит об относительной легкости сближения стран, если обнаруживается параллельность их интересов. Сепаратное блокостроительство возможно и в Западной Европе, и в Восточной Азии. Среди предсказываемых антигегемонистских блоков выделяются *четыре* варианта.

Первый основывается на реальности отчуждения ряда западноевропейских стран, которые могут найти дружественную силу в России. Скажем, лидер современной социологии И. Валлерстайн предсказывает «высвобождение» Западной Европы от обязательств по Североатлантическому договору. Параллельно российско-китайскому охлаждению осуществится приход Китая в американо-японский лагерь, а России — в западноевропейский. В сформировавшихся двух великих коалициях — американо-японо-китайский союз против европейско-российского союза. Между 2000—2025 годами осуществится экспансия обоих блоков. Затем конфликтные интересы не позволят избежать столкновения и возникнет угроза долговременной мировой войны[201].

Второй вариант исходит из цивилизационной прочности Атлантического союза, которому с гораздо большей естественностью будут противостоять основные азиатские государства — Китай и Япония. (В чисто экономическом смысле эти две страны являются естественными партнерами — одна имеет технологию, ноу-хау, другая — естественные ресурсы и огромный рынок. Одна — стареющее умудренное население, другая — энергичную молодежь, одна имеет специфически азиатский демократический опыт, другая — однопартийную систему.) Обе страны могут оказать чрезвычайную помощь друг другу, преодолев прежний горький исторический опыт, различие в идеологии, самоутверждение Китая, его нечувствительность к японским опасениям, то обстоятельство, что Япония договорами связана с США.

Две великие азиатские страны могут забыть взаимные обвинения. И одновременно вспомнить прежние обиды от американцев и европейцев, если внутри обеих стран возобладают сторонники «возвращения» Тайваня и «возвращения» Окинавы. Продолжение бурного экономического роста КНР поможет восстановлению прерванной на десятилетие яростной экономической экспансии Японии. Китай уже стал вторым — после США — торговым партнером Японии[202]. Эти обстоятельства немедленно вызвали американскую озабоченность[203]. Союз Японии и Китая мог бы

создать партнерство, способное претендовать на доминирование любого уровня.

Третий вариант — сближение России и Китая — на Западе реалистичным пока не считается. Обе страны очень ценят западные инвестиции, они не столь гармонично дополняют друг друга, модернизируя экономику в погоне за западными экономическими показателями. И все же сближение двух гигантов Евразии имеет черты реальности. По мнению австралийского исследователя, «наиболее вероятным наследником современной однополярной структуры явится новый *биполярный* баланс, который восстановит старый союз Москвы и Пекина 1950 года на основе укрепившей свои силы России и экономически и в военном отношении развившегося Китая, подключая некоторые силы из мусульманского мира — например, Иран. В традиционных показателях «*status quo* альянс» (США, Европа и Япония) будет обладать гораздо большей экономической и военной силой, чем *ревизионистский* альянс. Но напряжение будет напоминать 1949—1962 годы — пик холодной войны»[204].

Успехи Запада, отставание его «преследователей», раздражение России и Китая по поводу пристрастности США и их союзников в вопросе национального самоопределения живущих в России и Китае народов — могут резко стимулировать вчера еще невероятное сближение Пекина и Москвы. По крайней мере, вооружение Россией китайской армии на фоне ужесточения китайской политики в вопросе о будущем Тайваня создают правдоподобный сценарий вольного и невольного сближения двух крупнейших (по населенности и по размерам территории) стран мира. На протяжении всех последних лет русские и китайцы делали осевой идеей своего отношения к внешней политике сотрудничество «во славу многополярности».

В декабре 1996 года обе страны провозгласили в совместном коммюнике: «Партнерство равных прав и доверие между Россией и Китаем направлено на стратегическое сотрудничество в XXI веке».

Россия продала Китаю стратегически важные системы наведения и контроля своих систем СС-18 и СС-19 для китайских комплексов ДФ-31 и ДФ-41. В порты КНР прибыли современные российские подводные лодки, проданные Китаю. В Китае построены заводы, производящие части для мобильных межконтинентальных баллистических ракет «Тополь-М» (СС-27). Россия помогает Китаю создать новое поколение баллистических ракет подводных лодок и сами подводные лодки с практически бесшумными двигателями, примерно равные по классу американским системам «Виктор-III», которые в США будут взяты на вооруже-

ние лишь в 2007 году. Российские заводы предоставили Китаю части мобильных СС-24 и СС-25. Китай получил от РФ технологию создания мирвированных ракет на твердом топливе, что чрезвычайно увеличило точность китайского стратегического оружия[205]. Существуют планы строительства Россией в Китае до двадцати атомных реакторов[206]. По мнению американского специалиста С. Бланка, «Москва видит военный рост Китая и намерена содействовать ему»[207]. Уже решен, в частности, вопрос об учебе в Москве китайских ядерных физиков.

«В результате Китай и Россия,— пишет американец Г. Бинендийк,— сблизились в сфере безопасности, несмотря на наличие ряда факторов, препятствующих сближению. Глобализация как бы притягивает обе страны к Западу, но противоречия с Западом препятствуют этой тенденции. Укрепившиеся китайско-российские связи базируются на взаимном недоверии в отношении Запада, растущих общих интересах, на заинтересованности в торговле оружием, на разрешении прежних пограничных и прочих противоречий... Очевидны и связи Китая и России с государствами-париями. Не может не вызывать озабоченности то, что нации, имеющие серьезные противоречия с Западом, формируют отношения сотрудничества, что ведет к опасной биполярности»[208].

В конце 1998 года премьер российского правительства Е. Примаков выдвинул проект тройственного союза Россия — Китай — Индия, что можно рассматривать как апофеоз планов сплочения главных незападных сил. В 2000 году президент России В. Путин выдвинул во время визита в Пекин сходные планы. Потенциал этой схемы в будущем будет зависеть от многих составляющих.

Четвертый вариант является едва ли не самым большим кошмаром для американских футурологов — союз Западной Европы с Китаем, объединяющий величайший в мире общий рынок с самой многочисленной нацией на Земле. Этого более всего боялись в свое время президенты Вашингтон и Джефферсон: евразийский колосс, объединяющий свою экономическую и военную мощь с громадными людскими массами Азии — союз Срединной Европы и Срединного Царства, союз ведомой Германией Европы и ведомой Китаем Азии. Главной глобальной задачей Соединенных Штатов должно быть предотвращение такого союза. Если же готовиться к худшему и согласиться с в принципе с неизбежным отчуждением внешнего мира, то в качестве противовеса следует подготовить союз с Японией, Россией и Индией. Подобной ситуации, такого варианта «жесткого» будущего следует избежать за счет мобилизации проамериканских сил в Европе.

Пятый вариант не выглядит пока реалистичным, но обсуждается в западной научной литературе. Речь идет о сближении Западной Европы и Японии. В принципе это очень логичная тема: против самого сильного блокируются находящиеся рядом. (К тому же ряд исследователей предвидят «грядущую конфронтацию между Китаем и Японией»[209].)

Отметим ежегодные встречи лидеров ЕС и Японии на высшем уровне, встречи на самых различных форумах, на регулярных сессиях ООН, Всемирной торговой организации и пр. За последние годы «Европейский союз расширил географические рамки двустороннего диалога... Эти встречи влияют на восприятие ЕС и Японией друг друга. Ощутимость этого сближения связана с угрозами экономического характера и в безопасности, исходящих от Китая и Корейского полуострова»[210]. Важно отметить принятие в 1994 году Европейским союзом «новой азиатской стратегии». Стало очевидно восприятие Брюсселем Японии как своего рода моста между Европой и Азией. С японской стороны определенное сближение связано с благоприятным откликом премьера Кайфу на призыв западноевропейцев оказать помощь Восточной Европе не дожидаясь американской реакции[211]. Кооперация двух сторон в ВТО «облегчает взаимоподдержку ЕС и Японии в отношении американских требований»[212].

Фактически Европейский союз и Япония закладывают фундамент для совместных действий в XXI веке. При всем нежелании Японии рисковать своими особыми отношениями с США, если последние примут более «самоцентричный» курс,— Токио может усилить ориентацию на западноевропейский центр. «В то время как,— пишет английская исследовательница Дж. Гилсон,— Соединенные Штаты продолжают уменьшать свое вмешательство в европейские и азиатские дела; новые проблемы «менее стратегического» значения занимают все большее место на международной арене. Именно сейчас Япония и ЕС становятся ключевыми игроками в сфере международной экономической и политической активности, и они уже вырабатывают партнерство в решении глобальных вопросов»[213].

Но складывание коалиций — это непростой и часто долговременный процесс. Суверенные государства, вступающие в союзы, склонны проявлять не дисциплину, а самостоятельность. Наряду с коалиционным блокостроительством привилегированному положению США будет грозить антиамериканская эволюция *отдельных* крупных государств. Их немного, но они суверенны и потенциально могущественны.

Не Север-Юг и не Восток-Запад явятся политической дихотомией будущего. Двумя реальными претендентами на роль независимого от США полюса являются *объединенная Европа и Китай*. «Хотя весьма сложно предсказать условия, которые будут господствовать в Европе или в Китае через 25 лет,— приходит к выводу историк П. Кеннеди,— оба эти региона имеют потенциал, необходимый для того, чтобы стать равными — или даже превзойти Соединенные Штаты — по крайней мере в экономическом могуществе»[214].

Глава 12

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫЗОВ

Атлантическое направление останется наиболее приоритетным для США в XXI веке. Причины очевидны — в Северной Атлантике сосредоточена самая большая экономическая и военная мощь мира. Здесь, на двух берегах Атлантического океана, живет самое образованное и квалифицированное технологически население — около 800 млн. человек (13 процентов мирового) — привыкшие к мировому лидерству представители единой цивилизации, общего исторического и культурного наследия. В их руках мировая наука и огромные индустриальные мощности. Примерно уже сто лет Запад производит две трети промышленного производства мира. (Пик пришелся на 1928 год — 84,2%. В дальнейшем подверглась падению и доля Запада в мировом промышленном производстве — с 64,1% в 1950 году до 48,8% в 2000 году — грандиозная, определяющая доля.)

Среди 500 крупнейших компаний мира в 1999 году 254 компании были американскими и 173 — западноевропейскими. Вместе они составляют абсолютное большинство (на долю чемпиона Азии — Японии приходится лишь 46 компаний)[215]. Можно смело предположить, что США и Западная Европа еще очень долго в XXI веке будут главным средоточием центров высокой технологии, науки и эффективного производства. Не менее внушительно смотрится Запад и в военной сфере. Армии Запада, оснащенные наиболее совершенной военной техникой — самый мощный военный конгломерат в мире[216].

Три тенденции. Но, как только объединяющее напряжение холодной войны в 90-х годах начало спадать, в отношениях между двумя западными регионами, Северной Америкой и Западной

Европой, обнаружились несоответствия в позициях, выявилось частичное взаимонепонимание и все более отчетливое различие в интересах. *Три* глубинные тенденции проявляют свою силу.

Первая достаточно резко определилась в различиях темпов экономического развития. В Соединенных Штатах с 1992 года начался бум, позволивший стране совершить большой скачок вперед, «добавив» на протяжении первого президентства Клинтона к своему валовому национальному продукту долю, примерно равную валовому национальному продукту всей объединенной Германии, а во второе президентство Клинтона — объем экономической мощи, равный ВНП Японии. США закрепляют свои позиции на фронтах научно-технической революции, а страны Европейского союза пока не могут восстановить темпы своего экономического роста. В США самый низкий за последнюю четверть века уровень безработицы — 4,2%, а в Западной Европе самый высокий — 12-процентная безработица. Безработица в Германии превысила уровень 1933 года, когда Гитлер взял власть в стране, критикуя бездействие властей в отношении безработицы.

Вторая — усиливается различие в направленности интеграционных процессов. Оба западных центра предпринимают активные усилия по консолидации близлежащей периферии, что естественным образом будет способствовать размежеванию направленности их интеграционной политики, центра приложения национальных усилий. Создав Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА), Вашингтон стал видеть свое будущее связанным с Канадой и Мексикой — непосредственными соседями по континенту. Западноевропейские же столицы укрепляют северное направление западноевропейского интеграционного процесса (включив в свой состав скандинавские Швецию и Финляндию) и всей своей мощью разворачиваются к Восточной Европе, где бывшая ГДР (а теперь новые пять земель Германии) вместе с Австрией становятся форпостами воздействия на Центральную и Восточную Европу.

Решение Вашингтона связать свою судьбу с демографически и экономически растущей Мексикой и другими латиноамериканскими странами довольно решительно меняет само этническое лицо Соединенных Штатов, еще более укрепляет латиноамериканский элемент в североамериканской мозаике. В то же время ассоциация с Восточной Европой делает этнически иным западноевропейский конгломерат. В обоих регионах ослабевает «объединяющая нить» англосаксонско-германского элемента, теряющего позиции как в североамериканском «плавильном тигле»,

так и в западноевропейской конфедерации народов. Меняющееся этнополитическое лицо США и Западной Европы (как и направленность их непосредственных политико-экономических инициатив) отнюдь не сближают два региона Запада.

Третья — различная геополитическая ориентированность. Соединенные Штаты после окончания холодной войны нацелены (если судить хотя бы по рассекреченному в 1992 году меморандуму Пентагона об американских стратегических целях) на *«глобальное предотвращение возникновения потенциальной угрозы США, на сохранение американского преобладания в мире»*. Западная же Европа все более видит свои интересы именно в пределах Европы, ограничивая себя в оборонных функциях Средиземноморьем и новой линией по Бугу и Дунаю. Подчеркнутый глобализм США и не менее акцентированный регионализм ЕС ставят два западных центра на принципиально отличные друг от друга позиции.

Эти различия акцентируются военным строительством в двух регионах. Соединенные Штаты лишь незначительно сократили военное строительство (по сравнению с пиком десятилетней давности), а Западная Европа по военным изысканиям и модернизации отстает от своего старшего партнера на порядок. Проекция силы для США — глобальный охват; проекция силы для Европейского союза ограничена Гибралтаром, Балканами, Прибалтикой, Скандинавией. И это отличие акцентируется настоящей революцией в военном деле, делающей для США необходимыми (а для ЕС недоступными) такие элементы военного могущества, как тотальное слежение со спутников, электронная насыщенность вооруженных сил, электронная разведка по всем азимутам, двенадцать авианосных групп, новое поколение авиационной техники,— все то, что в американской специальной литературе называют SR + 4C (слежение, разведка плюс командование, контроль, оценка, компьютеризирование). По рангу военного могущества США поднялись на огромную высоту и свой военный рост они отнюдь не «связывают» только с участием в Североатлантическом союзе. *Различная* степень развитости индустриально-научного потенциала в военной сфере ставит два региона Запада на разные ступени военно-стратегического могущества.

Кумулятивный эффект трех указанных процессов однозначен: Соединенные Штаты и Европейский союз видят себя в мире отлично друг от друга, различно воспринимают существенные мировые процессы, неодинаково формулируют свои интересы и в целом дрейфуют не друг к другу, а скорее в различных направлениях.

Превращение США в единственную сверхдержаву заставило страны ЕС *задуматься над своей ролью в будущем*. Задуматься над тем, какую роль они себе готовят. Выбор существенен — быть младшим помощником Соединенных Штатов или постараться занять позицию более равноправного партнера. Оба варианта развития событий нельзя исключить: согласно *первому* два берега Атлантики расходятся, согласно *второму* общая цивилизация и общие интересы заставят Америку и Европу сблизиться.

Вызов ЕС. При всех вышеуказанных слабостях совокупная мощь западноевропейского ядра Европы все же приближается к классу американских показателей. В 1999 году валовой продукт Европейского союза составил 19,8 % общемирового, уступая только американскому (20,4 %).[217] Крупнейшие западноевропейские столицы ищут пути восстановления своей геополитической значимости, они пытаются поднять свой вес как за счет активизации собственной стратегии, так и за счет объединения усилий. Предпосылки этого объединения уже созданы. *«Формы противодействия гегемонии в коалиции,*— полагает С. Хантингтон,— *сформировались еще до окончания холодной войны: создание Европейского союза и единой европейской валюты. Как сказал министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин, Европа должна создать противовес доминированию Соединенных Штатов в многополюсном мире»*[218].

Объединив в Европейском союзе силы, западноевропейцы могут в любой момент снова обратиться к геополитике. Огромные территории, многочисленное население, необъятные ресурсы, высокая степень технологической изощренности, внутреннее социальное и политическое единство, эффективная военная машина, способность проецировать свое могущество в самые отдаленные районы планеты и волевая готовность осуществлять эти воинские операции, административная способность быстро принимать решения и реализовывать их — вот что будет характеризовать узкую группу могучих держав, которые через несколько лет (десятилетий) могли бы трансформировать однополярность в биполярность.

Западная Европа находится в самой середине долговременного процесса экономической и политической интеграции, которая постепенно снижает значимость внутренних границ, создает центральную власть Европейского союза. Тенденция такова, что ЕС постепенно превращается в соперничающий с гегемоном центр — пятнадцать членов ЕС создают подлинную критическую массу;

распространение ЕС на восток Европы как бы склоняет баланс (в негласном и заочном соревновании с США) в пользу Европы. Европейский союз уже стал организацией большей, чем *конфедерация*, и в обозримом будущем ЕС возможно станет европейской *федерацией*. Огромный торгово-политический блок ощутил свою силу и не намеревается отдавать другим жизненно важные и прибыльные позиции.

И, как пишет Зб. Бжезинский, «возникновение подлинно политически объединенной Европы представило бы собой базовое изменение в мировом распределении сил»[219].

Экономический соперник. Западноевропейская интеграция дала Европе новый шанс. Совокупная экономическая мощь Западной Европы приближается к американским показателям — 19,8% общемирового валового продукта (США — 20,4%)[220]. Население Европейского союза — 380 млн. человек — на 40% больше американского, и тенденция преобладания по демографическому показателю сохранится на долгие годы. «Евроленд,— пишет американский экономист Ф. Бергстен о будущем потенциального соперника,— будет равным или даже превзойдет Соединенные Штаты в ключевых параметрах экономической мощи и будет во все возрастающей степени говорить одним голосом по широкому кругу экономических вопросов... Экономические взаимоотношения Соединенных Штатов и Европейского союза во все более возрастающей степени будут основываться на основаниях равенства»[221].

Таблица 7. *Соотношение показателей США и ЕС сейчас и в будущем.*

	США	ЕС-15	ЕС-27	ЕС и Турция
Население	273 млн.	380 млн.	480 млн.	545 млн.
ВНП	9,3 трлн. долл.	8,5 трлн.	9,2 трлн.	9,6 трлн.
ВНП на душу	31,5 тыс. долл.	21 тыс.	15 тыс.	14,8 тыс.
Воен. р-ды	290 млрд. долл.	170 млрд.	222 млрд.	230 млрд.
Воен расходы как % ВНП	3,4%	1,85%	2%	2,06%
Общий экспорт	0,9 трлн. долл.	2 трлн.	2,2 трлн.	2,23 трлн.
Доля экспорта в мировом	16,5%	37%	40%	40,7%
Общий импорт	0,76 трлн.	2 трлн.	2,15 трлн.	2,17 трлн.
Доля импорта в мировом	13,5%	36%	38%	39%

Источники: The World Factbook (Wash.,CIA, 1999); Direction of Trade Statistics. Wash. IMF, December 1999; The World in 2000. Economist Statistics. London, 2000; «The National Interest», Summer 2000, p. 18.

Реальная жизнь в подвергающейся суровой экономической конкуренции североатлантической зоне в принципе поглощает сантименты и требует выбора, от которого зависит уровень экономического подъема и трудовой занятости стран-участников. На этом поле глобальной экономической битвы ощущается тенденция к выбору пути самостоятельного от США развития. Римский договор, Маастрихт, переход к единой валюте, реанимация Западноевропейского союза как возможной основы сепаратной военной системы — этапы долгого пути, ведущего к существенной самостоятельности. «Европейцы,— пишет английский журнал «Экономист»,— желают укрепить свою мощь до такой степени, чтобы суметь отделить себя от Америки. Нигде в мире нет такой силы, которая могла бы продемонстрировать столь мощный волевой акт»[222]. Они ищут пути восстановления своей значимости за счет активизации собственной стратегии и за счет объединения усилий.

Европейское стремление к международной независимости понятно: Западная Европа значительно больше чем Соединенные Штаты зависит от внешнего мира. Общая торговля с внешним миром у ЕС примерно на 25% больше, чем у Соединенных Штатов, и вдвое больше, чем у Японии. Доля экспорта в германском ВНП равна 25%. Доля экспорта в ВНП Франции и Британии — 18%, Италия — 15%. (Доля экспорта в ВНП США — 7%.) Европейский союз осуществляет безостановочную торговую экспансию. Заключив соглашения об ассоциации с 80 странами, он намерен увеличивать свою значимость как торгового блока, как источника инвестиций, как мирового культурного центра.

Формы противодействия гегемонии определились: создание Европейского союза как сопоставимого по экономической мощи государства, введение единой европейской валюты, конкурирующей с долларом, создание зон собственного влияния. Как сказал министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин, «Европа должна создать противовес доминированию Соединенных Штатов в многополюсном мире»[223]. А американский аналитик У. Пфафф и не сомневается: «Европейский союз является единственным действующим лицом на мировой сцене, который способен бросить серьезный вызов Соединенным Штатам,— и он почти наверняка бросит этот вызов»[224]. Этот вызов не обязательно будет иметь характер военной угрозы. Речь пойдет прежде всего о интенсивной экономической конкуренции, к ходе которой, как пишет У. Пфафф, «Соединенные Штаты вовсе не обязательно выиграют — ни одна сторона вероятнее всего не выиграет — но политические послед-

ствия такого соревнования приведут к окончанию доминированию Америки в будущей международной системе»[225].

Лидеры Западной Европы наметили создание центра автономного информационного общения. Итальянская и германская информационные компании практически слились, а «Бритиш телеком», «Дойче телеком», «Франс телеком» и испанская «Телефоника» стремятся создать свой электронно-коммуникационный мир. (Напомним, что телекоммуникации через несколько лет оттеснят автомобильную промышленность в качестве лидирующей мировой отрасли; на эту отрасль придется — 267 млрд. долл. в 2003 году.) Подобные же процессы происходят в западноевропейском авиационном сотрудничестве и в ряде других сфер.

Слабое место выдвигающей исторические претензии Европы — неэффективность ее рабочей силы. За прошедшую четверть века США создали несколько миллионов рабочих мест, а Западная Европа — почти ничего. Если такая ситуация продлится еще два-три десятилетия, то шансы ЕС бросить вызов США будут ослаблены.

Военный аспект. Выше уже говорилось, что в декабре 1999 года были заложены основания новой европейской политики в области безопасности и обороны. Европейский совет поставил задачу создания Европейского корпуса быстрого реагирования в 60 тысяч, который может быть сформирован в течение двух месяцев для действий на протяжении двух лет. Это эквивалент армейского корпуса, он будет иметь военно-морской и военно-воздушный компоненты. (Официальное объяснение необходимости его создания — избежание «трех Д» — дублирования, дискриминации, «декаплинга» — размежевания оборонительных военных функций.) Контингент должен быть создан к 2003 году. Создается некий эмбрион западноевропейского военного штаба. Прежний генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана, а не некий безликий клерк, стал возглавлять процесс военного становления ЕС. Он возглавил ЗЕС и военно-политический орган ЕС, придав Западноевропейскому союзу очевидную значимость. Встреча военных и внешнеполитических представителей поставила в конкретную плоскость вопрос о членстве в ЕС долго отвергавшейся Турции. И, разумеется, речь идет о совместном европейском производстве современных вооружений.

Резонно предположить, что в XXI веке западноевропейцы еще более повернут к координации в военно-промышленной области. Претендуя на роль второго полюса мира, Западная Европа будет стремиться создать собственную военную промышленность, независимую от американской. «Во все более возрастающей степени европейские союзники США постараются производить собствен-

ные виды вооружений... Хорошим примером этого является запрограммированный на будущее процесс создания общеевропейского истребителя, в производстве которого сотрудничают прежде всего германские и британские фирмы... Как и общая валюта, независимая военная промышленность будет существенной чертой интегрированной Европы, которая потребует своей собственной политической, экономической и военной инфраструктуры... Многие европейцы считают, что Европа должна достичь состояния, когда она будет способна на военные действия без поддержки и участия США»[226]. Наиболее амбициозным европейским проектом является план создания единой Европейской аэрокосмической оборонной компании (ЕАОК), в которую войдут французский «Аэроспасьяль», «Бритиш эйрспейс», немецкий «Даймлер-Крайслер Эйрспейс», испанская «КАСА», шведский СААБ, итальянская «Финмеканника-Алекия». Речь идет о создании суперкомпании, производящей самолеты, вертолеты, космические корабли, управляемое оружие и другие военные системы.

По разные берега Атлантики возникает собственное восприятие мира. Очевидно, что европейские интересы не всегда будут совпадать с американскими. «Европейцы,— полагает вашингтонский Институт мировой политики,— гораздо более американцев обеспокоены возможностью коллапса России и начала гражданской войны на бывших советских территориях, чем риском восстановления Россией своих сил... Опасности со стороны растущих держав, таких как Китай и Индия, а также угрозы со стороны держав-париев не видятся в Европе насущными и столь важными»[227]. Назначение главой Европейской комиссии Романо Проди, а ответственным за политику в сфере безопасности Хавьера Соланы говорит о возрастании интереса к самоутверждению.

Америка и Европа стоят на противоположных позициях по вопросам глобального потепления, политики в области энергетики, антитрестовского законодательства (скажем, о слиянии «Боинг» — «Макдоннел-Дуглас»), по поводу американских экономических санкций, стимулирования экономики, необходимости еще одного раунда («Раунд Тысячелетия»: ЕС — за, США — против), либерализации мировой экономики. В буднях атлантического мира США ограничивают импорт стали, машинного оборудования из Германии, шерсти из Италии и Британии и т.п.

К 2020 г. процесс формирования Европейского союза в общем и целом завершится. Последними (в плане расширения ЕС) будут вопросы о России и Турции. «История предполагает, что Россия будет включена в ЕС, а Турция — нет. Россия в течение долгого времени будет колебаться между богатой, развитой Европой и

великим азиатским хинтерландом. Под руководством лидеров, ориентирующихся на Запад, она будет долгое время полагаться на ресурсы своих огромных земельных массивов. Если Россия преуспеет в построении рыночной экономики западноевропейского типа (на это потребуется примерно двадцать лет), тогда она последует европейским путем, заимствуя опыт у западных соседей, овладевая их мастерством и снабжая их своими сырьевыми припасами»[228]. Тогда огромная евразийская масса станет *первым* силовым регионом мира.

Обозначим основные пункты противоречий.

Первое. Создание общей европейской валюты *евро* «увеличивает возможности создания биполярного международного экономического порядка, который может прийти на смену американской гегемонии»[229]. Для автономного от США плавания ЕС должен обрести необходимую прочность. *Евро* станет полновесным конкурентом доллара; на рыночном пространстве 15 членов ЕС в двадцать первом веке выделятся компании-чемпионы экономической эффективности. Экономисты М. Фельдстайн и М. Фридмен схожим образом выражают опасение, что Европейский валютный союз в конечном счете приведет Европу к столкновению с Соединенными Штатами. *Евро* будет отвлекать финансовые потоки с американского рынка, осложнит дефицит американского бюджета, станет мощным конкурентом доллара на рынках международных расчетов, ослабит Америку в фиксировании цены на нефть и другие сырьевые материалы.

Единый валютный союз превратит основанную на господстве доллара мировую финансовую систему в биполярный *доллар-евро порядок,* оттесняя Японию далеко на третье место. Нынешняя зона единой европейской валюты — *евро* — самая большая в мире зона богатых покупателей. Выпущенные в 1999 году в евро облигации составили 44% всех облигаций выпущенных в мире, в то время как на доллар пришлось 43%[230]. Создание зоны евро, по мнению американского эксперта П. Родмена, «освободит Европу от невыгодной подчиненности в отношении к доллару и подчиненности в конце концов в отношении Соединенных Штатов»[231]. Учитывая размеры колоссальной зоны евро, многие компании в Восточной Европе, Северной Африке, Азии и Латинской Америке уменьшают долю операций в долларах, переходя на евро. Оканчивается эра абсолютного господства доллара как единственной мировой валюты.

Создание *евро «увеличивает возможности создания биполярного международного экономического порядка, который*

может прийти на смену американской гегемонии, последовавшей за второй мировой войной»[232]. Валюта *евро* станет полновесным конкурентом *доллара;* общее рыночное пространство выделит чемпионов экономической эффективности. Одновременно ЕС осуществляет безостановочную торговую экспансию, заключив соглашения об ассоциации с 80 странами. Такие американские атлантисты как Г. Киссинджер полагают, что создание Европейского валютного союза ставит Европу на путь, который «противоположен атлантическому партнерству последних пяти десятилетий... Нет никаких оснований предполагать, что объединенная Европа когда-либо добровольно пожелает помочь Соединенным Штатам в их глобальном бремени»[233].

Второе. Страны Европейского союза, стремясь в будущем достичь американского технологического уровня, расходуют в год на приобретения вооружений, исследования, разработки, испытания и оценки 36 млрд. долл., что равняется примерно 40% сходных американских расходов (США — 82 млрд. долл.). Средства, идущие на проведение операций и поддержку также составляют 40% американских. Ощущая свое отставание, Европейский союз на рубеже столетий назначил специального координатора своей политики безопасности, создает центры внешнеполитического планирования, принял решение о формировании совместных сил быстрого реагирования.

Коллективное производство оружия ослабит зависимость от американцев. Американцы приходят к выводу, что «создание европейской военной промышленности является отличительной чертой эволюции ЕС, который сможет держаться политически на равных с Соединенными Штатами»[234]. Создание европейского военного консорциума приведет к соперничеству между «крепостью Европа» и «крепостью Америка», что нанесет капитальный удар по политическому единству и военной эффективности НАТО[235]. Западноевропейский союз (ЗЕС) уже претендует на роль фундамента сепаратной западноевропейской военной системы. В 1999 г. Франция поддержала инициативу Германии о превращении Западноевропейского союза в военное крыло Европейского союза. Но для создания военной машины, сопоставимой с американской, западноевропейцам нужно будет минимум в четыре раза увеличить свои военные расходы. Они должны будут нагонять США в области производства сенсоров, точно наводимых боеголовок, военных спутников и пр.

Отчасти они уже делают шаги по этому пути. В феврале 2000 года на своей встрече в Португалии французский министр обороны А. Ришар предложил общий для всех потолок для расходов на

производство вооружений — 0,7 ВНП страны. ЕС с их общим ВНП в 8,5 трлн долл. тем самым обязуется расходовать по данным статьям примерно 60 млрд. долл. (против 36 млрд. долл. ныне)[236]. Эта цифра уже ближе к 82 млрд. долл. американских расходов на эти цели. Коллективное европейское производство оружия позволит ослабить зависимость от американцев. Созданный еще в 1948 году Западноевропейский союз (ЗЕС) с его десятью странами-членами уже фактически является фундаментом сепаратной западноевропейской военной системы.

Желание Западной Европы значить больше в НАТО уже вызывает в США, по выражению Э. Понд, «шизофреническую реакцию и ведет к столкновениям в НАТО. Вашингтон не желает видеть противовес своим односторонним действиям»[237]. Трансатлантическая конкуренция в нескольких стратегически важных высокотехнологичных областях, которые обе стороны считают абсолютно необходимыми для своего экономического выживания, подводит атлантических военных союзников к грани разрыва. Логически напрашивающееся слияние крупнейших компаний в общем технологическом пространстве «политически неприемлемо,— пишет У. Пфафф,— для Европы. То же самое можно сказать о Соединенных Штатах, ибо любое такое слияние поставило бы у контрольных рычагов неамериканского партнера»[238].

Третье. Речь идет о серьезной конфронтации в создании военных самолетов и ракетных установок. Конгломерату «Боинг-Локхид Мартин-Рейтеон» противостоит группа европейских авиационных компаний, и в этой битве не на жизнь, а на смерть стоит вопрос о само́м существовании европейской авиационной индустрии. Отказ от собственной авиационной промышленности будет неприемлем даже для дружественной американцам Британии. Глядя с американской стороны, представляется невероятным, чтобы американский конгресс позволил концерну «Нортроп», хранителю технологии *«Стеллс»*, войти в предлагаемую ему долю совместно с европейскими компаниями — германской «Даймлер-Бенц-Аэроспейс», французской «Томсон», британской «Маркони». В будущем американскому авиационно-космическому могуществу будет противостоять союз «Бритиш Эйрспейс», германской ДАСА и французской «Эроспасьяль». И нет сомнения в том, что к конкурентной борьбе присоединятся правительства всех заинтересованных стран.

Четвертое. Как формулирует У. Пфафф, «американское политическое сообщество все более воспринимает свою национальную роль в терминах гегемонии (используя этот термин в его необидном смысле), рационализируя свои обязательства укреп-

лять необходимую оборону международного порядка, что оправдывает неоспоримое первенство американской военной мощи, скрепляемое элементом национального мессианизма, замешанного на теории божественной предопределенности пуритан»[239]. А Европейское сообщество для того и объединяет силы, чтобы не быть безнадежно зависимым.

Достижение этой цели — весьма сложная операция. Достаточно очевидно, что в течение ряда грядущих лет рождающаяся Западная Европа пока не будет представлять собой ни сообщества абсолютно независимых держав, ни наднационального союза государств. Силовая основа Европейского союза не централизована, она распределяется между номинальной столицей ЕС Брюсселем и основными национальными столицами — основные решения пока принимаются на национальной основе. Существует сложность не только в определении общей цели, но и единого понимания того, во что в конце своей эволюции превратится Европейский союз — настолько различны взгляды на будущее устройство Евросоюза у Берлина, Парижа и Лондона. На фоне централизованных действий Вашингтона это несомненная геополитическая слабость.

Пятое. Серьезные сложности возникают в свете различных подходов в культурной области. Защита интеллектуального и культурного своеобразия становится в Европе частью национального «кодекса чести». Учтем при этом, что прямые выборы в Европарламент создадут единое политическое поле. Совместные выпуски газет, общие телеканалы и пр. сформируют единое информационное пространство.

Сильной стороной западноевропейской мощи всегда была ее культура. Это превосходство ныне пошатнулось — Западная Европа отстает по эффективности системы высшего образования. Возможно лишь Британия имеет сопоставимые с американскими по уровню университеты. Европейские университеты выпускают в два раза меньше специалистов в технических областях (здесь — в отличие от США — стремятся резко отделить гуманитарные науки от технических).

По оценке американского исследователя И. Катбертсона, «восприятие мира на двух сторонах Атлантики разнится друг от друга в поразительной степени... Внутренние трения и конкурирующие экономические интересы могут эскалировать слишком быстро и потопить под собой партнерство»[240]. Многолетний наблюдатель американо-европейских перипетий У. Пфафф (живущий в Париже) полагает, что «различия интересов, а не прихоть вызовут на протяжении грядущих десятилетий постоянно углубляющееся соперничество между Европой и Соединенными Штатами, конку-

рентное стремление укрепить свое экономическое и политическое влияние в остальном мире»[241]. 24 процента американцев считают Западную Европу критической угрозой себе[242].

Дрейф Европы в автономном от США плавании пройдет, видимо, ту промежуточную стадию, когда на основе партнерства более консолидированного Европейского союза с США западноевропейский «столп» обретет необходимую прочность. Подлинное определение Западной Европой отличного от американского «политического лица» произойдет тогда, когда все три «гранда» европейской политики — Германия, Франция и Британия найдут основу для координации своих курсов, для совместных действий, для отчетливо выраженных совместных оборонных усилий. Видимым шагом в этом направлении было бы создание чего-то вроде трехстороннего европейского директората. Это ослабило бы страх Франции перед большой Германией и опасения Берлина в отношении новой Антанты. Только в этом случае объединительная тенденция возобладала бы над тысячелетней тенденцией внутриевропейской розни.

Следует сказать, что ситуация в начале нового века несколько напоминает ту, которая предшествовала первой мировой войне: все более определяющая свое главенство Германия и нестабильная, социально-политически неопределившаяся Россия, клубок противоречий на Балканах, неспособность Британии и Франции выступить с единых позиций. Чешский президент В. Гавел указывает на главную слабость региона: *«В современной Европе отсутствует общий набор идей, отсутствует воображение, отсутствует щедрость... Европа не представляется достигшей подлинного и глубокого смысла ответственности за себя»*[243]. При этом лидер региона Германия в случае *«второсортности»* своего военного статуса согласится скорее на зависимость от далеких Соединенных Штатов, предпочитая ее зависимости от близких соседей — Франции и Англии.

Пока ни одно из правительств крупных западноевропейских стран не берет сегодня на себя инициативу возглавить региональную группировку и повести ее вперед. Германия даже при Шредере не рискует напугать остальных европейцев, Британия даже при Блэре боится показаться слишком проамериканской, Франция не чувствует необходимой силы и достаточной поддержки малых стран. Наиболее существенный общий проект — Европейский валютный союз — важен сам по себе (и по своим последствиям), но даже его реализация не дает оснований говорить о «едином голосе», пан-европейской дисциплине, возникновении главенствующей идеологии.

Фундаментальной важности фактор: там, где дело будет касаться европейской экономики, где затронут интерес западноевропейцев в успешном функционировании их валюты, независимости их индустрии, безопасности их инвестиций, мировом уровне их технологий, безопасности и расширении их торговых потоков, вперед — на первый план в европейских столицах выходит энергичная национальная самозащита. Общий рынок и общая валюта гарантируют то, что западноевропейцы в XXI веке будут координировать свои усилия — и уж определенно в отношениях с Соединенными Штатами. Как резюмирует де Сантис, «реальностью является то, что Европа не может контролировать свою политическую судьбу, одновременно оставаясь зависимой в военной отрасли от Соединенных Штатов, равно как Соединенные Штаты не могут ожидать от своих союзников больших оборонных обязательств, осуществляя одновременно политическую гегемонию над ними. В отсутствие глобальной военной угрозы такие противоречивые цели постепенно подточат межатлантические связи... Как только валютный союз обозначит европейские глобальные экономические параметры, это немедленно скажется на трансформации трансатлантических обязательств в сфере безопасности. Европейский валютный союз даст импульс европейской интеграции и в конечном счете приведет к общей внешней и военной политике»[244].

Соперничая на ограниченном рынке, Америка и Европа спорят по вопросам торговли, финансов, инвестиций, глобального потепления, политики в области энергетики, антитрестовскому законодательству, по поводу экономических санкций, о путях стимулирования экономики; особенно открыто спорят два региона в ходе раундов по либерализации мировой экономики. Таит потенциал отчуждения битва ЕС против американских сельскохозяйственных культур, подверженных генетической обработке (GM).

Три сценария видятся реалистичными для развития событий в XXI веке.

Первый — замедление и фактическое прекращение процесса расширения Европейского союза. «Европейцы (за периодическим исключением французов) почти как японцы стремятся присоединиться к поезду развития высокотехнологичного производства, ведомому в будущее Соединенными Штатами. Они не проявляют желания возвысить себя до положения «равных соперников» Соединенных Штатов»[245]. ЕС отказывается от амбиций достижения равных с США позиций.

В случае реализации *первого* сценария полностью проявляет себя то обстоятельство, что отсутствие восточной угрозы ослабляет движение к европейскому единству. Ослабление интеграции

повлечет за собой утрату европейского интереса к глобальной (совместной) политике. Как предрекает англичанин С. Пирсон, «к 2004 году общий европейский военный бюджет упадет до уровня в две трети американского военного бюджета. Пятнадцать лет мирного дивиденда и мирового расстройства приведут к тому, что США станут в военном смысле доминирующей и технически наиболее передовой военной державой в мире, несопоставимой ни с кем в мировой истории»[246].

Это ослабление лишает и американцев особого интереса овладеть рычагами контроля над европейским развитием. В случае краха политики расширения ЕС последует ослабление американского вовлечения в европейские дела, заглавную роль сыграет изоляционизм американского конгресса. В целом американцы считают неудачу позитивной эволюции ЕС негативным поворотом событий; сама концепция диктуемой Западом системы безопасности и мировой роли Запада окажется под ударом.

Второй сценарий — процесс расширения Европейского союза продолжается, но идет с крайними трудностями — Европа превращается в структуру с многими уровнями (различные скорости интеграции), где поступательное движение сохраняется фактически лишь на верхнем уровне. Даже в этом случае избежать противоречий между двумя берегами Атлантики будет весьма сложно. Можно смело предсказать проявления сугубо культурных различий как на уровне элит, так в контактах населения обоих регионов, результатом чего будет их постепенное взаимоотчуждение. И в этом случае ЕС будет роковым образом ослаблен в проведении глобальной политики. *Но не откажется от достижения этой цели абсолютно.*

Второй сценарий — случай ослабления сближения стран ЕС между собой. Соединенные Штаты будут активнее поддерживать проатлантические силы в Европе, в значительной степени стимулировать различие скоростей (и направленности интеграционного процесса). В этом случае некий союз равных уходит за исторический горизонт. В США оживут схемы союза англоговорящих стран — проявится стремление использовать дружественность и солидарность Британии. Но это же может вызвать антиамериканское ожесточение германо-французского «остова» ЕС.

Третий сценарий — Европа, несмотря на все трудности, превращается фактически в централизованную державу, способную отстаивать свои позиции в мире, осознающую, что она — единственный *реальный* и возможный соперник Соединенных Штатов (если речь идет об историческом пространстве в три или четыре десятилетия). Ее экономика сохранит сравнимые с американски-

ми размеры (увеличивающиеся по мере приема новых членов), ее технология будет находиться на сравнимом с американским уровне, ее дипломатические традиции позволят ей успешно маневрировать в хаотическом мире. В ее состав будут продолжать входить две ядерные державы со значительным запасом ядерного оружия и софистичными средствами доставки. В ее распоряжении будут значительные обычные вооруженные силы, экипированные почти на американском уровне и имеющие опыт взаимодействия друг с другом[247].

При реализации *третьего* сценария (формирование фактически нового огромного европейского государства) ЕС возобладает на континенте, а роль США резко ослабнет. Брюссель увидит мировые горизонты. Этот *третий* вариант развития беспокоит США более всего. Это кратчайший путь лишиться гегемонии. Столкновение интересов может быть купировано лишь появлением *третьей*, враждебной всему Западу силы. Или хладнокровным разделом мира на зоны влияния. Или стимуляцией раскола среди европейцев — ведь любая гегемония прежде всего стремится разделять и властвовать.

Но существует опасность того, что американские усилия разделить европейцев могут лишь подтолкнуть европейцев друг к другу. Ведь «даже наиболее проатлантические европейские правительства признают, что их первостепенный интерес сегодня лежит в солидарности со своими европейскими соседями. И если США окажут давление «сверх нормы», европейский выбор,— пишет У. Пфафф,— будет предопределен. Экономический интерес, а не фривольный выбор вызовет углубляющееся соперничество Европы и Соединенных Штатов на протяжении грядущих десятилетий; это соперничество будет сопровождаться конкурентной борьбой за экономическое и политическое влияние в остальном мире. В той мере, в какой европейская индустриальная и экономическая независимость окажутся в зоне угрозы из-за конкуренции, которая не знает ничего среднего между поражением и победой, под угрозой окажется европейская суверенность»[248].

Не исключая реализации любого из указанных трех сценариев, отметим наиболее реалистический поворот событий: *Западная Европа* несколько отходит от атлантического русла. Произойдет сближение более атлантически настроенной Британии с европейски самоутверждающейся Франции, а вместе они найдут общий язык с более умеренной Германией. Произойдут изменения в проблеме расширения Европейского союза на Восток: западноевропейцы начнут смотреть на Восточную Европу не как на «варварский Восток», а как на интегральную часть Европы, чья

дополнительная сила укрепит западноевропейские позиции визави США.

Век атлантического партнерства отступает, потому что *«страны Северной Атлантики видимо никогда не достигнут интеграции столь глубокой, как у европейцев, и не смогут реализовать призыв государственного секретаря США Джеймса Бейкера синхронизировать межатлантическое сближение с западноевропейским»*[249]. В этом случае однополярность неизбежно увядает, уступая место новому — биполярному миру.

Различие в восприятии. Для оформления европейского единства чрезвычайно важно сближение социальных ценностей. В этом плане приход к власти социал-демократа Г. Шредера сделал правящий слой Европейского союза более гомогенным. Во всех трех странах-лидерах Союза господствует левая половина политического спектра: Л. Жоспен во Франции, Т. Блэр — в Великобритании, прежний коммунист возглавил итальянское правительство, социал-демократы победили в Швеции; они доминируют в Испании, Австрии и даже в посткоммунистических Польше и Чехии. Такой политический ландшафт весьма резко отличается от системы социальных воззрений, так или иначе доминирующих в США. Удовлетворенный капиталистическим ростом своей национальной экономики республиканский конгресс США в этом смысле весьма резко контрастирует с «более розовыми» западноевропейскими парламентами, осуждающими «бархатную гегемонию» Соединенных Штатов.

Примечательна растущая идейно-политическая гомогенность: во всех трех странах — лидерах Союза господствует левая половина политического спектра (социалисты во Франции, социал-демократы в Германии, лейбористы в Британии) — весьма отличный от американского политический ландшафт. Так формируется тот центр, самостоятельный выход которого на мировую арену сразу превратил бы современную однополюсную систему в биполярный мир. При этом «динамика развития силовых факторов поощряет соперничество, а общие культурные основы ведут к сближению»[250].

Стойкая европеистская Франция находит понимание с «новой» Британией и «новой» Германией. Поклонник Блэра канцлер Шредер также стал весьма по-иному смотреть на возможности подключения Лондона. Для Германии критически важна благосклонность Британии к расширению германской активности на востоке Европы. Франция поддерживает инициативу Германии о превращении Западноевропейского союза в военное крыло Европейского

союза. ЗЕС может взять на себя новые, более ответственные функции в миротворческих операциях, фактически оттесняя НАТО.

Слабость Европейского союза заключается не в экономических показателях, а в *способности принимать стратегические решения*. Особенно это ощутимо в периоды кризисов. Скептики не возлагают особых надежд на еврократов: «Механизм принятия решений Вашингтоном бесконечно более эффективен, чем брюссельский механизм... Это отставание органически присуще великому предприятию под названием «Европа». Возможно первоначальная шестерка стран Европейского сообщества могла превратиться в подлинную федерацию. Но расширение до «двадцати плюс» практически не дает шансов ЕС стать единым государством»[251]. С этой точки зрения возможна лишь та или иная степень конфедерации, но не формирование единого государства.

Американские исследователи У. Уоллес и Ч. Капчен говорят об амбивалентности процесса западноевропейской интеграции, о *«страхе в США перед превращением Европы в подлинного глобального соперника»*[252]. Оставить второй по могуществу регион Земли без всякого контроля американское руководство не готово — если только оно не согласно оставить планы долгого глобального лидерства. В обозримой перспективе *«Вашингтон не желает видеть Западную Европу и Японию сильными настолько, чтобы дать ей возможность бросить вызов американскому лидерству. Соединенные Штаты будут стремиться сохранить свое геополитическое превосходство визави Западной Европы»*[253]. Вашингтон готов немало заплатить за контрольные рычаги во втором по могуществу экономическом центре мира (способном мобилизовать и соответствующий военный компонент своего могущества).

В подходе к международной системе три различия в стратегии лежат на поверхности:

— США смотрят на текущие события с глобальной точки зрения, а ЕС с региональной;

— США предпочитают действовать односторонне, а западноевропейцы — через международные организации;

— США не исключают для себя военного решения вопроса, а западноевропейцы подчеркивают политические и экономические возможности[254].

Уроки мировой истории заключаются в том, что более слабые всегда объединяются против гегемона. Это нежелательно. Неизбежно ли это? Оценки расходятся, но ослабляющий единство фактор исчезновения общего врага не может игнорировать никто. Как пишет С. Хантингтон, *«отсутствие общего врага, объеди-*

нявшего союзников, неизбежно ведет к обострению противоречий между ними. Борьба за превосходство, которую мы признаем естественным явлением в поведении индивидуумов, корпораций, политических партий, спортсменов, не менее естественна и для стран»[255]. Отпустить в свободное плавание, ослабить военный и политический контроль над западноевропейской зоной означает, что почти половина экономики планеты сможет действовать вопреки американским стратегическим ориентирам. Концентрирующаяся вокруг мощной Германии Европа возможно и не будет угрожать непосредственно интересам американской безопасности, но едва ли станет соперником Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и в Восточной Азии.

Главная американская задача — сдержать силы сепаратизма в Европе, ограничить горизонт самостоятельных сил, положить предел неопределенности в эволюции Европы, гарантировать работу объединительных механизмов, добиться координации политики двух регионов. Есть все основания полагать, что Соединенные Штаты приложат немалые усилия, чтобы заручиться дружественностью западноевропейского центра. Жесткий диктат в отношениях с этим центром уже невозможен, но это вовсе не означает, что у Соединенных Штатов нет мощных рычагов (политических, экономических, военных, культурных) воздействия на регион, находящийся в процессе интеграционной консолидации.

Переходный характер переживаемого момента, может быть, является главной характеристикой эволюционирующего западноевропейского центра, второго (по всем основным показателям) мирового силового центра после США, но еще далекого от американской эффективности. Западную Европу будет ослаблять не только экономическая стагнация (сопровождаемая высоким уровнем безработицы), но и почти повсеместное ослабление роли национальных правительств, усиление местнических тенденций; фрагментация общества; лингвистическое, культурное и, соответственно, политическое размежевание; сепаратистские устремления в основных странах (земли ФРГ, Бретань и Корсика во Франции, Каталония в Испании, Падания в Италии, Шотландия и Уэльс в Объединенном Королевстве и т.п.). Речь идет о восстановлении таких явлений «донационального» прошлого, как Ганзейский союз, Средиземноморская лига и т.п. На фоне создания парламента в Шотландии и Ассамблеи в Уэльсе в значительной мере тормозится общее для всей Западной Европы движение, наступает ослабляющая всех фрагментаризация. Регионализм становится едва ли не главным препятствием на пути консолидации общеевропейских усилий.

Американец Ш. Швеннингер: «*Европейцы ощущают угрозу исламского фундаментализма в Северной Африке, не имеющего такого же значения для США. В прошлом такие разночтения между США и (Западной) Европой сглаживались не только в свете советской угрозы, но и ввиду двухпартийной поддержки элиты в США. Ныне мы видим фрагментацию этой элиты*»[256].

Преждевременно делать окончательные выводы. Ни западноевропейцы, ни американцы не знают, в каком направлении и с какой скоростью расходятся их пути и что более соответствует их интересам. История в этом смысле безжалостна. Ясно, что прежде общая угроза их объединяла, ясно также, что этой угрозы более не существует. Как указывает один из ведущих американских исследователей, «*без враждебной силы, угрожающей обеим сторонам, связующие нити никак не могут считаться гарантированными*»[257]. Различным, отличающимся друг от друга становится этническое, культурное, цивилизованное лицо Северной Америки и Западной Европы. А экономические интересы, как всегда разделяют. Обе стороны имеют уже — в лице ЕС и НАФТА — собственную отдельную коалиционную лояльность. Вектор исторического развития североатлантической зоны начал смещаться с центростремительного на центробежное направление.

Атлантическая стратегия США. Американцы признают силу европейского гиганта. 42 процента американцев — и 51 процент лидеров — считают Европу более важной для США, чем Азия (противоположного мнения придерживаются 28 процентов американцев)[258]. Государственное объединение таких размеров способно изменить соотношение сил в мире. В США можно выделить две крайние точки зрения: тех, кто верит в политическую Европу, и тех, кто сомневается в реальности ее создания.

Еврооптимисты ожидают быстрого продвижения Брюсселя в двадцать первом веке к положению одного из бесспорных мировых центров. Так один из ведущих американских экономистов Ф. Бергстен считает что ЕС вскоре «достигнет равенства или превзойдет Соединенные Штаты по всем ключевым показателям экономического могущества и будет говорить единым голосом по широкому кругу экономических вопросов... Экономические отношения между Соединенными Штатами и Европейским союзом будут во все большей степени становиться основанием фактического равенства»[259].

Европессимисты полагают, что западноевропейские столицы вольно или невольно обменяли *углубление* интеграции на ее

расширение. Возможно, в ЕС через определенное время будут входить 35—40 государств (включая, как указывает Ж. Атали, Украину и Грузию[260]). И это резко ослабит ее внутреннее сближение. Именно в свете того, что европейская интеграция «вглубь» будет медленной и европейский механизм не будет похож на американский, «Америке не следует бояться возникновения соперника»[261].

В результате США еще на одно поколение останутся единственной сверхдержавой. Они указывают на то, что «Европа, несмотря на всю свою экономическую мощь, значительную экономическую и финансовую интеграцию, останется *де-факто* военным протекторатом Соединенных Штатов... Европа в обозримом будущем не сможет стать Америкой... Бюрократически проводимая интеграция не может породить политической воли, необходимой для подлинного единства. Нет ударной силы воображения (несмотря на периодическую риторику относительно Европы, якобы становящейся равной Америке), нет страсти. создающей государство-нацию»[262]. Многостраничный договор, который предлагается подписать всякому новому члену ЕС, поражает воображение лишь своими 31 огромными разделами.

Калькуляция американских атлантистов: учитывая неизбежную грядущую американскую вовлеченность в азиатские дела, учитывая неизбежность кризисов в незападном мире, не следует радоваться европейским просчетам и временной немощи, следует помогать становлению потенциального глобального партнера. Да, у Америки впереди еще от 10 до 20 лет преобладания в мире. В дальнейшем же судьбу гегемонии гарантировать не может никто. И важно иметь глобального партнера. А если определенное отчуждение западноевропейского центра неизбежно, американцы постараются «подороже» продать свое согласие на частичный европейский сепаратизм. Доминирующий в США мотив — не гасить западноевропейскую военную активность тотально, не порождать у западноевропейцев чувства бессилия и зависимости, концентрироваться на реально критически важных проблемах, использовать ЕС в главном — в солидарном совместном контроле над Центральной и Восточной Европой. Ведь главная задача — общая: инкорпорировать Европейский Восток в Большой Запад.

У западноевропейской политики Вашингтона будут три основания.

1. Осуществить стратегический контроль над европейским пространством *посредством НАТО и военного присутствия в Европе.* Максимально долгое сохранение НАТО — это лучший выход для Америки в двадцать первом веке, когда потенциальные

конкуренты привязаны к статусу союзника. «*Только сильная НАТО с США как осевой державой,*— пишет американский исследователь К. Лейн,— *может предотвратить дрейф Западной Европы к национальному самоутверждению и отходу от нынешнего уровня экономического и политического сотрудничества*»[263]. Но НАТО, выполнившая свою миссию в Европе,— это своего рода «велосипед»; будучи в бездействии, эта организация теряет равновесие и падает. Чтобы задействовать своих западноевропейских союзников, США пошли на расширение состава и функций блока (операции в сопредельных регионах и т.п.). В Вашингтоне в апреле 1999 г. на праздновании 50-летия НАТО, в процессе выработки новой концепции союза более отчетливо, чем прежде, проявили себя несколько новых тенденций, развитие которых внесет существенные коррективы во внутреннее соотношение сил на Западе.

2. Укрепить американские экономические позиции в западноевропейском регионе посредством активизации деятельности филиалов американских фирм, их активного инвестирования в Европе, привлечения в этот регион товаров высокой технологии, взаимослияниями фирм (как, скажем, «Даймлер-Крайслер»), кооперацией в производстве, высвобождением для европейских товаров части высокоприбыльного американского рынка. Все это, вместе взятое, может дать Америке долю контроля над экономическим развитием западноевропейского региона. Ошибкой было бы поддаться протекционистскому импульсу, как это уже случилось с рынком сталеплавильной промышленности в США, убоявшейся иностранной конкуренции[264]. Целью американской внешней политики должна быть Североатлантическое соглашение о свободной торговле — «супер-НАФТА», на которую приходилось бы более половины мировой торговли и валового продукта мира.

3. Старинное «разделяй и властвуй». Если европейцы не могли договориться между собой тысячелетиями, почему это должно произойти сейчас? В США надеются на то, что Америка «навсегда» будет призвана в Европу благодаря страхам европейцев: Франция будет бояться германского преобладания; Германия — восстановления сил России; Британия — консолидации континента без ее участия; Европейское сообщество — нестабильности на Балканах; Центральная и Восточная Европа — быть «раздавленными» между Германией и Россией. Лишенный сплоченности Европейский союз не сможет противостоять Америке во время споров во Всемирной торговой организации, на раундах переговоров о снижении таможенных тарифов.

В этом ключе особое значение обретает возвышение в Европе Германии. В США рассчитывают на то, что их немецкие партнеры видят реальность достаточно отчетливо: если американцы покинут Европу, страх перед Германией будет таков, что произойдет немедленное объединение всех антигерманских сил. Этот страх является лучшим залогом приятия американских войск в центре Европы. Если же Германия окажется несговорчивой, а процесс ее самоутверждения стремительным, то Вашингтону придется переориентироваться на англосаксонского союзника в надежде на то, что Британия, также опасающаяся германо-французского главенства, сумеет затормозить опасную политическую эволюцию Европейского союза. Только веря в такой поворот событий, консервативный аналитик Ирвин Кристол мог сказать: *«Европа обречена быть квази-автономным протекторатом Соединенных Штатов»*[265].

4. Привлечь Западную Европу к «управлению миром» — сформировать глобальный кондоминиум двух (относительно независимых друг от друга) западных регионов над трудноуправляемым миром. Если удастся «завязать» западноевропейский регион на эту задачу, то в XXI веке Европейский союз будет продолжать оставаться зоной опеки США, залогом крепости мировых позиций Вашингтона. При этом следует учитывать то обстоятельство, что Соединенные Штаты недостаточно сильны, чтобы доминировать в быстро растущем мире, полагаясь лишь на собственные силы. Переходу к определенной степени дележа прерогатив с Западной Европой нет альтернативы: *«Вопреки анахронистским разговорам о Соединенных Штатах как о «единственной сверхдержаве», следует признать, что США слишком слабы для доминирования в мире, если они будут полагаться лишь на собственные силы. Евроамериканский кондоминиум в системе мировой безопасности и мировой экономике — Пакс Атлантика должен заменить Пакс Американа — вот единственный выход»*[266]. При этом Соединенные Штаты могут сохранить свое общее преобладание только за счет «дарования» Западной Европе в XXI веке определенной степени внутренней автономии.

5. Далеко не для всех в Европе активное самоутверждение, делающее акцент на противостоянии, привлекательно. Как пишет С. Эвертс из лондонского Центра европейских реформ, «подлинные союзники так редки в современном мире, а ведь по основным великим стратегическим вопросам европейцы ближе к Соединенным Штатам, они могут многое предложить Америке в области экономики и дипломатии — в отличие от любой другой группы

стран»[267]. Ему вторят американцы Уоллес и Зелонка: «Европейские союзники — со всеми их очевидными недостатками и слабостями — являются единственными надежными партнерами Соединенных Штатов, разделяющими американские ценности и американское бремя»[268].

В ряде европейских стран очевидным образом преобладает стремление сохранить трансатлантические узы — им отдается предпочтение перед непроверенными еще вариантами западноевропейской самостоятельности. Речь идет о странах, где атлантизм имеет сильные позиции,— Британии, Нидерландах, Норвегии, Португалии. Сюда начинают примыкать новообразованные балтийские страны и «новички» натовской организации — Польша, Чехия, Венгрия.

Из разных углов Европы выражается мнение, что у ЕС еще долго не будет общих органов, что в игру сверхдержав Брюссель вмешается еще очень нескоро. «Европейские граждане ныне не доверяют своим правительствам, они уже не готовы умирать за свои правительства. Индивидуализм и потребительская этика трансформировали западноевропейских граждан в летаргических индивидуалистов, возлагающих надежды на «мировое сообщество» (т.е. на Соединенные Штаты) в случае необходимости гасить пожар в одном из углов огромного мира... Они ценят богатство и благосостояние, а не способность вести боевые действия. В своем новом окружении традиционные заботы, такие как защита границ, национальная идентичность, государственный суверенитет, подчинены стремлению к процветанию, демократическому правлению и индивидуальному благосостоянию»[269]. В грядущие десятилетия не следует ожидать возникновения Европы концентрических кругов, где одни страны находятся в центре, а другие — на периферии. «Система безопасности будет напоминать олимпийский флаг — круги на нем налагаются друг на друга. Здесь не будет одного центра. А будет несколько центров, три или четыре — и здесь не будет периферии»[270]. Всякий, кто постарается рассмотреть «великий проект» европейского строительства, будет сбит с толку — его попросту нет.

Как характеризует ситуацию обозревающий европейскую сцену из Парижа У. Пфафф, «в определении стратегии высокотехнологичной индустрии будет решено, могут ли нация или блок наций обладать индустриальными и экономическими гарантиями своей суверенности. Хотя большинство западноевропейцев пойдут на противостояние с Соединенными Штатами с величайшей неохотой, вопрос индустриального доминирования, стратегического суверенитета и выживания заставит их пойти на это»[271].

Базируясь на вышеназванных основаниях, Америка надеется еще долго так или иначе контролировать европейские (а это значит во многом и мировые) процессы. Непосредственные задачи США на обозримое будущее — сохранить свой военный контингент в Европе, предотвратить принятие Европейским союзом политических и военных функций, предотвратить экономическое отчуждение. Должно ли американское руководство открыто выражать свое недовольство самоограничением европейских партнеров? Дж. Ньюхауз полагает, что предпочтительнее не обострять пункты разногласий. *«Вашингтону не следует высказывать свои опасения открыто; если он будет прямо выражать свои опасения, то вызовет прямые обвинения в стремлении сохранить Европу разделенной»*[272].

Смогут ли США гарантированно воздействовать на важнейший регион?

Двумя главными средствами непосредственного насильственного воздействия Соединенных Штатов на другие страны являются экономические санкции и военное вмешательство. Но, как характеризует эти рычаги С. Хантингтон, *«санкции могут быть эффективным средством воздействия только в том случае, если их поддерживают и другие страны, а гарантии этого, увы, нет»*. Что же касается военного вмешательства, то *«платя относительно низкую цену, Соединенные Штаты могут осуществить бомбардировку или запустить крылатые ракеты в сторону своих противников. Но сами по себе такие меры недостаточны. Более серьезное вооруженное воздействие должно отвечать трем условиям: оно должно быть легитимизировано международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций, где русские, китайцы и французы имеют право вето; оно требует подключения союзников; наконец, оно предполагает готовность американцев нести людские потери. При этом, если даже Соединенные Штаты согласятся выполнить все три условия, их вооруженное вмешательство рискует вызвать критику внутри страны и мощное противодействие за рубежом»*[273].

Возможно, наиболее сильным аргументом и инструментом Америки явится то, что большинство западноевропейцев пока не желает ухода американских войск из региона. *«Во время растущей неясности и переменчивости (Западная) Европа не имеет адекватной альтернативы американскому военному присутствию и лидерству. Продолжающееся американское присутствие в Германии предотвращает ренационализацию*

обороны в Западной Европе и дает Центральной Европе определенные гарантии в отношении Германии и России»[274]. Напомним, что сугубо западноевропейские попытки решить боснийскую проблему оказались тщетными и в конечном счете именно Америке пришлось мобилизовать свои вооруженные силы и дипломатию. И в случае с Косовом США продемонстрировали силу блока, чтобы угрозы НАТО не оказались «пустыми словесами» и блок не потерял престижа наиболее эффективной западной организации. В этом историческом контексте европейские союзники Соединенных Штатов еще не видятся пока эффективными конкурентами, способными предложить альтернативу.

Сомнения в стратегии. Обеспечить контроль над европейским развитием всегда было непросто для США — ведь органическое единство никогда не было стабильной характеристикой Запада. После снятия пресса холодной войны Старый Свет теряет основание прежней солидарности с Новым, исчезает прежняя объединительная скоба. «*Система союзов, созданных в период холодной войны,*— пишет главный редактор журнала «Нью рипаблик» Майкл Линд,— *вступила в полосу кризиса под влиянием исчезновения советской империи и подъема Японии с Германией»*[275]. Как полагает Д. Рието, *«национальный консенсус, основанный на враждебности к советской империи, обеспечивал строгий порядок в определении американских целей. В этом системном крушении, в этом кризисе восприятия, а не в неких ошибках федеральной администрации, лежат основы кризиса межатлантических отношений»*[276]. Происходит изменение взглядов миллионов американцев.

Поднимающаяся в США новая волна критиков традиционного атлантизма таит в себе большие угрозы сплоченности атлантического мира. Ведущий из неоконсервативных идеологов, Ирвинг Кристол призывает не столько к изоляции, сколько к изменению американских географических приоритетов. «*Холодная война окончена и вместе с нею целая фаза в мировой истории — европейская фаза. Нации Европы еще обладают огромным технологическим, экономическим и культурным могуществом, но их внешняя политика мало что значит. Европа более не является центром мира, а НАТО становится организацией без миссии, реликтом холодной войны. Главные внешнеполитические проблемы США лежат за пределами Европы. Во-первых, это Мексика. Во-вторых, подъем исламского фундаментализма в Северной Африке и на Ближнем Востоке.*

В-третьих, это неизбежный подъем Китая как доминирующей азиатской державы»[277].

Сформировалась аргументация отхода от опоры на зыбкий европейский мир.

1. Главный тезис противников вовлечения в европейские дела — ресурсы Соединенных Штатов; не стоит их расходовать в благополучной Европе. Восточный противник повержен и трудно объяснить присутствие американских войск, траты из американского кошелька в самом богатом районе Земли некой опасностью нападения извне. В Ираке и Косове объем ударов США и западноевропейских стран НАТО находился в соотношении 9:1. Стоит ли продолжать делать за западноевропейцев грязную работу в их собственном регионе (Балканы) и в регионе, от нефти которого зависит именно Западная Европа?

Противники европейской вовлеченности Америки напоминают, что американские войска в Европе обходятся Соединенным Штатам на 2 млрд. долл. дороже, чем если бы они размещались в США. США расходуют на оборону 4% своего валового национального продукта, а Франция и Британия по 3,1%, ФРГ — 1,7%. Европейские члены НАТО расходуют на военные нужды лишь 66% суммы американского военного бюджета[278]. Американцы ожидали после окончания холодной войны «мирный дивиденд» в виде, по крайней мере, экономии федеральных средств на содержание американских войск в Европе. Главное: самоутверждение Западной Европы, периодически проявляемое отсутствие солидарности ослабили позиции проатлантического истэблишмента в США.

Американцы считают, что, расходуя примерно 60% процентов от американского уровня и более 20% от мирового, не будучи завязанным на таких далеких регионах, как Восточная Азия, имея вооруженные силы в 1,8 млн. военнослужащих (против 1,4 млн. в США), расходуя на солдата 20 тыс. долл. в год против 59 тысяч в США, Европейский союз мог бы больше участвовать в американской «мировой вахте», мог бы активнее помогать стране-гегемону держать контроль по всем азимутам.

2. Растущая часть американцев, перестающих верить в грядущее силовое могущество Западной Европы. Будущее зависит от широкого мира, а не от узкого западноевропейского мыса Евразии. Творцы американской стратегии предостерегают от преувеличений относительно дружного и согласного подъема Европы. Не должно быть геополитического обольщения — скорее всего Брюссель в ближайшие десятилетия будет столицей не мощного единого государства, а весьма рыхлой европейской конфедерации.

Торговля в пределах ЕС вырастет. Но достигнет естественных пределов: англичане не хотят отдавать свои деньги в германские банки. Тысячу лет продолжаются усилия по европейскому сплочению, и вопрос так и не получил окончательного решения. Не привлекательнее ли союз с заокеанским гигантом?

Из Вашингтона достаточно отчетливо видны экономические и интеграционные сложности союзников. Сенатор Джесси Хелмс привел такую метафору: *«Европейский союз никак не может выбраться из мокрого бумажного пакета»*. А Роберт Альтман и Чарлз Капчен призвали правительство США не бояться вызревания конкурента, а *«помочь Европе затормозить свое падение»*[279].

3. Западная Европа, лишившаяся общего противника, все меньше будет интересоваться функцией партнера Соединенных Штатов, самостоятельный курс представится ей более многообещающим. Только на этом собственном маршруте исторического движения Западная Европа в будущем окажется способной на жертвы и на геополитический подъем. Крупнейшая величина региона — Германия, возвратившаяся к европейскому строительству после реструктуризации своих восточных земель, сумеет возглавить западноевропейское строительство. Твердую основу ЕС как межгосударственного образования составит Единая валютная система. *«Общая валюта даст Германии и Европе новую финансовую мощь и это будет своего рода геополитической революцией»*.

4. Приобрел черты реальности следующий прогноз американского специалиста: трансатлантическая кооперация не приобретает устойчивых форм, торговые отношения США и ЕС становятся жертвами обострившееся конкуренции, ВТО становится форумом раздора, а не сближения; враждебность и агрессивность Европейского союза заставит США обратиться к односторонней политике, руководствуясь сугубо национальными интересами. Многосторонняя торговая система деградирует в жестко соперничающий между собой регионализм, столкновение конкурентов по обе стороны Атлантики[280]. Весьма различный подход демонстрируется США и ЕС по такому ключевому вопросу, как ядерное нераспространение[281].

Беспочвенными оказались надежды тех, кто ожидал, что с освобождением от советской угрозы Западная Европа пойдет на глобальное партнерство с США, помогая им в неспокойных регионах Земли. Произошло противоположное — отсутствие общей военно-стратегической опасности начало разъедать атлантическую основу идеологии правящего класса США. Европа уже наметила курс, далеко не параллельный американскому. Западноев-

ропейцы сосредоточились на собственных региональных проблемах. Помимо европейского Востока новая Европа будет занята сверхнаселенным слаборазвитым Средиземноморьем и многими проблемами, далекими от американских. Теперь, не нуждаясь в американском ядерном зонтике, Западная Европа менее ценит НАТО с ее безусловным американским главенством.

5. Так ли опасно отпустить Западную Европу в самостоятельное плавание по жестоким волнам мировой политики? Часть американских политиков и политологов (например, Д. Каллео) полагают, что следует предпочесть самостоятельный дрейф Западной Европы — это веление истории и вряд ли разумно противостоять исторически неизбежному процессу. Верить в стабильность и долговременность постоянной исторической удачи не стоит. Тридцать лет назад Вьетнам — а завтра очередное Косово — остановил этот марш глупости и неверного расчета, обусловленного американской самоуверенностью. Каллео придерживается достаточно высокого мнения о потенциале западноевропейского единства, он видит складывание нового мирового центра, не просто удаляющегося от США, но становящегося конкурентом Америки. Этот процесс исторически неизбежен, и противодействие ему не согласовывалось бы со здравым смыслом. «*Пессимистический и даже презрительный взгляд на Европу только осложняет положение и увеличивает опасность*»[282].

Согласно данным ОЭСР, стареющая Европа будет в грядущие 25 лет чрезвычайно нуждаться в 35 миллионах представителей молодой рабочей силы, а к 2025 году — в 150 миллионах новых рабочих. К 2030 году государственные пенсионеры будут получать 5,5% ВНП в Британии, 13,5 % во Франции, 16,5 % ВНП в Германии, 20,3 % в Италии (в США на эти цели будет тратиться лишь 6,6 %)[283].

Отход Европы от Америки в значительной мере естественен. Америка не желает терять сильного друга, но для этого не следует превращать его в безмолвного натовского раба. В XXI веке сильный, хотя и более независимый друг понадобится больше, чем бессильный вассал. По мнению американского специалиста Д. Каллео, Америка должна быть заинтересована в сильной, сплоченной, даже сепаратно действующей Европе, а не в немощном конгломерате государств, на которые трудно надеяться в неизбежных конфликтах будущего.

Американская политика в Европе на распутье. Дебаты *за* усилия по реконструкции Североатлантического союза, *за* присутствие в регионе вооруженных сил США приобретают напряженный характер.

Две точки зрения проявили себя в американских спорах о будущем Западной Европы и ее основы — Европейского союза. *Первая* исходит из того, что угроза, исходящая от сепаратизма Европейского союза серьезна. Здесь затронуты самые важные стратегические интересы Соединенных Штатов. Именно на это направлена аргументация тех в США, кто призывает не просмотреть самого существенного в глобальной стратегии страны. Р. Зеллик подчеркивает: «Трансатлантические и транстихоокеанские союзы должны пройти еще очень большую дорогу по пути обеспечения безопасности в восточной и западной части Евразии, где расположены державы, которые в прошлом представляли собой самую большую угрозу Соединенным Штатам. Лишь партнерство с этими странами могло бы увеличить способность Соединенных Штатов справиться с неопределенным будущим Китая и России»[284].

Вторая точка зрения призывает не преувеличивать степень потенциального роста и сплоченности западноевропейской «сверхдержавы». Существуют серьезные сомнения в достижимости Западной Европой состояния наднационального объединения. «Тысячелетняя история Западной Европы позволяет прийти к заключению, что она никогда не превратится в единое национальное целое. Европейская интеграция достигнет точки, далее которой она не сможет продвигаться, ибо национализм в отдельных странах слишком силен... Существуют объективные пределы интеграции. В малых странах будет набирать силу регионализм»[285]. Европейский союз так и не показал способности говорить в мировой политике одним голосом. Скажем, в феврале 1998 года при обсуждении вопроса о военном наказании Ирака ЕС так и не выразил своей позиции, при этом Британия поддержала США, а Франция выступила против. Европа так и не выработала единой позиции относительно югославского кризиса, в ближневосточном конфликте — в обоих случаях Европа не смогла ни выработать единой линии, ни навязать своего решения. И нет оснований думать, что у ЕС неожиданно появится решимость и склонность компромиссным путем идти к единству.

В целом проблемы Европы как потенциального глобального конкурента США — преимущественно политические. Европейский союз «может расколоться вследствие этнических конфликтов»[286]. Особая позиция Британии ослабит «центробежные силы». По крайней мере в течение ближайшего полувека,— считает футуролог Л. Туроу,— Европа не будет мировым лидером, поскольку ей придется сосредоточиться на осуществлении своего собственного объединения»[287]. Этому объединению препятствуют не только национальные столицы, но и сепаратизм Северной и

Южной Италии, басков, каталонцев, корсиканцев, бретонцев, шотландцев, уэльсцев, после Боснии и Косова укрепившихся в самоутверждении.

И все же обе тенденции — *центростремительная и центробежная* сохраняют свой потенциал, свою значимость для будущего. В случае возобладания второй Атлантический союз потеряет свою значимость для США, НАТО будет как бы нейтрализована, а Америке придется думать об уходе в свое полушарие. Вашингтон в этом случае усилит значимость своего военного союза с Японией и в целом несколько повернется к Азии.

Глава 13

КИТАЙСКИЙ ВЫЗОВ

Самые большие перемены в мировом раскладе сил будут в XXI веке происходить на азиатском направлении. Именно сюда, на берега Тихого океана, смещается центр мировой экономической активности. Именно здесь реально появление на горизонте нового соперника Америки, борющегося вначале в региональном масштабе, а затем логикой противостояния поднимаемого до глобального уровня. Речь идет о Китае, опекаемом американцами в первые полтораста лет существования Соединенных Штатов, затем ставшим лютым коммунистическим противником, а с 1972 года урегулировавшим свои отношения с Америкой. Труд полумиллиардного населения будет направлен здесь на создание самой большой в мире экономики.

Подъем Азии. Возможность модернизации, развития по пути интенсивного роста с сохранением собственной идентичности, стала реальной после изобретения конвейерного производства, «убивающего» как раз то, в чем Запад был так силен,— самостоятельность, инициативность, индивидуализм, творческое начало в труде, поиски оригинального решения. Оказалось, что конфуциански воспитанная молодежь приспособлена к новым обстоятельствам упорного труда. Шанс, данный Фордом в Детройте, подхватила Восточная Азия, иная цивилизация, иной мир. Для истории привыкшего за пять столетий к лидерству Запада это радикальный поворот. Если у Запада есть Немезида, то ее зовут Восточная Азия — именно этот регион получит исторический шанс в XXI веке.

Экономический подъем. Ради победы в холодной войне Запад сам дал шанс потенциальному сопернику. Истории еще придется вынести суждение, являлась ли разумной для США широкая помощь Японии, Южной Корее, Тайваню, Гонконгу Сингапуру. Америке понадобилось 47 лет, чтобы удвоить свой ВНП на душу населения. Япония это сделала за 33 года, Индонезия за 17, Южная Корея за 10 лет. Темпы роста экономики КНР в 80—90-е годы составили в среднем 8% в год. Средний темп прироста ВНП азиатских стран превышает 6% в год, а у Запада он равен 2,5—2,7%. Феноменальный экономический рост позволил азиатам сделать за несколько десятилетий то, на что Западу понадобились столетия. Около 2020 года Азия будет производить более 40% мирового ВНП[288]. На Азию будут приходиться 16 из 25 крупнейших городов мира. Именно в этом регионе за последние годы построены шесть (из семи созданных в мире) атомных реакторов.

Есть много оснований согласиться с футурологом Дж. Несбитом, определившим подъем Азии как «безусловно — самое важное явление в мире». Немалое число экспертов, таких как Р. Холлоран, полагают, что подъем Азии «лишит Запад монополии на мировое могущество. Модернизация Азии навсегда переделает мир»[289]. К 2050 г. на долю Азии придется, если экстраполировать современные тенденции, примерно 57% мировой экономики. Из шести величайших экономик мира пять будут азиатскими. Согласно прогнозу ЦРУ после Китая с 20 триллионами валового национального продукта, второе место займут США — 13,5 трлн. долл. Далее идет Япония — 5 трлн.; четвертое место занимает Индия — 4,8 трлн.; затем Индонезия — 4,2 трлн., Южная Корея — 3,4 трлн. и Таиланд — 2,4 трлн. долл. И Азия не остановится на достигнутом. Тенденция такова: в 1995 году валовой национальный продукт Соединенных Штатов был равен совокупному продукту Японии, Китая, Индонезии, Южной Кореи и Таиланда, вместе взятых. Через двадцать пять лет американский валовой продукт (который удвоится за это время) будет составлять менее 40% общего продукта указанных стран[290].

Идейное самоутверждение. Наряду с экономическим подъемом впервые в мировой истории нового времени происходит энергичное утверждение азиатской культуры как имеющей не только имеет равные права на уважение, но по многим стандартам находящейся выше западной. Идеология «Азия для азиатов» имеет долгую и устойчивую традицию. «Запад должен признать, что долгая эра контроля над Азией внешних для Азии держав — когда величайшая военная сила в Азии была не азиатской — быстро подходит к концу»[291].

По мнению многолетнего сингапурского премьера Ли Куан Ю, общинные ценности и практика восточноазиатов — японцев, корейцев, тайваньцев, гонконгцев и сингапурцев явятся их самым большим преимуществом в гонке за Западом. Работа, семья, дисциплина, авторитет власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, вера в иерархию, важность консенсуса, стремление избежать конфронтации, вечная забота о «спасении лица», господство государства над обществом (а общества над индивидуумом), равно как предпочтение «благожелательного» авторитаризма западной демократии,— вот, по мнению восточноазиатов, «альфа и омега» слагаемых успеха в XXI веке. Появились даже идеологи «азиатского превосходства», призывающие даже Японию отойти от канонов американского образа жизни и порочной практики западничества, выдвигающие программу духовного возрождения, «азиатизации Азии» как антитезы западного индивидуализма, более низкого образования, неуважения старших и властей. Динамичный современный лидер Восточной Азии совмещает передовую технологию со стоическим упорством, трудолюбием, законопослушанием и жертвенностью обиженного историей населения.

Пятьсот лет спустя после прихода Васко да Гамы в Индию (1498) вслед за экономическим самоутверждением начал смещаться баланс вооружений между Западом и Востоком. Десять азиатских стран вошли в мир баллистических ракет. Создаваемые рядом азиатских государств технологически совершенные системы потенциально угрожают западным позициям в Азии. Мир ступил не в эру «после холодной войны», а в период «после Васко да Гамы», когда «западное военное превосходство тает по мере того как индустриализация и новоприобретенное богатство Азии позволяют ей совершить военное обновление, которое внешней силе превозмочь будет чрезвычайно трудно»[292].

Азия обращается к «незападным обществам» с призывом отвергнуть англосаксонскую модель развития — подвергается сомнению вера в свободу, равенство и демократию, подаваемые Западом непременным условием геополитического успеха. В Восточной Азии критически относятся к стремлению *«забыть прошлое»* ради результатов развития в будущем. Огромный развивающийся мир от Средней Азии до Мексики должен воспринять не уникальные западные догмы, а реально имитируемый опыт Азии. *«Азиатские ценности универсальны. Европейские ценности годятся только для европейцев»*[293].

Лидер региона. В Азии явственно обозначился лидер — после столетий своего рода летаргии Китай поднимается на ноги, начав с 1978 г. впечатляющее вхождение в индустриальный мир. Конфуцианский мир цивилизации континентального Китая, китайских общин в окрестных странах, а также родственные культуры Кореи и Вьетнама именно в наши дни, вопреки коммунизму и капитализму, обнаружили потенциал сближения, группирования в зоне Восточной Азии на основе конфуцианского трудолюбия, почитания властей и старших, стоического восприятия жизни, т.е. столь очевидно открывшейся фундаменталистской тяги. Поразительно отсутствие здесь внутренних конфликтов (при очевидном социальном неравенстве) — регион лелеет интеграционные возможности, осуществляя фантастический сплав новейшей технологии и традиционного стоицизма, исключительный рост самосознания, поразительное отрешение от прежнего комплекса неполноценности. Он успешно совмещает восприятие передовой технологии со стоическим упорством, традиционным трудолюбием, законопослушанием и жертвенностью обиженного историей населения. Возможно, Наполеон был прав, предупреждая Запад в отношении Китая. Если экономический подъем, начавшийся в 1978 году, не прервется, то влияние Китая на расклад сил в Азии — и в мире в целом — будет расти.

В 1950 году на Китай приходилось 3,3 процента мирового ВВП, в 1992 году уже 10 процентов, а по прогнозам на 2025 год — более 20%. Согласно прогнозу Всемирного банка реконструкции и развития импорт «Большого Китая» (КНР, Гонконг, Тайвань) составит в 2002 г. 630 млрд. — значительно больше, чем у Японии (521 млрд. долл.). Китай получит весомую экономическую и политическую поддержку со стороны богатых и влиятельных диаспор в Сингапуре, Бангкоке, Куала-Лумпуре, Маниле, Джакарте. Конфуцианский мир Китая и китайских общин в окрестных странах обнаружил потенциал взаимосближения. Общие активы 500 самых больших принадлежащих китайцам компаний в Юго-Восточной Азии — 540 млрд. долл. Отметим торговый дефицит США в товарообмене со *всеми* странами Азии. Торговля с Китаем станет для Запада, и в частности для США, фактором стратегического значения.

По оценке Всемирного банка реконструкции экономика КНР превращается в четвертый мировой центр экономического развития (наряду с США, Японией и Германией). Валютные резервы Китая составляют 91 млрд. долл., уступая в мире по этому показателю только Японии и Тайваню. Отметим огромное положительное сальдо торгового баланса КНР в торговле с США — импорт из

Китая «отнимает» у США 680 тыс. рабочих мест. В состав КНР вошел Гонконг — тринадцатый по объему торговый партнер США.

Возвышению Китая будет способствовать обширная и влиятельная китайская диаспора. Китайцы составляют 10% населения Таиланда и контролируют половину его ВНП; составляя треть населения Малайзии, китайцы-хуацяо владеют практически всей экономикой страны; в Индонезии китайская община не превышает 3% населения, но контролирует 70% экономики. На Филиппинах китайцев не больше 1%, но они владеют не менее 35% промышленного производства страны. Китай явственно становится центральной осью «бамбукового» сплетения солидарной, энергичной, творческой общины, снова увидевшей себя «срединной империей».

Менталитет будущего Китая. Исходя из общего опыта мировой истории, следует предвидеть стремление новой силы пересмотреть прежний баланс сил, который сформировался в то неблагоприятное для Китая время, когда он был слаб. Китай провозгласил, что «стремление к многополярному миру является растущей тенденцией... Китай готовит себя к роли одного из центров будущего многополярного мира»[294].

Экономические и политические амбиции нового Китая уже ощутимы в Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, на Дальнем Востоке, в акватории Южно-Китайского моря. Новый Китай, полагают американские исследователи Р. Менон и Э. Вимбуш, «будет более склонным к проекции своей военной мощи за пределы своих границ для достижения желанных для себя целей. Мощь Китая будет расти в равной — или большей пропорции к ослаблению мощи Соединенных Штатов»[295]. *«В Китае ожил,*— пишет Р. Холлоран,— *менталитет Срединного Царства, в котором другие азиаты видятся как существа низшего порядка, а представители Запада как варвары»*[296]. К. Либерталь из Мичиганского университета, полагает, что *«китайские лидеры обратились к национализму, чтобы укрепить дисциплину и поддержать политический режим»*[297]. Западные аналитики начинают сравнивать подъем Китая с дестабилизирующим мировую систему выходом вперед кайзеровской Германии на рубеже XIX—XX веков. О подъеме Китая как стратегическом мировом сдвиге говорят геополитики Р. Эллингс и Э. Олсен: *«Китай рассматривает себя в качестве естественным образом доминирующей державы Восточной Азии, что бы китайцы ни говорили. Китай следует этой политике шаг за шагом и, в отличие от*

Японии, оказывающей преимущественно экономическое влияние, он, по мере того как становится сильнее, стремится осуществлять, помимо экономического, политическое влияние»[298].

В XXI веке североатлантическая зона получит полнокровного соперника. *«Китайцы станут равными американцам и европейцам в высоких советах, где принимаются решения о войне и мире»*[299]. И делается это не путем модернизационной амнезии. В Китае очевидно «движение к основам» — активное восстановление Великой стены, более патриотично настроенные учебники, критика язв капитализма, новый культ Конфуция. Премьер Сингапура Ли Куан Ю оценил подъем Китая следующим образом: *«Размеры изменения Китаем расстановки сил в мире таковы, что миру понадобится от 30 до 40 лет, чтобы восстановить потерянный баланс. На международную сцену выходит не просто еще один игрок. Выходит величайший игрок в истории человечества»*[300].

Такие цивилизации, как восточноевропейская, латиноамериканская, индуистская, хотя и проходят определенную фазу самоутверждения, не проявляют открытой враждебности по отношению к западной цивилизации. Но в Восточной Азии Китай, Япония и движущийся в этом смысле параллельно мир ислама занимают в начале XXI века все более жесткую позицию в отношении Запада. Характерна китайская уверенность в себе и стремление преодолеть исторические препятствия на пути к национальному возвышению. Новый мировой гигант уже сейчас смотрит на Запад без всякой симпатии. Более того, антизападничество и, прежде всего, антиамериканизм становятся частью национального самоутверждения и даже самосознания. У руководителей и интеллектуалов Китая складывается мнение, что после «благожелательности Запада» 70—80-х гг. в дальнейшем мир посуровел в отношении Китая, иссякло желание помочь в его развитии.

В Пекине зазвучали аргументы о «теряющей влияние державе, отчаянно стремящейся предотвратить взлет Китая... Менталитет США не позволяет им отказаться от навязывания своей политики, которая нечувствительна к внутренним проблемам Китая»[301]. Ставшая бестселлером книга *«Китай может сказать «Нет»* призывает бороться с культурным и экономическим империализмом США, бойкотировать американские продукты, требовать компенсацию за такие китайские изобретения как порох и бумага, ввести тарифные ограничения на импорт американских товаров, наладить союзные отношения с Россией на антиамерикан-

ской основе. В Пекине говорят о необходимости проведения нефтепроводов из Центральной Азии в Китай с тем, чтобы избежать возможности блокады Америкой и Японией морских путей доставки, т.е. избежать стратегической зависимости[302]. (Китай с 1993 года стал «чистым» импортером энергии, он лидирует в растущем азиатском спросе на энергию и все более заинтересован в увеличении своей доли нефти из Персидского залива.)

В будущем Китай сам защитит себя после двухсот лет унижений. Дэн Сяопин был своего рода гарантом китайской сдержанности, после него сторонники «концепции самоутверждения» получают новый шанс. На китайском политическом горизонте не видно фигур прозападной ориентации, зато открыто проявляют себя сторонники жесткости. Такие действия США, как активизация вещания на «Радио Свободная Азия», раздражают руководство КНР, подходы США и Китая приходят в противоречие. В закрытом китайском документе 1992 г. говорится: *«Со времени превращения в единственную сверхдержаву США жестоко борются за достижение нового гегемонизма и преобладание силовой политики — и все это в условиях их вхождения в стадию относительного упадка и обозначения предела их возможностей»*. Закрытые партийные документы КПК характеризуют США как подлинного врага Китая. Президент КНР Чжао Цзыян заявил к 1995 году, что *«враждебные силы Запада ни на момент не оставили свои планы вестернизировать и разделить нашу страну»*. Министр иностранных дел КНР Цянь Цичень заявил перед ежегодным собранием лидеров АСЕАН в 1995 г., что США должны перестать смотреть на себя как на *«спасителя Востока... Мы не признаем посягательства США на роль гаранта мира и стабильности в Азии»*.

США, по мнению китайских лидеров, пытаются *«разделить Китай территориально, подчинить его политически, сдержать стратегически и сокрушить экономически»*[303]. Начальник генерального штаба НОАК генерал Дзан Ваньян осудил *«вмешательство американских гегемонистов в наши внутренние дела и их откровенную поддержку враждебных элементов внутри страны»*. Член Постоянного комитета Политбюро КПК Ху Интао обличил противника: *«Согласно глобальной гегемонистской стратегии США их главный враг сегодня — КПК. Вмешательство в дела Китая, свержение китайского правительства и удушение китайского развития — стратегические принципы США»*. Его коллега по Политбюро Дин Гуанджен: *«США стремятся превратить Китай в вассальное*

государство»[304]. В аналитической работе *«Может ли китайская армия выиграть следующую войну?»* говорится: *«После 2000 г. Азиатско-Тихоокеанский регион постепенно приобретет первостепенное значение для Америки... Тот, кто овладеет инициативой в этот переходный период, завладеет решающими позициями в будущем... На определенное время конфликт стратегических интересов между Китаем и США был в тени. Но с крушением СССР он выходят на поверхность. Китай и США, фокусируя свое внимание на экономических и политических интересах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, будут оставаться в состоянии постоянной конфронтации».*

В 1993 г. группа высших офицеров Народно-Освободительной армии Китая (НОАК) обратились к Дэн Сяопину с письмом, требующим прекратить политику *«терпимости, терпения и компромиссов по отношению к США»*. В том же году общенациональное совещание представителей вооруженных сил и партии КНР приняло документ, осью которого явилось следующее положение: *«Начиная с текущего момента главной целью американского гегемонизма и силовой политики будет Китай... Эта стратегия будет осуществляться посредством санкций против Китая с целью заставить его изменить свою идеологию и склониться в пользу Запада посредством инфильтрации в верхние эшелоны власти Китая, посредством предоставления финансовой помощи враждебным силам внутри и за пределами китайской территории — ожидая подходящего момента для разжигания беспорядков, посредством фабрикации теорий о китайской угрозе соседним азиатским странам — сеяния раздора между Китаем и такими странами как Индия, Индонезия и Малайзия, посредством манипуляции Японией и Южной Кореей с целью склонить их к американской стратегии борьбы с Китаем»*. Решение США укрепить военные связи с Японией и Австралией было названо в Китае *«сдерживанием»*.

Это самоутверждение получило отклик в окружающих странах. Находясь с визитом в Индии, премьер-министр Малайзии М. Мохаммад в декабре 1996 г. заявил, что *«странам Юго-Восточной Азии не нужна американская военная поддержка... Мы не можем больше находиться в зависимости от настроений и доброй воли более экономически развитых членов мирового сообщества и должны сами решать проблемы, связанные с развитием национальных экономик. Страны Азии должны объединить усилия в борьбе за свои общие цели, главная среди которых состоит в том, чтобы занять достойное место на*

мировом рынке». В Юго-Восточной Азии Китай может рассчитывать на политически и культурно близкую КНДР; более благожелательным становится Сингапур, Малайзия явно дрейфует в китайском направлении, Таиланд готов проявить лояльность по отношению к новой силе в Азии.

Директор Института США китайской Академии наук (и бывшая переводчица Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая) Зи Зонгуан постаралась дать двусторонним отношениям обобщенную оценку: «В прошедшем десятилетии мы видели в американо-китайских отношениях больше спадов, чем подъемов. Их можно назвать *хрупкими*... Главным фактором здесь является американское отношение к превращению Китая в модернизированную, относительно сильную страну... Хотя официальные заявления остаются одними и теми же, по-прежнему стоит вопрос, до какой степени сильный Китай позволителен в сознании американцев. Америке кажется, что Китай развивается слишком быстро и его становится все труднее контролировать. Другими словами, ускорение китайской модернизации не всегда может видеться благоприятным для американских интересов. Многие в Китае полагают, что Америка вооружилась новой формой политики сдерживания, что она желает создать потолок китайскому развитию... В пользу этого говорит американская интерпретация американо-японского договора безопасности и инициированный Соединенными Штатами проект противоракетной обороны театра военных действий в западной части Тихого океана»[305].

Зи Зонгуан, выступая в США, отметила растущее желание Америки сохранить преобладающее влияние в определении глобального развития в наступающем столетии. «Идея Pax Americana встроена в американское стратегическое мышление. Факт роста Китая рассматривается как потенциальный вызов американским стратегическим намерениям... Соединенные Штаты взяли на себя роль не только полицейского, но и судьи. Но кто будет судить о поведении самой Америки?»[306]

Направленность военного строительства. Мировые военные расходы стран мира сократились между 1987 и 2000 годами с 1,3 трлн. долл. до 840 млрд. долл., но эта мировая тенденция не касается Восточной Азии, которая за это же время увеличил свои военные затраты на 50% (с 90 до 135 млрд. долл.). Военные расходы Японии увеличились с 32,4 до 45,8 млрд. долл., Южной Кореи — с 7,9 до 11,5, Таиланда — с 2,3 до 3,8, Малайзии — с 1,3 до 2,1 млрд. долл. Но, конечно, наибольший скачок военных расходов произошел в КНР. Начиная с 1991 г. КНР увеличивала

их на 17% в год, доведя их, при оценке по официальному обменному курсу, до 40 млрд. долл. (а по реальной покупательной способности — до 90 млрд. долл.).

«В ближайшее десятилетие,— пишут Р. Менон и Э. Вимбуш,— высокоточные, обладающие большим радиусом действия ракетные системы станут доступными большинству главных стран региона; множество других систем вооружений драматически изменит нынешний баланс сил»[307]. За 90-е годы китайцы удвоили свои военные расходы. НОАК находится в процессе постоянной модернизации. Впервые созданы мощные научно-исследовательские институты в сфере анализа внешнеполитического окружения. Оценить военные расходы КНР в начале нового тысячелетия непросто. Но большинство исследователей сходятся на том, что их цифра находится где-то между 28 и 50 миллиардами американских долларов, то есть в 4—7 раз превышают официальные цифры[308]. (Лондонский институт стратегических исследований определяет эти расходы в 36 млрд. долл.[309]. Есть и более масштабные оценки.) Военные расходы КНР по реальной покупательной способности достигли 90 млрд. долл. И основная статья расходов — вовсе не улучшение условий службы военного персонала (как убеждают неисправимые пацифисты), а *создание новых видов вооружений*. КНР расходует по этой статье и доходы от продаж оружия противостоящим США странам — Ираку, Ливии, Сирии.

Создаваемые азиатами ракеты имеют весьма четко обозначенные цели — американские базы в Азии. Их теперь нередко называют «ахиллесовой пятой Америки». То, что прежде было видимым всем символом американской вовлеченности и мощи, становится уязвимой целью США. Азиатские баллистические ракеты, вооруженные средствами массового поражения, делают американцев в лучшем случае заложниками ракетной атаки. Азия целится не в американскую мощь, а в американскую слабость. Итак, в тот самый период, когда Вашингтон праздновал свой триумф в холодной войне и в войне в Заливе, Израиль, Сирия, Иран, Пакистан, Индия, Китай и Северная Корея усовершенствовали свое ракетное оружие, знаменуя тем самым новый болезненный для США факт.

НОАК создает мирвированные боеголовки, технологию «*Стеллс*», нейтронную бомбу, дозаправляемую в воздухе авиацию, выказывает интерес к созданию современных авианосцев[310]. Западных специалистов особенно заботит ракетное оснащение Китая, поскольку «баллистические ракеты сводят на нет всю стратегию выдвинутых вперед баз, предназначенных для удаленных боевых

действий. Эти ракеты направлены на уязвимые места западных держав в Азии, которые до самого недавнего времени были неуязвимы для азиатских держав»[311].

Не столь внушительные, если их сравнивать с американскими и российскими стратегическими ракетными силами, китайские стратегические силы (149 межконтинентальных баллистических ракет) все же могут нанести удар по Соединенным Штатам из бетонных шахт, расположенных в Западном Китае. Называемые в НОАК «второй артиллерией», китайские стратегические ракетные силы находятся в процессе модернизации. На острие этих сил две новые ракеты — ДФ-31 и ДФ-41, имеющие твердотопливное запускающее устройство, оснащенные мирвированными боеголовками и способные достичь территории США. Испытание ракеты ДФ-31 2 августа 1999 года было своего рода напоминанием и Вашингтону и Тайбею. Разрабатываемая ныне ракетная система ДжЛ-II предназначена для запуска с подводной лодки[312]. Мобильность китайских ракет позволит им надеяться на выход из-под контроля американских спутников и прочих следящих устройств. (А Тайвань в случае атаки КНР будет в невероятно сложном положении, учитывая его островное положение и уязвимость морских путей. Тайваню в случае конфликта можно надеяться лишь на помощь Соединенных Штатов.)

В ответ на планы США по созданию системы ПРО Китай в октябре 1999 года выделил дополнительные 9,7 млрд. долл. на свои стратегические силы. Если американцы разместят 200 перехватчиков на Аляске, «Китай может прийти к выводу, что это обеспечивает проникновение на его территорию и наряду с другими мерами оснастит свои ракеты мирвированными боеголовками. Если Соединенные Штаты пойдут еще дальше и создадут широкий спектр запускаемых с воздуха, моря и космоса систем, тогда Китай пойдет на значительное усиление своих ударных возможностей... Китай скорее всего приступит к полномасштабному развитию мощных ядерных сил, разделяя мнение России и других критиков о том, что Соединенные Штаты не собираются останавливаться в развитии ПРО и намерены создать его полномасштабный вариант»[313]. Собственно, Китай рассматривает нынешнее стремление Вашингтона создать ПРО национального масштаба необратимым. В будущем Китай предпочтет полнокровную программу ядерного вооружения любым попыткам договориться с американцами[314].

Китай способен произвести до тысячи новых ракет в течение следующего десятилетия, и некоторые данные убедительно говорят о его способности производить 10-12 межконтинентальных

баллистических ракет в год. Комиссия по национальной безопасности палаты представителей США (Комиссия Кокса) пришла к выводу, что к 2015 году Китай будет способен «в агрессивной манере разместить до 1000 термоядерных боеголовок на своих межконтинентальных баллистических ракетах»[315]. По распространенному мнению, Китай догонит Америку в стратегических вооружениях через сорок пять лет[316].

В начале XXI в. на вооружении армии КНР находятся 6 тыс. боевых самолетов, 9200 танков, 30 межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися боеголовками. По мнению Американской академии военных наук, к 2020 г. всеобъемлющая общенациональная мощь Китая уже сможет в определенной мере быть сравнимой с американской и превзойдет любую другую в мире[317]. Чтобы сохранить свою относительную энергетическую независимость, Китай будет упорно развивать военно-морской флот. Китайское строительство такого рода неизбежно обеспокоит такие морские страны, как Индонезия. Создается основа и арена военно-морской гонки XXI века. С другой стороны, Китай непременно будет искать надежные источники энергии в Центральной Азии. Он постарается ввести Казахстан и Киргизстан в сферу своего влияния (что, разумеется, не может понравиться Москве).

Китай изменил военную стратегию, переориентируя свои ВС с северного направления на южное, развивая при этом ВМС — планируя их оснащение ВМС авианосцем, совершенствуя способности дозаправки своих самолетов в полете, покупая истребители современного класса. КНР подняла вопрос о своем праве на острова Спратли, повторяя тезис о своем тысячелетнем владении ими. Китайские силы оккупировали остров Хайнань, превратив его в особую экономическую зону и создав на нем военно-морскую базу. В 1992 г. был принят Закон Китайской Народной республики «О Внутреннем море (так стало называться Южно-Китайское море.— *А. У.*) и прилегающей зоне», создавший своего рода легальную базу для дальнейшего продвижения. Присоединившись в 1996 г. к Конвенции ООН по морскому праву, Пекин семикратно — на два с половиной миллиона квадратных километров — расширил экономическую зону в Южно-Китайском море. КНР своими военно-морскими маневрами как бы дала Тайваню ясный сигнал — не вовлекать США во внутрикитайские дела.

Что более всего возбуждает китайскую сторону, так это вольная или невольная поддержка Соединенными Штатами сепаратизма китайских территорий. Случай с Тайванем широко извес-

тен и одиозен. Такую же реакцию в Китае вызывает поддержка американцами тибетского сепаратизма. Центральное разведывательное управление США оказывало сепаратистам здесь прямую поддержку, о которой китайцам достаточно хорошо известно[318]. Китайцы жестко выступают против признания за Соединенными Штатами, как за глобальным гегемоном, права вторгаться в этнические проблемы.

Пекин готов к «позитивному» и «негативному» вариантам будущего развития событий вокруг Тайваня, который Пекин твердо считает тридцатой провинцией КНР. *Первый* предполагал бы отказ США (и Японии) в поддержке стремления Тайваня к независимости — это облегчает сближение Пекина с Тайбеем. В этом случае новая стратегическая система в Восточной Азии не зависела бы от мощи США, их военного присутствия в Азии. *«Негативный»* вариант предполагает провозглашение Тайванем независимости от континентального Китая. В этом случае КНР готова увеличить свои военные усилия, более откровенно противостоять США в восточноазиатском регионе.

Вашингтон ответил планами создания системы антиракетной обороны. Примечательно, что российские ракеты для достижения своей цели нуждаются в получасе времени, в то время как азиатские ракеты нуждаются в нескольких минутах. И никто уже не может представить себе, что такие страны, как Китай, Индия и Иран, способны (под любым давлением) приостановить свои ракетные программы. Для создания надежной противоракетной обороны Соединенным Штатам потребуются огромные материальные ресурсы. Это предопределяет будущий рост американских военных бюджетов, цена пребывания единой сверхдержавой растет.

Союзники Китая. Главным союзником нового азиатского конгломерата с Китаем во главе к началу нового века выходит исламский мир. Основой самоутверждения исламизма стало осуществленное во второй половине XX века практически полное признание идей материального развития Запада при одновременном отрицании западных социальных ценностей и западных постулатов, рекомендаций относительно общественного устройства. Представитель высшей администрации Саудовской Аравии выразил это так: *«Зарубежные товары просто ослепляют. Но менее осязаемые социальные и политические институты, импортированные из-за границы могут быть смертоносными — спросите шаха Ирана... Ислам для нас не просто религия, а образ жизни. Мы в Саудовской Аравии желаем модернизации, но не вестернизации»*[319].

Подъем ислама осуществил новый средний класс, начавший совсем недавно, в 70-е гг. Знаменем этого подъема стало новое «требование религии»: работа, порядок, дисциплина. Миллиардный исламский мир охватывает огромный регион — от Марокко до Казахстана, от Индонезии до Кавказа. К началу XXI века любая из стран, где преобладает ислам, становится уже *другой* (политически, в культурном отношении), более исламской, с радикализированной молодежью и интеллигенцией. Западная социология приходит к выводу: *«Ислам предоставил достойную идентичность лишенным корней массам»*[320]. Миллионы вчерашних крестьян, утроивших население гигантских городов исламского мира, стали его ударной силой. Ислам стал функциональной заменой демократической оппозиции, авторитаризму христианских обществ и явился продуктом социальной мобилизации, потери авторитарными режимами легитимности, изменения международного окружения. С. Хантингтон указывает на *«негостеприимную природу исламской культуры и общества по отношению к западным либеральным концепциям»*[321]. Ведущий западный специалист по исламу Б. Льюис определяет происходящее как *«столкновение цивилизаций — возможно иррациональная, но безусловная историческая реакция на древнего соперника — наше иудейско-христианское наследие, наше секулярное настоящее и мировую экспансию обоих этих явлений»*[322]. Численность мусульман в 2020 г. достигнет 30% населения земли. В Западной Европе уже живут 13 млн. мусульман, 2/3 эмигрантов, направляющихся сюда,— из арабского мира.

Правительства стран Запада уже ощущают эту эмиграцию как десант. Генеральный секретарь НАТО в 1995 г. охарактеризовал исламский фундаментализм *«по меньшей мере столь же опасным, как и коммунизм»*. К концу 90-х гг. вся Западная Европа фактически закрыла двери перед неевропейскими эмигрантами. К концу 90-х гг. XX в. эмиграция стала главной политической проблемой США.

Оказавшиеся геополитическими союзниками, мусульмане и китайцы проявили вполне ожидаемую склонность к сотрудничеству. Китай выступил главным арсеналом мусульманского мира. За период между 1980 и 1991 гг. Китай продал Ираку 1300 танков, Пакистану — 1100 танков, Ирану — 540 танков. Ирак получил от Пекина 650 бронетранспортеров, а Иран — 300. Число переданных Ирану, Пакистану и Ираку ракетных установок и артиллерийских систем: 1200, 50, 720; Пакистан и Иран получили, соответственно, 212 и 140 самолетов-истребителей, 222 и 788 ра-

кет «земля-воздух»[323]. Китай помог Пакистану создать основу своей ядерной программы и начал оказывать такую же помощь Ирану. Китай секретно построил Алжиру реактор, способный производить плутоний; ядерную технологию получила Ливия; большое количество оружия получил Ирак. Между Китаем, Пакистаном и Ираном, собственно, уже сложился негласный союз.

Основой этого союза явился антивестернизм. Конфуцианско-исламский союз, приходит к выводу аналитик ЦРУ Г. Фуллер, «материализовывается не потому, что Мухаммед и Конфуций объединились против Запада, но потому, что эти культуры предлагают способы выражения обид, вина за которые частично падает на Запад — на тот Запад, чье политическое, военное, экономическое и культурное доминирование все более ослабевает в мире»[324].

Слабые места Китая. Цифры роста Китая безусловно впечатляют, но не следует забывать и о том, с какого низкого старта начинала великая страна. Слабым местом Китая является неравномерное развитие 29 провинций. К 2020 г. такие провинции, как Гуандун и Гонконг, будут одними из богатейших провинций мира. Процветающие приморские провинции стоят большим контрастом по отношению к бедным внутренним родственникам. Внутренние регионы немногое получат от экономического бума. Возможное ослабление роли Коммунистической партии Китая будет содействовать сепаратизму.

Это способно создать опасность национального раскола, своеобразного возврата к ситуации 20-х гг. когда страна фактически распалась на отдельные провинции. К тому же, «единственным способом включить в свой состав Тайвань, содействовать процветанию Гонконга, получать дивиденды от китайских общин за рубежом может стать превращение Китая в ассоциацию полунезависимых государств... Наиболее опасным для Китая будет период до 2010 г., когда процветание новых индустриальных регионов приведет их к требованиям таких же политических свобод, как и у заморских общин»[325]. Возможно, китайское общество будет в смысле политической структуры напоминать Европейский союз.

Примером такого уязвимого места огромной страны может служить огромная и отсталая провинция Синцзянь. Особую проблему представляет собой урбанизация, ликвидация миллионов безработных. Китайским властям уже пришлось признать существование мощного в этой провинции уйгурского национализма, готовности местного населения восстать.

Решимость китайского руководства расширить связи и коммуникации со Средней Азией, судя по всему, будет только разжигать самоутверждение тюркского населения, каковым в Китае являются уйгуры. Китайцам уже пришлось закрыть свою границу здесь с Пакистаном; китайские власти предпринимают большие усилия, чтобы остановить местные поставки оружия и политической литературы для готовой восстать провинции. Насилие в данном случае может дать некое временное решение, но вероятие стабильного и долгосрочного решения пока не видится реальным — китайский режим теряет поддержку местного населения. «По мере интеграции Китая в мировую экономику,— утверждают американцы Р. Менон и У. Вимбуш,— китайское руководство убедится, что его возможности справляться с протестом на местном уровне будут сокращаться»[326].

Скептики полагают, что у китайской коммунистической системы мало шансов выжить в условиях быстрых перемен. Самое простое предсказание: миллионы новых ртов, быстро растущее население поставят марксизм-ленинизм за скобки общественной релевантности. Более софистичные теории исходят из трудностей взаимосуществования процветающих прибрежных провинций, отчаянно отставших внутренних провинций и теряющего рычаги влияния центра. В такой ситуации будущее Китая как единого государства проблематично. Если даже Пекин сумеет удержать внутренний баланс, у него уже не будет средств, методов и энергии для активного воздействия на широкий внешний мир. Это сковывает исторический процесс становления КНР как мирового центра.

Для превращения Китая в мировую величину требуется не только рост экономических макровеличин, но и формирование соответствующей идеологии, которая была бы приемлема не только для соседей растущего гиганта, но и для мира в целом. Это, увы, слабое место Китая после Дэн Сяопина. «После коллапса коммунизма в Центральной Европе и исчезновения его в Советском Союзе, марксизм-ленинизм едва ли может стать привлекательным символом веры, востребованным внешним миром экспортным товаром. Это ограничивает способность Китая убеждать другие государства принять на себя роль идеологического клиента или союзника, даже если китайские лидеры предпримут серьезные усилия для распространения своего влияния в этой сфере. Пока таких усилий не видно. Китайские лидеры характеризуют свою идеологию как «социализм с китайскими чертами». Нынешние китайские лидеры не показали себя наследниками многовековой традиции китайской культуры. К тому же истори-

чески китайцы всегда пытались скорее оградить себя от влияния внешнего мира, чем распространить свои идеи на внешний мир»[327].

Глобализация может дать немало полезного огромному и трудолюбивому Китаю (прежде всего, богатейший рынок и поток новой технологии). Но китайское руководство еще несомненно ощутит, что по мере увеличения инвестиций, доступа к информации посредством электронной почты и Интернета, путешествий и проживания за рубежом напряженность взаимодействия между экономикой Китая, его обществом и политической системой будет, вне всякого сомнения, расти.

Грядет обострение битвы конкурентов внутри азиатского региона. Уже после кризиса 1997-1998 годов давление в регионе начало нарастать. Перед Китаем впервые за несколько десятилетий встала проблема: как обращаться и что делать с растущей безработицей, излишними производственными мощностями, проблемами внешних долгов. Выявилось весьма отчетливо, что АПЕК и АСЕАН не являются эффективными инструментами внутриазиатских противоречий. В отличие от Европы в Азии нет системы коллективной безопасности, здесь нет долгой и позитивной истории соглашений по контролю над вооружениями, нет системы коллективной безопасности. А есть нечто устрашающее — растущая гонка ядерных вооружений между США, Китаем, Индией и Пакистаном.

Военная система Китая зависит от помощи, осуществляемой Россией, от получения американских технических секретов, от степени преодоления отсталости. Седьмой флот США еще не скоро перестанет быть самой большой военной силой в регионе. «Понимание китайским руководством своей стратегической слабости можно усмотреть даже в том интересе, который молодые китайские стратеги проявляют к революционным изменениям в военной технологии, к дебатам среди американских стратегов»[328]. Ощущая, что в ближайшей перспективе у них нет шансов, китайцы концентрируют силы для броска в будущем. Поскольку срок жизни одного поколения оружия в наши дни составляет примерно пятнадцать лет, китайцы ожидают возможности «вклиниться» на следующем витке или непосредственно после него.

Американская интерпретация. Специализирующиеся по Китаю Р. Бернстайн и Р. Манро в книге *«Грядущий конфликт с Китаем»* квалифицируют подъем Китая как *«наиболее трудный вызов, потому что, в отличие от СССР, Китай не представляет собой могучей военной державы, основанной на слабой экономике, но мощную экономику, создающую впечатляющую*

военную силу. Ключом является постоянный рост китайского влияния повсюду в Азии и в мире в целом. Глобальная роль, которую Китай предусматривает для себя, связана с подъемом соперников Запада, антагонистичных США»[329].

В следующем десятилетии, пишут американские специалисты, «не Россия или некое государство-пария, а Китай, принявший на вооружение новую ядерную политику, станет главным предметом забот Америки. КНР модернизирует свой ядерный потенциал уже в течение 20 лет и будет продолжать движение в этом направлении несмотря на противодействие других стран... Война в Персидском заливе и бомбардировка Косово усилили китайскую обеспокоенность в отношении точно наводимого обычного оружия, способного уничтожить существующую у Китая способность нанесения второго удара... Создание Америкой противоракетной обороны воспринимается Китаем как вызов и угроза его ядерному потенциалу»[330].

Складывается картина энергичного возвышения величайшей страны мира, до восемнадцатого века привыкшей быть «Срединной империей» — центром мира, а затем на полтораста лет униженной западной экспансией. Страны молодых, целеустремленных жертвенных людей, готовых повторить путь Японии как ровни мировому авангарду. Известный американский исследователь Р. Холлоран отмечает «оживший в Китае менталитет Срединного Царства, в котором прочие азиаты видятся существами низшего порядка, а представители Запада — варварами»[331]. Американский аналитик Д. Каллео отмечает, что «сегодня Китай является претендентом на роль сверхдержавы уже в близком будущем. Со своим огромным, энергичным и одаренным населением, будучи впервые с девятнадцатого века объединенным, Китай совершенно определенно находится на подъеме»[332]. На этом пути так или иначе — в Тайваньском проливе, при вступлении в ВТО, в отношении к Тибету, в оценке внутренних процессов Китая на пути Пекина стоит Америка. Подъем Китая начинает напоминать дестабилизировавший мировую систему бросок Германии на рубеже XIX—XX вв. Американцы Р. Бернстайн и Р. Манро квалифицируют подъем Китая как «наиболее трудный вызов... Китай представляет собой мощную экономику и впечатляющую военную силу. Происходит рост китайского влияния в Азии и в мире в целом. Китай предусматривает для себя глобальную роль»[333].

Реальной становится перспектива, что XXI в. будет *азиатским* — после XX *американского* века и XIX *европейского* века. Такие обстоятельства, как бомбардировка американцами китай-

ского посольства в Белграде, а также публикация доклада Комиссии Кокса о китайском атомном шпионаже, вызвали обострение американо-китайских отношений[334]. Характерно то, как китайцы реагировали на бомбардировку своего посольства в Белграде: началась подписка на средства, которые позволили бы Китаю приобрести свой первый авианосец[335]. В США популярной становится точка зрения, что самые опасные схватки будущего возникнут, скорее всего, из противостояния друг другу западного высокомерия, исламской нетерпимости и китайского самоутверждения[336].

Дж. Модельски и У. Томпсон предупреждают: «Китайские лидеры видят в Соединенных Штатах сверхдержаву, вступающую в полосу упадка, но полную решимости сдерживать находящийся на подъеме Китай. Они бросят вызов интересам и позициям Соединенных Штатов в Восточной Азии, их военному и военно-морскому присутствию в западной части Тихого океана. Китайцы уже проявили себя на этом направлении в 1996—1999 гг. в ходе спора по статусу Тайваня, демократии в Гонконге, будущему Тибета, объединению Кореи и контролю над островами в Южно-Китайском море»[337]. По мнению американских специалистов, любое противодействие однополюсному миру «сможет послужить сборным пунктом противников статус-кво в Азиатско-Тихоокеанском регионе, равно как и среди прочих недовольных современной системой во всем мире»[338].

Англичанин Х. Макрэй предсказывает превращение Китая в полнокровного конкурента Америки примерно в 2020 г. («если США не улучшат свою систему образования и не продемонстрируют больше самодисциплины»)[339]. Становится возможным предсказать возникновение биполярного мира с полюсами в виде США и Китая. Как формулирует влиятельная в республиканской партии К. Райс, «Китай не является державой, склонной сохранять status quo, напротив, он хотел бы изменить существующее положение, изменить баланс сил в Азии в свою пользу. Уже одно это делает его стратегическим соперником Америки»[340].

Жесткий подход. Гигантские геополитические изменения в Азии вызвали глубокую озабоченность капитанов американского государственного корабля. Три концепции были выработаны в среде американских аналитиков: *жесткая, компромиссная и мягкая.*

Представители *жесткого* подхода о Китае говорят как о буквально завтрашней сверхдержаве, бросающей вызов Америке. С точки зрения экономической конкуренции, именно КНР видит-

ся потенциально мощным противником Америки. Огромные население и территория, необъятные ресурсы Китая усиливают чувство опасности противостояния. Партийная верхушка в Пекине показала себя способной к принятию жестких решений. Апологеты *жесткого* подхода исходят из того, что существует проблема, в решении которой ни США, ни КНР не готовы уступить. Речь идет о преобладании в Восточной Азии. В этом смысле «китайская долговременная цель регионального лидерства, если не превосходства, представляет собой прямую угрозу доминирующей роли Америки в регионе»[341]. В ближайшие годы и десятилетия КНР будет стремиться вовлечь в свою орбиту непосредственных соседей и ослабить американское влияние в своем регионе. Для достижения этой цели сил НОАК достаточно уже сейчас.

Представитель *жесткой* линии К. Либерталь без экивоков утверждает, что *«сильный Китай неизбежно представит собой главный вызов США и остальной международной системе»*[342]. Р. Бернстайн и Р. Манро, долгое время представлявшие в Китае американскую прессу, приходят к выводу, что *«скоро Китай превратится во вторую по мощи державу мира и будет не стратегическим партнером США, а их долговременным противником»*[343]. Военный теоретик Колин Грей предупреждает, что *«формирующаяся китайская сверхдержава в силу своих размеров, характера территории, населения, социальных традиций и места размещения оказывает позитивное или негативное влияние на мировую систему, которое не может быть переоценено»*[344]. Что следует делать?

Представители *жесткой* линии обеспокоены тем, что у Вашингтона отсутствует перспективное видение своих отношений с гигантом Востока. *«Администрация Клинтона не смогла с должным вниманием воспринять рождение Китая как сверхдержавы»*[345]. Такие специалисты, как Дж. Най, полагают, что Соединенные Штаты должны вести за собой Азиатско-Тихоокеанский регион[346]. США должны противостоять Китаю в главных спорных (для Китая) пунктах — в Тибете и в Южно-Китайском море. Представители этой линии подчеркивают, что *«Тибет никогда не был провинцией Китая и не был в положении данника, не был вассалом имперского Китая... Статус Тибета сегодня подобен статусу Кореи, когда та стала японской колонией в 1910 году»*[347]. Еще более открыто антикитайскую позицию занимают представители «жесткого подхода» в отношении архипелага Спратли и Парасельских островов. США

должны присутствовать здесь и опираться на антикитайские силы. *«В Южно-Китайском море должно осуществляться (так же как и в Тайваньском проливе) постоянное военное присутствие США. Седьмой флот должен быть значительно укреплен, чтобы гарантировать свободное плавание через Южно-Китайское море и на всех морских путях Юго-Восточной Азии»*[348]. Такие специалисты, как Э. Фогель, полагают, что США должны перманентно расположить 7-й флот между Тайванем и КНР и осуществлять открытую военную поддержку Тайваня.

Жесткой линии придерживаются многие американские законодатели — именно конгресс потребовал аккредитовать посла при правительстве находящегося в изгнании Далай Ламы, потребовал признания независимости Тибета. Главная идея этой политики по убеждению стратегов Вашингтона: АТР как регион слишком важен, чтобы оставлять его эволюцию на волю тихоокеанских волн. Войска США должны оставаться на Окинаве и в Южной Корее, следует договориться о прямых военных связях с Сингапуром, флот США должен патрулировать основные магистрали. В Азии можно попытаться повторить опыт с Конференцией по безопасности и сотрудничеству в Европе, но делать это следует деликатно, а не навязывать странам региона новую для них процедуру. Государственный секретарь США должен посещать не Ближний Восток, а прежде всего жизненно важную для США Азию. Таково кредо сторонников этого курса

Дж. Лилли, К. Форд и ряд других специалистов не пытаются доказать, что Китай вскоре превзойдет США по всем параметрам могущества, но они утверждают, что КНР вскоре получит возможность противостоять Америке в своем собственном регионе. Они указывают на то, что «стремительно растущая способность бросить вызов американским интересам в Восточной Азии, а не способность угрожать континентальным Соединенным Штатам угрожает вовлечением Америки в военную конфронтацию в грядущие годы»[349].

Китаю не нужно обладать способностью победить США на Гавайских островах или в Персидском заливе. «Другое дело, когда боевые действия будут происходить в провинции Сычуань или в Тайваньском проливе. Каждый, кто думает, что конфронтация в *этих* местах будет простой прогулкой для вооруженных сил США, не понимает характера угрозы, которую представляет для Америки вызов, бросаемый НОАК американцам вблизи китайских берегов, не представляет себе, как трудно было бы Соединенным Штатам вести операции так далеко от дома... На своей террито-

рии Китай будет страшным противником»[350]. Японцы в 30—40-е годы ощутили трудность ведения конфликта с Китаем на его территории. А если не думать о наземной операции, то альтернативой может быть лишь продолжительная война с воздуха — в случае Китая она не имеет шансов на успех.

С этой точки зрения интересы Вашингтона и Пекина противостоят друг другу в Восточной Азии, в Китайском море, по поводу Тайваня, судьбы двух Корей, американского союза с Японией, присутствия американских войск в регионе, постоянные рейсы американских военно-морских сил поблизости, давление США по вопросу гражданских прав — все эти проблемы так или иначе ведут к обострению двусторонних отношений и взаимному озлоблению. И обеспокоенность Вашингтона, его мучительная нерешительность в отношении выработки правильной и реалистичной оценки боевых возможностей Народно-Освободительной армии Китая дает идее «предотвратить опасность на ранней стадии» все новые возможности. «Во все большей степени политическое давление толкает Соединенные Штаты в направлении самореализующегося предсказания: обращайтесь с Китаем так, как если бы его враждебность являлась неизбежной и опасной»[351].

Геоэкономически КНР представляет для США угрозу скорее не непосредственно — хотя за 90-е годы китайский экспорт в США увеличился феноменально, в пять раз. Пекин несомненно ценит американский рынок как наиболее обширный и прибыльный (а США вынуждены постоянно думать о дефиците своей торговли с КНР). Важнее то, что к XXI веку Китай начал фактически возглавлять общеазиатский торговый блок и напрямую встал вопрос, кто определяет условия экономического развития самого растущего региона мира. Гонконг внутри и хуаоцяо вовне стали новыми мощными инструментами растущего китайского могущества.

США обязаны относиться серьезно и к территориальным претензиям КНР на острова Южно-Китайского моря, где проходят жизненно важные для США морские пути, где геологи предсказывают открытие богатых месторождений нефти и газа. Близкие американской стороне Филиппины, Малайзия, Индонезия — потенциальные союзники США с недвусмысленным трепетом воспринимают военно-морское строительство КНР, они видят в ближайшие десятилетия обращение китайцев к силовой дипломатии, к жесткому давлению на боле слабых соседей. Последние постепенно занимают все более жесткую антикитайскую позицию, что осложняет бесконечно долгое соблюдение американцами некой формы нейтралитета.

Жесткий подход предлагает исходить из того, что «мы (США) не должны бояться встать в конфронтацию к Пекину там, где затронуты наши интересы»[352]. Решаемая континентальным Китаем задача модернизации своей армии играет на руку сторонникам именно *жесткой* линии, которые предлагают воспользоваться нынешним очевидным превосходством Америки (и даже в ряде военных аспектов Тайваня) для оказания давления на Китай, чтобы повлиять на его политико-стратегическую линию в намечающейся холодной войне еще до того, когда вызреет угроза войны горячей.

Представители жесткого подхода призывают использовать прежде не опробованные тропы — укрепить отношения с далекими от дружественности Китаю (и даже враждебными) государствами — Индией, Ираном, Вьетнамом. Помимо прочего, в Азии сейчас не знают, в какой степени американцы будут готовы в XXI веке жертвовать кровью и материальными ресурсами. Для поддержания благоприятного для себя соотношения сил в Азии США должны применять новые по сравнению с периодом холодной войны методы. Эти американские политики и эксперты сомневаются в том, что Вашингтон фаталистически согласится на то, чтобы передать Пекину мантию регионального лидера. Практически неизбежен прямой конфликт из-за Тайваня между Пекином, рассматривающим его интегральной частью Китая, и Соединенными Штатами, осуществляющими и прямую и скрытую поддержку Тайваня, где на президентских выборах весной 2000 года укрепили позиции сторонники независимости острова.

Компромиссный подход. Представители *компромиссной* точки зрения (скажем, П. Кеннеди) призывают не драматизировать ситуацию — Азии понадобится еще много лет для посягательства на мировое лидерство. Скептиком выступает экономист из Стэнфорда П. Крюгер: к 2010 г. экстраполяция нынешних тенденций экономического роста Азии будет выглядеть столь же глупой, как и страхи 60-х годов относительно советского индустриального превосходства. Сомнения в отношении способности Китая сделать реальный бросок, преодолеть вековую отсталость высказывает Н. Такер: *«Внутренние противоречия Китая еще не позволяют ему стать великой державой»*[353].

Представители *компромиссной* линии боятся вовлечения США в политический и военный спор между КНР и Тайванем. Они беспокоятся о том, что тайваньские власти однозначно воспримут поддержку Тайбея за гарантию военно-стратегической

помощи США в случае открытой попытки КНР инкорпорировать остров в единое государство. США не должны уходить из «южных морей», по мнению этих политиков, но не следует давать обязывающих сигналов, которые ввергнут США в борьбу, где не может быть ни победы, ни конструктивного решения. Эта группа экспертов склонна думать, что Китай будет антагонизировать прежде всего не США, а Японию, старого противника и непосредственного соседа. Устрашенная Япония постарается поддержать в Азии Америку, а объединенная мощь этих двух стран решит дело нужным образом.

Вашингтон должен оставить иллюзии относительно «управляемости» Китая. Санкции США способны породить не внутреннюю оппозицию коммунистическому режиму, а общенациональное китайское противостояние США. Лишь некоторые требования США могут оказаться реалистичными: увеличение прав автономии Тибета, присоединение к политике нераспространения ядерного оружия. Америка должна помнить, что в Китае вовсе не жаждут катаклизмов подобных восточноевропейскому 1989 г. КНР может приветствовать инвестиции США, но китайцы твердо привержены политике «полагаться на себя».

По мнению М. Мейснера, КНР предстоят нелегкие времена внутреннего переустройства, когда возникающий средний класс восстанет против политического статус-кво. Это поневоле ослабит внешнеполитическую мощь огромной державы[354]. Инвестиции в КНР со временем неизбежно уменьшатся, темп развития страны станет сокращаться. Но даже умеренные по своим взглядам западные специалисты не видят безоблачного будущего. Ч. Карлейль утверждает: *«Трудно представить себе, что Китай и Япония желают создать зону свободной торговли с США и другими странами, выходящими к Тихому океану. Трудно представить себе, что население и конгресс США, а также их аналоги в развитых странах будут содействовать заключению соглашения, открывающего их границы импорту текстиля, одежды, электроники и других промышленных товаров»*[355]. Это значит, что та или иная степень отчуждения практически неизбежна. Яшен Хуан из Мичиганского университета полагает, что следующее поколение китайских политиков не сможет после ухода Дэн Сяопина осуществлять жесткое руководство. Местные военные лидеры постараются урвать у центрального правительства власть над провинциями, ослабление коммунизма скажется на способности Пекина управлять страной.

Мягкий подход. Известный американский исследователь Дж. Най напоминает, что Китай движется в военной самоорганизации вперед, но при этом и США не стоят на месте: «Китай не может бросить глобальный вызов Соединенным Штатам, он не сможет осуществить региональную гегемонию до тех пор, пока Соединенные Штаты будут *привержены* задаче сохранения преобладания в Восточной Азии»[356].

Противники алармистов достаточно спокойно относятся к превращению Китая в подлинно великую державу. Американец Г. Роуз: «Быстрорастущие народы можно сравнить с подростками — одновременно и бесшабашными и неуверенными в себе, не желающими соглашаться с существующей иерархией и с современными институтами и в то же время требующими признания и фиксации их собственного статуса на их собственных условиях... Подъем Китая к мировой мощи несет с собой риск для всех. И все же конфликт не неизбежен и избежание ненужной конфронтации более существенно, чем движение в направлении конфронтации»[357].

Главными задачами американских политиков в грядущие годы должны быть хладнокровный анализ точной природы и возможный объем китайского ревизионизма, определяющего поведение этой страны. Китай нужно ввести в семью наций, следует при этом провести четкую линию в критических вопросах, способных вызвать столкновение, способных изменить сам характер современного соотношения сил. Мелкие вопросы следует просто игнорировать. Противники *жесткой* линии полагают, что не все международные проблемы поддаются решению, но они верят, что лучший путь к решению — сдержанность и умеренная политика.

«Мягкий» подход основывается на посылке, что с окончанием холодной войны в Азии уже некого бояться. Его сторонники считают ситуацию на Корейском полуострове стабильной. В то же время Россия, Япония и КНР будут взаимно блокировать друг друга. Так Э. Равенол (Джорджтаунский университет) полагает, что Китай будет ориентирован на внутренние нужды, Россия еще долго не сможет угрожать своим соседям. Индия, Индокитай и АСЕАН встретят в своем развитии трудности, поглощающие их ресурсы. США будут играть роль своего рода третейского судьи, «балансира», готового быстро мобилизовать силы в случае необходимости, но не будирующего регион понапрасну.

По мнению представителей *мягкой* линии, 13% китайского населения, окончившие университеты, иногда и выступают против коммунизма, но основная масса населения (по опросам самих американцев) более активно поддерживает свое правительство, чем, скажем, итальянцы или мексиканцы. Крушение коммунизма

в СССР не предопределяет неизбежности подобного же в Китае, каждая страна уникальна. Режим в Пекине способен на адаптацию к новым социально-экономическим сдвигам. Более того, падение коммунизма в Восточной Европе в определенной степени укрепило коммунизм в Китае — функционеры в расстрелянной чете Чаушеску увидели свою судьбу и укрепили бдительность, желая избежать политический и социальный хаос любыми средствами. Сегодня национальный и социальный элемент в китайском коммунизме слились воедино[358]. Национально Китай, где живут 93% ханьских китайцев,— почти гомогенная страна.

Политическая картина в конце XX в. в КНР никак не напоминает 20-е гг. с их господством провинциальных генералов. В Пекине нет чуждой маньчжурской династии, Китай не унижен соседями. Традиции строгой централизации государственной власти сильны как никогда. В то же время 72% населения — крестьяне, живущие в сельской местности, начали избирать своих руководителей — факт, который критически важен для будущего Китая. Предсказания раскола и сепаратизма пока явно преувеличены. Стоило Пекину в 1980-е гг. потребовать от провинции Гуанчжоу (наиболее индустриализованной) увеличения налогов на 72% — и та подчинилась. Эта, наиболее мощная в экспортном отношении провинция поставляет треть своих товаров на национальный рынок — мощный якорь против сепаратизма. Внутренняя миграция также укрепит национальное единство. В конечном счете битва в Китае между интеграцией и децентрализацией управления действительно определит успех или поражение китайской модернизации, однако есть все основания полагать, что центральная власть в стране выстоит.

Приверженцы этой линии боятся того, что США «переиграют» в своей поддержке Тайваня, что мощь тайваньского лобби, крепость экономических связей с этим островом, помноженная на неверно понятые стратегические интересы, могут вовлечь США в конфликт с быстро растущей силой в мире — Китаем. Эти страхи отчетливо выразил бывший госсекретарь Г. Киссинджер, выступая в марте 1995 г. в Национальном комитете по американо-китайским отношениям: *«Те в обеих американских политических партиях, кто готов направить США на путь, ведущий к столкновению с самой населенной и потенциально наиболее могучей страной в Азии, должны поразмышлять о последствиях... В течение более чем полувека Тайвань пытается увести США в сторону от мирного решения к практическому участию в китайской гражданской войне»*.

В созданное Г. Киссинджером Американо-китайское общество вошли бывшие государственные секретари У. Роджерс, С. Вэнс, А. Хейг, советники президента по национальной безопасности Зб. Бжезинский, Р. Макфарлейн, Б. Скаукрофт. Прокитайское лобби активно проявило себя в защите права КНР на статус наибольшего благоприятствования в торговле и с тех пор стало едва ли не влиятельнейшим региональным лобби во внешней политике США. В КНР для работы с этим лобби создана Центральная рабочая группа, возглавляемая Цзян Цземином. В промышленности дело укрепления связей с Китаем — часть стратегии ряда крупных американских компаний: «Боинг», «Моторола», «Элайед Сайнел», «Катерпиллер», «Америкен интернешнл груп», «Юнайтед Эйрлайнс», «Артур Андерсон», «Дийр энд компани», организационно связанных между собой через «Деловой совет США — Китай».

Внутри США расширяют свою деятельность такие направленные на сближение с КНР организации, как Национальный комитет американо-китайских отношений в Нью-Йорке. Его директор М. Лэмптон заявил в ноябре 1994 г.: *«Основанная на санкциях внешняя политика на китайском направлении обречена на провал. Главные конкуренты США откажутся следовать ей, тогда как внутри Китая, равно как и в АТР в целом, она вызовет всплеск националистических настроений»*. Предупреждает от жестких решений К. Либерталь: *«В конечном счете Китай скорее всего будет действовать в будущем конструктивно, будет безопасным, ориентированным на реформы, стабильным, открытым внешнему миру, способным эффективно справляться со своими проблемами»*[359].Уверенный в себе Китай не будет нуждаться в огромной военной машине, опасаясь внутренней фрагментации он будет опасаться внешних авантюр.

Сторонники *мягкой* линии полагают, что «сдерживание» Китая было бы большой ошибкой — оно придаст силу националистическим, милитаристским кругам китайской политической арены. Сотрудничество же с Китаем позволит США еще долгое время содержать значительный воинский контингент в Азии, сдерживать стремление Северной Кореи обзавестись ядерным оружием, оно даст американскому бизнесу возможность участвовать в грандиозном экономическом развитии Китая. Мировая торговля, нераспространение ядерного оружия, защита окружающей среды, осуществление таких операций, как посылка военных контингентов в регионы вроде Косова или Ирака, зависят так или иначе, по их мнению, от дружественности Китая.

Влиятельная часть внешнеполитической элиты США считает (приводим слова Зб. Бжезинского), что «распространение геопо-

литического влияния Китая вовсе не обязательно будет противоречить реализации американских интересов... в Евразии не будет стабильного равновесия сил без стратегического взаимопонимания между Америкой и Китаем»[360]. Не следует становиться жертвой страха. У армии Китая недостаточно развита система снабжения, недостаточна огневая мощь. Китайская авиация достаточно велика, но оснащена устаревшей техникой, военно-морские силы недостаточны для океанского размаха действий.

У Китая ограниченные инновационные способности; по мере удешевления рабочей силы и сокращения потока иностранного капитала «восточноазиатское чудо» даст неизбежный сбой. Механического повиновения недостаточно, необходима творческая мысль, а с нею возникают сложности. В будущем скажется плохая инфраструктура, коррупция, недостаточная подготовка кадров, слабые рынки капиталов, растущие (с зарплатой) издержки в производстве.

Рост при Дэн Сяопине произошел за счет сверхэксплуатации сельскохозяйственных ресурсов. КНР стоит перед лицом кризиса в связи с быстрым ростом населения при уменьшении потенциала сельского хозяйства. Размеры площади земли, поддающейся обработке, ограничены, ископаемые не бездонны. Пришло время расплачиваться за бездумную политику в области демографии, за беззаботное пользование водой, землей и минеральными ресурсами. В ближайшие 20 лет население КНР вырастет не менее чем на 300, а возможно 400 млн. человек — за это же время более 10% обрабатываемой земли будет потеряно полностью, а основной ее массив подвергнется эрозии. Несмотря на 15 лет экономического подъема 50 млн. китайцев не имеют гарантированной питьевой воды, а 80 млн. питаются ниже уровня выживания.

Скажется напряжение административной машины, спор между столицей и провинциями, между элитой и массами, между различными регионами, «вендеттой» партийной элиты и элитой, порожденной быстрым экономическим ростом отдельных провинций. Ускоренная модернизация потребует сдержанности военных. НОАК все больше подталкивается к дилемме: защищать общество или партию от оппозиции? Колоссальные последствия будет иметь миграция 100 млн. китайцев, которые бросили свои села ради городов. Подобные прогнозы китайской модели начала XXI в. укрепляют позиции сторонников *мягкого* подхода.

Есть и другие факторы. Китайский экспорт — около 100 млрд. долл.— трудно представить себе постоянно растущим. Китайские бизнесмены, не уверенные в устойчивости режима, начинают предпочитать экспорт капитала в более стабильные страны. Так в

1994 г. китайские бизнесмены вывезли за границу 30 млрд. долл.[361]. В свете этого нельзя исключить повторения 1911 г. с его крушением многолетней монархии. Если Китай ждут такие сдвиги, утверждают сторонники *мягкого* подхода, то Западу не стоит бояться «китайской угрозы».

Р. Росс из Гарварда определил КНР в XXI веке как «консервативную силу»: *«Китайской опасности не существует не потому, что Китай — благожелательный сторонник статус-кво, но потому, что он слишком слаб, чтобы бросить вызов балансу сил в Азии; и он останется слабым еще много лет двадцать первого века... В обозримом будущем он будет стремиться сохранить статус-кво — и к тому же будут стремиться США»*[362]. Выгоды от участия в международном разделении труда будут отвращать Китай от конфронтации с США по поводу Тайваня. Пекин понимает, что лишь сдержанное поведение может побудить развитые индустриальные страны участвовать в развитии китайской экономики. Китай следует вовлечь в различные контрольные механизмы, такие как «новый КОКОМ» — Соглашение Вассенаара, в Группу по предоставлению ядерных материалов, в Режим контроля над ядерными технологиями, в Австралийскую группу по химическим и биологическим технологиям, во Всемирную организацию по торговле.

Сторонники *мягкого* подхода приводят аргументы, доказывающие, что китайские возможности резко преувеличиваются. Более того. Б. Гилл, М. О'Хенлон и другие убеждают в слабости Китая и его армии. Такие наблюдатели как У. Пфафф призывают Америку не преувеличивать китайской мощи: «Дискуссия в США идентифицирует Китай с неизбежным в будущем соперником, но события последнего времени (имеется в виду финансовый кризис в Азии 1997—1998 гг.— *А. У.*) определенно ослабили потенциал китайской сверхдержавности... Китай остается бедной страной, зависимой от иностранных инвестиций и импорта технологии»[363]. Не следует предаваться маниям и фобиям, «немногие могут представить себе, что Китайская Народная Республика сейчас или в обозримом будущем сможет превзойти Соединенные Штаты в полномасштабной войне»[364].

Сторонники *мягкой* линии предпочитают не угрозы, а создание ощутимой китайской вовлеченности, стимулирование процессов, приносящих огромному развивающемуся Китаю столь ощутимые экономические дивиденды. Они надеются на сопутствующие экономическому подъему страны внутренние перемены. Смягчение политического режима в Пекине должно привести на

вершину политической власти в Китае более ориентированную на Запад фракцию, готовую на отказ от коммунистической ортодоксии, на фиксирование политического и территориального статус-кво в экономически бурно развивающемся регионе.

Не следует преувеличивать потенциал Народно-Освободительной армии Китая, нужно видеть несказанные трудности модернизации страны, ослабление централизующего влияния марксистской догмы, сложность самоидентификации и развития этнически некитайских регионов — Тибета, Синьцзянь-Уйгурского автономного округа. Американские синологи Б. Гилл и М. О'Хенлон подчеркивают, что безнадежно устаревшая система коммуникаций и снабжения Китая просто не позволяет его армии вести операции за пределами национальных границ[365].

Главное: в Азии «американская дипломатия должна быть многосторонней»[366]. Привлекательно для американцев создание Организации по безопасности и сотрудничеству в Азии (ОБСА), исходя из успешного для США опыта ОБСЕ. Вначале повестка дня такой организации была бы скромной. Но со временем и приобретением опыта ОБСА могла бы предстать полезным многосторонним форумом по созданию региональных мер обеспечения доверия, выработке контроля над обычным и ядерным оружием, по ядерному нераспространению, по мирному урегулированию территориальных споров. Определенные круги в Японии и Южной Корее уже заинтересованы в этой идее. Слышны позитивные отклики некоторых китайских ученых. Страны АСЕАН в целом благосклонно относятся ко всем схемам местной интеграции.

Азиатская стратегия Америки. *Задачи США на XXI век можно в самом простом виде обрисовать так: сохранить влияние на Японию и замедлить возвышение Китая, не допустить превращения Китая в регионального лидера той части планеты, которая обещает быть центром мирового экономического развития.*

69 процентов «простых» американцев (и 97 процентов лидеров) полагают, что через десять лет Китай будет играть значительно более важную роль. (Среди лидеров раскол — 47% против 48 — между считающими, что в Азии лидером будет Китай или Япония.) Лидеры считают Китай самой важной страной для США (но общественность ставит КНР после Японии, России и Саудовской Аравии). 57% и лидеров и общества в целом полагают, что китайское развитие затрагивает американские интересы[367]. Уже сейчас китайский язык становится самым популярным языком в американских научных лабораториях[368].

В целом же складывается впечатление, что, чем быстрее растет Восточная Азия, тем с меньшей охотой западный мир готов приветствовать этот рост. Китай не свободен от ошибок, а внешний мир может испытать испуг перед неожиданным использованием новой грандиозной мощи. Встает вопрос, всегда ли США будут готовы предоставлять китайцам и японцам свой рынок? Уже появились отчетливые сомнения: «По мере того, как США начнут ощущать угрозу азиатского экспорта, они начнут воздвигать таможенные барьеры. Это произойдет достаточно мирно, когда речь идет о политическом союзнике — Японии. Китай, единственный потенциальный соперник в борьбе за мировое лидерство, не может рассчитывать на такую благожелательность»[369]. Американцы подчеркивают, что они *ничего* не должны Китаю. Имеет место мнение, что прием КНР в ВТО в целом увеличит возможности США и американских союзников оказывать влияние на внутрикитайские процессы и на внешний курс Пекина.

Азиатская стратегия США базируется на двух основаниях. *Первое* — военное. Вашингтон содержит 100 тысяч своих военнослужащих в Японии (Окинава) и Южной Корее. В близрасположенной океанской акватории размещен Седьмой флот США. Это военное присутствие гарантирует Америке важную долю контроля над двумя крупнейшими, могущественными экономическими величинами — Японией и Южной Кореей. Хотя американцы и покинули свои военные форпосты на Филиппинах (базы Субик-бей и Кларк-филд), они отнюдь не собираются оставлять базы в Японии и в Южной Корее. Уменьшение численности американских войск на них — вовсе не свидетельство возможности ухода США из восточноазиатского региона. В таких обстоятельствах китайцы едва ли решатся рискнуть серьезно спровоцировать Соединенные Штаты[370].

Помимо этого Соединенные Штаты являются фактическим военным ментором Тайваня, Пакистана и Саудовской Аравии, снабжая их современным оружием и приходя к ним на помощь в трудный час. Ни один важный вопрос в этом огромном регионе не может быть решен без учета интересов США. Напомним, что США за оканчивающееся столетие вели здесь три крупномасштабные войны — против Японии, в Корее и Вьетнаме.

Второе основание — допуск избранных стран региона на богатейший — американский рынок. Экономическая взаимозависимость долгое время была могучим стабилизирующим фактором в Азии — она была как бы связана общим желанием получить доступ на американский рынок. Открытие богатейшего американского рынка для высококачественных и дешевых азиатских товаров

было сделано с откровенной целью заполучить Азию на свою сторону в холодной войне. Без этого допуска трудно представить себе феноменальный экономический подъем Японии в 50—80-х годах, рождение «четырех тигров» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур), невообразимый подъем КНР после 1978 года, ритм роста стран АСЕАН. Допуск на американский рынок — самый могущественный экономический рычаг Вашингтона. Недаром ежегодное возобновление статуса наибольшего благоприятствования Китаю подается как огромная уступка, за которую США хотели бы иметь компенсацию в той или иной сфере.

Многие местные конфликты были как бы «экспортированы» в США, которые поглощали избыточную продукцию азиатских заводов. Но все более обнаруживается факт, что американский рынок не безграничен. И это создает новую и потенциально очень опасную проблему: Запад теряет роль великого стабилизатора азиатских проблем и как бы *возвращает* их назад. США уже не могут «держать открытыми двери» перед всеми преуспевающими азиатскими экспортерами. По крайней мере, как минимум, формирование НАФТА требует увеличить поток мексиканской продукции за счет азиатов. На торговых потоках будет решаться судьба отношений Запада и Восточной Азии. Как пишет бывший японский министр Сабуро Окита, «армия в униформе — это не единственный вид армии. Научная технология и бойцовский дух под гражданскими костюмами будут нашей подпольной армией»[371].

Фактом является то, что товарообмен между азиатскими странами растет значительно быстрее, чем экспорт в США и Западную Европу: грозный фактор для расположенной далеко державы, намеренной держать ключи от развития и безопасности Азиатского региона.

В экономической области администрация Клинтона предприняла усилия по укреплению Форума азиатско-тихоокеанской кооперации. В военной области Вашингтон предоставил поддержку Ассоциации южноазиатского регионального форума азиатских наций (АРФ). Были расширены двусторонние контакты с ведущими государствами региона, прежде всего с Китаем. Вашингтон стал подталкивать страны региона к некоему диалогу о безопасности.

Сейчас у Вашингтона еще есть определенная свобода выбора. Какое из вышеуказанных трех направлений выйдет вперед и станет определяющим во внешней политике Вашингтона в XXI веке — *жесткое, умеренное или стремящееся к сотрудничеству* с новой Азией — покажет будущее. Общий курс США нащупывается осторожно. В Вашингтоне думают о следующем поколении

китайских политиков, чье образование получено не в России, а на Западе. Среди средств противодействия антиамериканской эволюции Китая К. Райс выделяет «распространение информации, привлечение молодых китайцев к американским ценностям посредством образовательных обменов и обучения, поощрение роста класса предпринимателей, которые не зависят в достижении благосостояния от китайского государства и готовы занять более влиятельные места в китайской жизни»[372]. Для реализации глобальных экономических и внешнеполитических целей Соединенные Штаты нуждаются в создании в Китае «лестницы, ведущей к процветанию среднего класса».

Б. Клинтон назначил на обращенные к Азии посты в госдепартаменте и министерстве финансов в основном специалистов по Китаю. Когда критики усмотрели в этом знак неуважения к Японии, заместитель министра финансов Р. Олмен объяснил мотив назначений: администрация полагает, что в начале следующего века Китай получит все шансы *заменить Японию* в качестве главного экономического партнера США в Азии.

Президент Клинтон оставил в качестве наследия частичную приверженность *мягкой* линии (что особенно проявилось в ходе его государственного визита в КНР в 1998 году): вовлечение элиты, создание заинтересованного в связях с Америкой торгового класса, предоставление китайским экспортерам части американского рынка, включение КНР во Всемирную торговую организацию. Но очевидны и элементы *жесткого* подхода: прежде всего, вахта Седьмого американского флота, фактически охраняющего Тайвань от Китая. Президент Б. Клинтон в 1996 г. послал во время предвыборной кампании на Тайване к берегам острова (девятого по значению торгового партнера США) два авианосных соединения — величайшая со времен второй мировой войны демонстрация силы, направленная против Китая. Б. Клинтон пообещал не сокращать далее контингент вооруженных сил США в Азии, он внимает предостережениям в отношении будущего китайского самоутверждения и не снимает свои «посты» на Окинаве, в Тайваньском проливе и южнее (*жесткая линия*). Одновременно Китаю не было отказано в статусе наибольшего благоприятствования в торговле (*компромиссная линия*). Американское правительство помогает тем американским компаниям, которые расширяют бизнес в Азии (*мягкая линия*).

Обострение отношений в связи с атомным шпионажем и попаданием американской ракеты в китайское посольство в Белграде оживило жесткую линию, потребность выпутываться из сложной

ситуации призвала к мобилизации компромиссности. Такая двойственность говорит о том, что проблема отнюдь не решена и ее значимость в двадцать первом веке будет лишь возрастать. В Вашингтоне приходят к выводу, что решение китайской проблемы не может быть искусственно отделено от выработки *общего* подхода к эволюции Азии в целом. В XX веке Вашингтон сепарировал эти две проблемы. В наступившем веке такая сепарация становится уже невозможной. В связи с этим обнажается отсутствие в Азии подлинной системы коллективной безопасности. (Хотя после образования в 1994 году Регионального Форума АСЕАН были созданы условия для дискуссий по вопросам взаимообмена военной информацией, сотрудничества в производстве вооружений, предотвращении региональных конфликтов, наглядное и практическое свидетельство чего консультации о политике КНР в отношении спорных южных островов.) До сих пор США предпочитали подходить к экономическим и политическим проблемам раздельно. Но по мере продвижения в двадцать первый век невозможность такого разделения будет проявляться все явственнее.

На определенном этапе эволюции Китая американцам придется пересмотреть свою китайскую политику в свете того, что китайцы приближаются к такому уровню развития своих ядерных сил, который так или иначе заставит США перейти в отношении Китая к испытанной в отношениях с Советским Союзом стратегии *гибкого реагирования* (чтобы любой спор не перерос сразу же в ядерное противостояние). Это означает, что американцы будут вынуждены увеличить (и значительно) численность своих обычных сил в регионе.

Неподвижность в данном случае для США будет невозможна. А если речь зайдет о принятии Вашингтоном жесткого курса, то несложно предположить формирование внутри США антикитайской политической атмосферы. Помимо прочего, «США должны убедить Россию и Китай, что, когда речь заходит о распространении оружия массового поражения, их собственная безопасность подвергается риску в случае нуклеаризации их евразийских соседей»[373].

Сомнения в решимости США применить в будущем вооруженную силу в Азии выразил бывший премьер Сингапура Ли Куан Ю: *«Никто не верит в то, что правительство США, не сумевшее довести до успеха свою операцию в Сомали из-за местных засад и одного телевизионного кадра, показавшего как труп убитого американца тащат по улицам Могадишо, может серьезно рассматривать удар по ядерным установкам Северной Кореи подобно тому, который был нанесен израильтяна-*

ми по Ираку»[374]. США не должны забывать, что они едва свели к ничьей войну в Корее, потерпели поражение во Вьетнаме и что уход из двух важнейших (крупнейших в мире) баз — Субик-Бей и Кларк-Филд не имел в Азии не малейшего отзвука. А самый жуткий политический режим — Пол Пота в Кампучии — свергли не США, а вьетнамские коммунисты.

В начале XXI века США будут отвечать на этот вызов, в основном, укрепляя Японию. Две страны подписали меморандум об обмене информацией в ракетной области, декларацию о взаимной безопасности, соглашение о снабжении Японии информацией с разведывательных спутников, совместную оценку стратегических угроз Японии, сообщение о создании Совета по высоким технологиям в военной сфере.

* * *

Итак, вместо ожидаемой либерально-капиталистической гомогенности мир обратится в XXI веке к тем основам, которые Запад не переставая крушил со времен Магеллана. Вера в то, что демократически избранные правительства обнаружат непреодолимую тягу к сотрудничеству с Западом, пришла в столкновение с реальностью — лучший пример чему Алжир, равно как Турция и Пакистан. Надежды на тесное межцивилизационное «партнерство» не реализовались. Более того, демократические процессы в незападных обществах становятся катализаторами обращения к национальным основам.

В предстоящие десятилетия подъем Азии и ислама приведет к гигантскому смещению на геополитической карте мира. Двадцать первый век будет определяться новыми расовыми и культурными силами. «На протяжении нескольких столетий миром правили белые европейцы и американцы, представители иудео-христианской традиции. Они вскоре должны будут признать в качестве равных себе желтых и коричневых азиатов, приверженцев буддизма, конфуцианства, индуизма и ислама»[375].

Главенствующая тенденция — впервые за пять столетий планируемое отступление Запада. Временный ли это поворот самосохраняющихся цивилизаций, или найдется планетарная гуманистическая идеология, объемлющая этноцивилизационные различия? Этот вопрос будет так или иначе решаться в предстоящие годы. Но уже сейчас ясно, что впереди не бесконфликтное получение мирных дивидендов после «холодной войны», а серия жестких конфликтов, затрагивающих органические основы существования мирового сообщества.

Новая система в Азии. Если процессам в Европе предстоит своего рода «линейное» развитие, то события в Азии в XXI веке, утверждают американцы Р. Менон и У. Вимбуш, «не будут следовать заранее спроектированным и получившим предпочтение траекториям. События здесь будут напоминать каскад и породят множество неожиданных последствий. Ключевые государства и отдельные группы получат новые возможности и будут использовать в достижении своих целей новые стратегии... В свете всего этого напрашивается вывод, что союзы, которые так хорошо служили Америке в Азии в течение полувека, могут в предстоящий период дезинтегрировать. Поддержание военного присутствия и политических обязательств станет сложным делом, поскольку содержание необходимой сети баз уже не гарантировано. Возникнут новые центры мощи — Китай, Япония и Индия, они совместно с США создадут новый баланс сил, мало напоминающий структуру конца двадцатого века»[376].

Китайское правительство крайне враждебно встретило модернизацию американо-японского договора безопасности, особенно когда стало ясно, что японцы отказались признать, что Тайваньский пролив не входит в «акваторию, окружающую Японию» (где Япония готова помогать американским войскам в случае кризиса)[377].

То, что в Азии не существует системы коллективной безопасности — во многом результат сознательного американского отношения к этой проблеме. Вашингтон предпочел подписание двусторонних соглашений многосторонним, это обеспечивало американское доминирование в регионе в целом. Но со временем, прежде всего с укреплением сил Китая, эта простая система потеряла свою надежность. Возникает противоречие, выходящее не только на региональный, но и на глобальный уровень.

1. Двусторонняя американская дипломатия в случае ужесточения американо-китайских отношений постепенно создаст в Азии ситуацию «нулевой суммы» в области безопасности, когда приобретения одной стороны означают потерю другой. Скажем, когда в Вашингтоне выработали план передачи части ракетной технологии Японии (оправданиями официально служили ракеты Северной Кореи), Китай воспринял это как возникновение новой угрозы, посягающей на китайские стратегические силы сдерживания, как шаг в антикитайском направлении, как часть антикитайского окружения. Разумеется, таковыми же в Пекине рассматриваются все проекты создания американской противоракетной обороны.

2. Та же игра с «нулевой суммой» делает для Вашингтона исключительно сложной выработку стратегии по нейтрализации

региональных амбиций Китая. Если США будут слишком энергично реагировать на потенциально силовые действия Китая — скажем, давление на Тайвань — то это усиливает китайское чувство, что Вашингтон отказывает китайцам в их исконных правах как великой державы региона. С другой стороны, слабая (или ее отсутствие) реакция Соединенных Штатов воспринимается соседями Китая как сигнал о дипломатическом наступлении Китая, которому следует либо подчиниться, либо начать противодействие в экономическом и военном отношении. Последнее тем более основательно, чем очевиднее становится начавшаяся гонка вооружений в Азии. Напомним, что налицо резкое увеличение военных расходов в Азии: Индия увеличила в 2000 фин. г. свои военные расходы на 30%, КНР — на 12,8%. Военное усиление Японии может быть воспринято Китаем как сигнал к следующему витку региональных военных усилий, в которых Китай очевидным образом претендует на роль самой мощной военной державы.

3. Отсутствие многосторонней системы ослабит возможности американского воздействия на Китай и Японию. Сближаясь с Китаем, США неизбежно вызовут ухудшение американо-японских отношений. Не желая последнего, Вашингтон сделает шаги по сближению с Токио, базируясь на двустороннем договоре безопасности, но это немедленно воспримется как антикитайский шаг в Пекине. При этом и растущий гигант — Южная Корея, получающая все больше шансов объединить свой полуостров, воспримет это дипломатическое танго как прямую угрозу своим интересам.

Едва ли создание азиатской системы коллективной безопасности сразу разрешило бы местные азиатские проблемы. Но без нее велика вероятность «динамического развития событий, которые поведут в будущем к многосторонней гонке вооружений между Китаем, его соседями и Соединенными Штатами. И в торговле давление поднимется ввиду вероятия девальвации соперничающих валют и создания внутрирегиональных торговых барьеров; это давление может перелиться в сферу безопасности»[378].

Значительная часть американского политического спектра уже увидела призрак следующего глобального противника на горизонте. Противодействие историческим тенденциям — всегда сложное предприятие. Глобальная диффузия мощи, сокращающиеся возможности однополярности, подъем Европейского союза и Китая, неуклонное обращение американского правительства к внутренним проблемам, ежегодный дефицит текущих расходов почти в четверть триллиона долларов[379] заставляют предполагать ослабление влияния США в мире и возникновение нескольких параллельных центров.

Фактор России. Для России такая ситуация таит как потенциальные опасности, так и новые возможности. При любом варианте развития событий Россия, в силу характера своего географического положения, особенностей своей культуры и этнографического состава, может быть вовлеченной — даже против своей воли — в ситуацию потенциального противостояния. При этом оба складывающихся полюса объективно заинтересованы в привлечении на свою сторону России.

При неблагоприятном для Запада развитии событий, активном формировании независимого центра с отчетливо проявившимся сепаратным курсом логичным было бы предположить будущее стремление Запада заручиться поддержкой России, а при неблагоприятном же стечении событий постараться сделать ее своим официальным союзником и, возможно, форпостом наблюдения и воздействия как в бассейне Тихого океана, так и на северо-востоке Евразии. Приверженность российского руководства западной демократической традиции, определяемая частично зависимостью нынешней экономики России от экономической помощи Запада, ее стремление участвовать в международных организациях, опасения перед ростом регионализма или исламского фундаментализма и ряд других факторов могут составить основу нового «геополитического» сближения позиций России и Запада.

Но нельзя исключить и возможности того, что внутренняя эволюция в России, недовольство расширяющим свой военный арсенал Западом, ограниченные возможности внутреннего развития и внешней поддержки могут привести к тому, что Китай и его партнеры будут в возрастающей степени рассчитывать на Россию, как на потенциального партнера. Заметим, что объем внешней торговли России и Китая за последние годы увеличился существенно, нарастает — весьма интенсивно (в отличие от стагнации на западном направлении). Стороны не достигают намеченной большой обшей суммы двусторонней торговли в 20 млрд. долларов, но впечатляет и достигнутый рубеж в 7 млрд. Будет расти товарообмен в приграничных районах двух стран. Объективно говоря, если Запад проявит недальновидную жесткость, стараясь усилить влияние на прежних российских союзников, заблокирует пути к реальному компромиссу в вопросе о расширении североатлантического блока за счет восточноевропейских стран, то на сторону сторонников укрепления «евразийского противовеса» встанут и прежде сугубо прозападные силы.

Простых путей впереди нет. На определенном этапе Россия могла бы получить некоторые дивиденды, оказывая содействие

Востоку или Западу. Привлекательная сторона союза с Россией известна. Китаю улучшение отношений с Россией могло бы помочь в случае противоречий с Соединенными Штатами, Японии дружественность России помогает в сдерживании КНР. Южная Корея хотела бы благожелательности Москвы для сдерживания Северной Кореи. Эти обстоятельства в определенной мере увеличивают возможности России.

В то же время данью реализму было бы предположение, что в случае непродуманного дрейфа в ту или иную сторону Российская Федерация могла бы оказаться «между молотом и наковальней». Пока не закрыты основные возможности, но, при продолжении уже обозначивших себя тенденций, время перестанет быть союзником России — необходимость определения выбора окажется более императивной. Этот выбор между охраняющим статус-кво Западом и меняющим мировой расклад сил Востоком повлияет не только на геополитический расклад сил в формирующемся мире будущего, но и на будущую самоидентификацию России.

ИСТОЧНИКИ ВТОРОЙ ЧАСТИ

[1] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 219-220.
[2] Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7).
[3] Grook C. Gambling on the new economy (In: The World in 2000. The Economist Publication. London, 1999, p. 14).
[4] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 37.
[5] Wilkinson D. Unipolarity Without Hegemony.(«International Studies Review», Summer 1999, p.152).
[6] Ibidem.
[7] Wilkinson D. Unipolarity Without Hegemony.(«International Studies Review», Summer 1999, p.155).
[8] Rosenau J. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. Cambridge, 1997, p. 103-114; Wilkinson D. Unipolatity Without Hegemony («International Studies Review», Summer 1999, p. 141).
[9] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 55).
[10] Falk R. World Orders, Old and New («Current History», January 1999, p. 20).
[11] Ikenberry J. America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).
[12] Rose G. Present Laughter or Utopian Bliss? («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 43).
[13] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 41).
[14] Tucker R. Alone or With Others. The Temptations of Post-Cold War Power («Foreign Affairs», November/December 1999, p. 19).
[15] «The National Interst», Spring 2000, p. 75.
[16] См.: Maynes Ch. W. U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 13).
[17] Maynes Ch. W. U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 13).
[18] General Graves B. Erskine Distinguished Lecture, Marine base at Quantico, VA, February 23, 1998.

[19] Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 12).
[20] Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 47).
[21] Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 48-51).
[22] Haass R. The Reluctant Sheriff. N.Y.: Council on Foreign Relations, 1997.
[23] Abrams E. To Fight the Good Fight («The National Interest», Spring 2000, p. 75).
[24] Maynes Ch. W. U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 15).
[25] Maynes Ch. W. U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 14).
[26] Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).
[27] Maynes Ch. W. U.S. role in the world: what are the choices? («Great Decisions 2000». W., 2000, p. 16).
[28] Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 26).
[29] «International Journal», Winter 1998-9, p. 23.
[30] Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 23).
[31] «The National Interest», Spring 2000, p. 76.
[32] Walker M. The President They Deserve. London: Vintage Books, 1997, p. 365.
[33] Krauthammer Ch. What's Wrong with the «Pentagon Paper?» («Washington Post», March 13, 1992, p. A25).
[34] Kristol W. and Kagan R. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy («Foreign Affairs», July/August 1996, p. 23.
[35] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p.61).
[36] Waltz K. The Origins of War in Neorealist Theory («Journal of Interdisciplinary History», 1988, N 4, p. 615-628).
[37] Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p. 35).
[38] Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p.29).
[39] Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World («International Security», Summer 1999, p. 31).
[40] Brzezinski Zb. A Geostrategy for Eurasia («Foreign Affairs», September/October 1999, p. 58).
[41] Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 55.
[42] Rodman P. The World's resentment («The National Interest», Summer 2000, p. 33).
[43] Heisburg F. American Hegemony? Perceptions of the US Abroad («Survival», Winter 1999-2000, p. 16).
[44] Sanger D. US is 80-Pound Gorilla («International Gerald Tribune», July 19, 1999).
[45] Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997.

[46] Prentice E.-A. Cost of NATO Damage Estimated at $29 bln («The Times», July 7, 1999).
[47] См. «Survival», Winter 1999-2000, p. 9.
[48] America's Place in the World II. Washington: Pew Research Center for the People and the Press. October 1997, p. 3, 26.
[49] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 220-221.
[50] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 223.
[51] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 36-41.
[52] Huntington S. The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 40).
[53] Wills G. Bully of the Free World («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 56).
[54] Paarlberg R. The Global Food Fight («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 35-36).
[55] Rose G. Present Laughter or Utopian Bliss? («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 43).
[56] Schlesinger A. The Disuniting of America^ Reflections on a Multicultural Society. N.Y., 1992, p. 118.
[57] Цит. по: «Foreign Affairs», September/October 1997, p. 38-39.
[58] The World in 2000. The Economist Publications. London, 2000, p. 54-55.
[59] Цит. по: «Foreign Affairs», September/October 1997, p. 40.
[60] Huntington S. The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 42).
[61] Huntington S. The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 35).
[62] American National Interests. A Report from the Commision on America's National Interests. Cambridge, Harward University, 1996, p. 1.
[63] Waller D. How Clinton decided on NATO expansion («Time», July 14, 1997).
[64] Schlesinger J. Fragmentation and hubris («National Interest», Fall 1997, p. 17)
[65] Huntington S. Robust Nationalism («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 39).
[66] Huntington S. Robust Nationalism («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 39).
[67] Wills G. Bully of the Free World («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 55).
[68] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p.61).
[69] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 42.
[70] Layne Ch. The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Arise («International Security», Spring 1993, p. 5-51).
[71] Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).
[72] Waltz K. Globalization and American Power («The National Interest», Spring 2000, p. 54).
[73] Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 41.
[74] Wilkinson D. Unipolarity Without Hegemony. («International Studies Review», Summer 1999, p.152).
[75] Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1994.
[76] См: Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987.

[77] Reisman M. The US and International Institutions («Survival», Winter 1999-2000, p. 79).
[78] Snyder G. Alliance Politics. Ithaca, 1997, p. 18.
[79] Wills G. Bully of the Free World («Foreign Affairs», March/April 1999, p. 50.
[80] Zakaria F. The challenges of American hegemony. («International Journal», Winter 1998-9, p. 24).
[81] «The National Interest», Spring 2000, p. 55.
[82] Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 7).
[83] Joffe J. How America Does It («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 13).
[84] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 42-43.
[85] Gurmeet Kanwal. China's Long March to World Power Status: Strategic Challenge for India. («Strategic Analysis», February 1999, p. 1714).
[86] Ibid., p. 44.
[87] «Foreign Policy», Winter 1998/99, p. 31.
[88] World Almanac and Book of Facts, 1999.
[89] Fishman J. The New Linguistic Order. («Foreign Policy», Winter 1998/99, p. 27).
[90] UN Population Division. Department of Economic and Social Information and Policy Analysis/World Population Prospects. N.Y., 1993.
[91] Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 182-183.
[92] Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 376.
[93] Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. 2.
[94] Jervis R. The Future of World Politics (In: Lynn-Jones S. And Miller S.-eds. America's Strategy in a Changing World. Cambridge, 1993, p. 25).
[95] Huntington S. The Erosion of American National Interests («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 34).
[96] Цит. по: Kitfield J. The Falk Who Live on the Hill («National Interest», Winter 1999/2000, p. 50-51).
[97] Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization («National Interest», Summer 1999, p. 13).
[98] Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 10).
[99] Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 20).
[100] Wilkinson D. Unipolarity Without Hegemony.(«International Studies Review», Summer 1999, p. 145).
[101] Kagan R. and Kristol W. Present Dangers: Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy. New York: Encounter books, 2000.
[102] Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 9).
[103] Rodman P. The World's resentment («The National Interest», Summer 2000, p. 33).
[104] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8).
[105] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8).

[106] Цит. по: «Foreifn Affairs», November/December 1999, p. 16.
[107] «Foreign Affairs», July/August 1996, p. 23.
[108] Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 54).
[109] Bracken P. The Second Industrial Age («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p.152).
[110] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 44).
[111] Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 17).
[112] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 7).
[113] Rieff D. Susteining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 93).
[114] Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 12).
[115] Kennedy P. The Next American Century ? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).
[116] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 44).
[117] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 224.
[118] Haas R. The Squandered Presidency. Demanding More from the Commander-in-Chief («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 140).
[119] Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 25).
[120] America's Place in the World II. Wahington DC: Pew Research Center for the People and the Press. October 1997, p. 18.
[121] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 49).
[122] Huntington S. The Lonely Superpower// Foreign Affairs, March/April 1999, P.35.
[123] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8).
[124] Tucker R. The Future of a Contradiction («National Interest», Spring 1996, p. 20).
[125] Renwick N. America's Word Identity. The Politics of Exclusion. New York: St.Martin's Press, 2000, p. 210.
[126] Haas R. The Squandered Presidency. Demanding More from the Commander-in-Chief («Foreign Affairs», May/June 2000, p. 140).
[127] Greider W. Fortress America: The American Military and the Consequences of Peace. N. Y.: Public Affairs, 1998, p. 146
[128] Rieff D. Susteining the Unsustainable («World Policy Journal», Spring 1999, p. 94).
[129] Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 152.
[130] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 6).
[131] «World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 2.
[132] Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly»,

Autumn 1999, p. 13).
[133] Joffe J. How America Does It («Foreign Affairs», September/October 1997, p. 20).
[134] Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 19).
[135] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 102.
[136] Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 63).
[137] Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 26).
[138] Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 13).
[139] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 50).
[140] Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p. Haass R. The Reluctant Sheriff. The United States After the Cold War. N.Y., 1997, p.6.
[141] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 44).
[142] Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 81).
[143] Ikenberry J. America's Liberal Hegemony («Current history», January 1999, p. 26).
[144] Conquest R. Toward an English-Speaking Union («The National Interest», Fall 1999, 65).
[145] Conquest R. Toward an English-Speaking Union («The National Interest», Fall 1999, 67).
[146] «The National Interest», Fall 1999, 68.
[147] Black C. Britain's Atlantic Option. And America's Stake. («The National Interest», Spring 1999, p. 19.
[148] Black C. Britain's Atlantic Option — And America's Stake («The National Interest», Spring 1999).
[149] Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 91-92).
[150] Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 14).
[151] Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 67).
[152] Huntington S. The Lonely Superpower// Foreign Affairs, March/April 1999, P.48
[153] Brown M. Minimalist NATO. A Wise Alliance Knows When to Retrench// Foreign Affairs, May-June 1999, p. 217.
[154] Hunter R. Maximizing NATO. A Relevant Alliance Knows How to Reach// Foreign Affairs, May-June 1999, P.190
[155] Brown M. Minimalist NATO. A Wise Alliance Knows When to Retrench// Foreign Affairs, May-June 1999, p. 211.
[156] «Foreign Affairs», May-June 1999, p. 205.
[157] Brown M. Minimalist NATO. A Wise Alliance Knows When to

Retrench// Foreign Affairs, May-June 1999, p. 206.
[158] House of Commons. Session 1998-99. Report: The Future of NATO: The Washington Summit. London, 1999, p. XIII.
[159] Hunter R. Maximizing NATO. A Relevant Alliance Knows How to Reach// Foreign Affairs, May-June 1999, P.197
[160] Brown M. Minimalist NATO. A Wise Alliance Knows When to Retrench// Foreign Affairs, May-June 1999, p. 206.
[161] Ibid., P.198
[162] Brown M. Minimalist NATO. A Wise Alliance Knows When to Retrench// Foreign Affairs, May-June 1999, p. 206.
[163] Brown. Op. cit., P.200.
[164] Hunter R. Maximizing NATO. A Relevant Alliance Knows How to Reach// Foreign Affairs, May-June 1999, P. 201.
[165] House of Commons. Session 1998-99. Report: The Future of NATO: The Washington Summit. London, 1999, p.VIII.
[166] House of Commons. Session 1998-99. Report: The Future of NATO: The Washington Summit. London, 1999, p.XXII.
[167] The NATO Summit and its Implications for Europe/ Report by Tom Cox MP submitted to the WEU. Brussels, 1998, p. 3
[168] House of Commons. Session 1998-99. Report: The Future of NATO: The Washington Summit. London, 1999, p.XXIII.
[169] «Foreign Affairs», May-June 1999, p. 201.
[170] Brown M. Minimalist NATO. A Wise Alliance Knows When to Retrench// Foreign Affairs, May-June 1999, p. 208.
[171] Brown M. Minimalist NATO... p. 209.
[172] Brown M. Minimalist NATO... p. 211.
[173] Brown M. Minimalist NATO. A Wise Alliance Knows When to Retrench// Foreign Affairs, May-June 1999, p. 209.
[174] Brown M. Minimalist NATO... p. 211.
[175] Brown M. Minimalist NATO... p. 213.
[176] Brown M. Minimalist NATO... p. 210.
[177] «Foreign Affairs», May-June 1999, p. 214.
[178] Deutch J., Kanter A., Scowcroft B. Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, p. 54-55).
[179] Europaische Sicherheit. Band 43, N 3, Marz 1999, S. 10
[180] House of Commons. Session 1998-99. Report: The Future of NATO: The Washington Summit. London, 1999, p.XXII.
[181] Seventh Report, Session 1997-98. Aspects of Defence Procurement and Industrial Policy, HC 675, p. XXIX.
[182] «Economist», December 12, 1998, p. 20.
[183] Hunter R. Maximizing NATO... p. 203.
[184] Brown M. Minimalist NATO... p. 217.
[185] Hunter R. Maximizing NATO... p. 203.
[186] Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 14).
[187] Kennedy P. The Next American Century ? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 58).
[188] Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal»,

Fall 1999, p. 20).
[189] Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 11).
[190] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 276.
[191] Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 23).
[192] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 100.
[193] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 102.
[194] Haas R. The Squandered Presidency. Demanding More from the Commander-in-Chief («Foreign Affairs), May/June 2000, p. 140).
[195] Chace J. and Rizopulos N. Toward a New Concept of Nations. An American Perspective («World policy Journal», Fall 1999, p. 8).
[196] Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 21).
[197] Chace J. and Rizopulos N. Toward a New Concept of Nations. An American Perspective («World policy Journal», Fall 1999, p. 2).
[198] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 105.
[199] Huntington S. The Lonely Superpower// Foreign Affairs, March/April 1999, P.35-37
[200] Ibid. p. 163.
[201] Wallerstein I. The Global Picture, 1945-90, and The Global Possibilities, 1990-2025 (In: Hopkins T. and Wallerstein I., eds. The Age of Transition: Trajectory of the World System, 1945-2025. London, 1996).
[202] Aldred K. and Smith M. Superpowers in the Post-Cold War Era. London: Macmillan Press, 1999, p. 94).
[203] «Financial Times», December 19, 1994.
[204] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 59).
[205] Blank S. Russia as Rogue Proliferator («Orbis», Winter 2000, p. 97).
[206] «Jane's Defense Weekly», August 19, 1998, p. 3.
[207] Blank S. Russia as Rogue Proliferator («Orbis», Winter 2000, p. 98).
[208] Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 13).
[209] Segal G. The Coming Confrontation between China and Japan? («World Policy Journal», 1993, N 2, p. 27-32).
[210] Gilson J. Japan and the European Union. A Partnership for the Twenty-First Century? New York: St.Martin's Press, 2000, p. 139.
[211] Yasutomo D. Japan and the New Multilateralism (In: Curtis G. (ed.) Japan's Foreign Policy, London, 1993, p. 338).
[212] Gilson J. Japan and the European Union. A Partnership for the Twenty-First Century? New York: St.Martin's Press, 2000, p. 150.
[213] Gilson J. Japan and the European Union. A Partnership for the Twenty-First Century? New York: St.Martin's Press, 2000, p. 171-172.
[214] Kennedy P. The Next American Century ? («World Policy Journal», Spring 1999, p. 57).
[215] «Economist», January 24, 1999, p.27.
[216] UN Population Division. Dept of Economic and Social Information and Policy Analysis. World Population Prospects. N.Y., 1997.

[217] The World in 1999. The Economist Publications. London, 1999, p.105.
[218] Huntington S. The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March-April 1999, p.45).
[219] Brzezinski Zb. Living With a New Europe («The National Interest», Summer 2000, p. 17).
[220] The World in 1999. The Economist Publications. London, 1999, p.105.
[221] Bergsten F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).
[222] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 253.
[223] Huntington S. The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March-April 1999, p.45).
[224] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).
[225] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).
[226] Deutch J., Kanter A., Scowcroft B. Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, p. 55-56).
[227] Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 78).
[228] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 226.
[229] Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).
[230] Everts S. America and Euroland («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 26).
[231] Rodman P. Drifting Apart? Trends in US-European Relations. Washington: Nixon Center, June 1999.
[232] Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).
[233] «The National Interest», Spring 1999, p. 21.
[234] Deutch J., Kanter A., Scowcroft B. Saving NATO's Foundation («Foreign Affairs», November/ December 1999, p. 59).
[235] Ibid., p. 60.
[236] «Survival», Summer 2200, p. 14.
[237] Pond E. Come Together. Europe's Unexpected New Architecture («Foreign Affairs», March/April 2000, p. 11).
[238] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).
[239] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).
[240] Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 93).
[241] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/1999, p.8).
[242] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 107.
[243] «The New York Times Review of Books», Nov. 18, 1993, p. 3.
[244] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 49).
[245] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert

(«The National Interest», Fall 1999, p. 54.

[246] Pearson S. Total War 2006. The Future history of global conflict. London: Hodder and Stoughton, 1999, p. 3.

[247] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 54.

[248] «World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 8.

[249] Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 34).

[250] «Foreign Affairs», March/April 1999, p. 48.

[251] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 59.

[252] Wallace W., Zielonka J. Op. cit., p. 66.

[253] Layne Ch. Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? («World Policy Journal», Summer 1998, p. 12.)

[254] Burwell F., Daalder I. (eds) The United States and Europe in the Global Arena. London: Macmillan Press, 1999, p. 289.

[255] «International Security», Spring 1992, p. 47.

[256] «International Journal», Summer 1997, p. 404.

[257] Newhouse, J. Op.cit., p. 308.

[258] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 107.

[259] Bergsten F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 20).

[260] «The National Interest», Summer 2000, p. 23, note.

[261] «The National Interest», Summer 2000, p. 28.

[262] Brzezinski Zb. Living With a New Europe («The National Interest», Summer 2000, p. 18, 20-21).

[263] Ibid., p. 17.

[264] Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 22).

[265] Layne Ch. Rethinking American Grand Strategy. Hegemony or Balance of Power in the Twenty-First Century? («World Policy Journal», Summer 1998, p. 66.

[266] Lind M. Pax Atlantica, p. 6.

[267] Everts S. America and Euroland («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7.

[268] Wallace W. and Zielonka J. Misunderstanding Europe («Foreign Affairs», November-December 1998, p. 67).

[269] Ham P. van, Grudzinski P. affluence and Influence. The Conceptual Basis of Europe's New Politocs («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 84).

[270] Ham P. van, Grudzinski P. affluence and Influence. The Conceptual Basis of Europe's New Politocs («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 87).

[271] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 5).

[272] Newhouse J. Europe Adrift. New York, 1997, p. 114.

[273] Huntington S. The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March-April 1999, p. 39).

[274] Reflections on European Policy. Policy Paper. CDU/CSU Parliamentary

Group. Bundestag, Bonn, September 1, 1994.
[275] Lind M. Pax Atlantica. The Case for Euramerica («The World Policy Journal», Spring 1996, p. 1.
[276] Rieff D. Whose Internationalism, Whose Isolationism? («World Policy Journal», Summer 1996, p. 3).
[277] Kristol I. Who now cares about NATO? (« Wall Street Journal», February 6, 1995).
[278] «Foreifn Affairs», November-December 1998, p. 72.
[279] Wallace W., Zielonka J. Op. cit., p. 66.
[280] Steinberg R. Transatlanticism and Multilateralism (In: Burwell F., Daalder I. (eds) The United States and Europe in the Global Arena. London: Macmillan Press, 1999, p. 235).
[281] Burwell F. Cooperation in US — European Relations (In: Burwell F., Daalder I. (eds) The United States and Europe in the Global Arena. London: Macmillan Press, 1999, p. 283).
[282] Calleo. D. An American Skeptic in Europe. («Foreign Affairs», November-December 1997, p. 147).
[283] «The National Interest», Summer 2000, p. 23.
[284] Zoellik R. A Republican Foreign Policy («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 74).
[285] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 268.
[286] Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 152.
[287] Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 187.
[288] World Bank, Global Economic Prospects and the Developing Countries 1993. Washington, 1993 p.66-67
[289] Naisbitt J. Megatrends Asia. N.Y.,1995, p.7.
[290] Halloran R. The Rising East («Foreign Policy», Spring 1996, p. 3-21).
[291] Bracken P. The Second Industrial Age («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 156).
[292] Bracken P. The Second Industrial Age («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 149).
[293] «Economist», March 9, 1996, p.33.
[294] «The National Interest», Summer 2000, p. 35.
[295] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 80).
[296] Halloran R.The Rising East.(«Foreign Policy»,Spring 1996, p. 17)
[297] Lieberthal K. Governing China: From Revolution through Reform.N.Y.,1995, p. 6.
[298] Elling R., Olsen E. A New Pacific Profile («Foreign Policy», Winter 1992-1993, p. 122.
[299] Halloran R. The Rising East («Foreign Policy», Spring 1996, p. 3).
[300] «Foreign Affairs», Nov.,-Dec. 1993, p.74.
[301] Lieberthal K. A New China Strategy («Foreign Affairs», Nov.-Dec.1995, p.41
[302] «Economist», July 31, 1999 (The Road to 2050).
[303] «New York Times», April 21, 1992,p.A10; «New York Times», August 1, 1995, p. A2.
[304] Bernstein R.,Munro R. The Coming Conflict with China. N.Y.,1997,p.23-24
[305] Zi Zhongyun. U.S. — China Relations. Breaking a Vicious Circle

(«World Policy Journal», Fall, 1999, p. 119).

[306] Zi Zhongyun. U.S. — China Relations. Breaking a Vicious Circle («World Policy Journal», Fall, 1999, p. 120).

[307] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 79).

[308] «The National Interest», Fall 1999, p. 73.

[309] IISS, The Military Balance 1998-99. Oxford: Oxford University Press, 1998, p. 165-169.

[310] Shen Zhongchang et al., 21st Century Naval Warfare (In: Pillsbury M. - ed. Chinese Views of Future Warfare. Washington: National Defense University Press, 1998, p. 261-274).

[311] Bracken P. Fire in the East. New York: Harper Collins, 1999, p. 48.

[312] Kynge J., Fidler S. China's Submarine-Launched Missile To Be Tested («Financial Times», June 3, 1999).

[313] Roberts B., Manning R., Montaperto R. China: The Forgotten Nuclear Power («Foreign Affairs», July/August 2000, p. 59).

[314] «Foreign Affairs», July/August 2000, p. 63.

[315] «Foreign Affairs», July/August 2000, p. 57.

[316] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 57).

[317] «Economist», July 31, 1999 (The Road to 2050).

[318] Mann J. How the CIA Tried, and Failed, to Protect Tibetans' Rights («International Herald Tribune», July 7, 1999).

[319] «New York Times», July 10, 1994, p.20.

[320] Gellner E.Up from Imperialism («New Republic,» May 22, 1989, p. 35).

[321] Huntington S. Op cit., p. 114.

[322] «Atlantic Monthly», September 1990, p. 60.

[323] Eikenberry K. Explaining and Influencing Chinese Arms Transfers (McNair Papers, N36, February 1995, Washington, National Defense University, Institute for National Strategic Studies) p.12.

[324] «National Interest», Fall 1994, p. 95.

[325] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston: Harvard Business School Press, 1994, p. 253.

[326] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 84).

[327] Aldred K. and Smith M. Superpowers in the Post-Cold War Era. London: Macmillan Press, 1999, p. 91-92).

[328] Pillsbury M. (ed). Chinese View of Future Warfare. Washington: National Defense University Press, 1997.

[329] Bernstein R.,Munro R.The Coming Conflict with China. N.Y.,1997,p.19.

[330] Roberts B., Manning R., Montaperto R. China: The Forgotten Nuclear Power («Foreign Affairs», July/August 2000, p. 53-54).

[331] Halloran R.The Rising East.(«Foreign Policy»,Spring 1996, p. 17)

[332] Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 11).

[333] Bernstein R.,Munro R.The Coming Conflict with China. N.Y.,1997,p.19.

[334] Carpenter T. and Dorn J. (eds). China's Future. Constructive Partner or Emerging Threat? Cato Institute, 2000.

[335] Lanxin Xiang. The Chinese Military: Problems of Modernization. PSIS

Ocasional Papers, N 3, Geneva, 1999.
[336] Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.,1996, p.183.
[337] Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p.133).
[338] Ibidem.
[339] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 276.
[340] Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 56).
[341] Schwenninger S. American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 60).
[342] Lieberthal K. A New China Strategy («Foreign Affairs», Nov.-Dec.1995, p.36.
[343] Bernstein R., Munro R. The Coming Conflict with China. N.Y.,1997,p.12.
[344] Colin S.Grey. How Geography Still Shapes Security («Orbis», Spring 1996, p. 26).
[345] «The Bulletin of Atomic Scientists», Jan.-Feb.1997, p.18-19.
[346] Nye J. The Case for Deep Engagement («Foreign Affairs», July-August 1995, p.102.
[347] Johnson Ch. The Chinese Way («The Bulletin of Atomic Scientists, January — February 1997, p. 22).
[348] Ibid., p. 23.
[349] Lilly J., Ford C. China's Military: A Second Opinion («The National Interest», Fall 1999, p. 71).
[350] Lilly J., Ford C. China's Military: A Second Opinion («The National Interest», Fall 1999, p. 72).
[351] Seib G. Another Threat Looms: China As New Demon («Wall Street Journal», May 26, 1999.
[352] Ibid., p. 57.
[353] Tucker N. China and America: 1941-1991 («Foreign Affairs»,Winter 1991-92, p. 92.
[354] Meisner M. The Deng Xiaoping Era. An Inquiry into the fate of Chinese Socialism, 1978-1994. N.Y., 1996.
[355] Carlisle Ch. Is the World Ready for Free Trade? («Foreign Affairs», Nov.-Dec.1996, p.121.
[356] «The Economist», June 27, 1998, p. 25.
[357] Rose G. Present Laughter or Utopian Bliss? («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 45).
[358] Yasheng Huang. Why China Will Not Collapse («Foreign Policy», Summer 1995, p. 50).
[359] Lieberthal K. A New China Strategy, p.36.
[360] Brzezinski Zb. A Geostrategy for Eurasia («Foreign Affairs», September/October 1999, p. 58-59).
[361] Goldstone J. The Coming Chinese Collapse («Foreign Affairs», Summer 1995, p.36).
[362] Ross R. Beijing as a Conservative Power.(«Foreign Affairs», March-April 1997, p. 34.
[363] Pfaff W. The Coming Clash of Europe with America

(«World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 1).

[364] Gill B., O'Hanlon. China's Hollow Military («The National Interest», Summer 1999).

[365] Gill B., O'Hanlon. China's Hollow Military («The National Interest», Summer 1999).

[366] Schwenninger S. American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 63).

[367] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 110.

[368] «Foreign Affairs», May/June 2000, p. 134.

[369] Ibid., p. 161.

[370] Aldred K. and Smith M. Superpowers in the Post-Cold War Era. London: Macmillan Press, 1999, p. 94).

[371] «Foreign Affairs», July-August 1995, p. 112.

[372] Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 55).

[373] Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 13).

[374] Ibidem.

[375] Halloran R. The Rising East («Foreign Policy», Spring 1996, p.3).

[376] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 85).

[377] Aldred K. and Smith M. Superpowers in the Post-Cold War Era. London: Macmillan Press, 1999, p. 94-95.

[378] Schwenninger S. American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 63).

[379] OECD Economic Outlook, June 1999, p. 41.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 14

МНОГОПОЛЮСНЫЙ МИР

Осуществлять гегемонию в современном пестром мире непросто. Государства неравновелики, соответственно разнится степень их влияния. Из примерно 200 современных государств 87 населены менее чем 5 млн. человек, 58 государств насчитывают менее 2,5 млн., а 35 государств — менее полумиллиона[1]. Может ли суверенный атолл Науру с населением 8 тыс. человек быть равным странам с многомиллионным населением? А движение за национальное самоопределение ставит вопрос уже о нескольких тысячах (!) новых субъектов мировой политики[2]. Это дробление ослабляет основную массу государств — кроме самых мощных, которые получают шанс снова войти в воды мировой политики.

Полицентричная система. Соединенным Штатам, при всем их могуществе, не удалось создать такого мирового порядка, который делал бы предпочтительной благожелательную гегемонию и обесценивал бы интерес нескольких очевидных претендентов на владение собственной сферой влияния. В частности, «отношения США в области безопасности с Россией и Китаем не обнадеживают. Обнажились серьезные разногласия с Россией по поводу расширения НАТО, противоракетной обороны, распространения средств массового поражения, каспийской нефти. Очевидны трения с Китаем по поводу Тайваня, Тибета, гражданских прав, средств массового поражения, распространения ядерного оружия, регионального ПРО, шпионажа и экономической политики. Война между НАТО и Сербией, бомбардировка китайского посольства в Белграде и даже концепция «гуманитарной интервенции» усилили существующие противоречия»[3]. В мировой эволюции обнажились серьезные противоречия, по многим параметрам не совпадающие с желательным Америке развитием событий.

Реализм требует критически подойти к объединяющим началам и по достоинству оценить факторы разъединения, своекорыстия, эгоистической самососредоточенности государств. Даже адепты глобализации признают, что граждане готовы умереть за свою страну, но не за свою корпорацию. Именно суверенное государство может защитить свою легитимность и влияние, а это значит, что сильные государства постараются отстоять роль региональных центров. Государства, претендующие на «свой полюс», не откажутся от усилий по выходу из-под крыла любого опекуна — таков урок новейшей истории.

Критические умы даже в США приходят к выводу: «Если ни мировое правительство, ни возглавляемая Америкой система обеспечения безопасности не способны дать достойные гарантии, тогда международный мир должен стать предметом совместной ответственности небольшой группы государств, каждое из которых возьмет на себя обязательство поддерживать мир в подведомственном регионе»[4]. Немалое число аналитиков соглашаются с американским политологом П. Тейлором, который видит в будущем «мозаику национальных экономик, остающуюся основой мира вопреки массивной глобализации не в меньшей степени, чем при Адаме Смите и Дэвиде Рикардо»[5]. Как пишет видный американский политолог К. Уолтс, «всем, кроме жертв близорукости, на горизонте видна многополярность... Более слабые государства системы будут стремиться восстановить баланс, повернуть систему к биполярности и многополярности»[6].

Аналитики английского журнала «Экономист» считают, что к середине будущего века ситуация будет напоминать существовавшую до начала холодной войны и мощь будет распределена по политической карте мира более равномерно, чем ныне.

Способность обеспечить гарантированный ответный ядерный удар начала служить сдерживающим средством против самых могучих держав. Великий упроститель — ядерное оружие — предлагает крупным государствам шанс возвращения к статусу мировых центров. Формированию многополюсного мира будет содействовать распространение средств массового поражения (СМП), прежде всего ядерного оружия (освобождающего от необходимости в создании дорогостоящих армий и флотов). Политическая структура многополюсного или полицентричного мира будет состоять, полагают многие эксперты, из «автономных центров, обладающих собственной, отчетливо выраженной культурой, имеющих собственный арсенал ядерного оружия и космические системы,... Каждый из центров обзаведется собственной сферой влияния. Это будет вариант, близкий к классическому типу баланса сил»[7]. Конкретной реализацией этого процесса является становление трех блоков: *Европейского союза, Северо-*

американская зона свободной торговли (НАФТА) и *восточноазиатской* группировки. Скажем, Массачусетский технологический институт предсказывает формирование «трехполюсного мира, основанием которого явятся Япония, Европейский Союз и Соединенные Штаты»[8]. Другая группа аналитиков: «Азия, Европа и обе Америки возникнут как региональные экономические блоки соответственно во главе с Японией, Германией и Соединенными Штатами. Остальной мир во все возрастающей степени будет зависеть от этих трех ключевых регионов в плане технологического развития»[9].

Прорицатели многополярного мира видят к середине XXI века сообщество титанов. Канцлер ФРГ Коль говорил в Лувэне в 1996 году о мире трех примерно равных по силам блоков — Соединенные Штаты, Восточная Азия, Европейский союз. «Его (канцлера Коля.— *А. У.*) политические наследники едва ли настроены миролюбивее и дружественнее»[10].

Немалое число аналитиков не верят в наднациональные объединения типа Европейского союза. Они полагают, что к глобальному возвышению, помимо США, пойдут суверенные государства, прежде всего *Китай*[11]. «Еще четырьмя претендентами на роль великих держав являются: *Европа*, если она решит отойти от Америки и увеличить вдвое-втрое свои военные расходы на создание вооруженных сил, равных американским; *Россия*, если китайское давление не бросит ее в объятия Запада; *Япония*, если она выйдет из-под защиты Америки и готова будет соревноваться с Китаем; и, возможно, *Индия*»[12].

Ряд футурологов призывают учитывать возрастающую роль Азии в глобальной экономике и особо выделяют Японию, Китай и Индию. В руках этих стран возможности, которые европейский ум еще с трудом постигает. Другая группа футурологов дает шанс ведущим европейским странам. «В очень недалеком будущем, скажем, в течение ближайших 10-20 лет,— пишет американский исследователь К. Уолтс,— три политические силы могут вырасти до статуса великих держав — Германия или сформировавшееся Западноевропейское государство, Япония и Китай»[13]. Классик современной политологии С. Хантингтон предсказывает выявление трех уровней стран: американская мировая сверхдержава — главные региональные державы (Бразилия, Индия, Южная Африка, Нигерия, Иран, Китай и, возможно, Япония, Россия, Франция, Германия) — второстепенные региональные державы (Аргентина, Пакистан, Южная Корея, Украина, Британия)[14].

Признавая огромную значимость Соединенных Штатов как колоссального инвестора, торгового партнера и стратегического гиганта, эти страны желают утверждения своей независимой роли.

Этому может послужить укрепление связей между собой, интенсификация торговых отношений внутри своих регионов, укрепление связей с другими регионами. Отдавая дань реализму американских политологов, нужно подчеркнуть, что они ощущают «холод отчуждения» союзников и не придают особого значения декларациям относительно «стратегического партнерства», «специального статуса» этих стран в мировидении Америки. Так, республиканский теоретик Р. Зеллик указывает, что «ни Китай, ни Россия не являются «стратегическими партнерами» Соединенных Штатов... Эти две великие державы, чье будущее столь неопределенно, находятся в напряженных или потенциально напряженных отношениях с США, и эти отношения становятся все более жесткими»[15].

Об объединенном потенциале Европы мы говорили в предшествующей главе. Но и отдельные крупные европейские страны имеют ресурсы усилить свою значимость в качестве независимых центров.

Франция. Такие страны, как Франция (ВНП в 2000 году — полтора триллиона долларов), традиционно подчеркивают свое противостояние Америке. Французы — признанные противники международной системы, держащейся на всемогуществе единственной *гипердержавы*. Париж готов участвовать в формировании контрбаланса. Биограф цитирует слова французского президента Ф. Миттерана: «Возможно не все население Франции знает это, но мы находимся в состоянии войны с Америкой. Да, постоянной войны, войны не на жизнь, а на смерть, экономической войны, войны без конца. Да, они очень сильны, эти американцы, они поглощают все, они желают иметь неразделяемую ни с кем власть над миром»[16]. Подобные же идеи выражает премьер Лионель Жоспен. Президент Ж. Ширак превозносит будущую победу «европейских ценностей» над идеологией американского консерватизма.

Министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин назвал Соединенные Штаты «гипердержавой» и огласил готовность своей страны стремиться к созданию надежного контрбаланса. Необходимость движения к нему Ведрин назвал «самоочевидной аксиомой»: «Не имея сдерживающего противовеса, Соединенные Штаты испытывают искушение проявлять себя гегемоном. Политика Франции заключается в том, чтобы способствовать созданию нескольких полюсов, способных обеспечить равновесие»[17].

Франция является лидером сил, борющихся против глобализации, ставя вопрос так: «англосаксонская глобализация» против сохранения национальных и культурных ценностей. Выражая подспудные страхи, пожелания и опасения других стран, полити-

ка Парижа воздействует на европейскую интеграцию и на международное антиглобализационное движение. Французы говорят не о потенциальных жертвах системы свободной торговли, не о компаниях, теряющих значение в мировом соревновании, а о глобальных заботах — защите окружающей среды, демократии, гражданских прав и культуры: глобализация отвратительна тем, что убивает само основание претензий Франции на существование в качестве одного из мировых центров — на уникальную французскую культуру. Наиболее влиятельная французская газета «Монд» подчеркивает, что «красные и желтые цвета «Макдоналдса» являются новым вариантом звездно-полосатого американского знамени, чья торговая гегемония угрожает сельскому хозяйству и чья культурная гегемония сокрушает все на своем пути, даже манеру питаться,— священные черты французской идентичности»[18].

Защита подобных идей, пишет французская исследовательница, «дает Франции возможность найти новую мировую роль в качестве лидера оппозиции глобализации. Поступая таким образом, Франция провозглашает себя защитником развивающегося мира. Французские интеллектуалы, ученые и политики с готовностью указывают на возрастающее неравенство богатых и бедных стран как побочный продукт глобализации и постоянно повторяют, что у Франции есть священная обязанность бороться с этими тенденциями ради наиболее обездоленных нашей планеты»[19]. В результате Франция получает пояс государств-последователей помимо традиционного круга стран-франкофонов.

Париж теперь уже изнутри военной организации НАТО — и частично поддерживаемый гласно и негласно Федеративной Республикой Германией — стремится подготовить переход от натовского единоначалия. Франция — как в старые голлистские времена — выступила главным выразителем западноевропейских интересов. «Франция,— полагают эксперты британской палаты общин,— придерживается той точки зрения, что формирование европейской оборонной идентичности должно быть независимым процессом, а не шагом в укреплении трансатлантического союза»[20]. Усилиями президента Ширака, показавшего прямое противодействие американцам, была сделана оговорка о «североатлантическом характере» НАТО, что снизило декларативную значимость объявления Североатлантическим союзом своего выхода за пределы традиционной географически ограниченной зоны. Президент Ширак «зарезервировал» возможность потенциального развития Западноевропейского союза как вооруженной организации Европейского союза. Главное, он отстоял возможность в гипотетическом будущем заменить американский контингент в западноевропейском регионе для решения сугубо европейских дел.

Франция стремится положить серьезное основание под подобные геополитические схемы. В XXI веке она будет продолжать развитие стратегической триады. Военный бюджет страны в 2000 году составил 27 млрд. долл. В феврале 2000 года министр обороны А. Ришар предложил соседним европейским странам расходовать на капитальное военное строительство 0,7% от ВНП, что предусматривает значительное военное укрепление региона[21].

Британия. Британское правительство, очевидным образом опасаясь германской гегемонии в Европе, прежде традиционно стремилось сохранить привилегированные отношения с США, выступая в роли наиболее преданного и эффективного американского союзника в Европе. И в новые времена англичане поддержали фиксирование новой, «над-ооновской роли» Североатлантического союза, глобальное распространение его функции. Они не бросались на защиту интересов европейской половины блока, не предлагали своих проектов создания механизмов сдерживания американского влияния в Европе. Более того, они явственно выразили нежелание «рассоединения» двух частей НАТО, нежелание ухода американцев (особенно из Германии). И, конечно же, безоговорочно и действенно поддержали балканскую политику Вашингтона.

Но ветер перемен задул и в британские паруса. Британское самоутверждение базируется на двухпартийной основе: лейбористы в Британии сделали определенный крен в направлении западноевропейского центра, а часть антиамерикански настроенных тори выражают свое недовольство «вульгарной Америкой»[22]. Историк Х. Тревор-Ропер и многие другие призывают консолидировать национальные усилия, а не поддаваться давлению сепаратизма, ослабляющего шансы возвышения страны как независимого международного центра. Историк обвинил премьер-министра Т. Блэра в том, что тот «не интересуется историей. Временами кажется, что он готов пустить по ветру историю последних 300 лет, представивших конструктивную альтернативу европейской централизации власти. Союз с Шотландией, который он расторгает, является частью пересмотра нашей конституции. Обе перемены более важны по своим последствиям, чем он себе представляет»[23].

Новые лейбористы стараются компенсировать национальную мощь более самостоятельной политикой. Пришедшие к власти в Лондоне в 1998 году лейбористы сразу же показали иной подход к проблеме на саммите ЕС в Портшахе (Австрия) в октябре 1998 года — упрекнули своих коллег в том, что их внешняя и оборонная политика отмечена «слабостью и смятением» и поэтому «неприемлема». Блэр начал говорить о нескольких возможных вариантах будущего развития Западноевропейского союза как военного

крыла ЕС. Британский премьер к удивлению многих начал настаивать на создании современных и гибко действующих европейских вооруженных сил. Перемена в британской позиции подстегнула французов.

Выступая в Королевском военном институте 8 марта 1999 года, премьер-министр Блэр призвал Европейский союз к собственным европейским усилиям, чтобы быть готовым к вызовам XXI века. Британия также настороженно относится к процессу расширения НАТО и требует того, чтобы между первой волной вступлений и последующими состоялась пауза, которая позволит установить степень «усвояемости» новых членов.

Британия расходует в мирное время на военные нужды 589 долл. на жителя страны при общем уровне ЕС в 333 доллара (США — 1016 долл.). Доля расходов на собственно вооружения одна из самых высоких в Европе — 39,6% военного бюджета[24]. Она содержит современные ядерные подводные лодки и хорошо подготовленную армию. О движении в этом направлении говорит новое желание Британии возглавить формирование коллективной военной политики, признание в Европе своего отставания в военной сфере — что ярче прочего продемонстрировала югославская операция. Бывший военный министр в британском консервативном кабинете М. Портильо видит в тяге к Европейскому политическому союзу политику, которая «в лучшем случае является не-американской и совершенно возможно станет антиамериканской»[25].

Германия. Прежнее особое политическое положение Франции как основного мотора западноевропейского развития, как *«первой среди равных»* теперь переходит к Германии. Она получает уникальный исторический шанс. *«Впервые,*— справедливо указывает Дж. Ньюхауз,— *Германия окружена ориентирующимися на нее соседями и рынками. С Австрией, большинством скандинавских стран, вошедшими в ЕС, и с Бенилюксом, уже входящим в Европейский союз, Германия находится в центре неформальной, но отчетливо обозначившейся группы стран; Бонн желает распространить границы этого блока на восток, чтобы включить в него государства Центральной Европы»*[26].

Для реализации объединительных программ ЕС необходим лидер. Европейцы начинают смотреть на эффективную Германию как на такого регионального координатора. В определенном смысле Европейский союз все больше возглавляется социал-демократической Германией, заручившейся отчасти вынужденной поддержкой французов и англичан. Некоторые специалисты в отношении ЕС уже говорят: *«Куда пойдет Германия, туда*

пойдет и Европа». Сами немцы подчеркивают, что география и история поместили ее в центр европейского развития» (любимое выражение бывшего министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера). На новой приливной волне интеграции германская мощь характеризуется в русле идеи, что *«в мире будущего не азиатский блок, а Великая Европа, ведомая Германией, объединяющая высокую технологию Западной Европы с высококвалифицированной рабочей силой послекоммунистического Востока, будет главным экономическим блоком мира»*[27]. Британский дипломат признает: *«Если вы спросите в любой европейской стране, какие связи являются для данной страны самыми важными, ответом неизменно будет — с Германией, хотя и сказано это нередко будет сквозь зубы»*[28].

Уход России из Восточной Европы открыл обширный политический вакуум, в который продолжает входить крупнейшая индустриальная страна континента, что становится твердым основанием для лидерства Германии в новой Европе. Берлин действует достаточно осторожно, не желая повторения ошибок прошлого, не желая раньше времени ожесточать европейское окружение, пытаясь выиграть время за счет «скромного» поведения, за счет сговорчивости сегодня. Как говорят некоторые эксперты, Германия хотела бы *смотреть на Восток и видеть Запад*, то есть за счет укрепления позиций в Восточной Европе повысить свою значимость в Западной Европе.

Немецкие политики вырабатывают новую платформу для национального геополитического подъема. В любом практическом смысле связка Париж-Берлин проецируется как основа западноевропейского центра, особенно если речь идет об отношении к трансатлантическому партнеру. При этом отметим смещение акцентов. На этапе от Аденауэра до Коля речь шла о «европеизированной Германии». При канцлере Шредере встает вопрос о «германизированной Европе». В любом случае, очевидно смещение западноевропейского центра притяжения от оси «Лондон-Париж» значительно восточнее. Но при этом Франция уже не имеет в своих руках ничего похожего на предвоенную «малую Антанту» (Югославия, Чехословакия, Румыния), ни верной себе предвоенной Польши. Все эти страны, раздробленные и ослабленные, перешли на германскую орбиту. Вектор сил совершенно очевиден, интересы главных игроков разнятся буквально диаметрально: Германия устремлена в Центральную и Восточную Европу, а Франция — на Магриб. В противовес французам немцы говорят, что их Алжир лежит на востоке Европы.

Руководство Христианско-демократического союза Германии предупредило французов: *«Никогда более не должна повто-*

риться ситуация с дестабилизирующим вакуумом власти в Центральной Европе. Если европейская интеграция не поможет, то у Германии появится искушение создать собственные инструменты безопасности для стабилизации Восточной Европы»[29]. Это довольно старые аргументы, много раз использованные в XX веке: Германия должна быть щитом Запада на европейском Востоке, а для этого она должна возглавить блок центрально- и восточноевропейских государств, свою старую «Миттельойропу».

Министр иностранных дел Йошка Фишер так определил значимость валютного союза ЕС: «Введение единой валюты является актом не экономической политики, а проявлением суверенности — стало быть преимущественно политическим актом. Объединением своих валют Европа избрала автономную дорогу в будущее»[30]. В мае 1999 года Фишер и министр обороны Р. Шарпинг призвали к быстрому развертыванию общих сил ЕС с целью контроля над конфликтами в Европе *даже без участия Соединенных Штатов*. Косовский конфликт, по мнению Фишера, показал необходимость создания таких сил для обеспечения будущего Европы.

Германия, завершающая внутреннее переустройство и впервые так открыто посылающая свои вооруженные силы за прежние натовские пределы, в общем и целом солидаризировалась с Францией, а не с Британией. На конференции в Мюнхене по проблемам европейской безопасности в феврале 1999 года канцлер Шредер заявил о том, что *«существует угроза проведения Соединенными Штатами одностороннего курса»*. А министр иностранных дел Фишер в американской прессе указал на *«растущую тенденцию в американской политике избегать многосторонних решений, что Европа рассматривает как вызов своей политической власти»*[31]. Стало яснее, чем прежде, что можно говорить о германо-французском кондоминиуме в Европе, значительно расходящемся с линией Лондона на привлечение к европейским делам Вашингтона. Германия все еще опасается быть флагманом европеизма, но она уже, в лице канцлера Шредера, выразила свой «легитимный» интерес к западноевропейскому самоуправлению, где видит для себя место лидера.

Увы, деликатная осторожность не является немецкой добродетелью. Самостоятельность Германии в югославском вопросе уже напугала европейцев в 1991 году, когда германское правительство неожиданно признало суверенитет двух тогдашних республик Югославии, что обрекло югославское государство, но обеспечило германское влияние в Словении и Хорватии. Определенное время после словенско-хорватского выпада Г.-Д. Геншера Бонн вел себя сдержанно и инициативой во время кризиса 1993—1994 годов в

Боснии владели французы с англичанами, затем передавшие эстафету американцам. Но уже в 1999 году в небе над Югославией появились самолеты люфтваффе. А германские танки впервые вышли за границы Североатлантического блока — в Македонию. Не подходит ли к концу период германской сдержанности?

Германия пока не заинтересована в сворачивании американского военного присутствия в Европе: ведь тогда экономическая сверхдержава ФРГ будет определенно зависеть от двух европейских военных сверхдержав — Франции и Британии. Бундесвер уже вышел за зону ответственности НАТО, но ФРГ еще ограничена в военном росте. В косовском вопросе канцлер Шредер выступил энергичным союзником американцев. (Не было ли в этом желания показать, кто в Европе держит ключи от Балкан? В США поневоле вспоминают, что это уже третья за столетие активизация Германии на Балканах.)

В Америке особые претензии к Германии касаются оценки роли США в германском объединении. Не забыли ли в Бонне и Берлине, что в 1989—1990 годах именно американская администрация была той опорой, на которую опирались немцы в процессе германского воссоединения, воспринимавшегося в Париже и Лондоне с таким подозрением? *«Это была более чем поддержка. Президент Буш и его советники проявили большое искусство не только защищая дело объединения немцев перед советским президентом Михаилом Горбачевым, но также сумев заручится его согласием на принятие Большой Германии в качестве интегральной части НАТО. Люди Буша сделали это без дополнительных просьб»*[32]. Париж и Лондон обостренно реагировали на слова президента Буша, что Америка и Германия будут «партнерами по лидерству» (июнь 1989 г.) за четыре месяца до падения Берлинской стены. В Западной Европе остро ощутили опасность возникновения особых американо-германских отношений, в тени которых Париж и Лондон могут играть лишь второстепенную роль.

Но с лета 1991 года утекло много воды. Мир изменился едва ли не радикально. Германское правительство восприняло в «далеких» 1989—1990-х годах американскую поддержку как гарантированную и достаточно быстро позабыло о благодарности. Силою объективных обстоятельств Берлин начал склоняться к более близкому французам самоутверждению. С этого времени относительно малозначительное для США фрондерство французов приобрело новую, гораздо более значимую силу. Американцам пришлось убедиться, насколько удобнее было управлять Североатлантическим союзом в условиях советской угрозы и разделенной Германии. Соединенным Штатам ничего не остается,

кроме как начать процесс адаптации к той новой Европе, где отныне (экономически) главенствует ФРГ.

Президент Клинтон как бы «признал» факт германского лидерства, обращаясь прежде всего к Германии, как к главному американскому контрпартнеру в Европе. Германский валовой продукт — 2,2 трлн. долл. значительно превышает ВНП Франции и Британии — у каждой по 1,3 трлн. И в Германии уже говорят о том, что процесс *«европеизации»* Германии завершился, страна встала во главе основных европейских структур. Произойдет ли *«германизация»* Европы? Невозможно утверждать, что страхи прежних жертв германского динамизма и надежды немцев в данном развитии обстоятельств (когда Центральная и Восточная Европа попадают под немецкое крыло) лишены всяких оснований.

Ряд американских политологов (в частности, Ч. Лейн) обеспокоены тем, что быстрый подъем Германии произведет «ренационализацию» внешней политики в североатлантической зоне и возродит дремлющие германские амбиции. По существу «ренационализация» — это эвфемизм, скрывающий глубокий страх перед отчужденной западноевропейской зоной. Это своего рода благодушие не вечно и американская сторона будет вынуждена прибегать к угрозам и давлению. Напомним, что в связи с проектом создания постоянного военного трибунала для суда над военными преступниками в июле 1998 года представители американской стороны на переговорах в Риме *впервые* угрожали Германии выводом войск из Европы в случае, если Германия проголосует против создания такого трибунала. Тем не менее Германия присоединилась к абсолютному большинству (133 против 2), не поддержавшему американское предложение.

Япония. В XXI в. на место одного из мировых лидеров будет претендовать *Япония* — могучий экономический титан, чей ВНП в 2000 году составил 3,9 трлн. долл. В течение полувека она была самой динамичной страной Азии, главным проводником американского влияния здесь и даже «главной призмой, сквозь которую Соединенные Штаты оценивали свои интересы в регионе»[33]. 90-е гг. оказались потерянным временем страны, периодом стагнации второй экономики мира. У нее ограниченные природные ресурсы, ее население быстро стареет, способность лидеров организовать национальное могущество не вызывает восхищения.

В официальном японском докладе «Япония в XXI веке» говорится: «Если не произвести решительные перемены, Японию ждет глубокий упадок»[34]. Доклад призвал японцев осуществить перемены, равные по значимости революции Мэйдзи и периоду после Второй мировой войны. Но в первом случае революция уничтожила правящий слой в полтора миллиона самураев, а во

втором чистку прошли двести тысяч чиновников. За счет кого собирается обновляться Япония будущего? При этом японские экономические и геополитические стратеги ожидают таких перемен в Азии, которые могут резко усилить уязвимость страны — речь идет о впечатляющем подъеме Китая.

До 1990 года две трети американцев воспринимали Японию как главного претендента на гегемонию в Азии и соперника Америки. В последующее десятилетие значимость Японии уменьшилась значительно. Ныне лишь 45 процентов американцев ныне видят в ней полнокровного конкурента. Но 59% американцев полагают, что в следующем десятилетии Япония восстановит свои позиции[35]. По крайней мере, так было во время революции Мэйдзи и после второй мировой войны. Каковы основания не верить, что Япония найдет в себе силы подняться в третий за полтора столетия раз?

На данном этапе самые растущие в Японии отрасли идентичны американским — сфера высоких технологий и телекоммуникации. В последней наблюдается ежегодный рост в 12 процентов. У Японии появилась своя Силиконовая долина в токийском районе Шибуя (по-японски «еще более хорошая долина»). Возможно, Японии понадобятся еще несколько лет, для того, чтобы выйти из кризисного ступора. Возможно, новая Япония будет еще более конкурентоспособной, она расширит собственный рынок и бросится на все мировые рынки.

Американские исследователи определяют происходящие ныне в Японии процессы как «тихую революцию». По мнению американской исследовательницы Д. Хелвег, «когда Япония встанет на ноги, она сможет бросить вызов Америке сразу на нескольких фронтах. На экономическом фронте, если высокотехнологичные японские компании возглавят новую волну технологического развития — к чему они готовятся — они смогут понизить стоимость акций американских лидеров высокой технологии и занять их место... Упрочившая свои позиции Япония в сфере национальной безопасности может оказаться менее склонной следовать за США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и повсюду в мире. Если Япония изберет новую политическую линию или найдет новых союзников, Соединенным Штатам придется пересматривать свою военную стратегию в регионе — особенно если Япония пересмотрит свою конституцию и создаст постоянную армию. Азиатские страны будут тогда смотреть не на США, а на Японию»[36]. По авторитетным прогнозам примерно через пять лет японская экономическая машина заработает на полных оборотах.

Япония не замерла в стратегической неподвижности. Ведь вся история страны, особенно после революции Мейдзи, являет собой поток удивительных перемен, неожиданной смены курса, постоян-

ного геополитического лавирования. Японская элита не потеряла самообладания, надеясь на перелом неблагоприятной тенденции. Глава японского концерна «Мацусита» Коносуке обратился к иностранным менеджерам с такими словами: «Мы собираемся победить, а индустриальный Запад потерпит поражение; и вы ничего не сможете сделать, потому что причины вашего поражения лежат внутри вас. Вы считаете, что правильным является такое положение, когда боссы думают, а рабочие закручивают гайки. Вы считаете сутью менеджеризма получение идей из голов боссов и передачу их в руки рабочих... Для нас же главное — мобилизация и концентрация интеллектуальных ресурсов всех членов фирмы. Умение узкой группы технократов, сколь бы блестящими они ни являлись, не может быть стабильной основой успеха»[37].

После десятилетней стагнации Япония предпринимает фундаментальные перемены в экономической системе. Изменится система пожизненного найма на работу, внутренней взаимозависимости компаний, система *кейрецу* в поставках. Растет объем иностранных инвестиций. Структурные барьеры, мешавшие стабилизации отношений Токио с Вашингтоном, начинают ослабевать. Реструктуризация японской экономики делает ее могучим конкурентом прежде всего Соединенных Штатов.

Япония опирается на технологическую и экономическую компетентность и политическое единство. В 1997 году премьер-министр Р. Хасимото объявил о том, что «пришло время для Японии начать распространять свои ценности»[38]. Речь идет о самом эффективном защитнике «азиатских ценностей».

Американцы уже отмечают, что для японских политических деятелей стало своего рода рутиной подчеркивать свою автономию от Соединенных Штатов. Немалая часть японских политиков призывают изменить продиктованную американцами конституцию, воздействовать на японскую идентичность (воспринимая ее как мост между Западом и Востоком), постараться найти более весомые рычаги воздействия на Соединенные Штаты, проявить новую активность на форуме ООН, бросить вызов Америке в мировой экономике. Японская пресса была по-своему довольна массовыми выступлениями против США и глобализации в Сиэтле в 1999 году. «Асахи Симбун»: «Развитые и развивающиеся страны сказали *«нет»* Соединенным Штатам, самососредоточенным и слишком гордым собою в качестве единственной сверхдержавы мира»[39].

Японию трудно назвать пигмеем по военной мощи. Начиная с 80-х годов у нее *третий* в мире военный бюджет на совершенствование военной машины. И многие американцы, видимо, ошибаются, усматривая в Японии повторение эволюции ФРГ в ходе хо-

лодной войны против СССР. Однако, в отличие от ФРГ, Япония — островной архипелаг и не ощущает со стороны Китая такой угрозы, которую усматривали западные немцы в отношении Советского Союза. Японцы видят в Китае прежде всего огромный рынок, а не геостратегическую угрозу. Америке было бы трудно заручиться безоговорочной поддержкой Японии в случае регионального конфликта с Китаем. А если наступят действительно тяжелые времена, Япония скорее сможет воспользоваться имеющимися технологическими возможностями и создать собственную систему стратегической обороны.

Не следует недооценивать японский потенциал. Какие бы сложности ни испытывала «страна восходящего солнца», пишет Д. Каллео, «японцы являются главным экономическим соперником Америки в Азии и наши общие торговые отношения находятся в состоянии глубокого конфликта уже много лет... Поэтому никого не должно удивлять, если японцы завершат свою эволюцию, имея очень отличные от американских идеи».

Но у развития страны есть *слабые* места. *Во-первых,* Япония, неядерная и не имеющая стратегической глубины, располагается на стыке интересов трех ядерных держав — Соединенных Штатов, Китая и России (а в будущем, возможно, и объединенной ядерной Кореи). Это весьма уязвимая позиция. Окружение Японии — АСЕАН, Китай, обе Кореи — не готово еще забыть страшный опыт японского гегемонизма. Еще очень значимо восприятие японского динамизма как страшной разрушительной силы.

Распространенным становится мнение, что главным препятствием на пути к овладению статусом сверхдержавы или положения регионального превосходства Японии в Азии является *идеологический* барьер. После окончания второй мировой войны сменявшие друг друга японские правительства не предприняли серьезных и систематических по выработке неких общих для азиатских (или мировых) реалий принципов. Видимо опыт 30—40-х годов произвел неизгладимое впечатление. Англичанин Д. Рэпкин: «Когда вопрос заходит об универсальных нормах, ценностях и главенствующих принципах, которые могли бы служить основаниями будущего мирового порядка, Япония практически никогда не выдвигает искомых положений»[40]. Без приемлемой для геополитического окружения идеологии Японии не поднять свой статус и не выйти на просторы глобальной политики.

Есть и *второе* важное препятствие японскому возвышению. У азиатских партнеров Японии уже возникает насущная потребность «не обидеть Китай» как главную растущую величину. Возникает своего рода соперничество двух азиатских гигантов, и азиатские страны отчетливо понимают, что гегемония одной из

них может негативным образом сказаться на их независимости, росте и влиянии. В отсутствие надежных азиатских союзников Токио не может рассчитывать на повышение своего статуса. Весьма трудно представить себе Токио, дающим гарантии роста, процветания и безопасности своим соседям подобно тому, что обеспечивают США европейским союзникам и Японии в Азии. Токио будет еще долго находиться в тени транстихоокеанского соседа. Мощь Японии в третьем тысячелетии еще долго будет приложением к американской военной машине.

Япония боится военного усиления Китая. Процессы на этом направлении немедленно порождают противодействие. «Все изменилось с передачей Китаю мантии наиболее вероятного противника Соединенных Штатов. Поэтому неудивительно, что Япония становится еще более надежным партнером Соединенных Штатов. Двустороннее соглашение 1997 года укрепило японскую вовлеченность в союз с США в Восточной Азии. Японская элита почувствовала опасность»[41]. М. Мошизуке и М. О'Хенлон констатируют: «Японским военным все еще запрещено осуществлять опасные миссии за пределами национальной территории. Новая доктрина по существу направлена на то, чтобы делать еще эффективнее то, что Япония делала и прежде — действовать совместно с Соединенными Штатами как лидером, при котором Япония реализовывает функцию помощи»[42].

Пока в отношении Японии в Америке царит оптимизм. Институт мировой политики (Вашингтон) считает, что «в высшей степени маловероятно, что Япония в обозримом будущем будет играть активную роль в военных операциях даже в своем собственном регионе»[43]. «Заклинания относительно того, что Япония является ключевым двусторонним партнером Соединенных Штатов, не предотвратят ослабления этого союза, который лишен убедительной для обеих сторон миссии и в котором подлинно несущие опасность обязательства и ответственность распределены неравным образом. Лишившись рациональной основы, азиатский баланс сил будет изменен вследствие радикальной перемены в оборонительной политике Японии, которая уже имеет третий в мире военный бюджет»[44].

Договор 1960 года о взаимном обеспечении безопасности может в относительно короткое время потерять свое глобальное значение и его поддержка ослабнет в обеих странах. Ее вооруженные силы невелики, но они хорошо оснащены, ее оружие современно и совершенно (хотя национальная решимость применить это оружие не впечатляет). Полувековая сдержанность Японии расходится с трехтысячелетней традицией, она не гарантирована.

Японские стратеги уже предчувствуют перемены, грозящие их безопасности, увеличивающие ее уязвимость. В США с трудом

мирятся с возможной трансформацией Японии в самоутверждающуюся величину. Р. Менон и У. Вимбуш свидетельствуют, что «американское видение сводится к тому, что Япония заморожена в своей военной сдержанности — что, собственно противоречит японской истории. Эта история со времен революции Мейдзи в 1868 году характеризуется драматичными и скорыми поворотами как внутренней, так и внешней политики, стимулируемыми обычно событиями за пределами японских границ»[45]. Покорная и мирная Япония не всегда будет таковой.

Резонны и сомнения. «Япония, как вторая по величине экономика мира, претендует на глобальное лидерство, не имея стратегических вооруженных сил и, что более важно, политического интереса к происходящему в мире... Она не смогла бы быть глобальным лидером без фундаментальной перестройки своей экономики и общества. Глобальный лидер должен иметь экономику и общество понятные и доступные для иностранцев. Японская экономика и общество не таковы»[46]. Мощь Японии частично как бы «переместится в другие страны»: к 2010 г. японцы будут вторыми после Германии производителями автомобилей в Европе, первыми (по объему доходов) владельцами гостиничного бизнеса в США. Но главный поток японских капиталовложений устремится в Азию. Япония будет делиться с КНР высокой технологией, помогать России осваивать Сибирь и Дальний Восток. В 1997 году Япония выдвинула идею создания регионального валютного фонда для Азии самостоятельно от МВФ, США и Западной Европы (с целью гарантии от возможных финансовых кризисов)[47].

Отсюда проистекает стратегический выбор. Союз с Китаем видится логичным — союз быстро стареющей страны, обладающей невероятной по сложности технологией, с молодым полуторамиллиардным континентальным гигантом. Растет убеждение в том, что Япония почти определенно увеличит свою военную машину и будет играть более значительную военную роль в Азии. Вопрос о безопасности в Азии все больше будет решаться не в Вашингтоне и на Окинаве, а между Пекином и Токио.

Прогнозируется ослабление страны в середине наступающего века. На определенном этапе после 2020 г. Япония несколько повернется от внешнего мира к улучшениям в своем стареющем обществе. Скажется влияние выхода Китая в лидеры региона и неоизоляционизм американцев. Внешняя экономическая экспансия Японии — одно из чудес второй половины XX в. — замедлится. Японцы, помимо прочего, плохо знают иностранные языки. Лишь несколько японских ученых получили Нобелевские премии за новаторские научные достижения. При этом «Япония — чрезвычайно однородное в этническом отношении государство, что

создает трудности вовлечения в ее систему — фирмы, университеты — талантливых людей неяпонского происхождения»[48].

Если союз с Китаем покажется в Токио опасным своей зависимостью, тогда рабочим вариантом может стать сближение с Россией, способной также испытать трепет перед китайским ростом. Не исключен и корейский вариант.

Корейский фактор. В то время как мир еще привычно смотрит на Северную Атлантику, история начинает вершиться в прежде богом забытых местах. Не падение Берлинской стены, а детонация пяти индийских атомных зарядов, пакистанские ядерные испытания, запуск северокорейских, иранских, индийских и пакистанских ракет, размещение Китаем ракет среднего и дальнего радиуса напротив Тайваня — вот подлинно значимые в мировом балансе сил явления, не предсказанные никем. Отныне «Азия несогласна на неазиатскую монополию на военные инструменты, необходимые для обеспечения порядка, и она приходит к выводу, что обеспечившие определенное благосостояние страны должны сами защищать свои интересы»[49].

Даже самые большие скептики соглашаются с тем, что объединение Кореи рано или поздно произойдет. И скорее всего, на условиях Южной Кореи — экономического гиганта Азии (при населении в 47 млн. человек ее ВНП в 2000 году достиг 428 млрд. долл., среднегодовой прирост за последние годы — 6,1%). Надобность в американский войсках на юге Кореи отпадет. Данное обстоятельство скажется на японцах — они не захотят быть единственной базой и арсеналом американских войск в Азии. «Если же объединенная Корея станет опираться на китайскую мощь, а Соединенные Штаты станут уходить из данного региона, тогда Япония начнет искать союзников на всех возможных направлениях. Она могла бы вооружить Тайвань, не исключая при этом оснащения ядерным оружием. Или она могла бы искать пути стратегического сближения с Индией как способ обойти Китай с фланга, способ обеспечить безопасность жизненно важных морских путей. Япония может пойти по одному из этих путей, или двигаться по ним одновременно»[50].

Индия. В 2000 году валовой национальный продукт ставшей миллиардной (по населению) Индии достиг 540 млн. долл. Прирост населения (ныне 1,8% в год) замедлился (позитивный фактор), а экономический рост — 6,5% в год с 1992 года — усилился очень значительно. Это открывает огромной державе в новом веке новые горизонты. Ее темпы роста обещают обгон старых европейских метрополий. Прогноз ЦРУ обещает ей четвертое место по валовому национальному продукту в мире в 2020 году.

Новая ядерная мощь и неожиданный талант в информационном программировании, дешевизна рабочей силы, помноженные на относительную политическую стабильность и массовое применение патентов создают новые перспективы. Выявились необычайные внутренние ресурсы — сообщество талантливых ученых и инженеров, отрасли высокотехнологичного производства вплоть до успешной ракетной программы. Не составляет секрета факт готовности Дели оснастить свои ракеты ядерными боеголовками. Отойдя от идейного наследия Неру относительно самообеспеченности и самодостаточности, Индия готова к выходу на мировую арену.

Появились даже теории, что главной силой страны явилась ее главная слабость: хаотическое смешение народов, языков и религий предотвратило проявления четко выраженного сепаратизма. Относительная децентрализация политической системы равно как и этнически-лингвистическая пестрота привели к спасительной локализованности индийских политических и экономических кризисов, не посягающих на всю политическую систему страны в целом. При этом, если раньше критики писали о схожести гетерогенной Индии с габсбургской Австро-Венгрией, то теперь исследователи обращают внимание на ее поразительную устойчивость и стабильность. Ее политическая устойчивость проявила себя в незыблемости страны, несмотря на убийство основателя государства и двух премьер-министров. Процесс распада был успешно сдержан вопреки конфликтам из-за Кашмира и Пенджаба. Армия не воспользовалась возможностью установить господство хунты. Спор за и против превращения хинди в официальный язык страны не расколол Индии.

Индия в XXI веке будет выходить из трехвековой летаргии, она начнет определять свои стратегические потребности. Фокус политического внимания, ранее направленный на внутренние дела, начинает смещаться на внешние пределы. Индия начинает обращать все больше внимания на Персидский залив, Среднюю Азию, Юго-Восточную Азию, Северо-Восточную Азию.

У Индии превосходный опыт взаимодействия с Россией. Россия предоставила Индии два тысячемегаваттных атомных реактора. Российский Главкомкосмос продал государственной индийской научно-исследовательской организации технологию и некоторые прототипы криогенных ракетных двигателей. Этот трансфер «гарантирует Индии модернизацию ее жидкотопливных ракетных двигателей»[51]. По существу Россия готова предоставить Индии любую запрашиваемую технологию. Но в будущем могут произойти осложнения. Индия может увидеть в Центральной Азии рынок для своих товаров — и она постарается перекрыть путь сюда исламскому Пакистану. Усомнившись в Москве и не

желая попадать в безусловное китайское влияние, Центральная Азия может плотно опереться на Индию[52].

Для лидера — Соединенных Штатов будет трудно совладать с новой индийской реальностью. Индия — номинально крупнейшая демократия мира наказывается за испытание ядерного оружия, в то время как Китай, вопреки всем его внутренним реальностям, демонстративно называется *стратегическим партнером*. Америка утверждает, что Индия нарушила нормы нераспространения, но эти нормы кодифицированы в *американском*, а не индийском правовом законодательстве. При этом США никак не помогли Индии сформировать соглашение о нераспространении, применимое к Индостану. Придет время, и эти азиатские государства могут припомнить западную обструкцию, непонимание региональных сложностей, подход в области нераспространения — «все или ничего», припомнить, кто мешал им обрести высший военный статус. «Проповедь нераспространения индусам, чья решимость создать ядерное средство сдерживания является и понятной и логичной, — пишут американцы Менон и Вимбуш, — становится для США, стоящих на огромной горе ядерного оружия, просто смехотворной. Американское нежелание воспринять реальность — и в риторике и в политике — ядерной Индии порождает антиамериканские чувства в этой стране и замедляет отход от противостояния»[53].

На Западе говорят об возможном ослаблении прежней оси Дели — Москва и о возможной ориентации Дели на Токио. «Индийско-японское согласие имело бы смысл для обеих стран. Такой союз вынудил бы Китай рассредоточить свои военные силы по максимальному периметру, обезопасил бы нефтяные пути из Персидского залива в Северо-Восточную Азию. Тайвань также мог бы стать членом подобной коалиции... Другие страны, обеспокоенные китайским самоутверждением, от Вьетнама до России, могли бы также войти в подобный союз. Но принципиальными главными партнерами были бы Индия и Япония»[54].

И все же, хотя Индия проявила необычайную стабильность, ей, если в Дели решат увеличить свое воздействие на внешний мир, предстоит еще избавиться от многих препятствий — речь идет о кастовой системе, внутренней концентрации ресурсов, решении продовольственной проблемы, консолидации политических сил вокруг двух полюсов — Индийского национального конгресса и Джаната парти. Бич страны — массовая неграмотность и тормозящая прогресс бюрократия. Индии вредит и наличие «перманентных» проблем, связанных с Пакистаном, Кашмиром, Пенджабом.

Глава 15

ПРОБЛЕМА РОССИИ

Экономическое реформирование. В 1990-е годы Россия потеряла не только статус сверхдержавы. Она понесла огромные потери во всех областях жизнедеятельности. Ее валовой национальный продукт в 2000 году опустился до 205 млрд. долл.; ВНП на душу населения — 1410 долл. в год. Россия, заключает американец Дж. Курт, «потерпела в холодной войне большее поражение, чем Германия в первой мировой войне... Из центра мировых событий Россия спустилась на периферию европейского континента и остается центральной нацией только для пустот Центральной Азии»[55].

При этом утверждать, что Россия не поддается реформированию, значит отрицать очевидное. Петр Великий ровно триста лет назад начал процесс, в результате которого никто не сомневается в русском гении, в способности России адаптировать любую реальность и достичь вершин в любом из человеческих проявлений. За три века развития Россия — единственное из государств Земли — никогда не была колонией Запада. Триста лет назад она успешно начала совмещать вестернизацию с модернизацией. Именно тогда, триста лет назад, она создала адекватную своим историческим нуждам военную систему, позволившую ей впоследствии сокрушить Карла XII, Наполеона и Гитлера. Двести лет назад родился Пушкин, после которого умственная жизнь России лишилась вторичности и провинциальности. Сто лет назад начался рекордный экономический подъем России из патриархального состояния на высший технический уровень. В столь актуальной сегодня сфере финансов Россия всегда блистала первоклассными талантами: Канкрин, Бунге, Ройтерн, Вышеградский, Витте, Коковцов. Благодаря им была смягчена боль ударов крымского и дальневосточного поражений, обеспечен индустриальный подъем начиная с 1892 года.

Но все успешные реформаторы России отличались тем, что осознавали особенности своей страны. Две главные: коллективизм и огромные, трудно связываемые между собой пространства. Отсюда роль государства, исключительно важная во всех развитых странах, но критически необходимая в случае российского варианта реформ. Страна, никогда в своей истории не знавшая самоуправления, нуждалась и нуждается в консолидирующей силе. Здесь не место развернутому историческому анализу, но исключительно важно подчеркнуть, что народы в своем развитии действуют так, как направляют их история и география, как дик-

тует обобщенный итог их общественного развития, их выработанная веками общественная этика. Восточноевропейский набор традиций, обычаев, эмоционального опыта близок западному в той мере, в какой история заставила эти два региона взаимодействовать. Он отдален от Запада в той мере, в какой история Запада была принципиально иной, отличной от истории Восточной Европы. Пренебрежение этим отличием, обращение со своим народом как с некоей абстракцией создало предпосылки неудачи.

Четырьмя главными сложностями реформирования страны в XXI веке являются следующие.

1. *Разрушение социальной базы демократии.* Начатый в 1992 году курс экономических и социальных изменений не принимал во внимание падение уровня жизни населения, не воспринимал состояние этого уровня как эмпирического показателя успеха реформ. Правительства 90-х годов обращались со своим народом как с объектом колоссального эксперимента, но не как с соратником по модернизации страны. Методы перемен были избраны радикальные и даже революционные. Лидеры реформ не считали необходимым публично объяснять свои действия. И уж никак не делились своими замыслами. Отчуждение реформаторов от своего народа лишило дело ускоренной модернизации, дело реформы необходимой общественной поддержки. «Реформы» без расшифровки, реформы как символ согласия с союзником — формула похода с закрытыми глазами, похода мучительного и периодически унизительного. Так ли хороша дорога, ухабы и пропасти которой начинают вызывать ненависть даже у взращенного в любви к западной культуре народа, ненависть в отношении хладнокровных педантов, ставящих правила удобной для себя игры важнее гуманитарной катастрофы целого народа. Как и в далеком 1917 г. народ начал терять смысл происходящего, чему способствует молчание вождей.

2. Очень важным представляется то обстоятельство, что реформаторы явили себя в России в период господства на Западе (главном генераторе модернизационных идей) неолиберальной идеологии — идеологии раскрепощения экономического индивида, денационализации, замещения государственных форм частными компаниями. Приди российские реформаторы к власти двумя-тремя десятилетиями ранее, они встретили бы на Западе воспевание государственного вмешательства, дирижизма, благотворности госкапитализма. Привыкшие следовать за *последним словом* западной науки, в 90-е годы они стали переносить в российские реалии модель, более приемлемую для тех, кто уже израсходовал ресурс государственного регулирования. Для восьмисотлетней британской демократии или незыблемой американской политической системы (с 1789 года ни на день не перенесшей срока ни

единых выборов) государственное регулирование, возможно, стало прошедшим этапом. Но для вставшей на дыбы России 90-х годов резкое ослабление роли государства оказалось губительным.

Вертикаль государственной власти оказалась не восстановленной на месте руин ухнувшего в начале 90-х годов жесткого государственного устройства. Общегосударственные органы властного насилия потеряли пафос государственного строительства; провинция начала процесс самоорганизации, что нередко вызывало параллельную деградацию. Иностранный инвестор так и не дождался «закона и порядка», двух обязательных предпосылок своего прибытия на российский рынок. Это подорвало и желание Запада инвестировать в нестабильное общество.

3. *Не была учтена цивилизационная специфика страны.* Народ — объект реформы — был менее всего был принят начетчиками от монетаристской экономики во внимание. Ни один народ не приговорен историей быть тем или другим. Но реформаторам следовало учитывать национальные особенности.

Мир знает две успешные модели модернизации. На Западе она была осуществлена на основе протестантской трудовой этики, в Восточной Азии на основе патерналистского заимствования западных технических достижений, переноса их на почву конфуцианско-патриархальной трудовой морали. В обоих случаях существуют популярные идеалы накопления, обогащения, выдвижения, общественного признания материального успеха. Генри Форд и основатели «Сони» — герои национального эпоса в своих странах. Там нет героев, тридцать лет лежавших на печи. В коллективистской стране, строившей не только в десятилетия советского периода, но и многие предшествующие столетия жизнь на уравнительных основах, не было доказано, что в этой жизни можно стать богатым, оставаясь при этом моральным. Этика бережливого трудолюбия, накопления, постоянной оптимизации, конкретного привлечения прикладной науки — всему этому российский капитализм не придал никакого значения, за что и поплатился.

Потерявшие работу и попавшие в состояние анархии 20-30 процентов российского населения вовсе не принялись за поиски в стиле Билла Гейтса, в сараях не выросли свои Эдисоны и Форды. Напротив — бывшие инженеры стали возделывателями огородов и путешественниками-челноками. Деградировавшая в своей профессии армия коробейников насытила пустой отечественный рынок и умерла от перенасыщения. (Речь идет об очень значительной части населения.) Российское пространство стало ареной коллективного выживания, и выброс в джунгли (не конкуренции, а элементарного хаоса) не вызвал ничего, кроме стоической готовности погибнуть.

4. *Эффект открытия рынка.* Существуют два вида подключения к экономике в национальных масштабах. *Первый* — выборочное, на основе постепенного открытия своей экономики, открытие только тех ее отраслей, которые достигли осязаемой конкурентоспособности. Это стандартный подход, наиболее разумный, исключающий болезненный шок, ориентирующий на методическое и целенаправленное усилие. Такой путь, собственно, прошли все чемпионы мирового развития, все члены Организации экономического сотрудничества и развития (тридцать наиболее развитых стран мира) от Соединенных Штатов до Южной Кореи.

Российские нетерпеливцы пошли по второму пути, они открыли национальную экономику в целом, бросили слепца плыть к «тому берегу», заставили кровью и потом созданные заводы конкурировать с чемпионами, уже прошедшими капиталистический естественный отбор. В результате погубили половину индустрии и значительную часть сельского хозяйства, никак не способных противостоять мировым рекордсменам. Некогда основа первоначальной российской модернизации — текстильная промышленность оказалась в руинах. Да, она исчезла в других индустриальных странах, но только тогда, когда центр силы национальной экономики прочно переместился в другие конкурентоспособные отрасли. Может быть, где-то «овцы и ели людей» на первоначальной стадии развития капитализма, но все же не так, как в Иванове или Комсомольске-на-Амуре 90-х годов.

Замысел свелся к тому, чтобы оставить национальных производителей на волю произвола. Время и порох были потрачены на манипуляции с валютой — убиение прежних сбережений, поиски соотношения рубля с долларом, битвы с инфляцией, искусственное поддержание национальной валюты за счет разбазаривания национальных резервов. Некоторым банкам это помогло, национальной экономике — нет. Либеральный монетаризм в российских условиях оказался абстрактным занятием. Хвост не виляет собакой. Экономика не может управляться валютными интервенциями.

Аура общественно полезного, некогда окружавшая *реформирование* России, утрачена почти безнадежно. Следующим преобразователям России придется черпать из другого колодца. Выбор невелик. Они пойдут по линии государственного строительства, восстановления менеджеристских функций государства, мобилизации патриотического стоицизма. Достаточно ли этого для вхождения в ранг участвующих в глобализирующейся мировой экономике избранного числа стран — покажет весьма недалекое будущее.

Внешняя политика. Стремясь к примирению первого и второго миров, Россия, лидер крупнейшего из когда-либо в истории противостоявших Западу блоков, сделала неимоверные по своей жертвенности шаги ради того, чтобы сломать барьеры, отъединяющие ее от Запада как от лидера мирового технологического и гуманитарного прогресса. В период между 1988 и 1993 годами Запад не услышал от России «нет» ни по одному значимому вопросу международной жизни, готовность новой России к сотрудничеству с Западом стала едва ли не абсолютной.

Имел место довольно редкий исторический эпизод: невзирая на очевидный скепсис западного противника, ни на сантиметр не отступившего от защиты своих национальных интересов, Россия, почти в эйфории от собственного самоотвержения, без всякого ощутимого физического принуждения начала фантастическое по масштабам саморазоружение. Историкам будущего еще предстоит по-настоящему изумиться Договору по сокращению обычных вооружений (1990 г.), развалу Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи. Возможно, что только природный русский антиисторизм мог породить такую гигантскую волю к жертвам ради умозрительного идеала (в данном случае ради сближения с Западом, сорок лет рассматривавшемуся в качестве смертельного врага).

В мемуарах президента Буша можно прочесть, с каким изумлением официальный Вашингтон воспринял нисхождение своего глобального контрпартнера до распада и конечного бессилия. Новые вожди прежде непримиримого противника начали докладывать о расколе страны, о ступоре армии, о готовности жертвовать многим ради нового партнерства со всемогущей Америкой. Культурный шок был столь велик, что многие изощренные специалисты — от Адама Улама до Брента Скаукрофта — заподозрили в действиях русских фантастический блеф, феноменальный обходный маневр, и сам президент Буш несколько первых месяцев своего президентства молчал, не желая попасть впросак. То была нелепая (хотя и понятная) предосторожность. Слишком легко подчинялся мнению Запада самый главный для США политический противник.

Какие бы объяснения ни выдвигал позднее софистичный западный мир (русские выдохлись в военной гонке; коммунизм достиг предела общественной релевантности; либерализм победил тоталитарное мышление; национализм сокрушил социальную идеологию и т. п.), неоспоримым фактом является добровольное приятие почти всем российским обществом, от левых до правых, идеи сближения с Западом и его авангардом — Соединенными Штатами. Приятие, основанное на надежде завершить дело Петра, стать частью мирового авангарда, непосредственно участво-

вать в информационно-технологической революции, поднять жизненный уровень, осуществить планетарную свободу передвижения, заглянуть за горизонты постиндустриального общества.

Более сорока лет Россия смотрела на Америку через объективы разведывательных спутников, перископы подводных лодок, экраны радаров ПВО. Застоявшийся маятник истории сделал огромное колебательное движение на Запад. На своем пути он разрушил КПСС, СССР, СФРЮ, ЧСФР, ОВД, СЭВ (не говоря уже о менее значимой аббревиатуре), но не достиг трех желанных для новой России высот: подключения к технотронной цивилизации, повышения жизненного уровня, свободы межгосударственного перемещения. Но какой бы ни была амплитуда движения маятника, наступает обратное движение. И мы живем сейчас в мире обратного движения маятника — от «планетарного гуманизма» к осознанию мирового эгоизма, тщетности примиренческих потуг, наивности самовнушенных верований, железобетона национальных интересов, своекорыстия внешнего мира. XXI век будет веком возврата к национальным идеалам, веком возвращения к трезвому национальному эгоизму.

Феноменальные события рубежа 90-х годов сломали глобальное противостояние. Но Россия достаточно быстро обнаружила, что коммунизм не был единственной преградой на пути сближения с Западом. Православие, коллективизм, иная трудовая этика, отсутствие организации, иной исторический опыт, отличный от западного менталитет, различие взглядов элиты и народных масс — все это и многое другое смутило даже стопроцентных западников, увидевших трудности построения рационального капитализма в «нерациональном» обществе, свободного рынка в атмосфере вакуума власти и очага трудолюбия в условиях отторжения конкурентной этики. Но радикальные демократы господствовали, и их стратегическая линия требовала шагов в направлении Запада.

Вызрела острая нужда в новой формуле отношений с США. Министр Козырев определил ее как «стратегическое партнерство». Необычным было определение двусторонних отношений лишь одной стороной; необычным было наблюдать стремление радикальных российских западников собственным «указом» включить Россию в западный мир; необычным было предположение, что Вашингтон будет поддерживать некую биполярность в условиях, когда второй полюс столь драматически самоуничтожился.

Обобщающая западная оценка. Западная оценка трудностей России достаточно реалистична: «Деяния олигархов лишили Россию частных инвестиций, в которых она так нуждается. Россия нуждается в капитале — гораздо большем по объему, чем

могут дать общественные фонды... Россия нуждается в сотнях миллиардов долларов для промышленной реконструкции и модернизации. Но частные инвесторы оставили страну, поскольку ее слабость сказалась на ее привлекательности»[56]. Скептики, которых много, без особой деликатности указывают на то, что, «несмотря на всю помощь, конференции стран-доноров и дипломатические усилия по экономическому и политическому развитию... Россия скорее всего останется в тисках экономического кризиса, не выйдя при этом и из политических неурядиц»[57]. Такие американские исследователи, как Р. Менон и Э. Вимбуш, прямо указывают на страны, которые «могут дезинтегрироваться или даже исчезнуть: Россия, Индонезия, Пакистан и Афганистан».

И все же. Время от времени западные политологи напоминают, что «даже в сегодняшнем состоянии хаоса Россия имеет огромный ядерный потенциал, большое и талантливое население, гигантские природные ресурсы. Великая держава с восемнадцатого века, Россия переживала многочисленные дурные времена и оживала. Это может случиться снова»[58]. Американец Ч. Капчен: «Россия в грядущие годы постепенно восстановит свою позицию одной из великих европейских держав»[59]. Даже в самых сложных условиях Россия располагает 6000 ядерных боеголовок стратегического назначения. «Россия,— считает К. Белл,— должна рассматриваться в свете ее возможностей, когда мы говорим о потенциальных претендентах, бросающих вызов американскому превосходству. Россия — явный претендент, даже теперь, когда ее обычные силы в Чечне и в других местах оказались в состоянии временного упадка, а ее ядерные силы содержатся без необходимого тщания. Сколько нужно времени, чтобы она оправилась? Понадобится, видимо, тридцать или сорок лет»[60].

93% представителей американской элиты называют Россию в числе пяти крупнейших проблем США (77% общественности в целом) и воспринимают Россию как жизненно важную для США страну[61].

По оценке заместителя госсекретаря республиканской администрации Р. Зеллика, в переходные годы России Соединенные Штаты «равнодушно взирали на приватизацию, которая обернулась массовой кражей и системой массовой коррупции. Неудивительно, что эта система отношений не улучшила благосостояние среднего русского, создав тем самым основу для будущих противоречий»[62]. Эти противоречия обнаружились с недовольством России расширением НАТО на восток, усилением США в бассейне Каспийского моря, с натовской бомбардировкой Югославии. Расширять НАТО можно только вооружившись идеей, что Россия никогда не поднимется.

Но это может оказаться не так. И следует думать о порядке и о соотношении сил на крупнейшем мировом континенте. «Если Соединенные Штаты не собираются управлять своей евразийской империей,— пишет американец Д. Каллео,— они должны приветствовать и сильную Европу и сильную Россию, привлекая обеих в панъевропейскую систему безопасности, основанную на согласованных правилах и коллективных действиях... Мы участвовали в холодной войне не для того, чтобы заменить Россию собою, а для того, чтобы дать ей возможность внутренне реформироваться и участвовать в широкой системе сотрудничества»[63].

Чтобы определить будущие ориентиры западной политики в отношении России, нужно видеть происходящую на Западе борьбу *трех* концепций «русского феномена» и сделать вывод из этой борьбы.

Примат идеологии. *Первая* концепция видит противника не в России, не в русском народе, а в коммунизме — учении и практике, которые были навязаны России после неудач первой мировой войны, изнеможения России 1917 года. Словами современного русолога Майкла Макфола: *«Советская коммунистическая система — а не Россия как страна или русские как народ — угрожали национальным интересам Америки во время холодной войны... Коллапс коммунизма, а не искусная дипломатия привели к величайшему прогрессу по основным спорным вопросам»*[64].

Можно верить в то, что причиной взаимного ожесточения был коммунизм, но тогда не очень просто объяснить некоторые явления. Прежде всего, именно *дипломатия*, а никак уж не крах коммунизма (который произошел позже) привели к объединению Германии, отказу СССР от своего превосходства в обычных вооружениях, краху Организации Варшавского договора и распаду СССР. Но главное даже не это: освободившаяся от «идейного яда» молодая российская демократия не ощутила изменения отношения — не получила своего «плана Маршалла», не была принята в главные западные организации. Более того, с января 1994 года Америка начала продвигать границы своего военного союза к границам уже не коммунистической, а демократической России. К чему бы это? Ведь коммунизм уже почил.

При этом польские или венгерские коммунисты оказались приемлемыми партнерами для Соединенных Штатов. Неприемлемым оказалось протежирование демократической России (а не Польши с президентом-коммунистом) при попытке вступления в Европейский союз, приглашения ее в НАТО, в Организацию экономического сотрудничества и развития, в ВТО, в нео-ГАТТ, реа-

лизации подлинного членства в «семерке». Десятки миллиардов долларов были предоставлены коммунистическому правительству СССР, и гораздо более скромные суммы выделены в качестве кредитов демократической России. Тут уж самый непреклонный западник начнет сомневаться в том, что именно коммунизм является причиной западного отчуждения в отношении России.

Представители *идеологической* концепции ожидали того, что им с такой легкостью обещали российские радикалы-рефоматоры, ожидали быстрой рекультуризации населения, радикального изменения социума, всесильного внедрения рыночных отношений. Неудачи на этом пути породили к рубежу XXI века вполне понятное разочарование. Соединенные Штаты испытывают разочарование, как минимум, в *трех* сферах:

— *В России так и не сложился и не складывается подлинный рынок* с классическими правилами биржевой игры, со здоровой конкуренцией, акционированием, действительной денационализацией, открытием страны внешнему миру, оформлением стабильного законодательства, гарантирующего полномасштабное участие американских компаний. То, что имеет место сейчас, едва ли можно назвать зрелой рыночной экономикой — это и объясняет незначительное присутствие американских производителей (да и то не первостепенных — «Пепсико», сигареты, «ножки Буша»). Гигантская американская индустрия так и не вышла на российские просторы в условиях отсутствия надежного законодательства, чиновничьего произвола и открытого криминала. Соответственно, в Вашингтоне не действует «русское лобби»(в отличие, скажем, от активно действующего «китайского лобби»). Экономического Эльдорадо, нового Дальнего Запада из России, где сужается (а не расширяется) внутренний рынок, не получилось, взаимозависимость не реализовалась.

— *Русская демократия не достигла западных норм*. В стране нет ни одной политической партии западного типа, не сложилась система разделения трех властей, ибо судебная власть заняла заведомо подчиненное положение, а исполнительная по конституции 1993 года имеет полномочий больше, чем законодательная ветвь. Эксцессы, подобные произошедшим в октябре 1993 года, победа левых на выборах в декабре 1995 года, чеченское фиаско территориального урегулирования выдвинули противостояние, а не компромисс во главу угла нового русского политического устройства, не знающего законченных форм ни в территориальном отношении (СНГ, ССР, договор четырех), ни в политическом (демократы не создали партии массового характера с собственной идеологией), ни в военном смысле (договор о фланговых ограничениях нарушается, СНВ-2 не ратифицируется). Надежды 1991 года на стремительную демократизацию России оказались завышенными.

— *После нескольких лет (1988—1993) непрерывного «да» Россия стала говорить Америке «нет» на международной арене.* С американской точки зрения российское оружие продается во многом «не тем странам». Такими сделками, как обязательство построить АЭС Ирану, Россия нарушает американское видение режима нераспространения. Москва заняла самостоятельную позицию в югославском кризисе. Объединительный порыв московских интеграционистов грозит суверенитету «ближнего зарубежья», восстановлению остова прежней сверхдержавы со всеми ее великодержавными планами.

Кумулятивный эффект вышеперечисленных процессов разрушил в Вашингтоне то, что А. Козырев самонадеянно называл «стратегическим партнерством» и в чем в Вашингтоне усматривали приобщение России к западному лагерю. Иллюзии увяли, реальность оказалась для американских стратегов жестче и грубее ожидаемого. Новый мировой порядок не установился не по вине России, но и российское неустроение добавило нестабильности в общую картину.

Представители *идеологического* подхода (П. Редуэй, Р. Стаар, Р. Пайпс, Э. Лутвак, У. Лакер), борясь за свой способ решения российской проблемы в условиях поражения в России коммунизма, все чаще обращаются к цивилизационным различиям (иначе им трудно объяснить сложности капиталистической трансформации России). Базовой идеей этой школы является тот постулат, что *«целью НАТО и Атлантического союза была не просто защита Запада от Советского Союза. НАТО была также защитницей Запада от Востока, а говоря точнее, западной цивилизации от восточной отсталости, тирании, варварства. Формирование НАТО было тесно связано и четко легитимизировано с распространением идеи западной цивилизации, с распространением академических курсов, основанных на этой идее, популярной в американских университетах»*[65]. Джеймс Курт говорит о тесном взаимодействии *«между (1) идеей Западной цивилизации, (2) жизненными интересами Соединенных Штатов и (3) членством в Атлантическом альянсе»*[66]. Да, коммунизм повержен. Но осталось различие между Западом и не-Западом, ключевое для определения американской стратегии различие. И ныне Россия, как говорит не очень успешный опыт 90-х годов, вовсе не потенциальная часть Запада, а потенциальный его противник.

По оценке Майкла Макфола прежде всего выявились следующие противоречия: *«Договор об ограничении вооружений СНВ-2, расширение НАТО, торговля с Ираном и Ираком, новый российский драконовский закон, санкционирующий деятельность*

лишь определенных религий, доминируют в повестке дня взаимоотношений двух стран... Эта старая повестка дня говорит лишь о том, что контуры нового посткоммунистического стратегического партнерства между Соединенными Штатами и Россией еще не определились. Заново звучат аргументы, что, учитывая баланс сил на международной арене, Соединенные Штаты и Россия попросту обречены быть противниками. Представители этой точки зрения полагают, что последний экономический кризис в России выдвинет к рычагам власти российских лидеров, враждебных Западу, что вынудит западный мир снова сдерживать угрозу России рынкам и демократии... Если демократия и капитализм потерпят здесь поражение, тогда умножится число спорных вопросов между Россией и Соединенными Штатами и возникнут новые угрозы американской безопасности»[67].

Примат геополитики. И тогда поневоле приходится обращаться ко *второму* объяснению, выдвигаемому западными интерпретаторами российской политики Вашингтона: «глупый, это же геополитика!» Два прекрасных знатока России (и американской стратегии в отношении ее) — Дэниел Йергин и Тэйн Густафсон недвусмысленны в определении главной стратегической посылки Вашингтона: *«Если Россия восстановит свою экономическую и политическую мощь, она станет конкурентом и соперником Соединенных Штатов; это будет не идеологическое соперничество, а соперничество великих держав»*[68]. Если кому-либо нужно более распространенное изложение подобных аргументов, отсылаем к идеям Уильяма Одома, Колина Грея, к ставшей (благодаря переводу) доступной российскому читателю книге Зб. Бжезинского «Великая шахматная доска». Основной ее тезис: не идеология, а *геополитические реальности* определяют правила мировой политики.

Если основа поведения США в мире — геополитика, постараемся разобраться в ее основных параметрах.

В новом мировом раскладе сил сегмент России уменьшился весьма значительно. Но не абсолютно. Россия все же сохранила немалое из наследия СССР. Вовне — место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Внутри — ракетно-ядерный меч. Это обеспечило для нее свободу выбора пути, образования союзов, формирования партнерских соглашений. Никакая прозападная «гибкость» элиты не может в одночасье изменить того, что является частью национального генетического кода: никогда не быть ничьим сателлитом, идти на любые жертвы ради самостоятельного места в истории, ради свободы выбора в будущем, ради сохра-

нения этого выбора у грядущих поколений. Медленно но верно Москва начала освобождаться от поразительных иллюзий. Безоговорочные западники уступили место более отчетливым радетелям национальных интересов. Новый характер двусторонних отношений складывается именно сейчас.

Как оценивает ситуацию Майкл Макфол, «Договор об ограничении вооружений СНВ-2, расширение НАТО, торговля с Ираном и Ираком, новый российский драконовский закон, санкционирующий деятельность лишь определенных религий, начали доминировать в повестке дня взаимоотношений двух стран... Эта старая повестка дня говорит лишь о том, что контуры нового посткоммунистического стратегического партнерства между Соединенными Штатами и Россией еще не определились. Заново звучат аргументы, что, учитывая баланс сил на международной арене, Соединенные Штаты и Россия попросту обречены быть противниками. Представители этой точки зрения полагают, что последний экономический кризис в России выдвинет к рычагам власти российских лидеров, враждебных Западу, а это вынудит западный мир снова сдерживать угрозу России... Поражение демократии и капитализма умножит число спорных вопросов между Россией и Соединенными Штатами и вызовет к жизни новые угрозы американской безопасности»[69].

Происходящее одновременно расширение НАТО и увеличение числа членов Европейского союза во всей остроте ставит вопрос о подлинном месте России в Европе. Где это место? Сошлемся на мнение уравновешенного англичанина — Джонатана Хэзлема: «Простым фактом является вытеснение России на задворки Европы, чего не может скрыть никакая казуистика»[70]. Любое, ощущающее изоляцию государство стремится найти выход. Великие державы не следует загонять в угол.

К началу XXI века данная школа, исходя из *геополитических* реалий, пришла к выводу, что, помимо трех «великих неизвестных», не находящихся под контролем США — конфуцианского Китая, индуистской Южной Азии и мусульманского мира (каждый из которых включает в себя более чем миллиардную массу населения), на севере Евразийского континента приходит лишившаяся двух своих союзов — Варшавского договора и СССР — Россия. Переход России в разряд «отвергнутых» усиливает значимость *четырех* потенциальных опасностей, обнаруживаемых Вашингтоном в глобальном раскладе сил.

1. *Потеря контроля над Евразией.* После пяти войн (две в Европе и три в Азии), которые США вели в текущем веке, перед ними встает, словами возглавляющего Библиотеку конгресса Джеймса Биллингтона (специалиста по России), *«по существу*

та же задача, которую решала Британия в предшествующие столетия в континентальных войнах: предотвратить авторитарную гегемонию над величайшей земной массой и хранилищем ресурсов. Подобная империя маргинализировала бы и свела бы в конечном счете до положения вассала более свободные, более предприимчивые в своих контактах государства, развившиеся на морской периферии в Северной Европе и Северной Америке... Если Россия обратится к скрытно-фашистскому авторитарному национализму, угрожающему ее хрупкой правящей коалиции, в то время как радикальные мусульманские государства и ленинистский колосс Китай начинают экспансию своей мощи, двумя вероятными итогами, угрожающими демократическим государствам будут распространение этнического и религиозного насилия югославского образца, либо формирование альянса авторитарных стран против малочисленного демократического мира»[71].

2. *Совершенствование и распространение оружия массового поражения.* Хотя холодная война считается оконченной и обычные вооружения России резко ослаблены, «Россия все же обладает,— напоминает Биллингтон,— способностью нанести удар по центрам населения и инфраструктуре Северной Америки; не подчиняющиеся международным законам государства могут получить часть ее арсенала»[72].

3. Характер *национальной самоидентификации российского государства.* Если Россия признает своими гражданами лишь тех, кто живет в ее пределах, то она явится охранительницей мирового статус кво. Но если она не откажется от опеки 25 миллионов русских, живущих в республиках, прежде входивших в СССР, то она может стать «ревизионистской» страной.

4. *На фоне глобального демографического взрыва Россия может возглавить теряющий свои позиции Юг,* противостоящий «золотому миллиарду» благополучных стран индустриального Севера; заменить противостояние Восток-Запад не менее ожесточенным противодействием Север-Юг, воспользоваться ожесточением маргинализированных историей стран. Ярко проявившая себя в конце XX века этническая ненависть возникает на фоне постоянного увеличения значимости природных ресурсов, обладание которыми становится оружием обездоленных.

Примат постепенного вовлечения. *Третья* концепция (*примирительная*) исходит из того, что Западу более страшна слабая Россия, сопровождающая свой упадок ядерным распространением. *«Сдерживание, изоляция и пренебрежение институциональным развитием в России являются политикой, способной*

трансформировать русскую революцию в угрозу американской безопасности»[73]. Такой концепции придерживаются патриарх американской русистики Джордж Кеннан, Джон Геддис, Чарльз Капчен. Чтобы избежать превращения России в изгоя мирового сообщества, в «ничейную землю» между поднимающейся Восточной Азией и Европой, распространяющей свое влияние вплоть до российских границ, американские специалисты предлагают два вида действий. Во-первых, Россию следует поощрить, оказать поддержку в реконструкции своего собственного регионального формирования посредством углубления Содружества Независимых Государств.

Если Россия будет исключена из заглавных образований на Востоке и на Западе, она начнет конструировать собственный центр силы[74]. России следует позволить консолидировать СНГ прежде всего экономически, а Запад может помочь в этом процессе, делясь опытом формирования Европейского союза. При этом СНГ, даже при активных усилиях интеграторов останется не более чем конфедерацией. Тогда сближение — а не расхождение — Запада с Россией будет продолжаться. Тогда, по мнению Алвина Рубинстайна и Николая Петро, *«в будущем столетии, если демократические институты выживут в России и в западных государствах СНГ, станет возможным для всей Европы в целом постепенно избавиться от наследия биполярной системы противостояния Востока и Запада (с Центральной Европой в качестве буферной зоны) и превратиться в единую зону свободной торговли и безопасности, предусмотренную Хартией для Новой Европы... Россию не следует искусственно изолировать, она должна стать интегральной частью Европы»*[75].

Экономическая эволюция бывших советских республик оказалась явственно неуспешной (за исключением, в некоторой степени, Эстонии). В то же время Россия, при всей ее нестабильности, проявила себя главной экономической силой, от которой зависит поступление энергии. Одно лишь это, полагают Петро и Рубинстайн, способно стимулировать реинтеграцию и делать легитимным требование Москвы, что этнические русские, живущие за пределами Российской Федерации, должны рассчитывать на лучшее отношение и что Россия имеет право защищать их права[76].

Новая демографическая перепись должна, полагают Петро и Рубинстайн, подтвердить или опровергнуть *«цифру в двадцать пять миллионов русских, живущих за пределами России, и тем самым сделать шаг в разрешении споров по поводу права Москвы игнорировать суверенитет других стран и вмешиваться в их дела на стороне этих русских»*[77]. Ключевую роль

сыграет экономическое развитие всех стран региона. Экономическая самодостаточность будет стимулировать политическую самостоятельность, и наоборот. Россия не будет стремиться к «имперскому восстановлению», ей будет достаточно общего преобладания на прежней советской территории.

Противостоя идеологически зашоренным и геополитически настороженным идейным противникам, сторонники концепции постепенного сближения указывают как на наиболее предпочтительную альтернативу — на открытие для России дверей Европейского и Североатлантического союзов. Включение России в НАТО способствовало бы ее трансформации из организации коллективной обороны в организацию коллективной безопасности. Такое развитие событий позволит предотвратить образование новых разделительных линий, предотвратить антагонизацию не включенной в НАТО России[78]. Сторонники этой идеи признают (ради реализма), что в настоящий момент ни ЕС, ни НАТО не готовы к включению в свои ряды кого бы то ни было за пределами Центральной Европы, опасаясь потери эффективности вследствие «размывания» сплоченности рядов. Ч. Капчен полагает, что включение России в НАТО создаст в Европе два балансирующих друг друга центра — франко-германский и российский, более стабильную геополитическую систему, ослабляющую стремление отдельных стран к превосходству.

Заглавные страны в данном случае будут отделены друг от друга значительной земной массой, своего рода буфером. *«Включение России в Европу не приведет к распаду Европейского союза, но может несколько ослабить центростремительные силы... Включение России в Европу должно стать центральным пунктом текущей повестки дня, исключенные из подобных процессов страны всегда стремятся изменить геополитические основания»*[79]. Исключить Россию из основных интеграционных процессов значило бы антагонизировать ее в опасной степени. *«Ревизионистские государства в развивающемся мире, особенно вооруженные средствами массового поражения и те, чьи размеры и население делают их доминирующими державами в своих регионах, могут явиться главными противниками статус-кво»*[80].

Разочарование России. Еще более резко, чем объективные процессы и субъективные изменения в США, сказалось на российско-американских отношениях изменение видения, настроения и позиции Москвы, воспринимавшей Соединенные Штаты в 1991—1993 годах как модель, донора, друга. Обобщенная оценка: Россия почувствовала дискредитированными свои жертвы 1988—

1991 годов, отвергнутой свою концепцию привилегированного партнерства, дезавуированными свои претензии на особые отношения с США. Конкретно следовало бы выделить пять моментов.

1. В отличие от рубежа 40—50-х годов, *США не оказали целенаправленной массированной помощи* демократизирующемуся региону. «План Маршалла» (17 млрд. долл. 1951 года=100 млрд. долл. в текущих ценах) не получил российского издания. Когда американцы спасали демократию в Западной Европе, они умели быть щедрыми. «План Маршалла» стоил 2% американского валового продукта, а помощь России — 0,005%. В этом вся разница, ясно кто и на что готов жертвовать. Спорадическое, а не целенаправленное предоставление займов никак не могло стать основой по-западному эффективной реструктуризации российской экономики. Более того, не отменены даже такие одиозные символы холодной войны, как дискриминационная поправка Джексона-Вэника. Москве не предоставлен стандартный статус наибольшего благоприятствования в торговле. Поход на Запад не привел Россию в его ряды, в НАТО, ОЭСР, МВФ, ГАТТ, «семерку», КОКОМ и другие западные организации.

2. Столь привлекательно выглядевшая *схема недавнего прошлого — соединение американской технологии и капиталов с российскими природными ресурсами и дешевой рабочей силой — оказалась мертворожденной.* На фоне ста млрд. долл. инвестиций в коммунистический Китай скромные пять миллиардов долл. западных инвестиций в Россию (за последние пять лет) выглядят лучшим свидетельством краха экономических мечтаний российских западников. Хуже того. Ежегодный отток 15—20 млрд. долл. из России на Запад питает западную экономику, но безусловно обескровливает российскую экономику. «Новые русские» стали не связующим, а разъединяющим началом в отношениях России и Запада, их главные капиталы работают вне отечественных пределов.

3. Америка, реконструируя НАТО в сторону расширения в восточном направлении, создает систему европейской безопасности без участия России. К удивлению идеалистов в Москве Североатлантический союз с ликвидацией своего официального противника не пошел на самороспуск. В июле 1990 года в личном письме Горбачеву президент Буш пообещал: «НАТО готово сотрудничать с вами в строительстве новой Европы». Американский президент поделился, что думает о «постепенной трансформации самой НАТО»[81].

И Запад по меньшей мере дважды (особенно недвусмысленно на сессии 1991 года в Копенгагене) пообещал не воспользоваться сложившейся ситуацией ради получения геополитических пре-

имуществ над и без того развалившимся Востоком. Как подтвердилось довольно скоро, обещания в политике — вещь эфемерная. В январе 1994 года президент Клинтон указал на возможность расширения НАТО за счет бывших членов Организации Варшавского договора. Политические реалисты в западных столицах преподнесли дипломатам новой России довольно жестокий урок приоритета конкретного силового анализа над «новым мышлением для нашей страны и для всего мира». Понадобилось несколько месяцев, чтобы политическая страта России разобралась с поворотом Запада и своими эмоциями. Не сразу последовавшая реакция Москвы впервые за много лет никак не сложилась в гарантированное «да». Стоило ли крушить Организацию Варшавского договора, Совет экономической взаимопомощи, демонтировать СССР ради того, чтобы получить польские танки развернутыми против России?

Строго говоря, речь идет не о полумиллионной армейской «добавке» к семимиллионному контингенту НАТО, не о трехстах современных аэродромах вблизи наших границ. и даже не о контроле над территорией, послужившей трамплином для наступлений на Москву в 1612, 1709, 1812, 1920 и 1941 годах. Речь идет о неудаче курса, начатого Петром Великим и патетически продолженного демократами-западниками в 1988—1993 годах. Мы говорим о расширении НАТО, а имеем в виду сигнализируемую этим расширением Североатлантического блока новую изоляцию нашей страны. Это уже третья за XX век попытка Запада исключить Россию из системы общеевропейской безопасности. *Первая* была предпринята с созданием версальской системы и формированием «санитарного кордона» на наших западных границах. Исключение России (как и Германии) привело к мировой войне. *Вторая* попытка ознаменована «планом Маршалла» и созданием НАТО. Это вызвало сорокалетнюю холодную войну с фантастическими расходами ресурсов и психологическим угнетением трех поколений.

Третья попытка создать систему европейской безопасности предпринимается сейчас на наших глазах. Расширение НАТО, собственно, лишь наиболее очевидный и грозный признак нового курса Запада. (В практической жизни не менее важны Шенгенское соглашение Европейского союза, создающее визовой железный занавес.) Но расширение НАТО — важнейший симптом. Нам предлагают безучастно смириться с фактом, что блок, созданный в военных целях, ничем не угрожает нашей стране, даже если приблизится на пятьсот километров.

Придерживаются ли западные страны подобной логики по отношению к себе? Скажем, США, официально признавая, что в

настоящее время на горизонте для Америки не видно военной угрозы, тем не менее, не сокращают вооруженные силы и не распускают своих военных блоков, ибо задают себе правомерный вопрос: а что будет через десять-двадцать лет? Такие страны, как Франция, увеличивают военный бюджет, проводят ядерные испытания и одновременно считают беспокойство России по поводу военного строительства по соседству неоправданным. Забота Запада о безопасности абсолютна, забота России — претенциозная нервозность. И это для страны, потерявшей в двадцатом веке треть своего населения. Расширение НАТО объективно изолирует Россию от западной системы, и вся последующая логика ее действий в этом случае (осознают это в Вашингтоне или нет) будет направлена отныне на то, чтобы создать противовес. Частью его могут быть и антизападные державы и традиционный русский ответ — национальная мобилизация. Игнорирование России в системе европейской безопасности меняет всю парадигму благорасположения к Западу, восторжествовавшую в 1991 году над коммунистическим изоляционизмом.

4. Происходит нечто исключительно важное, на что в США не обращают достаточного внимания. Рассасывается та прозападная интеллигенция, чья симпатия, любовь (и даже аффект) в отношении Америки были основой изменения антиамериканского курса при позднем Горбачеве и раннем Ельцине. Именно она создавала в России гуманистический имидж Запада, именно она готова была рисковать, идти на конфликт со всемогущими правительственными структурами ради сохранения связей с эталонным регионом. Именно эта любившая Америку интеллигенция, слушавшая десятки лет сквозь глушение «Голос Америки», вешавшая на стены портрет Хемингуэя, прививавшая студентам и читающей публике любовь к заокеанской республике, ее культуре, литературе, джазу и т.п., ныне отходит от рычагов общенационального влияния. Когда-то именно они окружали Горбачева, их вера в солидарность демократической Америки была едва ли не беспредельной.

Однако следование за Западом в деле внедрения рыночных отношений стало ассоциироваться с потерей основных социальных завоеваний в здравоохранении, образовании и т.п. Ныне, в жестких условиях прогайдаровского рынка эта интеллигенция не только нищает в буквальном смысле, но лишается того, что делало ее авангардом нации, фактором национального обновления — авторами толстых журналов, выпускаемой миллионными тиражами «Литературки», бесплатно печатаемых книг. Значительная часть опускается на социальное дно, некоторая часть этой интеллигенции покидает страну. Только в 1993 году сорок тысяч ученых выехали за пределы страны. Огромное их число в России

деградировало в буквальном смысле, опустившись до розничной торговли, спекулятивных афер и т.п. Исчезает тот дух уважения американской цивилизации, без которого слом холодной войны растянулся бы еще на десятилетия. Для восстановления утраченного интеллектуального потенциала понадобятся поколения. И будут ли новые, более жесткие и эгоцентричные интеллектуалы такими же приверженцами западных ценностей?

Мечты о едином культурном пространстве, о возможности купить сегодня билет и быть завтра в Берлине, Париже, Лондоне споткнулись о визовые барьеры как замену «железному занавесу». Эмоциональный порыв идеалистов споткнулся о реальность, оказавшуюся значительно более суровой. Мост между Востоком и Западом теряет самое прочное свое основание.

5. Возможно, самое главное: восприятие американской и российской элит не соответствуют друг другу. Поистине, в контакт входят две разные цивилизации, западная и восточноевропейская. Убийственное дело —историографически проследить за переговорами по ядерным или обычным вооружениям между Востоком и Западом. Это в блистательных книгах Строуба Тэлбота о переговорах по СНВ все логично и рационально. На западных собеседников эмоциональный натиск Востока не производит ни малейшего впечатления. Есть холодное удивление по поводу спешки Шеварднадзе и Горбачева. Кого в США интересовало то, что так волновало устроителей московских торжеств: посетит ли президент США Красную площадь или только Поклонную гору? А вот в Москве не перестают беспокоиться, можно ли посетить встречу «семерки» в Лионе? Стоит лишь положить по одну сторону воспоминания М. Горбачева, Б. Ельцина, А. Добрынина, а по другую, скажем, Дж. Буша и Б. Скаукрофта, Дж. Шульца, Дж. Бейкера, Дж. Мэтлока, описывающих одни и те же события, чтобы убедиться в рационально-эмоциональном тупике, доходящем до уровня несовместимости. То, что так важно одной стороне (поцелуи, овации толпы, обращение по именам, дружеское похлопывание, обмен авторучками и прочая тривия), не имеет никакого значения для другой стороны, хладнокровно фиксирующей договоренности, предельно логичной в методах их достижения, демонстрирующей неукоснительное отстаивание национальных интересов. *«Новое мышление для нашей страны и для всего мира»* жестоко сталкивается с хладнокровным реализмом как единственной легитимной практикой защиты национальных интересов. Самое печальное во всем этом то, что не происходит накопления опыта. Восток и не собирается изменять эмоциональному началу, на Западе и в голову не приходит подменить бюрократию застольем.

Реакция на разочарование. Холодный практицизм Вашингтона вызвал первое подлинно общенациональное ощущение, что политический смерч рубежа 80—90-х годов был по разному воспринят Соединенными Штатами и Россией. Перед Россией встал вопрос о мотивах Запада, еще недавно обещавшего «не пользоваться сложившейся ситуацией». Сразу же выделились две противоположные позиции, «новое» мышление как бы сразилось с «новым старым» мышлением.

Одна (уменьшающаяся) часть политического спектра России призвала не менять курса Шеварднадзе-Козырева, оставить сближение с Западом превосходящим все прочие приоритеты, покориться тому, что представляется неотвратимым и попытаться найти в этом нечто позитивное для себя; оценить способность НАТО сдерживать конфликты между государствами — членами, возможности НАТО стабилизировать вечно беспокойный центральноевропейский регион; по достоинству оценить наличие силы, готовой пойти на материальные, людские и моральные жертвы ради замирения таких конфликтных регионов как уменьшившаяся Югославия. И идти на сближение с НАТО, даже если скорость Вышеградской группы на этом направлении значительно превышает московскую.

Но пик влияния сугубо прозападной радикально-демократической волны уже позади. Главного, решающего обстоятельства не создано. Она не осуществила союза с Западом, и ее влияние неизбежно ослабло.

Вторая, распространившаяся, как степной пожар, часть российского политического спектра в свете скудных итогов российского вестернизма пришла к выводу о невозможности следовать курсом «на Запад при любых обстоятельствах». Вопрос о приеме в НАТО прежних военных союзников СССР вызвал у политических сил России подлинные конвульсии, мучительную переоценку ценностей, потребовал обращения к реализму — на фоне болезненной для России демонстрации такого реализма со стороны Запада. Аргументы типа *«вы звали Запад, и он пришел к вашим границам»* потеряли силу. Уже вскоре обозначился практически национальный консенсус по оценке действий Запада после холодной войны.

Плохо или хорошо, но в отечественной политической жизни воцарился стереотип: мы сделали важнейшие внешнеполитические уступки, а Запад воспользовался «доверчивостью московитов», ворвался в предполье России, начал вовлекать в свою орбиту помимо восточной части Германии четырех прежних ценнейших союзников России — предполагаемые ворота в благословенный

Запад. Типичная для российского мышления контрастность немедленно вызвала «патриотическую реакцию», превратила особую внешнеполитическую проблему в заложника острых политических страстей.

Создается не очень привлекательная картина весьма серьезного разочарования России в трансокеанском союзе. Может быть, Россия «слишком требовательна», когда говорит о желательности помощи ее демократии, незрелому рыночному хозяйству, новым структурам, приближающимся к западным? Что же, такая точка зрения имеет хождение и в России. Совершенно справедливым было бы указать, что Соединенные Штаты никогда не обещали такой помощи, у американцев нет особых «моральных угрызений». В данном случае мы касаемся вопроса, который по своей сути выходит за рамки американо-российских отношений в более широкую плоскость межгосударственных и даже человеческих отношений. Богатые не обязаны помогать бедным, демократии, строго говоря, не обязаны чем-либо жертвовать в пользу соседей. И Запад вправе философски наблюдать за неудачами российских реформ. Но при этом Запад с Соединенными Штатами во главе должен принять лишь одно условие — он должен быть готов платить за последствия.

У бедных только одно оружие против безразличия богатых — они объединяются. В нашем столетии, возможно, самым убедительным случаем такого объединения был период военного поражения и практического распада России в 1917 году, когда большевики, по существу, провозгласили Россию родиной всех *униженных и оскорбленных*, создавая угрозу Западу , которая в конечном счете переросла все мыслимые прежние угрозы.

Повторение социал-дарвинистского подхода, предоставляющего Россию собственной участи, сегодня возможно только при исторической амнезии Соединенных Штатов. Погребенная собственными проблемами, основная масса которых — плод незрелой модернизации, Россия опустится в окружение третьего мира с одним известным багажом — своей сверхвооруженностью.

Внутри своего общества американцы очень хорошо знают о жизненной необходимости той или иной степени социальной солидарности. Если же вовне, на мировой арене, они отойдут от солидарности со страной, стремящейся разделить общие ценности и освоить единые цивилизационные принципы, то плата за пренебрежение бедами недостаточно модернизирующейся России может оказаться для США более чем высокой. Основы буржуазной западной цивилизации будут в очередной раз стерты внутри России, ксенофобия и социальное мщение будут править бал в стране с тысячами ядерных боеголовок. Третий мир получит оз-

лобленного, решительного и готового на жертвы партнера. И тогда не трудно предсказать новое, теперь уже ядерное средневековье. В конечном счете, Запад — это менее десяти процентов населения Земли, а принцип *«все люди рождены равными и наделенными...»* распространился повсеместно. Оставить Россию начала XXI века один на один со своими проблемами недальновидно по любым стандартам.

(При всем том обидчивость в политике просто смешна. Если Россия будет упиваться несправедливостью, допущенной в отношении нее, сетовать на несовершенство мира, на жесткость решений, принятых без ее участия, скажем, в отношении НАТО, Боснии, Косова или Ирака, то останется всего лишь один на один со своей эмоциональной травмой. Следует понять, что эволюция американской политики произошла не из-за неких антирусских настроений Вашингтона, а в очень большой степени из-за того, что российское руководство не сумело ясно выразить свои собственные интересы, не сумело показать себя стабильным партнером — если уж страна стучит в двери Запада. Всплески активности перемежались в российской дипломатии то штилем, то неожиданными угрозами прибалтам, туркам и всем, кто ни попадет под руку. Если уж корабль российского государства уменьшился, тем важнее для него верный компас и карта, определенный курс и четко намеченные цели. Только тогда Россия могла бы предъявить претензии к тем, кто блокирует ее движение в будущее.)

Что остается России. В новом раскладе сил сегмент России уменьшился очень и очень значительно. Но не абсолютно. Россия все же сохранила немало из наследия СССР. Вовне — место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Внутри — ракетно-ядерный меч, свободу выбора пути, образования союзов, формирования партнерских соглашений. Никакая прозападная «гибкость» элиты не может в одночасье изменить того, что является частью национального генетического кода: никогда не быть ничьим сателлитом, идти на любые жертвы ради самостоятельного места в истории, ради свободы выбора в будущем, ради сохранения этого выбора у грядущих поколений. Медленно, но верно Москва начала освобождаться от поразительных иллюзий. Безоговорочные западники уступили место более отчетливым радетелям национальных интересов.

Что остается России? Профессор стратегических исследований Колледжа армии США Стивен Бланк приходит к выводу: *«Лишенная обещанной ранее зарубежной помощи, потрясенная незавершенными преобразованиями внутри, Россия, если подходить к делу реалистически, едва ли не готова продол-*

жать следовать самоубийственному рыночному романтизму. Движимая внутренними процессами, Россия отвергла предназначенное ей «место» в новом мировом порядке и тем самым поставила под сомнение стратегию Запада»[82]. Если Запад не ощутит опасность ожесточения России, в мировом соотношении сил могут проявить себя новые антизападные тенденции. Помимо прочего, все мечтания российских западников рухнут окончательно.

Смятение и слабость пройдут. Россия оправится. И начнет играть в ту же игру, которую ей навязывает Запад. Потому-то с таким вниманием в США следят за российско-китайским диалогом, определяют значимость ролей в колоссальной оси Москва — Пекин. И не менее чем шоковое впечатление производят предложения типа сделанного премьер-министром Примаковым о сближении в пределах треугольника Россия — Китай — Индия.

Придет время, и российские инвестиции (а не танки) вернутся в Восточную Европу. Этот вариант предполагает сближение со «второй Европой», с теми восточноевропейскими странами, которые очень быстро убедятся, что в «первой Европе» их не очень-то ждут, что экономическая конкуренция — вещь серьезная, что их рынки и ресурсы не вызывают восхищения на Западе. Откатная волна почти неизбежна. Конечно, она не приведет к новому СЭВу, но венгерский «Икарус» и чешскую «Шкоду» ждут только на одном, нашем рынке. Обоюдовыгодные сделки не могут не дать позитивных итогов. В конце концов, работает восточноевропейский цивилизационный фактор, связи полустолетия нельзя рушить с детским восторгом перед красотой крушения. У нас с Восточной Европой примерно равный технический уровень, и мы примерно на равную дистанцию отстали от ЕС. Мы можем дать энергию (газ и нефть), предоставить свой рынок. Прошлое не восстановимо, но оно и не проходит бесследно.

НАТО при этом будет смотреться динозавром прошедших времен. Сейчас американцы, не сумев найти modus operandi с Россией, обратили основные усилия на каспийскую нефть, *«чтобы создать,— цитируем лондонскую «Файнэншл таймс»,— американскую сферу влияния на Кавказе и на Каспии ради обладания контролем над нефтью»*[83]. Со своей стороны, продавая газ и нефть Западной Европе, Россия может решающим образом ослабить зависимость этого региона от США, владеющих контролем над ближневосточной нефтью. Об этом говорят сегодня сами западноевропейцы[84].

Но оставим пока перспективы. Перед нами живая конкретика. Заместитель госсекретаря Строуб Тэлбот, ориентировавшийся на укрепление отношений с Россией, проиграл Ричарду Холбруку

(ответственному за европейскую политику и главному носителю идеи распространения НАТО на восточноевропейские страны) битву за привлечение России к Западу. Но Тэлбот (и вместе с ним часть американского истэблишмента) продолжает утверждать, что «интеграция России критически важна для внешней политики США в целом, она должна быть ключевым элементом американской политики в отношении России, поскольку достижение самых важных целей Америки будет зависеть от согласия России участвовать в общем процессе глобализации»[85]. Так звучит признание в том, что основная задача Америки не решена. Блокируя ее, Соединенные Штаты «рискуют однажды спровоцировать создание самодостаточного торгового блока от Атлантики до Тихого океана»[86].

Перспективы сближения. Будущее невозможно выстроить в одной плоскости, слишком сложен наш мир. В целях прояснения перспектив есть смысл выделить крайние точки, зафиксировать экстремальные тенденции.

Первый вариант развития отношений между Россией и Западом, возглавляемым Соединенными Штатами, видится как торжество западной, прежде всего американской русофилии и российского западничества. Россия никак не реагирует, не предпринимает специальных инициатив, соглашается на все действия мирового региона-лидера, передоверяет фактически свою безопасность другим. Этот путь уже глубоко освоен в период Шеварднадзе-Козырева, он соответствует идеализму многих западников и не требует дополнительных усилий и лишних затрат. Возможно он соответствует менталитету части общества. По рекомендации Америки Россию приглашают в Североатлантический союз, предоставляют права ассоциированного члена Европейского союза, принимают в Организацию экономического сотрудничества и развития (клуб 30 наиболее развитых стран мира), приглашают на саммиты «большой восьмерки». Визовые барьеры между Западом и Россией понижаются до уровня, скажем, 1914 года; формируется определенная степень таможенного взаимопонимания, позволяющего хотя бы некоторым отраслям российской промышленности занять нишу на богатом западном рынке. Осуществляется главное, чего желали отчаянные западники 1988—1993 годов: союз западного капитала и технологии с российской рабочей силой и природными ресурсами.

В результате жизненный уровень в России (ныне десятикратно более низкий, чем в США) повышается, интеллигенция пользуется западными стандартами свободы, в России впервые в текущем веке возникает чувство защищенности и (что бесценно в стране с нашим менталитетом) приобщенности к мировому про-

грессу и лидерству. Сбывается мечта Петра, Сперанского, Пестеля, Чаадаева, Милюкова, Сахарова: Россия входит в мир Амстердама, и входит не как квартирант, а как полноправный союзник, участник, составная величина Большой Европы от Владивостока до Сан-Франциско, чтобы не было мировых войн, чтобы объединился христианский мир, чтобы пятисотлетняя эволюция Запада, возглавляемого в двадцатом веке Соединенными Штатами, включила наконец в себя — а не подмяла — Россию, избежавшую участи колониальной зависимости в XVI—XIX веках, а теперь желающую войти в мировую метрополию.

Москва должна решить, что она может осуществить совместно с Вашингтоном, а чего определенно не может. Если уж не получилось стратегического партнерства в целом, то необходимо определить, какие его отдельные элементы возможны. В политике всегда полезнее плыть вместе с лидером, а не против него. Поэтому будет проявлено стремление добиться соглашения с США, хотя бы по возможному минимуму. Ведь Россию со Штатами связывает достаточно многое. Нужно вернуться к конструктивному диалогу хотя бы в ограниченных рамках: подтвердить заинтересованность в ООН, в ядерном нераспространении, сходство позиций на ряде региональных направлений.

Худшее, что могло бы произойти,— это бездумная ссора России с Западом, легковесная потеря ею авторитета на Западе, возможности технологического обновления при помощи Запада, потеря западных инвестиций и кредитов, при том, что после включения в Североатлантический союз Польши, Чехии и Венгрии процесс развития НАТО будет, видимо, идти своим путем, автономно, независимо от реакции Москвы.

Стоит ли детально говорить о сложностях реализации данного проекта? Эту сложность ощутили на своих плечах все вышеупомянутые деятели русской истории — от императора Петра до академика Сахарова. Не будем говорить об особом человеческом материале, иной культуре, религии, традиции, цивилизации. Скажем о Западе: практически невозможно представить себе приглашение России в НАТО, ОЭСР, ЕС и т.п. Этого не хочет Запад, как бы ни бились в истерике западники козыревского набора. И Шенгенские визовые правила не будут изменены ради въезда российских пролетариев умственного и физического труда — слишком велико напряжение собственного социального котла с 18 млн. безработных. И инвестиции западных фирм не польются в криминализированный мир русского полубеззакония.

Вариант ожесточения. Тогда очертим другую крайность. *Второй* вариант развития российско-американских, российско-западных отношений предполагает отторжение России в Север-

ную и Северо-Восточную Евразию. НАТО, таможенные барьеры и визовые запреты встали на пути России в западный мир, и ей приходится устраивать свою судьбу собственными усилиями как за счет мобилизации оставшегося влияния в рамках СНГ, так и за счет поиска союзников вне элитного западного клуба — прежде всего в Азии, в мусульманском, индуистском и буддийско-конфуцианском мире. В этом случае Россия снова восстанавливает таможенные барьеры с целью спасения собственной промышленности. С той же целью она просто обязана будет заново выйти на рынки своих прежних советских потребителей в Средней Азии и Закавказье и, по мере возможности, в восточно-славянском мире. Прежние военные договоры с Западом потеряют силу. Парижский договор 1990 года о сокращении обычных вооружений будет вопиниматься как величайшая глупость всех веков. (Ведь Горбачев подписал его, уже загоняемый Ельциным в угол, едва ли не в состоянии стресса. И главное — подписал его в связке с Хартией о новой Европе, безблоковой, свободной, стремящейся к единству. Где эта Хартия? Почему блок НАТО существует и расширяется?) Россия восстановит способность массового выпуска стратегических ракет с разделяющимися головными частями, создаст новые закрытые города, мобилизует науку. Ростки федерализма погаснут, окрепнет унитарное государство с жесткой политической инфраструктурой, что предопределит судьбу прозападной интеллигенции.

Сценарий *конфронтации* предполагает мобилизацию ресурсов с целью сорвать строительство очередного санитарного кордона. Стране не привыкать к очередной мобилизации — это почти естественное состояние России в двадцатом веке. Потребуется автаркия, подчеркнутая внутренняя дисциплина, плановая (по крайней мере, в оборонных отраслях) экономика, целенаправленное распределение ресурсов. Для внешнего мира наиболее важным было бы укрепление военного потенциала страны:

— выход из Парижского соглашения по ограничению обычных вооружений, прерывание соглашения по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1), отказ от ратификации ОСВ-2, денонсирование конвенции по химическому и биологическому оружию, воссоздание армии континентальных масштабов, увеличение числа ракет, оснащенных разделяющимися головными частями;

— воссоздание ракет среднего и меньшего радиуса действия (РСМД), восстановление поточного производства мобильных ракет средней дальности СС-20;

— Варшава, Будапешт и Прага, переориентирующие свои военные системы на Восток, официально назовутся целями российских ядерных сил;

— интенсифицируются усилия по формированию военного блока стран СНГ, пусть и в ограниченном составе, осуществится координация действий стран, оказавшихся «за бортом» НАТО, причем не только из СНГ;

— возобновится военное сотрудничество с потенциальными конкурентами Америки, со странами, далекими от симпатий к Западу.

Будет реализована также устремленность в западноевропейском направлении, использование «германского актива» политики России, равно как и англо-французского опасения германского могущества. Активизация европейской политики не может не дать результатов — это проторенная дорога российской дипломатии: Петр нашел союзников против шведов, Екатерина создала Северную лигу, весь XIX век мы дружили с Пруссией-Германией, в XX веке поставили на Антанту. Регион-сосед никогда не был и не является сейчас монолитом. Речь не идет о противопоставлении одних другим, но в политике, как и в жизни, нет статики, а происходящие изменения почти неизбежно порождают возможности. Воспользоваться ими — обязанность дипломатии России перед своей страной.

Главная цель этих недвусмысленных усилий заключается в том, чтобы показать серьезность обеспокоенности страны, на чей суверенитет многократно посягали в ее истории, в том числе и в XX веке. Пусть Запад взвесит плюсы и минусы введения в свое лоно трех-четырех держав, которые уже и без того находятся в западной зоне влияния. Если, скажем, Франция не считает свое членство в Североатлантическом союзе достаточной гарантией своей безопасности и параллельно развивает независимые ядерные силы, то почему Россия, двукратная спасительница Франции в нашем веке, должна положиться на судьбу, не раз ее подводившую?

Отторгнутая Западом Россия укрепит связи с жаждущими военного сотрудничества Ираном, Ираком и Ливией, но глобально будет строить союз с Китаем, допуская товары китайской легкой промышленности на российский рынок, модернизируя тяжелую и военную промышленность своего крупнейшего соседа, чей ВНП через пятнадцать лет превзойдет американский. Определенную склонность к координации макрополитики показала Индия, еще один гигант XXI века. Такое сближение «второго» и «третьего» миров создаст новую схему мировой поляризации, при том что больше половины мировой продукции будет производиться не в зоне Северной Атлантики, а на берегах Тихого океана.

Надо ли подчеркивать, что для России этот вариант будет означать ренационализацию промышленности, воссоздание внутренних карательных органов и формирование идеологии, базирующейся

на сопротивлении эксплуатируемого Юга гегемону научно-технического прогресса — Западу. Рационализация противостояния не займет много времени, состояние национальной мобилизации и мироощущение осажденного лагеря — привычный стереотип для России двадцатого века. Запад будет отождествлен с эксплуатацией, безработицей, коррупцией, криминалом. Неоевразийство будет править бал, резко усилится тихоокеанская обращенность, ориентация на азиатскую дисциплину, а не на западный индивидуализм. Россия должна посмотреть на Восток, всмотреться не по-дилетантски в китайский опыт, обнажить суть общности интересов этого успешно (в отличие от нас) догоняющего Запад региона. И начать параллельное движение. Острова Южнокурильской гряды будут в совместном управлении с Японией, чьи сборочные заводы появятся в Находке. Фаворитом Москвы будет Сеул. У Пекина будут развязаны руки в Южно-Китайском море, а граница по Уссури-Амуру-Казахстану будет признана окончательной. Российско-китайско-японско-южнокорейские компании приступят к последней кладовой мира — Сибири. Усилятся связи с Латинской Америкой, еще одной жертвой Запада.

Не вызывает сомнения, что Россия в состоянии сделать много такого, что не может не подействовать на западные державы, не может не вызвать у них новые мысли, сомнения, обеспокоенность, тревогу, недовольство, страх, желание взвесить «за» и «против» нового военного строительства. Ясно выраженное недовольство должно быть выражено в рациональных терминах, обладать глубиной анализа, передавать суть обеспокоенности страны, дважды спасавшей Запад в нашем веке.

Ограничители. Главное препятствие реализации этого проекта — евроцентрическое мироощущение, царящее в образованных кругах не только России, Юго-Восточной Европы, но и Закавказья и даже Средней Азии (за исключением моджахедов Таджикистана). Москве будет нелегко разрушить петровскую Россию и строить восточный мир на путях Скобелева и Куропаткина. Ведь Витте и Столыпин мечтали сделать «восточную империю» дополнительной опорой веса России в Европе. Перемещение центра тяжести потребует такой идеологии, в которой либо социальный момент (коммунизм), либо «оскорбленность отверженного» будут стержневыми элементами. Но вся русская культура восстает против этого антизападного противостояния, и любая фантазия замирает при виде последнего похода восточных славян к Охотскому морю как завершающего эпизода великого переселения народов.

Более полная реализация этого сценария потребовала бы жесткой политической воли; готовности населения; материальных жертв и адекватных физических ресурсов. Именно последнее де-

лает невозможным силовое реагирование в ответ на расширение НАТО. Предел силовому реагированию ставит та экономическая катастрофа, которая постигла страну в течение пяти последних лет. За это время валовой внутренний продукт России сократился на 55%. Инвестиции в российскую экономику сократились на 73%. На 84% сократились расходы на военную промышленность. В 1990 году ВВП России составлял 5% мирового (СССР — 8,5%). Ныне на страны НАТО приходятся 45% мирового ВВП, а на Россию — 2,4%. Военные расходы НАТО составляют 46% мировых — не менее чем в десять раз больше российских. Численность вооруженных сил НАТО сейчас составляет 6,3 млн. человек, а у России — 1,5 млн.

Следует напомнить о неуклонном лидерстве США в технологической революции и тот факт, что современная Россия обладает 20% валового национального продукта СССР 1990 года. И 5% валового продукта США. Стороны все более переходят в разные весовые категории. Ньютоновская инерция еще действует с обеих сторон, но уже посуровели американцы и менее уверены в себе русские. Обе стороны еще какое-то время могут действовать, словно подобие биполярного мира еще сохранилось, но долго инерционный момент не продержится. Помешает, как учит физика, трение. Политико-экономические и цивилизационные трения неизбежны, а в условиях потери взаимопонимания и материальных тягот отчуждение рискует прийти достаточно быстро.

При таком раскладе сил, даже если учитывать, что нам не привыкать затягивать пояса, сугубо силовая реакция России едва ли сулит успех. Зато велика опасность окончательного обескровливания нашей промышленности, замедления технологического роста. Перспективы действий в этом направлении не обнадеживают. Если ослабевшая Россия антагонизирует самый влиятельный регион мира, будущее не обещает особой надежды. Объективные обстоятельства диктуют менее воинственное поведение, делают почти обязательной большую готовность к реализации компромиссного сценария.

Не имеющая ясной и привлекательной идеологии, харизматических и упорных лидеров, подобия плана (а не его бюрократической замены-суррогата) реинтеграция на просторах СНГ завязнет в мелочных спорах и в обычной готовности видеть источник своих неудач не в себе, а в соседе. Проза жизни будет заключаться в том, что НАТО, вопреки восточным ламентациям, расширится до Буга и Карпат. Но при этом Запад, не допуская в свой лагерь, будет все же выдавать России антиаллергены в виде займов МВФ, в виде полудопуска на раунды «семерки», в виде давосских шоу, фондов, льготных контактов и т.п. Восточная Европа станет

зоной влияния Запада, Украина — полем довольно жесткой битвы, Прибалтика — западным бастионом. Российская тяжелая промышленность опустится на дно, но не оскудеет труба трансконтинентального газопровода и часть нефтегазодолларов смягчит евразийский пейзаж. Русская интеллигенция разорится (9/10) или уедет (1/10), властителями дум на короткий период станут специалисты по лизингу и маркетингу, а затем воцарится смягченный вариант компрадорской философии. Материально-морально-идейные различия между двумя столицами и российской провинцией, а не мечты о сверхдержаве станут главной проблемой и темой.

Усеченная, замиренная Россия в границах 1992 года будет постепенно терять рынки в соседних странах, международное влияние и даже исконную любовь 25 миллионов зарубежных русских, отверженных в странах своего проживания. Россия перестанет быть одним из бастионов мировой науки, она станет бедным потребителем второсортных товаров из Европейского союза, превращаясь постепенно из субъекта в объект мировой политики. Скорее всего, очевидцы не ощутят драмы: погружение будет медленным и смягченным западной благотворительностью. Но определенно закроется петровская глава русской истории. Не Амстердам, а Манила станет ее аллегорическим будущим.

Возможный курс Запада. Какова позиция на этом направлении мирового гегемона? В США обозначились две почти полярно противоположные оценки России и ее нового руководства. Водораздел идет между сторонниками стратегии *мягкого* подхода к России и ее проблемам и агрессивными противниками, вопрошающими, «кто потерял Россию», не видящими резона в «потакании» российской самостоятельности на международной арене.

I. Идеологи *первого — дружественного* направления призывают увидеть в России важного партнера, без взаимопонимания с которым невозможно решить основные проблемы Евразии. Но их заботы связаны, прежде всего, не с силой, а с *слабостью* России. Бывшая недавно сверхдержавой, «Россия ныне находится в ситуации, когда ни по одному показателю могущества она не движется в благоприятном для себя направлении... Несмотря на свое ядерное оружие, Россия будет оказывать на мир не большее влияние, чем Латинская Америка сегодня». Представляющий влиятельный Совет по международным отношениям Фарид Закария указывает на «внутреннюю нестабильность России — к примеру, в отношении утечки ядерных расщепляющихся веществ сквозь ее границы. Это беспокоит больше, чем ее ядерный потенциал как противника... Россия стала «больным человеком Европы»[87].

Да и ее ядерное оружие может оказаться под американским контролем благодаря поправке Нанна-Лугара, для чего американская помощь в контроле над ядерным оружием «должна оплачиваться щедро и осуществляться энергично[88]. (Напомним, что при президенте Клинтоне вследствие реализации Программы сотрудничества в уменьшении ядерной угрозы было дезактивировано более 1500 российских ядерных боеголовок, были уничтожены более 300 запускающих устройств[89].) Представители этого направления считают, что роль американских специалистов в процессе реконструкции военной промышленности России усиливается, риск «неверного» использования американских фондов российскими атомщиками уменьшается.

Специалисты этого крыла полагают, что «Россия 2020 года будет не только экономически слабее Китая, но встретит трудности в перестройке своих вооруженных сил и начнет ощущать обеспокоенность в отношении своего восточного соседа-гиганта, что приведет ее к сближению с Западом. Обеспокоенная судьбой своих восточных территорий, Россия наконец придаст смысл малоэффективному «Партнерству ради мира» и сблизится с НАТО»[90]. В свете этой перспективы США в грядущие десятилетия могли бы безо всякого ущерба для себя замедлить процесс расширения НАТО на Восток; вовлечь Россию в мирное урегулирование отношений с Сербией, отказаться от протежирования проекта Баку-Джейхан; отказаться от двусторонних военных учений в соседних с Россией государствах.

Целью американской политики должно быть не бросание вызова уменьшающейся зоне влияния России в евразийском регионе, а выработка взаимоприемлемой системы контрольных мер, системы сдерживания и противовесов, совместного осуществления влияния как НАТО так и России на турбулентных пространствах Евразии. Конфликты здесь гораздо больше вредят мировому порядку, чем некая гегемония России. «Было бы гораздо более мудрым для США,— считает С. Швенингер,— поощрить сильную и сотрудничающую Россию принять на себя хотя бы долю ответственности за данный регион. Нам это может нравиться или нет, но только Россия способна решить проблему Абхазии. Подобным же образом только Москва могла бы помирить Армению и Азербайджан в споре за Нагорный Карабах».

Задачей Америки в XXI веке должно быть сближение России с ОБСЕ и Североатлантическим союзом. Для достижения этих целей от Америки потребуется предоставить Москве некоторые особые права, позволяющие Москве иметь определенные контрольные функции в регионе своего традиционного влияния. Но для этого американской стороне потребуется несколько пересмотреть систему своих отношений с Россией и выдвинуть не-

стандартные предложения. Радикальные сторонники вовлечения России в западный лагерь выступают за прием страны в Североатлантический союз. Выдвигаются, как минимум, три аргумента.

Во-первых, только включение России в общую оборонительную систему может обеспечить длительный мир в Евразии: «Центральным и определяющим обстоятельством европейской стабильности в ближайшие десятилетия будет то, как Россия станет использовать свой потенциал»[91]. Скажем, Ч. Капчен безусловно и практически безоговорочно выступает в пользу принятия России в Североатлантический союз: «Вместо того чтобы использовать НАТО для защиты от несуществующей угрозы, ее члены должны были бы использовать свою организацию для закрепления России в Европе»[92].

Во-вторых, интеграция России в НАТО предотвратит образование новой «серой зоны» в центре Европы. Менее значимым фактором станет уязвимость стран, расположенных между НАТО и Россией — балтийских государств, Словакии, Румынии, Болгарии, Молдовы, Беларуси, Украины. Одностороннее привлечение этих стран в НАТО неизбежно вызовет озлобление России, боящейся изоляции. Есть все основания думать, что Россия не будет покорно бездействовать, когда одна за другой соседние с ней страны будут входить в недоступный ей военный блок. Американец Д. Каллео: «Почему не пригласить Россию присоединиться к НАТО, что трансформировало бы НАТО в подлинно пан-европейскую организацию, а не в инструмент американской или европейской гегемонии... Стабильность любой пан-европейской структуры может быть обеспечена лишь трехполюсным балансом в ней... Как мы узнали в Косове, игнорировать Россию невозможно. Более того, Пан-Европа не может процветать без умеренно демократической России»[93].

В-третьих, вхождение России в НАТО даст западному блоку возможность в определенной степени влиять на восточную часть Европы, откуда в ближайшие десятилетия следует ожидать зарождение кризисов. «На кону,— аргументирует Ч. Капчен,— безопасное состояние российского ядерного оружия и технологии, отношения России с Китаем, стабильность Украины, доступ к каспийской нефти — вопросы, которые вызывают глубокую обеспокоенность Запада. Отношения России со своими меньшими соседями будут объектом сдерживания, укрепления влияния общих правил натовского сотрудничества»[94]. Ч. Капчен предлагает включить во вторую волну Словению, Австрию и Румынию, после чего сразу же готовиться к формированию «третьей волны», состоящей из стран, одной из которых будет Россия. В научной литературе говорят о 2010 годе как о примерном сроке российского членства в Североатлантическом союзе[95].

Но, увы, идея приглашения России в военный блок Запада не стала главенствующей в официальном Вашингтоне. Приветственная риторика Вашингтона на этот счет (Клинтон: «Двери НАТО открыты для всех, кто готов нести бремя членства в союзе») не отражает общего скепсиса в отношении членства России. Обычно высказываются три соображения:

— Россия сама не заинтересована в членстве в НАТО;

— Россия движется к социальному и экономическому коллапсу;

— вхождение России фундаментально изменит характер Североатлантического союза.

На это приверженцы идеи приглашения России отвечают весьма обстоятельно. Москва не заинтересована в НАТО именно потому, что видит в ней военный союз, направленный против нее. Если НАТО призовет Москву, то для нее изменится и смысл ныне враждебного альянса. Россия не распалась и не распадется потому, что этого не хотят большинство ее жителей. Центральное правительство сохранило контрольные рычаги власти. Россия не является более противником Запада. Даже националисты признают уход из Центральной Европы как сферы влияния. Россия не намерена восстанавливать империю. И напротив: неизменная жесткость Запада мобилизует в России те силы, которые пойдут антизападным курсом.

Американцы призывают не забывать, что технические способности и искусство российских инженеров и рабочих продолжают оставаться очень высокими — именно они создали вторую сверхдержаву мира, исчезнувшую не по их вине. Эти огромные людские ресурсы следует перенаправить. В негласном соревновании с Китаем последний, возможно, будет победителем на десятилетней дистанции, но, скажем, на четвертьвековой Россия может добиться не менее впечатляющих результатов. Подъемы 1892—1914 и 1929—1965 гг. тоже не были предсказаны и начались довольно неожиданно. Нужна концентрированная воля, а умение и стоицизм России уже были продемонстрированы. Некоторые специалисты полагают, что «между 2010 и 2020 гг. Россия снова станет экономическим гигантом»[96]. Немалое значение будет иметь степень интеграции России с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Молдовой.

Вашингтонская администрация должна приложить все усилия с тем, чтобы «ввести своего возможного будущего соперника Россию в концерт правящих стран — подобно тому, как Франция была возвращена в концерт великих держав спустя три года после поражения Наполеона»[97]. Старая Россия имела столетний опыт дипломатии в условиях *концерта* великих держав. Ее историки и, возможно, политические планировщики хорошо знают преимущества быть *балансиром* в такой системе. Прежде пре-

имуществами такой позиции пользовалась Британия, но в двадцать первом веке подобная роль выпадает на долю России, амбивалентного государства, расположенного между двумя возможными коалициями.

II. Представители *второго — склонного к антагонизму* направления желают использовать факт ослабления России, которое представляется долговременным: «Культурные перемены,— пишет К. Райс,— могут затормозить функционирование гражданского общества и основанной на рынке экономики примерно на одно поколение»[98]. При этом слабая, не годящаяся в союзники РФ будет вести себя так, словно не испытала коллапса. «Россия,— пишут Р. Кегэн и У. Кристол,— будет стремиться ослабить американское политическое, дипломатическое и военное преобладание в мире»[99]. Если Россия и Китай найдут общий язык, русские перестанут заботиться о своей восточной границе, и восстановившая свою силу Россия может предпочесть отстояние от атлантических демократий, укрепить свои позиции на Балканах и в Прибалтике. Она сможет привлечь Белоруссию и Украину в свой лагерь, что сражу же увеличит ее геополитическую значимость[100].

Даже будучи ослабленной, Россия имеет ядерный арсенал, достаточный для уничтожения Соединенных Штатов[101]. И внутренняя арена Российской Федерации никому не подконтрольна. У России есть потенциал для восстановления некоторых из своих утерянных позиций. Представители данной точки зрения считают, что Россия — вторая после Китая проблема Соединенных Штатов.

Относительно способности России вернуть себе часть прежней мощи у данной группы американских аналитиков есть немалые сомнения. Ее еще остающиеся военные возможности не подкреплены стабильной экономической системой. Она теряет традиционные зоны влияния. Часть американских специалистов (скажем, К. Уолтс) предвидит замещение российского влияния в Восточной Европе германским. В Америке не исключают возможность того, что Россия попытается сблизиться с Германией и Японией, постарается стимулировать процесс ухода США из Европы.

В американском общественном мнении благожелательный подход к России преобладает. Только 16% американских лидеров считают Россию опасной для американских интересов. 95% выступают за сохранение помощи, чтобы предотвратить приход к власти националистических и антизападных сил[102]. И многие американцы еще помнят слова госсекретаря Дж. Бейкера о преимуществах иметь Россию частью пояса «от Ванкувера до Владивостока». Они полагают, что России понадобятся еще примерно *два* поколения для вхождения в новый мир в качестве самостоятельного центра. «Этот процесс будет чрезвычайно опасным, ибо не-

реалистично предположить исчезновение всех обнаружившихся при распаде СССР конфликтов»[103].

Четыре проблемы грозят обострением двусторонних отношений в будущем.

Первая — расширение НАТО на Восток. Экспансия Североатлантического союза явится, признает американский исследователь С. Швеннингер, «использованием слабости России. Урок, который Москва извлекает из этого опыта — это то, что она тоже должна создать свою сферу влияния для противовеса НАТО, чтобы в будущем было заключено соглашение между примерно равными сторонами: с одной стороны, союз, ведомый Вашингтоном; с другой стороны, ведомое Москвой Содружество Независимых Государств, поддерживаемое Китаем и Индией... Любое будущее российское правительство в свете войны НАТО против Сербии будет продвигаться в этом направлении. Конечным результатом такого развития событий является менее готовая к сотрудничеству Россия, все более активно оспаривающая американские действия в регионах, которые Россия считает жизненно важными с точки зрения своих интересов»[104].

Москва придет к выводу: если она не может повлиять на прием в НАТО новых членов и на действия НАТО в зоне натовских интересов, то не следует позволять западному союзу свободно реализовывать свои инициативы поблизости от ее границ. Россия постарается создать «свободную от НАТО зону, включающую Белоруссию, Украину на севере, Закавказье и Центральную Азию на юге и восток». С. Швенингер: «Было бы трудно отрицать за Россией право на реакцию в пику экспансии НАТО, что привносит угрозу серьезного конфликта в уже нестабильный регион»[105].

Вторая потенциально опасная проблема — стремление США ослабить позиции России внутри СНГ. Речь идет о поддержке Вашингтоном тех сил в СНГ, которые стремятся дистанцироваться от Москвы, проявить особую от российской линию поведения. Отметим совместные военные учения (на Украине, в Грузии, Азербайджане). Сторонники этого подхода призывают к более тесному сотрудничеству Соединенных Штатов с такими странами, как Казахстан, фактически игнорируя экономические, политические, стратегические интересы России. Речь идет уже ни более ни менее как о формировании в начале XXI века некоего антироссийского союза в составе Азербайджана, Грузии, Молдовы и Турции[106].

Проецируется на будущее активная роль США в регионе Каспийского моря. (В 1998 г. Вашингтон поддержал идею строительства нефтепровода через Азербайджан-Грузию, уязвимого для курдских повстанцев, но отвечающего линии Вашингтона на отрыв Азербайджана и Грузии от России; при этом новая — активная и

недружественная России роль придается Турции.) Противники такого поворота предупреждают, что «Америка может полагаться на слабость России в отношении противостояния американским действиям, но она более чем достаточно сильна для дестабилизации новых друзей Америки и замедления процесса эксплуатации азербайджанской нефти еще на долгие годы»[107].

Америке следовало бы посмотреть на текущие процессы более дальновидно, учитывая свои более широкие интересы как стража современной мировой экономики, кровно заинтересованного в базовых экономических, торговых процессах. Вместо того чтобы использовать антироссийские чувства и интересы, Америке следовало бы видеть в XXI веке общую картину контроля над основными нефтепотоками. Увлечение местными интригами в регионе, характеризующемся почти непримиримыми внутренними противоречиями, увеличивает опасность дестабилизации. «Американская стратегия укрепления периферии в СНГ против центра, имеет смысл с нынешней геополитической точки зрения, но такая политика имеет гораздо меньше смысла с точки зрения перспективы стабильности, создания минимального международного порядка, поскольку мир в регионе зависит от сильной и склонной к сотрудничеству России»[108].

Еще более жестко высказывается А. Ливен: «Важность каспийского региона для Америки в огромной степени преувеличена... В Центральной Азии программы, подобные натовской «Партнерству ради мира», бессмысленны... Здесь американская риторика относительно гражданских прав лицемерна, в то время как Соединенные Штаты демонстрируют несокрушимую враждебность по отношению к интересам России. Если США действительно имеют жизненно важные интересы в Каспийском регионе, тогда они должны открыто пренебречь точкой зрения России»[109]. Экспансия американского геополитического влияния в Центральной Азии основана на весьма шатком основании: ряд диктаторов-оппортунистов представляют собой слабых, нестабильных, и экономически ретроградных деятелей. Помимо прочего эта политика сближает Россию с Ираном против США-Турции. Провозглашение сферы жизненных интересов США в этом регионе демонстрирует лишь «патологическую степень русофобии»[110]. Несмотря на явную слабость России, Соединенные Штаты не имеют ни резона, ни средств, ни воли заменить даже слабеющее здесь влияние России.

Третья проблема — противостояние с Россией в государствах-париях. США ничего не желают знать о таких факторах, как огромная задолженность, скажем, Ирака Москве. Они с охотой перехватывают заказы на строительство атомных электростанций (Северная Корея), захватывают значительные рынки

вооружений (Восточная Европа), отсекают российские интересы, поощряя строительство нефтепровода Баку-Джейхан. Американцы тем самым объективно увеличивают потенциал противостояния с Москвой в наступившем веке.

Четвертая проблема — попытка использовать военную слабость России, влекущая за собой прессинг в сфере экспорта военных технологий. Как выясняется, Россия не в состоянии расходовать даже 3,5% своего ВНП на военные нужды. Она с огромным трудом поддерживает свой ядерный щит и совокупность обычных вооружений. В 1999 году военный бюджет составил лишь 2,6% российского ВНП. И все же, хотя Россия, напоминает американский эксперт С. Бланк, «не может позволить себе создание высокотехнологичного и даже обычного оружия, она все еще руководствуется относительно амбициозной программой, предполагающей готовность к атомной войне. Эта программа включает в себя создание таких межконтинентальных баллистических ракет, как «Тополь-М», нового класса ракет морского базирования «Борей», инвестиции в совершенствование систем наведения и контроля, противолодочную технологию»[111]. Желают ли США сделать эту огромную разрушительную силу враждебной? 34 процента американцев хотели бы лидировать в оказании помощи России и лишь 17 процентов склонны полагать, что Россия сама должна справиться со своими проблемами (34% полагают, что лидерство в оказании России помощи должна взять на себя Западная Европа)[112].

Одним из наиболее важных источников модернизации ядерного потенциала и создания современной армии примерно в пятнадцать дивизий является продажа вооружений за границу. «Если Россия не может более конкурировать с высокотехнологичными американцами и западноевропейцами, у нее не остается альтернативы продаже своих старых ядерных систем двойного назначения»[113]. Примером может служить продажа использованного ядерного топлива Индии, проект продажи от 50 до 70 атомных реакторов Китаю, продажа реактора Ирану, поставка высокотехнологичного оборудования Индии. Любая интенсификация индо-пакистанских и индо-китайских разногласий оживляет российский рынок, в очередь на который с готовностью встают страны, отвергнутые Западом — Северная Корея, Иран, Ирак, Ливия.

Какие меры могли бы улучшить двусторонние отношения?

Во-первых, пересмотр Вашингтоном инициативы 1994 года о «Партнерстве ради мира» (ПРМ). Новая система отношений (ПРМ-2) потребовала бы от американской стороны выдвижения такого совместного плана, который предполагал бы совместное его «спонсирование» Россией, Советом Россия-НАТО и Североатлантическим союзом. Новая инициатива проложила бы дорогу

механизмам совместного поддержания мира и миротворческих операций в широком евразийском спектре, будь то в Косове или Грузии. Согласие Америки на расширение российских полномочий в местах типа Косово позволило бы американской стороне участвовать в контрольных функциях, скажем, в Нагорном Карабахе. Главное: смягчены были бы небезосновательные подозрения России относительно того, что ПРМ — это просто «троянский конь» будущего натовского вторжения в дела бывших советских республик. Была бы создана основа для сотрудничества между противостоящими друг другу Западом и (резко ослабленной) Россией, поворачивающейся к Евразии в надежде на поддержку Китая и Индии. Был бы в значительной мере нейтрализован регион, на территории которого находится максимальная концентрация оружия массового поражения в мире.

Во-вторых. Чтобы избежать взаимного озлобления, западная сторона должна предложить России создание некой Евразийской Ассоциации нефти и газа — ЕАНГ (предложение канадского исследователя Роберта Катлера). Моделью должен служить один из самых успешных проектов XX века — европейское Сообщество угля и стали (1951 год), когда «вечные» противники — Франция и Германия сплели вместе наиболее важные отрасли своей индустрии. ЕАНГ могла бы со временем стать важнейшим проектом сотрудничества Востока и Запада, России и НАТО, обеспечивая взаимовыгодную перекачку энергетических ресурсов в трансконтинентальных масштабах. Речь идет о конкретных сделках, способных сблизить основные силы региона, включая США и Россию. Соединенным Штатам в XXI веке следует отказаться от амбициозных проектов типа овладения *всей* каспийской нефтью — это неблагодарная и саморазрушительная задача, способная взорвать всякую стабильность на Евразийском континенте. В то же время совместные с Россией проекты способны загасить тлеющие конфликты и в конечном счете содействовать сохранению общего статус-кво, к чему в двадцать первом веке США будут стремиться прежде всего.

Региональные проблемы. В мире, который распался на рубеже 80—90-х гг., Советский Союз противостоял Соединенным Штатам по глобальному кругу проблем. Это выделяло две сверхдержавы в особую категорию, отдаляло их от всех прочих суверенных актеров мировой арены, так как разрыв между ними и прочими суверенами был общепризнан. Игра с нулевым результатом, манихейский характер отношений к партнерам и противникам были производными от глобальной конфронтации СССР и США. В каждом из мировых регионов те страны, которые были ущемлены союзниками одной из сверхдержав, немедленно обра-

щались за политической, военной и экономической поддержкой к противостоящей сверхдержаве. Указанное манихейство, заведомая антагонизация «друзей твоих соперников» упрощали общую картину международных отношений, делали относительно предсказуемым характер поведения обеих сверхдержав на отдельных региональных направлениях.

Коллапс Советского Союза фундаментально изменил мировые геостратегические реальности. Соединенным Штатам в новой обстановке, когда они волею материальных обстоятельств встали во главе мирового созвездия государств, пришлось переосмыслять систему своих международных связей. *С одной стороны*, все преимущества быть единственной сверхдержавой. Новые возможности: отсутствие у Америки полновесного противника, преобладание над основными конкурентами на всех континентах в военной сфере, в экономическом развитии, в привлекательности массово-культурных ценностей. *С другой стороны,* даже для США исчезла относительно легкая возможность приобретения союзников и клиентов за счет получения под свою опеку антагонистов противостоящей сверхдержавы. Исчезла своеобразная дисциплина контролируемого сверхдержавами мира.

Логика биполярного соревнования быстро и радикально уступила место «наведению порядка» в ставшем более хаотическим мире. Исчезла страшная угроза глобальных кризисов типа Карибского, но один за другим следуют локальные кризисы в Персидском заливе, Сомали, Гаити, Руанде, Боснии, вокруг Тайваня, в Косове. Главное новое качество этих кризисов для США — это то, что прежний *главный* конкурент Америки во всех мировых регионах, Россия, к началу XXI века практически лишилась региональных союзников.

Энергичная политика в далеких регионах оказалась невозможной для Москвы не только вследствие резкого ее ослабления, но, прежде всего потому, что основную энергию Москва должна теперь расходовать в пределах Содружества Независимых Государств, где, оглушенные переменами, полтора десятка государств восточноевропейского цивилизационного кода ищут свои пути выживания. Впервые после 1917 года встал вопрос, существует — и до какой степени действует восточнославянское единство, каков потенциал евразийства. В Москве на пороге XXI века стали считать то, что обсуждалось лишь до наступления века идеологии, до первой мировой войны — потенциал своего цивилизационного ареала.

Цифры в этом отношении далеко не обнадеживают. В 1900 г. к православной цивилизации относилось 8,5 % населения Земли, в 1995 — 6,1 %, в 2025 г. (прогноз) — 4,9 %. На 1980 г. страны православного ареала производили 16,4% мирового валового про-

дукта; эта доля упала в 1992 г. до 6,2%. Совокупные вооруженные силы этого региона составили в начале 90-х гг. 15% общемировой численности, а к началу нового века фрагменты ОВД и СССР растратили свое превосходство над Западом в обычных вооружениях. Непополняемые стратегические ядерные силы России (СЯС) стали стареть буквально на глазах. Лишь в декабре 1998 года — впервые за десятилетие — в состав СЯС вошел полк мобильных МБР «Тополь-М».

Россия объективно возглавляет этот регион, хотя дисциплина внутри него слаба. Несмотря на очевидное ослабление, Россия пытается говорить с США от имени цивилизационно родственных держав, равно как и Соединенные Штаты видят себя лидером западной цивилизации и стремятся говорить от лица Запада. К третьему тысячелетию Российская Федерация и Соединенные Штаты выйдут с тремя видами региональных проблем — своего рода тремя концентрическими кругами их новых отношений, складывающихся после холодной войны.

Первый круг составляет комплекс проблем вокруг новой роли Китая, проистекающих из необходимости так или иначе приспособиться к грядущему новому политико-экономическому лидеру Азии. *Второй* круг проблем замыкается на тенденциях возможного центростремительного и центробежного движения в пределах Содружества Независимых Государств, где Москва теряет позиции, а Вашингтон старается приобрести. *Третий* — периодические столкновения России и США в регионах развивающегося мира. Рассмотрим все три вида региональных противоречий последовательно.

Великий треугольник. Двумя главными внешнеполитическими обстоятельствами для России начала XXI века является гегемония в мире на ближайшие двадцать лет Соединенных Штатов и неожиданный феноменальный рост (экономический, политический, военный) главного азиатского соседа — Китая. Волею этих двух заглавных обстоятельств Россия «обречена» жить в мире, где враждебность одной из двух (или сразу двух) сил решительно ухудшает внешние условия российского развития. В то же время параллельная благожелательность к обоим мировым центрам — и доминирующему, и быстрее других растущему — становится все более сложной в свете того, что цели США и Китая начинают приобретать характер несовместимости. Америка полна решительности не допустить китайской гегемонии в Восточной Азии, в то время как Китай не видит для себя иного будущего, кроме как на месте безусловного регионального лидера.

В результате Российская Федерация объективно оказалась между двумя силами, взаимодействие или противодействие кото-

рых явится определяющим фактором системы международных отношений в первые десятилетия XXI века. Задача России двуедина: не ожесточить ни одну из указанных сил, постараться сыграть на их противоречиях, обеспечить себе положение «третьего радующегося», имеющего доступ к источникам технологического роста, к свободным капиталам, к самым богатым в мире рынкам.

Задача Америки не менее определенна: не допустить сближения двух гигантов материка Евразии, предотвратить союз полуторамиллиардной людской массы Китая со стратегическим потенциалом России, не упустить контрольных позиций в Восточной Азии, куда перемещается центр мирового экономического развития.

Старая игра в новой ситуации. Дипломатическая игра в рамках треугольника СССР-США-КНР начались с дипломатического успеха Г. Киссинджера, восстановившего дипломатические отношения между Америкой и Китаем именно в то время, когда Москва и Пекин находились в фазе жесткого противостояния. Между 1972 и 1989 гг. все американские администрации последовательно сближались с Китайской Народной Республикой, используя это сближение для воздействия на позиции своего основного геополитического противника — Советского Союза. Ситуация начала меняться в конце 80-х гг., когда западный детант с СССР набрал необычайную скорость, а китайские коммунисты вывели танки на Тяньаньмынь. Сближение Вашингтона с Москвой произошло в тот исторический период, когда ускорение экономического и военного развития Китая стало вызывать растущие опасения: каким будет внешнеполитический курс обретающей новое могущество «Срединной империи»?

Обнаружился главный для США и России факт: конфуцианский мир континентального Китая, китайских общин в окрестных странах, а также родственных культур Кореи и Вьетнама, вопреки коммунизму и капитализму, начал процесс возвышения Восточной Азии на основе своего цивилизационного кода — конфуцианского трудолюбия, почитания властей и старших, стоического восприятия жизни. Регион осуществляет фантастический сплав новейшей технологии и трудолюбия, традиционного стоицизма и исключительного роста самосознания, отрешения от прежнего комплекса неполноценности. Цифры красноречивее слов. Китай обойдет США по объему ВНП примерно в 2007 г. По прогнозам на 2025 г. в пределах китайской цивилизации будет жить не менее 21% мирового населения.

Соединенные Штаты видят свою задачу в фиксации, закреплении и максимально долгом сохранении геополитического плюрализма в Евразии — на единственном континенте, чей объединен-

ный потенциал превосходит американский, на долю которого приходится 75 % мирового населения, 60 % мирового валового продукта, 75 % мировых энергетических ресурсов.

В треугольнике США-Китай-Россия основная задача Вашингтона в *краткосрочной* перспективе — предотвращение формирования враждебной коалиции, которая могла бы бросить вызов американскому первенству[114]. В *среднесрочной* перспективе США будут искать партнерства с теми странами, чье поведение и вес предотвратили бы российско-китайский союз. В *долгосрочной* перспективе Вашингтон попытается предотвратить консолидацию Евразии за счет надежного партнерства с Китаем как лидером евразийского экономического развития.

Что может резко ухудшить позиции США в глобальном треугольнике? Главной на текущий момент видится возможность ухудшения отношений с Китаем по следующим линиям: 1) кризис вокруг Тайваня; 2) внутренняя эволюция Китая в антизападном направлении; 3) ссора Вашингтона с Токио, влекущая за собой японо-китайское сближение; 4) стремление озлобленной России, лишенной приемлемой для нее ниши на Западе, найти геополитического партнера в растущем гиганте Азии.

Весь смысл в том, что именно Россия и Китай громко и отчетливо высказывают сомнения в адекватности того однополюсного порядка, который так желателен Соединенным Штатам. И более того, только Россия и Китай имеют возможности предотвратить стабильное существование такого порядка. Исторически их взаимопонимание основывается на опыте 1949—1958 годов, того десятилетия, когда был создан Уханьский сталеплавильный комбинат и первые автомобильные заводы Китая. Россия в высшей степени содействовала индустриализации Китая, опыт соратников 50-х годов, тогда бросивших вызов североатлантическому миру, совместно остановивших США в Корее и Индокитае, может быть использован вновь.

Вашингтон неустанно следит за теми процессами, где национальные интересы двух великих незападных держав находят параллельное развитие. Не в интересах России видеть распад китайского государства. Не в интересах Китая видеть крах интеграции Содружества Независимых Государств. И наоборот, сильные соседи, выполняя общую задачу модернизации, могут содействовать модернизации на основе сближения.

Вашингтон и «стратегическое партнерство» Москвы и Пекина. В мае 1997 г. президент Ельцин провозгласил в качестве контрмеры по отношению к расширению НАТО на Восток укрепление связей с Китаем. Председатель КНР Цзянь Цземинь

побывал в Москве в сентябре 1994 года, мае 1995-го, апреле 1997 года, декабре 1998 года; премьер Ли Пэн — в июне 1995, декабре 1996, сентябре 2000 года. Произошли бесчисленные встречи министров всех сфер и отраслей. Две стороны выразили приверженность *«стратегическому партнерству равенства, взаимного доверия и взаимной координации»*. Получила разрешение проблема приграничного разделения. Китай официально признал события в Чечне чисто внутренним делом России, не одобрил экспансию НАТО, поддержал идею вступления России в Соглашение по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Россия, со своей стороны, исключила для себя установление официальных отношений с Тайванем, признала Тибет безусловной частью Китая. Достигнута договоренность о военном сотрудничестве и мерах доверия в военной области. Выросла взаимная торговля — с 3,8 млрд. долл. в 1994 г. до 7 млрд. долл. в 2000 году. Россия стала третьим торговым партнером Китая после США и Германии[115]. Поставлена цель довести двустороннюю торговлю в начале XXI века до 20 млрд. долл.

Идея союза двух евразийских гигантов приобретает в Пекине влиятельных сторонников. Авторы привлекшей здесь внимание книги *«Китай — большая стратегия»* (1997) считают, что Китаю следует активно идти на сотрудничество с Россией по всем направлениям (в том числе и в военной сфере), что в политической сфере позиции двух стран практически полностью совпадают по ключевым мировым проблемам. Авторы указанной книги приходят к выводу, что поддержание тесного сотрудничества с Россией приведет к тому, что в будущем позиция КНР в конкуренции мировых держав станет беспроигрышной. Как определил ситуацию заместитель директора Центра изучения России при Академии общественных наук КНР Лу Наньцюань, *«если партнерские отношения стратегического взаимодействия станут испытывать влияние со стороны изменений в международных условиях, например, США станут оказывать большое давление и на Китай, и на Россию, то эти отношения будут укрепляться. Если же США не станут оказывать давление ни на КНР, ни на РФ, либо лишь на одну из стран, то эти отношения будут ослабевать»*.

Вашингтон ощущает историческую значимость происходящего. В Соединенных Штатах выделяют ряд Россия-Китай в качестве первостепенного в наборе всех региональных приоритетов США. Выступая в ноябре 1993 г. на слушаниях Комитета по международным отношениям сената США, государственный секретарь У. Кристофер провозгласил, что *«ни один регион в мире не имеет большего значения для американских интересов, чем Азиат-*

ско-Тихоокеанский регион»[116]. Одним из наиболее влиятельных выразителей таких взглядов является М. Мандельбаум из Университета Джонса Гопкинса (бывший советником Б. Клинтона еще на его пути в Белый дом): *«После окончания холодной войны двумя наиболее важными для Соединенных Штатов странами являются Россия и Китай. Объяснения их важности просты — размеры, экономический потенциал и военная мощь. Что менее очевидно, но равным образом важно для внешней политики Америки после холодной войны — это тот факт, что, несмотря на важные противоречия между собой, эти две ядерные державы, прежние ортодоксально коммунистические страны, являют собой вызов Соединенным Штатам»*[117].

Соединенные Штаты приветствовали улучшение российско-китайских отношений во время первого официального визита в КНР министра иностранных дел РФ Козырева в марте 1992 года. Только после грандиозных сделок с продажей оружия после 1994 года Вашингтон начал проявлять обеспокоенность. После визита в Москву китайского премьера Цзянь Цзэминя в сентябре 1994 года и развития идеи стратегического партнерства Москва-Пекин *«некоторые чиновники американского правительства,*— пишет К. Блэкер,— *начали проявлять опасения в отношении сущности и целей китайской политики России — опасения, которые с годами «партнерства» между Пекином и Москвой стали обретать все больший смысл»*[118].

В ответ на китайскую экспансию в окружающие страны американские специалисты предлагают новый вариант политики сдерживания — на этот раз в отношении Китая[119]. Более того, они усматривают возможность политики сдерживания одновременно и против ослабевшей России. Разумеется, сложно противостоять двум гигантам одновременно — но, с другой стороны, это придает смысл, дает рациональную основу стратегии военного доминирования Соединенных Штатов в Европе и в Азии — в двух важнейших регионах мира, что необходимо при формировании общественного мнения и прохождения в конгрессе военного бюджета США.

В текущий момент три обстоятельства препятствуют возобладанию евразийской альтернативы над прозападным креном. *Во-первых,* российское правительство знает, какими будут его жертвы в случае решительного предпочтения Пекина Вашингтону. Скажем, в 1996 году, двусторонняя торговля России с Китаем составляла 5,6 млрд. долл., в то время как торговля России с Западом (со странами ОЭСР) достигла 70 млрд. долл.[120]. И этот экспорт из западных стран содержит жизненно необходимые России технологически сложные товары. Именно отсюда в Россию могут по-

ступить займы и инвестиции (а не из Китая или Индии — конкурентов в получении западных денег). Переориентация на Китай (и Индию) дорого обошлась бы российской экономике — и без того ослабленной. России сейчас проще провозгласить экзотические схемы, чем реализовать их.

Во-вторых, банки, владельцы и руководство крупнейших российских компаний и предприятий создали своего рода прозападное лобби, преодолеть которое любым сторонникам стратегической ориентации было бы непросто. Союз прозападных бизнесменов и чиновников *«обеспечивает движение в пользу приобщения России к ведомой США экономической системе»*[121].

В-третьих, решимость США и Запада в целом не допустить великого перемещения российских интересов в Азию. У Америки немало еще не задействованных рычагов; в Вашингтоне достаточно отчетливо помнят 1949 год и готовы сделать многое, чтобы предотвратить его повторение.

И тем не менее. *«Если материальные условия начнут улучшаться в России и население увидит в будущем проблески надежды, руководители России получат шанс поддерживать «сбалансированную» внешнюю политику — намеки на сближение с Востоком при продолжении движения в направлении Запада... Но если экономика не покажет признаков выздоровления и снижение уровня жизни будет продолжаться, все прежние стандарты будут отринуты»*[122].

Торговля оружием. Одна из сторон великого стратегического треугольника — российско-китайская сторона — нашла объективную опору в военной помощи одной стороны другой. В 90-е годы Китай стал главным рынком для российского оружия — достигнув 26 процентов общего военного импорта Китая. И в отличие от Индии, стремящейся диверсифицировать список своих поставщиков, Китай открыто считает российскую военную промышленность главной для себя. Имея 80 млрд. долл. национального резерва, Пекин в состоянии купить любую технику, которую согласится продать Россия.

Экспорт оружия России в Китай составил в 1994—2000 годах грандиозную сумму — почти восемь с половиной миллиардов долларов. Китай получил от России 72 истребителя Су-27, 50 танков Т-72, 300 комплексов «земля-воздух» С-300, шесть подводных лодок. Подписанное в декабре 1996 года соглашение обеспечило массовую передачу еще более совершенной техники, часть которой не поступила еще даже на вооружение российской армии. Продажа Россией самолетов, подводных лодок, ракет класса «земля-воздух» и большого числа танков превратит КНР в неос-

поримого военного лидера региона, осуществляя едва ли не изменение баланса сил в регионе. Военно-экономическая помощь России позволит Китаю в течение десяти лет произвести 150 собственных Су-27, рассчитанных прежде всего на противодействие американским истребителям Ф-15 и Ф-16, продаваемым американцами Тайваню.

Интересы России и Китая в данном случае сомкнулись. Россия получила шанс спасти свою мощную военную промышленность. Китай показал себя сильным там, где споткнулась Россия: патентное заимствование, легкость имитации, опыт вхождения на богатейшие мировые рынки (США и Японии, в первую очередь). Россия может многое позаимствовать: освоение электроники, оптики, бытовых товаров. Все эти китайские продукты получили заслуженное признание на российском рынке. Если Китай станет крупнейшей экономической — а теперь и военной — величиной Евразии, а Россия сумеет хотя бы частично возвратить себе положение североевразийского лидера, то это радикально отразиться на общем балансе мировых сил.

Объективность сближения. Нет сомнения, что стратегическая конвергенция Китая и России имеет гигантское значение для Соединенных Штатов. Нет ничего удивительного в том, что США весьма энергично стремятся воздействовать на российско-китайское понимание в военной области, стремятся замедлить процесс вооружения Россией Китая, стремятся отвлечь Москву от политики противопоставления однополярного мира многополярным.

Это главная региональная проблема, разделяющая РФ и США. Американская сторона не признает прав Пекина на Тайвань и Тибет, а российская сторона — признает. США готовы на силовые действия ради сохранения суверенитета Тайваня, они опасаются роста военно-политического влияния Пекина в Восточной Азии. А Россия активно помогает этому росту.

По мнению М. Мандельбаума, *«противоречия между Соединенными Штатами с одной стороны и Россией и Китаем — с другой проистекают из того факта, что обе страны, Китай и Россия, являются многонациональными государствами. В каждом есть доминирующая группа — этнические русские и ханьские китайцы. Меньшинства составляют незначительную долю общего населения, но эти меньшинства в достаточной степени велики и обладают достаточным самосознанием, чтобы выражать свое недовольство и даже восставать против имперского правления»*[123]. Чечня в России, жители Тибета в Китае. И чеченцы и тибетцы обращаются к США. Амери-

канское правительство не признает того, к чему оба эти малых народа стремятся,— независимости, но оно не может и игнорировать явление. Это-то и создает главный фактор раздражения в стратегическом треугольнике США-Россия-Китай.

Новое в рассматриваемом треугольнике — это то, что правительства России и Китая, всегда прежде рассматривавшиеся как сверхцентрализованные и сильные, стали малоэффективными и слабыми. Этот поворот тысячелетней традиции также создает между США и Россией-Китаем ситуацию «мы и они». И американскому сознанию нелегко привыкнуть к мысли, что их многолетние противники теперь угрожают стабильному положению США не своей силой, а своей слабостью. Скажем, ослабление контроля над ядерным потенциалом смертельно опасно для России не меньше, чем для Америки, но благополучные США извне чувствуют это острие.

Многие американцы считают, что Китай станет глобальной державой еще не скоро, как бы ни велики были его экономические показатели. Они вполне могут просчитаться, давая тем самым шанс Москве. И все же большинство в американской элите сейчас не готово признать внутрикитайскую либерализацию чисто китайским делом, не готово «сдать» Тайвань, не готово на доминирование КНР в своем регионе, не готово на «срединную» роль еще одного фактического американского протектората — могучей Японии. Это заставляет Пекин оглядываться в поисках поддержки, это дает шанс России, это делает российско-китайское сотрудничество в деле борьбы против однополярного мира естественным. Как полагает американский исследователь, «Россия и Китай уже устали от вторжения США в их сферы влияния»[124].

Неоднозначность. И все же ситуация в американо-российско-китайском треугольнике неоднозначна. По мнению ряда американских политологов (Зб. Бжезинского, к примеру), растущее китайское влияние в Средней Азии ослабит возможности России в этом регионе. Здесь может завязаться такой узел противоречий, при котором США и КНР пойдут параллельным курсом, ограничивая российские интересы в регионе. Усиливающийся Китай может в будущем считать Америку своим естественным партнером хотя бы по тем соображениям, что (в отличие от России и Японии) Соединенные Штаты не имеют с Китаем территориальных споров. И в Пекине достаточно отчетливо понимают, что без Вашингтона приток столь необходимых для развития китайской экономики инвестиций будет затруднен.

Характерно воздействие на стратегический треугольник второго азиатского гиганта — Индии. В США достаточно однозначно

воспринимают роль Индии в ее отношении к странам «великого треугольника»: без политической поддержки России Индия блокирована пакистано-китайским сотрудничеством. Видя эту «прорусскую» тенденцию Индии, Вашингтон при этом хотел бы сохранить ее в качестве потенциального антикитайского элемента евразийского уравнения (в случае обострения отношений США с Пакистаном). На этом пути нетрудно увидеть почву для российско-американского соперничества за влияние в Дели. Пока позиции России предпочтительнее, но ситуация (в свете ослабления России) меняется не в пользу Москвы. В США уже говорили о налаживании постоянных военных связей с Индией, переводе ее армии на американское вооружение, когда индийские ядерные испытания вызвали к жизни американское эмбарго и осложнили двустороннее сближение. Именно в этот, критический для Индии момент помощь Москвы проявилась самым существенным образом, и это придало новую силу связям Дели с Москвой.

И все же, в Вашингтоне определенно надеются, что блок Центральной и Восточной Евразии — как главное противодействие американоцентричному миру — не состоится. Здесь с удовлетворением отмечают, что Китай не оказал России прямой поддержки в вопросе противодействия расширению НАТО, ибо открытая поддержка России означала бы непосредственное выступление против США, чего в Пекине не желают — для Пекина, который стремится проводить ныне сбалансированную внешнюю политику, такой шаг невозможен, он резко осложнил бы американо-китайские отношения. Да и неясно, что Китай получил бы от России взамен.

При этом очевидны следующие обстоятельства: Китай хотел бы получить доступ к передовым технологиям США ради ожидаемого мощного экономического броска вперед, ради выхода в число передовых стран мира. Россия также стремится войти в эту лидирующую группу и в этом смысле не может не понимать китайскую сдержанность.

Суммируем: среди региональных противоречий России и Америки китайское направление выглядит *приоритетным* — по глобальной своей значимости, по объему затрагиваемых сил, по исторической перспективе. От ответа на этот важнейший для России и Америки вопрос в значительной степени будет зависеть сотрудничество или соперничество в XXI веке, когда мир после краха мирового коммунизма отпрянул к своим цивилизационным основам.

Россия надеется на понимание Китая в противодействии мировой монополярности, Америка не теряет надежды увидеть в России своего союзника в грядущем объективно вырисовывающемся

противостоянии Восточной Азии. И Вашингтон и Москва видят возможные опасности. На текущем этапе обе столицы надеются избежать конфронтации, даже если они продолжают следовать сепаратным курсом в отношении растущего Китая.

Постсоветское пространство. С точки зрения американского внешнеполитического истэблишмента Россия, взятая отдельного, ни в каком обозримом будущем не вернет себе положения самостоятельного экономико-стратегического полюса. Но шанс у Москвы восстановить некоторые очень важные позиции появляется в случае возникновения элемента обязательности связей СНГ.

Вторая орбита региональных противоречий России и США пролегает на просторах бывшего Советского Союза. Этот тип проблем возник лишь в 90-е годы с развалом СССР. Следуя за произошедшим в декабре 1991 года неожиданным поворотом истории, американская политика также совершила крутой поворот. Еще в июле 1991 года президент США Дж. Буш призывал киевлян не дробить страну, не давать сепаратизму преимущество над демократией, не крушить общую державу ради местнических интересов. И далее, в 1992—1993 годах американская администрация, напуганная ядерным суверенитетом Украины, Белоруссии и Казахстана, способствовала овладению Россией стратегическим оружием, которое Москва так легкомысленно оставила в распоряжении новых независимых государств. Сказался инстинкт самосохранения: США и Россия пошли в СНГ параллельным путем, не желая становиться заложниками незрелых политических сил.

В дальнейшем параллельное шествие закончилось и арена бывших советских республик стала ареной российско-американского соперничества. Такой поворот не был исторически предопределенным, но безусловно и внушительно сказалось действие двух неблагоприятных для России тенденций: 1) националистические силы в новорожденных республиках начали искать внешнего опекуна: противовес преобладанию мощи России; 2) в Соединенных Штатах на первый план вышли политики, руководствующиеся идеей предотвращения реинтеграции Советского Союза, как грозящей Америке потерей уникального геополитического положения единственной сверхдержавы.

Образовались четыре новых крупных сектора российской границы — Украина, Кавказ, Средняя Азия, Прибалтика. К началу нового века кавказский сектор дает *непосредственное* напряжение. *Стратегически* не менее, а скорее более важны два других сектора — украинский и среднеазиатский. Это более цельные величины, которые не замыкаются на внутреннее противоборство, против которых нет сил, схожих с кавказскими бастионами Се-

верного Кавказа. Охлаждение отношений с этими двумя регионами сразу же меняет геополитическое положение России к худшему.

Взятые отдельно, Россия и Украина — среднего масштаба раннеиндустриальные державы. Вместе они образуют критическую массу, немедленно увеличивающую свой вес в Восточной, Центральной Европе, в Северной Евразии в целом. Чтобы уравновесить державу такого калибра, увлекающую за собой Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Армению, Таджикистан, а в перспективе Грузию и все центральноазиатские государства, западноевропейцам потребуется приглашение Соединенных Штатов. Потому-то Вашингтон и смотрит в СНГ прежде всего на Киев.

Посягательства на суверенитет. Министр иностранных дел Примаков назвал расширение НАТО и противодействие интеграции СНГ двумя главными препятствиями улучшению отношений с Западом, с Америкой в первую голову (июнь 1996 г.). Российский премьер-министр Примаков говорил о «кровном родстве» между странами СНГ — нечто, что в Вашингтоне воспринимается как посягательство на суверенитет независимых стран. Первые визиты президента Путина были совершены в страны СНГ.

Скептики с американской стороны говорят о том, что речь в данном случае идет скорее об отдаленных целях в будущем, о символах веры, а не о конкретной стратегии столь ослабевшей России. *«Россия не может позволить себе следовать планам, выработанным для ушедшего в прошлое Советского Союза. Российские военные не имеют войск, чтобы заполнить уже имеющиеся базы, у казны нет денег финансировать таможенный союз, объединенные пограничные войска, военные базы, систему противовоздушной обороны или валютный союз. Более того, попытка укрепить узы с Белоруссией, Казахстаном и Киргизией не создает модели, которая была бы привлекательна для более независимых государств, таких как Украина и Узбекистан, стимулируя их отдаление от СНГ»*[125].

И все же даже скептики среди американцев согласны в том, что и ослабевшей российской мощи достаточно для того, чтобы оказывать очень мощное воздействие на СНГ в целом и более всего на такие неустойчивые новые государства, как Таджикистан. При этом в США утвердилось мнение, что нельзя сравнивать такие государства, как Таджикистан, с более крепкими ныне и потенциально мощными странами — прежде всего Украиной, Узбекистаном, Азербайджаном. В этих странах есть воля и ресурсы для самостоятельного развития, верят американские специалисты. Но крепость государства не приходит сама по себе. Как настаивает, скажем, Зб. Бжезинский, «жизнеспособность

Украины или Казахстана будет весьма хрупкой, если только США не окажут им необходимую поддержку в национальной консолидации»[126].

Из политических монографий и статей американских специалистов вырисовывается картина, в которой США, не имея возможности активного вмешательства во все рыхлое околороссийское пространство, определили для себя трех фаворитов: Украина (максимальная американская помощь), Казахстан (максимальные инвестиции), Азербайджан (максимальная активность американских компаний). Тем самым как бы ставится предел распространению российского влияния на трех ключевых направлениях: на Балканы (Украина), в Закавказье (Азербайджан), в Среднюю Азию (Казахстан).

Ставя такую цель, американские специалисты находят ей оправдание в том, что Россия, мол, будет удовлетворена более процветающими соседями, более стабильным окружением, менее балканизированной диаспорой. Успешно развивающиеся соседи помогут ближайшим российским регионам, превращая Россию в «удовлетворенное государство», в защитника статус-кво. В результате евразийская децентрализация поможет Соединенным Штатам решить их главную на ближайшие десятилетия стратегическую задачу: избежать подъема одной из стран Евразии (или коалиции стран) до глобального уровня, избежать возникновения конкурента континентальных масштабов, который был бы способен обесценить американскую победу в холодной войне, угрожать заокеанским интересам Америки, снова превратить США в обороняющуюся страну.

Альтернатива расширению НАТО. Прошли времена, когда президент Буш уговаривал украинское руководство не рвать жизненных связей с Россией. Принятые в ООН в качестве независимых субъектов международного права, пятнадцать частей прежнего Союза ныне перед Западом абсолютные носители суверенности. В пику сторонникам расширения зоны влияния Североатлантического союза на Восток и включения в НАТО прежних союзников СССР в Восточной Европе в США обозначилась группа специалистов, которые указали как на *более эффективное сдерживающее Россию средство* на стимулирование самостоятельности внешней политики Украины. «*Польша,*— пишет М. Мандельбаум,— *в конце концов, не подвергается прямым угрозам со стороны России. Наиболее важная для Запада страна, непосредственно уязвимая в случае возобновления агрессивности России — Украина. И все же никто не предлагает Украине присоединиться к НАТО. В реальности НАТО обращается с*

Украиной как с маргинальной страной. Украина, однако, не является маргинальной: она занимает центральное место»[127].

Обстоятельства сложились так, что централистские силы Украины, выступавшие за единство восточных славян, оказались беспомощными перед националистической экзальтацией. Украина стала представлять себя последней европейской страной на границе отчужденной от Запада российской Евразии. Для Москвы возникла не только проблема потери величайшего союзника, но и проблема воссоздания межвоенного «санитарного кордона» — попытка загнать Россию в глухую степь, в неосвоенные просторы, в глухую континентальную замкнутость.

Согласно возобладавшей в Вашингтоне точке зрения, главной целью Соединенных Штатов в СНГ является предотвращение российско-украинского сближения. Визит президента Клинтона в Киев в мае 1995 г. очертил американский замысел: сохраняя общую дружественность слабого московского правительства, на региональном уровне бросить все силы на жесткую фиксацию украинской самостоятельности. Косвенно, по договору с Украиной и Россией 1994 года США дали гарантии суверенитета Киева. Это отражается, помимо прочего, в совместных военных маневрах, в особом документе, подписанном НАТО с Украиной и др.

Американское посольство — самое большое среди иностранных посольств на Украине. Государственные американские службы и частные фонды на Украине чрезвычайно активизировались. Американская помощь — самая большая среди стран СНГ (700 млн. долл. в 1998 г.). Если приплюсовать 1 млрд. долл., даваемых в качестве кредитов в поддержку украинского бюджета, то оказывается, что Украина самый большой получатель американской помощи[128] — значительно больший, чем Россия.

Для США нет «ближнего зарубежья». В Москве могут рассуждать об исторических, экономических, психологических и прочих связях, но в США всякое теоретизирование о «мягком», «ограниченном» суверенитете прежних советских республик неприемлемо. Следование России подобным курсом грозит эвентуальным обрывом российско-американских связей. В качестве следствий такого курса США называют кредитное давление, восстановление КОКОМ, технологическую блокаду, культурное отчуждение, а в конечном счете и гонку вооружений в прежнем масштабе, восстановление прежних уровней военных бюджетов у тех западных стран, которые его сократили (США, Британия, Германия). Новое издание холодной войны выступает как очень вероятный оборот событий, реалистический вариант реакции Запада на восстановление восточноевропейского центра силы.

Более опасной, чем эти «привычные» меры явилась бы помощь националистическим антироссийским силам во всех частях прежнего союза. И в этой плоскости Украина имеет первостепенный приоритет. Во внутриукраинских реалиях это означало бы помощь Львову и Киеву против Харькова и Симферополя. Нет сомнения, что для России жесткая американская политика в этом вопросе означает создание нового санитарного кордона против реинтеграционного импульса.

Этот вариант посткоммунистического развития имеет для Запада немалые слабости — слишком далека Америка, слишком близка Россия. Слишком удалены американцы исторически от данных регионов, слишком хорошо известны эти регионы русским — это их исторические партнеры. Первый же взгляд на карту иллюстрирует вышесказанное. У Украины и России 1500 практически открытых дорог, а на Запад украинцев ведут лишь четыре дороги, да и те перекрыты пограничниками и высокими тарифами. Не будет в данном контексте лишним упомянуть огромную взаимную торговлю, фактор проживания в Украине 12 млн. этнических русских, постоянный поток украинцев на работу в Россию.

Итак, раскол двух крупнейших славянских государств ударил по геополитическим позициям России. Отчуждение Украины от России изменило расстановку сил в Восточной Европе и повлияло на глобальный баланс — на соотношение сил России и США. Здесь же обозначился потенциал конфликта США и России. Если Вашингтон, увидевший в 1945 году свои жизненные интересы в Варшаве, обнаружит их в начале XXI века в Киеве, ухудшения отношений и конечной конфронтации с Россией Вашингтону, пожалуй, не избежать.

Юг СНГ. На южных границах России США ведут активную политику, связанную с действием федеральных агентств, с созданием факторов американского влияния. Весь пояс государств — от Казахстана на востоке до Молдовы на западе — получил помощь, исходя из статьи 907 Закона о помощи от 1992 года. Помощь получена была за денуклеаризацию Казахстана и на разведение скота на Украине. Особую помощь получили страны, считающиеся опорой околорусского мира,— Украина, Узбекистан, Азербайджан.

Новая кавказская граница России кровоточит, замирение Северного Кавказа представляет для России первостепенную по значимости проблему. Пораженное воинствующим национализмом Закавказье еще в какой-то степени взаимонейтрализует себя, но клубок противоречий здесь способен вовлечь в себя силы, негативные по отношению и к России, и к США (Иран, Турция). «Историческая пыль» здесь еще долго не уляжется, состояние

Грузии, Армении и Азербайджана еще динамично, оно влияет на северокавказский регион России, оно способно прервать нефтеносные пути, на которые рассчитывают США.

Выход в Закавказье антиамериканского Ирана и проамериканской Турции, приглашение сюда наблюдателей миротворцев ООН и ОБСЕ объективно ослабляют позиции России, заинтересованной в том, чтобы Закавказье было щитом от бурлящего мира ислама. Россия жизненно заинтересована в том, чтобы малые народы Северного Кавказа не были в своем самоутверждении стимулированы извне. В том числе со стороны Соединенных Штатов, их местных союзников и креатур.

Азербайджан нейтрализован войной, в которой Россия за последние три года оказала помощь противостоящей Армении. Военная помощь, оказанная Россией Армении между 1993 и 2000 годами в размере 2 млрд. долл., является, с точки зрения американских политологов, удачным для России способом связать две остальные закавказские республики, Азербайджан и Грузию, в их прозападных устремлениях. Американский исследователь П. Гобл оценил эту помощь как направленную на *«устранение западных компаний, заинтересованных в закавказском бизнесе»*[129]. Американские политологи пишут даже о том, что большая военная помощь России Армении рассчитана на то, чтобы нанести, в случае необходимости, мощный удар по азербайджанской армии, дискредитировать президента Алиева и тем самым привести к власти в Баку политика, более связанного с российскими интересами.

Россия добилась ввода своих вооруженных сил в соседнюю Грузию. И, хотя в 2000 году российские войска покинули две свои базы, Тбилиси в результате лишается шанса разрешить свою абхазскую проблему. Баку еще предстоит определить пути своих нефтяных и прочих контактов с Америкой в условиях, когда у России хорошие отношения с резко антиамериканским Ираном, с опекаемой Арменией, с наличием войск на границах Турции.

Нефтяной фактор. Напомним, что США и их союзники инвестировали после 1991 года в нефтяные месторождения Азербайджана, Казахстана и Туркменистана сумму, не меньшую, чем все инвестиции в большую Россию. Предметом спора американских и российских фирм (в конечном счете США и России) становится путь транспортировки нефти. Речь идет и об огромных материальных ценностях, и о степени контроля России над прикаспийскими республиками.

Периодические бои азербайджанцев и армян происходят в непосредственной близости от тех мест, где американские компании намереваются вести нефтепровод по территории Грузии. В США

крепнет влияние сторонников опоры на Азербайджан, как на потенциально богатейшую (нефть) и крупнейшую по населению страну Закавказья (7,5 млн. жителей). В стране огромные запасы нефти, которыми интересуются и Соединенные Штаты, и Российская Федерация. Видится неизбежной та или иная степень остроты отчуждения «Лукойла» и «Шеврона», американских и российских инвестиций, особых маршрутов пролегания нефтепроводов, ориентация на разные терминалы, разных партнеров и разные ожидания прибыли. Это делает Баку ареной соревнования США и РФ, их соответствующего влияния, их видения закавказского мироустройства[130].

Стараясь привлечь на свою сторону Баку, американцы уже выступают за строительство нефтепровода от Апшерона до турецкого Джейхана как главного пути транспортировки каспийской нефти на Запад. Здесь экономические и политические интересы России и США расходятся радикально. Россия не хотела бы терять контрольных функций над месторождениями нефти, которые определяют как вторые в мире после нефтяных сокровищ Персидского залива. Речь идет о снабжении собственно России, о ее южных областях, расположенных далеко от Тюмени, и здесь Москва приложит все силы, все свое влияние, чтобы не потерять возможностей участия в разработке месторождений. Именно здесь велик потенциал противоречий России с США, здесь пролегает полоса интересов России, которые она не отдаст за внешнюю дружественность и пустую благосклонность страны, которая уже овладевает рычагами влияния над прежними восточноевропейскими союзниками России и открыто говорит о подобных же замыслах в отношении Прибалтики.

Центральная Азия. Ситуация в Центральной Азии складывается для взаимоотношений России и США крайне противоречиво. Эволюция этого региона дает двусторонним отношениям великих держав и плюсы и минусы. Ни для Москвы, ни для Вашингтона не является позитивом то, что в поднявшихся мечетях Центральной Азии будет создан стойкий стереотип иного строя ценностей, иного мировосприятия, иного (часто жертвенного) поведения. Прежняя секулярная культура, в которой тон задавали получившие ученые звания и литературную известность в России интеллигенты, теснится той же волной ислама, что победил в Иране, Пакистане, Судане и Афганистане, близок к победе в Алжире и Египте, штурмует позиции в некогда столь проамериканской Турции.

Жертвенный элемент, фанатизм, новая социальная ориентированность ислама, поддержка миллиардного мусульманского сообщества (в том числе богатых нефтеносных стран) делает изме-

ненный исламом, но руководимый секулярными вождями центральноазиатский мир более жестким, уверенным в себе, готовым искать альтернативу связям с прежним центром как на юге, так и на западе. В частности, в Соединенных Штатах, создающих в Алма-Ате, Ташкенте, Бишкеке свои культурные, образовательные и прочие центры.

Российская граница с Казахстаном, разделяющая Центральную Азию и Россию, отделяет уже практически различные сущности, пришедшие в состояние конфликта (после Таджикистана боевые действия имели место в 2000 году в Киргизии и Узбекистане), где противостояние светской и религиозных основ чревато долговременным конфликтом. Отчуждение Центральной Азии грозит уязвимостью прежде глубинных российских центров («мягкого подбрюшья» индустриального Урала), а также (что для России чрезвычайно важно) превращением мусульманских республик прежней Большой России в чужеродное ядро, разрывающее живую ткань монолитной страны (напомним о 20 млн. мусульман, живущих в самой России). Выход афганских талибов на границу с Таджикистаном, где щитом стоит 201-я российская дивизия, подчеркнул взрывоопасные возможности региона.

Казахстан как потенциальный проамериканский оплот также имеет слабые стороны, начиная, естественно, с того, что половина его населения — этнические русские. В случае резкого самоутверждения Астаны более отчетливое значение приобретет фактор российского военного присутствия на казахстанских границах, равно как и факторы «флангового» обхода Казахстана дружественными по отношению к России Таджикистаном и Киргизстаном.

Прошедшие в сентябре 1997 года военные маневры с участием американских войск в Центральной Азии (Казахстан и Узбекистан) были восприняты в Москве как провокационные, направленные на укрепление американских позиций в чувствительной зоне России. При этом не следует забывать о наличии в Таджикистане 24 тыс. российских солдат, в Туркменистане — 15 тысяч, в Узбекистане — 5 тысяч, 15 тысяч — в Грузии. В Армении российские войска получили право на базы на срок 25 лет. С американской стороны, как пишет Р. Пайпс, *«посягательства Москвы на суверенитет своих прежних зависимых республик представляет собой угрозу отношениям с США»*[131].

С одной стороны, Вашингтон, как и другие западные столицы, молчаливо признает особые права России. *«Если судить по имеющемуся опыту, в случае конфликта между Россией и одной из бывших республик, европейские союзники едва ли пойдут дальше изъявлений сожаления. Что же касается Соединенных Штатов, то они определенно будут реагировать*

более резко, особенно если жертвой российских угроз станет Украина, или одна из республик, выходящих к Каспийскому морю, первая — в свете ее геополитической значимости, вторые — благодаря нефтяному потенциалу»[132].

Американцы признают, что российские возможности в Центральной Азии велики. Наиболее влиятельные американские эксперты сходятся во мнении, что наследие истории, обстоятельства географии и логика силовой борьбы фактически гарантируют преобладание в Центральной Азии России. Эту реальность еще долгое время не сможет поколебать ни одно государство, союз нескольких стран или международная организация. Вашингтон при всех обстоятельствах должен будет исходить из этой реальности — и он едва ли может надеяться, что некие перемены в Кремле изменят эту реальность.

Большинство американских специалистов полагают, что в Средней Азии Соединенные Штаты не могут действенно противостоять влиянию России, особенно если это влияние будет целенаправленным и скоординированным. Да и стоит ли Соединенным Штатам идти до крайних пределов? Как признает американский специалист по данному региону Р. Менон, *«маловероятно, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя ответственность за безопасность Центральной Азии. Здесь не затронуты жизненные интересы национальной безопасности США, и во время сокращения бюджета стоимость вовлечения сюда слишком высока, учитывая при этом высокую стоимость американского военного вмешательства в других регионах. Американское противодействие русскому вмешательству в дела Средней Азии может быть выражено лишь в словах и символических жестах (откладывание встреч, замедление кредитования), но крайне маловероятно его превращение в военные контрмеры»*[133].

Верно, что Соединенным Штатам весьма сложно уравновесить влияния здесь России сегодня. Но это в ближайшей и среднесрочной перспективе. В дальнесрочной же перспективе у Соединенных Штатов появляется свой шанс. Взвешенная, долговременная работа может дать американской стороне немалое влияние в будущем. К примеру, США могут откликнуться на просьбу Киргизстана о реструктурировании военной промышленности, доставшейся ему еще от Советского Союза. Экономическая помощь США может влиять на изменение ориентации центральноазиатской элиты.

США, полагают американские специалисты, должны «платить» за тенденции к открытости и в то же время экономически наказывать новые государства за повороты к автаркии и национализму. Путем медленных, но последовательных вознаграждений США

могут укрепить силы интернационально, прозападно направленной части местной элиты. Даже относительно небольшие инвестиции, фонды, гранты приобретают немаловажное значение в свете резко ухудшившейся экономической обстановки в регионе.

Такой курс (а его сторонники, судя по всему, усиливают влияние в Белом доме и госдепартаменте) пока не грозит драматическим столкновением России и США в Центрально-Азиатском регионе. Сошлись несколько факторов: крупные западные компании еще не готовы к подлинно массированным инвестициям; американцы более чем влияния России боятся роста исламского фундаментализма; вторжение Китая в данный регион также не соответствует интересам США. В свете вышесказанного следует сделать вывод, что Центральная Азия в обозримом будущем — при всем видимом приходе американских фирм и фондов — не станет полем острого соперничества между Вашингтоном и Москвой. Разумеется, многое будет зависеть от политических и экономических переменных в России, «ближнем зарубежье» и по противоположную сторону океана.

Что же касается прибалтийских государств, то они в основном завершили свою эволюцию — от обещаний быть мостом западного либерализма до одиозной для начала XXI века формы национального самоослепления, поставившего два миллиона русскоязычного населения в положение, которого они близоруко не ожидали,— неграждан. Рига и Таллинн создают себе проблему, косвенно угрожающую их государственности, а для России возникает проблема помощи угнетаемым, что в условиях государственной эволюции правительству России игнорировать будет все сложнее.

Наряду с Польшей, неопределившейся (в известном смысле) Украиной и смотрящей на Румынию Молдовой, Прибалтика становится не транспарентным коридором, а своего рода рвом между Западом, между Соединенными Штатами и Россией. Растущая задействованность прибалтов в (про)западных структурах увеличивает шансы превращения Прибалтики в поле разногласий между Россией и США.

За пределами стратегического треугольника. С американской точки зрения главными противниками Америки в сфере бурно меняющейся дуги кризисов являются КНДР, Ливия, Иран, Ирак плюс Куба. Но именно эти пять стран имели и имеют неплохие отношения с Россией. У этих стран и России наблюдается, по меньшей мере, частичное совпадение интересов.

В целом региональная картина такова: Россия улучшает отношения с Китаем (об этом говорилось выше); теснимая Североатлантическим блоком с запада, она поддерживает традиционно

хорошие отношения с Индией, Ираном и Ираком, в то время как Соединенные Штаты полагаются на противостоящие этим странам Турцию, Пакистан и Саудовскую Аравию. В Европе США и Россия в определенном смысле противостоят друг другу (наряду с элементами сотрудничества) в Боснии, где Вашингтон «курирует» хорвато-мусульманскую конфедерацию, а Россия традиционно опекает сербов. На Дальнем Востоке Москва, несмотря на все зигзаги политики, ближе к Пхеньяну, а Вашингтон — к Сеулу. В Западном полушарии США блокируют Кубу, а Россия смягчает эффект этой блокады. Таковы основные узлы противоречий на отдельных региональных направлениях за пределами Содружества Независимых Государств и ниже стратегического — китайского направления.

Хотя Россия на уровнях ниже «стратегического треугольника» и орбиты СНГ является ныне силой, значительно меньшей чем прежде, но она все же в состоянии реализовывать курс, периодически противоречащий глобальной монополии единственной сверхдержавы. При всей современной слабости, Россия тем не менее может поддержать отягощенную экономико-политическими проблемами КНДР, оказать дипломатическую и военную помощь растущей южноазиатской твердыне — Индии, может ослабить изоляцию Ирака и Ливии, оказать важное содействие в становлении ядерной энергетики Ирана. Все эти возможности и конкретные действия России вызывают негативную реакцию Соединенных Штатов, с трудом переносящих заведомое противодействие.

Фактор вооружения. Возможно наиболее видимым образом Россия и Америка сталкиваются в области, где российская индустрия еще держится мировых стандартов — в области производства и экспорта вооружений. В течение трех лет после 1992 года экспорт российского оружия сократился с 13 млрд. долл. до 2 млрд. долл. Россия — отступающая сторона, она потеряла гарантированные рынки стран Организации Варшавского договора, она пожертвовала рынками тех стран, которые тем или иным способом антагонизировали Америку, которая оттеснила российских производителей там, где политический климат изменил экономические процессы не в пользу России. Фактически Россия лишилась единственного рынка, поддерживавшего технологический тонус российской экономики, если не на самом высоком (западном) уровне, то все же выше уровня основных развивающихся стран.

В результате Россия, бывшая еще несколько лет назад первым поставщиком оружия в третий мир, далеко уступила в этой торговле Соединенным Штатам и Великобритании. Стоимость российского экспорта оружия упала с 29,9 млрд. долл. в 1987 году до 2,7 млрд. в 1992 году[134]. За 1992—1994 годы США продали

развивающимся странам оружия на 19,5 млрд. долл., Великобритания — на 10,3 млрд. долл., а Россия — 5,5 миллиарда.

Несмотря на почти сервильное отступление России, она даже в эти годы отступления и ухода с рынков вызвала резкое противодействие Вашингтона как поставщик оружия «не тем странам». Иран, занимающий вторую строчку в российском списке импортеров оружия, воспринимается Америкой как подрывной режим, спонсирующий терроризм по всему миру. Индию (третью страну российского военного экспорта) Соединенные Штаты определенно не хотели бы видеть значительно превосходящей курируемый Америкой Пакистан. Передавать Индии атрибуты великой державы, такие как ракеты, с американской точки зрения крайне нежелательно. Остатки влияния российского военного экспорта в армии бывших союзников, а ныне — членов и претендентов на членство в НАТО (Венгрия, Словакия), покупающих относительно дешевое российское оружие и запчасти, рассматриваются Вашингтоном едва ли не как вторжение России в чужую зону влияния, как перехват возмутительно неразборчивых клиентов. Еще более велик гнев Вашингтона в отношении традиционных натовских партнеров — Турции, закупившей за 1992—1994 годы российского оружия на 120 млн. долл., и Греции, принявшей в конце 1998 года решение закупить у России ракетные комплексы С-300.

Назовем восемь главных импортеров американского и российского оружия, на рынках которых идет конкурентная борьба российской и американской военной промышленности.

Таблица 11. *Главные получатели американского и российского оружия за 1992—1994 годы (в млрд. долл. США).*

США: страны	Объем продаж	Россия: страны	Объем продаж
Саудовская Аравия	8,6	Китай	1,7
Египет	3,8	Иран	1,0
Израиль	2,6	Индия	0,925
Турция	2,5	Венгрия	0,825
Тайвань	2,4	Ангола	0,450
Япония	1,9	Куба	0,200
Кувейт	1,8	Словакия	0,150
Южная Корея	1,3	Турция	0,120

Источник: ACDA, World Military Expenditure, 1995, p. 153-157.

На протяжении 90-х годов на Соединенные Штаты пришлось 43% всех продаж оружия в мире, а на Западную Европу — 41%. Доля России очевидным образом упала. Но в дальнейшем Россия, видя ограниченный эффект своего идеализма, снова начала увеличивать объем продаж оружия. Американцы Келлер и Нолан

признают, что «как с моральной, так и с политической точек зрения невозможно высказывать таким странам, как Китай, Франция и Россия, претензии в отношении сокращения объема продаж оружия, в то время как американские официальные лица и производящие оружие компании делают все возможное, чтобы доминировать на рынке оружия»[135]. Во второй половине 90-х годов Россия стала возвращаться на мировые рынки вооружений. Ее доля превысила 10% всех мировых продаж.

Разумеется, американцев более всего заботит вооружение Китая, но и прочие «нежелательные» клиенты «Росвооружения» вызывают всплеск негативных чувств мирового лидера производства и торговли вооружениями. Относительное умиротворение американского руководства и военного бизнеса вызывает лишь то обстоятельство, что плачевное состояние российской экономики не позволяет ей всерьез надеяться на долговременное качественное соперничество. И все же американская дипломатия делает из каждой российской сделки казус нарушения цивилизованных правил игры и тому подобное. Здесь потенциал взаимоожесточения чрезвычайно велик и Россию еще долго будут склонять по поводу видимых с Потомака нарушений «джентльменского поведения».

Одним из наиболее острых моментов политико-экономического давления США на Россию явился нажим Вашингтона на Москву, связанный с развитием событий на Индостане. Индийская организация космических исследований и Главкосмос в декабре 1993 года подписали соглашение, по которому Россия обязалась предоставить Индии 7 летных и 2 макетных криогенных разгонных блока. Первые из них должны были быть получены Индией в конце 1997 года и использованы в 1999 году при запуске индийского тяжелого ракетоносителя.

Америка выразила общее неудовлетворение поставкой Россией Индии примерно 50 процентов необходимой ей военной техники. Осевое для Евразии сотрудничество, при котором Россия и Индия создают гласные структуры и демонстрируют взаимопонимание, передача ракетной технологии Индии вызывает жесткое давление Вашингтона на Москву.

Последовавший отказ России от предоставления своему индийскому партнеру криогенной технологии был тяжелым решением, он отрицательно отразился на общем состоянии российско-индийских связей, создал прецедент отказа Москвы от определенно взятых на себя обязательств по отношению к традиционному партнеру — Индии. Трудно не сделать вывод, что несоответствие локальных договоренностей (России и Индии в данном случае) мировой стратегии Вашингтона неизбежно будет повторяться во всех случаях, когда Россия будет проявлять себя самостоятельно на мировой арене.

Американцы утверждают, что в российской поддержке «неугодных» Вашингтону стран (Ливии, Кубы, Ирака, КНДР, Ирана) есть элемент вызова, который отчасти можно представить как своего рода психологическую компенсацию за крах СССР в 1991 году, за потерю статуса сверхдержавы, а отчасти как наиболее надежный способ получения валютных средств.

В торговле оружием имеет место столкновение различных интересов. Посредством военных поставок Россия хотела бы создать в прорусском Закавказье заслон на пути исламского фундаментализма и влияния Турции. США же видят прежде всего нефть Каспия, реагируют на требования армянской диаспоры, ищут подходы к Ирану как центру фундаментализма.

Атомная энергетика. Когда Минатом заключил долговременное соглашение с Ираном, предусматривающее подготовку иранских ядерных физиков (помимо строительства реактора в Бушере), «Соединенные Штаты с подозрением подошли к культивированию Россией дружественных отношений со страной, которую Вашингтон рассматривает как «мать» всех стран-париев»[136].

Продажа Россией атомных реакторов Ирану, строго говоря, не нарушает условий Договора о нераспространении 1968 года, поскольку Иран подписал этот договор и согласился с его условиями, предполагающими инспекцию на местах — на ядерных предприятиях и в лабораториях. Россия продает реакторы во многом потому, что именно Запад отнял у нее рынки атомных электростанций в Восточной Европе, и иранский заказ (выполнение которого, кстати, начала Германия) — это во многом путь спасения для российской атомной промышленности. Российское правительство в сентябре 1997 г. предложило американцам совместные меры контроля. Явственно видно желание Москвы не вызывать ожесточения Соединенных Штатов. Но столь же явственно желание России не уходить из сферы атомной энергетики. Подозрение, что Тегеран желает получить реакторы для получения оружейного урана, может быть и имеет под собой основания, но это подозрение не доказано. А противопоставлять подозрения реальному краху целой российской отрасли все же несколько поспешно.

У России осталось дурное ощущение от того, как американская сторона решила за ее счет проблему строительства северокорейских ядерных реакторов для атомных электростанций. Будучи убежденной Вашингтоном в опасности подобного строительства (дающего оружейный уран и плутоний стране, официально стремящейся к пересмотру карты Корейского полуострова), Москва пошла на очень трудный для себя диалог с Пхеньяном, нарушила данное ранее обещание и закрыла программу строительства атомных реакторов. КНДР полстолетия входила в сферу влияния

России, и Москва уступила американцам в расчете на взаимопонимание.

Американская сторона своеобразно воспользовалась духом солидарности, проявленным по отношению к ней Россией. Она предложила руководству КНДР построить два реактора общей стоимостью в 4 млрд. долл. (разумеется, истребовав обещание не осуществлять северокорейскую программу ядерного вооружения). По существу произошел перехват существеннейшего для атомной промышленности России проекта, что поставило Министерство атомной промышленности на грань выживания. После этого маневра Вашингтона Москва пришла к вполне определенному выводу — не полагаться более на «дух взаимопонимания» в вопросе о реальных сделках, думать о собственных интересах и идти своим путем. Озлобленный Пхеньян, удовлетворенные сделкой американцы, понимающе улыбающиеся китайцы (именно они остались единственными опекунами КНДР) — подобное, с точки зрения Москвы, не должно повториться.

В целом следует сказать, что в Москве все еще действует импульс понимания важности сохранения благорасположения могущественной Америки, но изменилась шкала, изменилось представление о том, насколько готовой к пониманию американских интересов должна быть российская дипломатия. Ушли в прошлое времена (1988—1993), когда надежда на конечное «воссоединение» с Западом толкала Россию на путь максимального учета американских региональных целей. Отсутствие взаимности, определенная жесткость контрпартнера в макро- и микровопросах (от расширения НАТО до перехвата торговых клиентов) лишили Россию многих иллюзий и в конечном счете сделали Россию более «самоцентричной» международной силой. Если «большая Европа» от Ванкувера до Владивостока оказалась миражом, то и феноменальная готовность Москвы продемонстрировать понимание большого западного партнера потеряла характеристику автоматической готовности.

* * *

Долгие годы Россия имела значительное преобладание над Западом на европейском театре в обычных вооружениях — 60 тыс. танков (плюс 4,4 тыс. производимых ежегодно новых танков) давали весомый «аргумент» наземным силам СССР — России. Ныне этот аргумент потерял силу. В качестве платы за нормализацию отношений с Западом Россия ограничила себя 6400 танками. Происходит падение производства в отраслях, создававших обычные вооружения. Накопленных запасов еще, возможно, хватит на 5-10 лет, пока не станет ясным, что России нужно заново создавать вооруженное силовое (гипотетическое) воздействие.

После нескольких лет (1988—1993) непрерывного «да» Россия стала говорить Америке «нет» на международной арене, продавая российское оружие «не тем странам», строя атомные электростанции таким странам, как Иран, нарушая американское видение режима нераспространения, занимая самостоятельную позицию в таких кризисах, как югославский. Кумулятивный эффект вышеперечисленных процессов подорвал основания того, что прежде в Москве самонадеянно называлось «стратегическим партнерством» и в чем в Вашингтоне усматривали приобщение России к западному лагерю. Иллюзии увяли, реальность оказалась для российских стратегов жестче и грубее ожидаемого. Новый мировой порядок не установился не по вине России, но и российское неустройство добавило нестабильности в общую картину.

Как определил ситуацию бывший посол США в России Т. Пикеринг, *«со строго геополитической точки зрения распад Советского Союза явился концом продолжавшегося триста лет стратегического территориального продвижения Санкт-Петербурга и Москвы. Современная Россия отодвинулась на север и восток и стала более отдаленной от Западной Европы и Ближнего Востока, чем это было в XVII веке».*

Разумеется, есть одно большое отличие. Чрезвычайными национальными усилиями созданы стратегические силы сдерживания, которые сделают неприкасаемой любую границу, указанную Россией в качестве последнего рубежа национальной обороны. Предел силовому элементу реагирования России ставит та экономическая катастрофа, которая постигла страну в течение 90-х годов.

До сих пор военное сотрудничество с Соединенными Штатами было весьма накладным для России. Поддержав Америку в Персидском заливе, Россия лишилась многомиллиардных контрактов, заключенных с Ираком. Присоединившись к США в изоляции таких стран, как Ирак и Ливии, Россия потеряла важнейших оптовых покупателей своего оружия. Она теряет миллиарды рублей из-за участия в организованной Западом блокаде Сербии. Склонен ли Вашингтон компенсировать потери России? США получили от союзников финансовую компенсацию за свои действия против Ирака в 1991 году, но Россия всюду подсчитывает лишь убытки.

Нынешняя внешняя политика российского правительства является, собственно, суммой акций в ответ на возникающие проблемы. У правительства нет четко выраженной и поддерживаемой обществом политики в области международной безопасности, конверсии, сокращения вооружений. Если коснуться прежней системы договоров с США, то их смысл попросту утерян. Ныне этот набор старых документов едва ли может быть базой для

строительства новых отношений. Вашингтон не может не видеть дилетантизма российских властей в жизненно важной области отношений. Очевидно, что внутри российского руководства нет единства в вопросе о том, до какой степени сокращать вооруженные силы и вооружения. Нет также четкой линии (и, очевидно, внутреннего единства) по следующим проблемам: возможности большой войны, применения ядерного оружия, ценности отдельных регионов и т.п. Складывается впечатление, что подходы российского руководства разрабатываются во многом не без непосредственного влияния США. Наконец, региональные конфликты в СНГ убедительно показали, сколь неожиданными они являются для российского руководства.

Нет сомнения, что в США обеспокоены, прежде всего, отсутствием гражданского контроля над армией в России, там испытывают серьезные опасения по поводу хранения и контроля над ядерным оружием в обществе, испытывающем такие потрясения. Худшей новостью для Запада был бы захват одной из конфликтующих на территории СНГ группировок ядерного оружия. Для предотвращения такой возможности США оказывают специализированную экономическую помощь (680 млн. долл. в 2000 г.), они готовы несколько ослабить требования в отношении некоторых возможностей Москвы регулировать события в постсоветском пространстве. Это — шанс. Это возможность ослабить жесткое неприятие новой роли России как гаранта стабильности в постсоветском пространстве со стороны США. Именно в этом плане следует, видимо, оценить молчание Америки в ответ на российское заявление о готовности платить за содержание 25-30 баз в пределах СНГ.

История ныне ставит вопрос, сумеет ли Россия достаточно быстро преодолеть свой системный кризис и выработать убедительную для российского населения и одновременно приемлемую для остального мира (США в первую очередь) систему геополитических координат. В конечном счете геополитическое влияние России будет определяться не количеством танков и даже ракет, а тем, станет ли Россия экономически стабильным геополитическим «хартлендом» Евразии или, потерпев экономический крах, превратится в евразийский «медвежий угол».

В целом США надеются на то, что новые, теперь уже формализованные отношения России с Североатлантическим и Европейским союзами, превращение «семерки» в «восьмерку», повышение значимости и расширение функций Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (внутри которой может быть создан специальный Совет безопасности в составе США, России и ключевых западноевропейских стран) позволят ей (Америке)

наладить конструктивные долговременные отношения с Россией. Именно на этом пути американская администрация надеется превратить «конструктивное вовлечение» России во взаимообязывающее сотрудничество. Наравне с расширенной экономической помощью Запада, ростом его инвестиций, улучшением ситуации внутри России это должно послужить «умиротворению» Москвы, согласию ее на включение в западную систему даже не на первых ролях.

И все же в США осознают, что долговременное самоопределение Россией своей роли в Евразии будет зависеть от нее самой — то есть у Соединенных Штатов, при всем их могуществе, все же нет рычагов гарантированного воздействия на Москву в желательном для США направлении. При этом Россия владеет чрезвычайными по объему богатствами. Как оценивает ситуацию Зб. Бжезинский, *«хотя (Западная) Европа и Китай укрепили свое региональное влияние, Россия останется ответственной за самое большое в мире пространство, охватывающее десять часовых поясов и делающее небольшими даже Соединенные Штаты, Китай и расширенную Европу»*[137]. И это при том, что ЕС и КНР обошли Россию по экономическим показателям.

В этих условиях американская политическая и политологическая элита приходит к ясному пониманию того, что в конечном счете лишь сама Россия может решить проблемы своей внутренней модернизации. Самая большая угроза для России — это выход Запада на позиции целенаправленного использования Украины с целью окончательного сковывания инициативы России внутренним противоборством в СНГ, внутренним расколом, противостоянием с наиболее близким этнически и цивилизационно соседом.

Раздражителем Запада становится то, что признанные ООН суверенные страны Россия называет «ближним зарубежьем», что она предпринимает попытки создать своего рода «доктрину Монро» для пространств СНГ, активно выражает стремление быть посредником во внутренних конфликтах соседних стран. Довольно отчетливо звучат голоса (скажем, Зб. Бжезинский, Р. Пайпс), утверждающие, что не следует идти навстречу России ни на дюйм: *«Это только усиливает аппетит тех националистов, которые интерпретируют незаслуженные уступки (Америки) как доказательство всеобщей обеспокоенности и желания мира включить Россию в международное сообщество, готовность проявить беспредельную терпимость в отношении российского поведения. Москве не должно быть позволено увеличивать свои силы на южных границах в нарушение договора 1990 года об обычных вооруженных силах в Европе с*

целью запугивания прежних (советских) республик, экс-сателлитов»[138]. Ситуация, когда Россия стремится оставаться великой державой и вести себя как таковая в столь кризисной для себя обстановке налицо, в дальнейшем едва ли можно рассчитывать на изменение этого подхода; напротив, он будет проявляться во все более очевидных формах. В этом заключается главная угроза России потерять мир с Америкой, заключенный в 1991 году.

Как справедливо замечает Ш. Гарнет, *«Евразия в следующем столетии предстанет перед такой чередой вызовов, что их встреча была бы скорее облегчена американским и в целом западным сотрудничеством с Россией, чем отсутствием подобного сотрудничества. Взаимные подозрения, переменные противоречия и невыполненные обещания сокращают базу сотрудничества. Часть вины падает на Запад, но и Россия должна понять стратегические реальности современного положения и действовать соответственно»*[139].

Решение первостепенной по важности задачи избежания новой холодной войны, новой конфронтации, зависит от степени понимания в США и России забот, обеспокоенностей и интересов противостоящей стороны. Москва и Вашингтон должны определить модус вивенди, устраивающий обе стороны и не ведущий к силовым решениям. Для этого необходим реалистический анализ мотивов контрагента, осознание его целей и, главное, готовность найти компромисс тогда, когда внешние условия не совсем удовлетворяют равным отношением.

Веймарская республика? Зыбкость российской реальности, флюидность ее политического процесса, невероятная роль эмоционального фактора, ступор «самого читающего»в мире населения, сложность социологического обозрения, ненависть политиков к компромиссу не оставляют иного выбора, кроме как широкого сравнения. И оно немедленно приходит. Не успели окончиться первые восторги по поводу новорожденной русской демократии, как в свет в 1994 году вышел специальный номер журнала «Германская политика и общество», посвященный тогда еще смутно определившейся теме, «Веймар и Россия». Авторы — Джералд Фелдман, Гарольд Джонс и Джордж Бреслауэр могли сравнить новую, ельцинскую Россию только с наследником кайзеровского государства. В 1995 году детальное историческое сравнение двух режимов осуществил Роджерс Брубейкер в монографии о национализме в новой Европе[140]. А в 1997 году Стефен Хенсон и Джеффри Копштейн посвятили целую статью сравнению Веймарской Германии и посткоммунистической России[141].

Речь идет об униженном, нестабильном гиганте, способном без особого труда отринуть ограничительные путы внутреннего и международного либерализма. Как минимум, словами Уолтера Лакера, речь идет о «старой веймарской дилемме, как управлять демократией в отсутствие достаточного числа демократов»[142].

Наиболее общим, разрешающим все прочие аналогии является утверждение, что «как и в случае с Веймаром, Российская Республика родилась в результате имперского коллапса, оставившего после себя институциональное и культурное наследство, которое чрезвычайно ограничило спектр выбора послекоммунистической элиты»[143]. Низкий уровень революционной реконструкции после имперского краха и высокий уровень международного давления в направлении вхождения в мировой рынок безусловно ощутимы в обоих случаях.

1. Ни у кого нет сомнений в том, что лишь общий кризис заставил основные политические силы, вошедшие в психологический ступор, согласиться с новоявленными вождями страны, а вовсе не некая сверхъестественно сформировавшаяся демократическая ориентация. Попросту говоря, поражения и дисциплина оказались сильнее неприязни к самозваным новоявленным вождям; поражения страны, отметавшей саму возможность поражения, нейтрализовали класс, который подобру-поздорову никогда бы не подчинился выскочкам профсоюзно-интеллигентского разлива.

Могла ли огромная военно-промышленная система Советского Союза отстраненно наблюдать за трансформацией страны, если бы афганская невыигранная война не подкосила мораль военного клана, не обнажила косность военного руководства, которое одновременно склонилось перед Горбачевым на переговорах с Западом по стратегическим и конвенциональным вооружениям? Едва ли. Для очень многих из силовых ведомств демократия пришла на крыльях афганского унижения и под воздействием того, что им виделось близоруким угодничеством Горбачева перед Западом. А когда занятый собой Запад начал принимать в НАТО бывших союзников СССР, привкус «удара в спину», столь характерный для Веймара, стал интегральной частью российского мироощущения.

2. Культурный разрыв с прошлым. Веймарская буржуазия была безнадежно слаба и, что не менее важно, не была готова стоять насмерть за новую конституцию. Трудно не согласиться с утверждением, что «новое государство не удовлетворяло *ни одну* из частей правящей элиты. Возникшая республика была нежеланным ребенком *для всех* сколько-нибудь влиятельных политических сил, и каждая из них рассчитывала позднее взять реванш за вынужденные уступки»[144]. В результате Германией овладела своего рода апатия, которая всегда ведет к жалким целям самообо-

гащения, социального эгоизма, гедонизма доселе невиданного толка. Цели модернизационного первенства, столь значимые в предшествующие годы, отступили едва ли не на третий план перед персональным культурным раскрепощением, перед новоявленными Содомом и Гоморрой вторгнувшейся цивилизации победоносного Запада.

Не нужно много слов, чтобы провести параллель с чрезвычайным по скорости переходом новой России в новое информационно-эмоциональное пространство, породившим горестное недоумение по поводу отторжения прежних культурных ценностей, органическое неприятие значительной частью населения нового культурного кода, печаль по утерянному миру. Дело даже не в новой откровенности, а в том, с каким безжалостным торжеством новые клип-триумфаторы взошли в святыню прежних ценностей, изгоняя их как безнадежно не соответствующие новым стандартам национального ценностного пантеона.

3. Гиперинфляция 1923 года дезавуировала веру в государство в стране, где эта вера составляла социальную основу общественного порядка. Разметанные в прах накопления совершили «революцию в головах», вызвали желание выразить протест в любом виде и максимально интенсивно. Порядок прежних лет обернулся позорным бессилием новых учреждений. При этом «новые немцы» с восторгом вошли в завораживающую эпоху джаза, декаданса, автомобильного рая и социально — поведенческой вседозволенности.

Инфляция и удары нового российского государства в 1992 и 1998 годах, приведшие к потере веры в государственную честность, уведшие миллионы россиян за грань бедности, в неменьшей степени деморализовали население. Исконная вера в «цареву правду» подверглась всеобщему крушению; невыплата зарплат и пенсий подорвали всяческое доверие к главным социальным институтам. И при этом беспардонное самоутверждение «новых русских», потрясенных возможностью построения отдельно взятого материального рая, жизни на импортных колесах, отдыха в запретном прежде мире, слома традиций бытовой морали создали явственное олицетворение торжествующего порока.

4. «В условиях национального унижения и территориальных потерь после поражения в первой мировой войне, двусмысленность в отношении национальных границ создала пороховой погреб и постоянный знак вопроса в отношении легитимации нового «малогерманского» режима»[145]. Разделенность нации, муки немцев, оказавшихся в чужих пределах, фактическое безразличие Берлина, бегство на историческую родину (где особо никто не ждет) и за океан, породили национально-расовую ущербность, плодом которой незамедлительно стало «националистическое вос-

стание», формирование открытых и закрытых связей с меньшинствами в Судетах и Западной Польше, подпольные связи с австрийцами, с фольксдойче повсюду в соседних странах.

Недоуменные муки русских, неожиданно ставших оккупантами и изгоями там, где вчера их трудолюбие, образованность и таланты ценились, вызвали боль, оттененную безразличием Москвы. Эти страдания неожиданно возникшей диаспоры погнали россиян в Российскую Федерацию и за рубеж; они же породили подъем чувства национальной ущемленности, оборотной стороной которой стало растущее сопротивление (казаки, общества русской словесности, своеобразная самооборона). 25-миллионная диаспора в условиях соседства России стала фактором не исключенной из футурологического оборота ревизии границ и земель.

5. Проблема репараций связанная с негативным для Германии решением вопроса «кто виноват в развязывании войны», стала едва ли не главным внешнеполитическим вопросом. Немецкие историки немедленно опубликовали огромную — многотомную подборку документов, из которой значило, что вина за войну распространяется на все державы противостоящих коалиций.

Едва ли не вся палитра российского политического спектра ждала благодарности за крах коммунизма, а вовсе не реализации некоего покаяния за некую полувековую агрессивность. Прибывшие в российские архивы западные историки могли убедиться, что вина за холодную войну не может быть возложена лишь на СССР — Запад также допустил грубые ошибки. Проблема гигантского долга СССР, периодически лишь смягчаемая вливаниями МВФ и другими займами Запада, не ликвидировала вопроса: не оплатила ли Россия своим добровольным уходом из Центральной Европы бремя, возложенное на нее горбачевским массовым кредитополучением? Почему страна, добровольно создавшая ситуацию, при которой Запад смог значительно уменьшить свои военные расходы, оказалась в мучительной долговой кабале? Понижение уровня гуманитарной помощи стране, которая совсем недавно оказывала существенную помощь другим странам, стало частью психологического наследия, питающего ностальгию по более достойному внешнеполитическому статусу.

7. Фиаско веймарского режима в деле реформирования поддерживаемой государством, протекционистски защищенной национальной экономики привело в конечном счете вначале к переводу межэкономических отношений на уровень межгосударственных коллизий, а затем (после 1933 г.) к легкой ренационализации грандиозного механизма германской экономики. Страна не вынесла безработицы, подаваемой как некая естественная фаза неизбежного отбора наиболее эффективных, как явления, с которым следовало смириться.

В коллективистской стране, которой исторически являлась Россия, после успешного воцарения таких общенациональных условий жизни как бесплатные образование и медицинское обслуживание, переход к «джунглям рынка» не мог быть воспринят как естественный ход событий. Застойный Брежнев давал квартиры, а демократические Гайдар и Черномырдин сломали блага социальной поддержки жертвам очередного исторического перехода. Многомиллионная безработица в стране, которая ее прежде не знала, стала наиболее ощутимым символом незаслуженного насилия.

8. Стратегия девальвации, отход от легендарной прежней валютной стабильности к не менее теперь легендарной инфляции, решительно поколебали традиционную веру германского народа в обязательность государства, в верную службу чиновника как столпа общественного порядка. Затем коррупция и бегство капитала за рубеж развеяли иллюзии самых лояльных. Этатистская ортодоксия стала символом глупости. Самые верные оказались самыми обделенными. Правительство лишилось симпатии и поддержки обманутого народа.

Служение монетаристким идолам в виде дефляции, сбалансированного бюджета, связи рубля с мировым эквивалентом — долларом послужило в России 90-х годов величайшим разрушителем веры в то, что правительства создаются для блага граждан. Либералы-монетаристы выветрили веру не только в традиционного очередного «доброго царя», но выставили государственный механизм паразитом на теле общества, заинтересованным в благосостоянии лишь столицы. а в ней — лишь верхних десяти тысяч. Один из самых доверчивых народов мира обрел негативный опыт, который едва ли будет скоро забыт.

9. Германская революция создала ряд новых государственных институтов, которые подавались демократами как начало — и предпосылка — новой эры народоправия. Получил новые основания федерализм. Гарантом федеральной целостности стал президент, которого обязывала статья 48 Веймарской конституции: «Если какая-нибудь область не выполняет обязанностей, возложенных на нее конституцией или имперским законом, то президент рейха может принудить ее к этому с помощью вооруженной силы. Если в пределах Германского рейха серьезно нарушены общественная безопасность и порядок или если грозит опасность такого нарушения, то президент рейха может принять меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка. а в случае необходимости — с помощью вооруженной силы. С этой целью он может временно приостановить и полностью, и частично гарантии основных прав»[146]. В республиканской по духу конституции пряталась возможность чрезвычайного правления.

Президентом в 1925 году на восемь лет стал престарелый Гинденбург, в которого с самого начала верили не как в Солона, мудреца, государствоустроителя, а как эмоционально удовлетворяющую требованиям момента фигуру. Страшный проявитель истинного — время обнажило коррупционный беспредел новых владетелей страны, немощную неспособность фельдмаршала в цивильной обстановке, опасность сепаратизма.

Совершенно иной государственный строй, созданный в Российской федерации на костях однопартийной системы, деградировал на удивление быстро. Павшая государственная вертикаль почти сняла препятствия у «субъектов федерации». Лишенная всякого контроля бюрократия сделала невозможное: вызвала тоску о госпартконтроле. Вручение невероятных по объему полномочий президенту (согласно Конституции 1993 г.) не ликвидировало, а увеличило вакуум власти. Ее декор лишь обнажил внутреннюю пустоту; строитель и провинциальный партийный вождь не проявил никаких созидательных способностей. Российская Конституция 1993 года также давала президенту право вводить чрезвычайное положение, последствия чего обнаружились так трагически в Чечне. Российский вариант 48-й веймарской статьи стал одной из угроз молодой демократии, что потребовало от российских демократов борьбы за ослабление всевластия президентской республики в критических обстоятельствах.

Главное: развал в Беловежье СССР, либерализация цен и введение конвертируемости рубля немедленно создали оппозицию, авангардом которой стало большинство в Верховном Совете Российской Федерации. Аналогично Веймару возникло и широко распространилось представление о том, что страна была предана и унижена «коалицией западных финансовых интересов и внутренних предателей — включая как Горбачева, так и Ельцина»[147]. Эта ситуация была в высшей степени усугублена (как и в веймарской Германии) тем обстоятельством, что 25 млн. русских остались за пределами новой России, попираемые этнократическими законами новых для них государств. Либеральный демократический строй быстро стал антитезой определения «Россия», основанного на славянской этничности и православной религии, работ Солженицына, всего советского наследия. Как и Веймар, новая Россия с самого начала встретила национальное сопротивление. Как дитя государственного поражения, новая российская демократия стала жертвой с самого начала. Как и в веймарской Германии, в новой России значительная часть населения (в том числе многочисленные жертвы шоковой терапии) была материально заинтересована в сохранении прежних государственных структур, не принимала новые границы, разделяла теорию «удара в спину» скрытыми врагами внутри и открытыми извне, разделя-

ла антилиберальные взгляды жертв перемен, с симпатией стала относиться к «силам порядка». Вовне — как и в 1918 году — либеральный капитализм как бы изготовился к радикальным переменам внутри ослабленной страны. Призывая Россию к переменам, Мировой банк говорил, что «эти перемены не могут быть осуществлены в течение нескольких *недель*»[148]. Никто не заставлял Всемирный банк предаваться заведомо безосновательному оптимизму, говоря о неделях.

Различия двух феноменов. Различия так же очевидны. Климат вокруг новой России значительно более благожелателен, чем вокруг веймарской Германии. Да и как могло быть иначе, если Россия собственными руками ликвидировала свое конвенциональное превосходство над Западом в Европе, если она сама демонтировала Организацию Варшавского Договора, запретила КПСС, сокрушила СССР, отказалась от соперничества с Западом. Не забыла роли Москвы в своем объединении благодарная Германия, а Франция и Британия едва ли хотели конечного ослабления России в регионе, где достаточно неожиданно возвысился до лидерских высот Берлин. Не нужно напоминать, что Россия не выплачивает репараций. Более того, она получает кредиты от Международного валютного фонда и отдельных западных стран. И не только кредиты. США оказывают Российской Федерации финансовую помощь на сумму более 600 млн. долл., Европейский союз — на 200 млн. долл.[149].

Окружающий мир не переживет ничего подобного Великой депрессии. Да, финансовый кризис Восточной Азии болезненно ощутим, безработица в Европейском союзе ограничивает его инициативу (в плане инвестиций, помощи, допуска на свои рынки), но в мире нет того безумного отчаяния, всеобщего скепсиса относительно буржуазных экономических и общественных институтов.

В России не возникло действительно общенациональной организации реванша. Если в веймарской Германии основные политические партии пришли из предшествующего периода, сохранив свою силу и электорат, то в новой России лишь *осколки* горбачевской эры — как слева, так и справа (КПСС, Демократическая Россия, «Память») — пережили 90-е годы. Новые силы обозначили соотношение сил в посткоммунистическую эпоху, равно как и новые политические лидеры озвучили новые идеи. Таких партий, которые определили веймарское развитие,— социал-демократы, либералы, католический центр (не говоря уже об КПГ и НСДАП) — не было на российской политической арене 90-х годов. КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», НДР являются фактическими новообразованиями, прерывающими политическую преемственность.

Оппозиция в России не выдвинула подлинно харизматических лидеров, притупив тем самым массовое недовольство. Российские партии, прежде всего, поразительно неэффективны — ни как «инспирационные» центры, ни как организационные образования. Сказывается, прежде всего: а) отсутствие опыта — семьдесят лет подавления любой оппозиции; б) семьдесят лет пустой риторики коммунизма; в) исторически обусловленное в России неприятие *компромисса* как имманентной части политического процесса; г) ступор масс, не готовых к легкому восприятию «гибели прежних богов»; д) феноменальная мощь телевидения (наряду с прочими СМИ), ставшего едва ли не главной направляющей силой для десятков миллионов граждан. И, разумеется, пересмотр (завершение) процесса, любая форма ревизии или реванша невозможна в России на основе фашистской идеологии — в данном случае протестует сама генетическая память.

В России, при всей масштабности массового недовольства, так и не возникло массовой партии, чье организационное строительство шло бы из провинции, из низов общества, которое являлось бы не «головным» продуктом, а *credo* обиженных миллионов. Оппозиция в России, ввиду общей интеллектуальной слабости, не сумела выработать настоящую альтернативную идеологию. Даже КПРФ на выборах 1999—2000 годов предпочла «раствориться» в коалиции Народно-патриотического фронта (или позволить своим фрагментам идти отдельно), что не укрепило, а ослабило ее ударную силу.

Советская Армия не породила ничего похожего на германский рейхсвер, армейские круги не породили ни жесткой структуры, ни идеологии преданной (не на поле боя) армии. Нет тщательно прикрываемого влиятельными кругами генштаба, сохранившего интеллектуальные ресурсы победоносной армии. По соседству нет страны — собрата по несчастью (роль которой в период 1922—1933 годов сыграла Советская Россия), которая помогала сохранить кадры и передовую военную технику. Среди капитанов индустрии нет «ультрапатриотов» типа Круппа, среди финансистов — талантов ранга Шахта. Российские олигархи дальше кого бы то ни было от патриотических затей.

Образованный класс в России знает о судьбе веймарской Германии. Антилиберальные взгляды породили понятные всем эмоции, но не эффективную идейную контрсистему. Интернационалистская интеллигенция боится автохтонной изоляции. Протобуржуазия не верит пророкам ни слева, ни справа. Первый президент России так или иначе явственно ослабил веру в централизованную силу государства, произошла своего рода консервация институциональной неразвитости общества, так и не получившего

достойной демократической альтернативы. По мере ослабления власти первой посткоммунистической элитой возникает опасный вакуум власти. Веймар стоит как грозное предостережение.

Баланс сравнения. Сложности перехода от авторитаризма к демократии очевидны. Никто не будет отрицать и различия двух эпох. И все же главное в сравнении это то, что ни президентская администрация, ни армия, ни органы безопасности, уязвимые в отношении дезорганизации и коррупции не представили собой некой альтернативной институциональной базы антилиберализма, системы строгой государственности антибуржуазной направленности. И хотя поражение демократии в России более чем возможно, но жесткая организованность и жертвенная готовность сил реванша представляются сомнительными. В обозримое время любой антилиберальный режим в России наследует и разовьет столь же слабый государственный режим — если не еще слабее. Подлинно харизматические лидеры, подлинно неодолимые в своем самоутверждении идей, возможно, прячутся за историческим поворотом, но их нет на политическом горизонте современной России.

В современной России, как и в веймарской Германии «высшая бюрократия вкупе с президентом *сначала разрушила* почти все институциональные основы политической системы, а потом *обнаружила* собственную неспособность управлять в таких условиях»[150], пошла на союз с крайними элементами, теша себя несбыточными надеждами приручить их.

И последнее по счету, но не по значимости. *Атомизация* социальных сил в России — едва ли не наиболее важный социальный процесс. Окончилась эра полумиллионных демонстраций, завершилась эпоха общих идей. Эта атомизация, с одной стороны, несомненно препятствует созданию демократических институтов, но она же встает на пути мощного организованного оппозиционного потока, явственно мешает формированию авторитаризма. Тот факт, что даже президент слабо опирается на структурированные политические силы («Единство»), говорит о дефиците подлинной стабильности.

При всей схожести происходящего, Россия едва ли повторит опыт веймарской Германии. Организационная дряблость всегда была причиной цивилизационной слабости догоняющей Запад России. Она же едва ли позволит спонтанный рост новой сверхорганизации. Из многих возможных бед России придется скорее страдать от организационной слабости, а не от непреклонной решимости марширующих колонн.

Запад делает ошибку во второй раз. На протяжении уходящего столетия Запад во второй раз допускает роковую ошибку

в отношении дружественной ему России. *В первый раз* это имело место на изломе первой мировой войны, когда Россия, ее экономическая, социальная, военная структуры потеряли прочность и продолжение войны начало вести к необратимым потерям, к краху ее социальной ткани. Подталкивая Россию к отчаянным битвам 1917 года, Запад способствовал революционизации общества и созданию из России антизападной страны. Император Николай и наследовавшие ему Львов и Керенский, храня жизненно важный союз, не могли нарушить данное слово. Но западные союзники имели в России грамотных дипломатов, разведывательную сеть, умных наблюдателей, которые правомерно сомневались в военных способностях страны. Они видели усталость страны, горести экономической разрухи, отсутствие мужчин в деревнях, очереди в городах, ропот беженцев, отсутствие у России ясных целей в войне, что подрывало патриотический порыв. И все же Палеолог, Бьюкенен, Френсис и прочие послы оказались неспособными предвидеть русскую Голгофу. После одной из пламенных речей представителя западных союзников, убеждавшего не изменять Западу (а Россия уже потеряла два миллиона солдат), министр Временного правительства обратился к русскому помощнику бывшего госсекретаря США Э. Рута: «Молодой человек, не будете ли вы столь любезны рассказать этим американцам, что мы устали от этой войны. Объясните им, что мы изнемогаем от этой долгой и кровавой войны». Поставив солидарность с Западом выше инстинкта самосохранения, Россия захлебнулась в наступлениях 1916—1917 годов и привела к власти тех, кто услышал угасание пульса страны.

Позднее Запад признал свою ошибку, состоявшую в излишнем нажиме на Россию. Премьер Ллойд Джордж скажет о ней позже: «Военные штабы цеплялись за свои проекты. Слепо упорствуя, они ни за что не соглашались отказаться от них и сердито уклонялись от рассмотрения какого-либо другого плана. России доверили задачу, которую она уже не была в состоянии выполнить... Россия была окончательно разбита к концу 1916 года. И русские солдаты, как и русский народ, уже устали от войны. Продолжать войну означало продолжать бесполезную бойню».

В результате самый надежный друг Запада — правящая дворянская элита России, связанная с ним узами родства, воспитанием, симпатиями, интересами, клятвой, ушла с российской общественной сцены в историческое небытие. Октябрьская революция была прямым следствием ужасов войны и западной настойчивости обязать Россию продолжать в ней учавствовать. Западу его предвзятость обошлась недешево, когда он встретил экстремизм России и Германии между войнами.

Вторая драма разворачивается на наших глазах. Россия отказалась от коммунизма и пошла в неведомое будущее. Ориентирами были рынок и демократия. Но после стремительной приватизации общественной собственности машина перемен потеряла макроориентиры и встретила проблемы, которые можно было предвидеть у государства, не решившего коренные вопросы: стабильное государственное устройство, вертикаль государственного подчинения, характер собственности на землю, управление сектором государственного капитализма, принципы налогообложения. За бортом внимания осталось главное — сохранение созданной предшествующими поколениями промышленности, путь технологического подъема, сохранение и развитие фундаментальной науки, политика в СНГ. Все затмила конъюнктура: бюджет, инфляция, конвертируемость рубля — кризисное реагирование, а не проведение подлинных реформ, до которых не дошли руки до такой степени, что само понятие «реформа» оказалось девальвированным. Реформами стали именовать банальные перемены курса, заурядные чиновничьи повороты, что и дискредитировало само понятие, отныне связанное с падением производства, крахом науки, хаосом в обществе.

И вот в этой ситуации, *во второй раз* за столетие Запад жестко требует продвижения вперед. На этот раз не на галицийские предгорья Карпат, но не в менее опасном направлении. Как и в далеком 1917-м Запад, не желая открывать глаза на подлинные российские проблемы, обещает лояльность только в обмен на продолжение движения, начатого в 1992 году в направлении, которое объективно привело к отказу от наследия индустриализации в пользу животворного хаоса, раскрепощения экономического индивида. Любопытно, какого мнения был бы о нас Запад, если бы Россия предложила ему перемены, в результате которых он терял бы половину валового национального продукта, десятилетие в средней продолжительности жизни, две трети жизненного уровня, а приобретал бы многомиллионную безработицу, анархическую деградацию общества, деквалификацию миллионов специалистов, спустившихся на социальное дно? Так ли хороша дорога, ухабы и пропасти которой начинают вызывать ненависть даже у взращенного в любви к западной культуре народа, ненависть в отношении хладнокровных педантов, ставящих правила удобной для себя игры важнее гуманитарной катастрофы целого народа. Как и в далеком 1917-м народ теряет смысл происходящего, чему способствует молчание вождей. Наступает жестокая демодернизация.

Клемансо и Ллойд Джорджа можно было понять: Людендорф уводил войска с Восточного фронта под Париж, по которому ежедневно била Большая Берта. Труднее понять сегодняшних

лидеров Запада, ведь в пределы сферы действия Североатлантического договора вторгаться никто не собирается. И если, налегая на сугубо метафоричное понятие «реформы», они вольно или невольно требуют от нашей страны платы, граничащей с деградацией общества и гибелью экономики, то итогом для нас может быть тупик наедине с Очень Большой Бертой.

Как и восемьдесят с лишним лет назад, Запад наносит удар прежде всего по своему лучшему союзнику в России — на этот раз по российской интеллигенции, многие годы прививавшей «самому читающему народу» любовь и уважение к рациональности и гуманизму Запада, колыбели науки, противоположной анархическому самообману. Триста лет сближаясь с Западом, Россия стремилась избавиться от фетишизма, в том числе и словесного. Реформы — желанный путь развития общества. Но «реформы» без расшифровки, реформы как символ согласия с союзником — формула похода с закрытыми глазами, столь же опасного, как и перед первым коммунистическим взрывом. Ллойд Джорджу, валлийскому мудрецу, следовало раньше сделать свой вывод. Как и его сегодняшним западным наследникам.

Совет Запада. Лучший совет, который Запад дает современной России, заключается в следующем: хаос и разброд, потеря идентичности и массовое разочарование происходят в России не по причинам материально-экономическим, а ввиду безмерных амбиций, неуемной гордыни, непропорциональных объективным возможностям ожиданий. «Россия не откажется от своих имперских мечтаний о величии; скорее она начнет собирать ресурсы для оживления этой иллюзии и будет строить свою внешнюю политику соответственно. Это наложит свое бремя на внутреннюю экономическую политику России, создаст давление на внутреннюю экономическую политику, предотвратит реализацию необходимых реформ и усилит демографический кризис, крах системы национального здравоохранения. В результате Россия будет продолжать оставаться наполовину модернизированной, наполовину архаичным гибридом. До тех пор, пока Россия отказывается вестернизироваться, она не будет модернизироваться»[151].

Запад в лице его лучших представителей искренне и доброжелательно советует понять, что Россия — средних возможностей страна с отсталой индустриальной базой, не нашедшей выхода к индустрии XXI века. Нам честно, откровенно и с лучшими побуждениями советуют уняться, погасить гордыню, прийти в себя, трезво оценить собственные возможности и жить в мире с самими собой, не тревожа понапрасну душу непомерными претензиями и ожиданиями.

А почему бы и нет? Почему нужно, «против моря бед вооружась», в энный раз испытывать свою судьбу, ставить непомерные задачи, звать к практически недостижимым вершинам, будоражить покой современников, настаивать на более славном предназначении страны и всех нас в ней обитающих? Не лучше ли вооружиться вышеприведенным советом, который полностью согласуется с библейской моралью о смирении неуемной гордыни, не лучше ли спокойно возделывать свой сад без потуг на деятельное участие в мировых делах, без разорительных посягательств на почетное место в мировых советах, без раздражающих Запад слов о якобы имеющей место «обреченности» России быть великой державой?

Увы, дельный совет о смирении, трезвой самооценке и спасительном уходе в обыденность не годится. И вовсе не из-за неких «младотурков», российских самураев, козней невзрослеющего самолюбия или частного умысла. Совет *стать средней державой* неосуществим по чисто психологической причине, в свете громадного и стоящего крутой горой факта: полтораста миллионов жителей России органически *не согласны* с участью еще одной Бразилии, с судьбой *средней, второстепенной державы*. Вы можете словесно — с цифрами в руках блистательно победить в споре о малости, неадекватности наших сил и ресурсов, но вы при всех стараниях не можете имплантировать в национальное сознание готовность согласиться с *второстепенным* характером международной роли России, ее маргинальности в мире триллионных валютных потоков, глобализации рынка и информатики, в мире недосягаемых высоких технологий.

Прочным фактом современной жизни является то, что от балтийских шхер до Берингова пролива новая-старая Россия с удивительной силой тихо, но прочно таит глубинное несогласие с западным историческим анализом, с логикой жестоких цифр, с предрекаемой второстепенной судьбой.

И в обеих столицах и в провинции, в негромких беседах раздаются суждения, что это не в первый раз — страна распадалась и исчезала в 1237, 1612, 1918 годах, она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 годах, но восставала в 1480, 1613, 1920, 1945 годах. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живет в массовом представлении, он составляет его сущность, являясь основой национальной психологической парадигмы.

Хорошо это или плохо? Наверное *плохо* для ультрасовременных ревнителей глобализации, кто делает ставку на «нормальную» страну, кто с наилучшими намерениями жаждет рекультуризации, торжества нового рационализма разместившегося между Азией и Европой народа. Увы, с реальностью следует обращаться всерьез: Россия была, есть и будет такой, какой она живет в вос-

поминаниях, восприятии и мечтах ее народа. И населяющий ее народ, что бы ни говорили ему иностранные или доморощенные витии, считает заведомо *плохим* уход с международной сцены.

Наверное *хорошо,* если видеть в национальном самосознании и гордости основу гражданственной жертвенности. Английский писатель Ричард Олдингтон писал о патриотизме как о «прекрасном чувстве коллективной ответственности». Уникальное ли это явление? Отнюдь. Если размышлять над судьбами хрестоматийных фаворитов второй половины XX века (скажем над возрождением Германии или Японии), мы не поймем секрета их общепризнанного успеха, если не усвоим главного — даже в годину национального поражения эти народы сохранили неколебимое самоуважение, веру в свою звезду, своего рода «коллективное помешательство» в виде несгибаемой уверенности в воссоздании своего могущества, в конечном занятии почетного места в мировой семье народов. То было главное основание, без которого целенаправленный упорный труд не получил бы формы, стимула и постоянства.

Кого-то смущает сравнение с прежними тоталитарными агрессорами? Обратимся к классическим демократиям. В главных испытаниях прошедшего века лидеры ведущих демократических стран обращались к беспроигрышному элементу, к чувству национального самосознания, уязвленной гордости обиды за униженную объективным ходом событий страну. Президент Ф.-Д. Рузвельт на все лады использовал формулу, что «мы, американцы — как народ — не можем, будучи вместе, потерпеть поражение». Это относилось и к Великой депрессии, и к второй мировой войне. Уинстон Черчилль в самый мрачный для своей страны час обращался к немеркнущим примерам патриотизма королевы Елизаветы Первой, не склонившейся перед Великой Армадой, к образам герцога Мальборо и адмирала Нельсона. Президент де Голль говорил о Франции как о «мадонне с фресок». Мы напоминаем умонастроение лидеров *демократических* стран, а не самоослепленных национал-диктаторов. В чувстве обостренного патриотизма есть жизненно важный потенциал, который с блеском использовали Вудро Вильсон, Дэвид Ллойд Джордж и несчетный сонм борцов с национальным самоограничением.

Народы готовы вынести многое, когда их «осеняют праведные знамена». И напротив, сервильность вождей ведет их в долину национального забвения (чему пример — недавняя российская история). В этом плане смена кремлевского руководства характерна именно обращением к общему и общепонятному чувству. То, что было благом для других стран в их трудный час, не может быть абсурдно кокетливой претензией в трудный час России. Эта глубокая вера в общую судьбу является *важнейшей* предпо-

сылкой упорного труда на долгом пути возвращения, вдохновенной творческой мысли наших ученых, спокойной уверенности учителей грядущих поколений, созидателей материальной основы новой экономики. Это та основа, на которой можно строить будущее. Если бы этой веры в себя и свою судьбу не существовало, на национальной истории можно было бы поставить крест. Но именно на вере в себя и в свое будущее покоится могущество современных гигантов — тех держав, чьи могущество и усилия определят ход двадцать первого века. Откровенная цель — не попасть на задворки истории.

Цели. Что очень существенно, мнения политической элиты и основной массы населения в данном случае совпадают. Причем речь идет даже о самом прозападном крыле. И путь нынешнего президента к высшему в государстве посту был проложен в том же верном, беспроигрышном направлении. Даже отблеска этой идеи было достаточно, чтобы создать вторую (по числу мандатов в Государственной думе) партию в стране. Новоизбранный президент поделился своим видением России: она не будет «вторым изданием, скажем, Соединенных Штатов или Великобритании... Для русских сильное государство не является аномалией, от которой следует избавиться. Как раз наоборот — они видят его гарантом порядка, инициатором и движущей силой всех перемен». Комментарий Запада: «Государство не является основой России, оно является ее проклятием»[152].

Но столь очевидным образом мобилизованное национальное чувство едва ли ведет ныне к героическому созиданию. Президент Путин говорит о возможности догнать Запад за *пятнадцать* лет. Увы, реализм требует большой осторожности. Речь идет о более грустном, заземленном, существенном. На кону гораздо более трагическое — национальное самосохранение. На горизонте появились четыре всадника Апокалипсиса: колоссальная утечка капитала из страны; нарушенный механизм государственного управления, ведущий к сепаратизму; массовая безработица; посуровевшее внешнее окружение.

1. Возможно, *первая* опасность — самая насущная и страшная. Год за годом корыстный слой вывозит свои капиталы за пределы страны, лишая ее стимулятора развития, обращая и без того скудный национальный капитал из средства спасения своей страны в источник процветания заграничных банков и компаний. Какое-то время страна еще сможет продержаться на нефтедолларовом допинге, но наступают сроки расплаты с внешними кредиторами и неправедный многомиллиардный исток национального богатства может довести страну до комы. И уж определенно до ненависти к очередному социальному конструкту, позволяющему смертельно

опасное валютное кровопускание — отток основной денежной массы.

Напомним, что в годы Великой депрессии каждый отплывающий из США лайнер означал уход из национального рынка одного миллиарда долларов. И президент Рузвельт был вынужден «заморозить» банковскую систему, ввести средства государственного регулирования, чтобы сохранить в стране доллары. В сходных обстоятельствах гордые Британия и Франция отказались выплачивать международные долги (мы говорим только о *демократических* странах). Самый убежденный западный демократ вне всякого сомнения закроет национальные границы, если через них — как у России сегодня — *вывоз капитала будет значительно больше ввоза,* что ведет к неизбежному истощению финансовой системы с сопутствующим крахом социальных устоев в финале.

2. Когда Бенджамин Франклин, Джордж Вашингтон и иже с ними увидели опасность необратимой самостоятельности штатов, они поступили не совсем конституционно — созвали в Филадельфии совет 55 «мудрецов» и за закрытыми дверями написали новую конституцию, резко усилившую федеральный центр. Теперь в американском национальном пантеоне нет более славных героев — их конституции поклоняются новые и новые поколения американцев. Не меньшая чем от старой американской конфедерации опасность исходит от самодовлеющих регионов — субъектов Российской Федерации. Тем больше оснований утверждать, что созданная впопыхах Конституция 1993 года — не икона.

3. Наличие безработицы в стране, кричащей о непролазном объеме предстоящих усилий по своему обустройству,— нонсенс. Безработный отец семейства гарантирует деградацию семьи, что в свою очередь ведет к деградации общества. Франклин Рузвельт не моргнув глазом мобилизовал безработных на общественные работы — и Америка гордится дорогами, мостами, общественными зданиями той поры. В России — уникальной стране бездорожья неиспользование готовой трудиться рабочей силы преступно. Тем более, если столь нужны новые терминалы в Петербурге.

4. Возглавлявший комиссию по денацификации Германии американский философ Джон Дьюи говорил о роковой опасности сочетания двух обстоятельств — краха национальной экономики и национального унижения. Это сочетание возникает в России, когда на ее западных границах воздвигаются новые бастионы НАТО, когда голос страны в ООН игнорируется, когда международные финансовые институты демонстративно выдвигают условия. Россия не просит об особых и льготных условиях. Но она вправе рассчитывать на то, что ее ослаблением не воспользуются слиш-

ком легковесные в своих геополитических размышлениях политики. Но если она усомнится в дружественности проводников второй волны расширения НАТО на восток, если она ощутит вызов на Каспийском море, если ее влияние в Европе будет девальвировано, тогда реализуются условия, о которых говорил великий Дьюи, и она усомнится в целесообразности дружбы с Западом.

Глава 15

МИР СЕМИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Понадобился каскад кризисов, включающих внутризападные войны, очевидная стойкость незападных культур, частично выдержавших натиск Запада, прежде чем лучшие умы североатлантического региона признали иные, незападные цивилизации как совокупность свойств определенного общества, расположенного на определенной территории и в конкретный исторический период.

Возможно, первым скептиком, выразителем сомнений во всеобщей приложимости ценностей одной цивилизации в конкретную ткань другой был шотландский философ А. Фергюсон, поставивший в работе «Очерк истории гражданского общества» (1767) вопрос о сложности, и даже невозможности, перенесения культурного опыта одной конкретной цивилизации на неподготовленную для этого опыта почву. Сомнения в общеприложимости цивилизационных догм вели этого шотландского мыслителя к признанию факта существования иных систем органических ценностей, иных цивилизаций. Логика таких рассуждений разрушала «пирамидальную» евроцентрическую цивилизационную систему, давая простор сопоставлению, сравнению, взгляду на иные миры как на полноценные цивилизационные организмы. Она обосновала первые шаги в скептическом восприятии линейных представлений о всемирной истории, которые подавали национальные культурные различия как второстепенные, занижали значимость среды обитания, культурного опыта, религии, исторических предрасположенностей.

Ощутимый удар по прямолинейному восприятию прогресса нанес И. Гердер, возглавивший цивилизационную и политологическую мысль Германии в противовес главенствовавшему в конце восемнадцатого века потоку прогрессизма (лидеры которого Тюрго и Кондорсе задавали тон в западноевропейском самосознании). Гердер указал на примитивность представлений о механическом приросте человеческих знаний как о движущей силе истории. В качестве источника исторического развития он видел столкновение противоположных культурных принципов. Главный посту-

лат Гердера состоял в невозможности уподобления одного народа другому, иррелевантности сопоставления различных эпох. Он настаивал на органическом, качественном своеобразии цивилизационных явлений и считал невозможным оценивать явления одной культуры в рамках другой.

Развитие подобных взглядов мы наблюдаем у английского позитивиста Г. Спенсера, выделявшего, по меньшей мере, два вида цивилизаций: ориентированную на «внутреннюю среду», на удовлетворение потребностей общества и его членов европейскую цивилизацию (1) и ориентированные на внешнее окружение милитаризованные цивилизации Востока (2). Буквально вторя ему, английский историк Г. Бокль призывал различать линейно развивающуюся цивилизацию Запада и циклически развивающиеся цивилизации остального мира[153].

В русле той же традиции германский историк Г. Рюккерт утверждал, что «историческая действительность не может быть логически правильно расположена в виде одной линии». История осуществляется в виде «культурно-исторических организмов», т.е. отдельных цивилизаций[154]. Рюккерт аргументировал наличие множественности цивилизаций прежде всего на примере Китая, цивилизационно органически чуждого западной культуре. Данная германская традиция по отношению к Западу нашла своих адептов в лице германских гениев первой величины: Гердер, Лейбниц, Гёте, Шопенгауэр, В. Гумбольдт, Ницше, Т. Манн, Хайдеггер.

В России второй половины XIX в., при всем господствующем западничестве, начинает оформляться представление о восточноевропейской цивилизации в противовес цивилизации западной. Множественность цивилизаций была блистательно обоснована в XX в. французским мыслителем Э. Дюркгеймом. Эпохальное значение имело его умозаключение о невозможности выделить «лишь один масштаб для определения полезности или вредности социальных явлений», об абсурдности попыток выделения критерия цивилизации. В монументальном «Методе социологии» им выделяются «социальные виды», являющиеся практически самодовлеющими цивилизациями. «В ходе исторического развития теряется идеальное и упрощенное единство... Последовательный ряд обществ не может быть изображен геометрической линией, он скорее похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны»[155]. Двадцатый век самым серьезным образом способствовал смещению понятия «цивилизация» с положения фиксатора высших достижений человечества до характеристики ограниченного пространством и временем феномена. Об идеях Дюркгейма мы уже говорили. Еще три мыслителя — О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель придали цивилизации качества конечности, характеристики подъема, развития и упадка, черты отдельно-особого

вида культуры. «Птолемеевский подход к истории,— считает Шпенглер,— следует заменить коперниковским... пустые вымыслы *линейной* истории следует заменить драмой *многих* могущественных культур». Первые «европессимисты», такие как Шпенглер, усмотрели начальные кризисные явления западной цивилизации уже в период, непосредственно наследующий Великой французской революции. Назначение Наполеона было завершением героического периода превращения западной культуры в цивилизацию. «Его значение то же, что и Филиппа и Александра, водворивших на место эллинской культуры эллинизм... Когда цель достигнута и идея, т.е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура застывает, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются — она становится цивилизацией. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья. Мы наблюдаем это на примерах Египта, Китая, Индии и мусульманского мира... Будущность Запада не есть безграничное движение вверх и вперед по линии наших идеалов, тонущее в фантастически необъятном времени, но строго ограниченный в отношении формы и длительности и неизбежно предопределенный, измеряемый несколькими столетиями частный феномен истории, который можно на основании имеющихся примеров обозреть и определить в его существенных чертах»[156]. У Шпенглера «цивилизация» предстает организмом, обособленным от себе подобных и характерным внутренним единством,— организмом, в котором носители данной культуры переходят от этапа героических деяний к механическому функционированию, за которым данную цивилизацию, сколь ни высоки ее достижения, ждет остановка внутреннего мотора и неизбежный распад, историческая смерть.

Идея о неизбежной конечности западной цивилизации (как и всякой другой) вышла на авансцену общественного внимания после публикации ярких и талантливых работ английского культурпессимиста А.Тойнби. В ходе своей многолетней идейной эволюции он смягчил данное Шпенглером определение цивилизации как «неделимой целостности, состоящей из взаимосвязанных и взаимозависимых частей» (что представляет цивилизацию по существу замкнутым организмом) и дал более открытое внешнему миру определение: «Цивилизации — суть целостности, чьи части соответствуют друг другу и взаимно влияют друг на друга»[157]. Страны Запада в совокупности исторических обстоятельств, по идеям, по моральному климату соответствуют друг другу и в то же время оказывают на соседей значительное влияние. Если Запад как цивилизация влияет на окружающий мир, то и окружающий мир должен влиять на Запад. Речь идет, прежде всего, о

близлежащей восточноевропейской цивилизации. Встает вопрос, о какой степени влияния на Запад восточноевропейских соседей можно говорить реально? Это влияние ощутимо преимущественно лишь в случае перемещения отдельных представителей этих стран в центры Запада как факт их последующей (за перемещением) умственной или материальной активности. Основная же масса восточноевропейского населения (не говоря уже о более отдаленных цивилизациях) вполне очевидно не примыкает к цивилизационной массе Запада и уж, по крайней мере, не оказывает на него заметного влияния. Тойнби дал убийственную характеристику «дерзости Запада, впавшего в эгоцентрические иллюзии относительно того, что мир вращается вокруг него» и относительно «неизменяемости Востока». Глубоко ошибочным он считал представление о том, что существует «только одна река цивилизации — наша собственная — и что все другие (цивилизации) являются или притоками, или затерялись в песках»[158].

А. Тойнби считал возможным конечное «слияние» цивилизаций, но лишь в отдаленном будущем. Для наступления постцивилизационной стадии развития человечества должно произойти решающее сближение отдельных отрядов человечества в области духовной культуры. А это означает взаимопризнание и взаимопроникновение основных традиций и форм отвлеченной деятельности — от религии до литературы. Великий английский историк не видел иного пути к всечеловечеству (поглощающему в своем синтезе невероятный по мощи вызов Запада), кроме как в длительном сближении, а не в решающей победе Запада над остальным миром.

Великий французский историк Ф. Бродель на основе анализа Средневековья призвал к более широкой перспективе, к признанию «великих культурных конфликтов в мире, признанию многочисленности порождающих их цивилизаций... Каждому, желающему понять современный мир и действовать в соответствии с этим пониманием, полезно определить на карте современного мира жизнедействующие цивилизации, определить их границы, их центр и периферию, их провинции и воздух, которым они дышат, общие и особенные формы, созданные здесь. В противном случае последуют катастрофические ошибки в определении перспективы»[159]. Взгляды этих трех титанов исторической науки двадцатого века породили сомнение в наличии лишь одной, западной цивилизации.

Уже в наше время И. Валлерстайн определяет цивилизацию как «особого рода взаимосвязь воззрений на мир, обычаев, структур и культур (как материальной культуры, так и культуры в высоком смысле), которые образуют некоторый род исторического целого и который сосуществует... с другими разновидностями этого феномена»[160]. То есть, не цивилизация, а цивилизации.

Потенциал насилия. Если внешнему миру, в том числе России, еще долгое время придется иметь дело с энергичной западной цивилизацией — сосуществуя или сближаясь — особое внимание привлекает не только всемирно признанный гуманитарный потенциал Запада, но и его менее светлая, но стойкая черта: постоянное обращение к насилию.

Этот компонент западного цивилизационного кода прежде всего связан с теми этапами его развития, когда руководящие отвлеченные идеи (и их внедрение) получили приоритет над прагматизмом.

Уже в самом процессе становления прометеевской личности, в ходе утверждения фаустовского менталитета «отсутствия границ», безграничных возможностей для западного человека (рельефно наблюдаемого в века Ренессанса) ощущается тяжесть невероятной гордыни, непоколебимой самоуверенности, бездонного эгоизма, который сокращает пространство для гуманистического решения межличностных, межгосударственных споров, для сохранения достоинства каждой из вступающих в конфликт сторон. На заре становления Запада то были единичные случаи, оттенявшие индивидуальную гениальность «титанов Возрождения», которым необходимо было верить в собственные ресурсы, возвышаясь над ночью Средневековья. Но в дальнейшем гуманистическое начало не блокировало проявления насильственного самоутверждения. В истории Запада возобладание насилия на свеобъемлющем, массовом уровне случалось по меньшей мере трижды. В первый раз мы это наблюдаем во время Реформации и Контрреформации, когда противостоящие друг другу стороны навязывали свое видение божественного начала с невиданной жестокостью. Центральная Европа превратилась в пустыню, в Германии осталась лишь треть населения. Король Карл Девятый, говорят, улыбнулся в жизни лишь один раз — услышав о Варфоломеевской ночи. Качество фантастической непримиримости, не видящей иного, кроме насилия, как выхода из идейного спора, было продемонстрировано нарождающейся западной цивилизацией посредством феноменального террора. В огне религиозных войн цивилизация, уже давшая миру Сервантеса, Спинозу, Монтеня, Кальдерона, Шекспира, уничтожила миллионы своих жителей. «Причиной этого варварства,— пишут Э. Стилмен и У. Пфафф,— было фаустовское стремление владеть не только физическим окружением, но социальным порядком — вот особая страсть западного человека»[161].

Возобладание протестантизма на Западе, завоевавшего в восемнадцатом веке львиную долю территорий, которые были не в состоянии противостоять экспансии Запада, великий английский историк А. Тойнби назвал «несчастьем для человечества, ибо

протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других вопросах, в основном вдохновляются Ветхим Заветом; а в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики»[162].

Во второй раз западная цивилизация в континентальном масштабе проявила внутренний ингредиент насилия во время Великой французской революции и последующих наполеоновских войн. Снова идея (точнее, идеал) стала много важнее реальности, которую следовало к этому идеалу приспособить. Гильотина — символ этого периода и, одновременно, символ того, что даже век Просвещения имел свою темную оборотную сторону, заключающуюся в фаустовском стремлении «воплотить очевидное». В данном случае, очевидные благие идеалы разума. Робеспьер и его соратники именно таким образом интерпретировали волевое основание западной цивилизации, а Наполеон расширил рамки силового воплощения умозрительных идеалов до безбрежных географических пределов. Армия Французской республики (а затем консулата и империи) номинально сражалась не за французскую гегемонию в Европе, а за идеи народоправия и свободы. Потребовалось завоевать всю Европу и сжечь Москву, чтобы у почти покоренного континента возникли сомнения. Но нам важно увидеть не противоречие между сутью и видимостью, а неизменный побочный эффект фаустианского презрения к любым преградам. Воплощение идеала любым способом означало роковое насилие в огромном масштабе — опасная черта цивилизации Запада. В третий раз бескомпромиссное «горение за идею» опалило Европу в век идеологий, в двадцатом веке. Жертвы тоталитарных идейных систем, жертвы фашизма, практически завоевавшего весь европейский Запад (за исключением Британии), представляют собой жертвы той черты западного развития, когда умозрительная идея в массовом порядке подается как очевидная и (уверовав в очевидное как непреложное и обязательное) западная цивилизация не знающих предела народов бросается слепо вперед, думая лишь об эффективности.

В ходе первой мировой войны Запад сделал науку главным инструментом массового убийства, а в 1945 г., с изобретением ядерного оружия, и самоубийства человечества. Без внезапно открывшегося нового лица Запада, встреченного Россией на линии германского пулеметного огня в 1914—1917 гг., не было бы непередаваемых конвульсий русской революции с последующей битвой с собственным историческим грузом, обнаруженным революционерами в отсталом косном крестьянстве. Запад, его идеи и практика, его идеологи и апологеты содействовали зарождению в нашем веке нового вида насилия: уничтожения не города или страны, а расы или класса людей. Произошла своего рода этиче-

ская революция: ради торжества некой идеи следовало пройти по трупам не только ее противников, но и сомневающихся. Безграничность — фаустовское отношение к жизненным преградам — породила тотальный террор и сделала приемлемой тотальное истребление людских масс, выделяемых по абстрактному признаку. Фаустовской амбицией стало уже не преодоление физических преград, на земле, а титаническое насилие в отношении людей, населяющих эту землю.

Не будем касаться очевидного — огромных бессмысленных битв двух мировых войн, последующего политического террора в России и Германии, геноцида и варварского опрощения целых народов. Не будем ориентироваться на «юберменшей» социальной или националистической патологии. Обратимся к тем, кто еще «держал факел» западной цивилизации. Весной 1942 г. любимец Черчилля — министр иностранных дел Британии А. Иден настаивал на избрании в качестве целей городов Германии с населением менее 150 тысяч человек, недостаточно охраняемых и, с точки зрения военных целей, второстепенных. «Я за бомбардировку районов рабочего населения в Германии. Я последователь Кромвеля, я верю в «пролитие крови во имя Бога»[163]. Террор стал рабом идеи. Западная цивилизация еще раз показала спутницу своего гуманизма. Прометеевский человек проявил фантастические способности не только в борьбе с природой, но и в отстаивании своих идеалов — часть которых была исторически обречена на то, чтобы быть ложной. Потенциал насилия, обнаруженный в западной цивилизации, самым непосредственным образом сказался на отношении Запада к внешнему миру. Современный исследователь признает: «Подъем Запада зависел от применения силы, от того факта, что военный баланс между европейцами и их заморскими противниками менялся в пользу первой стороны... Ключом к успеху Запада между 1500 и 1750 гг. явились изменения в способности вести эффективные боевые действия»: дисциплина, организация войск, совершенствование системы транспорта и снабжения, военные изобретения, массовый выпуск военной техники[164].

Приходится констатировать, что мировая революция вестернизации не создала мирного глобального порядка, направляемого аскетичным и всеобъемлющим гуманным рационализмом, лучшим качеством западной цивилизации. «Объединяя все давления, внутренне присущие ее собственной динамичной эволюции, революция вестернизации осуществила создание всемирной ассоциации народов, свела, вопреки их воле, в неотвратимую и в высшей степени нестабильную взаимозависимость, характерную взрывоопасным внутренним давлением». Под поверхностным слоем единой науки, коммуникаций и технологии оказался шаткий фунда-

мент, размываемый глубочайшими различиями в культуре. В эру «после идеологии» это различие неизбежно должно было выйти на первый план. Подвергшиеся смертельной опасности в пятисотлетие вестернизации, подвергшиеся неотвратимому воздействию Запада страны выжили и, более того, обрели ту роковую и центральную значимость, которой никогда не имели прежде. Раньше принадлежность к иным цивилизациям была вопросом различия, родового пятна, ныне она — вопрос сути, центральное звено мировоззрения не только стран, но и материков. И на горизонте замаячил спор мировых религий, все более приобретающих роль последнего убежища для отодвинутых вестернизаций с пути собственного развития континентов.

Мы живем в период опасной неустойчивости, раздираемые лояльностью к своим странам, нациям, регионам и одновременной абсолютной технологически-информационно-идейной зависимостью от Запада.

Культура против идеологии. Большую часть нашего века — начиная с Октябрьской революции в России — в основе международных конфликтов лежало столкновение идеологий. Соперничество происходило между либерально-капиталистической идеологией и атакующими ее слева — коммунистической, а справа — фашистской идеологиями. К концу века либерально-демократическая идеология Запада вышла победительницей, сокрушив к 1945 г. совместно с коммунизмом фашизм в Европе и Азии и превзойдя к 1991 г. коммунистическую систему в Восточной Европе и Советском Союзе. На очень короткий срок в начале 90-х гг. воцарилось представление о конце мировых конфликтов. (Возможно, пиком этой эйфории стало обсуждение возможности «конца мировой истории».) Представление о грядущей бесконфликтности оказалось глубоким заблуждением. Но справедливо было бы заметить, что мы проходим некий водораздел: характер прежних конфликтов и конфликтов будущего меняется по самым значительным своим характеристикам.

Если взять верхний слой ныне происходящего на мировой арене, то следует сделать (в качестве основополагающего) вывод, что современная конфликтность проистекает из того, что носители прежних противоборствующих идеологий — США и экс-СССР ослабили роль иерархии в мировом раскладе сил, позволив внутренним конфликтным силам, действуя без оглядки на Москву и Вашингтон, обратиться к силовому разрешению своих противоречий, не боясь при этом нарушить субординацию в своих «идеологических» лагерях.

Наличие этого фактора (разрушение иерархических основ, стоящих на дисциплине идеологического противоборства) трудно

отрицать. Сверхдержавы ослабили дисциплину, а международные организации, ООН в первую очередь, не создали условий для торжества международного «закона и порядка». Но «дисциплинарный» фактор, если и проясняет происходящее, не объясняет причин роста конфликтов, обрушившихся на мир в 90-е годы. Более релевантными звучат объяснения, основанные на критике национализма, поднявшего (в условиях кризиса прочих видов идеологии) голову на всех континентах. Более жесткое чем прежде определение «мы и они», более интенсивное этническое самоутверждение заставляет искать «дьяволов насилия» в слепом этноцентризме, в полурелигии национального самоослепления, в яростном повороте от идеологических к национальным ценностям. Бесспорно, тут мы затронем один из нервов происходящего: противостоящие этносы порождают конфликты.

Но так было сто, пятьдесят и десять лет назад. Идеология не помешала столкнуться СССР и КНР на Уссури, Китаю и Вьетнаму, множеству молодых наций в Азии и Африке, Британии и Аргентине. Не здесь, видимо, лежит корень происходящего конфликтного ожесточения. Его следует, полагаем, искать в иной плоскости. Как детально обсуждалось в данной книге, примерно пятьсот лет назад в мировом развитии выделился лидер, базой мировой экспансии которого была Западная Европа. Попеременно занимая место лидера, Испания, Голландия, Франция, Британия, Германия и США завладели мировым промышленным производством и товарообменом, производством общественно значимых идей и индустриальных технологий. Мировая история стала, собственно, историей Запада, историей североатлантической зоны, утвердившей свое мировое лидерство во всех основных проявлениях человеческой деятельности. Остальной мир так или иначе сопротивлялся преобладанию, доминированию (и притягательности) этого революционного подъема Запада, но одна за другой мировые державы — Индия, Оттоманская империя, Китай и, наконец, Россия признали превосходство Запада в энергии, идеях и ресурсах. (Для России это произошло в 1990—1991 гг., когда она вступила в западную коалицию против Ирака (1) — и признала безальтернативность рыночной экономики (2).)

Но триумф в мировой истории соседствует с попятным движением. В момент своего высшего торжества, погребая соперничающую социальную идеологию, Запад, возглавляемый Соединенными Штатами, впервые, возможно, увидел конец непрерывной дороги возвышения, начатой с открытием Нового Света и феноменально быстрым овладением всей мировой торговлей в начале XVI века. Этот конец пути обозначился в результате кумулятивного действия трех факторов.

Во-первых, регион-триумфатор ощутил ослабление той феноменальной силы, что вынесла его вперед еще столетия назад — трудовой этики. Всплеск рейганизма-тэтчеризма с его идеей мобилизации сил «свободного капитализма» не дал желаемого обновления. Напротив, и в Северной Америке, и в Западной Европе обозначились пределы жертвенности социума. Но для нас в данном случае важен не сам этот факт, а его международное следствие: Клинтон, Блэр, Шредер, Ширак, Жоспен (и иже с ними) — деятели внутренней мобилизации сил, своеобразные фундаменталисты буржуазной трудовой культуры, а не крестоносцы мировых идей. Это явственное обращение Запада «вовнутрь» не связано с указанными личностями — они лишь отразили глубинное обращение западных обществ в себя, доминанту внутренних проблем, замыкание в рамках обыденности, запросов собственного электората, консервации достигнутого, даже ностальгии по «старым добрым дням». (Опросы общественного мнения середины 90-х годов определяют, что, скажем, для французов лучшим периодом их жизни было время де Голля — Помпиду, эпоха последнего цельного этапа очевидного материального роста.) В условиях «нового гедонизма» Запад впервые за пятьсот лет отказывается от политики жертвенности и определенно начинает замыкаться на внутренних нуждах. Он принял более жесткую политику в отношении развивающихся стран, уменьшил масштабы помощи Югу, в определенном смысле реанимировал на новой стадии своеобразный социал-дарвинизм.

Во-вторых, очевидным (после краха противостояния Восток-Запад) стал кризис концепции мировой взаимозависимости, единой мировой деревни, не говоря уже о «единой мировой семье». Вопреки демографии, интенсивным коммуникациям и общим учебникам выяснился доминирующий факт: так называемая взаимозависимость означает на практике зависимость девяти десятых мирового населения от более удачливой десятой доли мирового населения, живущего в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). За последние десятилетия в ряды ОЭСР вступила из развивающихся стран одна лишь Мексика. Возможно, никто не ощущает этого «пребывания за пределами» лидирующего региона более остро, чем Восточная Европа (из этого региона в ОЭСР были приняты лишь Чехия и Венгрия), склонная прежде всего объяснить свою второсортность исключительно коммунизмом. Нам важнее не констатация факта мирового неравенства, а то, что, ощутив себя «там, где они реально есть», страны и группы стран стоят перед проблемой новой самоидентификации. Миф о взаимозависимости уступает место поискам «братьев по несчастью» (или коллег по совместному курсу, союзников по региональной интеграции и т.п.).

В-третьих (и это, полагаем, самое главное), в условиях оседания идеологической пыли проясняются твердые основы международного бытия. И подлинными основами ныне, в конце XX века, оказываются цивилизационные основания, т.е. группирование не против страны X, не за страну Y, не вокруг Z, а вокруг фактов своей истории и географии, в нише своей культурно-исторической, цивилизационной общности.

Альтернатива западным ценностям. Крушение социалистического мира на относительно короткий период времени создало в западной (наиболее софистичной) политологии своего рода приступ эйфории, когда казалось что с крахом коммунизма исчезла последняя альтернатива западным ценностям и мировидению, что будущее даст шанс только западным ценностям. Но эта удивительная эйфория ушла чрезвычайно быстро, поскольку воспринимать конфликтный мир с сугубо радужной точки зрения стало противоположно здравому смыслу. Необходимым стало интерпретировать новые опасности, геноцид, свирепые столкновения, прежде маскируемые напряжением холодной войны. Именно в этом своеобразном вакууме произошла схватка различных постбиполярных интерпретаций мирового развития.

Первая часть интерпретаторов-оптимистов возликовали о едином мире, о бесконфликтном, определяемом Западом будущем. Своеобразным (и почти общеизвестным) символом такого мировидения стала статья американца Ф. Фукуямы «Конец истории». Конец всемирного конфликта открывает дорогу новому, гармоничному миру: «Мы будем свидетелями... универсализации западной либеральной демократии как финальной формы человеческого правления»[165]. Подобная же эйфория охватила многих политиков и аналитиков Запада на фоне крушения Берлинской стены, распада Организации Варшавского договора как единственной военной угрозы Западу. Президент США Буш провозгласил создание «нового мирового порядка».

Реальность оказалась сложнее. Для создания единого мира нужны как минимум два обстоятельства: языковое сближение и религиозная взаимосовместимость. Оба эти обстоятельства неблагоприятны для архитекторов «одного», единого мира. Наибольшие претензии на роль всемирного языка ощущались в текущем веке со стороны английского. Жесткой реальностью, однако, является то, что между 1958 и 1992 гг. (период деколонизации и крушения «второго мира») число говорящих на Земле по-английски уменьшилось с 9,8 процента земного населения до 7,6 процента. Правомочен вопрос: может ли называться мировым язык, который непонятен 92 процентам мирового населения? Более того, уменьшилась значимость всех основных западных языков. За тот

же исторический период число говорящих в мире на пяти западных языках (английский, французский, немецкий, испанский, португальский) уменьшилось с 24,1 процента до 20,8 процента земного населения. (Эта цифра чуть больше доли земного населения, говорящего на всех диалектах китайского языка — 18,8 процента[166].) Итак, как средство объединения английский язык (или совокупность основных европейских языков) не становятся стержнем мирового общения более, чем это было поколение назад.

В не менее сложном положении религиозная совместимость. За восемьдесят лет, с 1900 по 1980 г., две прозелитические религии, западное христианство и ислам, не добились решающего поворота в свою сторону. Численность западных христиан несколько увеличилась с 26,9 процента мирового населения до 30 процентов в 1980 г.; по оценкам доля западных христиан несколько упадет (до 29,9 процента) в 2000 году и до 25 процентов в 2025 г. К 2025 г. численность мусульман поднимется (с 12, 4 процента в 1900 г.) до 30 процентов мирового населения. Для апологетов «единого» мира эта цифра не несет оптимистической нагрузки[167].

Интерпретаторы «конца истории» (их пугала лишь скучность дальнейшей истории), хотя и произвели впечатление, оказались в исключительном меньшинстве среди тех, кто старался осмыслить послекоммунистический мир — слишком велика была их вера и упрощение. Окончание «холодной войны» не привело к завершению международных конфликтов. Напротив, именно в девяностые годы потоки беженцев, геноцид, свирепые религиозные войны, бескомпромиссные сецессионистские движения стали привычной частью международного пейзажа. На горизонте не показалось ни единого языка, ни религиозного сближения.

Вторая парадигма может быть определена как «сосуществование двух миров». Название этих двух миров могут быть различными. М. Зингер и А. Вильдавски определили их как «зона мира» и «зона конфликтов»[168]. В первую зону входят Запад и Япония (пятнадцать процентов мирового населения), во вторую — весь остальной мир. Более устоявшимся оказалось деление на богатый(развитый) и бедный(развивающийся) миры. И в данном случае так или иначе речь шла о Западе и «не-Западе»[169]. В таком «двойном мире» никакого равенства «половин» не предвиделось — слишком могуч Запад, слишком разъединены бедные страны, хуже вооружены, экономически слабы и осознают отсутствие шансов бросить вызов Западу. Все варианты «двухмирной» интерпретации отмечают неравенство экономических и военных сил, отсутствие воли и организации у бедных. При этом линия водораздела между богатыми и бедными в Латинской Америке, в Восточной Азии весьма размыта, что ставит под вопрос реле-

вантность двухполюсной картины мира. Эта схема международной классовой борьбы страдает явным упрощением — такой борьбы пока еще нет. Что объединяет Юг (или «не-Запад») кроме бедности? Практически ничего. Религия, традиции, социальные условия Африки, Латинской Америки и Азии отличаются друг от друга радикально. И на горизонте не видно объединяющей силы. Незападный мир (куда входит и Россия) слишком сложен, чтобы быть введенным — хотя бы для теоретической ясности — в одни скобки. Ни экономическая дихотомия Север-Юг, ни культурное противопоставление Востока и Запада не проясняют картину нового мира конца тысячелетия.

Третий подход, опробованный мировой политологией, следует канонам школы политического реализма и покоится на презумпции главенства «государства» на мировой арене. В новом мире почти двухсот государств единственными верными ориентирами являются потребности суверенных государств в выживании и безопасности. Усмотрев в усилившемся соседе угрозу, сопредельные государства объединяются и множат усилия по самообороне. Лишь постоянно следя за соотношением сил на пестром полотне мира 90-х годов, можно увидеть логику международной эволюции[170]. Едва ли следует отрицать силу национальных организмов с их самостоятельными структурами, армиями, собственной политикой и т.п. Именно суверенные государства подписывают договоры и имеют силовые «аргументы» в случае надобности. Эта теория была бы главенствующей, если бы все государства действовали бы сугубо из соображений баланса сил. Но свои интересы государства Земли видят не в голом реалистическом раскладе сил, а прежде всего учитывая свою историю, свои традиционные ценности, симпатию или антипатию к соседям — что не всегда поддается квантифицирующему анализу реалистов. Могут ли реалисты измерить страх, традицию, симпатию, религию, приверженность определенным идеалам — те обстоятельства, которые прежде всего диктуют линию поведения государств на международной арене?

При этом, хотя государства продолжают оставаться главными игроками на международной арене, они, несомненно, все более делегируют часть своих функций таким организациям, как ООН, Европейский союз, Международный валютный фонд и др. Эта тенденция набирает силу. Концепция, базирующаяся на логике поведения двухсот независимых актеров, теряет убедительность.

Четвертая теоретическая парадигма предвещает мировой хаос, проистекающий из ослабления отдельных государственных механизмов, из интенсификации трайбалистских, религиозных и этнических конфликтов, криминализации жизни, увеличения потока беженцев, крушения основ цивилизованной жизни[171]. Этой

парадигме нельзя отказать в реализме. Она (в отличие от предшествующей) обращает первоочередное внимание не на статику, а на динамику немыслимых перемен, произошедших в короткий период времени. Но, прилагаемая к конкретной реальности, и эта парадигма неадекватна. Несмотря на бурный поток конфликтов, мир не погрузился в хаотическое безвременье, в безусловное отрицание всех правил на международной арене. Трудно понять мир, исходя лишь из его непредсказуемой враждебности. Здесь не видны глобальные тенденции, факты «опаляют» наблюдателя, не позволяя подняться над всей картиной.

Недостаточность четырех вышеуказанных мирообъяснений создала своего рода теоретический вакуум, в который вошел в июле 1993 г. С. Хантингтон (*пятая* интерпретация) со своей статьей «Столкновение цивилизаций» в журнале «Форин афферс». (В декабре 1996 г. под тем же заглавием вышла монография). Известный политическим и научным кругам еще по деятельности в администрации Картера (где он заведовал отделом планирования госдепартамента), а читающей публике по ряду монографий, С. Хантингтон определил контуры будущего так, что его мирообъяснение стало едва ли не наиболее влиятельным в 90-е годы. Указанная выше статья вызвала широчайший резонанс и в этом отношении ее можно сравнить с постулирующей начало холодной войны статьей Дж. Кеннана в том же «Форин афферс» в 1947 г.

С. Хантингтон жестко обозначил несколько кардинальных по важности новых идей: окончание битвы идеологий не означает практически объединения мира в единое по ценностным ориентациям пространство; напротив, вперед выходят базовые разногласия, производные от различных традиций, различного прошлого, различной культуры, языка, религии, этических норм. Не благостная мировая взаимозависимость, а жесткое определение взаимоотношений между восемью цивилизациями — вот квинтэссенция нового влиятельного западного мирообъяснения, изложенного в монографии Хантингтона, вышедшей в самом конце 1996 года.

Хантингтон утверждает, что впервые в истории мир стал отчетливо многоцивилизационным, модернизация перестала быть синонимом вестернизации, вестернизация всего мира невозможна. «На ранней стадии перемен вестернизация способствует модернизации. На последующих фазах модернизация вызывает девестернизацию и подъем автохтонной культуры двумя путями. На уровне общества модернизация увеличивает общую экономическую, военную и политическую мощь и способствует усилению веры данного народа в свою культуру, укрепляет его культурное самоутверждение. На уровне личности модернизация генерирует

чувства отчуждения, потери ценностей, кризис идентичности, прежде укреплявшейся религией»[172].

Соотношение сил между цивилизациями смещается, западная цивилизация теряет былое всемогущество, другие цивилизации наращивают силы; возникает новая система международных отношений, основным элементом которой станет взаимодействие или взаимонеприятие различных цивилизаций, группирующихся вокруг «центральных» стран; претензии Запада на всеобщность своих ценностей сталкивают его, прежде всего, с исламом и Китаем; выживание Запада зависит от степени осознания Соединенными Штатами своей цивилизационной сущности и от понимания Западом в целом уникального (а не универсального) характера своей цивилизации, от степени жертвенности и выработки эффективной стратегии; избежать межцивилизационный конфликт можно будет лишь в случае готовности лидеров различных цивилизаций поддержать многоцивилизационный характер мировой политики.

Системы координат. Адекватная оценка состояния современной системы международных отношений не может быть дана в одной системе координат. Даже ради самого большого упрощения нельзя свести эту систему к одной линии отсчета. Необходимы, как минимум, две такие линии — вертикальная и горизонтальная. Вертикальная исходит из качества технологически-экономического развития; горизонтальная линия базируется на данных наиболее ценимого данным социумом традиционного наследия. В первой системе главным параметром является степень участия в мировой научно-технической революции. Во второй системе — степень приверженности сложившемуся в данном социуме доминирующему стереотипу.

Рассмотрим обе указанные системы.

Согласно «вертикальному критерию», современное мировое сообщество состоит из трех типов государств — высокотехнологичных, стремящихся модернизировать свою экономику и поглощенных национализмом. Собственно, это как бы три отдельных мира.

Постиндустриальные страны Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии общаются преимущественно между собой, освободившись от традиционализма и быстрыми шагами удаляясь от националистически-традиционалистского большинства мира. Центр их усилий — образование своего населения, развитие инфраструктуры, занятие конкурентоспособных позиций на рынке информатики, микроэлектроники, биотехнологии, телекоммуникаций, космической техники, компьютеров. Экономическое соревнование определяет для этих стран все, оно является здесь

путем выживания, поднятия жизненного уровня, социальной стабильности, политической значимости. Их идеологическое знамя — рынок и демократия, способность спокойного перенесения новаций, модернизация как константа национальной жизни. Главные битвы этого мира происходят на раундах ГАТТ (ныне Организация мировой торговли), в процессе введения торговых ограничений, квот, тарифов, субсидий своей промышленности. В эту группу государств входит чуть больше десятой доли человечества, но на нее приходится более двух третей мировой экономики. Эта группа стран владеет международной банковской системой, контролирует всю конвертируемую валюту, производит преобладающий объем товаров и услуг, доминирует на международном рынке капиталов, обладает возможностью массированного вмешательства в любой точке земного шара, контролирует морские просторы, производит наиболее сложные технологические разработки, контролирует процесс технического образования, преобладает в космосе и в аэрокосмической промышленности, контролирует международные коммуникации, лидирует в технически изощренном военном производстве.

Главный происходящий здесь процесс — становление трех блоков: Европейский союз, Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) и восточно-азиатская группировка. От того, сохранятся или нет мирные отношения между этими тремя лидерами мирового развития, зависит степень эволюционности глобального развития. Антагонизм этих высокотехнологичных группировок сразу же поставил бы под вопрос само выживание человечества.

Вторая мировая группа государств включает в себя те, в которых есть своего рода острова высокотехнологичного производства. Но при этом сохраняется огромная масса населения, живущего согласно ценностям традиционного общества, местной культуры, исконной религии, и в этом смысле каждая страна данной группы заключает в своем социуме острый внутренний конфликт между социально-техническими инновациями и традиционными ценностями. Характерная константа этих обществ — периодические социально-экономические кризисы, эмоциональное давление исконных и модернизационных начал. Здесь лишь элементы демократии и рынка; стабильность никак не характеризует этот громадный массив государств, охватывающий более половины человечества.

Над проблемами модернизации бьются государства Восточной Европы, Латинской Америки, Азии. Трагедия развития этих стран в том, что обе «правды», столкнувшиеся внутри их обществ, имеют законное, морально обоснованное право на существование — как стремление к интенсивной рекультуризации, пе-

реходу к ценностям постиндустриальных обществ, так и защита моральных основ, производных от культурно-исторического развития. Нахождение способа сосуществования обеих основ, мирного взаимодействия обоих элементов является единственным залогом успешного прохождения полосы социальных бурь на этапе рывка традиционного общества в «более стерильный» мир потребления и производства.

Здесь разброс стратегий и тактик чрезвычайно велик, от автаркического изоляционистского самоотвержения до слепого обращения к худшим видам социал-дарвинизма, сознательной ставки на выживание сильнейшего. Немалое число стран в этом ряду поставили на индустриализацию без демократизации, другие заменили первое вторым. Различие в развитии отдельных регионов одной и той же страны, создание анклавов высокой технологии или компрадорского слоя посреди моря традиционного общества, разительная социальная несправедливость, растущий разрыв между верхним слоем и основной массой населения, отсутствие среднего класса могут привести к невиданным взрывам в среде этих стран, к дезинтеграции, к гражданским конфликтам, которые в условиях современной всемирной вооруженности могут повлечь самые трагические последствия. Эта конфликтогенность препятствует сближению второй группы стран с первой.

Именно в эту группу входит Россия.

Третью группу стран образуют те государства, где традиционалистский национальный элемент безоговорочно преобладает. Местные общества решительно предпочли традиционные ценности своего исторического пути — религию, стиль жизни, моральные предпочтения, все особенное, что отличает данный этнос от прочих. Национализм в этих обществах является главным мотивом любых общественных движений и изменений. Границы, флаг, сакрализация прошлого, предпочтение «испытанного прошлого» сомнительным по своим результатам инновациям — вот основы этого ряда государств, в которых живет не менее трети мирового населения. Стиль взаимоотношений — смесь националистической экзальтации и соображений классического баланса сил. Присоединение к мировому рынку выглядит опасным, демократия грозит десакрализацией святынь. Примеры стран этого типа есть на всех континентах, но главнейшими жертвами представляются страны Ближнего Востока, Африки, части Южной Азии и Латинской Америки. Битва за границы затмевает реальные проблемы рубежа XX—XXI веков, экзальтация подменяет стратегию развития.

Согласно «горизонтальному критерию», главной причиной ужесточения международной обстановки в настоящее время является, так сказать, общий «фундаментализм» — обращение в развитых, новых индустриальных странах, посткоммунистических

государствах, развивающихся державах и в формированиях пауперизированного «четвертого» мира к исходным ценностям, к родовым обычаям, к религиозным устоям, к патетике прежних ценностей, поколебленных могучим ростом Запада, но теперь, в условиях его внутренней обращенности, снова вышедшим на поверхность. В странах ОЭСР на первый план общественных забот встало сохранение здоровой семьи, моральных ценностей, борьба с грозящей обществу безработицей, с экологическими угрозами. В успешно развивающихся НИС всемерна поддержка семье, религии, почти кастовой структуре. В странах прежнего социализма и большинстве развивающихся стран — очевиден выход вперед национальных религий. Беднейшие страны льнут к родовым укладам или к опирающимся на сугубо автохтонную среду вождям.

Эйфория победы в холодной войне продолжалась на Западе недолго. Войны в Персидском заливе, Югославии, Сомали подстегнули внутренние интеграционные тенденции. Ответом на враждебность внешнего мира после краха коммунизма стала, по одну сторону Атлантики, программа интенсивной и экстенсивной эволюции Европейского союза, по другую — создание Североамериканской зоны свободной торговли. Еще четыре европейские страны (Швеция, Финляндия, Швейцария и Австрия) постучались в ЕС. При этом Европейское сообщество активно начало укреплять рубежи группировки. Шенгенские соглашения довольно резко ограничили доступ в ЕС. Против гаитян, кубинцев, китайцев и прочих вышла береговая охрана США — и это в стране эмигрантов. Цель этого законодательства очевидна: ограничить въезд в бастион Запада представителей Африки, Азии, Восточной Европы и Латинской Америки. Официальная мотивировка наиболее прозрачно звучит в британском законодательстве: «Ради избежания ситуации культурного противостояния». Это ново. Раньше речь шла, с одной стороны, об идеологии, враждебных режимах, экономических соображениях, а с другой — об экуменических ценностях, глобальном альтруизме А. Швейцера и матери Терезы. Сейчас проблема названа открыто: культурная несовместимость.

При этом на Западе открыто дебатируется вопрос, когда начался упадок региона? Пик контроля над земной поверхностью был достигнут в 1920 году — контроль над 25,5 млн. кв. миль (из 52,5 млн. общей земной поверхности). К 1993 г. зона контроля уменьшилась до 12,7 млн. кв. миль — возвращение к собственно западноевропейскому региону плюс Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия. Население Запада составляет примерно 13 процентов мирового, а по прогнозам уменьшится до 11 процентов к 2000 г. и 10 процентам в 2025 г. (оставляя за собой по численности китайскую, индуистскую и исламскую цивилизации). В рядах

западных армий будут служить лишь десять процентов военнослужащих всего мира[173]. Примерно сто лет Запад производил около двух третей промышленного производства мира. Пик пришелся на 1928 год — 84,2 процента. В дальнейшем подверглась падению и доля Запада в мировом промышленном производстве — с 64,1 процента в 1950 г. до 48,8 процента в 1992 г. К 2015 г. доля Запада в мировом ВВП понизится примерно до 30 процентов. Если в 1900 году Запад командовал 44 процентами военнослужащих мира, то в 1991 г.— лишь 21 процентом. Но главное — все же качественные изменения: более низкий темп роста, значительное уменьшение уровня сбережений, истощение потока инвестиций, низкий показатель роста населения, постоянный рост расходов на индивидуальное потребление, гедонистические тенденции в ущерб первоначальной трудовой этике.

В качестве причин начинающегося упадка Запада указывают на следующие моральные соображения: ослабление семейных связей, рост численности разводов и численности семей с единственным родителем, ранний сексуальный опыт; отказ граждан от участия в добровольных объединениях и связанных с этим участием обязательств; ослабление природного трудолюбия, той трудовой этики, на которой строилась крепость нации; распространение антисоциального, криминального поведения, наркомании, разгул насилия; ослабление авторитета образования, падение престижа ученых и преподавателей.

Прежняя схема, при которой трудолюбивые иммигранты стремятся к максимально короткой ассимиляции, перестает работать. Общество начинает терять единый пафос. Проповедь многокультурности начинает попросту маскировать общественный раскол. Сторонники многокультурности, по мнению А. Шлесинджера, «являются очень часто этноцетрическими сепаратистами. которые в западном наследии не видят ничего, кроме преступлений»[174]. Подмена прав индивидуума правами групп означала бы решительное ослабление западной цивилизации. Вторым по значимости ударом мог бы быть раскол североамериканской и западноевропейской частей Запада. Третья по значимости опасность для Запада — упорно верить в свою всемирную универсальность и навязывать эту веру по всем азимутам. Западная цивилизация ценна и сильна не тем, что она универсальна, а тем, что она уникальна.

Латиноамериканский регион, явственно отошедшая от Запада самостоятельная ветвь с корпоративной мистической культурой (отсутствующей на Западе), с католицизмом без признаков реформации, влиянием местной культуры (истребленной в Северной Америке), чрезвычайно своеобразной литературой и культурой в целом, попытался имитировать интегрирующийся Запад. Лидер — Бразилия — активно осуществляет охрану своей инду-

стрии от импорта. Складывается впечатление, что эта цивилизация (ибероязычная, католическая, с хрупкими демократическими традициями) смирилась с ролью своеобразного «подвала» Запада, со своей второсортностью, так наглядно продемонстрированной на Фолклендах и, разумеется, на мировых рынках. Эта цивилизация питает слабые надежды на расширение НАФТА на Юг, активно маневрирует, привлекая японские и западные капиталы, ищет монокультуры, по существу обреченно соглашаясь на роль фактически низшего (что очень хорошо иллюстрирует показатель ВНП на душу населения) партнера Запада. В начале века к латиноамериканской цивилизации относились 3,2 процента земного населения, в 1995 г.— 9,3 процента. По прогнозу на 2025 г. в ареале латиноамериканской цивилизации будет жить 9,2 процента земного населения. Их производство в 1950 г. составляло 5,6 процента мирового, а в 1992 г.— 8,3 процента. Воинский состав армий латиноамериканских стран составлял в 1991 году 6,3 процента общемирового.

Восточноевропейская цивилизация (произошедшая от византийской цивилизации), где Россия мечется в поисках своего места, достаточно быстро обнаружила, что коммунизм не был единственной преградой на ее пути в направлении Запада. Православие, коллективизм, иная трудовая этика, отсутствие организации, иной исторический опыт, отличный от западного менталитет, различие взглядов элиты и народных масс — все это и многое другое смутило даже стопроцентных западников, увидевших трудности построения рационального капитализма в нерациональном обществе, свободного рынка в атмосфере вакуума власти и очага трудолюбия в условиях отторжения конкурентной этики. Нам в данном случае более важен следующий факт: оглушенные переменами, полтора десятка государств восточноевропейского цивилизационного кода ищут пути выживания, во многом ощущая цивилизационную общность судеб. В 1900 г. к православной цивилизации относилось 8,5 процента населения Земли, в 1995 — 6,1 процента, в 2025 г. (прогноз) — 4,9 процента. На 1980 г. страны православного ареала производили 16,4 процента мирового валового продукта; доля этого продукта упала в 1992 г. до 6,2 процента. Вооруженные силы этого региона составили в начале 90-х годов около пятнадцати процентов общемирового объема.

Мусульманская цивилизация, родившаяся в седьмом веке на аравийских торговых путях, охватила огромный регион мира — от Атлантики до Юго-Восточной Азии. Внутри этой цивилизации достаточно легко можно обнаружить турецкую, арабскую, персидскую, малайскую культуры, но и объединяющий стержень ощутим повсюду. Она продемонстрировала солидарность внутри себя (исключения хорошо известны), превращая одновременно

внешние границы своего мира на Ближнем Востоке (Палестина, Голаны), в Европе (Босния, Чечня), Азии (Пенджаб и Халистан), в Африке (юг Судана и Нигерии) в подлинные фронты 90-х годов. В 1900 г. численность мусульман в мире составляла 4,2 процента всего населения, в 1995 г.— 15,9 процента, в 2025 г. (прогноз) — 19, 2 процента. Их доля в промышленном производстве тоже растет — с 2,9 процента мирового ВВП в 1950 году до 11 процентов в 1992 г. В армиях мусульманских стран 20 процентов военнослужащих мира.

Индуистская цивилизация (не менее четырех тысяч лет развития) обратилась к собственному фундаментализму в ходе кровавых столкновений с мусульманами. Впервые на наших глазах Дели едва ли не космополитического Индийского национального конгресса превращается в воинственный лагерь индуизма, готовый противостоять буддизму на юге и востоке, исламу на западе и севере. При этом обратим внимание на то, что ни отсутствие единого языка, ни различная степень экономического развития не раздробила Индию, поскольку в пользу сохранения работали цивилизационные факторы — религия, народные традиции, общая история. Индуизм оказался «более чем религией или социальной системой, он стал подлинной основой индийской цивилизации»[175]. Фундаментализм индусов сказался в довольно неожиданной интенсификации их воинственности, разработке и модернизации религиозного учения, мобилизации масс страны, которая через 15-20 лет будет самой населенной державой планеты — 17 процентов мирового населения. Валовой продукт Индии составил в 1992 г. 3,5 процента мирового, и впереди у него открываются довольно радужные перспективы.

Конфуцианский мир цивилизации континентального Китая, китайских общин в окрестных странах, а также родственные культуры Кореи и Вьетнама именно в наши дни, вопреки коммунизму и капитализму, обнаружили потенциал сближения, группирования в зоне Восточной Азии на основе конфуцианского трудолюбия, почитания властей и старших, стоического восприятия жизни, т.е. столь очевидно открывшейся фундаменталистской тяги. Поразительно отсутствие здесь внутренних конфликтов (при очевидном социальном неравенстве) — регион лелеет интеграционные возможности, осуществляя фантастический сплав новейшей технологии и традиционного стоицизма, исключительный рост самосознания, поразительное отрешение от прежнего комплекса неполноценности. В 1950 г. на Китай приходилось 3,3 процента мирового ВВП, а в 1992 г. уже 10 процентов, и этот рост, видимо, будет продолжаться. По прогнозам на 2025 г. в пределах китайской цивилизации будет жить не менее 21 процента мирового

населения. В 1991 г. доля армий этой цивилизации уже была первой по численности в мире: 25,7 процента.

Японская цивилизация, хотя и отпочковавшаяся от Китая в первые столетия нашей эры, обрела неимитируемые своеобразные черты, о которых говорилось и писалось более чем пространно. Ныне на Японию приходится 2,2 процента мирового населения, а к 2025 г. будет приходиться примерно 1,5 процента, что значительно меньше будущей доли Японии в промышленном производстве (8 процентов мирового валового продукта в 1992 г.).

Итак мир, еще пять лет тому назад делившийся на первый, второй и третий, принял новую внутреннюю конфигурацию — не Север-Юг, как ожидалось, а семь цивилизационных комплексов, сложившихся за многие столетия до социальных идеологий и пережившие их.

Смена парадигм. Как выяснилось довольно быстро, мир не был готов к подобному возрастанию значимости религии, традиций, ментального кода, психологических парадигм. Основные субъекты мировой политики продолжают действовать исходя из привычных представлений. Перед их глазами иной опыт. Первая мировая война была попыткой геополитической революции Германии, вторая мировая война явилась отражением национал-социалистической революции правых сил в Европе и Азии, холодная война явилась многолетним противостоянием коммунизма и либерального капитализма. Запад был потрясен всеми тремя грандиозными испытаниями, но вышел из них победителем. Все его структуры готовы к испытаниям типа вышеприведенных, но они не готовы к новым вызовам эпохи — региональному самоутверждению основных мировых цивилизаций (которые певцы западного капитализма давно словесно похоронили в «постиндустриальной эпохе», «технотронном буме», «информационной цивилизации», в «научно-технической революции», а восточные посткоммунисты — в «новом политическом мышлении»).

Новые конфликты, катаклизмы новой эпохи, споры на межцивилизационной почве имеют ряд особенностей, выделяющихся из ряда богатого на насилие нашего века. Главная особенность заключается в наличии огромной базы поддержки как у инициатора конфликта, так и у его жертвы, поскольку с обеих сторон так или иначе задействованной является гигантская цивилизационная зона. В предвосхитившем новый тип конфликта споре вокруг Фолклендских островов (уже в 1982 г. выходившем за привычные рамки противостояния Восток-Запад и Север-Юг) вне зависимости от теоретической казуистики на стороне Аргентины встал весь латиноамериканский мир, а на стороне Британии — весь Запад. Именно так, в соотношении сил Латинской Америки и мо-

гучего Запада был решен этот локальный конфликт. Нам важно отметить эту особенность — общецивилизационную поддержку главных элементов цивилизационной системы. Противостоят друг другу не просто вооруженные силы двух сторон, но два стиля жизни, две системы ценностей, которые в обстановке почти истерической запальчивости с величайшим трудом поддаются кризисному урегулированию.

Переход конфликта в тотальный из-за задействования традиционной и религиозной сути этносов — вот знамение конца века. Когда происходят такие цивилизационные катаклизмы, как распад Югославии, где в той или иной мере затронутыми оказываются ткани трех цивилизаций — восточноевропейской, западной и исламской — характер суждения о причинах кризиса, причинно-следственной связи (и, конечно же, о виновниках) не в меньшей степени зависит от принадлежности наблюдателя к той или иной системе цивилизационных ценностей, чем от простого здравого смысла и трезвого суждения. Даже не впадая в детали можно достаточно отчетливо представить себе позицию Ватикана, Анкары и Москвы в боснийском конфликте на всех его стадиях. Общецивилизационная принадлежность участников нынешних столкновений гарантирует им симпатию и помощь сил глобального масштаба, что стимулирует решимость, фанатическую жертвенность и массовый порыв вступивших в борьбу сил.

В условиях противостояния с коммунистическим Востоком Запад мог бы рассчитывать на идейную солидарность (или нейтральность) большинства членов ООН. Но не теперь, не в условиях подъема цивилизационного фундаментализма. Потому-то новым, предположительно более эффективным орудием Запада на международной арене становится Североатлантический блок, чья военная организация отменила географические ограничения на радиус своих «внезападных» действий. Как носитель гуманитарной помощи, как форум межцивилизационного диалога Организация Объединенных Наций видимо сохранит свое значение, но как «гаситель конфликтов» — едва ли. Нетрудно убедиться, взглянув на предлагаемый список новых постоянных членов Совета Безопасности ООН, что во главе в будущем встанут лидеры различных цивилизаций, и они быстро освоят роль защитников родственных цивилизационных основ, что неизбежно изменит характер ныне жестко прозападной организации.

В историческом развитии таких стран, как Россия (у которых сложилась ярко выраженная особенность: «верхняя» часть их населения эмоционально, и часто культурно, отождествляет себя с Западом, в то время как основная масса населения находится в ином цивилизационном поле), возможен один из двух вариантов: либо западные ценности войдут в «генетический код» большинст-

ва населения, либо правящая элита заменит (заменится) свой иноцивилизационный комплекс. «Обрезание бород» в стиле Петра Первого, Кемаля Ататюрка, Салинаса де Гортари уже невозможно. Эпоха массовых средств коммуникаций делает цивилизационную самозащиту гарантированной. Насилие в данном случае оборачивается против себя. Судьба таких разделенных стран, как Алжир, достаточно печальна. Все это ставит под удар такие грандиозные схемы недавнего прошлого, как строительство «единого европейского дома», большой Европы от Атлантики до Урала (или шире — от Калифорнии до Дальнего Востока), не говоря уже о «планетарной деревне», единой мировой цивилизации и т.п.

Запад и не-Запад. Пик прямого контроля *западной* цивилизации над земной поверхностью был достигнут в 1920 г.— 25,5 млн. кв. миль (из 52,5 млн. общей земной поверхности). К новому тысячелетию зона контроля уменьшилась до 12,7 млн. кв. миль (Западная Европа, Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия) с населением 11% мирового в 2000 г. и 10% в 2025 г. (меньше численности китайской, индуистской и исламской цивилизаций). Пик промышленного производства пришелся на 1928 г.— 84,2% мирового, 64,1% в 1950 г., 48,8% на рубеже тысячелетий. К 2015 г. доля Запада в мировом валовом продукте составит примерно 30%. В 1900 г. Запад командовал 44% военнослужащих мира, а через век — 21%. Обозначился низкий показатель роста населения, постоянное увеличение расходов на индивидуальное потребление, гедонистические тенденции в ущерб первоначальной трудовой этике. По прогнозам, доля населения Запада в общемировом уменьшится до 10% в 2025 году, уступая по численности китайской, индуистской и исламской цивилизациям, но это будет означать также то, что сила и влияние западной цивилизации будут зависеть от внутренней солидарности, от степени общности целей и коллективной стратегии.

Основанная на корпоративной мистической культуре с католицизмом без признаков реформации, своеобразной ибероязычной литературой, с хрупкими демократическими традициями *латиноамериканская цивилизация* смирилась с некой «второсортностью», продемонстрированной на Фолклендах и мировых рынках. Представители этой цивилизации отмечают такие ее черты:

— утверждение доблести бедности. «Бедняк заслуживает рая, богач — ада. Страдания в этом мире гарантируют будущее блаженство»;

— отсутствие уважения к образованию;

— фатализм. «Не следует бороться с волей Господней»;

— недоверие ко всем, кто находится за пределами семьи.

Эта цивилизация питает надежды на вхождение в НАФТА, маневрирует, привлекая японские и западные капиталы, по существу соглашаясь на роль младшего партнера Запада. В начале XX в. она охватывала 3,2% земного населения, в 2025 г.— 9,2%. Промышленное производство в 2000 г.— 8,3% мирового — не обещает быстрого взлета.

Восточноевропейская цивилизация с выходом в новое тысячелетие ощутит значимость православия, коллективизма, особой трудовой этики, слабость организации, особый исторический опыт, отличный от западного менталитет, различие взглядов элиты и народных масс — все это затрудняет построение рационального капитализма в нерациональном обществе, свободного рынка в атмосфере вакуума власти и очага трудолюбия в условиях отторжения конкурентной этики. Полтора десятка государств восточноевропейского цивилизационного кода будут в следующем веке искать свое место в мире. В 1900 г. к православной цивилизации относились 8,5% населения Земли, в 2025 г.— 4,9%. В 1980 г. страны православного ареала производили 16,4% мирового валового продукта и 6,2% в его конце. Лидер — Россия — является второй ядерной державой мира.

Внутри *мусульманской* цивилизации достаточно легко обнаружить турецкую, арабскую, персидскую, малайскую культуры, но и объединяющий стержень ощутим. Она проявит солидарность, превращая внешние границы своего мира на Ближнем Востоке (Палестина, Голаны), в Европе (Босния, Чечня), Азии (Пенджаб и Халистан), в Африке (юг Судана и Нигерии) в подлинные фронты XXI в. В 1900 г. численность мусульман в мире составляла 4,2%, в 2025 г. (прогноз) — 19,2%. Доля промышленного производства поднимется с 2,9% мирового валового продукта в 1950 г. до 15% в 2025 г.

Индуистская цивилизация отошла от космополитического Индийского национального конгресса до гораздо более воинственного индуизма, готового противостоять буддизму на юге и востоке, исламу на западе и севере. Индуизм оказался «более чем религия или социальная система, он стал подлинной основой индийской цивилизации»[176]. Страна через 20-30 лет будет самой населенной державой планеты — 17% мирового населения. Валовой продукт Индии составил в 2000 г. 3,5% мирового, а в 2025 г. Индия будет четвертой (по ВНП) державой мира.

Китайская цивилизация на основе конфуцианского трудолюбия, почитания властей и старших, фаталистического восприятия жизни, осуществит фантастический сплав новейшей технологии и традиционного стоицизма, демонстрируя исключительный рост самосознания, поразительное отрешение от прежнего комплекса неполноценности. В 1950 г. на Китай приходилось 3,3% мирового

ВВП, к 2000 г.— более 10%, а затем ВНП Китая будет первым в мире. Здесь будут жить не менее 21% мирового населения. На *японскую* цивилизацию придется в 2025 г.— 1,5% мирового населения и 8% мирового валового продукта.

Протоафриканская цивилизация отмечает в себе (камерунец Д. Этонга-Мангель) авторитарность, покорность в отношении социальной несправедливости, фокусирование внимания на прошлом и настоящем, а не на будущем, отношение к работе как «игу», сознательное подавление эгоцентричности в качестве основных культурных особенностей своей рождающейся цивилизации.

Основным элементом системы международных отношений станет взаимодействие или жесткое определение взаимоотношений между цивилизациями, группирующимися вокруг «центральных» стран. Странам, содержащим несколько культурных кодов, грозит дезинтеграция. При этом *западная* цивилизация в XXI в. еще долго будет сохранять первенство, но потеряет всемогущество. Претензии на всеобщность своих ценностей сталкивают Запад, прежде всего, с исламской и китайской цивилизациями. Выживание Запада во многом будет зависеть от понимания им в целом уникального (а не универсального) характера своей цивилизации, от степени жертвенности и выработки эффективной стратегии.

На Западе осуществляются попытки формирования некоего кодекса «прогрессивной общечеловеческой цивилизации», обещающей экономический и цивилизационный успех. Примером такой кодификации является создание неких новых десяти заповедей:

1. Ориентация не на прошлое, а на будущее.
2. Работа и достижения являются условиями хорошей жизни.
3. Бережливость как основа для инвестиций.
4. Образование как ключ к прогрессу.
5. Личные достоинства (а не система семейно-клановых связей) как ключ к продвижению по социальной лестнице.
6. Доверие к людям за пределами семейно-кланового круга.
7. Строгий общественно-этический код.
8. Справедливость и правила «честной игры» в отношении всех окружающих.
9. Горизонтальное (в пику вертикальному) построение системы власти.
10. Секуляризм.

Кодификация гражданских и личных достоинств — нетрудная процедура по сравнению с грузом истории, традиций, религии, довлеющим над миром семи цивилизаций, которые под прессом экономически-стратегической необходимости бросились, увы, не к выработке единого планетарного кода (основу которого почти неизбежно — по праву победителя — составили бы западные

доблести), а к самоутверждению в ареале единой культурно-исторической зоны. И опыт незападной зоны (за некоторым исключением Иберии и Юго-Восточной Азии) безусловно разочаровывает.

* * *

Итак мир, еще недавно делившийся на первый, второй и третий, принял новую внутреннюю конфигурацию — не Север-Юг, как ожидалось, а семь цивилизационных комплексов, сложившихся за многие столетия до социальных идеологий и переживших их. Самые опасные конфликты XXI в. следует ожидать в России (между православием и исламом), в Северной Индии (между индуизмом и исламом) на границе Китая и Индии (между китайской цивилизацией и индуизмом), на юге Нигерии и Судана (между трайбализмом и исламом). Латиноамериканская цивилизация, как и африканская протоцивилизация сблизятся с Западом, а китайская цивилизация может вступить в союзнические отношения с миром ислама. Предсказывается гравитация японской цивилизации к китайской, сближение России и Индии на антикитайской платформе. Но наибольшее значение приобретет *противостояние ислама и Запада*. Если Китай своим бурным ростом и самоутверждением вызовет обеспокоенность Америки, Европы, России и Индии, то можно представить себе их сближение против противостоящей коалиции Китая, Японии и исламского мира. Особо опасной с точки зрения межцивилизационного противостояния фазой будет период между 2026—2050 гг., когда ожидается усиление «противодействия фундаментализма легитимности современного мирового порядка»[177].

Ядерное оружие будет «великим уравнителем». Вступая на путь, в конечном счете приведший Пакистан к обладанию ядерным оружием, премьер-министр Зульфикар Али Бхутто оправдал усилия своей страны так: «Мы знаем, что Израиль и Южная Африка обладают ядерными возможностями. Христианская, иудейская и индийская цивилизации владеют ядерными возможностями. Только исламская цивилизация не имеет их, и это положение должно быть изменено»[178].

Глава 16

СЦЕНАРИИ КАТАСТРОФ

Общая тональность футурологических расчетов будущего, несмотря на феноменальные обещания современной науки, выглядит пессимистичной. Ответственные исследователи не могут иг-

норировать факторов мировой несправедливости, генерирующей озлобление, иррациональность, жесткую решимость обратиться к силовым рычагам. А порой и простое неумение просчитать ход своих действий на несколько шагов вперед.

В основных сценариях на 30-50 лет вперед нет сигналов о «конце света», но они характерны предсказанием масштабных конфликтов вплоть до мировых войн. *Семь прогнозов* заслуживают особого внимания.

1. Дж. Модельски и У. Томпсон основное внимание обращают на *соперничество из-за земных пространств и невосполнимых ресурсов*. Еще более важным они считают имперское самоутверждение — стремление лидирующей державы занять позиции гегемона. Это, по их мнению, неизбежно вызовет яростное противодействие[179]. Ближайший кризис породит геополитический подъем Китая и то, как будет воспринято в мире его новое могущество.

2. Дж. Арриги полагает, что *начало упадка мировых лидеров* нанесет удар по мировым фондовым биржам, приведет в хаос мировую торговлю, вызовет деградацию производства, результатом чего будет ужесточение межгосударственных отношений, обострение конкурентного соперничества, грозящее силовым конфликтом между 2030 и 2040 гг.[180].

3. И. Валлерстайн предвидит *окончание длительного периода экономического роста* примерно в 2000 г., что обусловит социальную поляризацию и сделает безнадежными попытки удержать социальный мир. Всеобщее ожесточение будет связано с яростным неприятием Соединенными Штатами своего относительного ослабления, что приведет к противостоянию США (совместно с Японией и Китаем) и объединенной Европы — вплоть до глобального катаклизма[181].

4. Дж. Голдстайн объясняет грядущий конфликт *слишком быстрым экономическим развитием*, которое обостряет борьбу за естественные и невосстановимые ресурсы, за земельные пространства. Богатые страны не согласятся на более скудный ресурсный рацион, а бедные найдут способы своей консолидации. И в условиях общего экономического подъема (не спада!) ведущие страны столкнутся между собой примерно в 2030 г.[182].

5. С. Хантингтон считает *цивилизационные противоречия* принципиальными, практически не поддающимися компромиссу. «Линии соприкосновений цивилизаций станут фронтами будущего». Каждая из цивилизаций имеет глубокий тыл, неиссякаемые сотни миллионов приверженцев, моральную обусловленность жертвенности. Он предвидит ту или иную форму конфронтации Запада против ведомой Китаем коалиции китайской и исламской

цивилизаций, и даже более широкую конфронтацию «Запада против не-Запада», ведущую к хаосу и конфликту[183].

6. К. Уолтс предвидит *противостояние Запада со всем прочим миром* в условиях растущей многополярности (он видит некий сдерживающий фактор в обладании ядерным оружием, в страхе перед его применением). Конечный конфликт разразится в свете того, что современный международный политический менеджмент, система международных организаций (начиная с ООН), третейский арбитраж неадекватны встающим перед миром проблемам[184]. Как утверждает К. Райс, «для Америки и наших союзников наиболее важной задачей является найти правильный баланс в отношении России и Китая»[185].

7. Х. Макрэй полагает, что довлеющим надо всем является *распространение ядерного оружия*. Мир становится все более опасным местом для жизни «из-за неизбежности несчастных случаев и возможности ядерной войны»[186]. Более четырехсот атомных электростанций и множество других атомных объектов в мире не могут однажды не обнаружить естественной способности человека ошибаться. Мир после 2020 г. будет значительно более опасным. Даже в самом оптимистичном и пригретом историей обществе — американском — 53 процента населения считают, что наступающий XXI век будет еще более кровавым, чем его предшественник[187].

Несколько сценариев основываются на столь реалистических предпосылках, что их игнорирование было бы вызовом разуму и осмотрительности. На нашей планете существуют несколько узлов противоречий, способных вызвать колоссальный по масштабам мировой взрыв. Дело и в задействованных в потенциальном конфликте силах, и в исключительной значимости нескольких регионов для общей жизнедеятельности человечества и его отдельных регионов.

Распространение ядерного оружия. Не является фантастическим предположение, что Северная Корея может во второй раз (как это она уже делала в 1998 году) запустить баллистическую ракету через территорию Японии в акваторию Тихого океана. Вслед за этим сенат США проголосует за развертывание национальной системы противоракетной обороны (НПРО), даже если технические возможности реализации такого замысла еще не будут казаться убедительными. Администрация США объявляет, что возражения России не являются для США препятствием для развертывания системы НПРО. Тогда российское правительство объявляет себя свободным от следования положениям Договора СНВ-2. В результате проблема легальных и практических основ возобновления Договора о нераспростране-

нии ядерного оружия остается открытой, поскольку американский Конгресс не принял закон о всеобщем и полном запрещении ядерных испытаний.

Напуганная северокорейскими испытаниями Япония согласится внести свою долю в создание системы противоракетной обороны. В ответ это заставит КНР выступить с предупреждением, что создание Японией или Тайванем такой системы обороны поведет Пекин к ускорению процесса создания наступательных вооружений (располагая некоторыми новыми американскими ядерными секретами, КНР может быстрее миниатюризировать свои боеголовки — решающий шаг на пути создания мирвированных боеголовок — когда одна общая боеголовка может нести несколько строго индивидуально направленных ядерных бозарядов, что фактически обесценивает систему противоракетной обороны). Эта угроза будет более чем ощутима в Индии, работающей над созданием баллистических ракет дальнего радиуса действия. Бумеранг сделает полный оборот: конгресс США теперь уже будет полностью уверен в необходимости создания НПРО. Так малый запуск очень бедной страной ракеты сомнительного качества может привести в действие силы, изменяющие весь мировой баланс. Станет еще боле ясно, что ядерная эскалация сейчас касается всего мирового сообщества, а не только двух-трех его членов. И кризис может инициировать далеко не самый мощный его член. По словам американца Джонатана Шелла, «любое развитие ядерного оружия или систем его доставки создает давление, ощутимое повсюду в том, что является сейчас глобальной сетью действий и противодействий»[188].

Блокада Персидского залива. Одним из критически важных регионов является Персидский залив. Природа распорядилась так, что в его недрах и недрах прибрежных стран находится треть главного энергоносителя Земли — нефти. Государство, которое перекроет соединяющий Персидский залив с Индийским океаном Ормузский пролив, будет обладать контролем над жизнедеятельностью двух наиболее развитых регионов Земли — Западной Европы и Восточной Азии. Со времени перехода своих дредноутов на жидкое топливо этот пролив контролировала Британия. Выйдя на орбиту глобального всемогущества, Америка с 1947 года разместила здесь свои значительные силы, косвенно получив контроль над физическим развитием двух вышеназванных регионов.

Соединенные Штаты строили свое преобладание в Персидском заливе (или просто *Заливе* — всем понятное геостратегическое сокращение), опираясь на два крупнейших прибрежных государства — Иран и Саудовскую Аравию. Оба стратегических союзника

Америки в Персидском заливе были оснащены почти исключительно американским оружием, военная элита обеих стран получила образование в американских военных училищах. Но революция 1979 года в Иране подорвала эту схему, Иран превратился во враждебное США государство, и с тех пор господство над Ормузским проливом находится в пределах удара недовольной существующим положением силы. Чтобы оценить степень потенциальной угрозы, следует сопоставить силы находящихся здесь государств.

Таблица 12. *Соотношение сил стран Персидского залива.*

Государство	Кувейт	Оман	С. Аравия	Иран	Ирак	ОАЭ
ВНП, млн. долл.	27	14	141	68	8	40
Население, млн.	1,6	2	21,5	65	24	2,3
Вооруж. силы, тыс.	15,3	43,5	105,5	515	382	64,5

Источники: The World in 2000. London,2000, p.88; American Studies International, February 2000, p. 92.

Из приведенных данных следует, что безусловно сильнейшей страной региона является (после поражения Ирака) Иран, который после революции 1979 года из проамериканского щита превратился в державу, склонную пересмотреть соотношение сил в критическом регионе мира, бросая вызов исламскому положению Саудовской Аравии и, прежде всего, вооруженному контролю Соединенных Штатов. Тегеран весьма отчетливо сознает свою силу, постоянно ее укрепляя[189].

На Иран приходятся 9% мировых разведанных запасов нефти и 15% газа[190]. Иран имеет претензии к Катару, он осваивает спорный остров Абу-Муса, ищет нефть на шельфе Персидского залива. Параллельно происходит быстрое и значительное военное усиление Ирана. С 4,7 млрд. долл. в 1997 году иранские военные расходы выросли до 5,8 млрд. долл. (последние известные цифры военных расходов) в 1998 году — рост на 23% за год и утроение военных расходов с 1990 года. В начале XXI века Иран будет осуществлять пятнадцатилетнюю программу перевооружения с особым упором на военно-воздушные силы. Вооруженные силы страны увеличились с 350 тысяч в 1988 году до 545 тысяч в 1999 году (плюс 350 тысяч революционных гвардейцев и резервистов)[191]. Иран ежегодно выделяет 2 млрд. долл. на закупку новейших вооружений, стремясь превратиться в безусловно крупнейшую силу Залива. За последние пятнадцать лет XX века он уже израсходовал примерно 40 миллиардов долларов на закупки оружия. Сделки с Россией предполагают закупку двухсот современных истребителей (МиГ-29, Су-24, Су-22), пятисот танков, трех подводных лодок, патрульных торпедных кораблей.

Не меньшую значимость имеет сотрудничество Ирана с Китаем в области ядерной энергии, в ходе которого китайская сторона поставит 300-мегаваттный реактор. (Иранская ядерная программа началась еще в 1974 году, когда шах решил построить двадцать три атомных реактора. Новое революционное правительство выделило на эти цели 6 млрд. долл.[192].) Иран сотрудничает в этой сфере с Россией, Китаем, Северной Кореей, Пакистаном Аргентиной, Бразилией. Пентагон полагает, что Иран получает усовершенствованные радары, навигационные приборы, высокоскоростные компьютеры, реактивные моторы — технику двойного назначения. Согласно западным источникам, Иран в новом веке вскоре испытает ядерное устройство[193]. Особую значимость иранским закупкам придает приобретение подводных лодок и дальней авиации, грозящей авианосцам — явный прицел на контроль в будущем над Ормузским проливом. Именно здесь может разразиться один из наиболее острых кризисов начала XXI века. Ведь здесь Ирану противостоят США, провозгласившие себя гарантом региона и пролива, предоставляя ядерный зонтик местным режимам.

Стоя на страже Ормуза, США предложили соседним странам (ни одного демократического режима) программу из четырех пунктов: 1) создать общее военное планирование; 2) укрепить военные связи с США; 3) обеспечить американское военное присутствие в регионе; 4) привлечь в регион таких своих союзников, как Британия и Франция[194].

Здесь, на подходе к Ормузу, будет находиться одна из самых болевых точек двадцать первого века. Кризис в Заливе немедленно выплеснется в мировой экономический (нефть) и политический кризис, где арабский мир будет расколот в своем отношении к США.

Наиболее вероятный сценарий глобальной войны. Сценариев немало, но широкую известность получили лишь некоторые из них. Приведем созданный бывшим директором Отдела планирования госдепартамента, известным политологом из Гарварда С. Хантингтоном. Главным источником, наиболле опасной причиной будущего конфликта является, по его мнению, «меняющийся баланс мощи между различными цивилизациями и главными государствами, представляющими различные цивилизации. Если современные тенденции продолжатся, подъем Китая и его растущее самоутверждение окажут колоссальное воздействие на международную ситуацию в двадцать первом веке.

Интересы США и КНР в XXI веке явственно вступят в противоречие. Как может начаться конфликт? Хантингтон предлагает представить себе 2010 год. Американские войска выведены из уже объединившейся Кореи и контингент американских войск в

Японии значительно сокращен. Тайвань и континентальный Китай нашли взаимоприемлемый компромисс, когда *де-факто* независимый Тайвань признал верховенство Пекина и с его помощью принят в Организацию Объединенных Наций по модели Украины и Беларуси советского времени. Конфликт начался после открытия в Южно-Китайском море американской компанией нефтяных месторождений — частично на территории, находящейся под юрисдикцией Китая, частично под вьетнамской юрисдикцией. Ощущая свое новоприобретенное могущество, Китай объявил всю найденную нефть своей собственностью.

Протест Вьетнама привел к столкновению военно-морских судов двух стран. Помнящие об унижении 1979 года, китайцы начали вторжение во Вьетнам с севера. Вьетнам в отчаянии обратился к мировому гегемону. Китайцы предупредили американцев от опрометчивых действий. Происходящее привело в трепет Японию и другие страны региона. Тем не менее Вашингтон серьезно воспринял просьбу Ханоя и заявил, что не может спокойно воспринять завоевание Вьетнама китайцами. США ввели санкции против Китая и ввели военно-морские суда (авианосную группу) в Южно-Китайское море. Китай квалифицировал этот шаг как нарушение китайского суверенитета и нанес удар по американским кораблям. Попытки Генерального секретаря ООН и японского премьер-министра объявить перемирие ни к чему ни привели. Боевые действия начали распространяться на всю Восточную Азию. В панике от возможности быть втянутой в смертоносный конфликт Япония запретила США использовать американские базы на японской территории для нанесения ударов по Китаю. Но США игнорировали это запрещение, и Япония объявила о карантине вокруг американских баз на японской территории. Китайские подводные лодки, действуя с баз на континентальном Китае и с Тайваня, нанесли серьезные удары по Седьмому флоту США. В то же время сухопутные силы Китая прорвались в Ханой и захватили значительную часть Вьетнама.

На этом этапе образовалась пауза: обе великие державы обладали способностью уничтожить друг друга, но борьба грозила взаимоуничтожением. В США начали задавать вопрос, стоит ли рисковать существованием страны ради нескольких островов в неведомом море? Особенно сильным был протест испаноязычной общины страны. Возникло движение «Это не наша война» и желание юго-запада страны избежать участия в боевых действиях, подобно тому как того желала Новая Англия в войне 1812 года. Настроения в пользу начала переговоров начали крепнуть.

Но мир не стоял на месте, и в экстренной ситуации новые процессы пришли в движение. Пользуясь «связанностью» китай-

ских рук, Индия нанесла сокрушающий удар по Пакистану, стремясь полностью парализовать его ядерный потенциал. Общие угрозы оживили союзнические отношения между Китаем, Пакистаном и Ираном. Последний пришел на помощь Пакистану, и индийские войска начали отступать, сдерживая восстания меньшинств за спиной своих войск. Тем временем пример Китая воодушевил антиамериканские силы в мусульманском мире, исламские лидеры в арабских странах и в Турции начали теснить прозападных политических деятелей и заставили свои правительства выступить против Израиля, чему ослабленный Шестой флот США не смог воспрепятствовать.

Китай предложил России заключить пакт о взаимной безопасности, но на Москву усиление Китая в Азии произвело впечатление, противоположное произведенному на Японию — здесь устрашились китайской гегемонии в Азии. Москва начала усиливать свои войска в Сибири и на Дальнем Востоке. Тогда Китай оккупировал Владивосток и долину Амура, после чего начались затяжные бои в Восточной Сибири. В захваченной китайцами Монголии началось антикитайское восстание.

Вставший на сторону Китая мусульманский мир обеспечил снабжение Китая и Японии из Персидского залива через Индонезию нефтью. А Запад оказался чрезвычайно зависимым от нефти из России, Закавказья и Центральной Азии, что обеспечило западные симпатии России. Америка обратилась к Западной Европе с критическим призывом о помощи. Чтобы запугать западноевропейцев, Китай и Иран тайно разместили в Боснии и Алжире ракеты промежуточного радиуса действия, способные нести ядерные боеголовки, и предупредили западноевропейские столицы, что их ждет в случае присоединения к США в данном конфликте. (Тем временем Хорватия и Сербия вторглись в Боснию и поделили ее между собой.)

Итак, США, Западная Европа, Россия и Индия оказались ввергнутыми в глобальный конфликт против Китая, Японии и большинства исламского мира. Обе стороны имели ядерное оружие и полагались на понимание противником того, что его применение самоубийственно. Оставалось рассчитывать на обычные вооруженные силы и в этом отношении Россия была бесценным союзником для Запада в свете ее потенциала — и особенно протяженной общей границы с Китаем, позволявшей Западу начать наступление с западного направления. С целью сохранения российского контроля над центральноазиатской нефтью и газом, сохранения возможности помочь антикитайским повстанцам в Тибете и Синьцзян-Уйгурском национальном округе и приобретения мощного союзника Совет НАТО приветствовал вступление России в

свои ряды. Наметилось движение российско-натовской коалиции через Восточную Сибирь и Великую Китайскую стену на Пекин, Маньчжурию и весь китайский хинтерланд.

Каким бы ни был итог этого великого столкновения, выигравшей стороной будут те цивилизации, которые сумеют удержаться от грандиозных потерь и разрушений. Речь идет об Индии, Латинской Америке, Индонезии. В Америке резко ослабнет влияние обвиняемых всеми белых англосаксов-протестантов. В целом глобальный центр мощи сместится на Юг, где резко усилившаяся Индонезия начала противостоять от Новой Зеландии до Шри Ланки восстанавливающему свои силы Китаю. Конфликт на вторую половину XXI века — противостояние Индии и Китая.

Все может показаться фантастическим в этом сценарии[195], но каждое из отдельно взятых действий фантастическим не является. Для США подобное поведение представлялось бы *абсолютно необходимым* как для глобального гегемона и стража международного порядка: поддержание мировых правовых норм, противостояние агрессии, сохранение свободы морей, сохранение свободы подхода к источникам энергии, предотвращение доминирования в Восточной Азии одной державы. С точки зрения Китая силовое противостояние необходимо в случае с *нетерпимым* поведением в *его* регионе далеко отстоящей державы, самопровозгласившей себя мировым стражем закона и порядка, отрицающей за Китаем права на решение проблем в собственной сфере влияния, самоправно отрицающей за Китаем роль великой державы в мировых делах. По мнению С. Хантингтона, «в наступающей эре избежание межцивилизационных войн требует от центровых государств воздержания от вмешательства во внутренние конфликты других цивилизаций. Эту истину некоторым государствам, особенно Соединенным Штатам, будет трудно воспринять. Но только это *правило отстояния* от конфликтов в других цивилизациях будет первым правилом сохранения мира в многоцивилизационном, многополярном мире. Вторым правилом явится *совместное рассмотрение* между центровыми государствами разных цивилизаций спорных вопросов на границах между ними... Признание этих правил и в целом мира, характерного большим равенством между цивилизациями, не будет простым делом для Запада»[196].

Мировой конфликт в 2006 году. В отличие от С. Хантингтона британский футуролог С. Пирсон не придает столь исключительного значения солидарности цивилизаций. В его апокалиптической четырехсотстраничной проекции «Тотальная война в 2006 году»[197] процесс зарождения мирового конфликта начинается с

усиления расовых противоречий в Западной Европе, прежде всего во Франции. Формирующийся антиарабский фронт вызывает противодействие всего мусульманского населения страны, внимательно следящего за сопротивлением военных и секуляристов Алжира волне исламизации страны. По просьбе алжирского правительства Франция направляет в Алжир свой воинский контингент, чтобы прекратить массовое насилие в отношении французов.

В это время — в конце 2002 года — Соединенные Штаты решили нанести превентивный удар по Северной Корее, чтобы расстроить процесс создания ею ракетного оружия, способного достичь территории США. Удар, нанесенный «Томагавками» и бомбардировщиками Б-2 причинил ракетно-ядерной программе КНДР огромный ущерб. В ответ двухмиллионная северокорейская армия начала наступление на Южную Корею. С американской занятостью в Корее, а западноевропейской — в Израиле и на Балканах военное правительство Турции посчитало момент подходящим для превентивного уничтожения купленных у России южнокиприотских ракет С-300.

Россия наблюдала прежде всего за движущимся на Восток НАТО. К 2003 году в этот блок были уже приняты Финляндия, Румыния, Словения и Литва. Ожесточение в Москве было чрезвычайным, Россия ощущала себя обманутой и оскорбленной. Но что еще более ожесточало Москву, так это усилия НАТО по вовлечению в свои ряды Украины.

2003 год принес кризис китайской экономики. Прежний столь внушительный ее рост основывался не на переходе о национальной экономики к рынку и внешних инвестициях, а на интенсивной эксплуатации огромной массы городских рабочих, которые не имели сбережений и ничего не инвестировали в экономический рост. Делом одного времени было истощение государственных банков — и это случилось 7 января 2003 года. Западный капитал отреагировал тем, что в считанные часы вывел из страны 25 млрд. долларов. Крах вызвал крайнее недовольство китайских военных. Новый китайский лидер Ден Ксион пообещал удовлетворить их требования возврата к порядку (и привилегиям). Во внешней политике КНР появилась новая нота: Китай потребовал от США уважать права КНДР на существование. Вокруг реки Ялу во второй раз в новейшей истории начали концентрироваться китайские войска. Пекин пришел к выводу, что в сложившейся ситуации США не осмелятся всеми средствами защищать Тайвань; Пекин приступил к блокаде острова. По силам вторжения был нанесен сокрушительный удар, и Китай, потрясенный ударом, начал отводить уцелевшие корабли и самолеты.

Озлобление Китая начало достигать предела, когда 1 января 2004 года Тайвань был признан американцами как независимое государство. «Это был поворотный пункт в мировой политике. Он подтвердил то, о чем мир прежде лишь догадывался и что было хорошо известно американцам. Соединенные Штаты, справедливо или нет, сами назначили себя мировым полицейским; стало ясно, что Америка будет действовать так, как посчитает необходимым в своих собственных интересах — не считаясь ни с кем, включая союзников. Более того. американские военные считали себя непобедимыми... К 2003 году несколько программ в области создания баллистических ракет достигли таких успехов, что США сочли себя достаточно сильными для нанесения односторонних собственных ударов»[198].

Не менее озлобленная Россия снабжает Сербию противоракетными комплексами С-300, и Белград, потерявший Косово, начинает войну реванша, избегая поражения российских и французских частей на Балканах. Тогда НАТО начала наступление на Белград со стороны Венгрии и быстро добилась успеха. В России установилась «военная демократия», новый режим нуждался в силовом самоутверждении. Отношения с Западом ухудшились очень быстро. К 2005 году Россия стала и изоляционистской и глубоко уязвленной в отношении политики Запада. История и культура в конечном счете бросили Украину в союз с Белоруссией, Казахстаном и Россией. «Даже без референдума украинское правительство большинством в 80 процентов подтвердило просьбу о вступлении в Великую Российскую Федерацию». Не видя иных союзников, новая Россия к 2006 году связала свою судьбу с исламским миром.

В 2005 году Германия пришла к заключению, что с нее достаточно шестидесяти лет самобичевания и унижений — она устремилась к положению, соответствующему германской экономической мощи. В целом Западная Европа раздиралась противоречиями: повсюду к власти приходили коалиции правых сил, стало господствовать разочарование Брюсселем и интеграционными усилиями в целом. Германия желала быть в кругу сильнейших — США и Великобритании.

В середине 2005 года Соединенные Штаты потребовали от своих союзников по НАТО «небольшого уточнения» параграфа пятого Вашингтонского договора 1949 года: вместо «нападение на одного означает нападение на всех» — «ущемление интересов наций НАТО повсюду в мире считается нападением на всех»[199].

А в это время российские геологи предсказали наличие в Центральной Латвии и Южной Эстонии (Прибалтика была нестабильна) огромных запасов нефти.

Между тем исламский мир получил выдающегося лидера, знакомого с западной наукой и убежденного врага Запада. На всемирной исламской конференции 2005 года он использовал возмущение исламского мира глобализацией функций НАТО на фоне антиисламской ксенофобии западноевропейских стран и резким самоутверждением США. Имея западный опыт, он стремится найти уязвимое место Запада. И находит его: если Запад будет использовать против ожесточившегося в отношении Израиля арабского мира прежде всего военно-воздушные силы, то *авианосцы и воздушные средства дозаправки* приобретут критическую важность. Именно против этих сил созданный в процессе противоборства Исламский союз направил свои силы.

В ходе битвы на Синайском полуострове в августе 2006 года Запад был обескуражен тем, что Израиль начал войну без предупреждения. Бомбардировки Триполи и Каира, где погибло множество гражданских лиц, восстановили мировое общественное мнение против израильтян. Повсюду в Западной Европе представители исламской диаспоры вышли на улицы. Россия начала секретные поставки Исламскому союзу комплексов С-300, уничтожающих все летающее в радиусе 400 с лишним километров. А лидер мусульман Саладин напомнил Западу, что «Исламский союз имеет и волю и средства мщения». Западные спутники зафиксировали в Сирии, Иране и Ираке места испытания химического оружия. Лидер Исламского союза Саладин отправил во все концы мира машины, груженные взрывчаткой. Главное: секретные силы Саладина устремились к самолетам дозаправки.

В ответ США и НАТО начали готовить операцию «Западный Щит». Четыре авианосца Тихоокеанского флота США устремились к Персидскому заливу. Запад решил начать эффективную операцию, способную очень существенно подорвать мощь Исламского союза. Но для этого требовалось значительное время. Стратегическая воздушная кампания была теперь намечена на 27 июля 2006 года. Основу воздушной армады составляли бомбардировщики Б-2 (из Гуама, Азорских островов и Британии), Б-117 (из Турции, Италии, Греции, Испании и Бахрейна), Б-52 (из США, Британии и Диего-Гарсии). Космические челноки «Дискавери» и «Колумбия» постоянно следили за происходящим, ставя в известность Белый дом и Пентагон.

Но в быстрой атаке исламисты одним ударом уничтожили шесть самолетов-танкеров «Аэробус», два «Тристара», два «Геркулеса» и один американский С-17. Системы дозаправки западных ВВС в воздухе понесли огромный урон. Несколько самолетов дозаправки было уничтожено в Авиано (Италия) и Инджерлике (Турция). Самым успешным был рейд исламистов про-

тив базы в Истре близ Марселя и на британских базах ВВС. Но всех превзошла атака на военно-воздушную базу в Линкольне, штат Небраска. После этого удара не менее половины систем дозаправки Запада были уничтожены на земле.

И здесь на сцену по мановению британского автора сценария Апокалипсиса выходят вооруженные силы России. Российские подводные лодки бесшумно подошли к базе американских ВМС в Сан-Диего и нанесли удар, уничтоживший Тихоокеанский флот США. Погибли четыре гигантских американских авианосца, способных осуществить проекцию американской мощи на Ближнем Востоке и в Европе.

Оказалось, что США и НАТО мало что могут сделать против России. НАТО могла объявить войну России, но неясным было, что это дает Западу. А российские подводные лодки нанесли серьезный ущерб авианосцам, сконцентрировавшимся в Средиземноморье — «Дуайт Эйзенхауэр» и «Эбрахам Линколн» получили повреждения. Эффективность военной машины Запада оказалась подорванной. Оказалось, что Запад, сверхпоглощенный электроникой, забыл об уязвимости средств воздушной доставки. Теперь Запад мог обратиться лишь к тотальной войне — все остальное не давало ему шансов на победный исход конфликта. 29 августа 2006 года Запад начал массированные действия против Исламского союза. Первой его задачей было овладение полным контролем над Средиземноморьем. Более подготовленный ныне Исламский союз уничтожил 106 реактивных самолетов НАТО и 22 израильских самолета.

В ночь на 31 августа Израиль подвергся самому суровому ракетному обстрелу в своей истории. 250 ракет средней дальности нанесли удар против городов, военно-воздушных баз и армейских депо. Нападающие явно применили бактериологическое оружие — об этом говорил характер жертв в израильских госпиталях. А затем фундаменталисты нанесли по Израилю ядерный удар. Израиль неизбежно обратился к своему собственному ядерному оружию. Ракета «Иерихон-2» была направлена против исламских городов, но еще более мощная ракета «Иерихон-3» имела стратегические параметры. Находясь под угрозой национального исчезновения, Израиль прибег к своему последнему средству спасения — расположенным в пустыне Негев ракетам с ядерными боеголовками. Огромный ядерный гриб поднялся над Тегераном, Багдадом и Меккой.

И здесь впервые президент США, говоря об израильтянах, сказал «они», а не «мы». Руководство Соединенных Штатов решило остановить движение к планетарной катастрофе ударом по израильским стратегическим ракетам. Для осуществления этой

операции были использованы пятнадцатиметровые стратегические ракеты морского базирования Д-5 (475 килотонн), запущенные с подводной лодки «Вайоминг» класса «Трайдент», находящейся в Атлантическом океане близ берегов Испании. Через несколько минут после запуска ядерный потенциал Израиля прекратил свое существование. В результате ядерного заражения от атомных боеголовок и детонировавших ракет погибло не менее двухсот миллионов человек в Израиле и окружающих государствах. В результате военных действий смертельный удар был нанесен также населению Ливии, Египта, Иордании, Сирии, Ирака, Ирана и Саудовской Аравии.

Российская империя вступила в НАТО в 2007 году в качестве полноправного члена блока. В Китае победила демократия, и христианство получило новый шанс. США, Европа и Япония договорились о создании противоракетного щита над собой. «Но если Россия не создаст экономику, производящую не мечи, а орала, кажется неизбежным, что следующее поколение увидит новую глобальную войну, как только память о 2006 годе потускнеет»[200].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная футурология постепенно избавляется от синдрома «конца истории», от триумфализма, имевшего место после окончания холодной войны. Теоретики обнаруживают между собой взаимопонимание относительно кризисности грядущего развития, сложности восприятия этой кризисности после десятилетий относительно предсказуемого существования. Словами американского политолога Т. Франка: «В начале третьего тысячелетия придет ощущение всеобщего кризиса идентичности. Наша психика и наше материальное благосостояние будут осложнены фрагментаризацией сознания и усложнением процесса нашей новой самоидентификации»[201].

Различные страны и различные слои населения испытывают тревогу по разным соображениям. Представители деловых кругов и средств массовой информации указывают в качестве главной угрозы мировой стабильности на *национализм и этнические конфликты*. Ответственные за безопасность опасаются распространения *средств массового поражения*. Религиозные лидеры более всего обеспокоены *нарушением гражданских прав, потоками наркотиков, криминализацией;* ученые и инженерная среда более всего опасаются последствий неконтролируемого *демографического роста*[202].

Взятое по отдельности каждое из этих явлений не может вызвать системного кризиса. Но синхронное общее их обострение грозит подрывом базовых основ.

Нуждается ли мир ради планомерного развития и самоутверждения в наличии доминирующей державы? Сторонники статус кво, аналитики сверхдержавной мощи дают положительный ответ, правящий политический класс готов бороться за сохранение своего привилегированного положения. «Лидирующая держава выступает за международную стабильность, за сохранение системы, которая позволяет ей пользоваться большим влиянием и благосостоянием»[203]. Однако основная масса интерпретаторов международных отношений едва ли готовы дать положительный ответ. *Однополярности,* тем более посягательствам на *гегемонию,* будут противостоять мощные силы. Но и лидер (в данном случае США) не готов сдавать своих позиций с философским спокойствием. Процесс перехода к *многополярности,* неизбежные потери позиций державой-гегемоном не сулят спокойных времен. «Американское могущество,— пишет вице-президент Брукингского института (Вашингтон) Р. Хаас,— сколь оно ни велико, ограничено временем и обстоятельствами. Мощь страны небезгранична в плане ресурсов (деньги, время, политический капитал), что может ослабить внутреннюю поддержку глобальной американской империи»[204].

Итак, впереди вовсе не обязательно безграничный прогресс, а уже проявляющий себя терроризм, вооруженный высокотехнологичными средствами, периодические коллапсы отдельных экономик, замешанная на разочаровании и экстремизме воинственность. Оптимисты, подобные американскому политологу Ф. Фукуяме, верящему во всеисцеляющие свойства либеральной демократии, на этом фоне смотрятся неубедительным меньшинством.

Главной проблемой будет разочарование догоняющих Запад стран, со временем погружающихся в сомнение относительно мудрости быстрого изменения своих социополитических и экономических оснований (не дающих быстрой отдачи), и в то же время растущее ожесточение страдающих элементов общества, готовых ответить на силовую рекультуризацию вспышками насилия. Наступит время и для «столкновения цивилизаций», и для бунта бедных против богатых, и для силового передела истощающихся ресурсов Земли[205]. Если Запад будет настаивать на том, что успешное его развитие — попросту «результат уникальной культуры»[206],— то подобный вывод для огромного развивающегося мира

может действительно оказаться не только «плохой историей, но и опасной интерпретацией»[207], ведущей, в конечном счете, даже полных надежд имитаторов западного пути развития к трагическому выводу, что уникальный западный пример повторен быть не может *принципиально*. Тогда в повестку дня встанет вопрос о вызове глобальному доминированию менее обласканных историей регионов. Такой вывод делают, заметим, сами западные футурологи[208].

* * *

Осевой линией развития мирового сообщества в XXI веке будет — как и в предшествующие пятьсот лет — противостояние и сотрудничество безусловного лидера — Запада и стремящегося настичь его экономические, научные, силовые показатели остального мира. При продолжении действия современных тенденций Западу еще как минимум на несколько десятилетий почти гарантировано положение мирового авангарда. Он будет оставаться мировой научной лабораторией, планетарным университетом, источником гуманитарных и технических знаний, центром производства высокосложного оборудования и требующих специальных знаний услуг, мировым инвестором, средоточием военной мощи.

При этом в механическом смысле Запад уступит первенство: из Северной Атлантики центр современной (второй в истории человечества) технологической революции переместится к антиподам, прежде всего в Восточную Азию. Конвейерное и «дымное» производство уйдут из ареала Запада. Еще более важным показателем явится то, что практически впервые за последнее полтысячелетие наука станет подлинно интернациональной, университеты, лаборатории и испытательные полигоны незападных стран войдут в единую сферу взаимообмена с Силиконовыми долинами, Гарвардами и Оксфордами Запада.

Глобализация даст огромные возможности изощренному производству Запада, она же предоставит шанс молодому и трудолюбивому населению Востока. Квалифицированные рабочие Соединенных Штатов вышли в 1999 году на улицы Сиэтла, чтобы выразить свое негодование превратностями глобализации. А в конгрессе законодатели впервые начали гордиться тем, что не имеют заграничных паспортов — пока это еще самое мягкое проявление ксенофобии. В то же время огромные регионы (скажем, вся Африка) превратятся в жертву глобализации. У остальных задача использования революции в информатике и управлении будет зависеть от готовности и действенности национальных элит.

* * *

Две силы способны бросить Америке вызов в близлежащие десятилетия. Европейский союз, основная часть которого приняла общую валюту, в случае качественного интеграционного скачка грозит объединить силы, сопоставимые с американскими. Интересы материального развития, овладения рынками и источниками сырья — материальные мотивы, а не надуманные персонифицированные раздражители, способны противопоставить ЕС Соединенным Штатам. Если Брюссель сумеет подняться над отдельными столицами, если Старый континент обретет общую политику и единые вооруженные силы, то Североатлантический союз потеряет объединительную функцию, а два региона, на каждый из которых приходится треть мирового валового продукта, встанут не плечом к плечу, а лицом к лицу, завися от внутренней конъюнктуры, требующей защиты собственных интересов.

В Восточной Азии, на виду у столь неожиданно остановившейся Японии, упорно поднимается китайский гигант. Если Америка не согласится на региональное главенство страны, которая несколько тысячелетий доминировала в своем регионе (и лишилась этого доминирования только на последние полтораста лет), то произойдет антикитайская мобилизация Америки. Слов нет, силы еще несопоставимы, но безудержный китайский рост оставит Вашингтону надежду только в случае децентрализации Китая. Сохранив же единство, крупнейшая страна Азии на протяжении двух десятилетий обойдет даже несравненный ВНП США. Перемещение центра материального могущества быстро меняет структуру мира — посмотрите на имперскую судьбу Британии.

Три обстоятельства с огромной силой наложатся на реструктуризацию силовых основ мирового сообщества. *Первое* — демографические процессы, которые еще более сместят мировой баланс к Востоку, изменят лицо Америки, скажутся на стареющих Европе и Японии. В 2000 году впервые число пользователей Интернета, *не знающих английского языка,* превысило число англофонов. Новый миллиард людей в зоне конфуцианского мира, еще миллиард в мусульманском ареале, полумиллиардный рост в индуистском мире изменят мир ближайших десятилетий, полтысячелетия бывший европоцетричным.

Второе важнейшее обстоятельство — растущая пропасть между богатым миллиардом и страждущим остальным миром. Если трое богатейших людей Земли имеют богатства, превышающие таковые у 47 наиболее бедных стран, если 475 богатейших людей мира контролируют богатства, превышающие достояние половины человечества, то социальный взрыв недалек. И едва ли помогут ядерное оружие и снимающие всю мировую информацию спутники. Полутора миллиардам голодающих сегодня людей попросту

нечего терять, а информационная революция открывает им глаза на бесперспективность их существования. Новые социальные теории — или нисхождение к цивилизационным первоосновам даст обиженной части планеты объединяющее начало, и всадники Апокалипсиса снова появятся на горизонте.

Третье роковое обстоятельство — упадок национально-государственных структур вследствие нового всевластия транснациональных монополий, не знающих границ информационных потоков, стремительного перемещения не зависящих от столиц капиталов, смещение центров принятия решений, подъема неправительственных организаций(прежде всего энвайронменталистских) приведет мир к окончанию более чем трехсотлетней т.н. Вестфальской эпохи господства суверенных государств. Дисциплинирующая роль государства и его институтов будут дискредитированы, а вместе с этим и дисциплина национального самосознания. Возможно, глобалисты ликуют зря. Кто сможет сдержать нарастающий хаос, то первозданное состояние, когда старые лояльности рухнули, а новым еще предстоит определиться?

Под тяжестью помолодевшего голодного мира, лишенного государственных тормозов и — в свете информационной распахнутости мира — не имеющего спасительных иллюзий, привычная пирамидальная картина мира, на вершине которой так уверенно разместились Соединенные Штаты, довольно быстро станет анахронизмом. Трудно представить себе самоуспокоенность тех, кто верит в то, что мировые конфликты можно будет решить операциями типа «Бури в пустыне» и бомбардировками Югославии. На наших глазах бедный мир (в лице Индии и Пакистана) обрел ядерное оружие, к средствам массового поражения и орудиям его доставки упорно стремятся несколько десятков стран. Удивительно не то, что они его обретут, а то, как надолго развитому миру удастся замедлить этот процесс. Но, увы, не остановить. И тогда сверкающее будущее может покрыться ядерным пеплом.

Какой мир дает максимальные возможности развития для обращенных к модернизации стран: гегемония, биполярный мир, многополярный мир, разделенное между семью цивилизациями мировое сообщество? В книге, которую вы держите в руках, не даются однозначные ответы. Автор постарался не упустить основное из того, над чем думают футурологи наших дней. Его интересовали две вещи: тенденции стремительно разворачивающейся мировой констелляции сил и основные точки зрения на наше безусловно бурное планетарное будущее.

Не скрою, хотелось бы более оптимистически взглянуть на будущее нашей страны, но мы сами лишили себя многих рычагов воздействия на мировой процесс. Впрочем, не всех. Пока осна-

щенное знаниями, повзрослевшее, лишившееся праздных иллюзий население России видит себя творцом своей истории, а не утлым челном на волнах глобализации, пока сила и воля не покинули нас после всех испытаний двадцатого века, пока лжепророки не лишили трезвых и трудолюбивых спасительного патриотического чувства, будущее, надеемся, еще будет в наших руках.

А стремительно меняющийся мир не может не предложить новых — и фантастических возможностей. Если в считанные годы Индия стала мировым поставщиком квалифицированных программистов, если списанный со счетов истории Китай так убедительно движется к мировым вершинам, если наука и трудолюбие являются главными предпосылками фантастических изменений в мире, то дорога к подъему не закрыта. *Организация* (а не отсутствие таланта и жертвенности) была слабым местом нашей страны на протяжении всей ее тысячелетней истории, с этого слабого места и следует начинать. Незримым оружием процветающих народов был и является патриотизм — повсюду — от Соединенных Штатов до Китая. По этому показателю наша страна еще никогда не уступала. И если, поддавшись лжепророкам, она это сделает в годы мирового научно-технического ускорения — отдавшись на волю глобализационным фантазиям, положившись на «невидимую руку» рынка, словно иррациональное (очередные «законы» истории) может быть сильнее организующей силы человеческого разума — тогда мы заслужили свою незавидную участь.

* * *

История никогда не повторяется буквально, и наши возможности предвидеть будущее ограничены. В 1895 г. британское Королевское общество сделало «окончательный вывод» о принципиальной невозможности аппаратов тяжелее воздуха подниматься в небо. Спустя столетие, находясь в мире управляемых космических кораблей и сверхзвуковой авиации, мы имеем не меньший потенциал для ошибочных суждений. Но мы определенно сделаем крупные ошибки, если откажемся размышлять о будущем вообще, перестанем следить за ходом мысли соседей. Мир XXI века, на пороге которого мы стоим, таит в себе много неведомого, не думать о котором означает стать жертвой разворачивающихся событий.

ИСТОЧНИКИ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

[1] «International Studies Review», Summer 1999, p. 91.
[2] Ibid., p. 95.
[3] Binnendijk H. Back to Bipolarity? («The Washington Quarterly», Autumn 1999, p. 12).
[4] Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 49).
[5] Taylor P. Embedded Statism and the Social Sciences: Opening Up to New Spaces («Environment and Planning», 1996, N 28, p. 1925).
[6] Waltz K. Evaluating Theories («American Political Science Review», December 1997, p. 915-916).
[7] Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p.138).
[8] Thurow L. Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. N.Y., 1992.
[9] Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p.111).
[10] «The National Interest», Spring 1999, p. 22.
[11] Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 15).
[12] «Economist», July 31, 1999 (Road to 2050).
[13] Waltz K. The Emerging Structure of International Politics («International Security», 1993, N 18, p.50)
[14] Huntington S. The Lonely Superpower («Foreign Affairs», March-April 1999.
[15] Zoellik R. A Republican Foreign Policy («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 66).
[16] Benamou G.-M. Le Dernier Mitterand. Paris, 1998, p. 314.
[17] «The National Interest», Summer 2000, p. 36.
[18] «Foreign Affairs», July/August 2000, p. 107.
[19] Meunier S. The French Exception («Foreign Affairs», July/August 2000, p. 106).
[20] House jf Commons. Session 1998-99. Report: The Future of NATO: The Washington Summit. London, 1999, p.XXXI.
[21] Heisbourg F. Europe's Strategic Ambitions: The Limits of Ambiguity («Survival», Summer 2000, p.11-12).
[22] «London Review of Books», December 10, 1998.
[23] Trevor-Roper H. Prime Minister Without a Past («The Spectator», December 19/26 1998.
[24] «Survival», Summer 2000, p. 13.

[25] («World Policy Journal», Winter 1998/99, p. 2).
[26] Newhouse J. Op.cit., p. 9.
[27] Ibid., p. 4.
[28] Newhouse J. Europe Adrift. N.Y., 1997, p. 8.
[29] Newhouse J. Europe Adrift. N.Y., 1997, p. 19.
[30] «The National Interest», Summer 2000, p. 36.
[31] «New York Times», February 15, 1999.
[32] Newhouse J. Op.cit, p. 156.
[33] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 78).
[34] «Foreign Affairs», July/August 2000, p. 52.
[35] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 108.
[36] Helweg D. Japan: A Rising Sun? («Foreign Affairs», July/August 2000, p. 38-39).
[37] McRae H. Op. cit., p. 75.
[38] «The Economist», January 1997, p. 67.
[39] «The National Interest», Summer 2000, p. 38.
[40] Rapkin D. Japan and World Leadership (In: Rapkin D. -ed. World Leadership and Hegemony. Boulder: Lynne Rienner, 1990, p. 199).
[41] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 58.
[42] Mochizuki M. and O'Hanlon M. A Liberal Vision for the US-Japanese Alliance («Survival», 1998, N 2, p. 129-130).
[43] Cuthbertson I. Chasing the Chimera. Securing the Peace («World Policy Journal», Summer 1999, p. 79).
[44] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 80).
[45] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 80).
[46] Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999, с. 187.
[47] «The Economist», February 8, 1998, p. 74.
[48] Fredman L. Foreigners Lament: We are Going Nowhere («Nikkei Weekly», April 4, 1994, p. 16).
[49] Ibidem.
[50] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 81).
[51] Blank S. Russia as Rogue Proliferator («Orbis», Winter 2000, p. 99).
[52] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 83).
[53] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 86).
[54] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 82).
[55] Kurth J. The American Way of Victory. A Twentieth-Century Trilogy («The National Interest», Summer 2000, p. 12).
[56] Menon R., Wimbush E. Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well («The National Interest», Spring 2000, p. 78).
[57] Rieff D. A Second American Century? The Paradoxes of Power («World Policy Journal», Winter 1999/2000, p. 7).
[58] Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 11).

[59] Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 25).
[60] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p. 57).
[61] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 108.
[62] Zoellik R. A Republican Foreign Policy («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 67).
[63] Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 14-15).
[64] McFaul M. Russia's Summer of Discontent («Current History», October 1998, p.311).
[65] Kurth J. NATO Expansion and the Idea of the West («Orbis», Fall 1997, p.561).
[66] Kurth J. Op. cit., p. 563.
[67] McFaul M. Russia's Summer of Discontent («Current History», October 1998, p. 311).
[68] Yergin D., Gustafson Th. Russia 2010 and What It Means for the World. N.Y., 1995, p.256.
[69] McFaul M. Russia's Summer of Discontent («Current History», October 1998, p. 311).
[70] Haslam J. Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed? («International Affairs», N 1, 1998, p. 122.
[71] Billington J. The West's Stake in Russia's Future («Orbis», Fall 1997, p. 546).
[72] Billington. Op. cit., p. 545.
[73] McFaul M. Op. cit., p.312.
[74] Kupchan Ch. After Pax Americana. Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity («International Security», Fall 1998, p. 76).
[75] Petro N., Rubinstein A. Russian Foreign Policy: From Empire to Nation-State. N.Y., 1997, p.188.
[76] Petro N., Rubinstein A. Op. cit., p. 123.
[77] Bilinsky Y. Russian Foreign Policy in Search of a Nation.(«Orbis», Fall 1997, p. 648).
[78] Goodby J. Europe Undivided: The New Logic of Peace in U.S.-Russian Relations. Washington, 1998.
[79] Kupchan Ch. Op. cit., p. 76-77.
[80] Hill E., Kennedy P. Pivotal States and U.S. Grand Strategy. («Foreign Affairs», January-February 1996, p.33-51).
[81] Dobrynin A. In Confidence. N.Y., 1995, p. 635.
[82] Blank S. Drift and Mastery. («European Security», Autumn 1997, p.2).
[83] «Financial Times», September 19, 1997.
[84] Haslam J. Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed? («International Affairs», N 1, 1998, p. 129.
[85] Talbott S. The Battle for Russia's future («Wall Street Journal», September 29, 1997).
[86] Haslam J. Op. cit., p. 130.
[87] Zakaria Fareed. The Challenges of American Hegemony («International Journal», Winter 1998-9, p. 15-16).
[88] Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 59).
[89] «Foreign Affairs», March/April 2000, p. 86.
[90] «Economist», July 31, 1999 (The Road to 2050).
[91] Kupchan Ch. Rethinking Europe («National Interest», Summer 1999, p. 73).
[92] Kupchan Ch. Life after Pax Americana («World Policy Journal», Fall 1999, p. 25).

[93] Calleo D. The United States and the Great Powers («World Policy Journal», Fall 1999, p. 14).
[94] Kupchan Ch. Rethinking Europe («National Interest», Summer 1999, p. 74).
[95] Goodby J. Europe Undivided. Washington, U.S. Institute of Peace, 1998.
[96] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 243.
[97] Bell C. American Ascendancy. And the Pretense of Concert («The National Interest», Fall 1999, p.60
[98] Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 58).
[99] Kagan R. and Kristol W. The Present Danger («The National Interest», Spring 2000, p. 67).
[100] «Economist», July 31, 1999 (The Road to 2050).
[101] Jervis R. The Future of World Politics (In: Lynn-Jones S. and Miller S. (eds) America's Strategy in a Changing World. Cambridge, 1993, p. 26)
[102] Rielly J. (ed). American Public Opinion and U.S. Foreign Policy, 1995, Chicago: Council on Foreign Relations, 1995, p. 21.
[103] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 229.
[104] Schwenninger S. American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 58).
[105] Schwenninger S. American Foreign Policy in the Post-Cold War World («World Policy Journal», Summer 1999, p. 58).
[106] «World Policy Journal», Summer 1999, p. 58.
[107] Ibid., p. 59.
[108] Ibidem.
[109] Lieven A. The (Not So) Great Game («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 69, 74).
[110] Lieven A. The (Not So) Great Game («The National Interest», Winter 1999/2000, p. 79).
[111] Blank S. Russia as a Rogue Proliferator («Orbis», Winter 2000, p. 105).
[112] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 107.
[113] Blank S. Russia as a Rogue Proliferator («Orbis», Winter 2000, p. 105).
[114] Brzezinski Zb. A Geostrategy for Eurasia («Foreign Affairs», Sept.-Oct. 1997, p. 50-51.
[115] Menon R. The Strategic Convergence Between Russia and Chins («Survival», Summer 1997, p. 104).
[116] US Department of State Dispatch. November 22, 1993, pp. 797-9.
[117] Mondelbaum V. Westernizing Russia and China («Foreign Affairs», May-June 1997, p. 80).
[118] Blacker C. Russia and the West (In: Mandelbaum M. (ed.) The New Russian Foreign Policy. N.Y., 1998, p. 181).
[119] Kurth J. The Adolescent Empire. America and the Imperial Idea. («National Interest». Summer 1997, p. 14).
[120] Directory of Trade Statistics Yearbook. Washington, International Monetary Fund, 1997, p.380-381.
[121] Blacker C. Russia and the West (In: Mandelbaum M. (ed.) The New Russian Foreign Policy. N.Y., 1998, p. 190).
[122] Ibid., p. 192
[123] Mandelbaum M. Westernizing Russia and Chins («Foreign Affairs», May-June 1997, p.
[124] Mandelbaum M. Westernizing Russia and China («Foreign Affairs», May-June 1997, p. 87).

[125] Garnett Sh. Russia's Illusory Ambitions («Foreign Affairs», March-April 1997, p. 67).
[126] Brzezinski Zb. A Geostrategy for Eurasia («Foreign Affairs», Sept.-Oct. 1997, p. 52).
[127] Mandelbaum M. Preserving the New Peace. The Case Against NATO Expansion. («Foreign Affairs», May-June 1995, p. 10).
[128] Aslund A. Eurasia Letter: Ukraine's Turnaround («Foreign Policy», Fall, 1996, p. 133).
[129] «National Interest», Summer 1997, p. 45.
[130] «National Interest», Summer 1997, p. 43.
[131] Pipes R. Is Russia Still an Enemy? («Foreign Affairs», Sept.-Oct. 1997, p. 73).
[132] Ibid., p. 73.
[133] Menon R. In the Shadow of the Bear. Security in Post-Soviet Central Asia («International Security», Summer 1995, p. 179).
[134] Keller W., Nolan J. The Arms Trade: Business as Usual? («Foreign Policy», Winter 1997/1998, p. 116).
[135] Ibid., p. 124.
[136] Blacker C. Russia and the West (In: Mandelbaum M. (ed.) The New Russian Foreign Policy. N.Y., 1998, p. 182).
[137] A Geostrategy for Eurasia («Foreign Affairs», Sept.-Oct. 1997, p. 56).
[138] Pipes R. Is Russia Still an Enemy? («Foreign Affairs», Sept.-Oct. 1997, p. 77-78).
[139] Garnett Sh. Russian's Illusory Ambitions («Foreign Affairs», March-April. 1997, p. 76).
[140] Brubaker, R.Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1995, p.107-147.
[141] Hanson S., Kopstein J. The Weimar / Russia Comparison (In: «Post-Soviet Affairs,», 1997, p.252-283).
[142] Lacqueur W. Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia. N.Y., p.294.
[143] Hanson S., Kopstein J. Op. cit., p.264.
[144] Мусихин Г. Россия в веймарском зеркале, или соблазн легкого узнавания («Pro et Contra», лето 1998, с.113).
[145] Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1995, p. 128.
[146] Ливанцева Л. (ред.) Сборник документов по всеобщей истории государства и права. Л., 1977, с.120.
[147] Hanson S., Kopstein J. Op. cit., p.266.
[148] World Bank. From Plan to Market: World Development Report 1996. Oxford, 1996, p.1-2.
[149] «Economist», Decemder 12, 1998, p. 27
[150] Мусихин Г. Цит. пр., с.120.
[151] «The National Interest», Summer 2000, p. 54.
[152] «The National Interest», Summer 2000, p. 54.
[153] Бокль Г. История цивилизации в Англии. СПб., 1906, с. 50-57.
[154] Ruckert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organisher Darstellung. Leipzig, 1857, Bd. I, S. 96.
[155] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991, с.507.
[156] Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993, с. 216-217.
[157] Toynbee A. A Study of History. V.3. London, 1934, p. 380.

[158] Toynbee A. A Study of History. V.1. London, 1934, p. 154-157.
[159] Braudel F. On History. Chicago, 1980, p. XXXIII, 210-211.
[160] Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essayes on the Changing World System. Cambridge, 1992, p. 160, 215.
[161] Stillman E., Pfaff W. The Politics of Histeria. N.Y., 1964, p. 24.
[162] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991, с. 96.
[163] Sir Charles Webster, Frankland N. The Strategic Air Offensive Against Germany, 1939-1945. L., 1962, p. 7.
[164] Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West. Cambridge, 1988, p. 4.
[165] Fukuyama F. The End of History («The National Interest», Summer 1989, p.4).
[166] «World Almanac and Book of Facts» for 1959 and 1994.
[167] Barrett D. World Christian Encyclopedia: A comparative study of Churches and religions in the Modern World A.D. 1900-2000. Oxford, 1982.
[168] Singer M., Wildavsky A. The Real World Order: Zones of Peace, Zones of Turmoil. Chatam, 1993.
[169] Goldgeier J., McFaul M. A Tale of Two Worlds: Core and Periphery in the Post-Cold War Era («International Organization», Spring 1992, p. 467-491).
[170] Waltz K. The Emerging Structure of International Politics («International Security», Fall 1993, p. 44-79).
[171] Brzezinsky Zb. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. N.Y., 1993; Moynihan P. Pandemonium: Ethnicity in International Politics. Oxford, 1993.
[172] Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996, p.76.
[173] UN Population Division. Department of Economic and Social Information and Policy Analysis/ World Population Prospects. N.Y., 1993.
[174] Schlesinger A. The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. N.Y., 1992, p. 66-67.
[175] Braudel F. On History, p. 226.
[176] Braudel F. On History. Chicago, 1980, p. 226.
[177] Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p.134, note).
[178] Bhutto Z. A. If I Am Assassinated. New Delhi: Vikas Publishing House, 1979, p. 137-138.
[179] Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach («International Studies Review». Summer 1999, p.111).
[180] Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. L., 1994.
[181] Wallerstein I. The Capitalist World-Economy: Middle-Run Prospects (In: Wallerstein I., ed. Geopolitics and Geoculture: on the Modern World-System. Cambridge, 1989, p. 123-136).
[182] Goldstein J. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven, 1988.
[183] Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.,1996.
[184] Waltz K. The Emerging Structure of International Politics («International Security», 1993, N18, p. 44-79).

[185] Rice C. Promoting the National Interest («Foreign Affairs», Jan/Feb. 2000, p. 55).
[186] McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. 1994, p. 270.
[187] «Foreign Policy», Spring 1999, p. 112.
[188] Schell J. The Folly of Arms Control («Foreign Affairs», September/October 2000, p. 27).
[189] Shahram Chubin. Iran and Regional Security in the Persian Gulf («Survival», Autumn 1992, p. 62).
[190] «The Middle East Journal», Summer 1998, p. 341.
[191] «American Studies International», February 2000, p. 82.
[192] The Military Balance, 1998/99, p. 117.
[193] The Military Balance, 1998/99, p. 20.
[194] «American Studies International», February 2000, p. 86.
[195] Сценарий взят из: Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York:Simon and Schuster, 1996, p. 313-314.
[196] Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York:Simon and Schuster, 1996, p. 315.
[197] Чтобы опубликовать свое футурологическое эссе С. Пирсон должен был покинуть ряды британской разведки: Pearson S. Total War 2006. London: Hodder and Stoughton, 2000.
[198] Pearson S. Total War 2006. London: Hodder and Stoughton, 2000, p. 73.
[199] Pearson S. Total War 2006. London: Hodder and Stoughton, 2000, p. 121.
[200] Pearson S. Total War 2006. London: Hodder and Stoughton, 2000, p. 410.
[201] Franck Th. Tribe, Nation, World: Self-Identification in the Evolving International System («Ethics and International Affairs», 1997, N 11, p. 151.
[202] America's Place in the World II. Washington: Pew Research Center for the People and the Press, October 1997, p. 17-18, 22.
[203] Kennedy P. Preparing for the Twenty-First Century. N.Y., 1993, p. 293.
[204] Haass R. What to Do With American Primacy («Foreign Affairs», September/October 1999, p. 37).
[205] Denemark R. World System History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations («International Studies Review», Summer 1999, p. 59).
[206] Landes D. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. N.Y., 1998.
[207] McNeill W. How the West Won. («New York Review of Books», April 1998, p. 35-37).
[208] Denemark R. World System History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations («International Studies Review», Summer 1999, p. 58).

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Уткин Анатолий Иванович

МИРОВОЙ ПОРЯДОК XXI ВЕКА

Учредитель серии	Соловьев А.В.
Редактор	Ульяшов П.С.
Художник	Кувшинников И.А.
Набор и верстка	Кувшинников А.А.
Корректор	Крайнова Н.С.
Технический редактор	Шмат К.В.

Издатель: Соловьев А.В. (ИД N 02098)
Россия, 123100, Москва, Студенецкий пер., 3. www. russiannationalfond. ru
(095) 205-63-02, 205-74-42, 205-74-28, e-mail: russlaw@sonnet. Ru
Свидетельство о регистрации ПИ N77- 5048 (выдано МПТР РФ)

000 «Алгоритм-Книга»
123308, Москва, ул. Д. Бедного, д.16.
http: algoritm.inc.ru; e-mail: algoritm-kniga@mail.ru
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 946-3667

Сдано в набор 20.12.00. Подписано в печать 20.01.01.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Quant Antiqua.
Печ. л. 30. Тираж 4000 экз. Заказ № 1101.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ГУП ордена «Знак Почета» Смоленской
областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60, 3-46-20, 3-46-05.

ISBN 5-94191-003-0

Культурно-просветительский
РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД

имеет своей целью

объединение национальной
интеллектуальной элиты,

возрождение русской культуры и духовности,
основанной на принципах Православия,

осмысление и решение проблем
современного политического, идеологического
и духовного положения России

сохранение национальной
самобытности России,
противодействие отрицательным
тенденциям глобализизма

Контактные телефоны : (095) 205-7428, (095) 205-7827

Адрес: 123100 Москва, Студенецкий пер., д.3

